

ИЗВЕСТИЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ).

№ 54.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммисіи Ярс. Ив. Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Типографія Тавр. Губ. Земства.

1918.

9/05
И-33Т

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ.

7991
8546/2

(ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ).

№ 54.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммисіи А. И. Маркевича.

Музей Крымской войны
Панорама
г. Севастополь

Музей Крымской войны
ПАНОРАМА
г. Севастополь

Музей Крымской войны
Панорама
г. Севастополь
1625

Музей Крымской войны
ПАНОРАМА
г. Севастополь

СИМФЕРОПОЛЬ.

Тип. Таврич. Губернск. Земства.

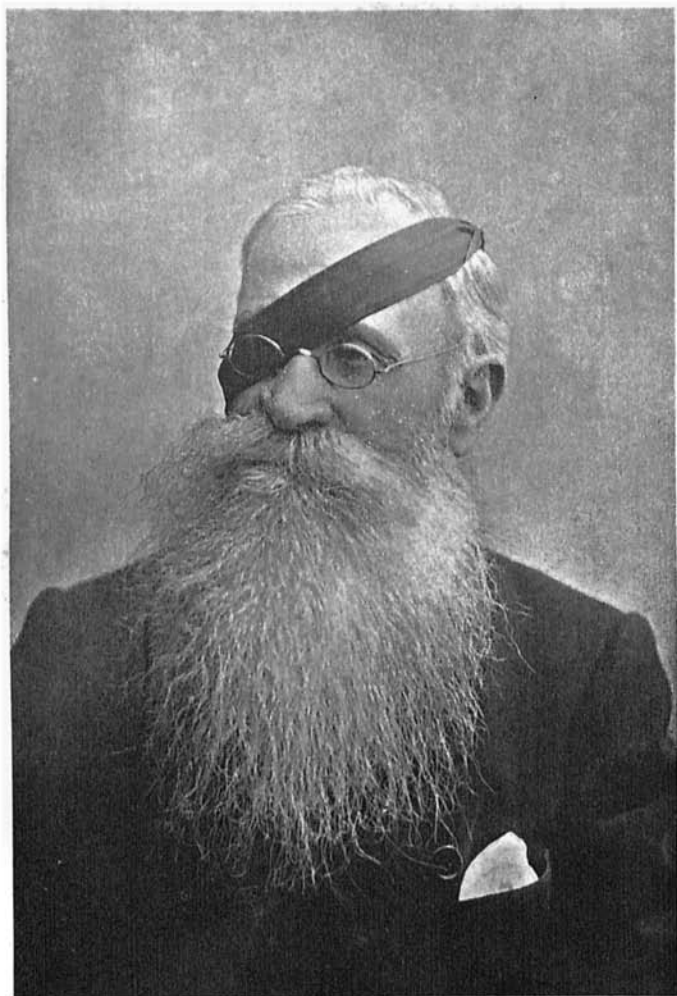
1918.

1918

Печатано по постановленію Таврической Ученой Архивной Коммисіи.
Предсѣдатель А. Маркевичъ.

Александр Иванович

1842 — 1917.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ
БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДУ

НАСТОЯЩІЙ ВЫПУСКЪ СВОИХЪ ИЗВѢСТІЙ

ПОСВЯЩАЕТЪ

ТАВРИЧЕСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОММИССІЯ.

СПИСОКЪ ПЕЧАТНЫХЪ ТРУДОВЪ

А. Л. Бертье-Делагарда.

1. Объемы помѣщеній и вентиляція (Инженерн. Журн. 1875 г. № 5).
2. Лекціи, читанныя на учительскомъ съѣздѣ въ Херсонѣ по вопросамъ строительной техники, соприкасающимся съ педагогіей. Херсонъ, 1875 года.
3. Докладъ о замощеніи г. Севастополя. 1881 г.
4. Рядъ мелкихъ статей въ журналахъ по техникѣ и садоводству.
5. Остатки древнихъ сооружений въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., XIV, 1889 г.
6. Развѣдки о древнемъ скиѣскомъ укрѣпленіи Неаполісѣ. Бла-рамберга. Пер. съ франц. (Изв. Таврич. Уч. Арх. Комм. № 7. 1889 г.).
7. О выборѣ мѣста для санитарнаго среднеучебнаго заведенія въ Крыму (Зап. Крымск. Горн. Клуба, 1891 г., вып. 1).
8. Надпись времени императора Зенона въ связи съ отрывками изъ исторіи Херсонеса. (Зап. Одесск. Общ. Ист. Др., XVI, 1898 г.).
9. Раскопки Херсонеса. 1893 г.
10. Поддѣлки греческихъ древностей на Югѣ Россіи (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., XIX, 1893 г.).
11. Памяти Фанъ-деръ-Флитта. (Зап. Кр. Горн. Кл. 1897, № 3).
12. Указатель статей, помѣщенныхъ въ т. т. I—XX Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. (Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XXI, 1898).
13. Керменчикъ (Крымская глушь). Одесса 1899 г.
14. Объ археологическихъ розысканіяхъ въ Крыму въ теченіе 1898 г. (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. XXII, 1900 г.).
15. Вѣчно зеленныя растенія въ садахъ южнаго берега Крыма (Зап. Кр. Горн. Кл. 1902 г., № 7—8).
16. Примѣчанія къ описанію Чернаго моря Дортелли д'Асколи. (Зап. Одесск. Общ. Ист. Др., XXIV, 1902 г.).
17. Случайная находка древностей (Тамъ же, XXVI, 1906 г.).
18. По поводу послѣднихъ раскопокъ въ Херсонесѣ. (Тамъ же, XXVI, 1916 г.).
19. О Бахчисарайскомъ ханскомъ дворцѣ. (Тамъ же, XXVI, 1906 г.).
20. Нѣсколько новыхъ или малоизвѣстныхъ монетъ Херсонеса. (Тамъ же, XXVI, 1906 г.).

21. Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса (Зап. Нумизм. Отд. Русск. Арх. Общ., I, 1906 г.).
 22. Случайная находка древностей близъ Ялты. (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. XXVII, 1907 г.).
 23. О Херсонесѣ (Изв. Археолог. Комм., № 21, 1907 г.).
 24. Поправки общаго каталога монетъ Бурачкова. Москва 1907 г.
 25. Относительная стоимость монетныхъ металловъ на Боспорѣ и Борисѣенѣ въ половинѣ IV вѣка до Р. Хр. (Нумизм. Сб. I, 1909 г.).
 26. Какъ Владиміръ осаждалъ Корсунь (Изв. Отд. Русск. яз. Акад. Наукъ, XIV, 1909 г.).
 27. Къ исторіи христіанства въ Крыму. Мнимое тысячелѣтіе (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. XXVIII, 1910).
 28. Желательныя особенности построекъ, возводимыхъ на Южномъ берегу Крыма въ мѣстностяхъ, подверженныхъ оползнямъ (Изв. Ялт. Технич. Общ. 1909, вып. 2).
 29. Мелкія статьи въ Изв. Ялт. Технич. Общ., вып. 1 и 2.
 30. Дифференты на боспорскихъ царскихъ монетахъ римскаго времени (Нумизм. Сб., т. I, М. 1911 г.).
 31. О монетахъ властителей Боспора, опредѣляемыхъ монограммами (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. XXIX, 1911).
 32. Матеріалы для вѣсовыхъ изслѣдованій монетныхъ системъ древне-греческихъ городовъ и царей Сарматіи и Тавриды (Нумизм. Сб. II, 1912 г.).
 33. Монетныя новости древнихъ городовъ Тавриды (Записки Од. Общ. Ист. и Древн. XXX, 1912 г.).
 34. Память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ. (Пушкинъ и его современники, XVII—XVIII, 1913 г.).
 35. Цѣнность монетныхъ номиналовъ въ Крымскомъ ханствѣ. (Изв. Таврич. Уч. Арх. Комм. № 51, 1914 г.).
 36. Изслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ средневѣковья въ Тавридѣ (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. XXXII, 1915 г.).
 37. Доклады Ялтинскому уѣздному Земскому Собранію о желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ. Ялта, 1916 г.
-

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТРАН.

I. Татарско-ханскіе ярлыки изъ коллекціи Таврической Ученой Архивной Коммисіи. Проф. <i>В. Д. Смирнова</i>	1
II. Задачи русской нумизматики древнѣйшаго періода. <i>А. В. Орѣшникова</i>	20
III. Новыя христіанскія греческія надписи изъ Крыма. Акад. <i>В. В. Латышева</i>	33
IV. Мѣдь Динаміи и Аспурга. Акад. <i>М. И. Ростовцева</i>	47
V. Археанактиды. <i>В. В. Шкорпила</i>	54
VI. Замѣтка о зольникахъ и джуртахъ. <i>А. А. Браунера</i>	60
VII. ΕΙΣ ΒΟΡΥΣΘΕΝΙ ΕΙΣΠΛΕΙΝ. Проф. <i>С. А. Жебелева</i>	65
VIII. Среди крымскихъ татаръ лѣтомъ 1916 года. Прив.-доц. <i>А. Н. Самойловича</i>	73
IX. Одно изъ культурныхъ начинаній Вольнаго Экономическаго Общества. Прив.-доц. <i>Н. Д. Полонской</i>	81
X. Матеріалы для исторіи Никитскаго Ботаническаго Сада. <i>Е. В. Вульфа</i>	126
XI. Паденіе Каффы. <i>Л. П. Колли</i>	129
XII. Скифо-сарматскіе курганы Крымской степи. Прив.-доц. <i>А. А. Спицына</i>	172
XIII. Лѣтописный разсказъ о крещеніи княгини Ольги въ Царьградѣ. Проф. <i>С. Θ. Платонова</i>	182
XIV. Уроженцы сѣвернаго побережья Чернаго моря въ исторіи древне-греческой мысли. <i>Д. С. Спиридонова</i>	187
XV. Волохи древне-русской лѣтописи. Акад. <i>А. А. Шахматова</i>	234
XVI. Херсонесъ Таврической и раскопки 1917 г. въ Евпаторіи. <i>Л. А. Моисеева</i>	241
XVII. Азисъ (Бахчисарайская легенда). <i>Н. А. Маркса</i>	260
XVIII. Замѣтки о Пушкинѣ. Проф. <i>И. А. Линниченко</i>	265

XIX.	Объ изданіи кадіаскерскаго сакка. Проф. <i>Н. И. Веселовскаго</i> .	276
XX.	Изъ идеологіи крымско-татарской интеллигенціи. Прив.-доц. <i>П. А. Фалева</i>	279
XXI.	Раскопки Херсонесскаго некрополя въ 1897 году. <i>М. И. Скубетова</i>	289
XXII.	Петръ Степановичъ Котляревскій. <i>М. Н. Хруцова</i> . . .	297
XXIII.	Къ сорокалѣтію русско-турецкой войны 1877—78 г. г. <i>В. Д. Геймана</i>	306
XXIV.	Къ исторіи учрежденія Таврическаго Магометанскаго Духовнаго Правленія. <i>И. Ф. Александрова</i>	316
XXV.	Текіе Ени-джамы дервишей—молчальниковъ въ Симферополѣ. <i>И. М. Волошинова</i>	356
XXVI.	Находки предметовъ каменнаго вѣка въ Крыму. <i>Н. Н. Клепинина</i>	360
XXVII.	Находки каменнаго вѣка въ Крыму. <i>С. И. Забнина</i> . . .	362
XXVIII.	Списокъ болѣе рѣдкихъ растений, акклиматизированныхъ на дачѣ А. Л. Бертье-Делагарда въ Ялтѣ. <i>С. А. Мокржецакаго</i>	370
XXIX.	Проектъ учрежденія въ Симферополѣ Медико-хирургическаго училища. <i>А. И. Маркевича</i>	378
XXXI.	О Тмутаракани. Проф. <i>Ө. И. Шмита</i>	389
XXXI.	Крымскій этюдъ <i>А. А. Спендіарова</i> .	

Татарско - ханскіе ярлыки

изъ коллекціи Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Опять приходится заниматься татарскими ханскими грамотами, которыхъ довольно большой запасъ образовался въ шкафахъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. Но только на этотъ разъ, вообще довольно скудное и безцвѣтное, содержаніе старинныхъ памятниковъ татарской письменности является передъ нами съ нѣкоторыми признаками своей научной заманчивости, заключаая въ себѣ данныя, нѣсколько дополняющія то, что было дознано и истолковано предыдущими изслѣдованіями, начиная съ трудовъ покойнаго ориенталиста профессора В. В. Григорьева¹⁾ и вплоть до недавняго переизданія текста ханскихъ ярлыковъ, данныхъ русскому духовенству.²⁾

Хотя татарскіе ханскіе ярлыки столь давно стали предметомъ изученія и истолкованія столь многихъ ученыхъ, все же нельзя сказать, чтобы изъ относящихся къ этому предмету матеріаловъ ничего не осталось такого, что не нуждалось бы въ пересмотрѣ и провѣркѣ, и не только въ отношеніи частныхъ содержанія этихъ ярлыковъ, но даже и относительно общихъ вопросовъ, не выясненныхъ окончательно, которыхъ еще не затрагивали прежніе изслѣдователи, очевидно, считавшіе эти вопросы совершенно ясными и не требующими какихъ-либо разъясненій и обсужденій. Къ такимъ, напримѣръ, вопросамъ, по моему мнѣнію, относится перво-на-перво вопросъ о происхожденіи имени *тарханъ*, откуда получился эпитетъ самыхъ ярлыковъ—*тарханный*: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, приведен-

¹⁾ „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству“, Москва 1842 г., и „Ярлыки Тохтамыша 1382 и Сеадеть - Герая 1523 г.“ въ Запискахъ Императ. Одесск. Общ. исторіи и древностей, Одесса 1849 г.

²⁾ Бенешевичъ, Сборн. памятн. по исторіи церковнаго права. Вып. II, Петроградъ, 1915 г. Приселковъ, ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ. Петроградъ, 1916 г.

ныя у проф. И. Н. Березина, безъ всякой съ его стороны критики и разсужденія, какія-то несуразныя монгольскія легенды о происхожденіи и значеніи имени *тарханъ* принять за несомнѣнныя данныя, которыя бы удовлетворили ученую любознательность въ качествѣ научнаго матеріала или ученой аргументаціи. Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость подвести итогъ тѣмъ фактамъ и сужденіямъ, которыми доселѣ опредѣляется значеніе татарскихъ ханскихъ ярлыковъ, обыкновенно именуемыхъ „*тарханскими*“, не ограничиваясь общепринятымъ, такъ сказать ходячимъ, пониманіемъ этого термина.

Не беря на себя смѣлости достаточнымъ образомъ выполнить эту задачу, я все же считаю позволительнымъ со временемъ предложить вниманію ученыхъ свои собственныя взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ внутренняго содержанія старинныхъ татарскихъ ярлыковъ и словеснаго ихъ характера, в частности, по отношенію къ формѣ и построенію ярлыковъ, данныхъ русскому духовенству ханами Золотой Орды, что и должно составить предметъ особой, имѣющей потомъ увидѣть свѣтъ, статьи. Въ настоящій же разъ я пока ограничусь исключительно переводомъ новой серіи ярлыковъ, числомъ восьми, о которыхъ и считаю нужнымъ высказать нѣкоторыя предварительныя свои наблюденія и соображенія.

Всѣ восемь разсмотрѣнныхъ мною теперь ярлыковъ составляютъ одну серію по своему внѣшнему облику: всѣ они имѣютъ видъ длинныхъ узкихъ полосъ плотной бумаги со старинными водяными знаками, или и безъ оныхъ; всѣ они имѣютъ одну и ту же зачальную форму со словъ *улугъ улуснынкъ онъ колъ въ солъ колнынкъ* и т. д.; на всѣхъ нихъ имѣются старинныя ярлычныя тамги—синяго цвѣта и алаго; на всѣхъ, кромѣ первыхъ четырехъ, у которыхъ недостаетъ верхнихъ краевъ, наподобіе шифра выведенная стереотипная формула, заключающая въ себѣ имя давшаго ярлыкъ хана съ придаткомъ слова *сїюзмъ*—(= „мое слово“, „я говорю“ . . .).

Но за этими общими ихъ свойствами есть еще нѣкоторыя особенности, дающія основаніе къ дальнѣйшему ихъ подразделенію на второстепенныя группы какъ по внѣшнимъ ихъ признакамъ, такъ и по содержанію.

По внѣшности особую группу составляютъ три ярлыка, №№ 1, 2 и 3: они представляютъ совершенное подобіе прочихъ понынѣ извѣстныхъ старинныхъ татарскихъ ярлыковъ: длин-

ные и узкіе по формату, они написаны крупнѣйшими толстыми безъ какихъ-либо каллиграфическихъ оттѣнковъ буквами, безъ строгаго соблюденія какой-либо системы въ постановкѣ или непостановкѣ діакритическихъ знаковъ, въ прямыхъ поперечныхъ строкахъ, расположенныхъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи.

Прочіе пять ярлыковъ замѣтно отличаются отъ первыхъ трехъ и меньшимъ размѣромъ употребленной на нихъ бумаги, и болѣе тщательнымъ, доходящимъ иногда до каллиграфической изысканности, почеркомъ, дивани, постепенно, но рѣшительно обнаруживающимъ усвоеніе татарскими писцами ханской канцеляріи каллиграфическихъ приемовъ кятибовъ турецкихъ. Рядомъ со старинными тамгами появляются ханскія именныя печати, тоже вродѣ какихъ-то комментаріевъ этихъ послѣднихъ къ начавшимъ терять свой смыслъ и значеніе стариннымъ тамгамъ. Къ ханскому имени вверху ярлыковъ сталъ прибавляться высокопарный эпитетъ *abu ль-фатхъ* („Отецъ побѣды“, „Побѣдоносецъ“), въ чемъ также нельзя не усмотрѣть татарскаго подражанія турецкой тщеславности, сказывающейся, кромѣ того, въ уснащеніи самыхъ текстовъ ярлыковъ примѣсью арабскихъ словъ, большею частью синонимическихъ плеоназмовъ, пристегиваемыхъ къ кореннымъ татарскимъ реченіямъ.

Но еще важнѣе различіе описываемыхъ нами ярлыковъ по свойству самаго содержанія ихъ текстовъ. Въ этомъ отношеніи два первыхъ ярлыка аналогичны между собою, тогда какъ третій стоитъ особнякомъ, хотя всѣ три принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ *ма'афъ-намэ* (= „льготныхъ грамотъ“); но первые два, вчастности, могутъ быть отнесены, по принятой доселѣ у ученыхъ терминологіи, къ *тарханымъ*, какъ они называются и въ самыхъ ярлыкахъ №№ 1 и 2.

Предметомъ всевозможныхъ, большею частью фискальныхъ, льготъ служатъ обитатели Кыркъ-Ера, и на этомъ основаніи эти два ярлыка оказываются болѣе ранними по времени изданія ихъ, нежели тотъ ярлыкъ Селямэтъ Герай-хана I, который въ 1017 (=1608) году былъ данъ жившимъ въ Кыркъ-Ерѣ караимамъ и считался до сего времени древнѣйшимъ въ своемъ родѣ.¹⁾ Нынѣ это хронологическое преимущество должно быть отдано этимъ двумъ ярлыкамъ — ярлыку Хаджи Герай-хана 864—

¹⁾ Сборникъ старинныхъ грамотъ и узаконеній Росс. имперіи касательно правъ и состоянія русскоподданныхъ караимовъ, изд. З. А. Фирковича. СПб. 1890 г., стр. 57—66.

1459 года, а потомъ—ярлыку Нуръ-Девлетъ-Герая-хана 872=1468 года, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго.

Это обстоятельство заставляетъ, однако же, остановиться на вопросѣ о взаимномъ отношеніи нынѣ разсматриваемыхъ нами двухъ ярлыковъ къ изданному ранѣе, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія объектовъ льготъ, гарантированныхъ этими ярлыками искателямъ этихъ льготъ у тогдашней ханско-татарской власти.

Въ ярлыкѣ Селямэтъ-Герая дѣло ограничивается одними караимами, которымъ въ ярлыкѣ подтверждались прежнія ихъ льготы и преимущества. Въ этихъ же двухъ ярлыкахъ рядомъ съ караимами мы видимъ мусульманъ и христіанъ, въ частности армянъ, старѣйшины которыхъ являлись къ ханскому двору ходатайствовать о подтвержденіи дарованныхъ имъ прежними ханами льготъ и преимуществъ и получили эти ярлыки, сохранившіеся до нашего времени и являющіеся предметомъ настоящаго обслѣдованія.

Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, которыя могли бы возникнуть при сличеніи этихъ ярлыковъ съ прежними, надлежитъ категорически установить, что, не смотря на упоминаніе во всѣхъ трехъ имени *Ягуди*, подъ которыми и въ крымскихъ и въ литовско-польскихъ историческихъ памятникахъ обыкновенно разумѣются только караимы,¹⁾ ярлыки эти совершенно различны какъ по своему словесному построенію, такъ и по основаніямъ своего возникновенія и конечному назначенію.

Въ разсматриваемыхъ нами ярлыкахъ это упоминаніе видимъ одновременнымъ и зауряднымъ съ упоминаніемъ о другихъ общинахъ—о мусульманахъ и христіанахъ. Что же это значитъ? Это значитъ, что всѣ три общины, въ томъ числѣ и караимская, находились во время изданія этихъ ярлыковъ въ тѣсномъ общеніи, которое обуславливалось ихъ дѣловою, повседневною соприкосновенностью въ практической жизни и отсюда невольнымъ территоріальнымъ сосѣдствомъ, которое обозначено въ ярлыкѣ выраженіемъ „поселиться, осѣсть въ *Кыркъ-Ерѣ*“. Но въ томъ-то и дѣло, что этого географическаго термина не слѣдуетъ отождествлять съ географическимъ же, но болѣе тѣснымъ, обозначеніемъ *Кыркъ ернынъгъ юкары кал'эси*, каковое находится въ ярлыкѣ Селямэтъ-Герая и въ другихъ татарскихъ ханскихъ ярлыкахъ, въ которыхъ усматривается спе-

¹⁾ Сборникъ стар. грамотъ Фирковича, стр. XII—XIII.

цифическое указаніе на возвышенную мѣстность, составляющую исключительную собственность караимскую, и какъ бы природную цитадель цѣлой прилегавшей къ этой цитадели округи. Таковое различіе, дѣлавшееся самою татарско-ханскою администраціею, подтверждается упоминаніемъ въ татарско-ханскихъ казы-эскерскихъ книгахъ объ округѣ Кыркъ-Ера --- *Кыркъ-ерынь-мусафатынданъ*.¹⁾

Въ этомъ легко, кромѣ того, убѣдиться, принявъ во вниманіе какъ особенности мѣстностей вокругъ собственно Чуфуть-Калэ, такъ и характерныя черты самыхъ народностей, гнѣздившихся въ этихъ мѣстностяхъ. Караимы, какъ остатокъ нѣкогда господствовавшего въ Крыму цѣлаго народа хазарь,²⁾ вытѣсненнаго оттуда другою, хотя и родственною, тюркскою народностью, основались въ своемъ старинномъ укрѣпленіи, нынѣ именуемомъ Чуфуть-Калэ, каковое наименованіе, въ свою очередь, выродилось изъ другого, болѣе правильнаго этимологически — Чуфтъ-Калэ. Грековъ, старавшихся болѣе всего объ увеличеніи коммерческихъ выгодъ изъ своихъ черноморскихъ колоній, естественно болѣе другихъ тянуло къ морскимъ прибрежьямъ. Армяне, позднѣе загнанные тюркскою лавиною на Таврической полуостровъ, разсѣялись преимущественно въ срединной его полосѣ, отъ Стараго Крыма (Сорехата, Сорхата=Сурпхата) до ущелій Кыркъ-Ера и Бахче-Сарая включительно, какъ показываютъ разсыпанные вдоль этой полосы остатки старыхъ церквей армянскихъ. Наконецъ, татары, самые поздніе пришельцы въ Крыму, вдвинулись въ него, по своему исконному степному кочевому норову, цѣлою ордою, или нѣсколькими ордами, образовавшими подвижное кочевье изъ кибитокъ на арбахъ съ огромнаго діаметра колесами, съ конскими и бараньими табунами и т. п. атрибутами степного, кочевского быта, требовавшего обязательно низменныхъ для себя пространствъ, и не нуждавшимся для своего водворенія въ какихъ-либо крутизнахъ въ родѣ Чуфуть-Калэ или Мангупа, куда и взбираться имъ было трудно съ ихъ громоздкимъ и сложнымъ толкучимъ хозяйствомъ; да и гдѣ же нашлось бы достаточнаго для ихъ привольнаго расположенія такого простора, который они нашли себѣ въ долинахъ и межегорьяхъ на пространствахъ отъ начинающихся у Керчи степей, черезъ долину Стараго Крыма, черезъ Салачикское ущелье и черезъ послужившую предмѣстиемъ

¹⁾ Книга I, л. 30 recto: „Оль дыръ ки казан Кыркъ Еръ мусафатынданъ Карыси Яшлау“.

²⁾ Сборникъ стар. грам., стр. XII.

позднѣйшаго Бахче-Сарая равнину Эски-Юрта, вплоть до степей Перекопскихъ и Евпаторійскихъ включительно.

Судя по помѣткамъ на ханскихъ ярлыкахъ, татарско - ханская орда, т. е., по-нашему, ханская резиденція, постоянно передвигалась изъ мѣста въ мѣсто, а въ связи съ этимъ, естественно, было, что и мусульманская народность старалась быть по близости своего властительнаго центра, который, какъ извѣстно, долго не могъ утвердиться въ одномъ какомъ-либо осѣдломъ пунктѣ, какъ показываютъ историческія упоминанія о когда-то существовавшихъ по разнымъ долинамъ ханскихъ Сараяхъ, въ родѣ Ашлама-Сарая, Алма-Сарая, потомъ безслѣдно исчезнувшихъ съ лица земли, пока окончательно этотъ центръ не упрочился въ Бахче-Сараѣ, какъ наиболѣе выгодномъ, благодаря близости Салачикскаго ущелья, въ климатическомъ отношеніи пунктѣ.

Отсюда вытекаетъ, что ярлыками этими подтверждались прежнія льготы и преимущества коренныхъ насельниковъ Кыркъ-Ера, отъ которыхъ какъ бы распространялись эти льготы и на пришельцевъ изъ мусульманъ и христіанъ, подлежавшихъ разнымъ налогамъ и тяготамъ въ тѣхъ ихъ прежнихъ мѣстахъ нахожденія, откуда они прибывали, привлекаемые какими-нибудь чисто экономическими или отчасти административными выгодами. Такой наплывъ пришельцевъ всего болѣе развился въ предѣлахъ татарско - ханскаго владычества на полуостровѣ со времени проникновенія въ него турецкаго завоевательнаго элемента.

Что льготное поощреніе ханскимъ правительствомъ всякихъ пришельцевъ вокругъ Чуфуть - Калэ, не исключая и христіанъ-армянъ, проистекало изъ видовъ экономическихъ, коммерческихъ, это подтверждается множествомъ данныхъ въ казыэскерскихъ книгахъ, въ которыхъ встрѣчаются тяжёбныя дѣла по долговымъ обязательствамъ даже между татарскими султанами и ихъ кредиторами изъ другихъ подвластныхъ ханской власти не татарскихъ народностей.

Такимъ подтвержденіемъ можетъ служить и третій старѣйшій ярлыкъ, данный на имя какого-то Абрагама, имя котораго изобличаетъ въ немъ во всякомъ случаѣ не мусульманина, а всего естественнѣе караима. Этому держателю ярлыка предоставлялись льготы для производства имъ всевозможныхъ коммерческихъ операций. Тутъ замѣчательно еще то, что ярлыкъ, даруя привиллегіи Абрагаму, предостерегаетъ и его самого отъ злоупотребленія имъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ, дабы онъ „не протягивалъ своихъ рукъ на другихъ“, какъ ска-

зано въ разсматриваемомъ нами ярлыкѣ ханскомъ, а это даетъ поводъ предполагать, что привиллегіи, дававшіяся не мусульманскимъ подданнымъ въ ханствѣ, придавали имъ столько значенія въ практической жизни, что они могли, въ свою очередь, дѣлаться нарушителями правъ другихъ и самоуправцами, а дарованіе льготъ посредствомъ ярлыковъ могло иногда обращаться въ простое попустительство.

№ 1.

Ярлыкъ № 1 имѣетъ видъ бумажнаго полотенца длиною 144 сантиметра и шириною 28 сант., изъ коихъ письмомъ занято пространство 107×22 сант. Бумага плотная, желтоватая, съ двумя водяными знаками той эпохи, къ которой относится ярлыкъ, имѣющей въ концѣ написаннаго на немъ текста мусульманскую дату начала мѣсяца сѣфэра 864 г.—ноябрь 1459 г. по Р. Х. Въ ярлыкѣ въ наличности 19 строкъ текста, не считая того, что было на верхней части его, оторванной и могущей быть восполненной по начальному тексту другихъ, близкихъ къ нему по времени выхода и своему содержанію, ярлыковъ. На поляхъ съ захватомъ текста поставлено три квадратныхъ $12\frac{1}{2} \times 12\frac{1}{2}$ сант. тамги — двѣ справа на третьей и четвертой строкахъ и внизу на послѣднихъ двухъ строкахъ текста, а одна слѣва на 12—13 строкахъ. Всѣ три тамги краснаго цвѣта. Въ текстѣ нѣтъ встрѣчающагося въ болѣе позднихъ ярлыкахъ обозначенія цвѣта тамогъ, обычно двухъ цвѣтовъ — синяго и краснаго. Почеркъ письма очень крупный въ родѣ заглавнаго арабскаго почерка сюлюси, наполовину съ диакритическими знаками надъ буквами, наполовину безъ нихъ. Слова, заключающія въ себѣ наименованіе хана или мѣстоименіе этого наименованія — *ханъ аганызъ, бизъ, бизга* — написаны были, вѣроятно, золотистыми, нынѣ совершенно выцвѣтшими чернилами и буквами нѣсколько большаго противъ остальныхъ размѣра.

Такова внѣшность ярлыка, не оставляющая сомнѣнія въ подлинности его и принадлежности къ эпохѣ середины XV вѣка, когда Крымская отрасль обширнаго татарскаго царства сохраняла еще видимую самостоятельность, вскорѣ послѣ этого нарушенную нашествіемъ Отоманской морской силы, включившей Крымское ханство въ число вассальныхъ областей Отоманской имперіи, упрочившей свое господство на Европейскомъ материкѣ взятіемъ Константинополя въ 1453 году султаномъ Мухаммедомъ Фатихомъ.

Не затрагивая пока никаких особенностей языка и частей содержания ярлыка, дадимъ полный, по возможности даже подстрочный, переводъ ярлыка, съ обозначеніемъ каждой его строки послѣдовательною нумераціею русскаго перевода и съ восполненіемъ недостающаго зачальнаго шаблоннаго текста на основаніи такового въ другихъ, хотя и не вполнѣ современныхъ этому ярлыкахъ, оградивъ это восполненіе скобками и опустивъ именно въ самомъ началѣ шифръ хана, пожаловавшаго ярлыкъ.

0. (Великаго улуса праваго крыла и лѣваго крыла, туманнымъ, стотысячнымъ, десяти тысячнымъ вѣдомымъ огланамъ—біямъ внутреннихъ селеній, городовъ даругамъ—біямъ).

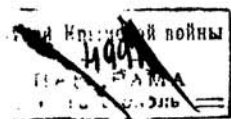
- Строка* 1. Кыркъ-Ерскимъ съ Менагъ Мерданомъ во главѣ
 „ 2. сейидамъ изъ сейидовъ, муфтїямъ, мударрисамъ, кадїямъ,
 „ 3. шейхамъ, суфіямъ, писцамъ Дивана,
 „ 4. мутэсаррифамъ, тамгачамъ, вѣсовщикамъ, проходящимъ и шествующимъ посламъ, гонцамъ, корабельщикамъ, мостовщикамъ,
 „ 5. всему-всему народу какъ есть, знайте. Этотъ ярлыкъ получившіе кыркъ-ерскіе
 „ 6. народные старшины, а во главѣ ихъ старики Сейидъ Ахмедъ Хаджикэ, Ходжа Махмудъ, Хаджи Мухаммедъ, Хызръ-шейхъ,
 „ 7. ходатайствовали, говоря: „Ханъ, Дядя Вашъ, смиловившись надъ народомъ кыркъ-ерскимъ, даль тарханскій ярлыкъ“,
 „ 8. и, предъявивши ярлыкъ, испрашивали (таковой же), Мы же, соизволивъ на ихъ просьбу,
 „ 9. рекли: „и по нашему благоволенію, пусть тѣмъ же обычаемъ будутъ тарханцами“. И впредь съ этого дня
 „ 10. пусть всѣ находящіеся въ крѣпости Кыркъ-Ерской мусульмане, христїане, іудеи—будутъ тарханцы. „Кто бы справа, слѣва,
 „ 11. извнѣ, изнутри, откуда бы ни было, изъ ясачныхъ, изъ неясачныхъ, ни пришелъ и ни осѣлъ въ крѣпости, онъ отъ ясака,
 „ 12. отъ калана, пусть будетъ тарханецъ“, рекли мы. Затѣмъ кто бы таки ни были эти тарханцы, знайте, чтобы ни скота, ни воловъ ихъ

- „ 13. для подводъ арканами не ловили; ни алуфы, ни сюсюна, такъ называемыхъ, не взимали бы; ни въ дома ихъ насильно постоя
- „ 14. не ставили бы; ни подымной подати, ни налога, такъ называемыхъ, не взимали бы: никому таки изъ нихъ утѣсненія и прижима
- „ 15. не причиняли бы; пусть они, со спокойной душою тихо проживая, проводя смиренно жизнь свою, вечеромъ и утромъ въ спокойствіи
- „ 16. да возносятъ молитвы и славословія за насъ и за нашъ родъ - родовъ“. Такъ мы рекли.
- „ 17. А за симъ, когда мы такъ сказали, то, видя ярлыкъ, симъ въ Кыркъ - Ерѣ пребывающимъ насильство и обиду, угнетеніе и утѣсненіе
- „ 18. причиняющимъ людямъ что можетъ быть добраго?! говоря, дабы держать (у себя), за печатями ярлыкъ и дань. Онъ въ лѣто восемьсотъ шестьдесятъ чет-
- „ 19. вертое, въ первыхъ числахъ мѣсяца сѣфѣра, какъ Великая Орда въ Кыркъ - Ерѣ была, написанъ.

Слѣдовательно, ярлыкъ принадлежитъ Хаджи - Герай - хану (1420 — 1466).

№ 2.

1664
Ярлыкъ № 2 представляетъ собою полотнище бѣлой плотной бумаги въ 149 сантиметровъ длиною, въ 30 сантиметровъ шириною, на которомъ на всемъ его протяженіи находится всего только 14 строкъ письма длиною въ 26 сантиметровъ, при чемъ очевидно, что еще недостаетъ двухъ строкъ вверху: онѣ оторваны. Почеркъ письма ярлыка тоже крупный, близкій къ заглавному толстый сюлюси; слово *ханъ* и замѣняющія его мѣстоименія написаны желтыми чернилами. Въ концѣ имѣется дата: восьмое число мѣсяца зи-ль-хыддже 872 г.—июль 1468 г. по Р. Х. Бумага носитъ соотвѣтствующій этому времени водяной знакъ, но ни одной тамги къ нему не приложено, хотя въ текстѣ и сказано: „данъ *нишанный* (т. е. съ клеймами) ярлыкъ“. Послѣднее обстоятельство заставляетъ предполагать, что ярлыкъ этотъ есть лишь заготовленный экземпляръ, не получившій почему-либо надлежащаго скрѣпленія посредствомъ приложенія установленныхъ для этого обычныхъ цвѣтныхъ, синихъ и красныхъ, клеймъ. Какимъ образомъ онъ, несмотря на

такой свой официальный дефектъ, могъ сохраниться, трудно сказать, хотя этотъ дефектъ долженъ былъ совершенно обезцѣнивать его, какъ документъ официальный. Но это не лишаетъ этотъ ярлыкъ его значенія въ виду его довольно старой даты и содержащихся въ немъ подробностей. Сдѣлаемъ также елико возможно близкій переводъ этого ярлыка, восполнивъ недостающее въ началѣ его текста заимствованіемъ шаблоннаго начала предыдущаго ярлыка № 1, съ которымъ онъ совершенно и почти буквально сходенъ по изложенію, кромѣ множества новыхъ собственныхъ именъ, поставивъ заимствованное въ скобкахъ. Именной шифръ давшаго ярлыкъ хана въ самомъ началѣ его также оставленъ безъ воспроизведенія.

0. (Великаго улуса, праваго крыла и лѣваго крыла туманнымъ, стотысячнымъ, десяти тысячнымъ вѣдомымъ огланамъ—біямъ).

- Строка* 1. мутэсаррифамъ, тамгачамъ,
„ 2. мостовщикамъ, всему-всему народу какъ есть, знайте. Этотъ ярлыкъ получившіе кыркъ-ерскіе старики, а во главѣ ихъ Хафизъ Бахшашъ,
„ 3. Хаджикэ, Хаджи - Мухаммедъ, Хаджи - Махмудъ, Касымъ, Хызръ, шейхъ Мансуръ, Ходжа Ахмедъ, Ибрагимъ, Касымъ, Хаджикэ, Хаджи Багадыръ, Мустафа, Хаджи Багадыръ. мусульмане,
„ 4. да іудеи съ Ягудою учителемъ во главѣ, да армяне съ Ованесомъ Танекэ во главѣ, все старики, ходатайствовали. говоря: „Ханъ
„ 5. отецъ вашъ, смилостившись надъ народомъ кыркъ-ерскимъ, далъ тарханскій ярлыкъ“, и, предъявивши ярлыкъ, испрашивали (таковой же). Мы же, на ихъ просьбу
„ 6. соизволивши, рекли: „И по нашему благоволенію пусть такимъ же образомъ будутъ тарханцами“. И впредь отъ сего дня находящіеся въ крѣпости кыркъ-ерской
„ 7. мусульмане, хрістіане, іудеи—всѣ пусть будутъ тарханцами. И затѣмъ: „кто бы справа, слѣва, извнѣ, извнутри, съ какой бы стороны, изъ ясячныхъ, изъ неясячныхъ, ни пришелъ и въ крѣпости
„ 8. ни осѣлъ, онъ отъ ясака, отъ калана пусть будетъ тарханецъ“, рекли мы. Затѣмъ мы рекли: „Кто бы

- таки ни были эти тарханцы, чтобы ни скота, ни вольв ихъ для подводъ арканами не ловили;
- „ 9. ни алуфы, ни корма, такъ называемыхъ, не брали бы; ни въ дома ихъ насильно постоа не ставили бы; ни подымной подати, ни налога, такъ называемыхъ,
- „ 10. не взимали бы; съ какой бы то ни было стороны утѣсненія и насилія не причиняли бы; пусть они, со спокойною душою тихо проживая, вечеромъ и утромъ,
- „ 11. въ спокойствіи духа за насъ и за нашъ родъ-родовъ усилиять молитвы и славословія“, мы рекли. За симъ, когда такъ сказали,
- „ 12. то, „видя ярлыкъ, симъ въ Кыркъ-Ерѣ пребывающимъ насильство, и обиду, угнетеніе и утѣсненіе причиняющимъ что можетъ быть добраго?“ говоря, дабы держать (у себя)
- „ 13. за печатями ярлыкъ и данъ. Онъ въ лѣто восемь сотъ семьдесятъ второе, мѣсяца благословеннаго зи-ль-хыдже въ двадцатый день, а Великая Орда въ Кыркъ-Ерѣ была, написанъ.

Слѣдовательно, ярлыкъ данъ въ ханство Нуръ-Девлетъ-Герая (1466—1469).

№ 3.

Этотъ ярлыкъ есть небольшое сравнительно полотнище бѣлой, плотной бумаги въ 85 сант. длиною и 27 шириною, изъ какового только 71×23 сант. занято четырнадцатью строками текста, расположенными такимъ образомъ, что первыя 8 строкъ сверху находятся на разстояніи 6 сант. другъ отъ друга, а остальные 6 всего лишь на 2 сант. одна отъ другой. Очевидно, вверху недостаетъ 2—3 строкъ текста, гдѣ обыкновенно находится ханскій шифръ и текстъ шаблоннаго зачала. На ярлыкѣ имѣется три клейма зеленоватаго полинялаго цвѣта, названныхъ въ текстѣ ярлыка золотыми: одно въ самомъ верху на поляхъ справа, другое между третьей и четвертой строками, также справа, и третье на предпоследней строкѣ слѣва. Слово *сюургаль* = „милость“ и слова „за насъ и за нашъ родъ-родовъ“ написаны теперь совершенно пожелтѣлыми, а въ свое время, должно быть, тоже золотистыми чернилами. Все это признаки несомнѣнной подлинности и документальнаго значенія ярлыка, имѣющаго въ концѣ дату 890 года, 21 числа мѣсяца реджеба. Письмо почерка крупнаго заглавнаго толстаго сюлюси, не осо-

бенно чистаго и каллиграфическаго. Есть и явныя описки, какъ напр. слово *харатъ* вмѣсто *ахраджатъ* въ строкѣ шестой. На оборотной сторонѣ листа, на самомъ краю внизу, находятся три подрядъ какъ бы служебныя помѣтки: 1) „*Мухаммедъ-бикъ*“, 2) „*Удуль тикурди*“ и 3) „*Кятибу ль-кюттабъ Муртаза бахши битдымъ*“ (= „Я писецъ изъ писцовъ, Муртаза писецъ напасаль“). Послѣдняя приписка вособенности характерна въ томъ отношеніи, что хотя въ татарско-ханскую канцелярію и ея дѣлопроизводство въ достаточной мѣрѣ уже началъ внѣдряться арабскій элементъ, но все же мы еще видимъ тутъ борьбу съ нимъ стараго монголо-татарскаго стиля, а именно въ параллельномъ употребленіи арабскихъ терминовъ и сейчасъ же рядомъ съ ними старотатарскихъ: *кятибу ль-кюттабъ* и *бахши*. Въ другихъ ярлыкахъ той же эпохи встрѣчаемъ арабское *мусамма* и при немъ татарское *тибъ*: выходитъ, что арабская терминологія въ глазахъ самихъ грамотѣевъ нуждалась въ сопровожденіи ея изъяснительными татарскими словами. Въ этомъ отношеніи любопытно словосочетаніе, встрѣчающееся въ этомъ ярлыкѣ, какъ и въ другихъ, *Урду альмуаззамъ* (= „Великая орда“), въ которомъ сдѣланы по всѣмъ правиламъ арабской грамматики монголо-татарское *Урду* (= „Орда, становище, ставка“) и архиарабское прилагательное *альмуаззамъ* = „великій“.

Дефектное и не очень тщательное начертательное состояніе ярлыка, съ лѣваго своего края нѣсколько пообдерганнаго, ведетъ къ тому, что нѣкоторыя въ немъ начертанія съ не совсѣмъ полною несомнѣнностью разбираются, а есть и такія, которыя не поддаются никакому толкованію въ настоящемъ ихъ видѣ и ни въ какомъ словарѣ не отыскиваются, а между тѣмъ они чрезвычайно интересны, заключая въ себѣ обозначенія разнаго рода предметовъ торга или промышленности, подлежащихъ тогдашнему фискальному обложенію, каковы, напримѣръ, слова: *джерикъ оклукъ*... въ концѣ третьей строки ярлыка.

Самое мѣсто находенія ханской ставки, гдѣ написанъ былъ этотъ ярлыкъ, *Торбуга юртында*, тоже съ точностью не обрѣтается ни въ географическихъ картахъ, ни въ иныхъ какихъ географическихъ номенклатурахъ; можно только предположительно гадать, что дѣло было въ предѣлахъ Крыма, такъ какъ въ ярлыкѣ упоминаются *Кефа и Крымъ*, въ серединѣ строки пятой. Равно какъ изъ ярлыка не видно, кто такой былъ Абрагамъ, которому ярлыкъ этотъ былъ пожалованъ, хотя по формѣ имени это долженъ былъ быть немусульманинъ.

Итакъ, предваривъ о всѣхъ вышеисчисленныхъ затруднительныхъ сторонахъ ярлыка, дадимъ его переводъ, какъ допускаетъ его пониманіе въ настоящемъ его видѣ, даже безъ всякаго восполненія недостающей части въ самомъ его началѣ.

- Строка* 1. Сей ярлыкъ получившему Абрагаму благоволеніе и милость будутъ, пусть тарханъ будетъ (говоря),
- „ 2. по семъ когда тархану нашему Абрагаму на сушѣ ли на арбѣ, на водѣ ли въ ладѣ, или по мосту случится проходить,
- „ 3. путешествовать, то кто бы то ни былъ да не требуютъ и не берутъ ни тамги, ни вѣсовщины, да не требуютъ такъ называемаго налога, ни такъ называемаго военного, ни стрѣлочнаго
- „ 4. да не налагаютъ. Въ какихъ бы мѣстахъ, въ городахъ ни производилъ онъ торговлю, самъ ли или принадлежащіе ему люди,
- „ 5. ни тамги, ни вѣсовщины да не требуютъ и не взимаютъ; для Кефы, Крыма за осенніе плоды, за хлѣбъ, муку, за деревянные доски, за киль, за соль, за медь, за краску (сурикъ), за сафьянъ,
- „ 6. за такъ называемыхъ полоняниковъ рабовъ, такъ называемой подымной подати, такъ называемой тамги, ни вообще какихъ бы то ни было выходовъ и расходовъ да не требуютъ; такъ называемой рабочей повинности, караульной да не спрашиваютъ;
- „ 7. въ какія бы то ни было мѣста, города шествующіе даруги путевого пусть не требуютъ; а если изъ какихъ-нибудь мѣстъ привезутъ медь, вино для торговли, то пусть ни тамги, ни вѣсового не требуютъ;
- „ 8. если купить, продасть ясыря, то ни тамги, ни вѣсового (sic!) да не требуютъ; лошадей, воловъ подъ подводы да не берутъ; фуража, корма да не требуютъ;
- „ 9. въ дома его силою постояльцевъ на постой да не помѣщаютъ; такъ называемыхъ ясака, калана, пчелинаго дѣла да не требуютъ, да не берутъ. За симъ, такъ рекши,
- „ 10. ведя спокойную жизнь, съ легкимъ сердцемъ пребывая, за насъ и за нашъ родъ-родовъ молитвы и славославія да приумножаетъ.
- „ 11. За симъ, когда такъ сказали, то, видя ярлыкъ, сему Ибрагаму насиліе, обиду, угнетеніе и притѣсненіе

причиняющимъ людямъ что можетъ быть хорошаго?. Пусть бы они страшились!....

- „ 12. Засимъ: „Абрагамъ, если ты, тоже, говоря: „таково благоволеніе было“, на другого человѣка руку поднимешь, то что будетъ хорошаго?!“. Такъ рекши, чтобы держать, съ золотою
- „ 13. тамгою ярлыкъ данъ. Въ лѣто 890 благословеннаго реджеба мѣсяца 21 дня въ пятницу, въ годъ змѣи (=іюль 1485 по Р. Хр.), когда Великая Орда была въ Торбуга - юртѣ, написанъ.

Слѣдовательно, ярлыкъ данъ въ ханство Менгли - Герая I (1478—1515).

Вторую группу новой коллекціи разсматриваемыхъ нами татарскихъ документовъ составляютъ грамоты, подтверждающія права отдѣльныхъ лицъ на земельныя владѣнія, съ точнымъ обозначеніемъ границъ этихъ владѣній, соприкасающихся съ землями сосѣдей. Слѣдовательно, эти документы любопытны, вопервыхъ, по своей относительной древности, будучи украшены, какъ и другіе старинные татарскіе ярлыки, тамгами; вовторыхъ, по содержащимся въ нихъ географическимъ указаніямъ на тѣ или другія упоминаемая въ нихъ мѣстности; и, третьихъ, отчасти по своему языку, заключаая въ себѣ частичное отраженіе постепеннаго перехода отъ формы официальнаго слога старинныхъ писцовъ — *битэкчи* — къ новымъ, образовавшимся подъ вліяніемъ турецкой дѣловой стилистики, проникшей въ Крымъ по упроченіи тамъ турецкаго политическаго протектората и вмѣстѣ съ этимъ протекторатомъ утвердившейся въ мѣстной татарской школѣ, которую проходили будущіе официальные дѣльцы - грамотѣи, выходяшіе изъ этой школы, постепенно набравшейся турецкаго образовательнаго духа и усвоившей турецкіе приемы въ примѣненіи своихъ школьныхъ познаній къ административной и судебной практикѣ. Равнымъ образомъ въ нихъ иногда встрѣчаются новыя наименованія должностныхъ лицъ, только замѣнившія прежнія названія или же появившіяся съ возникновеніемъ новыхъ должностей.

Эти документы все еще именуется *ярлыками*, но иногда имъ придается модное названіе *мюлькъ - намэ* = „владѣнная грамота“, обыкновенно рядомъ со стариннымъ наименованіемъ *ярлыкъ*. Другая внѣшняя особенность этихъ документовъ усматривается въ томъ, что мѣсто изданія ихъ ханскою властью не вписыва-

валось, какъ въ ярлыкахъ первой категоріи, въ *ма'афъ намэ*, въ одну строку съ подробною датою написанія въ концѣ, а, на турецкій манеръ, стало подписываться особо, слѣва подь послѣднюю строкою текста, и притомъ иногда еще по-старо-татарски, въ родѣ: „Юртъ Сарыманъ“, или „Юртъ Камышлы“, „Сахраи Хотинъ“, а потомъ уже въ арабской, принятой въ турецкихъ грамотахъ, формулѣ: „Би мѣками Бахче Сарай“, окончательно вытѣснившей первую.

Самые размѣры этихъ документовъ гораздо меньше въ сравненіи съ старинными татарскими ярлыками, въ чемъ также нельзя не видѣть сознательной модернизациі внѣшности произведеній татарско-ханской канцеляріи.

Въ хронологическомъ порядкѣ эти грамоты можно расположить такъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и съ такимъ же указаніемъ какихъ-либо достойныхъ вниманія особенностей каждой изъ нихъ.

№ 4.

Самый старый изъ датированныхъ документовъ этой категоріи, къ сожалѣнію, дефектный въ началѣ, но еще съ соблюденіемъ стариннаго шаблоннаго зачала ярлыковъ, куда введены поименованія чиновъ *ясауловъ* и *бекауловъ* въ строкѣ первой. Строка вторая начинается непонятнымъ на первый взглядъ начертаніемъ *юма*, въ которомъ, однако же, легко угадать знакомое намъ изъ ярлыковъ первой категоріи старо-татарское сверхъ того мѣстоименіе *кайю-ма* = „какой-либо“. Далѣе тутъ появляются чисто турецкія выраженія въ родѣ *ишбу дарендэи-фермани гумаюнь* (= „сей держатель августѣйшаго фермана“). Имѣется также не менѣе характерное для этого рода документовъ, хотя скорѣе уже въ видѣ стилистическаго архаизма, нежели запротоколированія обычая, имѣвшаго мѣсто въ практикѣ прежняго ханскаго дѣлопроизводства, выраженіе: „чернаго коня подведя, съ синею печатью и съ краснымъ нишаномъ владѣнную грамоту испросилъ и вымолилъ“. Старинный терминъ *сююргаль* = „соизволеніе“ сопровождается арабскимъ *атыфетымъ*, *инайетымъ*, *хымайетымъ* съ тѣмъ же значеніемъ, и, сверхъ того, шаблонное турецкое *бурдумъ* = „я приказалъ“. Въ числѣ новоявленныхъ персонъ ханства Крымскаго тутъ видимъ: *улузь кичикъ султанларъ булгайларъ бикляръ и мырзаларъ булгайларъ вэ бэнымъ кулларымъ* = „будь то большіе, малые султаны, будь то беки и мурзы и мои слуги“. Рядомъ съ словомъ *гючъ* = „сила,

насиліе“ употребляется другой уже, хотя и татарскаго корня, синонимъ „басынчъ“=„притѣсненіе“.

Внѣшній видъ грамоты таковъ: она написана на толстой бѣлой бумагѣ съ водянымъ соотвѣтствующей эпохи знакомъ длиною 49 сантим., шириною 30 сантим. въ десяти строкахъ 21¹/₂ сантим. въ длину красиваго турецкаго почерка дивани, съ красною тамгою сверху справа у первой строки и съ синею тамгою слѣва внизу, на пространствѣ, отнятомъ у трехъ послѣднихъ строкъ. Дата, послѣ татарскаго слова *батыльды*=„написанъ“, выражена поарабски, начиная словомъ *тахриранъ*, числомъ 15 ребіъ-уль-улая 984=іюля 1576 года, т. е. въ ханствованіе Девлетъ-Герай-хана 1 (1551—1577).

№ 5.

Документъ этотъ въ сущности грамота, подтверждающая права владѣнія слѣдующихъ лицъ: Хасанъ-бія, Джанъ-Мухаммедъ-бая, Карамана, Махмудъ-бей-оглу Мустафы и Чобанъ-мурзы, обжаловавшихъ вторженіе въ ихъ владѣнія со стороны нѣкоого Кемаль-Хаджи Ай-Кильди-бія, который пришелъ да и говоритъ, что мѣсто, именуемое Кара-Уй, есть его безспорное владѣніе. Жалобщики подвели коня и просили дать имъ ярлыкъ, ссылаясь на подтвержденіе правоты ихъ нѣсколькими свидѣтелями въ присутственномъ мусульманскомъ засѣданіи хана передъ казыаскеромъ по мусульманскому шаріату. На основаніи этого имъ и была дана настоящая охранительная грамота, названная ярлыкомъ, съ прибавкою напыщенныхъ эпитетовъ.

Она написана на толстой бѣлой бумагѣ, каллиграфическимъ турецкимъ почеркомъ дивани на 17 строкахъ въ 19 сантим. длины, не считая ханскаго имени съ титуломъ сверху, длиною въ 50 сантим. и 26 сантим. ширины. Въ этомъ ярлыкѣ еще обращаетъ на себя вниманіе то, что въ заглавномъ шифрѣ при имени Девлетъ-Герай-хана является титулъ *Абу ль-Фатхъ*=„Отецъ завоеванія“, „Побѣдоносецъ“. Этотъ титулъ у турковъ впервые присвоенъ былъ Мохаммеду, завоевателю Константинополя, который также величался или простымъ арабскимъ эпитетомъ *Фатихъ* (=„Завоеватель“) или сложнымъ *Абу-ль-Фатхъ* („Отецъ побѣды“). Но quod licet Iovi, non licet bovi: такъ и тутъ, что приличествовало грозному турецкому завоевателю Царьграда, простершему длань власти и на Крымское татарское ханство, то является простымъ стилистическимъ курьезомъ, будучи усвоено не только не завоевателями, а, наоборотъ, покоренными рабами того самаго султана, титулъ котораго такъ по-

нравился ханским канцелярским писмоводителямъ, что они сейчас же стали его употреблять въ приложеніи къ имени своихъ хановъ, мало чѣмъ похожихъ на ихъ османскихъ сувереновъ.

Такъ какъ въ грамотѣ нѣтъ послѣдней строки, гдѣ должна была бы быть обозначена дата и мѣсто написанія ярлыка, а между тѣмъ въ заглавномъ шифрѣ, а также и на именной печати вверху ярлыка справа читается имя Девлетъ-Герай-хана, то можно заключить, что документъ этотъ относится къ концу XVI вѣка, т. е. къ періоду 1577—1584 года.

№ 6.

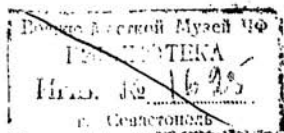
6897
1587
Сейханъ

Ярлыкъ съ заглавнымъ шифровымъ, на подобіе султанской тугры, надписаніемъ имени хана Мухаммедъ-Герая (1577—1584), въ предшествіи титула *Абу-ль Фатхъ* („Отецъ побѣды“) и съ приложеніемъ возлѣ, справа, миндалевидной печатки съ именемъ того же хана, по внѣшности похожъ на старинные ярлыки, хотя все же уменьшеннаго размѣра, 62 сантим. длиною и 32 сантим. шириною, написанъ красивымъ каллиграфическимъ въ чисто турецкомъ видѣ почеркомъ дивани на пятнадцати строкахъ въ 21 сантим. длиною на толстой бѣлой бумагѣ. Справа вверху у первыхъ двухъ строкъ синее клеймо, а слѣва внизу, въ пространствѣ, наполовину занятомъ 11—12 строками, красное клеймо.

8546/2

По содержанію это есть два раза называемое въ грамотѣ *мюлькъ-намэ* (= „владѣнная грамота“), данное цѣлой группѣ поименованныхъ въ немъ лицъ, предъявившихъ прежнюю подобную же грамоту, дарованную имъ Сахыбъ-Герай-ханомъ на право владѣнія землями, заключавшими въ своихъ предѣлахъ, точно указанныхъ въ грамотѣ, пахать и лѣтнія пастбища—*экинлярны въ джани авларынъ*—гдѣ-то по рѣкѣ Карасу.

По языку же этотъ документъ представляетъ замѣчательную смѣсь, довольно искусно составленную изъ остатковъ письменности архаической татарской съ неологизмами начавшаго входить у татаръ въ моду турецкаго канцелярскаго стиля. Такъ, на примѣръ, все зачало ярлыка на протяженіи цѣлыхъ четырехъ строкъ цѣликомъ взято изъ старыхъ ярлыковъ, а потомъ вдругъ встрѣчаемъ такія пестрыя выраженія, какъ *гѣкъ мюгюрликъ въ алъ нишанлыкъ мюлькъ-намэ ярлыгларыны ибразъ идыбъ атъ тартыбъ...*, *мюлькъ-намэ и шерифъ у дуль въ истидба кылдыларъ исэ* (= „и съ синею печатью и съ краснымъ нишаномъ ярлыкъ—грамоту владѣнную предъявилъ, коня подведя, благо-

родную владѣнную грамоту выпросили и вымолили“ (строки 7—8); или: „*мані'ъ въ дафі'ъ булубъ гючъ басынчъ кылыбъ юндугъ въ захмэтъ тикюржанлярга нэ яхшиси булгай*“ (= „а препятствуя и противодѣйствуя, обиду и притѣсненіе причиняющимъ что будетъ добраго?!“) (строка 13), и даже, наконецъ: „*алъ нишанлыкъ ярлыкъ вэрильди*“ (= „съ краснымъ клеймомъ ярлыкъ данъ“) (стр. 15). Мѣсто изданія грамоты обозначено также на новый ладъ словами: *би меками Бахче - Сарай* (= „въ мѣстѣ Бахче - Сарай“).

№ 7.

Грамота, данная нѣкоему Сэфэръ-мурзѣ на право владѣнія землями въ издавна обитаемомъ имъ мѣстѣ, именуемомъ Эски-Кишлавъ, въ границахъ съ юга скалы Куль-маче, съ востока Салгира, съ сѣвера Акъ-Мечети и съ запада посѣвовъ Мурадъ Гази-бія, пожалованными ему еще ханомъ Менгли-Гераемъ. Ею вмѣняется теперь уже всѣмъ, не только простымъ смертнымъ, какимъ нибудь второстепеннымъ чинамъ ханства, но даже самимъ царственнымъ особамъ, заурядъ съ князьями и мурзами, — „*Хавакини тадждаранъ вэ салатины шегриранъ вэ саиръ бійляръ вэ мырзалафъ*“ (= „Вѣнценоснымъ хаканамъ и царскимъ султанамъ и прочимъ князьямъ и мурзамъ“) — мѣшать и противодѣйствовать означенному Сэфэръ-мурзѣ осуществлять свои права владѣнія означенною землею, подъ угрозою, выраженною на этотъ разъ въ такой формѣ: „Если кто либо посягнетъ на ту его землю, то ему не хорошо будетъ“ (— „*Еринъ гэръ кимъ инджидэръ чаклы олурса ана якши олмазъ дыръ*“) (строки 10—11). „Того ради и данъ и этотъ ярлыкъ — владѣнная грамота съ алой тамгою и съ синей печатью“ („*Алъ тамгалыкъ гѣкъ мюгюрликъ яллыкы шерифъ мюлькъ-намэ верильди*“) (строка 13).

Такая необычная форма выраженій грамоты даетъ мысль о томъ, что не былъ ли этотъ Сэфэръ-мурза такою сильною и вліятельною особою въ ханствѣ, что съ нимъ должны были считаться въ отношеніи его замлевладѣтельныхъ правъ даже члены ханскаго рода, хотя онъ тоже, говорится въ грамотѣ, „подвелъ коня“. Едва ли эти формы выраженія могли быть только продуктомъ ханско-канцелярскаго стилистическаго размаха.

Ярлыкъ имѣетъ внѣшность грамотъ своей эпохи: въ самомъ верху особнякомъ тугровидный шифръ имени Гази-Герай-хана II (1588—1594) съ узурпированнымъ у турецкихъ султановъ эпитетомъ *Абу-ль Фатхъ* (= „Отецъ побѣды“, „Побѣдоносецъ“). Вверху справа на полѣ, отнятомъ у первыхъ трехъ строкъ кра-

суется синее клеймо, а нѣсколько правѣе отъ него миндалевидная именная печать Гази-Герай-хана-бенъ-Девлетъ-Герай-хана; справа внизу также на бѣломъ мѣстѣ, отдѣленномъ отъ послѣднихъ четырехъ строкъ грамоты, приложена красная тамга. Всего въ грамотѣ 14 строкъ въ 22¹/₂ сантиметра длиною при общемъ размѣрѣ ярлыка въ 49×30 сантиметровъ, на толстой бѣлой бумагѣ, почерка турецкаго крупнаго дивани.

Ярлыкъ кончается датою: „написанъ въ началѣ мѣсяца реджеба девятьсотъ девяносто седьмого года (=въ апрѣлѣ 1589 г. по Р. Хр.) въ мѣстѣ Бахче - Сараѣ“.

№ 8.

Послѣдній ярлыкъ съ двумя старо-татарскими тамгами— синей вверху справа на пустомъ пространствѣ, принадлежащемъ первымъ двумъ строкамъ текста, и красной, нынѣ совершенно вылинялой, слѣва внизу на половинѣ послѣдней строки и на полѣ полотна бѣлой плотной бумаги размѣромъ въ 60¹/₂ сант. въ длину и въ 37¹/₂ сант. въ ширину. Почеркъ дивани, но нѣсколько уменьшенный и утонченный, приближающійся къ особому чисто-крымскому своеобразному почерку.

Въ текстѣ этого мюлькъ-намэ-ярлыка на 14 строкахъ въ 28 сантим. длины содержится подтвержденіе правъ владѣнія нѣкоего Худай-Кулу исконно, еще со временъ хана Сахыбъ-Герая, принадлежащими ему пахатными землями и колодцемъ въ исчисленныхъ тутъ границахъ и подтвержденныхъ свидѣтельскими показаніями лицъ, также поименованныхъ здѣсь.

Въ концѣ послѣдней строки имѣется дата начала мѣсяца реджеба тысяча шестьдесятъ четвертаго года=мая 1654. Мѣстомъ выдачи грамоты значится внизу въ особой строчкѣ Юртъ Камышлы. А ханскій шифръ вверху надъ текстомъ Гази-Герай-хана съ эпитетомъ Абуль-Фатха=„Побѣдоносца“.

Слѣдовательно, ярлыкъ данъ въ ханствованіе Мухаммедъ-Герая IV (1634—1655).

В. Смирновъ.

Задачи русской нумизматики древнѣйшаго періода.

Всякое явленіе имѣеть свои причины, объяснить которыя не всегда бываетъ легко. Къ числу таковыхъ я отношу появленіе первыхъ русскихъ чеканныхъ монетъ. Трудность объясненія заключается въ полномъ отсутствіи въ нашихъ письменныхъ памятникахъ свѣдѣній о русскихъ чеканныхъ монетахъ: приходится ошупью искать время начала ихъ чеканки и угадывать, къ какимъ князьямъ относятся имена на монетахъ.

Сводъ первыхъ русскихъ чеканныхъ монетъ, изданный въ 1882 г. гр. Ив. Ив. Толстымъ подъ заглавіемъ „Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго“, долженъ былъ бы имѣть главу, посвященную тѣмъ иностраннымъ знакамъ обмѣна, которые обращались на Руси до введенія собственной чеканной монеты, необходимую для пониманія появленія своей монеты, но эта сторона „Нумизматическаго опыта“ обработана авторомъ слабо, и мы у него встрѣчаемъ лишь намеки на обращеніе иностранныхъ монетъ и серебряныхъ слитковъ, но не изслѣдованіе, тогда какъ только тщательное знакомство съ найденными на территоріи русской монетными кладами можетъ дать представленіе о монетной системѣ, по которой у насъ стали чеканить первую монету. Не такъ взглянулъ на свою задачу гр. Толстой, хотя новые приемы изслѣдованія въ области нумизматики ему были извѣстны: труды Мрочекъ-Дроздовскаго, Савельева, Тизенгаузена, сдѣлавшіе значительные шаги впередъ во взглядахъ на нумизматическія изслѣдованія, появившіеся задолго до „Древнѣйшихъ русскихъ монетъ“, могутъ служить примѣромъ; но это ускользнуло отъ гр. Толстого, всецѣло подчинившагося Куніку; другими словами, онъ началъ свое изслѣдованіе отъ „пустого мѣста“.

Ив. Евг. Забѣлинъ, въ предисловіи къ „Исторіи русской жизни“, мѣтко сказалъ, что русскій человѣкъ IX в., относительно своей исторіи и культуры, въ ученыхъ изслѣдованіяхъ

представляется пустымъ мѣстомъ, чистымъ листомъ бумаги, въ который, по волѣ историческихъ, географическихъ и др. обстоятельствъ, всякія народности вписывали свои порядки, уставы, обычаи и проч., т. е. надобно такъ понимать иронию покойнаго историка, что съ призваніемъ Варяговъ началась настоящая русская исторія, а до ихъ призванія „русскій человѣкъ былъ въ дѣйствительности пустое мѣсто“.

Дѣйствительно, наши прежніе историки начинали исторію Руси съ 862 г., когда, по словамъ лѣтописи, были призваны Варяги. Теперешній историческій кругозоръ не былъ имъ доступенъ, вспомогательными дисциплинами они тогда еще не занимались, и единственными источниками служили имъ письменные памятники. Но лѣтъ 50—60 тому назадъ въ историческую науку влилась свѣжая струя: на помощь къ ней, особенно въ рѣшеніи вопросовъ быта, искусствъ и проч., явилась археологія, въ имени которой объединяются всѣ вспомогательныя науки исторіи, и горизонты исторіи значительно расширились. Параллельно съ историками стали прогрессировать и изслѣдователи вспомогательныхъ наукъ, въ частности нумизматы, въ числѣ которыхъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, назову имена А. И. Черепнина и А. К. Маркова, пролившихъ въ своихъ трудахъ не мало свѣта на вопросы о денежныхъ знакахъ, обращавшихся среди народонаселенія, явилихъ описанія монетъ и монетныхъ кладовъ и отдѣльныхъ находокъ по губерніямъ, составленныхъ многими авторами и редакторами Отчетовъ Археологической Коммиссіи.

Казалось бы, матеріалы, подготовленные Савельевымъ въ „Мухаммеданской нумизматикѣ въ отношеніи къ русской исторіи“, могли дать поводъ гр. Толстому къ разработкѣ вопроса о денежномъ обращеніи на Руси до XI вѣка, но въ своемъ „Опытѣ“ авторъ (стр. 163) ограничивается только приведеніемъ письма Бартоломея къ Кунику о кувическихъ диргемахъ, привозимыхъ въ Россію съ VIII в., но самый вопросъ оставляетъ безъ изслѣдованія, мотивируя это тѣмъ, что глубже не знакомъ съ восточной нумизматикой. Мѣховыя цѣнности, параллельно обращавшіяся съ металлическими, также не разсмотрѣны авторомъ. Тѣмъ не менѣе гр. Толстой чувствовалъ необходимость дать въ своемъ трудѣ объясненіе причинъ появленія первыхъ чеканныхъ монетъ, но собственнаго мнѣнія не далъ, а въ основу какъ теоріи появленія монетъ, такъ и классификаціи, принялъ взглядъ Куника на этотъ вопросъ, напечатанный въ 1860 г. въ его трудѣ „О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Вла-

диміровича“. Удовлетворяють ли современнымъ научнымъ требованіямъ объясненія Куника, можно видѣть изъ его труда. Приведу главнѣйшія его доказательства: онъ говоритъ, что большая часть европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ государствъ лишь тогда были достаточно подготовлены къ мысли имѣть собственную монету, когда религія ихъ, христіанская или магометанская, была возведена въ государственную религію и затѣмъ утвердилась въ народѣ, а для Россіи во 2-й половинѣ IX в. этому благопріятствовали три обстоятельства: 1) Основаніе Россійскаго государства около 860 г., послѣ чего быстро возникла торговля и стала получать болѣе и болѣе извѣстность византійская вѣсовая и монетная система. 2) Возведеніе въ 861 г. христіанства въ государственную религію въ Болгаріи, изобрѣтеніе славянскаго письма, вслѣдствіе чего Болгары стали способны быть посредниками между Византіей и нами. 3) Первое введеніе въ 865 г. христіанства въ Кіевѣ, чѣмъ насаждались первыя сѣмена образованія, и т. д. Развитіе торговли послѣ основанія государства около 860 г., какъ пишетъ Куникъ, породило потребность на собственную монету, такъ какъ звѣриныя кожи и части ихъ, замѣнявшія на Руси монету, не могли быть пригодными для оптовой торговли съ Азіей, и тогда стали лить гривны и рубли по византійскому вѣсу, которые авторъ и называетъ ходячею монетою, мелкой же серебряной чеканной монеты все еще не было; но, пишетъ онъ, слѣдующія обстоятельства понудили кіевскаго князя чеканить монету: Владиміръ крестилъ Русь, женился на Аннѣ въ Корсуні, гдѣ познакомился съ роскошью города; въ Кіевѣ пріѣхалъ греческій митрополитъ, съ нимъ прибыли мастера, затѣмъ пошли въ ходъ всякія художества, выстроилась Десятинная церковь. Послѣ этого, продолжаетъ авторъ, какъ легко было Владиміру попасть на мысль чеканить монету, подобно Византійскимъ императорамъ. Могло быть, далѣе онъ пишетъ, что сами Византійцы или поселившіеся въ Кіевѣ іерархи подали Владиміру мысль чеканить свою монету и одинъ родъ медалей (здѣтъ рѣчь идетъ объ извѣстной эрмитажной золотой литой черниговской гривнѣ!). . . .

Въ словахъ Куника выразились старыя традиціи русскихъ историковъ; но что было возможно для автора 60-хъ годовъ XIX ст., то нельзя допустить для автора 80-хъ годовъ.

Доказательства Куника о началѣ чеканки монетъ въ разныхъ государствахъ наивны. Почему видитъ онъ связь между началомъ чеканки собственной монеты въ государствѣ и возведеніемъ въ немъ религіи въ государственную, онъ не разъ-

ясняетъ. Его предположеніе, что греческій митрополитъ и Византіяцы, жившіе въ Кіевѣ, заставили Владиміра чеканить монету, не можетъ быть принято, какъ доказательство; фактической почвы для этого мы не имѣемъ.

Возвращаюсь къ вышесказанной мысли, что изслѣдователь первыхъ чеканныхъ русскихъ монетъ, прежде чѣмъ начать ихъ комментировать, долженъ предварительно ознакомиться съ тѣми иностранными деньгами, которыя обращались у насъ до введенія собственной монеты или, точнѣе выражаясь, изучить какъ самыя монеты, такъ и топографію ихъ находокъ. Въ результатѣ узнаемъ, съ какими государствами имѣла древняя Русь торговыя сношенія и какихъ государствъ монеты были наиболѣе распространены. При введеніи собственной чеканной монеты, конечно, старались приноровиться къ привычкѣ народонаселенія имѣть по формѣ и по вѣсу ту монету, которую народъ имѣлъ чаще всего въ рукахъ, другими словами, вводилась монетная система того государства, съ которымъ были наиболѣе частыя торговыя сношенія. Упомянутый трудъ Савельева содержитъ достаточный матеріалъ для освѣщенія даннаго вопроса. Въ 1910 г. Академія Наукъ издала „Топографію кладовъ восточныхъ монетъ (сасанидскихъ и куфическихъ)“ А. К. Маркова; трудъ этотъ служить дополненіемъ къ труду Савельева. Изъ предисловія автора мы узнаемъ, что его списокъ кладовъ превосходитъ вчетверо списокъ кладовъ Савельева. При обзорѣ находокъ возможно сдѣлать заключеніе, что куфическія монеты служили до XII в. главнымъ размѣннымъ знакомъ на Руси, благодаря значительному количеству находокъ кладовъ именно съ этими монетами, иногда въ большихъ массахъ. Кромѣ того, авторъ, въ предисловіи къ своему труду, дѣлаетъ очень важное наблюденіе какъ надъ временемъ перваго появленія восточныхъ монетъ въ русскихъ кладахъ, такъ и надъ временемъ прекращенія ихъ привоза на Русь: древнѣйшая монета относится къ Ардеширу I (первая половина III в. по Р. Хр.), а позднѣйшая къ 1012 г. (эту дату даетъ и Савельевъ), хотя въ другой своей работѣ „О кладѣ куфическихъ монетъ, найденныхъ въ с. Крещеный баранъ, Спасскаго уѣзда Казанской губ.“, изданной въ 1908 г., А. К. Марковъ приводитъ дату для послѣдней монеты 1015 г. Куфическихъ монетъ послѣ 1012 (или 1015) года въ кладахъ болѣе не встрѣчается. „Это обстоятельство, пишетъ авторъ, послужило поводомъ къ многимъ толкованіямъ цѣлаго ряда ученыхъ, старавшихся выяснитъ причины прекращенія ех abrupto ввоза диргемовъ въ Европу. Причину старались видѣть

въ политическихъ осложненіяхъ, которыя дѣйствительно начались въ началѣ XI в. въ мусульманскомъ мірѣ. Въ настоящее время. . . . мы можемъ дать положительный отвѣтъ на столь долго разрабатывавшійся вопросъ. Причина прекращенія ввоза диргемовъ въ началѣ XI в. въ Европу была не политическая, а чисто экономическая. Диргеми перестали ввозить въ Европу не потому, что начались Крестовые походы и проч., а потому, что ввозить было нечего, такъ какъ въ началѣ XI в. прекратился чеканъ диргемовъ на востокѣ, вслѣдствіе недостатка серебра“. Далѣе авторъ приводитъ данныя историческія (замѣна диргемовъ лепешками изъ тѣста) и нумизматическія; изъ послѣднихъ видно, что нѣкоторыя династіи совсѣмъ прекратили выпускъ монеты, другія стали чеканить низкопробный биллонъ, наконецъ, третьи перешли на золотую валюту, но, пишетъ А. К. Марковъ, „такъ какъ въ Россіи только серебро имѣло обращеніе, то естественно, что съ помощью золотой валюты торговля вестись не могла“.

Прекращеніе ввоза серебряной восточной монеты въ началѣ XI в. имѣетъ существенное значеніе для датировки кладовъ, зарытыхъ въ Россіи въ до-татарскую эпоху. Разъ притокъ арабскихъ монетъ прервался, то, безъ сомнѣнія, монеты, чеканенныя до 1012 г. и уже завезенныя къ намъ, могли продолжительное время послѣ этого года обращаться у насъ, и клады съ ними могли быть зарыты даже въ XII в.; изъ этого слѣдуетъ, что монеты изъ кладовъ съ куфическими монетами, особенно чеканки послѣднихъ десятилѣтій X вѣка, не могутъ служить точными датированными документами для опредѣленія находимыхъ совмѣстно съ ними русскихъ неопредѣленныхъ монетъ.

Для опредѣленія времени чеканки первыхъ нашихъ монетъ и опредѣленія князей, ихъ чеканившихъ, гр. Толстой руководствуется правиломъ или, какъ онъ называетъ (ук. соч., стр. 156), „испытаннымъ способомъ съ точностью опредѣлить время заковки кладовъ по имѣющимся въ нихъ уже извѣстнымъ монетамъ. Объ этомъ времени судятъ по самымъ позднимъ монетамъ въ кладѣ, который бываетъ зарытъ всегда вскорѣ послѣ ихъ чеканки“. Затѣмъ авторъ обращаетъ вниманіе на слѣдующія „неизмѣнныя явленія“: 1) Разстояніе времени между годомъ чеканки древнѣйшей монеты и новѣйшей бываетъ сравнительно невелико, рѣдко болѣе 60—70 лѣтъ. 2) Число новѣйшихъ монетъ больше, и онѣ принадлежатъ или той странѣ, гдѣ зарытъ кладъ, или ближайшимъ съ ней, тогда какъ болѣе древнія монеты принадлежатъ къ странамъ болѣе отдаленнымъ.

Первое „неизмѣнное явленіе“ не всегда оправдываетъ наблюденія гр. Толстого надъ кладами: въ „Топографіи кладовъ“ А. К. Маркова можно насчитать рядъ кладовъ, въ которыхъ разница между древнѣйшею и позднѣйшею монетами во многихъ случаяхъ значительно болѣе 100 лѣтъ.¹⁾

Второе „явленіе“ существеннаго значенія для даннаго вопроса не имѣетъ, но вѣрность его опровергается Переяславскимъ кладомъ, въ которомъ на 13 слишкомъ фунтовъ монетъ восточныхъ и западныхъ—русскихъ монетъ находилось только 3 штуки и нѣсколько обломковъ. На этотъ кладъ обратилъ вниманіе какъ А. К. Марковъ, его разбиравшій,²⁾ такъ и гр. Толстой въ небольшой замѣткѣ „Какъ я сталъ нумизматомъ“.³⁾ Кладъ найденъ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ., вѣсилъ 13 фун. 63 зол., состоялъ, главнымъ образомъ, изъ восточныхъ монетъ X в. (отъ 950 до 980 г.) и западно-европейскихъ X в. (характеристики послѣднихъ авторъ не даетъ); въ кладѣ, кромѣ того, находились 2 русскихъ монеты съ именемъ Владиміра и 1 монета, относимая гр. Толстымъ къ Ярославу 2-го типа, и нѣсколько обломковъ подобныхъ монетъ. А. К. Марковъ дѣлаетъ о кладѣ слѣдующее заключеніе: такъ какъ русскія монеты найдены съ другими монетами исключительно X в., то это заставляетъ предполагать, что самый кладъ зарытъ около этого времени, и слѣдовательно русскія монеты тоже X вѣка, т. е. Владиміра Святого, а не Владиміра Мономаха, какъ это возможно было предполагать до находки этого клада. Гр. Толстой въ вышеупомянутой замѣткѣ въ „Аргусѣ“ говоритъ, что его прежнія опредѣленія монетъ, благодаря этому кладу, подтвердились, а оспаривавшіе ихъ нумизматы признали свою ошибку. Впрочемъ, авторъ не указываетъ ни именъ нумизматовъ, ни мѣста, гдѣ они признали свою ошибку.

Заключенія обоихъ авторовъ не могу считать непреложными: слишкомъ смѣло рѣшать вопросъ, что если иностранныя монеты клада относятся къ X в., слѣдовательно и неопредѣленные русскія должны быть того же времени. Не надобно за-

¹⁾ Приведу нѣсколько примѣровъ кладовъ, описанныхъ А. К. Марковымъ подъ слѣдующими NN: № 12—разница между древнѣйшею и позднѣйшею монетами составляетъ 115 л.; № 28—230 л.; № 35—138 л.; № 56—211 л.; № 66—128 л.; № 68—136 л.; № 90—165 л.; № 98—146 л.; № 99—157 л.; № 101—368 л.; № 109—138 л.; № 141—107 л.; № 143—298 л.; № 154—132 г.; № 179—132 г.; № 180—270 л.; № 209—218 л.; № 210—133 л.; № 211—153 г.; № 212—125 л. и т. д.

²⁾ Зап. Нумизм. Отд., II, вып. 3—4, стр. 119—120.

³⁾ Журналъ „Аргусъ“, Октябрь 1913 г., стр. 86—87.

бывать, что восточныя монеты Переяславскаго клада для датировки значенія имѣть не могутъ (особенно такія позднія), какъ имѣющія предѣлъ чеканки (1015 г.); слѣдовательно, онѣ могли обращаться въ мѣстности, гдѣ найдены, продолжительное время и затѣмъ быть зарытыми на 100 лѣтъ позднѣе конца X вѣка. Вообще ставить точную дату мѣстныхъ неопредѣленныхъ монетъ на основаніи датъ на иностранныхъ монетахъ, а тѣмъ болѣе устанавливать года княженій, мнѣ бы казалось очень рискованнымъ: ошибиться на сотню лѣтъ всегда возможно. „Неизмѣнныя явленія“ гр. Толстого, такимъ образомъ, я не считаю безусловно пріемлемыми, и ими только отчасти можно руководиться.

Покойный Черневъ въ „Замѣткахъ о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ“, стр. 58 слл., очень скептически относится къ пріему опредѣленія гр. Толстымъ неопредѣленныхъ монетъ по средствамъ кладовъ; онъ пишетъ: „Вообще клады, разнообразныя по своему содержанію и обнимающіе собою значительный періодъ времени, являются, по нашему мнѣнію, плохимъ способомъ для опредѣленія случайно попавшей въ нихъ одной какой-нибудь монеты. Здѣсь географическія и хронологическія границы раздвинуты широко, фантазіи изслѣдователя дается большой просторъ, и ошибка въ пріуроченіи неопредѣленной монеты . . . является весьма легкой“. Далѣе онъ приводитъ „правила“ гр. Толстого, на которыя даетъ слѣдующее возраженіе: „что если вообще и можно говорить объ общихъ правилахъ, выработанныхъ а priori, въ такой случайной и иногда темной вещи, какъ кладъ, то и въ этомъ случаѣ приводимыя гр. Толстымъ правила могутъ быть приняты лишь съ большими исключеніями. Правила эти всего менѣе примѣнимы къ нашимъ русскимъкладамъ“. Далѣе онъ иллюстрируетъ свои возраженія фактами, почерпнутыми изъ содержанія русскихъ монетныхъ кладовъ.

Резюмируя вышесказанное, видимъ, что историческія объясненія Куника недоказательны: рискованъ и необфидителенъ археологическій пріемъ гр. Толстого объяснить появленіе первыхъ чеканныхъ монетъ въ X в. путемъ кладовъ; такимъ образомъ, рѣшенный авторомъ „Древнѣйшихъ русскихъ монетъ“ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ, что первыя русскія монеты чеканены св. Владиміромъ, Святополкомъ и Ярославомъ (1-го и 2-го типа его классификаціи) для меня остается открытымъ и нерѣшеннымъ. Вдобавокъ новаго нумизматическаго и археологическаго матеріала, который способствовалъ бы уясне-

нію извѣстныхъ намъ монетъ, не найдено, кромѣ сообщеннаго А. К. Марковымъ факта, что прекратившаяся въ 1015 г. чеканка серебряныхъ восточныхъ монетъ вызвала прекращеніе ввоза серебра на Русь. Это обстоятельство естественно должно было вызвать затрудненіе въ торговлѣ, такъ какъ чеканная иностранная монета была необходима для мелкихъ сдѣлокъ (для крупныхъ служили серебряные слитки), что, по всему вѣроятію, и дало толчекъ русскому князю начать чеканить собственную монету. Слѣдовательно, поводомъ къ чеканкѣ первыхъ русскихъ монетъ были причины не историческія, а экономическія.

Трудность вопроса о древнихъ русскихъ монетахъ сознавалъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ ученыхъ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. Во введеніи (стр. X) къ „Опыту изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды“ онъ такъ формулировалъ въ сжатомъ видѣ свои изслѣдованія объ обращеніи цѣнностей на Руси до введенія собственной чеканной монеты: „ вопросъ о древнерусскихъ деньгахъ вообще и о деньгахъ Русской Правды въ частности есть вопросъ сложный, многосторонній. . . . Какія же стороны представляетъ вопросъ о древнерусскихъ деньгахъ вообще? Изслѣдователь долженъ, на основаніи источниковъ, освѣтить сношенія Славяноруссовъ съ иноземными народами въ данное время и именно сношенія торговыя. . . . Далѣе перейти къ вопросу, какія деньги могли обращаться на Руси въ данное время: могли ли обращаться только такія единицы, которыя сами по себѣ представляютъ цѣнности, или же такія, которыя, не имѣя внутренней цѣнности, имѣютъ лишь номинальную цѣну. Когда торговля находится еще въ неразвитомъ состояніи, то орудіемъ обмѣна является главнымъ образомъ или исключительно цѣнность наиболѣе употребительная и цѣнимая въ данномъ обществѣ; такую цѣнностью являются напримѣръ мѣха цѣлые или ихъ части, идущія на одежду, и т. под. Съ развитіемъ торговли дѣлается все болѣе и болѣе ощутительнымъ неудобство такихъ орудій обмѣна, а съ другой стороны развивается знакомство съ благородными металлами — преимущественно съ развитіемъ торговыхъ и иныхъ сношеній съ иноземцами, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ своихъ рудниковъ или ихъ разработки, развитіе такихъ сношеній является единственнымъ источникомъ полученія благородныхъ металловъ“. Далѣе авторъ говоритъ, что первичною формою обращенія металловъ является ихъ вѣсъ, чему примѣръ видимъ въ нашихъ серебряныхъ слиткахъ, обращавшихся въ торговлѣ по вѣсу. Впослѣдствіи, съ развитіемъ торговли, вѣсовыя единицы

измѣняются въ числительныя (счетныя), и вѣсь къ денежнымъ разсчетамъ перестаетъ примѣняться, и появляется счетная денежная единица въ формѣ слитковъ, а затѣмъ въ видѣ медальной (мы бы теперь сказали чеканной) монеты. Но, впрочемъ, счетныя единицы въ формѣ слитковъ на Руси въ древнюю эпоху не наблюдаются, онѣ встрѣчаются въ Западной Европѣ (Zahlenmark); у насъ лишь въ Петровское время были отчеканены мелкія серебряныя „гривны“, только по названію напоминающія гривны въ слиткахъ.

Серебряныя слитки, находимые въ кладахъ, носили названіе гривенъ кунъ. Въ этомъ наименованіи слились два понятія: о цѣнностяхъ мѣховыхъ (куна, мѣхъ кунницы) и цѣнностяхъ металлическихъ (гривна въ значеніи вѣсовомъ). Чтобы уяснить себѣ это наименованіе, напомнимъ объ уставной грамотѣ новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Іоанна Предтечи въ Опокахъ въ Новгородѣ около 1136 года¹⁾. Въ грамотѣ именемъ кунъ названа сумма вѣсовыхъ пошлинъ съ торговцевъ воскомъ; пошлины были слѣдующія: съ Низовскаго гостя отъ 2 берковцевъ полгривны серебра, съ Полоцкаго и Смоленскаго отъ берковца по двѣ гривны кунъ, съ Новоторжца 1½ гривны, съ Новгородца шесть мордокъ. О всѣхъ этихъ сборахъ въ грамотѣ постановлено: А куны имъ класти святаго великаго Ивана въ домъ, что вывѣсятъ по правому слову.

Изъ содержанія грамоты видимъ, что куны, полгривны серебра, гривны кунъ, и мордки даютъ намъ представленіе только о металлическихъ деньгахъ. Но приведеннымъ примѣромъ отнюдь не исключается возможность одновременнаго обращенія на Руси и мѣховыхъ и металлическихъ цѣнностей; сомнѣваться въ этомъ послѣ изслѣдованій Мрочекъ-Дроздовскаго и др. авторовъ нельзя.

Наименованіе болѣе древней, мѣховой, цѣнности — кона перешло на серебро, или, въ общемъ смыслѣ, куны стали синонимомъ теперешняго понятія — деньги. Надобно думать, что и другія наименованія мѣховыхъ цѣнностей (мордки, векши и др.) были также приурочены къ металлическимъ деньгамъ. Русскія гривны кунъ, повидимому, съ давнихъ поръ лились у насъ. Если судить по находкамъ слитковъ въ кладахъ съ омайядскими монетами VIII вѣка, то литье ихъ на Руси можно отно-

¹⁾ Въ 1136 г. князь Всеволодъ былъ изгнанъ Новгородцами, слѣдовательно грамота писана до этого года. Издана въ Доп. къ Акт. Ист., I, № 3. Разборъ ея у Мрочекъ-Дроздовскаго, стр. 2.

силь къ VIII вѣку. При раскопкахъ въ Херсонесѣ въ 1889 г. были найдены 12 серебряныхъ слитковъ въ формѣ палочекъ, по вѣсу (45 и 46 зол.) и по формѣ приближающихся къ русскимъ гривнамъ;¹⁾ принадлежатъ ли слитки изъ херсонесской находки къ русскому литью, утвердительно сказать нельзя; можетъ быть они мѣстнаго литья, но предназначались для торговли съ Русью. Гривны южно-русскаго литья, такъ называемыя кievскія гривны, имѣютъ шестиугольную форму.²⁾

Монетные слитки русскаго литья далеко еще не изучены; до сихъ поръ мы не имѣемъ полного свода изображеній всѣхъ формъ слитковъ; это задача будущаго ихъ издателя.

Если экономическія причины заставили насъ чеканить монету вскорѣ послѣ монетнаго кризиса на востокѣ около 1015 г., то первымъ княземъ, который началъ чеканить монету, могъ быть только Ярославъ, вступившій на Кіевскій столъ въ 1019 г. Изъ всѣхъ изданныхъ доселѣ древнѣйшихъ русскихъ монетъ, повидимому, только „Ярославле сребро“ можетъ быть съ значительною долею вѣроятности отнесено къ Ярославу Мудрому, носившему христіанское имя Георгія въ честь великомученика Георгія, изображеніе котораго видимъ на „сребрѣ Ярославлѣ“ (у гр. Толстого монеты Ярослава III-го типа).

Что же касается остальныхъ монетъ, на которыхъ гр. Толстой читаетъ имена Владиміра, Святополка и Георгія (монеты Ярослава I и II типа), то литературы о нихъ, которая появилась послѣ труда гр. Толстого, въ настоящей замѣткѣ я касаться не буду: она должна служить предметомъ особаго изслѣдованія.

Въ дополненіе къ ряду извѣстныхъ древнѣйшихъ чеканныхъ русскихъ монетъ, изданныхъ гр. Толстымъ и Черневымъ,³⁾ упомяну объ одной монетѣ, уже давно появившейся въ археологической литературѣ, но окончательно еще не вошедшей въ русскую нумизматику: я имѣю въ виду монету, впервые изданную въ III т. „Древностей“ Моск. Археол. О-ва, стр. 190—194, гдѣ

¹⁾ Отч. Археол. Коммис. за 1889 г., стр. 14. Снимокъ съ одного слитка изъ херсонесской находки см. въ „Трудахъ Моск. Нумизм. О-ва“, т. II, табл. IV, рис. 1.

²⁾ „Труды Моск. Нум. О-ва“, т. II, табл. V, рис. 14—15.

³⁾ Кромѣ основнаго своего труда о Кіевскихъ монетахъ, гр. Толстой издалъ рядъ разновидностей тѣхъ же монетъ при статьѣ „Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка“ въ VI т. Зап. Имп. Русск. Арх. О-ва. Въ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности“, вып. 3 и 4, Леонардова и Чернева (Кіевъ, 1891 г.) издано нѣсколько монетъ того же времени.

авторъ (Е. Е. Люценко) отнесъ ее къ Олегу—Михаилу Святославичу, князю Тмутараканскому.¹⁾ Впослѣдствіи вопросъ о ней былъ поднятъ мною въ „Матеріалахъ къ русской сфрагистикѣ“,²⁾ гдѣ я отрицательно отнесся къ включенію ея въ число монетъ на основаніи надписи „Господи, погози Михаилу“, не свойственной монетамъ, но подражающей надписямъ на византійскихъ и русскихъ привѣсныхъ печатяхъ. Позже, въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Нумизматическаго Общества, при демонстрированіи подобной монеты изъ собранія Н. И. Булычова,³⁾ я примкнулъ ко взгляду ея перваго издателя на этотъ знакъ, какъ на монету, и въ настоящее время могу съ убѣдительною сказать, что это дѣйствительно монета, а не образокъ — тѣльникъ и не печать. Причина, вводившая меня въ сомнѣніе, устраняется: надпись „Господи, помози Михаилу“ подражаетъ аналогичнымъ надписямъ на византійскихъ монетахъ, чеканенныхъ крестоносцами въ Антиохійскомъ княжествѣ;⁴⁾ на примѣръ, на монетѣ Танкреда (1104 — 1112) встрѣчаемъ надпись ΚΥΡΙΕ ΒΟΗΘΕΙ ΤΩ ΔΟΥΛΩ ΤΑΝΚΡΗΔΩ. Монета Танкреда современна Олегу Святославичу, но когда и гдѣ чеканена монета русскаго князя, можно сказать лишь гадательно.

Олегъ Святославичъ, внукъ Ярослава Мудраго, извѣстенъ, кромѣ Лѣтописей, по упоминанію о немъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“; авторъ „Слова“ называетъ его Олегомъ Гориславичемъ и къ нравственной его личности относится отрицательно: „Мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше“; „при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбога внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратиша“. Олегъ добрую часть своей жизни провелъ въ борьбѣ за Черниговскій столъ; подробности его внѣшней жизни приведены Х. М. Лопаревымъ въ статьѣ „Византійская печать съ именемъ русской княгини“, напечатанной въ I т. „Византійскаго Временника“, стр. 159—166. Византійскій характеръ монеты Олега, неудовлетворительное изображеніе которой съ другого экземпляра дано во 2-мъ изданіи конспекта лекцій А. К. Маркова „Русская нумизматика“, табл. I, рис. 5, можно объяснить связями Олега съ Византіей; у грековъ онъ прожилъ около 4 лѣтъ, съ 1079 по 1083 г.г., живя сначала въ

¹⁾ Статья не имѣетъ подписи, но авторъ ея Е. Е. Люценко.

²⁾ Труды Моск. Нумизм. О-ва, т. III, стр. 114.

³⁾ Нумизматическій Сборникъ (Моск. Нум. О-ва), т. III, стр. 302.

⁴⁾ A. Engel et R. Serrure. *Traité de numismatique du Moyen âge*, t. II, p. 907—908.

Константинополь, а потомъ на островѣ Родосѣ, гдѣ провель „двѣ лѣтъ и двѣ зимы“, о чемъ пишетъ въ Хожденіи въ св. Землю русскій паломникъ XII вѣка игумень Даниилъ. Втеченіе этихъ 4 лѣтъ Олегъ женился на византійской аристократкѣ Теофаніи изъ рода Музалоновъ. Въ Тмутаракань онъ возвратился въ 1083 г., гдѣ, вѣроятно, княжилъ около 10 лѣтъ; въ 1094 г. Олегъ завладѣлъ Черниговскимъ столомъ. Чеканку его монетъ можно отнести только ко времени, начиная съ 1083 г., но въ какомъ княжествѣ онъ ихъ чеканилъ, въ Тмутаракани или Черниговѣ, могутъ объяснить лишь ихъ находки. Судя по мѣсту находки на Таманскомъ полуостровѣ экземпляра, изданнаго Е. Е. Люценкомъ,¹⁾ Олегъ чеканилъ монеты, будучи княземъ въ Тмутаракани между 1087 и 1093 годами. Если чеканка монетъ этого типа въ Тмутаракани подтвердится, то это будетъ служить надежнымъ доказательствомъ принадлежности ихъ Олегу—Михаилу, а не Святополку—Михаилу, его современнику, великому князю Кіевскому (+ 1113). Олегъ умеръ въ 1115 году.

Въ результатѣ, какія же требованія должна предъявить наука къ будущему изслѣдователю древнѣйшихъ знаковъ обмѣна на Руси?

На мой взглядъ, весь вопросъ о первыхъ русскихъ чеканканныхъ монетахъ необходимо пересмотрѣть вновь, дополнивъ его изслѣдованіями какъ о монетныхъ слиткахъ, такъ и объ обрававшихся на Руси иностранныхъ денежныхъ знакахъ и ихъ дробныхъ частяхъ (обрѣзкахъ) и въ связи съ этимъ выяснить систему, по какой чеканились наши первыя монеты. Если можно считать доказаннымъ, что причина появленія русскихъ чеканканныхъ монетъ была экономическая, благодаря прекращенію ввоза восточныхъ серебряныхъ монетъ послѣ 1015 г., то невольно напрашивается на мысль назвать Ярослава Мудраго первымъ княземъ, который началъ чеканить размѣнную монету. Отнесеніе гр. Толстымъ монетъ къ Владиміру Святому, Святополку Окаянному не доказательно и въ то же время непонятно, такъ какъ къ преемникамъ Ярослава, его сыновьямъ Изяславу, Святославу, Всеволоду и сыну послѣдняго Владиміру Мономаху гр. Толстой не счелъ возможнымъ относить монеты, объясняя это стр. 162) беспорядочной эпохой нашей исторіи, начавшейся вслѣдъ за смертью Ярослава. На самомъ же дѣлѣ паденіе и

¹⁾ „Древности“, т. III, стр. 190—194, съ приложеніемъ неудовлетворительнаго, гравированнаго на деревѣ, рисунка; вѣсъ монеты 48 долей.

объединіе Кіевской земли началось съ половины XII в., когда, благодаря неблагоприятнымъ условіямъ (Половцы, усобицы князей), земля стала пустѣть и бѣднѣть, Кіевъ сталъ терять значеніе политическаго центра, который и былъ перенесенъ на сѣверъ въ Суздальскую землю, гдѣ Андрей Боголюбскій основалъ свою столицу во Владимірѣ на Клязьмѣ. Слѣдовательно, до половины или конца XII вѣка, когда Кіевскій столъ еще имѣлъ въ глазахъ князей значеніе, чеканку монетъ въ предѣлахъ Кіевской земли и, можетъ быть, въ другихъ, сосѣднихъ съ нею княжествахъ, допустить вполне возможно.

Серьезное и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшающее значеніе имѣютъ также родовые знаки, встрѣчающіеся на всѣхъ первыхъ чеканныхъ монетахъ, кромѣ монетъ Олега-Михаила. Къ разрѣшенію вопроса о нихъ были сдѣланы попытки подойти, но пока безрезультатно.

Настоящею замѣткой я желалъ бы обратить вниманіе специалистовъ на этотъ важный отдѣлъ русской нумизматики и при изданіи *Corpus'a* русскихъ монетъ (который рано или поздно долженъ быть составленъ) начать не съ чеканныхъ монетъ русскихъ князей, а 1) съ образцовъ восточныхъ и западныхъ монетъ, бывшихъ долгое время дѣйствительными русскими монетами, и 2) съ монетныхъ слитковъ, обращавшихся на Руси до XV-го вѣка.

А. Орѣшниковъ.

Новыя христіанскія греческія надписи изъ Крыма.

Мнѣ уже дважды представлялся случай издавать на страницахъ „Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммисіи“ (вып. 44 и 53) греческія христіанскія надписи, открытыя М. И. Скубетовымъ при археологическихъ изслѣдованіяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Крыма, преимущественно къ югу отъ Бахчисарая. Въ 1915 и 1916 г.г. М. И. Скубетовъ продолжалъ свои поиски, результатомъ которыхъ было, между прочимъ, открытіе нѣсколькихъ новыхъ эпиграфическихъ памятниковъ. Свои эстампажи, рисунки и описанія камней М. И. Скубетовъ, какъ и прежде, сообщилъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи, откуда эти матеріалы были присланы мнѣ на разсмотрѣніе А. И. Маркевичемъ. Такъ какъ нѣкоторые камни по описаніямъ М. И. Скубетова показались мнѣ интересными по формѣ и орнаментации, то я просилъ А. И. Маркевича для полноты изданія доставить, если возможно, фотографическіе снимки съ нихъ. Весною 1916 года А. И. Маркевичъ совершилъ съ этою цѣлью, при субсидіи отъ Имп. Археологической Коммисіи, нарочитую поѣздку въ мѣстности, обслѣдованныя г. Скубетовымъ, и прислалъ мнѣ съ трехъ камней (№№ 5, 8 и 9) фотографіи, которыя, къ сожалѣнію, по своимъ малымъ размѣрамъ и недостаточной отчетливости оказались мало пригодными для провѣрки копій, списанныхъ мною съ эстампажей, изъ коихъ нѣкоторые, къ неменьшему сожалѣнію, были не вполне удачны. Описанія вида и величины камней, мѣстъ ихъ находженія и пр. основаны всецѣло на сообщеніяхъ М. И. Скубетова. По содержанію изъ всѣхъ новыхъ надписей наиболѣе интересна помѣщаемая подъ № 12 „храмозданная“, заключающая въ себѣ новое упоминаніе о городѣ Θεodoro. Большинство остальныхъ — обыкновенныя надгробныя, а нѣкоторыя (№№ 3, 4 и 13) неподдаются точному возстановленію. Кромѣ надписей, сообщенныхъ М. И. Скубетовымъ, въ настоящемъ маленькомъ собраніи

издается (подъ № 14) одна надпись изъ Тепе-Кермена, первымъ сообщеніемъ о которой Таврическая Ученая Архивная Коммиссія обязана В. Э. Штифтару.

Дер. Шурю¹⁾.

1. Въ полуверстѣ къ югу отъ деревни, въ урочищѣ Ай-Костанди сохранились развалины церкви и кладбище съ большимъ количествомъ (до 40) памятниковъ разнообразныхъ формъ. Близъ церкви находится однорогій уступчатый памятникъ. На передней и боковыхъ сторонахъ рѣга по большой розеткѣ. На передней сторонѣ подъ розеткою находится углубленіе (выемка) для лампадки. Между розеткою и выемкою читаются двѣ цѣльныя строки надписи, а по сторонамъ выемки — продолженіе ея въ трехъ строкахъ съ каждой стороны. Высота площади надписи 0,19 м., шир. 0,28, выс. старательно вырѣзанныхъ буквъ 0,02—0,03 м. На таблицѣ подъ № 1 а представляется рисунокъ М. И. Скубетова, № 1 б — снимокъ съ эстампажа.

Εκοιμηθη ο δδλ(ος) τδ θδ	
[Α]λεξις υς τδμπελα	
ημινι	ιανδ... .
γς τα	ι ημέ... .
γ επι ετ	ους τΠ

Въ исправленной транскрипціи получимъ: 'Εκοιμήθη ὁ δοῦλ(ος) τοῦ θ(εο)ῦ Ἰ'Αλέξις υἱὸς τοῦ Μπελά/η μηρὶ Ἰανου[αρίω]/ εἰς τὰ[ς] ε', ἡμέ[ρα]/ γ', ἐπὶ ἔτους τΠ.

Упокоился рабъ Божій Алексій, сынъ Белаи (?), мѣсяца Января 10-го, дня третьяго, лѣта 6900 (=1392 по Р. Хр.).

О формѣ имени 'Αλέξις (вм. 'Αλέξιος) см. *Зап. Од. Общ.*, т. 21, стр. 237.

Имя отца усопшаго сомнительно: хотя всѣ сохранившіяся буквы его ясно читаются на камнѣ, но возможно, что въ началѣ стр. 3-й одна буква сбита (эстампажъ не даетъ возможности рѣшить это вполне точно). „Третьимъ днемъ“ недѣли у грековъ, какъ извѣстно, понынѣ называется вторникъ.

2. На томъ же кладбищѣ, также недалеко отъ церкви, находится стела съ отбитою верхнею частью. Въ сохранившейся

¹⁾ Деревня лежитъ къ Ю.-В. отъ Бахчисарая, на р. Качѣ. Надписи, найденныя здѣсь ранѣе, изданы нами въ *Сборникъ христіанскихъ надписей изъ южной Россіи*, стр. 64 слл., и въ *Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи*, в. 44, стр. 1 слл.

арочкѣ „кокетливой формы“ (по выраженію г. Скубетова)— надпись въ 4^{1/2} строки, старательно вырѣзанная по линейкамъ (выс. буквѣ около 0,02 м.), но, къ сожалѣнію, сильно вывѣтрившаяся. См. видъ памятника по рисунку М. И. Скубетова подъ № 2а и снимокъ съ эстампажа подъ № 2б.

Быть можетъ, на самомъ камнѣ удалось бы разобрать больше. Пока мы различаемъ (по эстампажу) только въ стр. 3-й [τ]οῦ Θεοῦ, въ стр. 4-й [Δ]ιμτρία (? вм. Δημητρία) и въ стр. 4—5 μιν Νοεβρή[ω] ἤς τὰ ἰθ' (=μηνὶ Νοεμβρ[ί]ω εἰς τὰ ἰθ').

Дер. Лаки.

3. 4. Въ нашей статейкѣ о христіанскихъ надписяхъ изъ Крыма, помѣщенной въ 53-мъ выпускѣ „Извѣстій Таврич. Уч. Арх. Комм.“, помянуты колонны, найденныя на полу церкви св. Троицы Р. Х. Леперомъ и М. И. Скубетовымъ, и подъ № 5 издана надпись монаха Гервасія Сумелиота на одной изъ этихъ колоннъ¹⁾. Теперь г. Скубетовъ сообщаетъ копии (см. №№ 3 и 4) двухъ надписей, найденныхъ имъ на другой грани той же колонны.

Въ первой изъ этихъ надписей ясна только дата „1776“, а окружающія ее буквы намъ непонятны. Другая надпись представляетъ дату отъ сотворенія міра, въ которой совершенно ясны знаки для тысячъ, десятковъ и единицъ, тогда какъ знакъ для сотенъ не похожъ ни на одну изъ буквъ, обозначающихъ сотни въ греческомъ буквенномъ счетѣ; скорѣе всего, однако, можно принять его за Π=900. Въ такомъ случаѣ получится дата 6939=1431 по Р. Хр.

5. Саженья въ 40 къ западу отъ церкви св. Троицы въ лѣсу находятся развалины другой церкви, повидимому, болѣе древней, чѣмъ Троицкая, и при нихъ кладбище съ памятниками разнообразныхъ формъ — однорогими, гробообразными и стелами. Переднія стороны обѣихъ этихъ стелъ очень сходны и, по мнѣнію М. И. Скубетова, представляютъ работу одного и того же мастера. Сверху, въ арочкахъ, онѣ имѣютъ изображеніе

¹⁾ Къ сожалѣнію, въ описаніе этой надписи вкрался недосмотръ: ссылка сдѣлана на снимокъ № 14, тогда какъ на таблицѣ онъ помѣщенъ подъ № 5, а подъ № 14 помѣщенъ снимокъ съ Фотисальской надписи № 5 (стр. 4). Слѣдовательно, надо исправить эти цифры или на таблицахъ или въ текстѣ. Кромѣ того, на стр. 3-й подъ № 4-мъ въ строкѣ 2-й вмѣсто „нижніе“ слѣдуетъ читать „верхніе“ и на стр. 6-й въ строкѣ 9-й (въ началѣ описанія надписи № 6-й) слѣдуетъ вмѣсто „гранитной“ читать „граненой“.

креста съ замысловатыми украшениями, а ниже, въ выемкахъ, имѣющихъ видъ арки, находятся надписи, изъ которыхъ одна, къ сожалѣнію, настолько вывѣтрилась и смыта дождями, что на эстампажѣ замѣтны лишь неясныя очертанія отдѣльныхъ буквъ, а на фотогр. снимкѣ почти ничего нельзя разглядѣть; быть можетъ, изученіе надписи на самомъ камнѣ дастъ лучшіе результаты. Другая надпись сохранилась нѣсколько лучше, хотя также читается съ трудомъ на эстампажѣ, а на фотогр. снимкѣ почти не разбирается. Высота одной стелы 1 арш. 13 в., другой 1 арш. 10¹/₂ в., ширина обѣихъ 8¹/₄ в., толщина 6¹/₄ в. Обѣ надписи были вырѣзаны ровно и старательно, повидимому, однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ. Высота буквъ 0,023 м., отдѣльныя слова въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были, повидимому, раздѣлены точками. Мы даемъ на снимкѣ № 5 только лучше сохранившуюся надпись, въ которой удалось разобрать слѣдующее:

†
 Εχοιμι ο δδ'
 [τ]δ' ου Солтыкъ
 ρα . η . . ιερ . τηι:υ
 πι . τ . . ταιμδχτι
 καμαρευς . εν μ
 Σεπτε . . . ιε επι
 ρτωο (ινδ) ιε.

Достаточно ясно читаются строки 1, 2, 5, 6 и 7, тогда какъ строки 3 и 4 сохранились хуже и кромѣ того были написаны, повидимому, съ сокращеніемъ словъ. Такъ, въ срединѣ строки 3-й, кажется, слѣдуетъ читать написанное сокращенно существ. *ιερ(εὺς)*. Разобранная часть надписи въ исправленной транскрипціи гласитъ такъ: 'Εχοιμήδ[η] ὁ δού[λος] τ[οῦ] Ο(εο)ῦ Σολτίχ . . . ιερ(εὺς) Καμαρεὺς . ἐν μ(ηῖ) Σεπτε[μβρίῳ] ιε', ἔτει ρτωο, ἰνδ(ικτιωνος) ιε'.

Упокоился рабъ Возійи Солтыкъ. . . священникъ. . . Камарець въ мѣсяць Сентябрь 15-го (дня), льта 6870 (=1362 по Р. Хр.), индикта 15-го.

Имя священника, который нѣкогда былъ погребенъ подъ этимъ памятникомъ,—очевидно татарское. Но этотъ фактъ не долженъ насъ удивлять, такъ какъ и при прежнихъ нашихъ работахъ въ области христіанской эпитафики Крыма намъ неоднократно приходилось констатировать слѣды христіанства среди татарскаго населенія горной части полуострова¹⁾. Инте-

¹⁾ Ср. *Сб. христ. надп.* стр. 69 и *Изв. Таврич. Уч. Арх. Комм.*, в. 53, стр. 3, къ №№ 2 и 3.

ресно, однако, то, что лицо съ татарскимъ именемъ было не только христіаниномъ, но и священникомъ. Строка 5-я даетъ намъ, повидимому, свѣдѣніе о происхожденіи этого лица: довольно ясно читающееся слово *Καμαρέως* мы считаемъ нечѣмъ инымъ, какъ прилагательнымъ отъ сущ. *Καμάρα* — названія селенія, понынѣ существующаго и хорошо извѣстнаго всѣмъ жителямъ юго-западной части Крыма и туристамъ, направляющимся изъ Севастополя на южный берегъ: оно лежитъ вправо отъ севастопольско-байдарскаго шоссе, по направленію къ Балаклавѣ. Если вѣрно наше предположеніе, то мы имѣемъ въ надписи свидѣтельство о существованіи этого селенія уже въ срединѣ XIV вѣка. Что касается до года, то данное нами чтеніе слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, такъ какъ оно подтверждается показаніемъ индикта (значокъ, употребленный въ надписи для сокращенія слова *ἰνδικτιών*, общеизвѣстенъ). Другому возможному чтенію года *ϙωθ'* (=1301 по Р. Хр.) препятствуетъ то, что въ этомъ году былъ 14-й индиктъ, а не 15-й.

Дер. Улусала.

6. Близъ этой деревни, въ урочищѣ Чингинэ-малины (Цыганская слободка), влѣво отъ дороги въ дер. Коушъ, возвышается гора, на которой имѣются два кладбища: ниже татарское, а выше — христіанское, называемое мѣстными жителями „Урумъ-мэзарлыкъ“, т. е. „греческое кладбище“, съ развалинами церкви¹⁾). На этомъ кладбищѣ М. И. Скубетовъ нашель одну плиту съ надписью. Размѣры плиты: длина 2 арш. 13 в., ширина въ головной части 15¹/₂ в., въ нижней 14¹/₂ в., толщина 5¹/₂ в. Обращена на С.-В. Надпись вырѣзана очень грубо на передней сторонѣ плиты по обѣимъ сторонамъ аркообразной выемки. Высота буквъ отъ 0,03 до 0,05 м. Буквы, повидимому,

¹⁾ По описанію М. И. Скубетова церковь, отъ которой сохранился фундаментъ, была обращена на С.-В. (72°) и имѣла полукруглую апсиду; длина церкви 11 арш. 14 в., ширина 4 арш. 7 в. На кладбищѣ г. Скубетовымъ насчитано свыше 200 хорошо сохранившихся памятниковъ разнообразныхъ формъ: одни—въ видѣ гробовъ, другіе—въ видѣ однорогихъ прямоугольныхъ плитъ, нѣкоторые—ступенчатые, съ изображеніемъ разныхъ эмблемъ дѣятельности покойниковъ (напр., молотокъ и наковальня, двухконечный топоръ, гарлыга и др.). На лицевой сторонѣ одной плиты высѣчена розетка, а надъ нею наковальня и молотокъ; въ передней части плиты выемка для лампочки или свѣчи, справа отъ нея — четырехконечный крестъ, а слѣва—квадратное углубленіе какъ бы для надписи или изображенія. Есть плиты съ отбитыми верхними частями, на которыхъ, быть можетъ, находились надписи.

сильно стерты и на эстампажѣ разбираются не вполнѣ ясно, такъ что чтеніе остается сомнительнымъ и требуетъ провѣрки на подлинномъ камнѣ. Представляемъ рисунокъ М. И. Скубелова подѣ № 6а и снимокъ съ эстампажа подѣ № 6б.

+	Εκχημιθη	[ο]	δωσοο
Θ	οδωρ ^ο ς		τως ης
	с		ετου ζπε

Лишь съ большимъ сомнѣніемъ мы предлагаемъ такое возстановленіе: 'Εκχημιθη [ο] δ[ο]λωος τοῦ Θ(εο)ῦ Θε[ε]δωρος [ἀναγν]ώστης ἔτου(ς) ζπε'.

Упокоился рабъ Божіи Θεοδορѣ чтецѣ. Лѣта 7085 (= 1577 по Р. Хр.).

Дер. Ашага-Керменчикъ.

7. Въ оградѣ церкви въ д. Ашага-Керменчикъ (къ Ю. отъ дер. Лаки) найдена верхняя часть рога изящнаго памятника съ скуфьеобразнымъ верхомъ. На передней части памятника находится двускатная выемка, въ которой помѣщена шестистрочная надпись, снизу попорченная. Ширина площади надписи 0,15 м., выс. 0,09--0,12 м., величина буквъ неодинакова. По характеру своему онѣ похожи на курсивныя¹⁾ и довольно хорошо разбираются на эстампажѣ, снимокъ съ котораго представляется подѣ № 7.

Εκχημιθη ω μαχα-
ριωτατος κ(αι) δουλο(ς)
τῷ ἁγίῳ Γιώλτιος μη-
τη οκτωβριο εις
(ο)τας ἡ ἡμερα Π[α]ρα[σ]κε[ε]
δι ετ(ους. . .).

Исправивъ транскрипцію и поставивъ ударенія и придыханія, получимъ слѣдующее чтеніе, кажущееся намъ достовѣрнымъ: 'Εκχημιθη ὁ μαχα/ριώτατος κ(αι) δούλος(ς) τοῦ Θε(ο)ῦ Γιώλτιος μη/τι ἁκτωβρίω εις/ τὰς ἡ', ἡμέρα Π[α]ρα[σ]κε[ε]/υῆ, ἔτ[ους. . .].

Упокоился блаженнѣйшій и рабъ Божіи Гіолтіи мѣсяца Октября 8-го, въ день приготоуленія (=въ пятницу), го[да. . .].

Имя покойника такъ ясно читается на камнѣ, что нельзя и думать объ имени Γεώργιος. Цифры года, къ сожалѣнію, не

¹⁾ По формѣ буквъ надпись довольно близко сходна съ Шурскою надгробною надписью 1622 г. по Р. Хр. въ *Сборн. христ. надп.* № 60.

сохранились, но по характеру письма и по сравненію съ указанною Шурскою надписью № 60 надпись Гіолтія не должна быть древнѣе 2-й половины XVI вѣка.

8. Въ этой же оградѣ лежитъ привезенная изъ ближайшей деревни Юхары-Керменчикъ стела, находившаяся тамъ въ стѣнѣ очага стараго дома и спасенная отъ гибели мѣстнымъ землевладѣльцемъ Г. Л. Чукуровымъ. Стела, выш. 1,365 м., шир. 0,46, толщ. 0,166, по словамъ М. И. Скубетова, очень красива. Верхъ ея былъ полукруглый, но нынѣ отбитъ; по краямъ идетъ высѣченная плетенка, не вполнѣ сохранившаяся; ниже въ рамкѣ орнаментированный кругъ съ высѣченнымъ изображеніемъ креста, подъ которымъ находится орнаментированная сѣтка; еще ниже четыре орнамента эллиптической формы изъ трехгранныхъ зубчиковъ, а подъ ними въ прямоугольномъ углубленіи (шир. 0,37 м., выс. 0,13 м.) четырехстрочная надпись, къ сожалѣнію, сохранившаяся довольно плохо (выс. буквъ 1,012—0,015 м.). Представляемъ видъ памятника съ фотографическаго снимка (№ 8а) и снимокъ надписи съ эстампажа (№ 8б).

† Εκχημυθ(η) ω δουλος του θυ
 π[α]πας Αθανα[σιος]
 απετ εν τω επη
 ετδς σππη

Чтеніе 2-й строки очень сомнительно, такъ какъ первая слѣва буква имѣетъ на эстампажѣ форму Т, а за нею испорчено пространство, на которомъ можно помѣстить 2—3 буквы, а не одну только А, недостающую въ словѣ π[α]πας. Въ концѣ строки послѣ ясно видныхъ буквъ ΝΑ слѣдуетъ опять буква Т, а за нею 2—3 буквы, похожія скорѣе на ωει или ωδι, чѣмъ на буквы ιος, требующіяся для возстановленія предполагаемаго нами личнаго имени. Въ началѣ 3-й строки ясно видны буквы απετ, затѣмъ попорчено мѣсто 2-хъ буквъ, а далѣе опять ясно читаются буквы ΕΝ. Смыслъ этихъ первыхъ четырехъ буквъ намъ не удалось уловить (если не читать ἀπέτ[αν]εν вмѣсто απειθ[αν]εν). Въ концѣ той же строки стоятъ отдѣльно буквы επη, кажушіяся излишними. Наконецъ, если слово ετους въ стр. 4-й зависитъ отъ ἐν τῷ, то должно было бы стоять въ дательномъ падежѣ (ἔτει). Такимъ образомъ, надпись не поддается несомнѣнному возстановленію. Только съ нѣкоторою вѣроятностью можно думать, что она представляетъ собою надгробіе „попа“ Αθανασія, скончавшагося въ 6908 году (=1400 по Р. Хр.).

9. Въ 4-хъ верстахъ отъ д. Ашага-Керменчикъ, на землѣ К. Д. Папалекси, находятся развалины церкви (по преданію, во имя св. Іоанна Предтечи), и вокругъ нихъ кладбище, въ числѣ памятниковъ¹⁾ котораго М. И. Скубетовъ нашелъ одну плиту съ надписью, разбитую на двѣ части. Высота ея 1 арш. $9\frac{3}{4}$ в., шир. $7\frac{1}{8}$ в., толщ. 4 в., „съ хвостомъ для укладки въ колоду“. Наверху передней стороны въ аркообразной выемкѣ удлиненный крестъ красивой формы съ расширяющимися перекрестьями, на подставкѣ, ниже — изящный орнаментъ въ видѣ сѣтчатой плетенки, подъ нимъ полоска въ видѣ веревки, а еще ниже въ выемкѣ — надпись. Высота поля надписи 0,25 м., шир. 0,19 м., высота буквъ — отъ 0,015 до 0,017 м. Старательно вырѣзанная надпись сохранилась цѣликомъ и читается хорошо. Представляются по фотографіямъ общій видъ памятника (№ 9а) и надпись въ бѣльшемъ масштабѣ (№ 9б).

†

+ Εκημι
 ι δδλη τδ 05 κα -
 λανη[τ]ζα μιη
 απρηληο [ε]ις ιε
 ετδς τ ω ν ε

Исправивъ транскрипцію, получимъ: 'Εκοιμήθη(η) ἡ δοῦλη τοῦ Θ(εο)ῦ Καλανί[τ]ζα μιηὶ Ἀπριλίω [ε]ις τὰ ιε', ἔτους ρζωνε'.

Почила раба Божія Каланица мѣсяца Апрѣля въ 15-й (день), лѣта 6855 (=1347 по Р. Хр.).

Имя Καλανίτζα уже встрѣтилось въ надписи 1348 г., найденной, повидимому, въ развалинахъ этой самой церкви въ 1898 г. А. Л. Бертье-Делагардомъ и изданной нами въ *Зап. И. Од. Общ.*, т. 21, стр. 242, съ поправками на стр. 253 (въ настоящее время камень находится въ музеѣ Таврической Уч. Арх. Коммиссіи, см. тамъ же, стр. 251). Имя Καλάνια, отъ котораго происходитъ уменьшительное Καλανίτζα, ясно читается въ *Шурской надписи Сб. христ. надп. № 58²⁾*.

¹⁾ М. И. Скубетовъ сообщаетъ, что на этомъ кладбищѣ „нѣкоторые памятники очень художественной работы и оригинальной формы: въ видѣ гробообразныхъ плитъ съ однимъ рогомъ въ передней части, въ видѣ однорогой прямоугольной плиты, ступенчатыхъ и нѣсколько стелъ“, изъ коихъ, кромѣ имѣющей надпись, отмѣчена стела въ видѣ георгіевскаго креста безъ надписи.

²⁾ Рисунокъ камня съ этой надписью приложенъ къ сообщенію А. И. Маркевича о памятникахъ христіанства въ окрестностяхъ Бахчисарая и Карасубазара въ *Извѣстіяхъ Таврич. Уч. Арх. Коммиссіи* № 29, стр. 101 слл., рис. № 9.

Дер. Юхары-Керменчикъ.

10. Къ востоку отъ деревни, по дорогѣ въ дер. Авджиной, лежитъ небольшое урочище, называемое по-татарски Сарча-кильсе или Балабанъ-карагачъ-кильсе¹⁾. Въ урочищѣ возвышается курганъ, на вершинѣ котораго сохранились развалины фундамента церкви изъ бѣлаго инкерманскаго камня; фундаментъ имѣетъ видъ прямоугольника съ полукруглой апсидой; длина его внутри 10³/₄ арш. и ширина 7¹/₄ арш. Такъ какъ мѣстные греки называютъ урочище „Саранда“ (ново-греч. *σαράντα* = др.-греч. *τὸ σαράκοντα*), то можно предполагать, что церковь была посвящена свв. Сорока мученикамъ.

Вокругъ церкви было кладбище, на которомъ сохранилось до десятка памятниковъ разнообразнаго вида: однорогіе, гробообразные и уступчатые. На одномъ изъ памятниковъ, лежащемъ впереди развалинъ церкви, имѣется надпись. Видъ этого памятника по рисунку М. И. Скубетова см. подъ № 10 а, снимокъ съ эстампажа — подъ № 10 б. На лѣвой сторонѣ ската имѣется орнаментъ изъ квадратиковъ и трехугольниковъ. Надпись, какъ видно на рисункѣ, состоитъ изъ шести строкъ, изъ которыхъ четыре вырѣзаны между линейками на передней поверхности по сторонамъ углубленной выемки, а двѣ нижнія — на нижнемъ выдающемся уступѣ. Четыре строки на присланномъ эстампжѣ разбираются довольно хорошо за исключеніемъ конца строки 4-й (справа отъ выемки), гдѣ буквы почти незамѣтны, хотя на рисункѣ г-на Скубетова показаны здѣсь остатки нѣсколькихъ буквъ. Строка 5-я также для насъ неясна. Мы читаемъ на эстампжѣ слѣдующее:

εχδμῖ	ἦ ὁ μα
καρίο	τατος
δ(δ)λος τδ θυ	Βασιλις
αμίλογδ
	ετους τππνς

Въ исправленной транскрипціи надпись въ разборчивой части читается такъ: 'Εκαμῖθη ὁ μακαριώτατος δοῦλος τοῦ Θεοῦ Βασιλις²⁾ ἔτους τππνς, т. е. „Упокоился блаженнѣйшій рабъ Божій Василій лѣта 6956. (=1448 по Р. Хр.).

¹⁾ Второе названіе, по словамъ г-на Скубетова, происходитъ отъ огромнаго карагача (чернаго дуба), когда-то росшаго въ урочищѣ и давно уже срубленнаго.

²⁾ Съ этой формой имени (вмѣсто Βασιλειος) ср. 'Αλέξιος въ № 1.

Годъ читается ясно на рисунокѣ г. Скубетова, но на эстампажѣ третья буква (v) видна плохо.

Дер. Фотъ - Сала.

(Адельше-имамъ-Мале).

11. Кромѣ кладбища, упомянутого въ моей статьѣ въ 53-мъ выпускѣ „Извѣстій Тавр. Уч. Арх. Комм.“, въ верстѣ отъ него, къ югу отъ деревни, въ урочищѣ Нурла-бай-мале, въ чаирѣ, принадлежащемъ Кадырь-эфенди, среди дубоваго лѣса, находится другое христіанское кладбище (гяурь-мэзарлыкъ) съ развалинами церкви. Вокругъ нея М. И. Скубетовъ нашелъ десять однорогихъ памятниковъ, изъ коихъ четыре имѣютъ красивую орнаментацию. Въ одной сажени отъ церкви лежитъ старательно выдѣланный памятникъ, на передней сторонѣ котораго, подъ рогомъ, была надпись, нынѣ, къ сожалѣнію, разбитая на мелкія части. М. И. Скубетову удалось найти 6 кусковъ ея, въ томъ числѣ два побольше (одинъ съ верхней розеткой и концомъ 1-й строки надписи, другой — съ концами трехъ нижнихъ строкъ) и 4 очень маленькіе, съ остатками 2—3 буквъ. Общій видъ памятника по рисунку г. Скубетова представляется подъ № 11. Возстановить надпись по ничтожнымъ остаткамъ невозможно.

Им. Коккозъ.

12. Въ имѣнии Коккозъ князя Ф. Ф. Юсупова графа Сумарокова-Эльстонъ въ стѣну такъ называемаго „Чайнаго домика“, построеннаго въ 1910 г., вдѣлана каменная плита съ надписью, привезенная для постройки домика, въ числѣ другихъ строительныхъ камней, изъ развалинъ греческой церкви, находящейся въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ „Чайнаго домика“, въ мѣстности Кучукъ-Бабуганъ, въ такъ называемой Монастырской балкѣ, близъ пещеры Данильсе-коба¹⁾. Высота плиты съ надписью 0,27 м., сохранившаяся ширина—0,26 (плита справа обломана), толщина, по словамъ подрядчика,—0,27 м. Надпись вырѣзана

¹⁾ О самихъ развалинахъ М. И. Скубетовъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Церковь была обращена прямо на В., сложена изъ бѣлаго тесаннаго камня такъ называемой Инкерманской породы на чрезвычайно крѣпкомъ растворѣ извести. Длина церкви 10 арш. 13 вершк., ширина 6 арш., глубина апсиды 2 арш. 5 в., ширина 4 арш. Стѣны сохранились на высоту отъ 1 арш. 7 в. до 2 арш. При постройкѣ „Чайнаго домика“, кромѣ плиты съ надписью, изъ развалинъ былъ вынутъ камень съ высѣченнымъ изображеніемъ креста, исчезнувшій неизвѣстно куда.

въ стесанной впадинѣ глуб. 0,003 м., рамка которой сверху и справа отбита. Высота буквъ — отъ 0,01 до 0,014 м. См. снимокъ № 12.

Мы читаемъ на эстампажѣ слѣдующее:

† πα . . .
 αγίαν ταυτη[ν . . .
 ο ἐλάχιστος Νηλο[ς . . .
 τὸν εὐσεβῶν οικι . . .
 θεοφυλάκτου πῶ . . .
 ρους μ' ἰδνῆο α . . .

Подъ надписью слѣва крестикъ, а справа — неясно сохранившіяся буквы, повидимому, вязь изъ буквъ NT и буква M. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ буквами поставлены ударенія. Въ 5-й строкѣ надъ буквою M двумя черточками обозначено сокращеніе (μηνι), а надъ слѣдующею буквою I поставлены двѣ точки. Нечего и говорить, что орѳографія надписи оставляетъ желать лучшей: встрѣчается смѣшеніе ο съ ω, η съ ει и ι. Буквы NH въ стр. 3 и 6 вырѣзаны вязью.

Мы считаемъ возможнымъ возстановить надпись въ слѣдующемъ видѣ (въ исправленной транскрипціи):

† Πα[ντοκράτορι ἔκτισε? τήν]
 ἀγίαν ταύτη[ν ἐκκλησίαν]
 ὁ ἐλάχιστος Νεῖλο[ς συνδρομῆ?]
 τῶν εὐσεβῶν οἰκ[ητόρων τῆς]
 θεοφυλάκτου πό[λεως Θεοδώ]—
 ροῦς μ(ηνι) Ἰουλίω α'. . .

Намъ кажутся сомнительными возстановленія строкъ 1-й и 3-й, хотя и они вполнѣ подходят по количеству недостающихъ буквъ, строки же 2, 4 и 5 врядъ ли могутъ быть возстановлены иначе. Въ концѣ стр. 6-й пропало обозначеніе года или индикта. По нашему возстановленію надпись можетъ быть переведена такъ:

Все[держителю построилъ] святую сію [церковь] малѣйшій Ниль [содѣйствиѣмъ?] благочестивыхъ жи[телей] богохранимаго го[рода Θεοδο]ро мѣсяца Юня 1-го. . .

Извѣстно, что въ средніе вѣка, до завоеванія Крыма турками, въ горной части его существовало самостоятельное княжество Θεοδορское съ главнымъ городомъ Θεοδώρω, находившимся на мѣстѣ нынѣшняго Мангупа. Существоющія свѣдѣнія объ этомъ княжествѣ, съ указаніемъ предшествующей литера-

туры, собраны нами въ *Сборникъ христ. надп.*, стр. 48 слл. Такъ какъ камень съ издаваемою здѣсь надписью, по всей вѣроятности, былъ взятъ для „Чайнаго домика“ изъ развалинъ той самой церкви, о постройкѣ которой гласитъ надпись, то изъ нея можно заключить, что мѣстность нынѣшняго Коккоза входила въ составъ территории Θεοδορσкаго княжества. Хотя въ надписи говорится, повидимому, о постройкѣ *церкви*, но весьма возможно, что въ названіи „Монастырскою балкою“ той мѣстности, въ которой находилась эта церковь, сохранилось воспоминаніе о монастырѣ, который нѣкогда существовалъ здѣсь и которому принадлежала построенная Ниломъ церковь¹⁾. Это предположеніе до нѣкоторой степени подтверждается эпитетомъ „ἐλάχιστος“, присоединеннымъ къ имени Нила и заставляющимъ думать, что Ниль былъ монахомъ, такъ какъ этимъ прилагательнымъ монахи обычно характеризовали свою скромность и смиреніе (ср. ταπεινός). Предположеніе, что церковь была освящена во имя Вседержителя, зиждется только на двухъ первыхъ буквахъ первой строки. Однако, если бы вмѣсто Πα[υτοκράτορι] предположить здѣсь имя какого-либо святого (напр., Πα[γκρατίω], Πα[υτελεήμονι], Πα[ύλω] и т. п.), то предъ нимъ были бы поставлены слова τῷ ἁγίῳ, а между тѣмъ крестикъ предъ буквами ПА показываетъ, что съ нихъ начинается надпись. Въ заключеніе нельзя не выразить сожалѣнія, что въ надписи не сохранилось обозначеніе года постройки церкви.

Сел. Богатырь.

13. Въ сел. Богатырь имѣется древнее кладбище, на которомъ М. И. Скубетовъ насчиталъ 165 памятниковъ. Влѣво отъ развалинъ церкви (по преданію—Преображенія Господня) найдена имъ одна плита, на боковой продолговатой сторонѣ которой сохранилась надпись, состоящая всего изъ нѣсколькихъ буквъ (выс. 0,02 м.). не дающихъ яснаго смысла.

Тепе-Кермень²⁾.

14. Обломокъ трехугольной призмы изъ бѣлаго известняка выс. 0,28 м.; основаніе представляетъ собою равнобедренный

¹⁾ Возможно было бы, конечно, въ строкѣ 2-й вмѣсто ἐκκλησίαν предположить μονήν, но это слово слишкомъ коротко для заполнения лакуны.

²⁾ Надписи, найденныя здѣсь раньше, изданы нами въ *Сборникъ христ. надп.*, стр. 60 сл., №№ 51 и 52, и въ дополненіяхъ стр. 128, № 51 а.

треугольникъ, одна сторона котораго имѣеть въ длину 0,24 м., а двѣ другія по 0,19 м. Ребра и углы призмъ частью срѣзаны, частью потерты отъ времени. Въ треугольникѣ основанія внутри выпуклой рамки вырѣзана шестистрочная надпись небрежными и неровными буквами, съ сокращеніями и ореографическими ошибками. По всей вѣроятности, обломокъ происходитъ отъ крышки каменнаго ящика могилы, хотя надпись на немъ не надгробная въ собственномъ смыслѣ, а молитвенная.

Обломокъ найденъ осенью 1913 г. на Тепе-Керменѣ на поверхности земли среди другихъ камней. Лѣтомъ 1914 года В. Э. Штифтаръ случайно нашелъ камень у д-ра Берлинерблау въ Евпаторіи и сообщилъ описаніе его съ фотографическимъ снимкомъ А. И. Маркевичу, который переслалъ этотъ матеріалъ намъ. Фотографическій снимокъ оказался очень маленькимъ и притомъ снятымъ въ ракурсѣ, такъ что надпись почти незамѣтна на немъ. Поэтому Л. А. Моисеевъ, по моей просьбѣ, весной 1917 г. вновь разыскалъ камень и прислалъ мнѣ два эстампажа и два фотографическихъ снимка бѣльшаго формата, съ одного изъ которыхъ сдѣлано клише № 14а. Надпись (см. снимокъ № 14б) вырѣзана мелкими и неровными, но отчетливыми буквами (по общему шибу очень похожими на № 7), которыя почти всѣ ясно читаются на эстампажахъ. Тѣмъ не менѣе строка 4-я съ первыми двумя буквами 5-й и конецъ строки 6-й съ тремя буквами стр. 7-й, заключающими собою надпись, остаются для насъ загадочными.

Въ исправленной транскрипціи, съ удареніями и придыханіями, надпись читается такъ:

Δέησις τὸν

δοῦλον τοῦ Θε(ε)οῦ

Νικολάου μα(να)ρχ(οῦ)

σιφιογωζῆρε

λε. Ἐγράφη μ(η)νι

Μαρτίου δι', ἔτ(ους) λ', ἡμέρα ε'.

Сокращеніе формы члена τὸν посредствомъ буквы Т съ двумя косыми черточками сверху, а также и неправильности въ употребленіи падежей (здѣсь винит. вм. род.) уже неоднократно встрѣчались въ крымскихъ христіанскихъ надписяхъ¹⁾.

Въ загадочныхъ буквахъ стр. 4-й и начала 5-й, совершенно ясно читающихся на эстампахѣ, быть можетъ, заключается ука-

¹⁾ Ср. *Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм.*, в. 44, стр. 3.

заніє родини посвятителя или его фамиліи, а въ концѣ стр. 6-й и началѣ 7-й, вѣроятно, обозначенъ индиктъ. Какъ слѣдуетъ понимать обозначеніе „30-го года“ въ стр. 6-й, для насъ неясно. Проще всего было бы предположить, что обозначена, по обыкновенію, дата отъ сотворенія міра съ пропускомъ тысячъ и сотенъ, но примѣровъ такого сокращенія мы не припоминаемъ¹⁾.

*Переводъ. Моленіе раба Божія Николая мо(наха) . . .
написано мѣсяца Марта 14-го, лѣта 30, дня 5-го. . . .*

В. Латышевъ.

¹⁾ Можно, однако, напомнить, что въ русскихъ до-петровскихъ документахъ, особенно въ XVII в., при счетѣ отъ сотворенія міра тысячи обыкновенно пропускались. Напр., писали „въ 158-мъ году“ вмѣсто „въ 7158-мъ году“.

Мѣдь Динаміи и Аспурга.

Въ статьѣ о бронзовомъ бюстѣ Боспорской царицы въ XXV т. Древностей я постарался выяснитъ сложную и запутанную исторію Боспора послѣ Миѳрадата Великаго, главнымъ образомъ въ эпоху ближайшихъ преемниковъ Асандра. Для освѣщенія вопроса былъ привлеченъ и нумизматическій матеріалъ, хотя имъ въ этой статьѣ я специально не занимался.

Подготавливая теперь къ изданію совмѣстно съ О. Ф. Ретовскимъ полное описаніе всѣхъ извѣстныхъ боспорскихъ монетъ, которое могло бы появиться въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ, но, по обстоятельствамъ переживаемаго времени, вѣроятно, долго еще останется въ рукописи, я вновь натолкнулся на двѣ или три серіи монетъ, которыя давно уже представляютъ камень преткновения для всѣхъ занимающихся нумизматикой Боспора. Я говорю о мѣди Кесаріи и Агриппіи и мѣди съ монограммами ВАЕ и ВАМ. Послѣ многихъ рискованныхъ и любительскихъ попытокъ приурочить монеты двухъ послѣднихъ серій то тому, то другому времени всѣ три серіи тщательно и научно разобраны были А. В. Орѣшниковымъ,¹⁾ а послѣ него съ необычайной тонкостью и мастерствомъ анализа занялся двумя послѣдними А. Л. Бертье-Делагардъ въ статьѣ О монетахъ властителей Боспора Киммерійскаго, опредѣляемыхъ монограммами (З. Од. Общ. Ист. и Др. XXIX, 1911).

Въ этой статьѣ А. Л. Бертье-Делагардъ съ полною очевидностью выяснилъ неприемлемость хронологическаго опредѣленія А. В. Орѣшникова, приписавшаго монеты послѣднихъ двухъ серій эпохѣ Миѳрадата Великаго, опредѣленія, которое

¹⁾ Орѣшниковъ, *Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus*, 1883, 13 слл.; Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ, 29 слл. (1884 и 1887); Мат. по др. нумизматикѣ Черноморскаго побережья (1892); *Ann. de la Soc. de Numism.* 1889; Экскурсы въ обл. др. нумизм. Черноморск. поб., 29 слл.

одно время грозило сдѣлаться общепринятымъ.¹⁾ Если я здѣсь возвращаюсь къ этому вопросу, то только потому, что А. Л. Бертье-Делагардь изъ превосходныхъ предпосылокъ, къ сожалѣнію, не пожелалъ сдѣлать единственно вытекающихъ изъ нихъ выводовъ и простому предпочелъ сложное, а доказуемому недоказуемое.

Постараюсь поэтому, базируясь на его анализѣ и на восстановленіи исторіи Боспора въ эпоху Августа, данному въ моей выше упомянутой статьѣ, вставить въ схему историческаго развитія упомянутыя три серіи монетъ.

Первая изъ упомянутыхъ серій тщательно описана и разработана А. В. Орѣшниковымъ въ его статьѣ: „Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья,“ Нумизматическій Сборникъ, III (1914); здѣсь же указаны и всѣ разновидности, изданныя на табл. I, 11—17. Въ общемъ мы имѣемъ два главныхъ типа: на одномъ — на гладкой сторонѣ изображена голова женщины въ калаѣѣ и покрывалѣ и на оборотѣ надпись *καίσαρέωυ* и изображеніе факела, жезла или скипетра (разновидность: та-же голова, но въ башенномъ вѣнцѣ и на оборотѣ горящій факелъ), на другомъ — на гладкой сторонѣ голова женщины въ діадемѣ и покрывалѣ, на оборотѣ надпись *Ἀγριππέωυ* и передняя часть корабля съ двумя или четырьмя точками надъ нею (на одной разновидности безъ точекъ).

Серія съ монограммой ΒΑΕ (всего 22 типа) наиболѣе полно описана и издана А. М. Подшиваловымъ *Monn. d. rois du Bosphor Cimmérien*, Москва 1887, 15 слл. и табл. II. Новые типы добавлены Орѣшниковымъ, *Mat. по др. нум.* Черн. поб. 1892. 18 рис. и Гилемъ, *Нов. приобр.* VI, 59, ср. Бертье, I, с., 4 слл. и Орѣшниковъ *Экск.*, 29 слл.

Монеты съ монограммой ΒΑΜ изданы полностью (три типа) въ послѣдній разъ Бертье I, с., 5 слл. Прилож. № 17, 18 и 19, гдѣ и сводка всей литературы.

Повторять описаніе всѣхъ этихъ типовъ, достаточно хорошо извѣстныхъ, излишне.

Что касается до монетъ первой серіи, то ея время никогда не представляло предмета сомнѣній и колебаній. Онѣ, несомнѣнно, относятся къ эпохѣ Августа и представляютъ чеканъ Фанагоріи или, какъ думаетъ Орѣшниковъ, Фанагоріи и Пантикапея. Въ моей только что упомянутой статьѣ я указалъ на то, что женская

¹⁾ Ср. A. d. Sallet, *Zeitschr. v. Num.* XI, 340; F. Imhoof-Blumer, *Porträt-Köpfe*, 34 сл.

голова на этих монетах напоминает не столько Ливию, сколько Динамию, и что поэтому чекань этих городских монет по всей вѣроятности относится ко времени правленія Динамии, не къ тому году—17/16 до Р. Хр.—когда она временно правила послѣ смерти Асандра и до ея брака съ Полемономъ, а къ тому ряду лѣтъ, когда она была властительницей Боспора послѣ смерти Полемона и чеканила золото со своей монограммой и головами Августа и Агриппы съ 8 года до Р. Хр. и по 7 годъ по Р. Хр.

Цѣлый рядъ фактовъ и соображеній, о которыхъ я говорю въ другомъ мѣстѣ, показываетъ, что однимъ изъ условій признанія Динамии Августомъ было ея полное подчиненіе Риму и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставленіе довольно широкой автономіи главнымъ городамъ ея царства, преимущественно Фанагоріи. За предоставленіе этой автономіи, показателемъ которой былъ чеканъ городской мѣди, Фанагорія и ставитъ ей благодарственную надпись и статую (I. o. s. P. E. II, 356). Выраженіемъ этой же благодарности является и помѣщеніе головы съ чертами ея лица на монетахъ, причемъ голова эта изображаетъ царицу можетъ быть въ ритуальномъ жреческомъ облаченіи, т. е. какъ жрицу культа Августа и Рима, можетъ быть въ уборѣ и съ атрибутами великаго мѣстнаго женскаго божества.

Чрезвычайно близка по времени къ этой серіи монетъ и серія съ монограммой ВАЕ. Какъ я уже сказалъ, Бертъе-Деларгъ съ полной очевидностью показалъ, что серія эта не можетъ принадлежать, какъ это думалъ Орѣшниковъ, эпохѣ Миѳрадата. Не стану повторять его разсужденія и напомнимъ только главные его аргументы: 1) для эпохи Миѳрадата мы имѣемъ во всѣхъ крупныхъ городахъ Боспорскаго царства обильный чеканъ мѣди; параллельно ему можетъ быть идти чеканъ сатраповъ Миѳрадата, извѣстныя монеты съ колчаномъ на оборотѣ; самъ Миѳрадатъ мѣди нигдѣ не чеканилъ; 2) стиль этого городского чекана Миѳрадатовскаго времени рѣзко отличается отъ стиля монетъ съ монограммой ВАЕ; 3) на монетахъ интересующей насъ серіи совсѣмъ нѣтъ обычныхъ для Миѳрадатовской мѣди именъ магистратовъ; 4) типы монетъ только частью общи съ Миѳрадатовскими (10 изъ 31 типа); 5) имя царя поставлено не полностью, а въ видѣ монограммы, что недопустимо для Миѳрадата; 6) отсутствіе монетъ съ монограммами ВАЕ и ВАМ въ Херсонесѣ.

Къ этимъ соображеніямъ отрицательнаго характера надо прибавить слѣдующія положительныя указанія. Не можетъ быть

никакого сомнѣнія, что серія съ ВАЕ чрезвычайно близка къ серіи съ ВАМ. На это съ очевидностью указываетъ совпаденіе типовъ на монетахъ съ головой Гелія на главной сторонѣ, восьмилучной Миѳрадатовской звѣздой и полумѣсяцемъ на оборотѣ (Бертъе, табл. I, 11 и 17). Характерно, что тотъ же типъ даетъ Шодуаровская монета съ именемъ импер. Клавдія на главной сторонѣ и монограммой ВАМ на оборотѣ. Еще показательнѣе, что тотъ же типъ, врядъ ли заимствованный съ римскихъ денаріевъ, появляется на золотой монетѣ Динамін 17—16 г. до Р. Хр.

Между тѣмъ, почти несомнѣнно, что монеты съ монограммой ВАМ, какъ это думаютъ и Орѣшниковъ, и Minns, чеканены Миѳрадатомъ VII. Если даже отвлечься отъ монеты Шодуара, то типъ головы на главной сторонѣ монеты съ полумѣсяцемъ и звѣздой на оборотѣ такъ напоминаетъ портретъ Миѳрадаты VII на монетахъ съ его надписью, что не оставляетъ сомнѣнія въ принадлежности ему всей серіи. Къ тому же заключенію ведетъ и особенно ярко подчеркиваетъ родство серіи ВАЕ съ монетами Миѳрадаты VII-го то обстоятельство, что на мѣди съ его портретомъ и именемъ на оборотѣ появляются атрибуты Геракла, тѣ же, которые мы находимъ на большой мѣдной монетѣ съ монограм. ВАЕ (Бертъе, I, 12).¹⁾

Наконецъ, въ высокой степени показательно давно уже подмѣченное совпаденіе чекановъ на одной монетѣ съ моногр. ВАМ и на такой же точно монетѣ съ монограммой ВАР, которую всѣ согласно считаютъ за монограмму Аспурга, появляющуюся и на его золотѣ, и на его мѣди (Бертъе, I, № 16 и 19).

Всѣ эти соображенія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ вышеуказанныя монеты одновременны и относятся еще къ эпохѣ правленія Августа и ближайшихъ его преемниковъ. Допустить съ Орѣшниковымъ, что Миѳрадаты III возобновилъ чеканъ своего прадѣда, настолько же маловѣроятно, какъ и относить всю серію монетъ съ монограммой ВАЕ къ эпохѣ правленія Миѳрадаты Великаго.

Если это такъ, то естественно ставится вопросъ о томъ, какіе же правители Боспора чеканили вышеупомянутую мѣдь.

Minns (*Scythians and Greeks*, 603) всю ее приписываетъ Миѳрадату VII, что однако совершенно невѣроятно. За короткое и бурное время своего правленія Миѳрадаты, конечно, не

¹⁾ Меньше значенія я придаю выводамъ Орѣшникова изъ дополнительныхъ цифръ на монетахъ ВАМ, которыя онъ считаетъ обозначеніемъ годовъ его правленія. Эти цифры, какъ и на монетахъ съ монограммой ВАЕ, могутъ быть знаками цѣнности.

успѣлъ бы выпустить такое огромное количество мѣди. Кромѣ того, совершенно невозможно было бы объяснить, почему на одних монетах онъ ставитъ одну монограмму, на другихъ другую.

Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется другое объясненіе. Мы видѣли, что въ эпоху правленія Динаміи чеканилась мѣдь городами ея царства, несомнѣнно, Фанагоріей и, можетъ быть, Пантикапеемъ. Можно ли, однако, думать, что Динамія, чеканившая обильное золото, совсѣмъ не чеканила своей, а не городской мѣди? Это врядъ ли вѣроятно. Между тѣмъ, никакой мѣди для этого времени мы указать не можемъ, тогда какъ чеканка мѣди при ея мужѣ Асандрѣ была очень обильна.

То же явленіе наблюдается и для эпохи чекана золота съ монограммой КНѢ и для эпохи первыхъ годовъ правленія Аспурга, когда онъ чеканилъ золото съ своей монограммой, но, какъ Динамія, безъ включеннаго въ нее титула царя.

Не представляется ли поэтому въ высокой степени вѣроятнымъ приписать чеканъ мѣди съ монограммой ВАЕ эпохъ правленія Динаміи, внучки великаго Миѳрадата, и ея сына Аспурга, когда онъ еще не рѣшался ставить на мѣдь свой портретъ въ сопровожденіи своей монограммы. Переходнымъ звеномъ между этой серіей и монетами Аспурга съ его портретомъ и монограммой явилась бы въ такомъ случаѣ монета съ головой Арея, совершенно аналогичная по стилю съ монетами ВАЕ, и съ монограммой Аспурга.

При этомъ предположеніи наиболѣе простымъ способомъ объясняется и появленіе монограммы, и тотъ фактъ, что чеканъ интересующей насъ мѣди въ нѣкоторой части совпадаетъ съ Миѳрадатовскими типами.

Толкованіе самой монограммы ВАЕ представляется, конечно, спорнымъ. Врядъ ли, однако, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ буквѣ Е надо видѣть сокращеніе прозвища *Εὐπάτωρ*, а въ самой монограммѣ прикровенное указаніе на великаго царя. Всякое иное объясненіе натывается на непреодолимая затрудненія.

Если же это такъ, то какъ разъ обстоятельства, при которыхъ протекало правленіе Динаміи, даютъ наиболѣе подходящій фонъ для такого прикрытаго напоминанія о великомъ царѣ, страшномъ врагѣ римлянъ.

Вспомнимъ, что Динамія своими правами на престолъ, своей популярностью въ царствѣ и своимъ успѣхомъ въ борьбѣ съ Полемономъ обязана была исключительно только тому, что она

была внучкой великаго Миѳрадата, дочерью его сына Фарнака. Въ официальныхъ документахъ она, конечно, объ этомъ не говоритъ, такъ какъ это было бы нетактично по отношенію къ римлянамъ, но фанагорійцы, желающіе почитать Динамію и польстить ей, выставляютъ это въ уже упомянутой надписи на первый планъ.

Естественно, что и на своемъ чеканѣ Динаміи могло казаться желательнымъ указать на это свое происхожденіе отъ Миѳрадата. Сдѣлать это прямо она не рѣшалась. Вѣдь ей запрещено было ставить даже имя свое полностью на золотѣ и присоединять къ этому имени хотя бы сокращеніе своего царскаго титула. Но косвенное указаніе въ монограммѣ и въ рядѣ знакомыхъ Миѳрадатовскихъ типовъ было и возможно и безопасно, тѣмъ болѣе, что титулъ *Ἐπιπάτωρ* могъ быть истолкованъ и какъ прозвище самой царицы, а затѣмъ прозвище ея сына, указывавшее на знатное царское происхожденіе его носителей и на ихъ пietetъ по отношенію къ своимъ предкамъ. Надо помнить, что прозвище *Ἐπιπάτωρ* было вполнѣ обычно почти во всѣхъ эллинистическихъ династіяхъ.

Мнѣ представляется, такимъ образомъ, что Динамія одновременно съ чеканомъ золота и городскимъ чеканомъ мѣди, выпускаетъ обильную серію царской государственной мѣди съ монограммой великаго царя, ея дѣда. По ея стопамъ идутъ ея преемники — неизвѣстный царь, выпускающій золото съ монограммой ΚΝΕ, и Аспургъ. Начиная съ 14 г. по Р. Хр. Аспургъ замѣняетъ эту мѣдь мѣдью со своимъ портретомъ и своей царской монограммой.

Традицію бабки возобновляетъ Миѳрадатель VII въ первые зависимые и стѣсненные годы своего правленія, причемъ его мать Гепепирисъ одновременно чеканитъ мѣдь съ головой своей и своего сына, а также мѣдь съ своей головой и головой богини или жрицы съ келасомъ и покрываломъ и чертами лица Динаміи.

Этотъ чеканъ смѣняется затѣмъ чеканомъ послѣднихъ лѣтъ Миѳрадата, гдѣ онъ ставитъ на мѣдь и золото свой портретъ и полное имя, а также эмблемы своего происхожденія отъ Геракла.

Характерно, однако, что Миѳрадатель, носившій имя своего великаго прапрадѣда, мѣняетъ монограмму ΒΑΕ на монограмму ΒΑΜ, которая, какъ и монограмма ΒΑΕ, составляла одновременно и сокращеніе имени самого царя и указаніе на происхожденіе отъ великаго родоначальника.

Естественно, что первоначально прикровенное указание смѣняется въ послѣдствіи, когда Миѳрадаты рѣшился открыто выступить въ качествѣ преемника своего великаго прапрадѣда, полнымъ именемъ и титуломъ, т. е. дальнѣйшимъ развитіемъ того, что позволялъ себѣ уже Аспургъ на своемъ чеканѣ.

Идти сразу же по стопамъ своего отца Миѳрадаты не рѣшился, очевидно, потому, что въ первые годы своего правленія онъ былъ только соправителемъ своей матери, которой, какъ показываетъ чеканъ ея золота, официально принадлежала власть на Боспорѣ. Недаромъ же на эту связь съ матерью Миѳрадаты указываетъ и позднѣе въ чеканѣ своей мѣди.

Предложенная гипотеза объясняетъ, такимъ образомъ, всѣ особенности загадочнаго чекана разобранныхъ серій мѣди и даетъ сплошную исторію чекана мѣди въ бурную и темную эпоху жизни Боспора послѣ смерти Асандра.

Выдѣлить изъ серій съ монограммой ВАЕ ту часть, которую чеканила Динамія, и ту, которую чеканилъ Аспургъ, врядъ ли возможно. Приписать Аспургу монеты съ дифферендами или указаніями годовъ отъ А до Z, конечно, возможно, но врядъ ли доказуемо, тѣмъ болѣе, что самое значеніе этихъ цифръ до сихъ поръ неясно.

М. Ростовцевъ.

Археанактиды.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію главной темы этого очерка, мы считаемъ цѣлесообразнымъ пересмотрѣть мнѣнія, которыхъ придерживаются ученые относительно времени основанія Пантикапея и всего Боспорскаго царства. Одни изслѣдователи судебъ этой милетской колоніи, напримѣръ, Нибуръ, начинаютъ исторію Пантикапея съ появленія Археанактидовъ на Боспорѣ, т. е. съ 480 года до Р. Хр.,¹⁾ другіе относятъ основаніе Боспора къ промежутку между походомъ Дарія въ Скиюю въ 514 году и паденіемъ Милета въ 494 г.²⁾ Большинство же новѣйшихъ авторовъ склоняется къ мнѣнію, что Пантикапей былъ основанъ около середины VI в. до Р. Хр.³⁾

Всѣ эти мнѣнія были высказаны въ то время, когда не были еще правильно поняты или извѣстны нѣкоторыя керченскія находки, особенно керамическія находки послѣднихъ лѣтъ, проливающія новый свѣтъ на вопросъ о времени возникновенія Пантикапея. Въ 1870 году на Темиръ-горѣ въ окрестностяхъ Керчи найденъ милетскій сосудъ,⁴⁾ а въ 1914 и 1917 годахъ обнаружены на сѣверномъ склонѣ горы Митридата два сосуда стила Фикеллуры,⁵⁾ свидѣтельствующіе, что основаніе Пантикапея относится къ тому же времени, въ которомъ возникла Ольвія, т. е. къ началу VI-го и, быть можетъ, даже къ концу VII-го вѣка до Р. Хр.⁶⁾ Также послѣднія находки іонійскихъ со-

¹⁾ См. Сборникъ греческихъ надписей А. Бёка, т. II, стр. 91.

²⁾ Кн. А. Сибирскій „Взглядъ на автономію и исторію Пантикапея“ въ Запискахъ Одесскаго Общ. Пет. и Древн., т. VI, стр. 123.

³⁾ В. В. Латышевъ, ПОНТИКА, стр. 71. K. Beloch, Griechische Geschichte, I, 2, стр. 235.

⁴⁾ Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1870—1871 годы, стр. 177 сл. и табл. № IV. Превосходное изображеніе этой энохи дано Б. В. Фармаковскимъ въ „Древностяхъ“, т. XXV, табл. VIII, и IX.

⁵⁾ Сосуды представлены въ Арх. Коммиссію при рапортахъ Керч. музея отъ 4 февраля 1915 г. за № 5 и отъ 2 мая 1917 г. за № 22.

⁶⁾ Б. В. Фармаковскій, „Милетскія вазы изъ Россіи“ въ „Древностяхъ“, стр. 9 и 14.

судовъ на Таманскомъ полуостровѣ, опредѣляемая началомъ VI-го вѣка,¹⁾ указываютъ, что Пантикапей, метрополія всѣхъ милетскихъ общинъ на Боспорѣ, существовалъ уже въ то время, когда процвѣтала колонія, къ которой принадлежалъ некрополь, обнаруженный къ югу отъ станицы Таманской.

Подтверженіе этой датировки находимъ еще въ литературныхъ памятникахъ. Милетяне не могли основать столь видной колоніи, какой является Пантикапей, въ 480 году до Р. Хр., потому что ихъ городъ въ 494 г. былъ почти стертъ съ лица земли персами (Herod. VI, 18—22: *Μίλητος μὲν νῦν Μιλησίων ἡρῆμωτο*). Основаніе Пантикапея можетъ относиться либо къ той порѣ, когда Милеть достигъ апогея своего расцвѣта и могущества, т. е. ко времени послѣ похода Дарія противъ скиѳовъ въ 514 г. (Herod. V, 28: *κατὰ τὸν αὐτὸν χρόνον ἢ Μίλητος αὐτῆ τε εἰσωτῆς μάλιστα δὴ τότε ἀκμάσασα*), либо ко времени двухъ предшествовавшихъ этому походу поколѣній,²⁾ когда Милеть въ высшей степени страдалъ отъ внутреннихъ раздоровъ (Herod. V, 28: *ἐπὶ δύο γενεάς ἀνδρῶν νοσήσασα ἐς τὰ μάλιστα στάσι*).

Итакъ, если сопоставить это послѣднее извѣстіе Геродота съ указаніями, представляемыми намъ керамическими находками 1870 и послѣднихъ лѣтъ, то получится выводъ, что Пантикапей былъ основанъ приблизительно въ 575 г. до Р. Хр., т. е. въ началѣ VI в., а можетъ быть, и раньше, т. е. въ началѣ VII в.

Изъ этого вытекаетъ, что отъ основанія Пантикапея прошло почти цѣлое столѣтіе, прежде чѣмъ на Боспорѣ явились первые цари или тираны, извѣстные въ исторіи этого города подъ именемъ Археанактидовъ. Возникаетъ вопросъ, каковъ былъ въ Пантикапейѣ гражданскій строй до этого времени, т. е. до 480 г. За отсутствіемъ извѣстій, относящихся къ этому вопросу, приходится предположить, что Пантикапей на зарѣ своего существованія управлялся такъ же, какъ и его метрополія Милеть и другіе іонійскіе города. Въ этихъ городахъ мы видимъ олигархическое правленіе, переходящее по временамъ въ тираннію (Herod. I, 20 слл.; Plutarch. *Quaestiones Graecae* XXXII; Athen. XII, 26, p. 254; о государственномъ строѣ въ городѣ Эриерахъ

¹⁾ Н. Эрманъ „Іонійская амфора съ Таманскаго полуострова“ въ Изв. Археол. Коммисіи, вып. 45, стр. 101 слл. С. Рудневъ „Амфора милетскаго стиля изъ окрестностей станицы Таманской“, тамъ же, стр. 110. Б. Фармаковскаго ук. ст. въ Московскихъ „Древностяхъ“, т. XXV, табл. XI. Ср. также рисунокъ амфоры, найденной тамъ же, въ Запискахъ Одесскаго Общества Ист. и Древн. т. XXXII. Протоколъ 440 засѣданія, стр. 136 слл.

²⁾ У Геродота время одного поколѣнія равняется 30 годамъ.

см. Aristot. Polit. V, 5, 4, въ переводѣ С. А. Жебелева, стр. 224). Геродотъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи (I, 147) говоритъ о томъ, откуда іонійцы призывали своихъ царей. Поэтому думается, что и въ Пантикапейѣ политическое руководство сначала находилось въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ семействъ точно такъ, какъ на островѣ Наксосѣ, гдѣ этотъ классъ гражданъ назывался *οἱ παχέες* (Herod. V, 30), т. е. „зажиточные, богатые“. Намъ кажется, что пантикапейскіе аристократы носили имя *ἀνακτες*, т. е. повелители, князья, и что нѣсколько этихъ старинныхъ вліятельныхъ семействъ въ виду опасностей, угрожавшихъ со стороны скивовъ и тавровъ, захватили въ 480 г. въ свои руки царскую власть на Боспорѣ. Впослѣдствіи имъ было дано прозвище *οἱ ἀπόγονοι τῶν ἀρχαίων ἀνάκτων* или проще *Ἀρχαιανακτίδαι*.⁹⁾ Эти цари властвовали, по нашему мнѣнію, не по очереди, а одновременно, подобно двѣнадцати египетскимъ вельможамъ, составившимъ во время анархіи заговоръ и провозгласившимъ себя царями (Diod. I, 66, 1). Число Археанактидовъ на Боспорѣ было, конечно, гораздо меньше, и они царствовали или сообща, или въ разныхъ частяхъ Боспорскаго царства, не теряя единства власти. А какъ въ Египтѣ, по истеченіи 15 лѣтъ, среди двѣнадцати царей возвысился Псамметихъ (*συνέβη τὴν βασιλείαν εἰς ἓνα περιστῆναι* Diod. I, 66, 7), такъ и на Боспорѣ власть перешла въ руки одного династа, а именно Спартока.

Замѣтка Діодора объ Археанактидахъ гласитъ слѣдующее (XII, 31, 1): *κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμηρίου Βασπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομαζόμενοι δὲ Ἀρχαιανακτίδαι, ἤρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα διεξέτατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος, καὶ ἤρξεν ἔτη ἑπτὰ*. Діодоръ употребляетъ слово *βασιλεύειν* въ четырехъ значеніяхъ: во-первыхъ, въ значеніи „быть или сдѣлаться царемъ“ въ обычномъ смыслѣ этого слова, на примѣръ, *Ἀρταξέρξης . . ἐβασίλευσεν ἔτη τετταράκοντα* XI, 69, 6; во-вторыхъ, въ значеніи „сдѣлаться тиранномъ“, на примѣръ, XI, 26, 6; 38, 7 и XIII, 22, 4, гдѣ говорится о тираннахъ Гелонѣ и Геронѣ; въ-третьихъ, о высшей должности въ Карфагенѣ XIII, 43, 5, и, наконецъ, въ переносномъ значеніи о власти боговъ

⁹⁾ С. I. Gr. II, стр. 91. Къ литературѣ объ Археанактидахъ, перечисленной С. А. Жебелевымъ въ статьѣ „Воспорскіе Археанактиды“, напечатанной въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1902 г., мартъ, стр. 130 сл., добавляемъ Ellis H. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 570 сл. и Ed. Meyer, *Geschichte des Alterthums*, IV, стр. 80, гдѣ авторъ называетъ Археанактидовъ аристократическимъ семействомъ, а не царскимъ, какъ онъ выразился раньше (Pauly-Wissowa III, 435).

надъ вселенной, напимѣръ, I, 13, 4; III, 73, 8 и пр. И такъ, если мы примемъ въ расчетъ употребленіе этого слова у Діодора, то мы должны считать Археанактидовъ царями или тираннами Боспора, хотя не исключена возможность, что ихъ власть въ отношеніи къ греческому населенію была ограничена, какъ у послѣдующихъ царей, которые въ боспорскихъ надписяхъ называются архонтами и царями, но у Діодора носятъ постоянно одно имя царей (Diod. XII, 36, 1; XVI, 31, 6; 52, 10; XX, 22, 3).

Въ 438 году вся власть, находившаяся прежде въ рукахъ Археанактидовъ, перешла къ Спартоку, можетъ быть, представителю одного изъ богатыхъ боспорскихъ семействъ, входившихъ прежде въ число Археанактидовъ, которые, по всей вѣроятности, въ виду какихъ-нибудь соображеній нашли необходимымъ соединить всю власть въ рукахъ одного властителя.

Является вопросъ, возможно ли замѣтить въ послѣдующей исторіи Боспорскаго царства какіе-нибудь слѣды существованія тѣхъ аристократическихъ семействъ, представители которыхъ обрѣли названіе Археанактидовъ. Намъ кажется, что возможно. По нашему мнѣнію, всѣ тѣ жрецы и жрицы Аполлона Врача, Артемиды Эфесской, Деметры и Кибелы, имена которыхъ сохранились въ боспорскихъ эпиграфическихъ памятникахъ (IosPE II, 6, 7, 10, 15, 17, 348; Изв. Арх. Коммисіи, вып. 58, стр. 17, № 1; вып. 49, стр. 63, № 1), принадлежали именно къ этимъ знатнѣйшимъ семействамъ. Извѣстно, что жречество, особенно въ государствахъ аристократическихъ, какимъ было, безспорно, Боспорское царство, представлялось лицамъ высшаго сословія,¹⁾ въ Спартѣ же принадлежало даже къ числу царскихъ привилегій (Herod. VI, 56).

Другимъ преимуществомъ, которымъ пользовались представители боспорскихъ аристократическихъ семействъ наравнѣ съ членами царствовавшего дома Спартокидовъ, было, между прочимъ, участіе въ доходахъ, получавшихся съ пантикапейскихъ кирпичныхъ заводовъ,²⁾ приносившихъ, повидимому, большіе доходы. Всѣ имена, отпечатанныя на боспорскихъ черепицахъ, не принадлежація особамъ изъ царскаго рода Спартокидовъ, должны быть отнесены къ представителямъ знатныхъ боспорскихъ семействъ, потомкамъ Археанактидовъ. До сихъ поръ извѣстно около 30 такихъ именъ, изъ коихъ весьма многія

¹⁾ В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей, ч. II, стр. 49.

²⁾ См. нашу статью „Къ вопросу о времени правленія архонта Игіэонта“ въ Сборникѣ статей, поднесенныхъ гр. А. А. Бобринскому, стр. 32 слл.

до такой степени сокращены, что не поддаются правильному восстановленію.¹⁾

Намъ кажется также, что большинство кургановъ, которыми усѣяно все прежнее Боспорское царство, хранило въ своихъ нѣдрахъ и, быть можетъ, до сихъ поръ хранить останки вышеупомянутыхъ потомковъ прежнихъ Археанактидовъ. Нѣкоторые ученые придерживаются мнѣнія, что въ боспорскихъ курганахъ погребены только скиѣскіе вельможи, воспринявшіе греческую культуру. Это мнѣніе основательно только по отношенію къ нѣкоторымъ курганамъ, напримѣръ, къ Куль-обской гробницѣ, но есть курганы, которые, судя по найденнымъ вещамъ, заключали въ себѣ прахъ настоящихъ, природныхъ грековъ. Приведемъ два примѣра: Акбурунскій курганъ, находившійся въ районѣ Керченской крѣпости,²⁾ и Зеленскій курганъ на Таманскомъ полуостровѣ,³⁾ хранили въ себѣ останки эллиновъ, но не скиоовъ. Это подтверждается, на нашъ взглядъ, находкой въ этихъ насыпяхъ панаѳинейскихъ амфоръ и вообще издѣлій, носящихъ чистогреческій характеръ. Намъ не удалось найти у греческихъ писателей прямое свидѣтельство о томъ, что въ панаѳинейскихъ состязаніяхъ могли принимать участіе одни эллины, однако аналогія олимпійскихъ игръ (Herod. V, 22) ясно говоритъ въ пользу этого мнѣнія.

Въ заключеніе этой статьи считаемъ нужнымъ остановиться еще на разъясненіи первыхъ словъ замѣтки Діодора *κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν*. Уже В. Григорьевъ⁴⁾ понялъ эти слова въ томъ смыслѣ, что „владычество Археанактидовъ возникло на азиатской сторонѣ Боспора“. Этому пониманію словъ автора противорѣчитъ обычай Діодора употреблять при переходѣ къ новому отдѣлу стереотипное выраженіе съ предлогомъ *κατά*: *κατὰ δὲ τὴν Ἑλλάδα* (XII, 35, 3; XIII, 45, 1; 64, 1; XV, 10, 1; 11, 2; XVI, 14, 1; 21, 1); *κατὰ δὲ τὸν Πόντον* (XVI, 31, 6); *κατὰ δὲ τὴν Κύπρον* (XIV, 98, 1) и пр. и пр. При этомъ Діодоръ весьма часто противопоставляетъ названія двухъ странъ, какъ и въ главѣ, гдѣ встрѣчается замѣтка объ Археанактидахъ (*κατὰ μὲν τὴν Ἰταλίαν. . . κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν*). Поэтому замѣтку Діодора слѣдуетъ перевести слѣдующимъ образомъ: „Перехожу къ Азій. Тамъ въ продолженіе 42 лѣтъ правили цари Киммерійскаго Боспора, наименованные Археанактидами; преемникомъ въ правленіи былъ Спартакъ и

¹⁾ Три изъ этихъ именъ упомянуты въ ук. ст. объ Игіэентѣ. стр. 34.

²⁾ Отчетъ Археол. Коммиссіи за 1876 г., стр. 5 слл.

³⁾ Извѣстія Археолог. Коммиссіи, вып. 60, стр. 8 и 22 слл.

⁴⁾ Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ за 1851 г., часть 36, стр. 121.

правиль 7 лѣтъ.¹⁾ Конечно, въ словахъ Діодора заключается нѣкоторая неточность,²⁾ находящая себѣ извиненіе въ томъ, что, быть можетъ, уже во время Археанактидовъ ббольшая часть Боспорскаго царства находилась на азіатскомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, берегу Киммерійскаго пролива.

В. Шкорпилъ.

¹⁾ В. В. Латышевъ, Извѣстія древнихъ писателей о Скииіи и Кавказѣ, I, стр. 473. С. А. Жебелевъ въ Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія за 1902 г., мартъ, стр. 137.

²⁾ Говоря о боспорскомъ царѣ Левконѣ, Діодоръ ставитъ въ началѣ замѣтки слова *κατὰ δὲ τὸν Πόντον* (XVI, 31, 6).

Замѣтка о зольникахъ и джуртахъ.

Въ „Бытовой археологіи“ В. А. Городцова говорится, что „назначеніе зольниковъ остается еще загадочнымъ; они представляютъ видъ холмиковъ, насыпанныхъ изъ золистой почвы, содержащей множество костей животныхъ, обломковъ глиняной посуды и другихъ предметовъ домашняго быта“ (стр. 359).

Прочитавъ это, я вспомнилъ, что при многочисленныхъ поѣздкахъ по степной части Крыма видѣлъ сотни точно такихъ зольниковъ, носящихъ тамъ названіе „джуртовъ“;¹⁾ поэтому, давая описаніе и происхожденіе крымскаго зольника (джурта), предполагаю возможнымъ хотя бы отчасти объяснить, что такое зольникъ, при какихъ условіяхъ онъ появляется, къ какой стадіи культуры онъ относится.

При осмотрѣ cadaго имѣнія въ степномъ Крыму всегда гдѣ нибудь можно встрѣтить джурты, т. е. плоскіе курганчики или насыпи изъ золы, которые разбросаны на протяженіи нѣсколькихъ, а иногда десятка и болѣе десятинъ; нерѣдко эти джурты какъ бы сливаются другъ съ другомъ: въ золѣ всегда виднѣются кости домашнихъ животныхъ и изрѣдка черепки отъ посуды. Какъ образуется джуртъ, даетъ объясненіе ближайшая татарская (ногайская) деревня: каждая хозяйка въ этомъ поселеніи выбрасываетъ золу и кухонные отбросы въ видѣ костей всегда въ одно мѣсто (въ двухъ-трехъ саженьяхъ противъ входа въ домъ), поэтому мало по малу образуется курганчикъ изъ золы, который тѣмъ выше, чѣмъ старѣе усадьба и чѣмъ богаче хозяинъ: въ концѣ концовъ передъ домомъ вырастаетъ курганъ изъ золы вышиною въ сажень и болѣе; за деревнею можно замѣтить такія же золистыя насыпи, но только пониже, на мѣстѣ бывшихъ татарскихъ усадебъ, такъ какъ онѣ успѣли осѣсть, или разбиты скотомъ, размыты и т. п.

¹⁾ Джуртъ или юртъ — домъ, дворъ, аулъ; о сельско-хозяйственномъ значеніи джурта, а равно и его описаніе см. Черныѣ. Къ вопросу о почвахъ Крыма.

Во всѣхъ поселеніяхъ, оставленныхъ ногайцами (а они въ теченіе всего прошлаго столѣтія покинули сотни деревень, высялаясь изъ Крыма въ Турцію), разбросаны эти зольныя насыпи иногда сливаясь одна съ другой, нерѣдко образуя въ десятокъ и болѣе десятинъ площадь изъ золы, усѣянную костями домашнихъ животныхъ, — все это и есть джурты. Конечно, чѣмъ старѣе и больше поселеніе, тѣмъ обширнѣе эти джурты и тѣмъ безпорядочнѣе они разбросаны по территоріи бывшей деревни, что зависитъ отъ способа застройки ногайцами своихъ поселеній безъ всякой планировки (каждый строится, гдѣ хочетъ).

И такъ, изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что джурты являются мѣстомъ бывшихъ поселеній ногайцевъ и созданы обычаемъ складывать золу и кухонные отбросы въ одно и то же мѣсто.

Въ сѣверной части Таврической губ., а равно и въ южной части Херсонской и Бессарабской губерній нѣтъ такихъ зольниковъ или джуртовъ, такъ какъ ногайцы тамъ кочевали, но не жили осѣдло, какъ въ степной части Крыма.

Кочевники—ногайцы еще съ XV и XVI столѣтій начали переходить къ осѣдлости и земледѣлію;²⁾ но процессъ осѣданія на землю шель постепенно и настолько медленно, что закончился, видимо, въ восемнадцатомъ столѣтіи, земледѣліе же не получило преобладанія даже почти до конца девятнадцатаго вѣка.

Почему крымскіе ногайцы перешли къ осѣдлому образу жизни? На это, конечно, былъ рядъ причинъ, не говоря о давленіи крымскихъ хановъ, которымъ выгодно было имѣть осѣдлое населеніе, производить тѣмъ самымъ хлѣбъ и даже вывозить его въ Турцію, а не ставить себя въ зависимость отъ привоза изъ другихъ государствъ (Польши и Россіи).

1) До прихода ногайцевъ въ степномъ Крыму, конечно, было осѣдлое населеніе, которое могло быть только отчасти истреблено, остатки же его, на правахъ ли плѣнниковъ или платящихъ дань жителей, остались на мѣстахъ и могли послужить примѣромъ для тѣхъ, которымъ приходилось учиться и осѣдлости, и земледѣлію. Что прежде осѣдлое населеніе не

²⁾ Объ этомъ смотри обстоятельныя изслѣдованія „Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія. Сборникъ документовъ по исторіи Крымскаго землевладѣнія Э. Э. Лашкова, составляющее изданіе Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. Симферополь, 1897 г.; Сельская община въ Крымскомъ ханствѣ. 1887 г. Э. Э. Лашкова; Крымско-татарское землевладѣніе (Историко-юридическій очеркъ) Г. Блюменфельда. Одесса 1888 г. и др.

истреблялось кочевниками, доказательствомъ служатъ „бродники“ древней Руси, а также рядъ поселеній русскихъ въ XVII и XVIII вѣкахъ въ юго-западной части нынѣшней Херсонской губерніи и южной части Бессарабіи среди ногайскихъ кочевій.

2) Процессъ осѣданія на землѣ долженъ былъ направляться отъ предгорій и горъ въ степи, такъ какъ тамъ жило издавна осѣдлое населеніе, группировавшееся по долинамъ рѣкъ, имѣвшее сады, пашни и проч.

3) Постепенное увеличеніе населенія не только въ силу естественнаго прироста, но и вслѣдствіе переселенія въ Крымъ разныхъ ногайскихъ и иныхъ кочевниковъ.

4) Появленіе плѣнниковъ или ясырей; плѣнники были изъ Польши и Руси, т. е. изъ мѣстностей, гдѣ населеніе занимается исключительно земледѣліемъ; кочевники же всегда стараются питаться и зерновыми продуктами.¹⁾

Однако, смѣна кочевническо-скотоводческаго быта на осѣдло-земледѣльческій не могла произойти сразу, а шла мед-

¹⁾ Э. Э. Лашковъ говоритъ, что „хотя архивныя данныя, относящіяся къ болѣе древнему времени, чѣмъ 2-ая половина XVII стол., и показываютъ, что земледѣльческій строй, въ особенности въ южной части полуострова, утвердился, тѣмъ не менѣе преобладающимъ строемъ былъ все таки не земледѣльческій, а пастушескій“ (Сельская община, стр. 32); что земледѣліе было давно у ногайцевъ, указываетъ бытующее и до сихъ поръ среди всего населенія Крыма татарское слово *карасабанъ*, являющееся синонимомъ чернаго или ранне-зеленаго пара.

Произошло это такъ: просо—злакъ, любимый кочевниками, сѣялось ногайцами на цѣлинѣ, для чего надо было ее вспахать съ осени и пашня должна была пролежать „черной“ (кара) до весны; такой посѣвъ назывался карасабанъ; потомъ уже это слово и понятіе было перенесено и на черный паръ.

Необходимо добавить однако, что въ концѣ XVIII стол. земледѣліе все таки было развито въ Крыму (но у кого, у татаръ или христіанъ, или работала плѣнники, неизвѣстно), что можно видѣть изъ дохода, получавшагося ханомъ въ качествѣ десятой части производства хлѣба, отъ 12.000 до 40.000 четвертей, что составитъ отъ 60.000 дес. до 100.000 дес. посѣва, или даже если принять во вниманіе, что десятая часть, пока доходила къ хану, составляла въ дѣйствительности двадцатую, то посѣва было не болѣе 200.000 дес. на полтора милліона десятинъ степной земли, т. е. засѣвалось всего не болѣе 13% и не менѣе 6, 5% (см. статью Занятіе Крыма А. Скальковскаго въ Памятной Книжкѣ Таврической губерніи 1867 года, стр. 27).

Далѣе при занятіи Евпаторіи въ 1736 г. Минихъ нашель въ ней много сарацинскаго пшена и пшеницы (тамъ же, стр. 141).

Мнѣ кажется, что постоянное выселеніе ногайцевъ изъ Крыма, уменьшая значительно густоту населенія, тѣмъ самымъ способствовало поддержкѣ скотоводства и овцеводства, конечно, за счетъ развитія земледѣлія.

ленно, проходя ту стадію, которую можно назвать *осёдлымъ кочевничествомъ*, при чемъ процессъ этотъ продолжался въ Крыму болѣе трехъ столѣтій:

1) вмѣсто кочеванія въ юртахъ или телѣгахъ является прикрѣпленіе къ извѣстной мѣстности, т. е. жизнь въ поселеніи; конечно, къ этому ногайцы подошли постепенно, сначала кочуя въ благопріятное время года и проводя только зиму въ постройкѣ, въ зимовинкѣ;

2) родъ мало по малу переходитъ въ деревенскую общину, гдѣ жители связаны между собою только общою земельною собственностью;

3) степная мѣстность Крыма, часто страдающая отъ засухъ, короткая, нерѣдко малоснѣжная зима—все это благопріятствовало скотоводству (разведенію овецъ, лошадей и отчасти скота) и не давало земледѣлію быстро развиваться;¹⁾

4) пастьба скота велась въ предѣлахъ извѣстной территоріи, т. е. на принадлежащей деревнѣ землѣ или на пастбищѣ, находившемся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ деревень;

5) разъ главное занятіе жителей было скотоводство, особенно же разведеніе овецъ, то, естественно, и пища населенія должна была состоять изъ мяса животныхъ и продуктовъ животноводства (молоко, сыр); *поэтому въ ежедневныхъ кухонныхъ отбросахъ, въ зольникахъ, должны находиться въ изобиліи кости домашнихъ животныхъ*; у осѣдло-земледѣльческаго же населенія не было бы въ зольникахъ массы костей, такъ какъ у него главное питаніе составляетъ повсюду растительная пища (мука, крупа, огородина и т. п.) и отчасти продукты животноводства (молоко, сыр), но не мясная пища; любовь степныхъ ногайцевъ къ мясу, не смотря на бѣдность населенія, осталась и до нашего времени.

Резюмируемъ все вышеизложенное: 1) зольники или джурты съ костями домашнихъ животныхъ и черепками посуды это кухонные остатки; 2) такого рода зольники, вѣроятно, являются у народностей, находящихся въ стадіи *осѣдлаго кочевничества*, т. е. перехода кочевника—скотовода въ осѣдлаго земледѣльца; 3) по аналогіи съ бытомъ крымскихъ ногайцевъ можно принять, что осѣдлое кочевничество характеризуется превращеніемъ рода

¹⁾ Напримѣръ, номады Алашаньской пустыни собираютъ дикорастущее растеніе сульхиръ, обмолачиваютъ его, а „самая сѣмена сначала поджариваютъ на медленномъ огнѣ, потомъ толкутъ въ ступѣ и получаютъ довольно вкусную муку“ (Н. Пржевальскій. Монголія и страна тонгутовъ, т. I, стр. 157—158).

въ деревенскую общину, что этотъ быть можетъ сопровождаться своеобразнымъ феодальнымъ строемъ съ племенными вождями (беями), ограничивающими власть государя (хана), достаточно развитою кустарною промышленностью, которая наиболѣе сосредотачивается въ городахъ, замѣтною торговлею и т. п.¹⁾ Интересно знать, всѣ ли тюрко-татарскія народности имѣють обычай создавать зольники; съ другой стороны, не бывають ли нынѣ зольники и у другихъ народностей на той же стадіи развитія. Я долженъ сказать, что ничуть не связываю переходъ къ осѣдлости со стадіей осѣдлаго кочевничества, такъ какъ исходные пункты могутъ быть иные: охота, рыболовство.

Интересно знать также, имѣются ли зольники у совершенно осѣдлыхъ тюрко-татаръ, имѣють ли ихъ крымскіе горные татары, омусульманившіеся потомки готовъ, грековъ, итальянцевъ и другихъ арійцевъ.

А. Браухеръ.

¹⁾ По всей вѣроятности осѣдлое кочевничество тогда можетъ появиться, если на небольшой территоріи въ одномъ и томъ же государствѣ живутъ и кочевники и осѣдлые жители (земледѣльцы), при чемъ быть послѣднихъ, а равно и вся культура оказываютъ вліяніе на первыхъ

ΕΙΣ ΒΟΡΥΣΣΘΕΝΗ ΕΙΣΠΑΕΙΝ.

(Κὲ 108PE. 12 24).

[Εἰς Βο]ρυσσθένη εἰσπλεῖν. . . Такъ начинается одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ южно-русской эпиграфики—греческая надпись первой половины IV вѣка до Р. Хр., найденная въ 1878 г. въ Анадолю Кавакъ, на азіатской сторонѣ Воспора и хранящаяся въ Константинополѣ, въ музеѣ Греческаго Филологическаго Общества. Документъ представляетъ собою декретъ, изданный совѣтомъ и народнымъ собраніемъ Ольвіи, и заключаетъ въ себѣ рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью урегулировать ввозъ въ „Борисоенъ“ и вывозъ изъ него „всякаго чеканнаго золота и чеканнаго серебра“.

Что́ нужно понимать подъ этимъ „Борисоеномъ“? Первый издатель надписи, Мордтманнъ (Hermes XIII (1878), 373 сл.), на этотъ вопросъ отвѣта не далъ. Диттенбергеръ, включившій надпись въ свою Sylloge (1-ое изд. 1883 г., № 354, 2-ое изд. 1900 г., № 546), говоритъ въ комментаріи къ указанному мѣсту надписи слѣдующее: Βορυσθένης здѣсь указываетъ не на urbs, а на emporium; ибо городъ тогда еще назывался, повидимому, самими жителями Ὀλβία (строка 16 надписи); правда, остальные греки называли городъ также и Борисоеномъ. В. В. Латышевъ, не предлагающій толкованія начальныхъ словъ надписи ни въ 1-мъ (№ 11), ни въ недавно вышедшемъ 2-мъ изданіи (№ 24) I тома своихъ IosPE, объясняетъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ объ. . . Ольвіи“ (Спб. 1887) терминъ „Борисоенъ“ такъ (стр. 34 сл.): „Принимать здѣсь Βορυσθένης за названіе рѣки едва ли возможно, такъ какъ всѣ дальнѣйшія постановленія въ этомъ документѣ относятся къ куплѣ и продажѣ золота и серебра въ городъ (Ольвіи); что же касается приводимаго Диттенбергеромъ различія между urbs и emporium, то признаемся, что оно совершенно для насъ непонятно: вѣдь у Геродота по крайней мѣрѣ самый городъ называется Βορυσθενεὺς-πέων ἐμπόριον. И такъ остается принять, что въ IV вѣкѣ оба названія города были въ употребленіи у самихъ жителей, приче́мъ, быть можетъ, они,

называя свой городъ Βορυσθένης, примѣнялись къ тому usus, который распространенъ былъ между иностранцами, для которыхъ главнымъ образомъ и изданъ былъ занимающій насъ декретъ. Имъ же окончательно опровергается свидѣтельство приписываемой Скимну географической поэмы, что названіе Ὀλβία было древнѣйшимъ, а Βορυσθένης позднѣйшимъ. Но въ послѣдствіи названіе Ὀλβία сдѣлалось единственно употребительнымъ у жителей, какъ доказываютъ почти всѣ другія надписи, и всѣ безъ исключенія монеты, на которыхъ, какъ справедливо замѣтилъ уже Муравьевъ-Апостоль, названіе Борисѡена (ΒΟΡΙΣ) никто и никогда не видывалъ¹⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору только что указанныхъ мнѣній Диттенбергера и В. В. Латышева, считаю нужнымъ подчеркнуть со всею рѣшительностью тотъ несомнѣнный фактъ, что въ официальныхъ документахъ, т. е. въ надписяхъ, наименованіе ольвійскихъ гражданъ является исключительно въ формѣ Ὀλβιοπολίται (или Ὀλβιοπολίται).²⁾ Отсюда мы имѣемъ полное право заключать, что официальное названіе города было, несомнѣнно, Ὀλβία³⁾ или, можетъ быть, Ὀλβιόπολις⁴⁾.

Этотъ фактъ самъ по себѣ долженъ, казалось бы, исключать возможность предположенія усматривать въ „Борисѡенѣ“ IosPE I₂ 24 обозначеніе города Ольвіи, придуманное ольвійскими верховными органами управленія ради какихъ-то „утилитарныхъ“ цѣлей. Въ своихъ документахъ греки съ этими цѣлями не считались (по крайней мѣрѣ, примѣровъ этого мы не знаемъ); да и трудно допустить, чтобы иностранцы — не всѣ, конечно, а тѣ, которые имѣли торговля дѣла съ Ольвіей и для которыхъ положенія, регламентированныя въ документѣ IosPE

1) То же подтверждается недавнею работою надъ монетами Ольвіи В. В. Голубцова въ *Изв. Арх. Комм.* 51 (1914), 67 сл.

2) См. указатель къ IosPE. I₂, стр. 549.

3) Въ такой формѣ оно и засвидѣтельствовано въ стихотворной надгробной надписи II в. до Р. Хр. IosPE. I₂ 226.

4) Въ существованіи формы Ὀλβιόπολις далеко нельзя быть увѣреннымъ. Форма эта восстанавливается во 2-й строкѣ декрета IosPE. I₂ 46a ([ἐν Ὀλβι]οπολίται). В. В. Латышевъ, повидимому, самъ въ этомъ восстановленіи далеко не увѣренъ. Онъ указываетъ на то, что 2-я строка надписи заключаетъ въ себѣ вообще „singularem quandam mentionem, quae in aliis Olbiopolitarum decretis nondum sit inventa“ и продолжаетъ: „Olbiopolis nomen γ. 2 si recte restitutum est, primum hic invenitur graece scriptum: adhuc enim ex solo Plinio (№ h. IV, 26) id novimus, quem ex civium nomine illud nomen urbis conlegisse putabat Boeckhius C. I. G. II p. 86“. Кажется, мнѣніе Бѣка вполне справедливо.

Із 24, имѣли прежде всего значеніе,—не знали, каково было официальное названіе Ольвіи.

Нашъ главный литературный источникъ во всемъ, что касается Ольвіи, конечно, Геродотъ. Разберемъ его свидѣтельства, относящіяся къ имени города. Въ IV, 17 Геродотъ упоминаетъ о *Βορουθνευεῖτέων ἐμπόριον*. В. В. Латышевъ, какъ мы видѣли, отказывается понять различіе, проводимое Диттенбергеромъ между *urbs* и *emporium*, и слишкомъ поспѣшно заключаетъ, что у Геродота „самый городъ называется *Βορουθνευεῖτέων ἐμπόριον*“. На самомъ дѣлѣ Диттенбергеръ формально правъ, проводя указанное различіе. Въ пользу этого говорятъ другія мѣста IV-й книги Геродота, свидѣтельствуя и то замѣчаніе, которое дѣлаетъ Геродотъ непосредственно за упоминаніемъ о *Βορουθνευεῖτέων ἐμπόριον* въ 17-й главѣ: *τοῦτο γὰρ τῶν παραθαλασσίων μεσαιτάτων ἐστὶ πάσης τῆς Σκυθίας*. Если бы Геродотъ отождествлялъ *ἐμπόριον Βορουθνευεῖτέων* и самый городъ Ольвію, то могъ ли бы онъ сказать, что *ἐμπόριον Βορουθνευεῖτέων* является самымъ срединнымъ изъ приморскихъ пунктовъ всей Скиіи? Вѣдь Ольвія, строго говоря, лежитъ не при морѣ, а на правомъ берегу Гипанида, причемъ городъ былъ расположенъ такъ, что одна часть его прилегала непосредственно къ рѣкѣ, а другія части находились вверху, на высокомъ берегу.¹⁾ Если этому соображенію не склонны будутъ придавать особаго значенія и станутъ ссылаться на неточность терминологіи Геродота, то какъ объяснить, что въ IV, 78 Геродотъ уже опредѣленно упоминаетъ *Βορουθνευεῖτέων ἄστυ* и подъ нимъ, несомнѣнно, разумѣетъ Ольвію? Послѣднее видно изъ его дальнѣйшихъ словъ: *Οἱ δὲ Βορουθνευεῖται οὗτοι λέγουσι σφέας αὐτοὺς εἶναι Μιλήσιους*. Для меня, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Геродотъ различаетъ *ἐμπόριον Βορουθνευεῖτέων* и *ἄστυ Βορουθνευεῖτέων*—Ольвія. Въ пользу этого различенія, пожалуй, свидѣтельствуя и то, что въ IV, 24, говоря объ элинахъ *ἔξ Βορουθνευεῖτος ἐμπορίου*, Геродотъ упоминаетъ и о *τὰ ἄλλα Ποντικά ἐμπόρια*.

Греческій языкъ знаетъ два значенія слова *ἐμπόριον*—общее и специальное: 1) *ἐμπόριον* означаетъ вообще всякаго рода мѣсто морской торговли, портъ (въ такомъ значеніи слово это часто употребляется аттическими ораторами); 2) специальное значеніе слова *ἐμπόριον*—портовый рынокъ, куда привозятся иноземные товары и гдѣ концентрируется вся морская торговля (такъ Пирей служилъ *ἐμπόριον* для всей Аттики).²⁾ Геродотъ въ IV, 17

¹⁾ В. В. Фармаковскій, Ольвія, Москва 1915, 9.

²⁾ См. Wachsmuth у Pauly-Wissowa, R. E. V, 2532 сл. и приводимые имъ примѣры.

употребляеть ἐμπόριον Βορυσθενείτων, очевидно, въ общемъ значеніи. Дѣло въ томъ, что въ IV, 17 ἐμπόριον Βορυσθενείτων служитъ для Геродота какъ бы отправнымъ пунктомъ для локализации скиѳскихъ племенъ, жившихъ по Гипаниду, къ западу отъ Борисѳена. Было ли ἐμπόριον Βορυσθενείτων *официальнымъ* названіемъ этого отправного пункта, или же онъ никакого официального названія не имѣлъ, а назывался просто „портомъ борисѳенитовъ“ въ отличіе отъ „остальныхъ понтійскихъ ἐμπόρια“ (IV, 24), мы не знаемъ. Скорѣе приходится предполагать послѣднее, такъ какъ, если бы ἐμπόριον Βορυσθενείτων имѣло особое официальное наименованіе, Геродоту ничего не стоило бы сообщить его, хотя бы для отличія отъ остальныхъ Ποντικὰ ἐμπόρια. Но что онъ не назывался „Борисѳеномъ“, это ясно видно изъ того же Геродота.

Терминомъ „Борисѳенъ“ Геродотъ пользуется для обозначенія Ольвіи. Это съ опредѣленною ясностью слѣдуетъ изъ IV, 78, гдѣ Геродотъ, рассказывая о посѣщеніи скиѳскимъ царемъ Скилою „города борисѳенитовъ“—Ольвіи (а борисѳениты эти, прибавляетъ Геродотъ, сами себя называютъ милетянами), замѣчаетъ: Скила выстроилъ себѣ домъ въ Борисѳенѣ (ἐν Βορυσθένει). И гражданъ Ольвійскихъ Геродотъ называетъ борисѳенитами (IV, 53, 79).

Назвали ли себя борисѳенитами, а свой городъ Борисѳеномъ, сами Ольвіополиты, или же это названіе ввелъ въ литературный обиходъ Геродотъ? Смѣло высказываюсь за послѣднее. Въ началѣ своего описанія Скиѳіи Геродотъ (IV, 18) опредѣленно заявляетъ, что эллины, живущіе при Гипанидѣ, сами себя называютъ ольвіополитами. Такъ только, судя по официальнымъ документамъ, они и могли себя называть. Терминъ „борисѳениты“ въ приложеніи къ гражданамъ Ольвіи впервые появляется у Геродота въ той части описанія Скиѳіи, гдѣ онъ говоритъ о рѣкахъ Скиѳіи. Въ IV, 53 Геродотъ рассказываетъ о рѣкѣ Борисѳенѣ, и рассказываетъ о ней восторженно: повидимому, изъ всѣхъ рѣкъ, какія видѣлъ Геродотъ во время своихъ путешествій, Борисѳенъ, если не считать Нила и Истра, всего болѣе его поразилъ. И вотъ, заканчивая описаніе Борисѳена, Геродотъ говоритъ: находящійся между Борисѳеномъ и Гипанидомъ выступъ земли называется мысомъ Гипполая; на немъ воздвигнуто святилище Деметры, на противоположномъ же отъ святилища берегу при Гипанидѣ живутъ борисѳениты.

Геродотъ, особенно въ первой части своего труда, задается цѣлью не столько представить научное историческое изслѣдо-

ваніе, сколько дать картинное описаніе всего имъ видѣннаго и слышаннаго о „заморскихъ“ странахъ и ихъ обитателяхъ. Онъ не имѣетъ въ виду считаться всецѣло съ историческою дѣйствительностью. И потому нужно ли удивляться, что ольвіополитовъ, жившихъ при Гипанидѣ, Геродотъ называетъ борисеенитами, по имени той рѣки, которая такъ сильно поразила его воображеніе? Геродота мало заботитъ и то, что борисеенитами онъ ранѣе назвалъ опредѣленно одно изъ скиѳскихъ племенъ. Все, что болѣе или менѣе близко расположено отъ Борисеена, получаетъ въ изложеніи Геродота свой отблескъ отъ этой замѣчательной рѣки, которая и самая полезная, не считая Нила, между всѣми рѣками, и самая прибыльная изъ числа всѣхъ остальныхъ рѣкъ. Отсюда и при этнографическомъ описаніи Скиѳіи Геродотъ отправляется отъ ἐμπόριον Βορυσθευειτέων; отсюда и жители Ольвіи—борисеениты; отсюда и сама Ольвія—городъ борисеенитянь, или попросту Борисеень.

И такъ, едва ли есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что именно Геродотомъ впервые было введено въ литературный обиходъ обозначеніе Ольвіи Борисееномъ. И Борисеень, съ легкой руки Геродота, авторитетъ котораго въ древности былъ значителенъ и длителенъ, не только упрочивается въ качествѣ наименованія для обозначенія Ольвіи, но даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ бы вытѣсняетъ собою истинное, официальное обозначеніе города или, во всякомъ случаѣ, постоянно сопутствуетъ ему. Анонимъ (Скимнъ Хіосскій) говоритъ: Ольвія это первоначальное имя города; затѣмъ эллинами онъ былъ переименованъ въ Борисеень (ст. 804 сл.). Страбонъ (VII, 306) пишетъ: въ 200 стадіяхъ вверхъ по Борисеену лежитъ одноименный съ рѣкою городъ. Онъ называется также Ольвіей. Въ Борисеенитской рѣчи Діона Хрисостома даже и помину нѣтъ объ имени „Ольвія“: повсюду Борисеень, городъ борисеенитовъ, борисеениты.¹⁾ Интересно все-таки замѣчаніе Діона, которымъ онъ хочетъ пояснить, откуда произошло названіе города, расположеннаго на Гипанидѣ, по имени сосѣдней рѣки Борисеена. Здѣсь мы имѣемъ, несомнѣнно, опять-таки остатокъ Геродотовой традиціи. Діонъ говоритъ, что городъ получилъ названіе отъ Борисеена вслѣдствіе красоты и величины этой рѣки. Тѣмъ не менѣе и во времена Діона Хрисостома официальнымъ названіемъ города оставалось, повидимому, Ольвія. По крайней мѣрѣ, въ „Периплѣ“ Арріана (§ 31) сказано: если плыть вверхъ по Борисеену, лежитъ эллинскій городъ по имени Ольвія. Въ

¹⁾ Также Лукіанъ, Гох. 61 упоминаетъ о городѣ Борисеенитовъ.

„Географіи“ Птолемея, при перечисленіи городовъ, расположенныхъ по Борисѡену, читаемъ: Ольвія или Борисѡень (нѣсколько ниже вмѣсто Борисѡень — Птолемей говоритъ Борисѡенида). Характерна замѣтка въ лексиконѣ Стефана Византійскаго, по-видимому, скомбинированная изъ показаній Геродота. Подъ словомъ Βορυσθένης у Стефана, между прочимъ, читается: есть эллинскій городъ къ западу (отъ Борисѡена),¹⁾ колонія милетянъ, которую остальные называютъ Борисѡеномъ, а сами (ольвіополиты) Ольвіей. . . Гражданинъ — Βορυσθένιτης, форма женскаго рода Βορυσθένιτις, не отъ (названія) города, а отъ рѣки. Наконецъ, въ „Периплѣ“ безъименнаго автора, приписываемомъ Арріану, читаемъ: При слияніи двухъ рѣкъ, Гипанида и Борисѡена, расположенъ городъ, прежде называвшійся Ольвіей, а потомъ снова названный (или переименованный) эллинами Борисѡеномъ; его основали милетяне во время персидскаго владычества; отъ моря до него 240 стадій плаванія вверхъ по рѣкѣ Борисѡену, нынѣ называемой Данапріемъ.

Такое же сопоставленіе Ольвіи и Борисѡена мы постоянно находимъ въ памятникахъ римской литературы. Помпоній Мела (II, 1, 6), рассказывая (вѣроятно, по Геродоту) о „красивѣйшей изъ рѣкъ Скиѡи“, Борисѡень, кончаетъ свое описаніе замѣчаніемъ: она изливается въ море у греческихъ городовъ Борисѡениды и Ольвіи. У Плинія (N. H. IV, 82) спутанная замѣтка, явившаяся, надо думать, въ результатѣ опять-таки плохо понятыхъ и потому плохо скомбинированныхъ данныхъ Геродота и др.: р. Борисѡень. . . и городъ. . . носящій древнія названія Ольвіополя и Милетополя (ср. Herodot. IV, 18 и 78), а нѣсколько ниже (§ 83): нѣкоторые говорятъ, что Пантикапъ *ниже Ольвіи* сливается съ Борисѡеномъ; но болѣе точные изслѣдователи говорятъ, что сливается Гипанидъ. У Мартіана Капеллы (VI, 661) все — и рѣки, и озеро, и городъ — подъ однимъ именемъ Борисѡена.

Итакъ, въ результатѣ, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ: 1) официальное названіе Ольвіи было Ὀλβία (Ὀλβίη); это съ несомнѣнностью слѣдуетъ изъ документальныхъ источниковъ: надписей и монетъ, на которыхъ встрѣчается, между прочимъ, и легенда полностью ΟΑΒΙΗ (см. Head, Hist. num. 272). 2) Названіе „Борисѡень“, встрѣчающееся исключительно въ ли-

¹⁾ Судя по контексту, скорѣе такъ надо дополнять неопредѣленное показаніе Стефана πρὸς ἑσπέραν, а не „отъ Гипанида“, какъ, со знакомъ вопроса, предложено въ переводѣ въ „Извѣстіяхъ о Скиѡи и Кавказѣ“ (I, 256).

тературныхъ памятникахъ или параллельно съ названіемъ „Ольвія“, или самостоятельно, введено было въ литературную традицію Геродотомъ и довольно прочно укоренилось въ ней. Но, повторяю, это было исключительно названіе, свойственное памятникамъ литературной, не монументальной письменности. И Константинополь уже въ памятникахъ древне-русской и славянской письменности, а оттуда и въ новой литературѣ зачастую называется Царьградомъ: но врядъ ли существуетъ какой-либо официальный документъ, гдѣ бы стояла форма „Царьградъ!“¹⁾

Выраженіе εἰς Βορυσσθένη εἰσπλεῖν невозможно понимать ни въ смыслѣ „входить (на морскомъ суднѣ) въ портъ борисеенитовъ“, ни въ смыслѣ „входить (на морскомъ суднѣ) въ Ольвію“.²⁾ Выраженіе это, стоящее въ официальномъ документѣ, должно быть приводимо и толкуемо такъ, какъ нужно всегда переводить и толковать выраженія надписей, т. е. буквально. Εἰς Βορυσσθένη εἰσπλεῖν значитъ просто: „входить (на морскомъ суднѣ) въ Борисеенъ“. Но что же тутъ нужно разумѣть подъ Борисееномъ? Вѣдь не рѣку же Борисеенъ, такъ какъ составители ольвійскаго декрета IosPE. I₂ 24, конечно, хорошо знали, что Ольвія лежитъ не на Борисеенѣ, а на Гипанидѣ? Конечно, нѣтъ. Подъ Борисееномъ въ декретѣ, очевидно, разумѣется, Буго-Днѣпровскій лиманъ, при впаденіи въ который Буга и лежала Ольвія. Этотъ лиманъ древніе не могли уже, исходя изъ его конфигураціи, считать за Понтъ Евксинскій, и они перенесли на него наименованіе той великой рѣки, которая въ лиманѣ изливалась.³⁾ Для самихъ ольвіополитовъ Буго-Днѣпровскій лиманъ являлся какъ бы крайнею морскою линіею, къ ихъ πῶλις у принадлежася; за лиманомъ шли уже нейтральныя воды Понта. Оттого и въ декретѣ, регулирующемъ торговую жизнь Ольвіи, ольвіополиты могли сказать: входить (на морскомъ суднѣ) въ Борисеенъ (т. е. въ Буго-Днѣпровскій лиманъ) всякому желающему (дозволяется) на слѣдующихъ (условіяхъ).

Въ заключеніе долженъ замѣтить, что глаголь εἰσπλεῖν, употребленный въ декретѣ съ предлогомъ εἰς, исключаетъ, по видимому, возможность понимать выраженіе εἰς Βορυσσθένη εἰσπλεῖν въ смыслѣ „входить (въѣзжать) въ городъ (портъ) Борисеенъ“.

¹⁾ Было бы празднымъ задаваться вопросомъ, называли ли себя ольвіополиты въ обиходной жизни „борисеенитами“. Возможно, что и называли въ угоду той-же, освященной вѣками, литературной традиціи.

²⁾ Оба толкованія пытается согласовать Е. Н. Minns, *Scythians and Greeks*, Cambridge 1913, 451¹, но изъ этой попытки ничего не выходитъ.

³⁾ Замѣтимъ, что, по представленію древнихъ (ср. Strab. II, p. 126), устье Борисеена признавалось самымъ сѣвернымъ пунктомъ Понта.

Глаголь εἰσπλεῖν въ сочетаніи съ предлогомъ εἰς три раза употребляется Фукидидомъ, приче́мъ въ двухъ случаяхъ говорится εἰσπλεῖν въ заливъ (II, 89, 8): οὐδ' εἰσπλεύσομαι εἰς αὐτόν [scil. τὸν κόλπον—Коринѣскій заливъ]; II, 86, 5: εἰσπλεῖν εἰς τὰ στενά [scil. заливъ]; въ одномъ случаѣ (II, 92, 6) сказано: εἰσπλεύσαν εἰς τὸν κόλπον τὸν Κρισαῖον καὶ Κόρινθον. Употребляетъ глаголь εἰσπλεῖν Фукидидъ и безъ дополненія, но и при этомъ приходится изъ контекста предполагать дополненіе предлогъ εἰς съ обозначеніемъ залива (или залива и расположеннаго на немъ города). Напр. II, 69, 1: φνλακὴν εἶχε μήτ' ἤ εἰσπλεῖν ἐκ Κορίνθου καὶ τοῦ Κρισαίου κόλπου μῆρ' εἰσπλεῖν. Всѣ помнятъ фразу Фукидида въ началѣ 24-й главы I книги: Ἐπίδαμνος ἐστὶ πόλις ἐν δεξιᾷ εἰσπλέοντι τὸν Ἴονιον κόλπον; но не всѣ считаются съ тѣмъ, что уже риторъ Димитрій читалъ здѣсь εἰς τὸν Ἴονιον κόλπον (Demetr. de elocut. p. 43 Radermacher). Грекъ обычно говорилъ εἰσπλεῖν εἰς τὸν κόλπον (τὴν θάλατταν)¹⁾ и πλεῖν εἰς τὴν πόλιν (τὴν νῆσον, τὴν χῶραν).²⁾ Почему онъ такъ говорилъ, объяснить не приходится.

С. Жеделевъ.

¹⁾ Въ 63-й и слѣд. строкахъ аѳинскаго декрета (Ig. II 809 = Dittenberger, Syll. 2 153, относящаго къ 325^{5/4} г., читается: (ὄπως) καὶ τῶν Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων οἰσπλέοντες τὴν θάλατταν ἀσφαλῶς εἰσπλέωσιν εἰς Ἀδριαν]. Въ декретѣ идетъ рѣчь о скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь постановленія аѳинскаго государства [περὶ τῆς εἰς τὸν Ἀδριακὸν ἀποικίας. Бекъ (Urkunden über das Seewesen des attischen Staates, 457 сл.) полагае́тъ, что имѣется въ виду отправка колоніи „ad fances maris Adriaticou и подъ Ἀδριακῆς разумѣлъ вообще Адриатическое море; I. Кюлеръ, наоборотъ, думаетъ, что подъ Ἀδριακῆς подразумѣвается городъ Адрій на Падѣ; Диттенбергеръ, въ виду того, что существованіе такого города нигдѣ не засвидѣтельствовано, считалъ вопросъ нерѣшеннымъ. Миѣ думается, правъ былъ Бекъ. Аѳиняне не опредѣляютъ точно того мѣста, куда должна быть выведена колонія Мильтіадомъ экистомъ; имъ важно только, „чтобы для народа на все время была своя торговля и доставка хлѣба и чтобы послѣ того, какъ будетъ установлена своя якорная стоянка, существовала охрана противъ тирренцевъ, и чтобы Мильтіадъ экисть и колонисты могли пользоваться своимъ флотомъ, и чтобы изъ эллиновъ и варваровъ плаваюшіе по морю безопасно входили въ Адриатическое море“.

²⁾ Ср. Soph. Philoct. 915: εἰς Τροίαν πλεῖν; Plat. Menex. p. 240 B: πλεύσας εἰς Ἐρετριαν; Plut. Them. 32: πλεύσας εἰς Μαγνησίαν; Dittenberger, Syll. 2 521 (аѳинскій эфебинскій документъ 100-99 г. до Р. Хр., строка 24): ἐπλεύσαν δὲ καὶ εἰς Σαλαμῶνας; 872 (изъ Гieraполя Фригійскаго): πλεύσας. . . εἰς Ἰταλίαν; 273, 282 (изъ Пергама): πλεύσαντες εἰς τὴν Ἑλλάδα. Правда, борисѳенитская рѣчь Діона Хрисостома начинается такъ: ἐτύγχανον μὲν ἐπιδημῶν ἐν Βορυσθιένει τὸ θέρος, ὁπότε εἰσέπλευσα μετὰ τὴν φυγὴν εἰς. Но еще вопросъ, что слѣдуетъ разумѣть здѣсь подъ „Борисѳеномъ“—Ольвию ли, или все тотъ же Буго-Днѣпровскій лиманъ. О самомъ городѣ Діонъ говоритъ нѣсколькими строками ниже.

Среди крымскихъ татаръ лѣтомъ 1916 г.

І.

О 12-лѣтнемъ животномъ циклѣ.

Въ селеніи Даулджаръ, Евпаторійскаго уѣзда, я познакомился съ жителемъ селенія Отузь, того-же уѣзда, хаджи Али эфенди. Среди другихъ этнографическихъ свѣдѣній я записалъ отъ него данныя о 12-лѣтнемъ животномъ циклѣ, которыя и сообщаю дополнительно къ своей замѣткѣ „Объ измѣненіяхъ въ 12-лѣтнемъ животномъ циклѣ у нѣкоторыхъ турецкихъ племенъ“¹⁾. Счетъ лѣтъ по этому циклу сохранился въ Крыму понынѣ у стариковъ и женщинъ. Хаджи Али эфенди и присутствовавшіе при нашей бесѣдѣ другіе степняки - татары подтвердили и расширили данныя моей замѣтки объ измѣненіи основныхъ значеній названій двухъ годовъ: 1) „лу“ — „драконъ“ и 2) „мечин“ — „обсыяна“. Хаджи Али толкуетъ слово „мечин“ опредѣленно, какъ „Божья коровка“ („кара нокталы кызыл боджек“ — „красное насѣкомое съ черными точками“). Въ отличіе отъ ранѣе собранныхъ мною неопредѣленныхъ толкованій слова „лу“ хаджи Али точно переводитъ это названіе словомъ „паукъ“ („орумчек“)²⁾. Изъ словъ хаджи Али и другихъ татаръ выясни-

¹⁾ Изв. Таврич. Учен. Арх. Комиссіи, № 49. Эта моя замѣтка была использована г-номъ J. J. Mikko la въ его работѣ о циклѣ у древнихъ болгаровъ: „Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren“ (Journal de la Société Finno-Ongrienne, XXX), переведенной по-русски Н. М. Петровскимъ въ Извѣстіяхъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ (XXIX, вып. 4). Въ настоящее время у меня накопилось порядочно библиографическихъ и иныхъ дополненій къ названной моей замѣткѣ, которыя я пока опускаю, за исключеніемъ одного: по сообщенію Мустафы Чокаева, у туркестанскихъ казакъ - киргизовъ, подъ влияніемъ ислама, названіе года свиньи „донгуз“ замѣняется индоевропейскимъ выраженіемъ „кара кик“ — „черный звѣрь“. Нѣкоторыя другія дополненія проводятся много ниже.

²⁾ Въ прежней своей замѣткѣ я не привелъ данныхъ изъ двухъ книгъ: 1) Кондоракі, „Универсальное описаніе Крыма“, томъ XII, стр. 57 и 2) Schlatter, „Bruckstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen

лось, что названіе года „барса“ („барс“), о которомъ въ моей замѣткѣ рѣчи не было, также нынѣ толкуется въ крымской степи по-новому. Произнося это слово—„барыс“, татары объясняютъ его такъ: „бѣлый навозный червь (курт) съ красной головой“.

Въ крымскія степи занесена и легенда о происхожденіи животнаго цикла, въ которой объясняется, почему въ циклѣ не попало такое видное животное, какъ верблюдъ, и почему первое, самое почетное мѣсто заняла въ циклѣ крохотная мышь¹⁾.

Годъ животнаго цикла начинается въ мѣсяцѣ—зодіака Овенъ („хамель“), когда прилетаютъ журавли, т. е. въ мартѣ²⁾.

Въ зависимости отъ свойствъ животныхъ, именами которыхъ прозываются года, послѣдніе дѣлятся на счастливые, несчастные и средніе, приче́мъ вліяніе годовъ простирается какъ на людей, такъ и на животныхъ. Лучшимъ, счастливейшимъ годомъ считается годъ овцы („коюн“), далѣе слѣдуютъ годы лошади („йылкы“), змѣи („йылан“), коровы („сыгыр“). Несчастливыми считаются годы мыши („сычан“), зайца („даушан“ или „коян“), среднимъ—годъ барса. Объ остальныхъ годахъ хаджи Али свѣдѣній не далъ. Повидимому, хаджи Али не особенно твердъ въ различеніи свойствъ годовъ. Во всякомъ случаѣ его опредѣленія сильно расходятся съ воззрѣніями туркестанскаго народа таранчинцевъ³⁾; воззрѣнія другихъ турецкихъ племенъ на свойства годовъ животнаго цикла мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что у киргизъ-казаковъ годъ зайца несчастный.

II.

Пережитокъ рабства у степныхъ татаръ.

Моя кратковременная поѣздка по крымской степи лѣтомъ 1916 года убѣдила меня въ томъ, что пора открытій еще не *Russland in den Jahren 1822 bis 1828*“ (St. Gallen, 1830), стр. 131. У Кондораки для слова „лу“ дано значеніе „червякъ“, а для слова „мечин“— „козявка“. Шляттеръ толкуеть слово „олу“ какъ „Wasserjungfer“, а слово „мечин“, какъ „ein schwarzer Käfer mit roth gezeichneten Flügeln, dessen Name ich nicht kenne, der aber in jenen Gegenden sehr häufig ist und sich an Häusern, in der Wänden oder unter Holz und Mist aufhält“. Данныя Шляттера относятся къ материковымъ ногайцамъ.

¹⁾ На стр. 133 моей замѣтки упомянуто бурятское сказаніе. Упоминаемое Остроумовымъ (Сарты, вып. 2) казакъ-киргизское сказаніе приводится въ книгѣ Байтурсунова „Оку куралы“ (Оренбургъ, 1914), стр. 63—64, и въ нѣкоторыхъ газетныхъ статьяхъ.

²⁾ По М. Чокаеву, у казакъ-киргизовъ годъ начинается 9 марта (ноурузъ).

³⁾ Н. Н. Пантусовъ. Матеріалы къ изученію нарѣчія таранчей

прошла для этого уголка нашего отечества. Путешественники по Крыму обыкновенно не удѣляли степи достаточнаго вниманія, устремляясь въ южные районы, богатые природой и памятниками до-татарскихъ эпохъ. Характерно въ этомъ отношеніи наставленіе Муравьева-Апостола попасть „въ Бахчисарай, изъ коего проѣхать какъ можно скорѣе въ Козловъ (т. е. Евпаторію), а отъ толь уже не оглядываясь за Перекопъ“¹⁾.

Обычно считается, что рабство въ Крыму безслѣдно исчезло съ появленіемъ въ краѣ русской власти. Не говоря о томъ, что нынѣшнее положеніе безземельныхъ степныхъ татаръ—земледѣльцевъ весьма напоминаетъ времена крѣпостного права, въ дѣйствительности и настоящее рабство сохранилось понынѣ въ степи, правда,—повидимому, уже въ качествѣ совершенно безвреднаго пережитка. Вопросъ этотъ, по моему, столь любопытенъ, что заслуживаетъ подробнѣйшаго научнаго обслѣдованія, мнѣ же пришлось съ нимъ столкнуться, можно сказать, на одно только мгновеніе. Въ селеніе Аипъ, Евпаторійскаго уѣзда, я пріѣхалъ подъ вечеръ, а рано утромъ уже тронулся далѣе. До наступленія темноты я посѣтилъ кладбище, чтобы зарисовать „тамги“ (родовые знаки) на могильныхъ камняхъ²⁾. Сынъ хозяина дома, въ которомъ я остановился, послалъ человѣка за однимъ старикомъ, будто-бы для того, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, какъ называются и кому принадлежать тамги. Ранѣе сынъ хозяина успѣлъ сказать мнѣ, что одной изъ достопримѣчательностей селенія Аипъ являются потомки рабовъ—невольниковъ, которые понынѣ живутъ отдѣльно отъ татаръ, къ которымъ татары относятся пренебрежительно и съ которыми они избѣгаютъ брачныхъ связей. Меня не предупредили, что собою представляетъ приглашенный старикъ, но, взглянувъ на его лицо, я сразу заподозрилъ, что это и есть одинъ изъ потомковъ плѣнниковъ—рабовъ. Одѣтый совершенно по-татарски, говорящій на чистѣйшемъ татарскомъ нарѣчій, по вѣрѣ—благочестивый мусульманинъ, старикъ лицомъ своимъ совершенно определенно обнаруживалъ не-татарское свое происхожденіе. Передо мной стоялъ въ татарскомъ обличьи рязанскій, если хотите, мужичекъ. Оказалось, что это, дѣйствительно, былъ „чора“, какъ назывались въ Крыму въ ханскія времена невольники, и какъ понынѣ зовутся въ степи ихъ потомки, сохранившіе особый

Илійскаго округа. Вып. третій. Книга о счастливыхъ и несчастныхъ годахъ (Казань, 1901).

¹⁾ Путешествіе по Тавридѣ. Спб. 1823, стр. 197.

²⁾ Объ этомъ своемъ открытіи я сообщу въ другомъ мѣстѣ.

физическій типъ (въ данномъ случаѣ—русскій) и особое соціальное положеніе. Слово „чора“, употребляемое въ Крыму и въ ласкательномъ значеніи, когда, на примѣръ, родители называютъ своихъ дѣтей „чорам“—„мой чора“, встрѣчается также въ названіяхъ селеній: Акъ-чора, Кара-чора, Кокъ-чора¹⁾ и въ имени героя эпического сказанія „Чора-батыръ“²⁾). Происхожденіе этого интереснаго слова и развитіе его значеній въ туркологіи не выяснены. Оно распространено въ цѣломъ рядѣ турецкихъ нарѣчій: казанско-татарскомъ, башкирскомъ, чувашскомъ, казакъ-киргизскомъ, кара-киргизскомъ, туркменскомъ, приводится въ восточныхъ и европейскихъ словаряхъ турецкихъ нарѣчій и, въ частности, въ „Опытѣ словаря тюркскихъ (турецкихъ) нарѣчій“ Радлова. Въ послѣднемъ словарѣ, однако, для крымско-татарскихъ нарѣчій оно вовсе не отмѣчено, а приводится изъ говора Троицкихъ каранмовъ со значеніемъ „работникъ“ и изъ кара-киргизскаго нарѣчія въ формѣ „чор“ и со значеніемъ „низкій рабъ“. Казакъ-киргизская форма имени героя „Шора-батыръ“ подведена Радловымъ подъ казакъ-киргизское слово „шоря“—„мочащійся въ постели“, что едва ли правильно.

III.

Крымско-татарская пѣсня про Сарайменскихъ запасныхъ въ подражаніе стихотворенію К. Р. „Умеръ бѣдняга“.

Дополнительно къ двумъ крымско-татарскимъ пѣснямъ про теперешнюю войну, которыя я издалъ въ журналѣ „Живая Старина“³⁾), мною записано со словъ бахчисарайца Яхъя эфенди Байбуртлы еще три пѣсни. Ранѣе изданныя пѣсни относились къ началу войны, а вновь записанныя отмѣчаютъ послѣдующіе моменты великой борьбы, въ которой принимаютъ дружное участіе всѣ народы Россіи. Изъ трехъ новыхъ пѣсенъ первая озаглавлена: „Пѣсня синбилетчиковъ“, вторая—„Пѣсня запасныхъ“. Во второй пѣснѣ упоминаются событія подъ Варшавой, на Санѣ, и говорится объ утратѣ нами Перемышля. Исключи-

¹⁾ См. азбучный указатель при изданіи: Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, ХLI. Таврическая губернія (Спб. 1865).

²⁾ Сказаніе это см. у Радлова, Образцы народной литературы тюркскихъ (турецкихъ) племенъ, часть VII, стр. 21, 122, 167.

³⁾ „Пѣсни крымскихъ татаръ про вторую отечественную войну“. Живая Старина, годъ XXIII (1914). Слово „байары“ въ 8-омъ четверостишіи первой пѣсни надо, повидимому, переводить: „его бояринъ“ (ср. тамъ же, стр. 411).

тельный интересъ представляетъ третья пѣсня: „Пѣсня про Сарайменскихъ запасныхъ“. Сараймень — татарское селеніе Феодосійскаго уѣзда. По словамъ Байбуртлы, эту пѣсню занесъ въ Бахчисарай татаринъ — работникъ изъ Сараймена. Связанная только отчасти съ мѣстной, крымско-татарской пѣсенной традиціей, третья пѣсня представляетъ собою первый мнѣ извѣстный примѣръ вліянія на крымско-татарскую народную поэзію русской литературы. Неизвѣстный татаринъ, авторъ пѣсни, усвоенной народомъ, вдохновился прекраснымъ стихотвореніемъ покойнаго великаго князя Константина Константиновича: „Умеръ бѣдняга“. Стихотвореніе это, какъ извѣстно, давно пріобрѣло широкую популярность, обратившись въ пѣсню.

„Пѣсня по Сарайменскихъ запасныхъ“ состоитъ изъ девяти четверостишія. Въ двухъ четверостишіяхъ встрѣчается почти дословный переводъ стиховъ К. Р. . Только два или три четверостишія являются самостоятельными, остальные всѣ, болѣе или менѣе, зависятъ отъ трогательнаго описанія смерти и похоронъ солдата — измайловца. Я даю опытъ стихотворнаго перевода крымско-татарской пѣсни, отмѣчая курсивомъ заимствованія изъ стихотворенія К. Р.

Сарајменде запаслар чыккан турну.¹⁾

1.

Маһребеге гондерділер,
чок аглады анасы.
Бутун ана аджысыны
калем - мен кыҗын јазмасы.

2.

Еллеріні узатып,
балалары аглады.
Ватан учун патронлары
беллеріне бағлады.

3.

Дајанмајан һасретліче
аглады хорандасы.
Долу тас бујук каһры
ірте ічті анасы.

¹⁾ Курсивныя буквы о, у, г, н и сочетаніе дж замѣняютъ, по средствамъ типографіи, точное обозначеніе соотвѣствующихъ звуковъ.

4.

Соук ачлык хасталык
салдатлар чекті.
Епсі олум себебіні
меджрубе етті.

5.

Маһребеде балнітсада
чок јатып оіді заваллы.
Ол салдатын чоджуклары
аглајуп евде калды.

6.

Jeller есер, карлар јазар
агламага паре јок.
Бу боранлар аглатырлар,
бунда менім кісем јок.

7.

Олумузі јыгарлар,
терен казып комерлер.
Бураларда кісем јоктур,
анджак јeller есерлер.

8.

Ватан узак олду бізе,
біз кормедік бал'лары.
Алла сізе сабыр версін,
едініз дуалары.

9.

Кабырларда јатан ерлер
дженнет олсун сізлере.
Ватан учун чалыштыңыз.
Дуа борч тур бізлере.

П Е Р Е В О Д Ъ .

1.

Воиновъ драться съ врагомъ отослали,
Горько заплакала мать.
Всю глубину материнской печали
Трудно перомъ описатьъ.

2.

Ручки свои протянувъ, безутѣшно
Плачуть ребята кругомъ¹⁾.
Станъ свой патронами воинъ обвѣшалъ,
Чтобъ посчитаться съ врагомъ.

3.

Милыхъ отъѣздъ—нестерпимая доля!
Плачетъ родная семья²⁾.
Полную чашу великаго горя
Рано ихъ мать испила.

4.

Холодъ и голодъ, и бѣлъстей много—
Все нашъ солдатъ испыталъ.
Смерть чтó такое, предъ смертью тревога—
Опытъ ему показалъ.

5.

И на войнѣ, и на койкахъ больничныхъ
Много несчастныхъ слегло.
Дѣтямъ—малюткамъ героевъ погибшихъ
Дома рыдать тяжело.

6.

Вѣтры бушуютъ, снѣгъ съ неба валится,
Мнѣ опостылѣлъ весь свѣтъ!

1) Ср.: И протянулъ къ нему съ плачемъ ручки
Мальчикъ—малютка грудной. . .

2) Ср.: Съ невыразимой тоскою во взорѣ
Мужа жена обняла.

Грустно до слезъ, когда вьюга такъ злится,
Ближихъ же вовсе здѣсь нѣтъ¹⁾).

7.

Нашихъ убитыхъ съ полей подбирають.
Въ землю кладутъ глубоко.
Вѣтры лишь грустно кругомъ завываютъ.
Ближихъ здѣсь нѣтъ никого²⁾).

8.

Родина наша осталась далѣко,
Мы не видали дѣтей³⁾).

Богъ да даруетъ терпѣнья вамъ много,
И вы молитесь сильнѣй!

9.

Спящіе въ нѣдрахъ кладбища сырого,
Рай пусть достанется вамъ!
Вы послужили отечеству. Бога
Вѣчно молить должно намъ⁴⁾!

А. Самойловичъ.

¹⁾ Ср.: По небу тучи неслись вереницей
Въ утро его похоронъ;
Выла и плакала снѣжная вьюга
Съ жалобнымъ воемъ такимъ,
Плача объ участи нашего друга,
Словно рыдая надъ нимъ.

²⁾ Ср.: Люди чужіе солдата зареютъ
Въ мерзлой землѣ глубоко.
Тамъ, за заставой, гдѣ вѣтры лишь воютъ,
Гдѣ - то въ глуши далекѣ.

³⁾ Ср.: Изъ виду скрылись родные избенки,
Край онъ покинулъ родной.

⁴⁾ Ср.: Спи же, товарищъ ты нашъ, одиноко!
Спи же, покойся себѣ
Въ этой могилкѣ сырой и глубокой! . . .
Вѣчная память тебѣ.

Одно изъ культурныхъ начинаній Вольнаго-Экономическаго Общества, поддержанное относительно Тавриды графомъ П. А. Зубовымъ.

Восемнадцатый вѣкъ въ Россіи можно характеризовать, какъ время пробужденія интереса къ хозяйственной дѣятельности. Ростъ жизненныхъ потребностей требовалъ увеличенія денежныхъ средствъ, которыя не въ состояніи было дать прежнее помѣщичье хозяйство. Вызванные указами Петра изъ своихъ медвѣжьихъ угловъ на службу дворяне самой жизнью ставились въ новыя рамки, и новая жизнь вводила въ обиходъ массу новыхъ предметовъ, начиная съ одежды, экипажей и кончая столомъ, которые не могло доставать помѣщичье хозяйство. А все растущая роскошь столицъ и тянувшейся за столицами провинціи заставляла итти crescendo развитіе этихъ потребностей. Наряду съ повышеніемъ требованій къ наслѣдственнымъ вотчинамъ, вѣрнѣе -- съ измѣненіемъ этихъ требованій, мы видимъ пробужденіе интереса къ экономической или политико-экономической литературѣ; въ срединѣ XVIII в. переводятся и расходятся во многихъ экземплярахъ нѣмецкія экономическія сочиненія, въ томъ числѣ Лифляндская экономія,¹⁾ создаются трактаты политико-экономическіе, какъ завѣщаніе Татищева, трактатъ Елагина, многія страницы сочиненій Болотова и Щербатова, въ которыхъ подробно обсуждаются средства, какъ поднять елико возможно доходность и производительность имѣній и крестьянскаго труда. Получивъ свободу отъ службы, дворяне во множествѣ удаляются въ наслѣдственныя гнѣзда, и тогда какъ одни изъ нихъ отдають свои досуги охотѣ на зайцевъ, другіе прилагають эти досуги къ занятіямъ хозяйственнымъ. Интересъ къ хозяйству, преимущественно земледѣлію, вызываемый практическими нуждами, находитъ красивыя выраженія, соотвѣтственно вкусамъ эпохи, въ доктринахъ фізіократіи.

¹⁾ Щепкина, Старинные помѣщики на службѣ и дома, 1890 г., стр. 61; Струве, Крѣпостное хозяйство, 1913, 52.

Можно сказать, конец XVIII в. въ Россіи — вѣкъ увлеченія физиократіей. Красиво выразилъ основную идею этой теоріи въ своей пышной рѣчи въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ графъ Гѣршъ: „земледѣліе, говорилъ онъ, есть душа государства и первая пружина блаженства и всеобщаго спокойствія“¹⁾). Чрезвычайно характернымъ, какъ отраженіе этого настроенія, является слѣдующій приказъ гр. Ангальта по кадетскому корпусу: „разсуждая о пользѣ происходящей отъ преподаванія наставленій благороднымъ кадетамъ въ земледѣліи и о чинимыхъ предъ глазами ихъ на самомъ дѣлѣ опытахъ въ посѣвѣ яроваго и озимаго хлѣба, равномерно въ произращеніи огородныхъ овощей, дабы они при прочихъ наукахъ имѣли такъ же и отъ самыхъ младыхъ лѣтъ понятіе и свѣдѣніе сельскаго домостроительства, воспріялъ намѣреніе назначенное въ кадетскомъ саду для сего мѣсто раздѣлить на квадраты и начать черезъ г.г. кадетовъ такія работы“²⁾). Работы пошли успѣшно, и въ томъ же 1789 году гр. Ангальтъ представилъ въ Вольное Экономическое Общество выращенные въ саду Имп. Шляхетскаго корпуса два куста — ячменя съ 26 колосьями и проса съ 37 кистями³⁾).

Чрезвычайно интересны, какъ зеркало, въ которомъ отражались хозяйственные идеалы и представленія дворянской Россіи второй половины XVIII, Труды Вольнаго Экономическаго Общества, вокругъ котораго сгруппировались русскіе политико-экономы и агрономы, какъ Левшинъ, Болотовъ, Радингъ и рядъ другихъ. Общество поставило широко свою дѣятельность; въ трудахъ его печатались разнообразныя по темамъ хозяйственные трактаты; оно само ставило для рѣшенія задачи, разнообразныя по темамъ и характеру вопросовъ. Здѣсь были и задача о томъ, „что полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственность землю, или только движимое имѣніе“, отвѣтъ на которую сыгралъ такую важную роль въ постановкѣ крестьянскаго вопроса въ XVIII в.⁴⁾), и вмѣстѣ съ тѣмъ столь спеціальныя задачи, какъ о „добываніи масла изъ кунчута“, или „о разведеніи въ Россіи оливковаго дерева“. Общество не только награждало медалями и денежными преміями авторовъ лучшихъ отвѣтовъ на поставленныя имъ задачи, но назначало

¹⁾ Новое продолженіе трудовъ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества, ч. I, стр. 317, 1795 годъ.

²⁾ Продолженіе трудовъ Вольн. Экон. Общ., ч. X, 1790, стр. 249.

³⁾ Тамъ же, стр. 293.

⁴⁾ Труды Вольн. Экон. Общ. ч. VIII.

награды хозяевамъ, занимавшимся наиболѣе полезнымъ дѣломъ: напр. Общество назначало награду въ 10 руб. „крестьянину, который уже засѣялъ дубомъ и букомъ по крайней мѣрѣ полдесятины и деревья уже по малой мѣрѣ на сажень выросли и густо стоятъ“¹⁾, серебряную медаль — „тому, кто краппъ завезетъ лучше дикаго кизлярскаго, который подходилъ бы къ Бреславскому и Зеландскому“²⁾. Въ Трудахъ печатались, кромѣ статей, обширныя корреспонденціи изъ различныхъ мѣстъ Россіи и Западной Европы о положеніи сельскаго хозяйства, скотоводства, о томъ, какъ обрабатывается земля, и здѣсь же мы встрѣчаемъ чрезвычайно любопытныя сообщенія о тѣхъ опытахъ, которые производили у себя въ имѣніяхъ помѣщики, вооруженные по большей части только „презѣльной горячностью“ къ дѣлу. Вотъ, на примѣръ, какъ нѣкій Петръ Ручковъ описываетъ произведенный имъ опытъ надъ однимъ изъ растений, которыя „плодоносная натура представила и хранить во множествѣ“, такъ наз. „воробьинымъ сѣменемъ“. Задумавшись надъ происхожденіемъ культурныхъ растений, которыя „съ начала ничто другое были какъ такія жъ самородныя растенія, отъ природы въ разныя мѣста разсѣянныя, но отъ искусныхъ и трудолюбивыхъ земледѣльцевъ сбираниемъ и сѣяніемъ на способныхъ имъ мѣстахъ . . . одобрены, размножены и введены въ извѣстныя намъ употребленія“, онъ рѣшилъ испробовать воробьиное сѣмя, которое растеть во множествѣ въ Оренбургской и Казанской губ. Приказавъ набрать сѣмянъ и столочь, онъ выпилъ разведенной водою избоины нѣсколько ложекъ самъ, приказалъ выпить „большую чашку“ своему человѣку, попробовалъ масло съ кашей—и нашель, что оно можетъ замѣнить льняное или конопляное масло,—и поэтому, подробно описавъ свой опытъ, присылаетъ членамъ Общества на пробу скляночку масла и сѣмянъ³⁾. Но наряду съ такими диллетантскими опытами—главнымъ образомъ при помощи вкуса, мы видимъ и серьезную постановку дѣла въ экономіяхъ Бекетова (Царицынѣ), гдѣ разводится кунчуть, хлопчатая бумага, горчица⁴⁾, Болотова (Богородицкѣ), который снабжаетъ Общество десятками реляцій о разведеніи горчицы, картофеля, сибирской

¹⁾ Продолженіе трудовъ, ч. XVII, стр. 349, 1793 г.

²⁾ Ibid, 354.

³⁾ Труды Вольн.-Экономическаго Общества, т. VIII, 67.

⁴⁾ Продолженіе Трудовъ, ч. XIX, 1794 г., Новое продолженіе Трудовъ, ч. II, 1796.

гречихи, и т. д.¹⁾ Столь же интересны аккуратныя сообщенія кievскаго аптекаря Бунге, разводившаго въ Кievѣ шелковицу, кунчуть, дернъ, и т. д.²⁾ Среди корреспондентовъ Экономическаго Общества встрѣчаемъ даже архіепископа армянскаго Іосифа, близко къ сердцу принимавшаго разведеніе хлопчатой бумаги, горчицы и кунчута.³⁾

Въ Трудахъ Общества мы встрѣчаемъ рядъ статей съ указаніями, какъ обрабатывать поля, поднимать доходность ихъ, какіе наилучшіе сорта хлѣба;⁴⁾ сообщалось о положеніи земледѣлія въ различныхъ частяхъ Россіи: въ Рязанской, Оренбургской,⁵⁾ Слободской Украинѣ,⁶⁾ Калужской, Владимірской,⁷⁾ Эзельской,⁸⁾ Санктъ - Петербургской,⁹⁾ Ингерманландской,¹⁰⁾ Рижской¹¹⁾ губерній и провинцій; большое вниманіе удѣлялось разведенію луговыхъ травъ.¹²⁾ Но еще больше заботы вызывалъ вопросъ о сохраненіи и размноженіи лѣсовъ, которому посвящено много страницъ Трудовъ Экон. Об-ва.¹³⁾

Наряду съ обсужденіемъ вопросовъ общаго характера, какъ приведенные выше, Общество принимало горячее участіе въ дѣлѣ популяризаціи, если можно такъ выразиться, новыхъ для

1) Новое продолженіе Трудовъ 1796, ч. II, I, Продолженіе Трудовъ ч. XVI, 1794, ч. XIX и др.

2) Почти въ каждой книжкѣ Трудовъ.

3) Новое продолж. Трудовъ, 1796 г., ч. II, стр. 288.

4) Въ каждой книжкѣ Трудовъ.

5) Ч. VII, 1768 г.

6) Ч. VIII.

7) Ч. XI.

8) Ч. XIII.

9) Прод. Тр. ч. X.

10) Труды, ч. VI.

11) Прод. Тр. ч. XIX.

12) О приведеніи въ лучшее состояніе сѣнокосовъ, ч. III, „О разныхъ родахъ травъ къ засѣванію луговъ употребляемыхъ и (тамъ же), О вырожденіи травъ (Новое прод. трудовъ ч. III, 1790 г.), наконецъ, — обширный отвѣтъ на задачу, предложенную Обществомъ „о растеніяхъ, кои въ Россійской имперіи и гдѣ могутъ быть на паствахъ къ заведенію искусственныхъ луговъ и слѣдственно къ запасанію здороваго сѣна полезнѣе“, данный Левшинымъ. Труды, 1801 г., ч. I и II.

13) Посѣвъ лѣса, ч. I. О здѣшнихъ деревьяхъ и кустахъ, которые годны для шпалерника (ч. II), Польза отъ размноженія лѣсовъ (ч. III XX), Мнѣніе о лѣсахъ (ч. III), О рубкѣ, поправленіи и заведеніи лѣсовъ (IV и VI), Способъ, какъ сѣять древесныя сѣмена (ч. XII), О сбереженіи лѣсовъ (ч. XIV), О хвойныхъ и лиственныхъ деревьяхъ Россійской имперіи (продолженіе трудовъ, ч. X, 1790 г.), О древесныхъ болѣзняхъ (Прод. ч. XVI), О новомъ сажаніи деревьевъ (Новое продолж. ч. I, 1795), О усадебныхъ рощахъ (ч. I—IX).

Россіи растений; напимѣръ, много писалось о культурѣ масличныхъ деревьевъ,¹⁾ шелковичныхъ растений,²⁾ табака,³⁾ хлопчатой бумаги,⁴⁾ ворсяной щетки;⁵⁾ особенно рекламировался кунжутъ или кунжутъ, изъ котораго, по мнѣнію экономіи директора Радинга, можно было выдѣлывать масло, не уступавшее оливковому.⁶⁾ Можно сказать, что съ 1792 г. кунжутъ дѣлается излюбленнымъ дѣтищемъ Экон. Об-ва, и рѣдкая книжка не содержитъ свѣдѣній о разведеніи его то въ Астрахани, то въ Екатеринославѣ, то въ Московской губерніи. Наконецъ, въ 1791 году, была поставлена задача и обѣщана награда тому, „кто первый начнетъ торговать прекраснымъ кунжутнымъ масломъ.“⁷⁾ Много вниманія удѣлялось и разведенію винограда, о чемъ печатались пространные трактаты⁸⁾ и рядъ мелкихъ замѣтокъ.

Но Общество не довольствовалось случайными сообщеніями корреспондентовъ о земледѣліи, луговодствѣ и садоводствѣ на пространствахъ обширной Россіи и предпріяло форменную анкету, которая должна была обогатить Общество свѣдѣніями о всѣхъ растеніяхъ, разводимыхъ въ Россіи, и объ успѣшности культивированія ихъ въ различныхъ полосахъ ея. Съ этою цѣлью Общество составило и разослало всѣмъ генераль-губернаторамъ и губернаторамъ „напечатанныя таблицы, содержащія названія растеній, которыя для домоводства и рукодѣлія произрастаютъ, съ такимъ прошеніемъ, чтобы для пользы общественной благоволили препоручить по способности кому заблагоразсудите, *сочинить и потомъ доставить* Обществу извѣстія о нынѣ употребительныхъ воздѣлываніяхъ, о большемъ или меньшемъ изобиліи, о ихъ надежныхъ и неудачныхъ успѣхахъ и проч.“⁹⁾

¹⁾ Продолж. трудовъ, ч. XV, XVI, 1792 г.

²⁾ Продолж. ч. 1793, XVII, XVIII, 1794—XIX, Новое продолженіе—1795—I, 1798—III.

³⁾ Труды XX, 1772 г., Новое продолж. 1795—I, 1798—III.

⁴⁾ Продолж. 1793 ч. XVII, Новое продолж.—1795 ч. I, II и III.

⁵⁾ Продолж.—ч. XVIII—1793, XIX, Новое продолж.—ч. I, 1795.

⁶⁾ Продолж.—ч. XVII, ч. XIX, Новое продолж.—ч. I, II и III.

⁷⁾ Продолженіе Трудовъ XIII, 274.

⁸⁾ Фрибе — отвѣтъ на поставленную Общ-вомъ задачу „о разведеніи винограда“ ч. XIII, 1791 г. стр. 1—171, Дадинга — „о виноградарствѣ въ „Историческое описаніе разведенія винограда въ Россіи (1792, ч. XV, 148—178)“, Палласъ — „Описаніе виноградныхъ садовъ въ Астраханской губерніи“ (ч. I—IV, 1802) и др. мелкія статьи почти въ каждой книжкѣ.

⁹⁾ Новое прод. труд. ч. I, 1796 г. стр. 374.

Въ Трудахъ Об-ва имѣются сообщенія нѣкоторыхъ генераль-губернаторовъ о полученіи ими таблицъ и указанія, какъ они поступили съ ними: Бѣлорусскій ген.-губ. Пассекъ передалъ правителямъ намѣстничествъ ввѣренныхъ ему губерній, „дабы они по приложеннымъ таблицамъ свѣдѣнія доставили и отвѣчали на вопросы по образцу Петербургской.¹⁾ Правящій должность ген.-губ. Псковского и Смоленскаго намѣстничества ген. Осиповъ, ген.-губ. Орловскій и Курскій Беклѣшовъ и Воронежское намѣстничество (за смертью ген.-губерн. Черткова) передали таблицы для отвѣта дворянскимъ предводителямъ, „дабы они посредствомъ дворянъ искусныхъ въ земледѣліи“ отвѣтили на вопросы.²⁾

Трудно прослѣдить, какъ поступили съ таблицами другіе ген.-губернаторы, и кому они давали ихъ на разрѣшеніе. Но у насъ имѣется въ настоящее время полный отвѣтъ на поставленные Обществомъ вопросы—отвѣтная таблица, составленная въ Таврической области экономіи директоромъ Смирновымъ, подъ руководствомъ правителя поручика Габлица, которому она была передана для отвѣта графомъ Зубовымъ и которую мы воспроизводимъ ниже. Составлена она не вполне такъ, какъ было указано Обществомъ, такъ какъ оказалось, что „число земледѣльческихъ растений Тавриды гораздо превосходнѣе, нежели сколько въ экземплярахъ имѣется мѣста“, какъ указываетъ въ сопроводительной запискѣ Габлицъ, а также и потому, что рѣшено было добавить къ русскимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ названіямъ еще и татарскія.

Неизвѣстно, какая судьба постигла эту таблицу,—въ Трудахъ Общества она напечатана не была, и, быть можетъ, хранится въ рукописи въ архивѣ общества; другой же экземпляръ ея, копія, при которой имѣется собственноручный черновикъ записки гр. Зубова къ „почтеннымъ господамъ членамъ“, сохранился въ Архивѣ Таврическаго Губернскаго Правленія, въ отдѣлѣ архива канцеляріи правителя области, въ св. № 32а, подъ № 39, и ее мы печатаемъ ниже.⁴⁾

¹⁾ Новое продолженіе Трудовъ, ч. I, 1793, стр. 383.

²⁾ Новое продолженіе Трудовъ, ч. I, стр. 401, 417, 415.

³⁾ Тамъ же стр. 401.

⁴⁾ Дѣло озаглавлено такъ: „Таблица о земледѣльческихъ произрашеніяхъ въ Тавридѣ съ названіями оныхъ, посланные при сообщеніи Вольное Экономическое Общество для нужныхъ свѣдѣній. 20 октября 1794 г. на 26 листахъ“.

Написана таблица на большихъ листахъ плотной бѣлой бумаги (двойной листъ писчей бумаги).

Письмо графа Зубова гласило:

Почтенные Господа члены Вольнаго Экономическаго О-ва.

Милостивые Государи мои.

Для нужныхъ Вольному Экономическому Обществу хозяйственныхъ свѣдѣній о земледѣльческихъ произрастеніяхъ во ввѣренной управленію моему Таврической области, сочиненныя таблицы содержащія названія растений, которыя для домоводства и руководѣлія въ той области произрастаютъ, при семъ препровождаю: что оныя таблицы не писаны на изданныхъ отъ сего общества печатныхъ экземплярахъ, то найдено за нужное для большей пользы прибавить въ тѣхъ таблицахъ еще графы для татарскихъ названій, дабы по сихъ удобнѣе можно было отыскать каждое растеніе естли бы оно для общества сего или для кого другого понадобилось, да при томъ и число земледѣльческихъ растений въ Тавридѣ, яко во изобильномъ краю, гораздо превосходнѣе, нежели сколько въ тѣхъ экземплярахъ есть мѣстъ для вписанія названій ихъ и всѣхъ нужныхъ для нихъ примѣчаній. Пребываю въ прочемъ съ отмѣннымъ почтеніемъ, вашъ Милостивые Государи мои покорнѣйшій слуга (подписи нѣтъ, по почерку—бумага писана Зубовымъ).

Представляя Зубову таблицы, помощникъ правителя Таврической области Габлицъ писалъ:

ЕГО СІЯТЕЛЪСТВУ.

Порутчика Правителя Области Таврической коллежскаго совѣтника и кавалера Габлица.

Р А П О Р Т Ъ.

Сочиненныя въ сходство повелѣнія Вашего Сіятельства, подъ руководствомъ моимъ, здѣшнимъ господиномъ экономіи директоромъ таблицы содержащія названія растений, которыя для домоводства и руководѣлія въ здѣшней произрастаютъ области, по изданной отъ Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества формъ, при семъ Вашему Сіятельству для доставленія въ оное общество представить честь имѣю, донося при томъ, что таблицы оныя для того неписаны на изданныхъ экземплярахъ, коихъ Ваше Сіятельство при повелѣніи своемъ ко мнѣ препроводить соизволили, что мы съ господиномъ Экономіи Директоромъ за нужно нашли, для вящей ихъ полезности прибавить въ нихъ еще графу для татарскихъ наименованій,

дабы по симъ удобнѣе можно было отыскать здѣсь каждое растеніе, если - бы оно, для Вольнаго Экономическаго Общества или для кого другаго понадобилось, да при томъ число земледѣльческихъ растеній, коими Таврида изобилуетъ, гораздо превосходитѣе, нежели сколько въ тѣхъ экземплярахъ имѣется мѣста для писанія имянъ ихъ и всѣхъ нужныхъ о нихъ замѣчаній. Въ разсужденіи же медленности въ отправленіи таблицъ сихъ къ Вашему Сіятельству осмѣливаюсь всепокорнѣйше донести, что для собранія всѣхъ потребныхъ къ сочиненію ихъ свѣдѣній г. Экономіи Директоръ долженъ былъ не однократно объѣхать всѣ мѣста тѣ, гдѣ какія растенія произрастаютъ, дабы вѣрнѣйше узнать о ихъ посѣвѣ, жатвѣ, урожаѣ и тому подобномъ и потомъ повѣрять собранныя извѣстія; почему и не могли онѣ прежде Вашему Сіятельству быть представлены, какъ теперь только.

Коллежскій Совѣтникъ Карлъ Габлицъ.

Сентября 23 дня, 1794 г.

Таблица эта не только восполняетъ пробѣлъ въ трудахъ Вольн. Эконом. Об-ва, которое, кстати, даетъ чрезвычайно мало для Тавриды, но представляетъ и другой интересъ, преимущественно для исторіи культуры Таврическаго полуострова, такъ какъ въ ней какъ бы подведены итоги того, что было сдѣлано русскимъ правительствомъ въ дѣлѣ насажденія садовой и земледѣльческой культуры, и поэтому мы предпошлемъ нѣсколько замѣчаній печатаемой таблицѣ.

Исторія земледѣлія и садоводства въ Тавридѣ, какъ и вообще всѣхъ культурныхъ начинаній въ этомъ краѣ, тѣсно связана съ именемъ князя Потемкина Таврическаго. Исполненный благихъ намѣреній, ясно представляя направленіе, которое сама природа указывала хозяйственной жизни страны, Потемкинъ стремился къ развитію хлѣбопашества и садоводства, дѣйствуя различными мѣрами, которыя, нужно отдать справедливость, — не всегда приводили къ желаннымъ результатамъ, частью по незнакомству лицъ, которымъ ввѣрялось проведеніе ихъ, съ мѣстными условіями, и отсутствію опытныхъ людей, частью — по разнымъ причинамъ, бороться съ которыми было невозможно. Такъ вторая турецкая война, на долго отвлекшая вниманіе правительства отъ Крыма, оказалась губительной и для зарождавшагося казеннаго садоводства въ Тавридѣ.

Мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться на положеніи хлѣбопашества въ Тавридѣ при Потемкинѣ, такъ какъ

этому вопросу посвященъ былъ спеціальныи трудъ *Θ. Θ. Лашкова*, представившаго и интересную таблицу урожая; мы упомянемъ только вкратцѣ нѣкоторыя мѣропріятія *Потемкина*, имѣвшія цѣлью увеличить хлѣбопашество съ одной стороны и привести въ ясность состояніе этой отрасли хозяйства съ другой. Такъ, въ 1785 г. *Потемкинъ* издаетъ ордеръ, въ которомъ приказываетъ каймаканамъ доставлять ему подробные отчеты о размѣрахъ вспаханныхъ полей и количествѣ засѣяннаго и собраннаго хлѣба.¹⁾ Въ 1787 г., для принужденія населенія къ болѣе „рачительному прилежанію къ хлѣбопашеству и вѣрному размноженію онаго, яко единственнаго источника богатства всѣхъ жителей“, была принята слѣдующая мѣра: „опредѣлить чиновначальнѣйшихъ (дворянъ) надзирателями, а прочихъ г.г. дворянъ смотрителями, препоруча имъ бдѣніе и смотрѣніе всякому въ своей части“ за тѣмъ, чтобы каждый сельскій дворъ высѣвалъ осенью и весною положенное количество хлѣба—3 четверти озимаго хлѣба и 2 четверти ярового.²⁾ Характерна оговорка—г.г. смотрители отнюдь не должны употреблять поселянъ на собственныя работы.³⁾ Но, почитая „земледѣліе единственнымъ источникомъ богатства“, *Потемкинъ* не меньше значенія придавалъ садоводству и винодѣлію, и во всякомъ случаѣ сдѣлалъ больше для развитія этихъ вѣтвей сельскаго хозяйства, нежели для хлѣбопашества. По присоединеніи *Крыма* было составлено подробное описаніе всей страны, извѣстное подъ названіемъ *Камеральнаго описанія Крыма*, *барона Игельстрома*,⁴⁾ въ которомъ были перечислены всѣ сады и виноградники, оставшіеся послѣ ушедшихъ за границу татаръ и поступившіе въ казенное вѣдомство. Затѣмъ, въ 1785 г. было составлено краткое описаніе всего южнаго побережья *Крыма*—отъ *Балаклавы* до *Θеодосіи*—съ указаніемъ, сколько гдѣ дворовъ, какіе сады и какія деревья произрастали въ этихъ садахъ. Здѣсь встрѣчаемъ мы въ изобиліи яблони, груши, черешни, вишни, сливы, различные орѣхи, шепталу, айву, мушмалу, персики, абрикосы, фиги, а также гранаты и финики—вѣроятно такъ называли курму или черные финики.⁵⁾

1) *Арх. Тавр. Губ. Правл., отд. канц. прав., Тавр. обл., св. IV, № 42.*

2) Тамъ же, св. XIV, № 134, л. 12.

3) Тамъ же, л. 7.

4) *Арх. Тавр. Губ. Правл., издано въ Извѣстіяхъ Таврич. Уч. Арх. Комм. №№ 2—8; Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. XII.*

5) Тамъ же, св. IV, № 29 л. 4.—У *Габлица*, въ его физич. описаніи *Таврич. области*, большой отдѣлъ „О царствѣ растений“.

Съ первыхъ же годовъ правленія областю Потемкинъ старается принудить населеніе къ сохраненію лѣсовъ и садовъ, а также къ разведенію новыхъ; здѣсь мы видимъ распоряженіе, напоминающее приведенное выше, также устанавливается норма, по которой каждый домовладѣлецъ долженъ посадить въ годъ извѣстное число деревьевъ; норма была опредѣлена такая—по 6 деревьевъ осенью и весною; сажались тополи, вербы, рай-дереву, радичея, рябина, барбарисъ, сливы.¹⁾ Каждую осень и весну каймаканы должны были точно доносить о количествѣ посаженныхъ и принявшихся деревьяхъ. Въ распоряженіи о насажденіи деревьевъ характерно для той эпохи стремленіе администратора дѣйствовать убѣжденіемъ на населеніе, что „отъ размноженія садовъ и лѣсовъ обыватели и ихъ потомки ожидать могутъ удовлетворительной пользы“.²⁾

Но, конечно, побужденіемъ населенія къ разведенію садовъ и сохраненію уже существующихъ не исчерпывались мѣропріятія Потемкина. Наряду съ заботами о сохраненіи и разведеніи частновладѣльческихъ садовъ, мы видимъ и казенное садоводство. Основой для него послужили сады татаръ, покинувшихъ Крымскій полуостровъ, имущество которыхъ было взято въ казну; въ настоящее время трудно подсчитать размѣры имѣній, поступившихъ въ казну, такъ какъ въ описаніяхъ по большей части указывается только число ихъ—столько то садовъ фруктовыхъ, столько-то виноградниковъ, но размѣры эти были очень значительны. Достаточно сказать, что въ одной Судацкой долинѣ было около 500 казенныхъ садовъ. Общее наблюденіе за садами и виноградниками было возложено на директора садовъ. Первымъ директоромъ садовъ былъ Іосифъ Банкъ, назначенный на эту должность въ 1784 г. Онъ долженъ былъ завѣдывать казенными садами, разводитъ новые, устроить грунтовые сараи, оранжереи, а также фабрику для выдѣлыванія французской водки; жалованіе ему было назначено 2000 руб. въ годъ.³⁾ Но онъ не долго занималъ должность и въ 1787 г. былъ отставленъ, и на его мѣсто назначенъ Яковъ Фабръ.⁴⁾ Кромѣ директоровъ садовъ, въ Тавридѣ было много завѣдующихъ отдѣльными садами. Такъ мы встрѣчаемъ англичанина Гендерсона, который долженъ былъ завести ботаническій садъ, съ жалованьемъ въ 1000 р. въ годъ, но черезъ полгода по назначеніи

1) Тамъ же, св. III, № 2, л. 12.

2) Тамъ же, св. VIII, № 12, л. 18.

3) Тамъ же, св. II, № 39.

4) Тамъ же, св. V, № 57, л. 322.

самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, ничего не сдѣлавъ,¹⁾ за тѣмъ — англичанина же Гулда, разводившаго виноградники въ Карасубазарѣ и награжденнаго за свою дѣятельность пожалованіемъ дачи;²⁾ албанскій капралъ Мануиль Пероки завѣдывалъ виноградниками и садами въ Тамани,³⁾ грекъ Кондораки — садами въ Алупкѣ.⁴⁾ Въ Судакѣ были виноградные мастера и садовники — сначала Басиръ, въ 1790 г. его замѣняетъ⁵⁾ Фейерфоръ,⁶⁾ который въ 1791 г. уступаетъ мѣсто венгру Тагнару,⁷⁾ и въ томъ же году назначается главнымъ смотрителемъ судацкихъ садовъ Цирули.⁸⁾ Всѣ эти садовники и виноградные мастера получали жалованье по особому соглашенію; такъ, напримѣръ, Басиръ получалъ 400 руб. въ годъ, Фейерфоръ — 500, а Тагнаръ — только 120 руб. въ годъ, — и должны были смотрѣть за существующими уже садами и разводить новые сады. Вновь должны были быть заведены виноградные сады на р. Фундуклѣ, гдѣ садовникомъ былъ назначенъ венгръ Штефанъ,⁹⁾ въ Старомъ-Крыму, на р.р. Зуѣ и Бурульчѣ, тоже подъ наблюденіемъ садовниковъ венгровъ;¹⁰⁾ затѣмъ въ Старомъ же Крыму должны были быть разведены роши тутовыхъ деревьевъ — спеціально для шелковаго завода, которымъ завѣдывалъ графъ Парма.¹¹⁾ Трудно прослѣдить, насколько успѣшны были эти начинанія — не о всѣхъ у насъ сохранились столь подробныя свѣдѣнія, какъ о казенномъ садѣ въ Коланчакѣ, у каменнаго моста. Печальную и въ то же время характерную для многихъ начинаній этой эпохи его исторію мы и расскажем въ нѣсколькихъ словахъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ садовъ, насаженный по распоряженію свѣтлѣйшаго князя въ 1784 г. Потемкинъ поручилъ разведеніе сада цолнеру Феодосійской таможни капитану Карачану, который съ горячностью принялся за дѣло. Въ помощь ему были назначены его братъ подпоручикъ Карачанъ, а по требованію — командировались солдаты изъ полковъ, а также опытные въ садоводствѣ татары. Къ веснѣ 1785 г. Карачанъ доносилъ уже,

1) Тамъ же, св. IX, № 33.

2) Тамъ же, св. XI, № 88.

3) Тамъ же, св. VII, № 119, л. 2.

4) Тамъ же, св. XIII, № 11, л. 2—4.

5) Тамъ же, св. XVIII, № 168, л. 2.

6) Тамъ же, св. XVIII, № 168, л. 10.

7) Тамъ же, св. XVIII, № 168, л. 13.

8) Тамъ же, св. XXII, № 70, л. 206.

9) Тамъ же, св. XX, № 25, л. 4.

10) Тамъ же, св. XX, № 25, л. 8; св. III, № 10, л. 14.

11) Тамъ же, св. XI, № 96, л. 13.

что имъ посажено--13709 фруктовыхъ деревьевъ, 365 шелковиць, 1570 райдеревъ, тополей и вербовыхъ деревьевъ, 1230 горькихъ каштановъ и орѣховъ и 4765 сладкихъ каштановъ, а также 33 лозы винограда. Кромѣ того посѣяно было нѣсколько грядокъ жолудей и разныхъ сѣмянъ. Но эта садовая идиллія длилась не долго,—уже въ маѣ того года Карачанъ доносилъ, что „всѣ орѣхи пропали, . . . шелковицы мало надежды подають, тоже и айва. . . , а яблони и груши весьма мало принялись“, и къ осени пришлось сажать все снова, такъ какъ то, что принялось,—погибло отъ жаровъ. Курьезно въ этомъ садоводѣ стремленіе развести непременно сѣверныя деревья; такъ, онъ выписалъ 25000 липъ изъ Польши, и каждый годъ настойчиво разсаживалъ березы, которыя каждый же годъ погибали. Въ 1787 г. мы снова встрѣчаемъ его жалобы: „приближаются жаркіе. . . дни. . . нужны ведра деревянныя для поливки. . . нужны люди. . . нужны деньги. . .“, а зимой того же года молодыя деревья были побиты морозомъ. Тѣмъ не менѣе въ 1787 году Карачанъ присылаетъ правителю области тщательно вычерченный планъ, съ точнымъ указаніемъ, гдѣ растутъ какія деревья, гдѣ виноградникъ и т. д., и мѣстомъ, гдѣ должна была возвышаться бесѣдка, на которой онъ мечталъ водрузить „дракона, или другую какую фигуру“. Съ 1788 г. садъ перешелъ въ вѣдѣніе объѣздчика Петрова и пришелъ „въ полное опустошеніе“: загорожа его была разломана, по саду безпрепятственно бродилъ скотъ и ломалъ виноградъ и деревья.¹⁾

Характерно, что не смотря на обиліе специально приставленныхъ къ дѣлу людей съ большей или меньшей подготовкой, Потемкинъ, а за нимъ и другіе представители администраціи не переставали сами вникать въ детали садоводства, м. б. въ виду предстоящаго шествія Екатерины Великой въ Тавриду. Такъ въ 1786 г. Потемкинъ приказываетъ командировать въ Константинополь унтеръ-полнера Клефрова для закупки тамъ сѣмянъ различныхъ растеній, а также молодыхъ деревьевъ, которыя онъ и закупилъ, частью въ самомъ Константинополѣ, частью въ Смирнѣ и на Принцевыхъ островахъ. Имъ были доставлены въ Тавриду и пересланы въ Старый Крымъ: 47 штукъ Іудиного дерева, 30 оливокъ, 20 маслинъ, 50 шелковиць, 82 дуба, 86 кедровъ и лавровыхъ деревьевъ, 16 грушевыхъ, 22 гранатовыхъ, 10 терпентинныхъ, 18 чинарь, 10 персиковъ, 6 пиній, 10 дендроливановъ, 6 вербъ, 23 каштана, 54 орѣшника, 13 семберне, 30 „мостяшныхъ“ деревьевъ, 24 рододафновъ, или лорье--розъ, 25

¹⁾ Тамъ же, св. I, № 5.

сумани, 24 тафлановъ, 50 чимшировъ, 27 кипарисовъ, 9 ивъ, 20 нелъибрашимовъ, 32 айвы, 18 барбарисовъ, 15 чилій, 6700 лозъ винограда и значительное количество луковицъ и сѣмянъ лилій, гвоздикъ, маріонъ (по гречески рызаръ), туберозъ, курительнаго табака, фіалокъ, віола одората, солнечнаго цвѣтка, ангельской спаржи, хлопчатой бумаги, салиидъ бабилоника и др.¹⁾ Все это обошлось, вмѣстѣ съ путевыми расходами—1119 р. 89 к. Покупались сѣмена и случайно; такъ въ 1786 г. правитель области Каховской, узнавъ, что у пріѣхавшаго въ Балаклаву грека имѣется грузъ каптановъ, приказываетъ цолнеру Христофорову немедленно купить счетомъ 3000 для посѣва въ казенныхъ садахъ,²⁾ что и было исполнено.

Наряду съ покупкой сѣмянъ за границей, было предписано всѣмъ каймаканамъ организовать въ ихъ округахъ сборъ сѣмянъ и представлять собранныя сѣмена по начальству. Интересенъ отчетъ Карасубазарскаго каймакана, представившаго Каховскому при рапортѣ осенью 1786 г. слѣдующее количество разныхъ сѣмянъ: 19 окъ яблокъ, грушь 2 фунта, шепталы 4½ фунта, кизилевыхъ ½ фунта, мушмалы 2 фунта, вишень ½ фунта съ осьмой; въ томъ же году Бахчисарайскій каймаканъ представилъ Каховскому урожай другихъ сѣмянъ: дубовыхъ—88 окъ, еловыхъ—38 окъ, сосновыхъ—50 окъ и можжевеловыхъ—50 окъ.³⁾

Обработка садовъ представляла большія трудности; обыкновенно въ сады командировались на время сажанія деревьевъ, обрѣзыванія винограда, сбора плодовъ, а также и охраны садовъ—солдаты изъ расквартированныхъ въ Тавридѣ полковъ. Солдаты получали за работы въ садахъ жалованье отъ казны. Кромѣ того, солдатъ старыхъ назначали на настоящую службу при садахъ,⁴⁾ и на такое назначеніе въ сады начальство смотрѣло, какъ на награду достойнымъ. Вотъ какъ выразился по поводу одного назначенія нижнихъ чиновъ Каховскій, главнокомандующій войсками: „князь Потемкинъ изволилъ словесно повелѣть мнѣ выбрать изъ полковъ, здѣсь находящихся, унтеръ-офицера одного, рядовыхъ 6 старыхъ, заслуженныхъ солдатъ и хорошаго поведенія для опредѣленія ихъ въ Алупку, гдѣ производится имъ будетъ хорошее жалованье“.⁵⁾

¹⁾ Мы придерживаемся названій, заключающихся въ рапортѣ Клефрова, тамъ же, св. XI, № 88, л. 6—8.

²⁾ Тамъ же, св. IX, № 51 2, л. 1.

³⁾ Тамъ же, св. XXX, № 11, л. 27, 28, 29, 30.

⁴⁾ Тамъ же, св. I, № 5; св. V, № 57; св. XIII, № 39.

⁵⁾ Тамъ же, св. VIII, № 11, л. 1.

Кромѣ солдатъ, въ сады назначались поселяне изъ казенныхъ селеній, которые получали казенное содержаніе и жалованье—по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ,¹⁾ а также и мѣстные татары, которые иногда жаловались на обременительность этой повинности, такъ какъ, обслуживая казенные сады, они теряли время для ухода за собственными.²⁾

Но, конечно, главную рабочую силу въ садахъ и виноградникахъ представляли нижніе чины. Поэтому начало второй турецкой войны, тяжело отразившейся на всей жизни Тавриды, особенно вредно отозвалось на положеніи казеннаго садоводства. Въ 1788 году поручикъ правителя Габлицъ пишетъ правителю области Каховскому, что обработка и охрана казенныхъ садовъ, которыхъ въ одномъ Судакѣ было свыше 500, представляетъ съ уходомъ войскъ большую трудность, такъ какъ наемъ рабочихъ и охрана ихъ (считая по 2 человѣка на садъ) будетъ стоить такъ дорого, что поглотитъ доходы, приносимые садами, и потому онъ предлагаетъ раздать въ видѣ пробы сады частнымъ лицамъ, армянамъ и грекамъ, на одинъ годъ, съ тѣмъ, что если бы, по истеченіи года, оказалось, что садъ не обработанъ, а по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ не улучшенъ, то онъ снова будетъ взятъ въ казну.³⁾ Взятшіе въ пользованіе должны были уплачивать казнѣ половину урожая.⁴⁾ Но мѣра эта оказалась крайне неудачной; въ 1790 г., правитель области Жегулинъ, которому князь Потемкинъ предписалъ специальное наблюденіе за садами, подвергаетъ систему Габлица жестокой критикѣ. При этой системѣ, пишетъ онъ, откупщикъ не заботится о прочности виноградныхъ лозъ, и потому растеніе истощается; ежели оставить и на будущее время сады въ рукахъ откупщиковъ, то скоро всѣ они безъ остатка будутъ уничтожены. Поэтому онъ объявляетъ всѣмъ откупщикамъ, что впредь всѣ сады будутъ обрабатываться подъ его личнымъ присмотромъ;⁵⁾ снова для обработки садовъ стали привлекать мѣстное населеніе.⁶⁾

Труднѣе всего отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ великъ былъ доходъ, извлекаемый казной изъ фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ.—Курьезно, что долгое время самые большіе

¹⁾ Тамъ же, св. XIII, № 24, л. 7.

²⁾ Тамъ же, св. XXII, № 70, л. 225.

³⁾ Тамъ же, св. XVI, № 37, л. 1.

⁴⁾ Тамъ же, св. XVIII, № 37, л. 79.

⁵⁾ Тамъ же, св. XXII, № 70, л. 3.

⁶⁾ Тамъ же, св. XXII, № 70, л.л. 71, 82, 165.

фруктовые сады давали больше дохода отъ сѣнокоса, нежели отъ продажи фруктовъ, на примѣръ—въ 1785 г. въ Никитскомъ саду было выручено отъ продажи сѣна—11 р. 53 к., а за продажу фруктовъ—5 р.; въ томъ же году въ Алупкѣ—за сѣнокосъ 30 р. 66 к., за фрукты же 15 р. 44 к.¹⁾

У насъ имѣется общая цифра дохода только за одинъ годъ—1793, когда было положено въ окладъ съ казенныхъ садовъ—1100 р. и поступило—1113 р. 13 к. и за проданное казенное вино—5214 р. 96¹/₂ к., было положено и вступило изъ всей суммы—124701 р. 82¹/₂ к. окладныхъ сборовъ, полученныхъ за этотъ годъ.²⁾

Но, во всякомъ случаѣ, главное значеніе мѣропріятій Потемкина въ области садоводства заключается не въ томъ, что онъ создалъ доходную статью для настоящей минуты,—мы не ошибемся, если скажемъ, что объ извлеченіи дохода онъ заботился мало,—но въ томъ, что онъ понялъ то первенствующее значеніе, которое должно играть винодѣліе и садоводство въ хозяйственной жизни страны, и старался, по мѣрѣ возможности, улучшить и поднять эти отрасли хозяйства, какъ приглашеніемъ опытныхъ специалистовъ, знакомыхъ съ болѣе высокой культурой садовъ и виноградниковъ, такъ и выпиской сѣмянъ изъ Греціи съ одной стороны и сохраненіемъ имѣющихся уже садовъ и лѣсовъ съ другой.

Итогомъ этой дѣятельности и является печатаемая ниже таблица.

Ж. Полохская.

¹⁾ Тамъ же, св. IX, № 56, л. 2.

²⁾ Тамъ же, св. XXXII, № 11, л. 11.

Т А Б Л

содержація названія растений которыя для домоводства
Земледѣльческія произращенія

Россійскія названія.	Татарскія.	Нѣмецкія.	Латинскія.	Мѣсто и почва.	Время сѣянія и саженія.	Время жатвы и урожая.
Хлѣбныя и крупяныя породы.						
1 Пшеница озимая.	Кузлукъ Богдай.	Winter weitzen.	Triticum hybernum.	На паш- няхъ наво- зомъ или золою ки- зяка удоб- ренныхъ, а болѣе на новинахъ послѣ про- са.	Съ начала Августа до конца Сент- ября, но чѣмъ ран- нѣе тѣмъ лучше.	Въ пер- вой поло- винѣ Іюля родится отъ 10 до 20 зеренъ.
2 Пшеница яровая.	Язлыкъ- богдай или Кы- зылча- богдай.	Sommer weitzen.	Triticum aestivum.	Такъ же.	Въ по- слѣдней половинѣ Марта, а иногда и ранѣе.	Въ по- слѣдней половинѣ Іюля ро- дится отъ 10 до 30 зеренъ.
3 Пшеница арнаутка.	Арнаут- богдай или Кайдур-бо- гдай.	—	—	Такъ же.	Такъ же.	Такъ же.
4 Полба.	Каплы.	Spelz düinkel.	Triticum spetta.	На туч- ныхъ паш- няхъ.	Такъ же.	Въ одно время съ яровою пшеницею, родится отъ 10 до 20 зеренъ.
5 Рожь озимая Кустистая рожь.	Казлукъ- Арышъ.	Winterrog- gen Staü- denroggen.	Secale hybernum Secale multicaule.	Такъ же.	Съ нача- ла Августа до исхода Сентября.	Въ пер- вой поло- винѣ Іюля родится отъ 12 до 25 зеренъ.

И Ц Ы

и рукодѣлія произращаются въ области Таврической.

Таврической области.

Замѣчанія и объясненія.

Getreyde und Grütz-Arten.

Сѣется всѣми земледѣльцами.

Сѣется всѣми и гораздо болѣе противу озимой пшеницы.

Сѣется многими, но въ степныхъ мѣстахъ вообще съ лучшимъ успѣхомъ нежели въ горахъ. Самая лучшая родится въ мѣстахъ вдоль Сиваша лежащихъ, такожъ за Перекопомъ по берегу Азовскаго моря и около молочныхъ водъ. Зерномъ она крупнѣе обыкновенной пшеницы, но дѣлаемая изъ нея мука въ печеніи желтовата. Татары дѣлають изъ сего рода пшеницы такъ какъ и изъ обыкновенной крупы въ кашу ими употребляемую, которую Булгуръ называютъ. Такожъ идетъ сей родъ пшеницы преимущественно въ отпуски за море; по елику опытами узнано, что онъ долѣе на корабляхъ держатся можетъ нежели другія роды пшеницы.

Сѣется многими а особливо въ Феодосійскомъ уѣздѣ.

Сѣется почти всѣми, но въ меньшемъ количествѣ противъ пшеницы потому что татары болѣе употребляютъ въ пищу пшеницу и составленную изъ пшеницы, ржи и ячменя смѣсь Чалмалы называемую.

6	Ярица.	Язлыкъ-Арышъ.	Sommerroggen.	Secale vernum.	На тучныхъ пашняхъ.	Въ послѣдней половинѣ Марта.	Въ послѣдней половинѣ Юля родится отъ 10 до 15 зеренъ.
7	Ячмень или жито.	Язлыкъ арпа.	Gemeine Sommer Gerste.	Hordeum vulgare.	На пашняхъ удобренныхъ и на новинахъ послѣ проса и пшеницы.	Въ мартѣ ранѣе или позже, въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстахъ и въ Февралѣ.	Въ Юнѣ и Юлѣ родится отъ 10 до 15 зеренъ.
8	Ячмень двустрочный.	Икисыра арпа.	Zweizeilige Gerste.	Hordeum distichon.	Такъ же.	Такъ же.	Въ Юлѣ родится отъ 10 до 20 зеренъ.
9	Ячмень голый или египетскій.	Пейгамберъ арпа.	Kasle oder Himmelsgerste, Egyptische Gerste.	Hordeum nudum coeleste.	Такъ же.	Такъ же.	Въ Юлѣ родится отъ 8 до 12 зеренъ.
10	Ячмень озимой или шестистрочный.	Кузлукъ арпа.	Wintergerste.	Hordeum hexastichon	Такъ же.	Въ послѣдней половинѣ Августа или первой Сентября.	Въ Юнѣ и Юлѣ родится отъ 10 до 20 зеренъ.
11	Овесъ бѣлый обыкновенный.	Бѣязъ юлавъ или Сары юлавъ то есть желтый овесъ.	Gemeiner oder weisser Haber.	Avena sativa alba.	На новинахъ послѣ другихъ хлѣбовъ.	Въ мартѣ и Апрѣлѣ.	Въ послѣдней половинѣ Юля родится отъ 8 до 10 зеренъ.
12	Овесъ черный.	Кара юлавъ.	Schwarzer Haber.	Avena nigra.	Н е	с ѣ е	т с я .
13	Гречиха, греча.	Кара богдай.	Buchweizen.	Polygonum fagopyrum.	—	—	—
14	Гречиха Сибирская.	—	Sibirischer Buchweizen.	Polygonum Tataricum.	Н е	с ѣ е	т с я .
15	Пшенка или кики.	Массыръ-богдай.	Türkischer weizen.	Zea Mays.	Въ садахъ и огородахъ такъ же по краямъ арбузныхъ пашень баштанами называемыхъ.	Въ Апрѣлѣ.	Въ половинѣ Августа родится обильно.

Сѣтся только нѣкоторыи земледѣльцами.

Сѣтся всѣми.

Сѣтся многими по предпочитанію его другимъ ячменямъ.

Сѣтся весьма мало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только.

Сѣтся многими, а особливо въ горахъ. Примѣчанія достойно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣтся сей же самый родъ ячменя и весною въ исходѣ Февраля или въ первой половинѣ Марта съ успѣхомъ. Всѣ роды ячменя употребляются таврическими жителями для корма лошадей.

Сѣтся по большей части только живущими по Днѣпру великороссійскими людьми и малороссіянами такъ же и нѣкоторыми степными татарами, въ мѣстахъ вдоль Сиваша лежащихъ и въ Феодосійскомъ уѣздѣ, но сими послѣдними не въ большемъ количествѣ.

Татары не имѣютъ обыкновенія сѣять гречу, а сѣютъ ее нѣкоторые токмо россійскіе поселяне по Днѣпру живущіе, и то очень мало, внутри же полуострова Таврическаго всѣ опыты о посѣвѣ оной были до сего времени неудачны, въ разсужденіи бываемыхъ тутъ большихъ жаровъ и засухъ.

Сѣтся не въ большемъ количествѣ въ горной части Таврическаго полуострова, такъ же и въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстахъ.

16	Сорочинское пшено.	Принчь.	Reiss.	Oriza sativa.	—	—	—
17	Просо крупно-зернистое красное и желтое.	Баясь-тары кызыль-тары кулаты.	Hirse.	Panicum miliaceum.	На пашнях удобренных а болѣе на новинахъ.	Во второй половинѣ Апрѣля и въ Маѣ смотря по погодѣ въ разсужденіи влажности или засухи.	Въ концѣ Сентября и началѣ октября, родится отъ 50 до 150 зерень.
18	Просо итальянское.	Кунакай тары.	Italiänische Hirse.	Panicum Italicum.	Такъ же	какъ и про	стое просо.
19	Просо бухарское.	Наръ тары.	Bucharische Hirse.	Holcus Sorghum Holcus Pâcharatus.	Въ нѣкоторыхъ садахъ и огородахъ, такъ же по краямъ арбузныхъ пашень.	Въ Апрѣлѣ.	Въ началѣ октября родится изобильно.
20	Манная трава.	—	Mannagras. Swadengras.	Festuca fluitans.	Н е	с ѣ е	т с я.

М а с л е н ы е с ѣ м е н а .

1	Кунгутъ.	Сусамъ.	Sesam.	Sesamum orientale.	Сѣвалось предъ	симъ,
2	Ма къ.	Хашъ-Хашъ.	Wohn.	Papaver orientale.	Въ огородахъ.	Во второй половинѣ Марта.
3	Горчица бѣлая.	Хардаль.	Weisser Senf.	Sinapi alba.	Т а к ъ ж е.	—
4	Горчица черная.	Кара хардаль.	Schweizer-Senf.	Sinapi nigra.	Т а к ъ ж е.	—
5	Рыжикъ.	—	Leindotter.	Myagrum sativum.	Н е	с ѣ е т с я.
6	Рѣпа дикая.	—	Rapsennen.	Brassica napus.	Н е	с ѣ е т с я.

Прежде нѣкоторые Таврическіе татары сѣяли, но какъ мѣста для посѣва онаго пшена потребны болотистыя, которыя гниlostью своею причиняли вредъ жителямъ, то и оставили сѣять оное и нынѣ уже нигдѣ не сѣется, когда же сѣяли, родилось изрядно.

Сѣется всѣми весьма много, но вообще лучше родится въ степяхъ нежели въ горахъ. Урожай онаго зависитъ отъ частыхъ дождей, а въ сухое лѣто оно мало или вовсе не родится.

Сѣется большею частью около горъ, но не въ большемъ количествѣ и родится обильно. Татары употребляютъ просо сіе какъ и простое на крупу. Обыкновенное просо употребляется нѣкоторыми и для корма лошадей.

Сѣется почти только для виду двоякаго рода; одно приноситъ на высокиихъ толстыхъ камышевыхъ стебляхъ большія висящія къ низу бѣлыя кисти, а другое на такихъ же высокиихъ стебляхъ приноситъ красныя развилыстыя кисти, и изъ соломы сихъ кистей дѣлаются вѣники для чищенія платья употребляемые.

О е л - С а а м е н .

нѣкоторыми только охотниками для любопытства около Евпаторіи, а нынѣ въ разныхъ мѣстахъ дѣлаются опыты произращенія сего полезнаго растенія, и до сихъ поръ уже примѣчено, что оно съ успѣхомъ тутъ разведено быть можетъ и что только большія засухи вредны оному.

Сѣется нѣкоторыми только російскими поселянами не въ большемъ количествѣ, а дикій растетъ на поляхъ повсюду въ изобиліи.

Сѣется только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не въ большемъ количествѣ.

Т а к ъ ж е .

Ш е л у ш н ы я о в о щ и .

1	Горохъ бѣ- лый полевой.	—	Weisse felderbsen.	Pisum sa- tivum al- bum.	—	—	—
2	Горохъ сѣ- рый полевой.	—	Graue felderbsen.	Pisum sa- tivum nig- rum.	Н е	с ѣ е т с я .	
3	Б о б ы .	Е ш е к ѣ - бокла.	Fieldboh- nen.	Vicia Faba.	Въ огоро- дахъ и са- дахъ.	Въ Мартѣ и Апрѣлѣ.	—
4	Бобы турец- кіе.	Біязь-бок- ла фасоль.	Garten- bohnen.	Phaseolus vulgaris.	Въ садахъ и огоро- дахъ на ар- бузныхъ пашняхъ.	Такъ же.	—
5	Дикій горохъ.	—	Wücken.	Vicia sa- tiva.	Н е	с ѣ е т с я ,	
6	Чечевица.	Мерд- жимекъ.	Linsen.	Ervum Lens.	На хоро- шо удоб- ренныхъ земляхъ.	Въ Апрѣ- лѣ.	Въ августѣ родится въ восьме- ро и въ де- сятеро.
7	Горохъ ове- чій или жура- влиный въ Тавридѣ гре- ческой горохъ.	Н о у т ь .	Kicher.	Cicer arie- tinum.	Въ садахъ и огоро- дахъ такъ же въ нѣ- которыхъ мѣстахъ на глинистыхъ пашняхъ.	Такъ же.	Въ послед- ней поло- винѣ Юля и въ нача- лѣ Августа, родится въ хорошіи годъ въ 30 разъ.

С н ѣ д н ы я к о р н е в ы я р а с т е н і я .

1	Свекла крас- ная.	Кызыль учъ - к у н- дуръ.	Rothe Beeten.	Beta vul- garis.	Въ садахъ и огоро- дахъ.	Въ Апрѣ- лѣ.	Въ послед- ней поло- винѣ Авгу- ста.
2	Свекла бѣлая.	Бѣязь учъ- кундуръ.	Mangald, Weisse bee- ten.	Beta alba.	Т а	к ѣ	ж е .
3	Постернакъ.	—	Pasternak.	Pastinaca sativa.	В ъ	о г о р о	д а х ѣ .
4	Морковь.	Хавучъ.	Moorgüben.	Daucus carota.	Въ огоро- дахъ.	Въ Апрѣ- лѣ.	Въ Юльѣ.
5	Лукъ саже- нецъ.	Арпарикъ соганъ.	Zwiebeln.	Allium sepa.	На удобрен- ныхъ пашняхъ и огородахъ.	Въ Мартѣ.	Такъ же.

H ü l s e n F r ü c h t e .

Сѣтся весьма мало нѣкоторыми только російскими поселянами и потому нельзя знать обстоятельно на какихъ земляхъ и въ сколько разъ родится.

Сѣтся немного и потому нельзя знать о урожаѣ.

Сѣтся такъ же не въ большемъ количествѣ и двоякаго рода, одинъ обыкновенный, который вѣтся высоко къ верху, а другой растетъ низменно безъ подставокъ и приноситъ круглые тонкіе бобы.

но родится самъ собою по полямъ въ изобиліи.

Сѣтся нѣкоторыми татарами.

Сѣтся въ горахъ и мѣстами въ степяхъ греками и татарами не въ большемъ количествѣ, а болѣе привозится на продажу изъ Турціи.

K u l t i r t e r W u r z e l w e r k .

Сѣтся наиболѣе російскими поселянами и помѣщиками, а у татаръ есть родъ красной свеклы отмѣнной величины совсѣмъ почти круглой какъ рѣпа, такъ же есть у нихъ родъ желтой свеклы.

Сѣтся татарами въ большемъ количествѣ. На поляхъ растетъ и дикій родъ свеклы, коего листья годятся въ пищу.

Сѣтся нѣкоторыми токмо россиянами и греками, а татары не сѣютъ.

Сѣтся многими, но красная морковь гораздо рѣже попадаетъ нежели желтая.

Въ многихъ мѣстахъ и весьма крупная бываетъ. Нѣкоторые въ горной части живущіе татары имѣютъ единственно пропитаніе свое отъ произращенія лука, коего они сѣютъ въ большемъ количествѣ и продаютъ по городамъ и степнымъ деревнямъ.

6	Чеснокъ зубчатый.	Саръ мусакъ.	Knoblauch.	Allium sativum.	Въ огородахъ.	Т а к ъ ж е.	
7	Х р ѣ н ѣ .	Татранъ.	Meerrettig.	Cochlearia armoracea.	Н е	с ѣ е т с я ,	
8	Р ѣ д ь к а .	Турпъ.	Rettig.	Raphanus sativa.	Въ огородахъ.	Въ июнѣ.	Въ Сентябрѣ.
9	Рѣпа обыкновенная.	Шалганъ.	Wesserrüben, Plattrüben.	Brassica rapa.	Такъ же.	Въ Апрѣлѣ и въ июнѣ.	Въ июлѣ и въ октябрѣ.
10	Брюквадлиная.	—	Stokrüben.	Brassica napus.	Н е	с ѣ е т с я .	
11	Картофели или земляныя яблоки.	—	Kartofeln.	Solanum tuberosum.	Въ садахъ и огородахъ.	Въ исходѣ Марта.	Въ концѣ Юля.
12	Груши земляныя.	Ерѣ армучъ и ерѣ алма.	Erdbirnen.	Helianthus tuberosus.	Въ огородахъ и садахъ.	Въ октябрѣ.	Въ Октябрѣ же другого года.
13	Брюква земляная.	Чукундуръ	Kohlrabi über der Erde.	Brassica Napobrassica.	Въ огородахъ.	Въ первой половинѣ Апрѣля.	Въ Сентябрѣ.
14	Брюква наружная или надземная.	—	—	—	Т а к ъ	ж е .	
15	Порей.	Прасъ.	Porree.	Allium parum.	Въ садахъ и огородахъ.	Въ концѣ Марта и началѣ Апрѣля.	Въ концѣ Октября.
16	Рѣпа английская.	—	Bürnings.	Brassica rapa Anglicana.	Н е	с ѣ е т с я .	
17	Сельдерей.	Керевизъ.	Sellery.	Apium graveolens.	Въ садахъ и огородахъ.	Въ концѣ Марта и началѣ Апрѣля.	Въ исходѣ Октября.
18	Петрушка.	Магданосъ	Petersilien.	Apium petroselinum.	Т а к ъ	ж е .	

В с я к а я з е л е н ь .

1	Зеленая капуста или софой.	—	Grünkohl.	Brassica oleracea viridis.	Сѣется въ	нѣкоторыхъ	огородахъ
---	----------------------------	---	-----------	----------------------------	-----------	------------	-----------

Но во всѣхъ мѣстахъ сѣтся.

а родится на поляхъ другое дикое растеніе вмѣсто хрѣна употребляемое, которое въ южной части Кавказскаго намѣстничества подъ именемъ катрана извѣстно, и есть родъ морской капусты (*Сrambe orientalis*) коренья выкапываются осенью и зимою бывають длиною въ полтора аршина, а толщиною въ три вершка и болѣе. Они горчѣе гораздо обыкновеннаго хрѣна, но не столь пріятны въ кушаніяхъ.

Не во всѣхъ мѣстахъ сѣтся.

Сѣтся многими. Ранняя порода мелка и краснаго цвѣта, а поздняя крупная бѣлая и хранится чрезъ всю зиму въ ямахъ.

Въ недавнихъ временахъ стали только разводить російскіе поселяне и помѣщики, а татарамъ были неизвѣстны.

Произрастаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только и на тучныхъ почвахъ весьма успѣвають. Онѣ извѣстны были татарамъ еще до приходу росіянъ.

Сѣтся въ довольномъ количествѣ татарами и русскими.

Сѣтся нѣкоторыми російскими только помѣщиками и поселянами.

Сѣтся наиболѣе греками такожъ и російскими поселянами.

Сѣтся многими а особливо греками на продажу по городамъ, растутъ и дикій близъ Севастопольской гавани подлѣ Инкермана.

Сѣтся татарами, греками и російскими поселянами въ довольномъ количествѣ.

Kultiwirtes Kräuterwerk.

Російскихъ помѣщиковъ только, а татары не сѣютъ.

2	Капуста кудрявая или браунколь.	---	Braunkohl.	Brassica laciniata.	Т а к ъ	ж е.
3	Капуста качанная бѣлая.	Бѣязь капуста.	Weisser-Kopfkohl.	Brassica capitata alba.	Въ огородахъ и садахъ на удобренной землѣ.	Сѣютъ въ Мартѣ, пересаживаютъ въ началѣ Юня.
4	Капуста качанная красная.	Кызыль капуста.	Bother-Kopfkohl.	Brassica capitata rubra.	Т а к ъ	ж е,
5	Спаржа холодецъ, подчесь, сосенка, перекаати поле.	Кушъ конмазъ.	Spargel.	Asparagus officinalis.	Н е	с ѣ е т с я,
6	Латукъ Салать.	Салать.	Laktuck.	Lactuca sativa.	Въ нѣко	торыхъ ого родахъ
7	Лебеда.	---	Garten-melde.	Atriplex hortensis.	Н е	с ѣ е т с я.
8	Спинать.	Спанакъ.	Spinal.	Spinacia oleracea.	Въ нѣко	торыхъ ого родахъ
9	Песошный лукъ.	---	Graslauch.	Allium scordo dorgrasum.	Въ нѣко	торыхъ ого родахъ
10	Сѣнецъ Шнитлукъ.	---	Schnitlauch.	Allium schoenoprasum.	Н е	с ѣ е т с я.

С а д о в ы я п л о д ы .

1	Тыква.	Кабакъ.	Kürbis.	Cucurbita pepo.	Въ огородахъ и на поляхъ гдѣ арбузы и дыни сѣются.	Въ Апрѣлѣ.	Въ послѣдней половинѣ Августа и въ Сентябрѣ.
2	Тыква—горлянка или кувшинчатая.	Савуть кабакъ.	Flaschen-kürbis.	Cucurbita lagenaria.	Въ огородахъ и на поляхъ гдѣ арбузы и дыни сѣются.	Въ Апрѣлѣ.	Въ послѣдней половинѣ Августа и въ Сентябрѣ.
3	Арбузы.	Карпузы.	Arbusen.	Cucurbita citrullus.	Въ садахъ и огородахъ а по большей части въ поляхъ на виноградяхъ.	Въ началѣ Апрѣля.	Въ послѣдней половинѣ Юля и въ Августѣ.

Т а к ъ ж е.

Сѣтся вездѣ въ горной части полуострова Таврическаго татарами и русскими во множествѣ гдѣ только есть удобство къ ея поливанію напускной водою изъ рѣчекъ и ручьевъ, и родится весьма велика, иные качаны болѣе полупуда вѣсомъ бывають, что безъ сомнѣнія отъ многого поливанія и теплаго климата происходитъ.

сѣтся нѣкоторыми токмо россійскими помѣщиками.

родится сама собою около садовъ и кустарниковъ у горъ лежащихъ по низкимъ мѣстамъ, попадаетъ толщиною почти противъ садовой, особливо если часто срезана бываетъ.

сѣтся греками и русскими, такъ же частью и городскими татарами.

сѣтся греками и русскими, а частью и татарами. Такъ называемый англійскій спинарь (*Rumex Patientia*) растетъ дикій во множествѣ въ горной части полуострова Таврическаго по низменнымъ мѣстамъ.

Россійскихъ помѣщиковъ и поселянь, а татары не сѣютъ.

G a r t e n - F r ü c h t e .

Почти во всѣхъ мѣстахъ сѣтся во множествѣ и различнаго рода какъ то: простая бѣлая и желтая круглая тыква, большая продолговатая, которая по сладости своей медовою называется и въ южныхъ приморскихъ мѣстахъ только сѣтся; тыква кубанкою называемая и тыква похожая на колбасу, долма называемая, которая съ мясною начинкою въ великомъ у татаръ употребленіи.

Въ нѣкоторыхъ токмо садахъ, особливо въ южныхъ приморскихъ мѣстахъ.

Сѣются почти всѣми татарами во множествѣ, бывають бѣлые и красные, но вообще не велики и посредственной доброты. Въ мѣстахъ по Днѣпру лежащихъ и на островѣ Фанагоріи удаются самые лучшіе въ разсужденіи песчанной тутъ почвы.

4	Дыни.	Каунъ.	Melonen.	Cucumis melo.	Въ одномъ мѣстѣ съ арбузами.	Т а к ъ ж е,	
5	Огурцы.	Хыяръ.	Gurken.	Cucumis sativa.	Въ садахъ и огородахъ и на арбузныхъ пашняхъ.	Въ Апрѣлѣ.	Въ Юнѣ и Юлѣ.
6	Бадиджаны или армянскіе огурцы.	Патлыджанъ.	Erürfruchte.	Solanum melongena.	Въ садахъ и огородахъ.	Въ Апрѣлѣ.	Въ Юлѣ.
7	Круглыя бадиджаны или любовныя яблоки.	Френкъ патлыджанъ.	Liebes-Aepfel.	Solanum lycopersinum.	Въ садахъ и огородахъ.	Такъ же.	Въ концѣ Августа.
8	Баміа.	Баміа.	Bamien frucht essbarer sibi-sius.	Hibiscus esculentus.	Т а к ъ ж е.		Въ Юлѣ.

Д р е в е с н ы е о в о щ и .

1	Яблоки.	Элма. (Альма).	Aepfel.	Pyrus malus.	Во всѣхъ садахъ.	Цвѣтутъ въ Мартѣ а иногда и въ концѣ Февраля.	Поспѣваютъ въ исходѣ Юля до конца Сентября.
2	Груши.	Армутъ.	Birnen.	Pyrus communis.	Почти во всѣхъ садахъ.	Цвѣтутъ въ Мартѣ а иногда и въ концѣ Февраля.	Поспѣваютъ въ исходѣ Юля до конца Сентября.
3	Персики.	Шефтали.	Pfirsigen.	Amygdalus Persica.	Во многихъ садахъ.	Въ Мартѣ иногда въ концѣ Февраля.	Въ Сентябрѣ.
4	Абрикосы Курега.	Зерь дали.	Aprikosen	Prunus armenica.	Такъ же.	Въ первой половинѣ Марта а иногда и въ концѣ Февраля.	Въ концѣ Юля.

Съются столь же много какъ и арбузы и бываютъ трехъ родовъ: первой круглый плоской внутри желтоватой и пріятнаго вкуса, другія большія продолговатыя желтыя внутри бѣлыя, или зеленыя (родъ Бухарокъ); а третьей родъ круглой красно-тѣлой и съ наружи какъ будто сѣткою покрытъ. Самыя лучшія родятся въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.

Съются во множествѣ. Обыкновенный родъ сѣмой татарами тотъ самый который называется турецкими огурцами и они употребляютъ ихъ по большой части для варенія съ начинкою изъ мяса и пшена сорочинскаго. Простыя же огурцы для соленія употребляемые съются только русскими людьми.

Съются во многихъ мѣстахъ. Похожи на огурцы только видомъ, а въ протчемъ покрыты искрасна-фіолетовою кожею и совсѣмъ другаго вкуса. Татары такъ какъ и другія азіатцы употребляютъ ихъ въ пищу приготовляя различно.

Съются токмо нѣкоторыми, собою круглыя, во время растѣнія бываютъ зеленыя, а по созрѣніи дѣлаются изжелта красными. Употребляются такъ же какъ и прежніе татарами различно въ пищу.

Сей въ протчихъ мѣстахъ Россіи неизвѣстный плодъ недавно заведенъ только въ Тавридѣ и привезенъ изъ Турціи. Онъ родится на растѣніи похожемъ листьями на траву хлопчатой бумаги, видомъ похожъ онъ на продолговатаго четыреграннаго съ наружи шереховатаго стручка, наполненнаго большими круглыми сѣменами. Турки и татары почитаютъ его весьма здоровымъ и варятъ его съ мясомъ, когда еще не созрѣлъ, но его должно прежде обварить кипяткомъ по елику имѣть въ себѣ нѣкоторую клейкую жидкость вкусу весьма противную. Они сушатъ его и на зиму. Съется еще нѣкоторыми только татарскими помѣщиками въ садахъ и огородахъ; такъ же стали разводять его и простые татары около Евпаторіи на арбузныхъ пашняхъ.

Obst-Arten und Baum-Früchte.

Есть много родовъ и хорошаго вкуса, но предпочитаютъ два рода называемые по татарски первой: Синапъ Эльма, который собою продолговатый видъ имѣть съ одного бока желтовать, а съ другаго красновать съ бѣлизною, второй: Челеби Эльма также продолговатъ къ верху остроконечень краснаго цвѣту съ бѣлизною. Обейхъ сихъ родовъ яблоковъ во множествѣ всякій годъ вывозится въ Москву, въ разсужденіи того что кромѣ хорошаго вкуса могутъ весьма долго лежать, а особливо первыя при малѣйшемъ береженіи почти чрезъ цѣлой годъ не повреждаются.

Много же родовъ, но изъ нихъ лучшіе, первый созрѣвающій въ началѣ Іюля вмѣстѣ съ черешнями, которой не болѣе грецкаго орѣха кругловатъ и соченъ. Другой продолговатый желтой отмѣннаго вкуса мускатнымъ или Мюскъ - Армуть называемой. А третій самый лучшій поспѣвающій въ Августѣ составляютъ такъ называемыя дули, кои величиною и вкусомъ всѣхъ прочихъ превосходятъ. Еще есть зимнія груши поспѣвающія уже поздно осенью похожія на бергамоты.

Есть два рода, первыя съ наружи и внутри бѣлыя, другія имѣютъ тѣло внутри красноватое а съ наружи желтыя и сіи вкуснѣе первыхъ. Но вообще Тавричскіе персики не столь велики и вкусны какъ въ другихъ мѣстахъ бываютъ, потому что дерева большею частью не привитыя.

Вообще не велики, желтыя, но вкусомъ весьма пріятны. Деревья абрикосовыя достигаютъ въ Тавридѣ отмѣнной величины.

5	Сливы.	Эрикъ или Чилма.	Pflaumen.	Prunus communis.	Во всѣхъ садахъ и лѣсахъ.	Въ Мартѣ.	Въ концѣ Юля.
6	Цвечки или мягкія продолговатыя сливы.	Кузь-Эрикъ.	Zwetschgen.	Prunus domestica.	Во всѣхъ садахъ.	Т а к ъ ж е,	
7	Вишни.	Вишня.	Kirschen.	Prunus cerasus.	Во всѣхъ садахъ.	Въ Мартѣ.	Въ исходѣ Юня.
8	Грецкіе орѣхи.	Дживезъ.	Wallnussbaum.	Juglans regia.	Во всѣхъ почти садахъ а особливо на полуденномъ берегу Таврическаго полуострова.	Цвѣтутъ въ концѣ Марта.	Поспѣваютъ во исходѣ Августа.
9	Воложскіе орѣхи.	Фындыкъ.	Lanbardsche Nüsse.	Corylus colurna et avellana.	Т а к ъ	ж е,	
10	Миндаль.	Бадень.	Mandeln.	Amygdalus communis.	Въ нѣкоторыхъ садахъ.	Въ Февралѣ и Мартѣ.	Въ Сентябрѣ.
11	Каштаны садовые.	Кастаны.	Marounen.	Fagus Castanea.	На полу	денномъ	берегу
12	Фига или Смоква.	Инжиръ.	Feigen.	Ficus Carica.	Въ нѣкоторыхъ садахъ.	Въ Мартѣ.	Въ Сентябрѣ.
13	Масличное или оливковое дерево.	Зейчунъ агаджи.	Oehlbaum.	Olea Europaea.	Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только.	Въ Февралѣ и Мартѣ.	Въ Октябрѣ.
14	Айвы или квітень.	Х ай в а.	Quittbaum.	Pyrus Cidonia.	Во всѣхъ почти садахъ.	Въ Мартѣ.	Въ исходѣ Сентября.
15	Садовая рябина.	Ювезъ.	Sperberbaum.	Sorbus domestica.	Во многихъ садахъ а особливо приморскихъ на полуденномъ берегу такъ же дикая погорамъ.	Въ Мартѣ и Апрѣлѣ.	Въ началѣ Октяб-ря.

Есть желтоватая и красная круглая небольшая, другая большая продолговатая желтая, третья круглая черная превосходной величины и четвертая самая большая продолговатая красная величиною съ куриного яйца, сверхъ того есть и мелкой черносливъ дамаскъ называемой.

Повсюду въ изобиліи; изъ нихъ и изъ другихъ сливъ варятъ татары такъ называемый Бекмесъ, такъ же употребляются они по великому ихъ изобилію и для винокурения.

Родятся во множествѣ, по большей части мелки, кислы и краснаго цвѣта, чрезъ частое пересаживаніе деревь становятся крупны. Въ южныхъ приморскихъ садахъ попадаютъ и большія черныя вишни, кои слаще тѣхъ. Сладкія вишни или такъ называемыя черешни находятся такъ же почти во всѣхъ садахъ и дикія въ лѣсахъ. Поспѣваютъ въ послѣдней половинѣ Мая и въ Іюнь. Садовыя бывають красныя, желтыя и черныя. Самый лутчій родъ такъ называемая Царьградская черешня, которая отъиной величины бываетъ и сердцеобразной видъ имѣеть. Цвѣтомъ она съ одного бока желтая, а съ другого красная. Но сей родъ еще весьма рѣдокъ въ таврическихъ садахъ.

Есть чрезмѣрно большія деревья, которыя кромѣ приносимаго ими плода, въ южныхъ приморскихъ мѣстахъ служатъ жителямъ убѣжищемъ отъ большихъ жаровъ. Орѣхи сіи вообще крупны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только находятся самыя найкрупнѣйшія, величиною съ куриного яйца, но сіи внутри по большей части пусты бывають. Самый лучшій родъ продолговатый тонкокожій, такъ что пальцами раздавить можно и внутри весьма полной. Мѣстами бывають такія деревья, что до ста тысячъ орѣховъ приносятъ.

Есть четыре рода оныхъ, два крупныхъ: одинъ круглый Трапезундскимъ называемой, а другой продолговатой миндальнымъ именуемой, и два мелкихъ, одинъ остроконечной и весьма маслинной, а другой продолговатъ и по созрѣніи бѣлымъ остается.

Не въ большемъ количествѣ находится, по притчинѣ что татары имъ не уважають и не стараются о его размноженіи, но при всемъ томъ есть деревья изрядной величины которыя всякой годъ плодъ приносятъ, если вешняя морозы не повреждають цвѣтъ ихъ.

Таврическаго полуострова близъ Ялты находятся только два дерева, весьма старыя, кои однакожь даютъ плодъ.

Наилутчія бывають въ приморскихъ южныхъ мѣстахъ гдѣ вырастають большими деревьями; величина плода сего посредственна, но вкусъ весьма приятенъ.

На одномъ только полуденномъ берегу Таврическаго полуострова находится въ садахъ и по горамъ по близости оныхъ нѣсколько деревьевъ плодъ почти ежегодно приносящихъ, который однакожь весьма мелокъ, потому что деревья всѣ дикія.

Посредственной величины, есть и дикія въ лѣсахъ по горамъ.

Въ довольномъ количествѣ, деревья величиною съ большую яблоню, ягоды съ лѣсное яблоко и двоякого рода, одинъ круглой, а другой продолговатой на подобіе груши, съ одного боку желты, а съ другого красноваты. Прежде употребленія въ ѣду должно ягодамъ симъ полежать нѣсколько дней, послѣ чего бывають они и вкуснѣе, похожи вкусомъ на резанъ.

16	Деренъ или кизиль.	Кизильчикъ.	Kornel Kirschbaum.	Cornus mascula.	Во всѣхъ садахъ и въ горахъ по лѣсамъ.	Въ Февралѣ иногда и въ Январѣ прежде всѣхъ деревьевъ.	Въ Сентябрѣ.
17	Гранаты.	Наръ.	Granatbaum.	Punica granatus.	Въ нѣкоторыхъ приморскихъ садахъ.	Въ Маѣ и Июлѣ.	Въ Октябрѣ.
18	Меспили или шишки.	Мушмула.	Misspelnbaum.	Mespilus germanica.	Почти во всѣхъ садахъ.	Въ Мартѣ.	Глубокою осенью.
19	Цареградская черная шелковица.	Стамбуль дуди. (туть)	Schwarzer Maulbaum.	Morus nigra.	Въ южныхъ приморск. садахъ.	Въ Апрѣлѣ.	Въ Августѣ.
20	Курма или дикіе черныя финики.	Каракурма.	Lotusbaum.	Diospiros Lotus.	Въ южныхъ приморскихъ садахъ.	Въ Апрѣлѣ и Маѣ.	Въ октябрѣ и Ноябрьѣ.
21	Карказъ.	Карказъ.	Zürglbaum.	Celtis orientalis.	Т а к ъ	ж е,	

К о р м о в ы я т р а в ы .

1	Здоровое сѣно или цѣнной горохъ пѣтушій гребешекъ.	—	Essparcette.	Hedysarum onobrychis	Н е	р а з в о	д и т с я ,
2	Дятлина или кашка красная.	—	Rother Klen.	Trifolium pratense rubrum.	Т а	к ъ	ж е .
3	Дятлина или кашка бѣлая.	—	Weisser Klee.	Trifolium pratense album.	Т а	к ъ	ж е ,
4	Испанская дятлина или медунка.	—	Lucerne.	Medicago sativa.	Т а	к ъ	ж е ,
5	Шведская дятлина или дятлина съ серповидными стручками.	—	Sichel klee.	Medicago falcata.	Т а	к ъ	ж е ,
6	Пшенець.	—	Räygras.	Lolium perenne.	Т а	к ъ	ж е ,

Находится во множествѣ, ягоды величиною съ большой оливки, густого краснаго цвѣта, вкусомъ весьма кислы, но когда полежать, кислота уменьшается. Въ ѣду употребляются какъ свѣжія такъ и сушенныя, но лучшее употребленіе варить ихъ въ сахарѣ и солить на подобіе барбариса. Такъ же употребляются для дѣланія уксуса и винокуренія.

Вообще не велики и по большей части кислые, пересажены изъ дикихъ привезенныхъ изъ Анатоліи.

Плодъ величиной съ грецкій орѣхъ, когда полежить, изряднаго вкуса, но квась изъ сего плода бываетъ отлично пріятный.

Произрастается единственно для плода, который величиною съ черносливъ бываетъ и весьма пріятнаго кисловатаго вкуса. Также дѣлается изъ нихъ хорошій уксусъ. Прищепи сего рода шелковицы привезены изъ Царьграда, почему и называется она Цареградскою.

Плодъ сей величиною съ вишню, сперва желтовать, а потомъ черновать становится сладокъ, но весьма притомъ вяжетъ. Татары употребляютъ ягоду сію сушеную въ ѣду и хотя ничего сходнаго съ финиками не имѣетъ, однако они дали ей названіе черныхъ финиковъ.

И сей плодъ похожій на вишню употребляется татарами въ ѣду хотя не весьма много. Онъ собою сухъ и приторно сладокъ.

Futterkräuter, die gebaut werden.

а растеть дико во множествѣ такъ, что мѣстами цѣлыя поля имъ покрыты.

Т а к ъ ж е.

Такъ же растеть дико во множествѣ отмѣнной величины бываетъ на низменной тучной почвѣ.

Не растеть и дикая.

Дико растеть во множествѣ въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстахъ, а въ горныхъ долинахъ почти повсюду.

мѣстами растеть дико, но не во множествѣ.

Растенія въ домоводствѣ и рукодѣляхъ употребляемые.

1	Конопля.	Кендырь.	Hampf.	Canabis sativa.	Въ нѣкоторыхъ приморскихъ садахъ и огородахъ при Днѣпрѣ.	Въ Мартѣ и Апрѣлѣ.	Въ Августѣ.
2	Л е н ъ.	Ускюлю.	Lein.	Linum usitatissimum.	Такъ же.	Въ Маѣ.	Въ концѣ Юня и началѣ Юля.
3	Горной или сибирской дикой лень.	—	Perennir. rander Lein.	Linum perenne.	Не	р а з в о д и т с я.	
4	Табакъ вергинскій.	Тутунь.	T o b a k.	Nicotiana Tobacum.	Въ приморскихъ садахъ и другихъ тамошнихъ мѣстахъ.	Въ Апрѣлѣ, разсаживается въ Маѣ.	Въ сентябрѣ.
5	Ворсяная щетка чесалка.	—	Kardendistel.	Dipsacus fulonum.	Не	р а з в о д и т с я,	
6	Краппъ красивой корень или настоящая Мариона.	—	R o t h e r krapp.	Rubia tinctorum.	Т а к ъ	ж е,	
7	Синець или крутикъ вайда.	—	W a g d.	Isatis tinctoria.	Т а к ъ	ж е.	
8	Церва или желтая трава.	—	W a u.	Reseda luteola.	Т а к ъ	ж е.	
9	Шафранъ.	Зафранъ.	Safran.	Crocus sativa.	Т а к ъ	ж е,	
10	Лакмусъ.	—	Lackmus pflanze.	Croton tinctorium.	Т а к ъ	ж е	
11	Желтое дерево или желтый сумахъ.	Сары агачъ табакъ японяхъ.	Gebling.	Rhus cotinus.	Т а к ъ	ж е.	
12	Желтеница или дикій шафранъ.	Зафранъ.	S a f l o g.	Cartamus tinctorius.	С ѣ	е т с я	

Culturen für Gewerbe und Haushaltung.

Татары не много съютъ, а болѣе съется російскими поселянами живущими у Днѣпра. Во многихъ мѣстахъ въ горной части полуострова Таврическаго растутъ около селеній и садовъ дикая.

Съется въ довольномъ количествѣ татарами, такожъ російскими поселянами у Днѣпра живущими. У татаръ бываетъ ленъ двоякаго рода; одинъ требуетъ много влажности и наводняется на подобіе сорочинскаго пшена, а другой растетъ на сухихъ мѣстахъ, первый съется наиболѣе южными при приморскими жителями, а послѣдній степными татарами, хотя не такъ изобильно какъ тотъ, потому что посѣвъ его не всегда бываетъ удаченъ.

Съется въ довольномъ количествѣ татарами на удобренной землѣ и гдѣ только мѣстоположеніе способствуетъ къ его поливанію напукной водою изъ рѣчекъ и ручьевъ. Родится весьма хорошо.

а растутъ по берегамъ рѣчекъ и около садовъ дикая во множествѣ, но къ употребленію не способна въ разсужденіи мягкости зубцовъ коими шишки ея покрыты.

Растетъ на низменныхъ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикой особливо около приморской деревни Капсхоръ и близъ Инкермана, нѣкоторые красильщики изъ грековъ собираютъ дикій оный краппъ ежегодно и употребляютъ съ успѣхомъ для крашенія хлопчатой бумаги. Учиненные въ Старомъ Крыму и близъ Симферополя въ небольшемъ количествѣ опыты о разведеніи смирнскаго краппа, который Лизари, или Ризари называется, были весьма удачны.

Растетъ дикой во многихъ мѣстахъ горной части полуострова Таврическаго весьма изобильно.

Т а к ъ ж е.

а растетъ дикой во множествѣ около горъ и по горамъ. Цвѣтетъ въ Октябрѣ и Ноябрь.

и не растетъ и дикій.

Растетъ дикое во множествѣ во всѣхъ горныхъ лѣсахъ полуострова Таврическаго, Татары употребляютъ листья сего дерева для выдѣлки бараньихъ и козлиныхъ кожъ, изъ коихъ дѣлаются сафьяны.

нѣкоторыми только татарами и греками для одного виду цвѣтовъ.

13	Стручковой перецъ.	Кизиль буберь.	Taschen-Pfefer.	Capsicum annuum.	Въ садахъ и огородахъ.	Въ Апрель.	Въ Сентябръ.
14	Тутовое или шелковичное дерево.	Дуть ага-чи.	Weiser Maulbeerbaum.	Morus alba.	Во всѣхъ	почти	садахъ.
15	Черная шелковица.	—	Schwarze Maulbeerbaum.	Morus nigra.	Т а к ъ	ж е.	
16	Татарская шелковица.	—	Tatarischer Maulbeerbaum.	Morus tartarica.	Н е	с у щ е с т в у е т ь	
17	Шелковичное растеніе или шелкошьмяница.	—	Seidenpflanze.	Asclepias syriaca.	Н е	и м ѣ т с я.	
18	Хлопчатая бумага.	Памбукъ.	Baumwolle.	Gossypium herbaceum.	Н ы н ѣ	н е с ѣ	е т с я,
19	Солянка или сода.	—	Soda-pflanzen.	Salicornia et salsolae.	По приморскимъ солончакамъ и близъ соляныхъ озеръ.	Н е разв	о д и т с я.
20	Красильное дерево.	Сумахъ.	Sumach.	Rhus coriaria.	Въ разныхъ мѣстахъ по южнымъ приморск. горамъ.	Н е разв	о д и т с я.
21	Хмель.	Сармачикъ.	Hopfen.	Humulus lupulus.	Н е	р а з в о д и т с я.	
22	Виноградъ.	Юзюмъ.	Weinreben.	Vitis vinifera.	Произрастаетъ во всѣхъ почти южныхъ приморск. садахъ болѣе или менѣе и на сѣверной сторонѣ горъ въ долинахъ вдоль рѣчекъ лежащихъ такъ же и въ плоской	Цвѣтетъ въ исходѣ Мая и въ Іюнѣ.	Созрѣваетъ отъ половины Августа до половины Сентября.

Сѣтся въ довольномъ количествѣ татарами и греками. Незрѣлые стручья солятся и кладутся въ уксусъ, а потомъ употребляются въ пищу.

Хотя бѣлой шелковицы, которая преимущественно для корму шелковыхъ червей почитается, и довольно деревъ въ Таврическихъ садахъ находится, но они разсѣяны по разнымъ мѣстамъ и въ одномъ только Старомъ Крыму сдѣлано въ новѣйшія времена при казенномъ шелковомъ заводѣ особенная изъ нихъ плантація.

Попадается вмѣстѣ съ прежнею. Татары сушатъ ягоды бѣлой и черной шелковицы на зиму.

въ Таврическихъ садахъ.

ни гдѣ въ Тавридѣ.

а на предѣ сего сѣвалось въ горной части Таврическаго полуострова на рѣкѣ Качѣ и на Альмѣ.

Есть дикія разныхъ родовъ растенія для дѣланія соды способныя какъ то: Тра vistый вербейникъ или слонецъ, соляная солянка и растилающаяся солянка, и всѣ сіи растутъ въ изобиліи; да менѣе изобильно, солянка кали называемая, саженая солянка, солянка съ листьями скрипуна травы и мохнатая солянка. Нѣкоторые греки промышляютъ собираніемъ сихъ растеній и дѣланіемъ изъ нихъ соды, которая идетъ на красильные заводы, а частію и за море.

Растеть дикое въ довольномъ изобиліи въ показанныхъ мѣстахъ.

Растеть дикой въ лѣсахъ и около садовъ во множествѣ, а особливо въ приморскихъ южныхъ мѣстахъ.

Таврическіе виноградные сады завѣдены вообще вмѣстѣ съ прочими фруктовыми садами на низменныхъ мѣстахъ, дабы ихъ удобнѣе можно было напоить водою, ибо татары и греки насадившіе оныя болѣе имѣли при ихъ заведеніи въ виду количества винограда и величину ягоду его, нежели доброту дѣлаемаго изъ него вина, которое магометанами не употребляется. На южной сторонѣ горъ кусты виноградные на зиму остаются безъ покрыши, а на сѣверной сторонѣ покрываются при концѣ осени только около корней землею и весною опять разкрываются. Чищеніе или обрѣзываніе кустовъ дѣлается во всѣхъ мѣстахъ весною; въ иныхъ въ Февралѣ, а въ другихъ въ Мартѣ и Апрѣлѣ. Лозы обрѣзываются вообще весьма низко почти у самаго корня и обыкновенно не болѣе двухъ или трехъ колѣнъ отъ прошлагодняго прута оставляется, дабы кусты росли низменно и могли бы держаться безъ подставокъ, кои употребляются въ Тавридѣ для одного только рода винограда Асма именуемаго, который весьма крупень, величиною почти съ черносливъ, толстокожъ и трудно выпсѣваетъ, для чего и подвязываются кусты сего рода къ высокимъ древкамъ дабы лучше выпсѣвать могъ. Всѣ породы винограда въ Таврическихъ садахъ произрастаемыя, кои видомъ и добротою много различны перезезены изъ Константинополя и изъ ближнихъ Азіатскихъ мѣстъ. Бѣлаго винограда

части полу-
острова
как то: око-
ло Евпато-
рии и Керчи,
но въ сихъ
послѣднихъ
мѣстахъ не
въ больш.
количествѣ.
А дикой ра-
стетъ во
множествѣ
во всѣхъ
почти лѣ-
сахъ по го-
рамъ.

Кусты и деревья для живыхъ изгородей.

1	И в ы .	Сернекунь талъ агачи.	Weide- parten.	Salices.	Р а з с а ж и в а ю т с я
2	Т о п о л ь .	Кавакъ.	Weisse Pappel.	Populus alba.	Разса жена около садовъ
3	Осокоръ.	Кавакъ.	Schwarze Pappel.	Porulus nigra.	Т а к ъ ж е .

вообще гораздо болѣе находится, нежели чернаго. Въ прочемъ нѣкоторыя породы пригодны только для ѣды и сія самая крупнѣйшій какъ то: Черный продолговатый Асма именуемый, бѣлый долгий Кадымъ Бармакъ называемый, который тотъ же самый что въ Астраханѣ козьими титьками лязывается, круглый желтоватый Шабашъ называемый и крупный продолговатый изкрасна черноватый; и какъ всѣ сіи породы весьма толстокожія, то для дѣланія вина не употребляются, а разводятся по городамъ въ области на продажу ягодоу, также вывозятся нѣкоторыя изъ нихъ и въ сосѣдственныя Россійскія губерніи. Всѣ прочія породы кромѣ поименованныхъ тутъ употребляются для дѣланія вина и между оными примѣчанія достоенъ мелкій бѣлый и алый мускательный виноградъ, который весьма сладокъ бываетъ и мускатный вкусъ имѣеть, но въ сдѣланномъ изъ него винѣ вкусъ сей теряется. Въ Судакѣ заведенъ десять лѣтъ тому назадъ на казенномъ иждивеніи, на возвышенной горѣ особый садъ изъ Токайскихъ лозъ, прямо изъ Венгріи выписанныхъ; но виноградъ сей тутъ переродился и дѣлаемое изъ него вино не имѣеть никакого сходства съ венгерскимъ. Обыкновенное Таврическое вино бываетъ бѣлое и красное, хотя сего послѣдняго дѣлается еще весьма мало по малоимѣнію чернаго винограда. Въ Судакѣ и въ тамошней околичности дѣлаемая вины предпочитаются въ разсужденіи ихъ крѣпости и прочности всѣмъ прочимъ. Они гораздо лучше становятся, если нѣсколько лѣтъ сбережены бываютъ въ хорошихъ погребахъ, въ коихъ однако же еще великій недостатокъ въ Тавридѣ, такъ какъ и въ искусныхъ людяхъ кои бы знали дѣлать вино по надлежащему. Татары вовсе не занимаются онымъ, а дѣлаютъ его большею частью греки и жида, кои не имѣютъ всѣхъ потребныхъ къ тому знанія. Нѣкоторые только Россійскіе помѣщики стали въ новѣйшія времена пеищія о лучшемъ образѣ дѣланія вина и его сбереженіи. Всѣ вина кои выходятъ изъ садовъ на сѣверной сторонѣ горъ вдоль рѣчекъ лежащихъ, слабѣе Судакскихъ бываютъ, не столь пріятны вкусомъ и не столь прочны, почему они служатъ по большей части только для употребленія внутри области Таврической и дешевѣе тѣхъ продаются, а напротивъ того Судакскія вывозятся въ довольномъ уже количествѣ и въ другія губерніи и даже до Москвы. Дѣлаемая изъ Судакскихъ винъ водка весьма хороша бываетъ и можетъ замѣнить французскую водку, такъ же выходитъ изъ нихъ и хорошій уксусъ. Время въ которое виноградъ собирается и вино выдѣлывается бываетъ отъ послѣдней половины Сентября чрезъ весь октябрь мѣсяця. Случающіеся иногда въ оное время сильныя дожди и ночныя морозы повреждаютъ виноградъ и приводятъ его въ гнилость прежде созрѣнія, а большія засухи въ лѣтнихъ мѣсяцахъ бываемыя высушиваютъ иногда ягоду еще на корню прежде нежели поспѣетъ и прелятствуютъ хорошему его урожаю. Вешніе морозы рѣдко вредятъ въ Тавридѣ винограду, а повреждается онъ иногда отъ червей, кои съ начала весны объѣдаютъ почку на кустахъ. Отъ птицъ спѣлый виноградъ въ Тавридѣ не терпитъ столько какъ въ Астрахани и другихъ южныхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ особая стражи по садамъ опредѣляются для охраненія его отъ оныхъ.

Baum und Hecken Pflanzungen.

около садовъ и мельничныхъ каналовъ такожъ по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ растутъ дикія, примѣчанія достойна изъ нихъ та порода, которая вавилонскою называется и привезена въ Тавриду изъ Царьграда. Она находится только въ нѣкоторыхъ садахъ и около домовъ по городамъ и висящими къ низу вѣтвями составляетъ пріятный видъ. Но на открытыхъ мѣстахъ часто зимою повреждается отъ морозовъ и успѣваетъ только тамъ гдѣ отъ сѣвера имѣеть защиту.

и по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ растетъ дикая.

Т а к ъ ж е .

4	Ломбардский тополь или рай дерева.	Сялви агачи.	Lombardische Pappel.	Populus Italica.	Разсажена
5	Итальянская жимолость.	—	Kaprifolium.	Lonicera caprifolium.	Въ Тавридѣ
6	Сирена.	Иргиванъ.	Spanische Flieder.	Syringa vulgaris.	Произращается
7	Тавольга иволжистная.	—	Spirstrauch.	Spiraea salicifolia.	Въ Тавридѣ
8	Гороховникъ дерево.	—	Sibirischer Erbsenbaum.	Robinia caragana.	Въ Тавридѣ
9	Илемъ вязъ.	Кара агачъ.	Ulmenbaum.	Ulmus campestris.	Разсаженъ
10	Гробинникъ малаго рода.	Кокъ агачъ.	Kleine-welssbuche, oder Steinbuche Zwergbuche.	Carpinus betulus pumilus.	Не разсаживается,
11	Чернокленъ.	Кашикъ агачъ.	Feldahorn.	Acer campestre.	Находится
12	Ясень.	Кюрышъ.	Aesche.	Fraxinus excelsior et ornus.	Находится такъ же
13	Верескѣдъ.	Кикъ шемширь агачъ.	Spielbaum.	Evonymus europaeus.	Находится
14	Курослепникъ.	Чюмъ агачи.	Herlern.	Cornus sanguinea.	Около нѣкоторыхъ
15	Лѣсная груша.	Кертме ахлатъ кикъ армутъ.	Wilderbirnbäum.	Pyrus communis sylvestris.	Находится
16	Лѣсная яблоня.	Кикъ алма ачъ алма.	Wilderalpfelbaum.	Pyrus malus sylvestris.	Находится
17	Лѣсная слива.	Кикъ ирыкъ.	Wilderpflaumenbaum.	Prunus sylvestris.	Такъ же
18	Мелкая лѣсная вишня или душистая черемуха.	Япанъ киярьсъ.	Mahaleb Kirsche.	Prunus mahaleb.	Такъ же.

около садовъ и вдоль мельничныхъ каналовъ въ довольномъ количествѣ и разсаживается и нынѣ по разнымъ влажнымъ мѣстамъ отрубленными сучьями отъ старыхъ деревь, кои совсѣмъ съ верхними вѣтвями будучи посажены удобно принимаются и въ пять лѣтъ составляютъ нарочитыя деревья, которыхъ черезъ два, три года очищаютъ обрубливаніемъ всѣхъ сучьевъ до самого верху, чрезъ что и полагаютъ видъ пирамиды. Дерево сіе не попадаетъ нигдѣ въ Тавридѣ дикое.

н е и з в ѣ с т н а .

во многихъ садахъ и во дворахъ по городамъ но для изгородъ не употребляется.

н е и з в ѣ с т н а .

н е и з в ѣ с т е н њ .

около многихъ садовъ, а особливо около виноградныхъ въ Судакѣ и тамошней околичности, такъ же по лѣсамъ растутъ дикой.

а растутъ во множествѣ по всѣмъ горамъ различается отъ обыкновеннаго гробинника или бѣлаго бука малымъ своимъ ростомъ и мелкостью листовъ. Для живыхъ изгородъ тѣмъ паче способенъ, что изъ него можно дѣлать шпалеры и что и на сухой почвѣ съ успѣхомъ произрастаетъ.

около нѣкоторыхъ садовъ и луговъ въ живыхъ изгородяхъ такъ же по лѣсамъ въ горахъ весьма изобилень.

около нѣкоторыхъ садовъ на низменныхъ мѣстахъ разсаженнымъ и по лѣсамъ дикой. Есть особый родъ ясеня въ лѣсахъ который растетъ по большей части большимъ кустарникомъ по высокимъ горамъ и по ботанически Орнунъ называется. Сей наипаче способенъ для живыхъ изгородъ.

около всѣхъ почти садовъ и двоякаго рода узколистной и широколистной, такъ же по лѣсамъ попадаетъ обильно.

садовъ а болѣе въ лѣсахъ произрастаетъ.

въ нѣкоторыхъ изгородяхъ около луговъ и пашень разсаженною, а въ лѣсахъ по всюду во множествѣ. Есть и особый родъ лѣсныхъ грушъ съ продолговатыми бѣлыми листьями похожими на вербу.

вмѣстѣ съ лѣсною грушею въ изгородяхъ и въ лѣсахъ.

вмѣстѣ съ прежними въ изгородяхъ и въ лѣсахъ.

19	Тернъ.	Когенъ агачъ.	Schlehnendorn.	Prunus spinosa.	Около садовъ	
20	Придорожная иголка.	—	Kreuzdorn.	Rhamnus spinosa.	Находится	мѣстами около садовъ
21	Крушина.	—	Faulbaum.	Rhamnus frangula.	Находится	
22	Держи дерево.	Текенъ агачъ.	Steigdorn.	Rhamnus paliurus.	Не разсаживается еще,	
23	Боярышникъ.	Япышганъ или кочера агачъ.	Weisdorn.	Cralaegi species.	Находится	
24	Бузина.	Ескиагачъ Каваль-агачъ.	Gemeiner Hollunder.	Sambucus nigra.	Находится около садовъ	
25	Калина.	Калина.	Gemeinen Schwelken.	Viburnum opulus.	Около нѣкоторыхъ садовъ	
26	Гордина.	Кирми-шекъ.	Mehloder Schliegbaum.	Viburnum Lantana.	Находится	
27	Кружина.	Бирюгозъ.	Gemeiner Hartriegel.	Ligustrum vulgare.	Около садовъ и луговъ,	
28	Барбарисъ-кислица.	Хадынъ тузлукъ.	Sauerdorn	Berberis vulgaris.	Во многихъ мѣстахъ находится	
29	Шиповникъ.	Итъ бурунъ-япанъ гуль.	Hundsrose	Rosa canina.	Около садовъ, луговъ и пашень,	
30	Бородавочные волосы.	Чермаукъ.	Gemeinen Clematis Waldrebe.	Clematis vitalba.	Растение сие производитъ	

и луговъ такожь по лѣсамъ во множествѣ.

и болѣе въ лѣсахъ.

мѣстами въ лѣсахъ.

а сухими вѣтвями сего весьма колючаго дерева обыкають татары плетни свои и каменные огороды. Оно растеть изобильно по всѣмъ почти горамъ большимъ кустарникомъ и когда цвѣтетъ весьма пріятный видъ имѣеть. Для живыхъ изгородь оно предпочтительно всѣмъ другимъ деревьямъ; поелику отъ корня до самого верху покрыто частыми крючковатыми иглами и потому можетъ составить неприступную ограду. Но оно не можетъ выдержать большія стужи ибо въ бывшей въ 1787 году сильной зимѣ многіе кусты онаго на сѣверной сторонѣ горъ вымерзли до самого корня, почему и не можетъ употреблено быть для живыхъ изгородь въ мѣстахъ къ сѣверу лежащихъ, а только въ полуденныхъ краяхъ.

около нѣкоторыхъ садовъ, луговъ и пашень по горамъ, а такъ же въ лѣсахъ во множествѣ, цвѣтомъ ягодъ и листьями различные, но всѣ пригодны для живыхъ изгородь; ибо большая часть оныхъ производитъ колючія дерева. Примѣчанія достойнѣйшія породы суть: боярышникъ съ черными ягодами, который растеть большими деревьями на высокихъ горахъ, и восточный боярышникъ, коего разръзныя листья покрыты бѣлымъ пухомъ, а ягоды изжелта красныя, крупныя и весьма пріятнаго вкуса, похожія на произрастаемый въ Италіи плодъ Ацероли называемый. Сія порода растеть по большей части только на полуденной сторонѣ Таврическихъ горъ. Такъ же есть небольшой родъ боярышника, который растеть стелючимися по землѣ кустами, не теряетъ зимою листья свои и приноситъ пучками красныя ягоды пламеннаго цвѣта, почему на французскомъ языкѣ и носить онъ названіе горящаго кустарника. Послѣдняя сія порода боярышника принадлежитъ однакожь болѣе къ меспилному роду.

и луговъ такожь по лѣсамъ во множествѣ.

только а болѣе по лѣсамъ.

по передовымъ Таврическимъ горамъ въ лѣсахъ во множествѣ.

такожь по лѣсамъ растеть изобильно.

около садовъ, луговъ и пашень разсаженнымъ также растеть по горамъ, особливо по берегамъ рѣчекъ дикой во множествѣ и достигаетъ отмѣнной величины.

такожь въ лѣсахъ во множествѣ весьма великими кустами и различнаго роду.

въ Тавридѣ весьма толстыя лозы на подобіе виноградныхъ и растеть само собою около всѣхъ почти садовъ и дворовъ, по деревнямъ въ горной части полуострова обвиваясь около плетней и заборовъ, также находится оно въ лѣсахъ и вмѣстѣ съ дикимъ виноградомъ и хмѣлемъ дикимъ покрываеть во многихъ мѣстахъ дерева до самой вершины составляя бѣлыми своими цвѣтами и листьями на ясминъ похожими весьма пріятный видъ.

31	Приморская ежевика бирюза.	Бурулгенъ.	Brombeer Staude.	R u b u s fruticosus.	Отмѣнный сей родъ	ежевика
----	----------------------------	------------	------------------	-----------------------	-------------------	---------

На подлинной подписалъ

растеть по большей части только въ полуденной части Таврическаго полуострова въ приморскихъ мѣстахъ около садовъ такъ же и по лѣсамъ извиваясь длинными темно-красными колючими своими прутьями по заборамъ и деревьямъ. Зимую онъ листьа не теряетъ. Цвѣты блѣдно-красныя, ягоды съ начала красныя а потомъ чернѣютъ и весьма пріятнаго вкуса.

экономіи директоръ *Матвій Смирновъ.*

Матеріалы для исторіи Никитскаго Ботаническаго Сада.

I.

Занимаясь исторіей Никитскаго Ботаническаго Сада—этого одного изъ первыхъ акклиматизаціонныхъ въ Европѣ, основаннаго въ 1812 г. по иниціативѣ герцога Ришелье и созданнаго его первымъ директоромъ Христіаномъ Стевенемъ, я предполагаю опубликовать рядъ документовъ, касающихся исторіи Сада.

Никитскій Садъ за первые 50 лѣтъ своего существованія имѣлъ настолько важное значеніе для развитія сельскаго хозяйства Южной Россіи, преимущественно въ области винодѣлія и декоративнаго и плодоваго садоводства, что документы, относящіеся къ этому періоду его продуктивной дѣятельности, не могутъ не представлять интереса для всякаго занимающагося исторіей Крыма.

Нижепечатаемыя три письма, изъ которыхъ одно представляетъ оригиналъ письма императрицы Маріи Θεодоровны къ Хр. Стевену, а два другихъ являются копіями отвѣтныхъ писемъ послѣдняго, были пожертвованы въ 1915 г. А. А. Стевенемъ для музея Никитскаго Ботаническаго Сада.

Е. Вульфъ.

Madame,

Le jardin de Nikita a reçu avec la plus profonde reconnaissance les plantes¹⁾ que Votre Majesté Impériale a daigné lui faire envoyer de Ses superbes jardins de Pawlowsk. Elles font actuellement le plus bel ornement de cet établissement; nous les conservons encore dans l'orangerie, mais j'espère parvenir à les naturaliser et à perpétuer dans ce pays le souvenir de l'amour d'une grande Princesse pour la plus belle des sciences.

Je suis avec le plus profond respect

Madame,

de Votre Majesté Impériale

Simpheropol, le très humble, très obeissant et très
le 20 Janvier 1819. soumis serviteur C. Steven.

Directeur du Jardin Impériale de Nikita.

Monsieur le conseiller d'état de Steven! J'ai reçu la lettre, par laquelle vous m'annoncez la réception des plantes, que je vous ai fait parvenir pour le Jardin de Nikita, et suis charmée d'apprendre qu'elles sont à bon port. Le compte beaucoup sur les soins, que vous voulez leur donner et desire bien sincèrement, qu'en se naturalisant elles offrent longtemps la preuve de l'intérêt, que je prends au bel établissement, qui prospère sous votre direction. Je vous remercie des objets, que vous m'avez envoyés et vous me ferez grand plaisir en repétant ces envois quand vous rencontrerez quelque chose, qui puisse convenir à mon Jardin de Pavlovsk. Recevez au reste l'assurance des sentimens de bienveillance, avec lesquels je suis

Votre affectionnée

St. Petersbourg

Marie.²⁾

le 18 Fevrier 1819.

¹⁾ Cancellia и Раeонiа Мопхан. См. письма X. Stevensа къ М. Биберштейну „Вѣстн. Русск. Фл.“ 1917 г. (печатаются).

²⁾ Подпись сдѣлана собственноручно.

Madame.

La gracieuse permission que Votre Majesté Impériale a daigné me donner d'envoyer pour le jardin de Pawlofsk des objets qui puissent lui convenir, m'a fait prendre la liberté d'y expédier, il y a huit jours, une caisse contenant des boutures de nos meilleures espèces de vigne (fruits de table), puis trois cent oignons du Safran printannier doré de la Crimée, et une centaine de semences. Je serai infiniment heureux si une partie de ces objets pourra servir à enrichir un jardin qui contient tant de choses précieuses; mais j'espère avoir l'occasion de fournir quelque chose digne, si mon voyage dans l'Archipel et dans l'Europe méridionale aura lieu, auquel Sa Majesté l'Empereur a daigné consentir et promettre Son généreux secours.

Je suis, avec le plus profond respect,

Madame,

de Votre Majesté Impériale le très humble, très
obeissant et très soumis serviteur

C. Steven.

Nicita

le 2 avril. 1819.

ПАДЕНІЕ КАФФЫ.

Послѣдніе годы генуэзскихъ поселеній въ Крыму.—Менгли-Гирей-Ханъ.

(1466—1475).

Въ нашемъ трудѣ „Хаджи-Гирей-Ханъ и его политика“¹⁾ мы остановились на уходѣ съ горизонта исторіи основателя династіи крымскихъ хановъ Хаджи-Гирея-хана. Смерть этого выдающагося правителя, послѣдовавшая въ концѣ августа 1466 года, произвела среди сосѣдей ханства, особенно жителей Каффы, не меньшую сенсацию, чѣмъ среди его подданныхъ татаръ. При чтеніи оставшихся отъ этого времени генуэзскихъ архивныхъ документовъ²⁾ чувствуется какъ среди каффинскихъ правителей, такъ и въ комитетѣ протекторовъ св. Георгія³⁾ въ Генуѣ сильная тревога. Первые извѣстія объ этомъ важномъ событіи получились въ Генуѣ изъ частныхъ писемъ каффинскихъ купцовъ, которыя дошли, какъ оказалось, до назначенія раньше официальныхъ сообщеній. Рапортъ консула Джентиле Камиллы былъ отправленъ въ Италію на третій день послѣ полученія въ Каффѣ извѣстій о смерти хана, но правительственный гонецъ умеръ въ пути въ предѣлахъ Венгріи.

Мы уже указали въ другомъ мѣстѣ, что¹⁾ вслѣдствіе закрытія турками проливовъ сношенія между Генуей и Каффой велись сухимъ путемъ черезъ Венецію, Венгрію и Молдо-Валахію. Какъ бы то ни было, протекторы банка поспѣшили увѣщевать правителей колоній зорко слѣдить за происходившими

¹⁾ „Хаджи-Гирей-ханъ и его политика“, по генуэзскимъ источникамъ. „Извѣстія Тавр. Уч. Арх. Комм.“ 1915 г. № 50.

²⁾ „Atti“ della Società Ligure di storia patria. T. V, VI, VII. Amedeo Vigna. Genova.

³⁾ Вслѣдъ за взятіемъ султаномъ Магометомъ II Константинополя, генуэзскія колоніи на Черномъ морѣ, съ Каффой во главѣ, были уступлены и отданы въ аренду генуэзской республикой знаменитому Банку св. Георгія. Этими колоніями управляла особая Коммиссія „Officium Gazariae“.

въ Крыму событіями и, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, отнюдь не вмѣшиваться въ политико-административныя татарскія дѣла.¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ, такая осторожность со стороны банковскаго колоніальнаго управленія не оказалась напрасной, хотя въ Каффѣ, какъ и при жизни Хаджи-Гирея, власти были все время насторожѣ, тѣмъ болѣе, что двѣ трети городского населенія состояли изъ татаръ. Съ перваго же момента событія, эти татары разбились на нѣсколько враждующихъ между собою партій въ зависимости отъ ихъ симпатій къ тому или другому претенденту на ханскій престолъ.

Припомнимъ для большей ясности, что у Хаджи-Гирея было восемь сыновей, имена которыхъ перечисляетъ, между прочимъ, историкъ *Dequigne*²⁾ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) *Девлетъ-жаръ*, 2) *Нордулетъ-ханъ*, 3) *Хайдаръ-ханъ*, 4) *Кутлукъ-Саманъ*, 5) *Килдышъ*, 6) *Менгли-Гирей-ханъ*, 7) *Ямгурчи* и 8) *Авасъ-Тимуръ*.

Изъ этихъ восьми наслѣдниковъ Хаджи-Гирея старшій, Девлетъ, умеръ еще при жизни отца, а третій, Хайдаръ, послѣ своей измѣны противъ отца въ 1456 году,³⁾ бѣжалъ въ Литву и опасался вернуться въ ханство. Слѣдовательно, согласно шаріату, право на престолонаслѣдіе безспорно имѣлъ, какъ старшій въ семьѣ, оставшійся въ живыхъ, *Нордулетъ*,⁴⁾ который, дѣйствительно, и принялъ на себя бремя ханской власти. Однако не такъ легко было Нордулету сохранить власть за собою. Всѣ пять остальныхъ братьевъ — претендентовъ направляли на него ударъ за ударомъ. Каждый изъ нихъ, окруженный своими приверженцами, вліятельными землевладѣльцами — мурзами, поднялъ извѣстное число вооруженныхъ солдатъ. И не только противъ Нордулета дѣйствовали безъ разбора средствъ эти пять сыновей Хаджи-Гирея, но также и противъ другихъ, становившихся имъ на дорогѣ претендентовъ. Междоусобица покрыла все ханство огнемъ и кровью. Партійный раздоръ въ народѣ дошелъ до такихъ размѣровъ, что ежедневно, даже на улицахъ Каффы, происходили вооруженныя столкновенія, разбои и убійства среди жителей — татаръ. Эта кровавая борьба

¹⁾ *Atti, ibid.*

²⁾ „*Histoire générale des Huns, des Turcs et des Mongols*“, etc. T. III, p. 337. Paris, 1747.

³⁾ См. нашъ трудъ „Хаджи-Гирей-ханъ“. *Извѣстія Таврич. Уч. Архивной Коммиссіи* № 50.

⁴⁾ По генуэзскимъ документамъ: *Нордулетъ, Нордаулетъ, Нордуларъ, Нордоларъ*. Въ этой статьѣ мы придерживаемся орѳографіи передчика документовъ, *Амедео Винья*.

тянулась около года, пока сторонники шестого изъ братьевъ, Менгли, не взяли верхъ надъ его соперниками. Побѣжденный Нордулетъ долженъ былъ съ горстью своихъ вѣрныхъ друзей и придворныхъ спастись въ Зихію (Абхазія, Кавказъ), гдѣ онъ продолжалъ агитировать противъ своего болѣе счастливаго брата.

Горячимъ сторонникомъ Нордулета въ этой татарской междоусобицѣ былъ, между прочимъ, нѣкто Мамакъ, очень вліятельный, старый придворный Хаджи-Гирея, житель Каффы, владѣлецъ большихъ земель на Южномъ берегу. Взявъ въ свои руки бразды правленія, Нордулетъ назначилъ Мамака намѣстникомъ или т. н. префектомъ Кампаніи, т. е. той полосы территоріи, которая простиралась между Яйлой и моремъ отъ Балаклавы до Козъ, Отузъ и Кокъ-Тебеля. Между тѣмъ искусный, увертливый придворный, чувствуя, что власть ускользаетъ изъ рукъ Нордулета, и предвидя восшествіе въ ханствѣ новаго свѣтила въ лицѣ Менгли, поспѣшилъ стать на сторону послѣдняго.¹⁾

Нѣкоторые историки, между прочимъ Канале,²⁾ относятся къ личности и характеру Менгли-Гирея-хана, какъ къ правителю въ высшей степени симпатичному, честному, благородному. Правда, какъ увидимъ впослѣдствіи, нѣкоторые неподкупные поступки Менгли, дѣйствительно, обнаруживаютъ въ немъ весьма похвальные душевные качества, выдвигающія его высоко надъ уровнемъ другихъ азіатскихъ современныхъ ему автократовъ. Эти авторы, безъ указанія источника, передаютъ, что, еще юношей. Менгли нѣсколько лѣтъ провель въ Каффѣ, гдѣ генуэзцы, польщенные этимъ довѣріемъ къ нимъ стараго хана Хаджи-Гирея, старались окружить молодого принца образованными учителями и воспитателями. Всѣ предметы современнаго западнаго преподаванія являлись для него легко доступными. Языки, новые и древніе, философія, математика, исторія, юридическія и военныя науки, медицина, литература, поэзія и музыка — всѣ эти знанія Менгли, будто бы, пріобрѣлъ въ стѣнахъ Каффы съ такимъ успѣхомъ, что отецъ его могъ гордиться, видя при себѣ *образецъ принца (un modello di principe)*.³⁾ Однако не долго наслаждался престарѣлый ханъ столь утѣшительнымъ зрѣлищемъ. Онъ скончался въ концѣ лѣта 1465 года, и мы видѣли послѣдовавшую послѣ его смерти неурядицу.

Въ ужасной, взбунтовавшей всю Тавриду междоусобицѣ, несмотря на строгій присланный изъ Генуи запретъ не только

1) *Atti*. Vol. V, p. 517.

2) *Canale*, „*Della Crimea e del suo commercio*“, vol. II, pag. 138.

3) *Canale*. *Ibid.*

консуламъ и другимъ правителямъ, но и всякому генуэзскому гражданину, жителю колоніи, принимать участіе въ татарской распрѣ, нѣкоторые изъ каффинскихъ правителей стали и совѣтами и дѣйствіемъ поддерживать сторону своего любимца Менгли, что не мало способствовало его торжеству.

Вслѣдъ за восшествіемъ Менгли-Гирея на крымскій ханскій престолъ, ближайшіе его приверженцы всѣми силами стали домогаться занять высшія и доходныя мѣста въ управленіи государствомъ. Префектъ Кампаніи Мамакъ просилъ утвердить его въ этой важнѣйшей, доходной и почетной должности.¹⁾ Въ этихъ ходатайствахъ своихъ ближайшихъ сановниковъ и другихъ просителей молодой ханъ снисходилъ входить при каждомъ случаѣ въ разборъ подобныхъ ходатайствъ и удовлетворялъ ихъ по заслугамъ. Этимъ путемъ на первыхъ шагахъ своего управленія государствомъ Менгли окружилъ себя если не вполне искренними и преданными престолу людьми, то, по крайней мѣрѣ, извѣстными ему слугами. Что касается его отношеній къ каффинцамъ, то въ знакъ своей сердечной признательности къ ихъ городу и вообще къ генуэзцамъ за поддержку, оказанную ему въ борьбѣ съ братьями, Менгли поспѣшилъ извѣстить консула Джентиле Камилла о сбавкѣ значительной части слѣдуемой хану ежегодной платы изъ колониальной казны дани. Въ отвѣтъ на такую милость генуэзцы не замедлили пригласить хана къ себѣ въ Каффу погостить, на что новый ханъ (по генуэзскому документу: „*il novo signore imperatore tartaro*“) любезно далъ свое согласіе.

Лѣтомъ (въ іюлѣ или августѣ, точно не указано) 1468 г. Менгли-Гирей торжественно, на бѣломъ конѣ, совершилъ, со всѣмъ своимъ дворомъ, свой вѣздъ въ Каффу. Ему были отведены лучшіе апартаменты въ консульскомъ дворцѣ (*nel palatio consolare*). Приемы, банкеты, блестящія празднества ежедневно чередовались въ теченіе семи сутокъ. Въ свободные отъ оффиціальнаго веселья промежутки, ханъ съ консуломъ и высшими колониальными совѣтниками возобновилъ всѣ статьи аренднаго договора 1381 года и въ дополненіе къ этому подписалъ предложенный консуломъ трактатъ о вѣчномъ мирѣ между двумя правительствами, а также о взаимной защитѣ при нападеніи на нихъ какого бы то ни было непріятели. Конечно, ханъ и генуэзцы имѣли въ данномъ случаѣ особенно въ виду турецкаго султана, закрывшаго генуэзскимъ кораблямъ всякое сообщеніе Каффы съ ея метрополіей и возвысившаго цифру

¹⁾ *Atti. Ibid.*

годовой дани колоній турецкому правительству съ 4000 до 8000 червонцевъ.¹⁾ Посланному морскимъ путемъ въ Константинополь для взноса въ турецкую казну этой суммы кафинцу²⁾ въ переговорахъ съ великимъ визиремъ удалось смягчить притязанія Магомета и ограничить ихъ взносомъ съ Каффы всего 6000 червонцевъ.³⁾ Причины такого султанскаго великодушія документъ не объясняетъ, но можно предполагать, что турки вошли въ положеніе колонистовъ въ виду стѣсненія съ ихъ же стороны торговыхъ сношеній Чернаго моря съ западомъ и ограниченія таможенныхъ доходовъ въ Каффѣ вслѣдствіе многолѣтняго закрытія проливовъ. Документъ, между прочимъ, еще отмѣчаетъ, что „нашъ кафинецъ узналъ въ Константинополѣ о снаряженіи турками грознаго флота, назначеніе котораго извѣстно одному султану“. Правители колоній, какъ и самъ Менгли, не безъ основанія опасались злонамѣреній со стороны Магомета, тѣмъ болѣе, что частыя донесенія шпионовъ гегуэзцевъ (*observatores*) въ Турціи предупреждали черноморскія колоніи о возможномъ скоромъ появленіи турецкаго военнаго флота у побережья Тавриды. И въ самомъ Крыму враги Менгли-Гирея не успокаивались и вели оживленныя тайныя сношенія съ турецкимъ визиремъ. Подъ видомъ купцовъ, развѣдчики султана часто заѣзжали въ Каффу и Бахчисарай и вели тайные переговоры съ татарами. Съ своей стороны, агенты Менгли зорко слѣдили за поведеніемъ пяти ханскихъ братьевъ съ Нордулетомъ во главѣ. Планъ Нордулета съ заговорщиками состоялъ не болѣе не менѣе, какъ въ приглашеніи Магомета приступомъ занять Балаклаву (Чембало), въ то время какъ его сторонники и агенты подготовили бы въ ханствѣ вооруженные отряды противъ Каффы.

Эти коварныя дѣйствія Нордулета, находившагося въ ссылкѣ, какъ мы сказали въ Зихіи (*Zichia*, Абхазія), не происходили безъ агитаціи нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ, нѣкогда за свое предосудительное поведеніе понесшихъ наказаніе гегуэзцевъ, бродившихъ въ то время въ сосѣднихъ съ Каффой деревняхъ. Въ числѣ такихъ подпольныхъ агитаторовъ выдѣлялся нѣкто Якопо Гримальди, скрывавшійся гдѣ-то на полуостровѣ Матрегѣ (Тамань). Гримальди вступилъ въ заговоръ съ братьями Менгли и письмомъ предложилъ Нордулету свои услуги для вербовки вооруженнаго отряда съ цѣлью напасть одновременно на Солхатъ (Старый Крымъ) и Каффу, завладѣть этими горо-

1) „*Atti*“.—Ам. Винья, док. МСССХХІ.

2) Его имени не указано.

3) „*Atti*“. Ibid.

дами и провозгласить ханомъ Нордулета. Однако письмо Гримальди попало въ руки Менгли. Ознакомившись съ его содержаніемъ, ханъ тотчасъ-же препроводилъ это документальное доказательство въ государственномъ преступленіи консулу Камиллѣ.¹⁾ Но что въ этомъ случаѣ явно характеризуетъ рѣдкое великодушіе и удивительное благородство души хана Менгли-Гирея, это его приписка къ донесенію. Онъ въ этой припискѣ обращается къ каффинскимъ властямъ и судьямъ съ предложеніемъ не примѣнять никакого наказанія къ преступнику и простить бродягу.²⁾ Протекторы банка Св. Георгія поражены были этимъ порывомъ трогательнаго милосердія молодого хана. Тѣмъ не менѣе, они усмотрѣли въ немъ актъ, юридически несоотвѣтствующій основнымъ государственнымъ законамъ Генуи, требовавшимъ за измѣну примѣненія смертной казни, и повелѣли кафинскимъ судьямъ, уступая отчасти желанію Менгли, приговорить Якопо Гримальди къ изгнанію изъ предѣловъ генуэзскихъ черноморскихъ кононій.³⁾

Сожалѣя о полномъ отсутствіи соотвѣтствующихъ осознательныхъ указаній⁴⁾ о дальнѣйшихъ подробностяхъ этого эпизода, мы все-таки можемъ, вмѣстѣ съ генуэзскимъ палеографомъ, вывести относительно его слѣдующія предположенія. Изъ данныхъ, весьма ясно выраженныхъ въ другихъ документахъ архива св. Георгія за этотъ 1470 годъ, мы смѣло можемъ заключить, что Нордулетъ съ братьями въ самомъ дѣлѣ замышлялъ исполнить коварное предложеніе Гримальди и, собравъ отрядъ своихъ партизановъ на Тамани, готовился произвести нападеніе на Солхатъ. Ознакомившись съ содержаніемъ письма измѣнника, правители Каффы не замедлили отпривить на Тамань своихъ шпионовъ. Какія еще мѣры предприняты были консуломъ Камиллой, вслѣдствіе исчезновенія части переписки его съ протекторами банка намъ не извѣстно. Но какъ бы то ни было, изъ документа, который мы подробнѣе разсмотримъ впослѣдствіи, очевидно, что „на генуэзской территоріи“ (вѣроятно, на полуостровѣ Тамани или ближе къ Каффѣ, на Керческомъ полуостровѣ) произошло вооруженное столкновеніе отряда генуэзскихъ войскъ съ братьями Менгли, въ которомъ

¹⁾ „*Atti*“. Док. МСССХХІ.

²⁾ По этому поводу рецензентъ, маститый палеографъ, патеръ Амедео Винья восклицаетъ: „Какое разстояніе отдѣляетъ поступокъ честнаго татарина отъ поведенія коварнаго измѣнника христіанина!“

³⁾ „*Atti*“. Т. VII.

⁴⁾ Отъ неизвѣстной намъ причины, въ серіи кафинскихъ документовъ за этотъ 1470 годъ встрѣчается досадный пробѣлъ.

всѣ заговорщики—татары попали въ руки кафинскихъ властей, потому что подъ датой апрѣля 1471 года неожиданно узнаемъ изъ рапорта Къвроя, замѣстителя Камиллы, что Нордулетъ со всѣми своими братьями былъ заключенъ подъ стражу въ одной изъ башенъ крѣпости Каффы.¹⁾

Нѣкоторые писатели²⁾ относятъ событіе плѣненія генуэзцами сыновей Хаджи-Гирея еще къ жизни стараго хана, т. е. приблизительно ко времени около 1466 г. Мы въ указанномъ трудѣ³⁾ уже указали на невозможность въ то время столь неполитичнаго шага со стороны генуэзцевъ, тѣмъ болѣе, что эти авторы включаютъ въ число принцевъ — узниковъ даже Менгли. Другое дѣло, когда говорится о времени царствованія послѣдняго и о враждѣ къ нему Нордулета съ братьями. Генуэзскіе архивные документы 1471 года раскрываютъ предъ нами всю картину интересующихъ насъ событій. При разборѣ отношеній кафинскихъ властей съ ханствомъ чувствуется, что ни Менгли, ни какой либо другой татаринъ—правитель никогда во всю жизнь свою не забылъ бы о нанесеніи ему въ молодости такого позора и напомнилъ бы объ этомъ генуэзцамъ послѣ своего вступленія на ханскій престолъ. Ни ухаживанія каффишцевъ, ни угошенія и подарки не смыли бы съ его горлаго сердца подобнаго воспоминанія. Между тѣмъ, напротивъ, въ борьбѣ между сыновьями Хаджи-Гирея за право престолонаслѣдія генуэзцы и совѣтами, и агитаціей и дѣйствіемъ принимаютъ живѣйшее въ ней участіе. Послѣ своего восшествія на престолъ Менгли, кромѣ ярко выраженной признательности, заѣзжаетъ въ Каффу, значительно убавляетъ слѣдующую ему по договорамъ отъ генуэзцевъ дань, и въ довершеніе всего самъ изъявляетъ готовность заключить съ ними оборонительный и наступательный союзъ, который вѣрно соблюдаетъ до совмѣстнаго съ ними крушенія.

Заключеніе въ тюрьму такихъ узниковъ, какъ братья молодого хана, немало, разумѣется, оказало услуги этому послѣднему. Благодаря столь чувствительной помощи со стороны генуэзцевъ, Менгли могъ скоро привести въ должный порядокъ дѣла управленія своего государства. Татарскій народъ и жители Кампаніи дружно взялись за свои занятія. Въ Каффѣ и въ подчиненныхъ ей черноморскихъ колоніяхъ торговыя сношенія съ Анатоліей и Кавказомъ оживились. Помимо объявленія

¹⁾ Док. DCCCCLXXXIX.

²⁾ Барбаро, Канале и другіе за ними.

³⁾ „Хаджи-Гирей-ханъ“, Извѣстія Тавр. Уч. Арх. Комм. № 50.

турками о закрытіи Босфора для иностранныхъ судовъ, нѣкоторыя генуэзскія быстроходныя каравелы все таки пробирались, иногда съ боемъ изъ Италіи въ Каффу и обратно въ Средиземное море. Кафинскій консуль Джентиле Камилла, по истеченіи въ началѣ 1470 года срока своего консульства, простившись съ Крымомъ, вернулся въ метрополию на одномъ изъ этихъ смѣлыхъ судовъ. Камиллу сопровождало много окончившихъ свою трехлѣтнюю службу въ черноморскихъ колоніяхъ казенныхъ чиновниковъ и мастеровъ. Путь черезъ проливы до Генуи совершился для Камиллы благополучно. Прибывъ въ Геную, консуль словесно докладывалъ специально для этого собравшимся протекторамъ св. Георгія, т. е. комитету высшихъ правителей колоній, о положеніи какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлъ въ Крыму.¹⁾ На этомъ собраніи Камилла, между прочимъ, вручилъ почтенному комитету (*Ufficio di Gazaria*) собственноручныя посланія отъ новаго хана Менгли-Гирея и отъ властелина независимаго княжества Феодоро (Мангупъ), Саика (Исаака). Камилла заключилъ свою рѣчь сообщеніемъ о видѣнномъ имъ подъ Константинополемъ и въ Мраморномъ морѣ грозномъ турецкомъ флотѣ, снаряжавшемся для неизвѣстнаго назначенія. Онъ прибавилъ, что предупрежденные объ этомъ черноморскіе колонисты, равно и ихъ союзники, князь Саикъ и ханъ Менгли, заключившіе между собою и съ Каффой оборонительный договоръ противъ общаго врага, находятся въ постоянной тревогѣ. На основаніи послѣдняго сообщенія, переданнаго очевидцемъ, протекторы тутъ же рѣшили ускорить отправку воднымъ и сухимъ путемъ возможно большаго количества оружія и милиціи, подъ руководствомъ готовившагося къ отплытію изъ Италіи вновь назначеннаго каффинскимъ консуломъ Готифредо Леркари.²⁾

Къ сожалѣнію для исторіи, въ каффинскомъ отдѣлѣ архива св. Георгія вся привезенная Камиллой изъ Каффы въ Геную переписка отсутствуетъ, такъ что наравнѣ съ рапортами, напри- мѣръ, о поимкѣ и заключеніи въ Каффѣ братьевъ Менгли-Гирея, посланія хана и мангупскаго князя среди нашихъ документовъ не встрѣчаются. За то мы имѣемъ на лицо приказъ верховнаго совѣта Банка по черноморскимъ колониальнымъ дѣламъ каффинскимъ учрежденіямъ и *in extenso* отвѣтъ на письмо хана. Въ этомъ приказѣ протекторовъ излагается суть содержанія посланія Саика и соотвѣтствующаго ему отвѣта. Протек-

1) „*Atti*“. Т. VII. Parte I. Fasc. III. p. 647.

2) „*Atti*“. Ibid.

торы благодарятъ князя за оказанную имъ честь его посѣщеніемъ Каффы и выражаютъ свое удовольствіе за взаимный договоръ, подписанный княземъ и консуломъ, о помощи другъ другу, въ случаѣ нападенія общаго врага, во имя безопасности двухъ народовъ и защиты и блага въ Крыму христіанской вѣры. Отвѣтъ же на ханское посланіе, изложенный, какъ и предыдущій, на генуэзскомъ діалектѣ, а не на латинскомъ, подобно всѣмъ остальнымъ официальнымъ каффинскимъ документамъ, могъ бы служить доказательствомъ знакомства Менгли-Гирея и Саика съ роднымъ языкомъ колонистовъ. Мы даемъ здѣсь въ переводѣ текстъ¹⁾ отвѣта протекторовъ на посланіе хана:

„Пресвѣтлѣйшему и могущественнѣйшему государю Меликарею, татарскому императору и т. д.

„Пресвѣтлѣйшій государь, изъ посланія вашей свѣтлости, какъ и изъ рапорта только что вернувшагося изъ Каффы, гдѣ состоялъ консуломъ, дворянина Джентиле Камиллы, мы убѣдились въ великой симпатіи и благосклонности, питаемыхъ вашей свѣтлостью къ этому благословенному городу Каффѣ, заботахъ о его безопасности и преуспѣяніи, ко благу и пользѣ всѣхъ его гражданъ. Мы особенно цѣнимъ чувства снисхожденія и милостиваго отношенія, выраженныя вами при вашемъ посѣщеніи Каффы, съ предложеніемъ охранять и защищать ее отъ всякаго врага. Поэтому повелѣваемъ нашимъ властямъ въ Каффѣ при надобности прибѣгнуть съ полнымъ довѣріемъ къ вашей свѣтлости, какъ къ отцу и старшему своему, и быть неотмѣнно послушными въ исполненіи всѣхъ вашихъ желаній, ибо мы всегда и во всемъ будемъ заботиться о сохраненіи за вашей свѣтлостью и расширеніи предѣловъ вашего государства, равно какъ и о вашемъ личномъ здоровіи, въ чемъ просимъ не сомнѣваться. Еще разъ поручаемъ себя вашей свѣтлости, къ услугамъ котораго остаемся готовыми всегда и во всемъ“.

Генуя, МСССCLXX, въ XVIII день апрѣля.

„Чести и славы вашей свѣтлости всегда готовые служить

„Протекторы товарищества св. Георгія гор. Генуи“.

Въ этомъ посланіи протекторовъ проглядываетъ какое-то недовѣріе какъ къ самимъ кафинцамъ, такъ и къ предложенію

¹⁾ Док. DCCCCLXVII.

Менгли-Гирея; чувствуется, что они задали себѣ вопросъ объ искренности выраженныхъ татарскимъ властелиномъ чувствъ дружбы или скрываеомъ въ нихъ выпадѣ тонкой политики заманить генуэзцевъ въ ловушку. Въдѣ нужно замѣтить, что Менгли, правда, тронутый теплымъ и роскошнымъ приѣмомъ его въ Каффѣ, предлагалъ протекторамъ св. Георгія не болѣе, не менѣе, какъ вмѣстѣ съ союзомъ съ нимъ, отдать подъ его специальную охрану всѣ генуэзскія черноморскія владѣнія. Наученные коварной политикой его отца Хаджи-Гирея, протекторы опасались, какъ бы сынъ не замышлялъ послѣдовать его примѣру. Съ другой стороны, они также не вполне довѣряли своимъ каффинскимъ чиновникамъ, легко поддававшимся вліянію подпольныхъ агентовъ и соблазну незаконныхъ поборовъ и подкуповъ. Въ своемъ приказѣ¹⁾ консулу и массаріямъ они предупреджали каффинцевъ приложить ревностную бдительность къ дѣйствіямъ ханскихъ властей, равно и къ своимъ подчиненнымъ въ Каффѣ, Сольдаѣ и Чембало. Въ особенности они приказывали усилить надзоръ за братьями хана, такъ какъ до ихъ свѣдѣнія дошло, что за этими важными узниками стража смотритъ сквозь пальцы, тюремщики даютъ имъ относительную свободу, разрѣшаютъ нѣкоторымъ татарамъ видаться съ ними,—а потому имѣтъ постоянно въ виду опасность ихъ побѣга въ Константинополь для убѣжденія султана напасть на колоніи. Сверхъ этого, протекторы увѣщевали гражданъ Каффы, избѣгать съ татарами всякихъ недоразумѣній и столкновеній, чтобы не вызвать съ ихъ стороны мстительныхъ актовъ или репрессалій. Словомъ, какъ бы ни было, съ момента возвращенія въ Геную консула Камиллы, замѣтно сильное безпокойство относительно поведения турокъ и судьбы черноморскихъ колоній. Въ Крыму же и татарскій ханъ, и правители, и граждане Каффы, и вообще всѣ подчиненные Генуѣ колоній, вслѣдствіе распространившихся слуховъ о замыслахъ и дѣйствіяхъ Магомета II, чувствовали какую-то тяжесть, тормозившую всѣ дѣла. Дамокловъ мечъ грозно висѣлъ надъ колоніями.

Однако ни въ Тавридѣ, ни въ Италіи не оставались въ бездѣйствіи. Всѣ, правители и подчиненные, работали для отраженія грозившей катастрофы. Въ Италіи всюду, не только генуэзцы, но и венеціанцы и пизанцы и римскій папа, разставили своихъ такъ называемыхъ „наблюдателей“ (шпіоновъ), которые зорко слѣдили за движеніями отоманскаго флота и сухопутнаго войска и доносили о нихъ своимъ правительствамъ. Путь ма-

¹⁾ Док. DCUCCCLIV.

терикомъ между Генуей и Каффою черезъ Буда-Пешть, Львовъ и Мокастро (Аккерманъ) и обратно сталъ весьма оживленнымъ. Генуя, то и дѣло, отправляла въ Тавриду, съ рекомендаціями отъ папы королю венгерскому и львовскимъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ, наемныя группы чиновниковъ, мастеровъ и солдатъ. Въ Крыму укрѣпленія Чембало (Балаклава), Сольдаи (Судакъ) и Каффы приводились въ порядокъ и пополнялись гарнизономъ.¹⁾

Между прочими отправленными изъ Генуи лицами, приглашены были два нѣмца изъ Ахена и Страсбурга въ качествѣ руководителей артиллеріи, одинъ генуэзецъ, опытный въ изготовленіи всякаго оружія и бомбардъ, и одинъ французъ, артиллерійскій офицеръ, искусный въ изготовленіи пороха и селитры.²⁾ Къ этимъ военнымъ мастерамъ и инструкторамъ присоединился еще военный инженеръ-строитель крѣпостей Антонино Бонино, которому былъ порученъ осмотръ всѣхъ побережныхъ укрѣпленій въ Крыму и, въ случаѣ надобности, указаніе на ихъ слабыя мѣста, чтобы довести ихъ до современныхъ требованій фортификаціоннаго искусства.³⁾ Кромѣ этого, для усиленія снабженія милиціи всѣмъ необходимымъ снаряженіемъ, расширена существовавшая въ Каффѣ подъ управленіемъ генуэзца Мартино Новеллы оружейная мастерская для изготовленія касокъ, щитовъ, брони, копій, шпагъ и скорострѣльныхъ орудій.⁴⁾

Несмотря на столь щедрыя жертвы, средства и энергію, верховный совѣтъ банка св. Георгія, разумѣется, былъ не мало озабоченъ судьбой своихъ владѣній.⁵⁾ Однако банкъ скрывалъ

¹⁾ Док. DCCCCXLIX, — DCCCCCLIII, — DCCCCCLIV, — DCCCCCLV, — DCCCCCLVI, DCCCCCLIX.

²⁾ Док. DCCCCLXXII.

³⁾ Док. DCCCCCLXXVII.

⁴⁾ Док. LCCCCXLVI.

⁵⁾ И было изъ—за чего! Разъ Босфоръ для генуэзскихъ судовъ былъ закрытъ, весь приходъ безмѣрныхъ доходовъ банка съ черноморскихъ колоній прекращался. Сверхъ этого, Магометъ уже распорядился о немедленномъ занятіи всего побережья Анатолиі, съ такими важными рынками, какъ Самастро (Эрегли, *Heraclea*, портъ въ двухъ шагахъ отъ входа въ Босфоръ) и Трапезундомъ, ключемъ торговыхъ сношеній съ Кавказомъ, Арменіи и сѣверной Персіи. Не отъ кого было ждать помощи. Какъ удержать за собою жемчужину Каффу, эту царицу Чернаго моря (*quella regina del Mar-Maior*)? Генуэзская республика, отъ неоднократныхъ морскихъ сраженій съ арагонскихъ и венеціанскимъ флотами, потеряла большую часть своихъ военныхъ и торговыхъ кораблей. Паденіе Константинополя застало генуэзскую казну совершенно истощенною, до того, что правительство принуждено было предложить банку

эти опасенія, домогаясь убѣдить каффинцевъ, что таврической полуостровъ имѣетъ еще много шансовъ выдержать нападеніе врага. Съ этой цѣлью совѣтъ, усиленный въ своемъ составѣ еще четырьмя приглашенными совѣтниками изъ бывшихъ консуловъ Каффы, рѣшилъ, въ неочередномъ засѣданіи,¹⁾ отправить въ Тавриду властямъ подбодряющее и обнадеживающее посланіе,²⁾ изъ котораго извлекаемъ слѣдующія характерныя строки:

„Въ чрезмѣрномъ опасеніи, какъ со стороны населенія Каффы, такъ и со стороны представителей власти, Совѣтъ видитъ явную трусость, унижающую достоинство генуэзскаго имени. Имѣется надежда, что отправленное для переговоровъ съ султаномъ посольство добьется отъ него если не мира, то по крайней мѣрѣ перемирія. Каффинцы не должны поддаваться отчаянію. Каффа, слава Богу, за своими мощными, вновь исправленными стѣнами и при столь многочисленныхъ наемныхъ войскахъ, можетъ смѣло отражать нападеніе не только турка, но любого другого непріятеля“.

„Да еще, писали протекторы, на сторонѣ Каффы стоитъ крымскій ханъ Менгли-Гирей: но въ случаѣ отказа сего послѣдняго держаться статей договора, при соединеніи посланныхъ силъ съ имѣющимся уже въ крѣпости милиціями, нечего бояться турка. Развѣ Каффа не помнитъ того случая, когда къ ней, осажденной съ суши и съ моря,³⁾ прибѣгали на помощь многочисленныя войска съ жизненными и военными припасами? И теперь, при такомъ же положеніи, не охладѣли еще въ нашихъ сердцахъ ни наша ревность ни наша любовь къ вамъ. Ваша трусость, Каффинцы, обнаруживаетъ недостатокъ вашего довѣрія къ матери родинѣ въ большей степени даже, чѣмъ боязнь передъ врагомъ“!

„Нынѣ-же, не менѣе вамъ преданные, чѣмъ тогда, мы рѣшили послать вамъ на выручку, въ обоихъ направленіяхъ, обильную поддержку. Сухимъ путемъ вновь назначенный къ вамъ консулъ Батиста Джіустиніани ведетъ сто солдатъ, къ коимъ присоединяемъ нѣсколько отборныхъ въ военномъ искусствѣ начальниковъ. Моремъ уже готовое къ

св. Георгія взять въ аренду всѣ свои владѣнія на Черномъ морѣ (*tutti possedimenti nella Gazeria*) за смѣшную сумму 5,000 фунтовъ, т. е. нѣсколько больше 150,000 нынѣшнихъ италіанскихъ лиръ.

¹⁾ Док. DCCCXXXIX.

²⁾ Док. DCCCCXI.

³⁾ Намекъ на осаду 1345 - 48 г. ханомъ Зол. Орды Джанибекомъ.

отплытію на Хіосъ судно „Сальвага“ везеть къ вамъ пятьдесятъ бравыхъ бойцовъ, нанятыхъ помѣсячно“.

И тутъ-же протекторы—правители, не забывая о томъ, что они вмѣстѣ съ этимъ и банкиры, предупреждая будущую экономію въ расходахъ, прибавляютъ: „По миновеніи опасности имѣйте въ виду ограничить число солдатъ и городовыхъ (ог-цисii) до 200, не болѣе“.¹⁾

Съ этого момента (1471 г.), несмотря на это посланіе протекторовъ и на подкрѣпленіе гарнизона, каффинскія власти, какъ и само населеніе колоній тѣмъ не менѣе находились подъ безпрестаннымъ страхомъ. Султанъ прекрасно былъ освѣдомленъ своими агентами о положеніи дѣлъ въ Крыму. Онъ зналъ, что большинство татаръ, подстрекаемыхъ Нордулетомъ, въ случаѣ экспедиціи на Каффу, будетъ на его сторонѣ противъ Менгли. Съ этого момента, говоримъ, гибель цвѣтущихъ генуэзскихъ поселеній если на этотъ разъ не осуществилась, то въ душѣ султана была только отложена до болѣе для него благопріятныхъ обстоятельствъ. Магометъ былъ тогда всецѣло занятъ военными, не вполне для Турокъ удачными, дѣлами на Балканахъ и замышлялъ скорѣе покончить съ завоеваніемъ Эвбеи, Хіоса и другихъ острововъ Архипелага.

Но одновременно съ этимъ положеніемъ политическихъ сношеній съ отоманской имперіей остановимся на время передъ событіями, происшедшими въ самомъ Крыму. Въ то время, какъ Менгли-Гирей всецѣло былъ занятъ усмиреніемъ подстрекаемыхъ приверженцами враждебныхъ ему партій и упроченіемъ своей власти въ ханствѣ, положеніе дѣлъ въ Каффѣ было крайне неблагополучно. Чувствуя ослабленіе энергіи и ревности къ службѣ среди руководившихъ имъ генуэзскихъ чиновъ и, пожалуй, предвидя близкій переходъ самой власти въ руки турокъ, населеніе Каффы стало со дня въ день весьма непокорнымъ. Его волновалъ какой-то духъ неповиновенія, овладѣвшей постепенно всѣми классами населенія. Понятіе о дисциплинѣ и о нравственности, несмотря на всѣ усилія консульской власти и духовенства, пало до такого уровня, что ихъ стали нарушать даже государственные, сначала низшіе, а впоследствии и высшіе служащіе. Что касается до черни всѣхъ народностей, то нарушение законовъ не поддавалось никакимъ репрессіямъ. Смуты, драки, воровство, насиліе надъ женщинами, отказы отъ государственныхъ, банковскихъ и частныхъ платежей, убійства и

¹⁾ Док. DCCCCXLI.

грабежи на улицахъ и базарахъ среди бѣлаго дня—являлись обычными въ сжедневной жизни этого разношерстнаго и не-обузданнаго населенія. Никакіе законы не признавались. Правосудіе, несмотря на строгость наказаній, не ставилось ни во что. Тюрмы и арестные дома въ Каффѣ и Сольдаѣ были переполнены.

Мы уже неоднократно въ нашихъ предыдущихъ работахъ касались этого невѣроятнаго настроенія умовъ въ Каффѣ въ годы, предшествовавшіе окончательному крушенію черноморскихъ владѣній Банка св. Георгія. Паденіе нравовъ въ Каффѣ чувствуется все сильнѣе и сильнѣе при постепенномъ анализѣ генуэзскихъ документовъ за эти годы агоніи большого города. Подобное своевольное настроеніе народа создало, несомнѣнно, одну изъ вѣскихъ причинъ этого крушенія. Вѣдь при столь кипучей торговой дѣятельности семидесятитысячнаго населенія, съ его индивидуальной разрозненностью и враждебностью въ религіозныхъ и соціальныхъ понятіяхъ и стремленіяхъ, требовалась очень сильная власть, а въ дѣйствительности власть была далекой въ Генуѣ, отдѣленной отъ него непроницаемой стѣной султанскаго флота. Вотъ почему кажется, что всѣ слои этого населенія—татары, греки, армяне, евреи, генуэзцы, судьи, купцы, мѣнялы, банкиры, чиновники, духовныя лица, моряки, носильщики и чернорабочіе, очертя голову, стремятся всѣ къ неминуемой пропасти.¹⁾ Разсмотрѣнные нами нѣкоторые изъ каффинскихъ документовъ ярко изобличаютъ учащающіеся случаи нарушенія законности. Изъ нихъ особенно въ этомъ смыслѣ выдѣляются два факта, картину которыхъ даетъ консульскій рапортъ отъ 4 іюня 1471 года.²⁾

Первое происшествіе, взволновавшее тогда весь городъ, было фактическимъ оскорбленіемъ святости правосудія въ отношеніи лица, облеченнаго судебной властью. Засѣдавшій въ камерѣ судебной палаты (*curia*)³⁾ почтенный викарій⁴⁾ Пасквале Чельзи⁵⁾ за какія-то произнесенныя подсудимымъ на судѣ, при разборѣ дѣла, непристойныя слова приговорилъ Антоніо Адорно

1) „Atti“, Т. VII, р. 1.— См. также нашъ трудъ: „Каффа въ періодъ владѣнія ею Банкомъ св. Георгія“. „Извѣстія“ Тавр. Уч. Арх. Комм. № 47.

2) Док. DCCCCXXXIX.

3) „Curia“, специально отведенная для разбора тяжёбныхъ дѣлъ часть нынѣ несуществующаго консульскаго дворца (*palazzo consolare*), тогда входившаго въ предѣлы нынѣшняго еодосійскаго карантинна.

4) Викарій—замѣститель консула по судебнымъ дѣламъ.

5) Ученый юрисконсультъ, докторъ правъ Болонскаго университета.

къ уплатѣ 400 аспръ штрафа. Адорно однако возразилъ, что этихъ денегъ ни въ какомъ случаѣ платить не станетъ, на что судья, поднявшись съ кресла и положивъ руку на плечо Адорно, спокойно произнесъ: „Или уплатишь 400 аспръ штрафа, или посажу тебя въ карцеръ!“. Въ этотъ моментъ, въ курию входитъ зять приговореннаго, Грегорио Дельпино, человекъ предосудительнаго поведенія. Увидавъ жестъ судьи, Дельпино возбужденнымъ голосомъ обращается къ подсудимому Адорно и говоритъ: „Неужели ты, Антонио, настолько глупъ, что не оплатишь за это оплеухой по мордѣ (sic) викарію?“ и, обращаясь къ послѣднему, прибавляетъ: „Если бы вы осмѣлились это сдѣлать со мною, то вы бы ея не избѣжали!“. И съ этими словами, подкативши правый рукавъ, дѣлаетъ онъ движеніе, какъ бы исполняя свою угрозу. Въ отвѣтъ на это невозмутимый викарій приговариваетъ Дельпино къ 1000 аспръ штрафа. Тутъ же, на поднявшуюся въ залѣ курии суматоху, прибѣгаютъ массаріи и самъ консулъ Алаоне Доріа и рѣшаютъ немедленно созвать въ палату совѣтъ старшинъ. предъ которымъ явились викарій и два подсудимыхъ. Однако Дельпино не усмиряется и дерзко подтверждаетъ, что въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ намѣреніе оскорбить судью дѣйствіемъ и что уже раньше, при такихъ-же обстоятельствахъ, намѣревался наградить такой-же оплеухой и самого консула. Рапортъ объ этомъ засѣданіи дополняется слѣдующимъ особымъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ изъ судей: „мы, массаріи, отвѣтили наглецу согласно нашего долга, тѣмъ не мѣнѣ намъ кажется, что консулъ Алаоне не примѣнилъ всей строгости закона. но мы готовы исполнить все, что вы намъ прикажете.“) Намъ кажется, что въ этомъ рѣшеніи совѣта подъ слабостью тогдашнихъ каффинскихъ судебныхъ властей скрывается вѣроятная партійная солидарность.) Однако этимъ приговоромъ массаріи и ихъ сторонники очевидно не успѣли во-время обуздать нахала, такъ какъ Грегорио Дельпино спустя нѣсколько дней послѣ этой выходки былъ привлеченъ по другому, еще болѣе выдающемуся проступку.

Наши читатели знаютъ уже о пребываніи въ это время въ Каффѣ Нуръ-Девлета или, по генуэзскимъ документамъ,

*) „Атти“, Т. VII, р. 712.

†) Въ то время въ Каффѣ, какъ и въ Генуѣ, царствовала жестокая борьба двухъ знаменитыхъ партій, гибеллиновъ и гвельфовъ, т. е. дворянъ и плебеевъ. Эта рознь сильно тормозила исполненіе обязанностей администраціи и въ этихъ годахъ постепенно возросла среди чиновниковъ до послѣдняго дня ихъ дѣятельности. Доріа, Адорно, Дельпино, всѣ три фамиліи дворяне—гибеллины.

Нордулета, старшаго сына Хаджи-Гирея, содержавшагося подъ стражей у генуэзцевъ, вмѣстѣ съ четырьмя младшими братьями, въ угоду хану Менгли-Гирею. Заключенные нѣкоторое время въ карцерахъ въ одной изъ башенъ крѣпости, принцы, вѣроятно, изъ уваженія къ ихъ званію, или по другой неизвѣстной намъ причинѣ, были переведены изъ башни въ другое зданіе—особнякъ со дворомъ, гдѣ ихъ положеніе было смягчено, такъ что, все еще оставаясь подъ надзоромъ, они пользовались относительной свободой. Тамъ Нордулетъ имѣлъ даже льготу принимать иногда въ своемъ жилищѣ друзей и знакомыхъ, держать при себѣ довольно значительное число рабовъ и слугъ и посредствомъ своихъ посыльныхъ вести нѣкоторыя сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Къ этому нужно замѣтить, что однимъ изъ частыхъ посѣтителей принцевъ былъ, между прочимъ, и Грегорио Дельпино.

Опасаясь подпольныхъ интригъ и возмездія своихъ братьевъ, особенно Нордулета, Менгли вошелъ въ тайную сдѣлку съ генуэзцемъ Джіовани Бальбо, начальникомъ тюремщиковъ, наблюдавшихъ за принцами, съ цѣлію убить Нордулета. Согласившись съ предложеніемъ хана, Бальбо подкупилъ посыльнаго Нордулета, татарина Кобу (въ рапортѣ массаріевъ — *Coba*, также *Cobus*). Между тѣмъ, хитрый Коба, оставшись преданнымъ своему хозяину, предупредилъ Нордулета объ угрожающей ему опасности. На это Нордулетъ успѣшилъ созвать къ себѣ всѣхъ своихъ братьевъ, жившихъ въ томъ же зданіи, и своихъ друзей, генуэзцевъ Грегорио Дельпино и Бертолино Аллегро. Въ этомъ совѣщаніи Дельпино предложилъ собравшимся тайно схватить и заколотъ Бальбо, но болѣе гуманный Нордулетъ нашель, что правильнѣе будетъ поймать виновника на мѣстѣ преступленія и передать его живымъ консулу, который поступитъ съ нимъ по закону. Однако мнѣніе Дельпино взяло верхъ, и собраніе рѣшило приступить къ дѣлу по его указаніямъ.

Въ назначенный заговорщиками ночной часъ Коба вмѣстѣ съ другимъ татаринномъ отправились на улицу стеречь Бальбо. Подойдя на встрѣчу къ тюремщику, Коба сообщилъ ему, что квартира принцевъ не заперта. Бальбо этому повѣрилъ и направился туда съ Кобой. Въ это время всѣ пять принцевъ находились въ забаррикадированной комнатѣ Нордулета, вмѣстѣ съ сорока вооруженными слугами и рабами, а Дельпино и Аллегро скрылись во дворѣ зданія съ группой людей. Бальбо подошелъ къ дверямъ квартиры Нордулета, но засталъ ихъ запертыми. Въ это время Коба съ двумя татарами и подбѣжав-

шими къ нимъ на помощь Дельпино и Аллегро тутъ же закололи беззащитнаго Бальбо и подбросили его трупъ къ помѣщенію Нордулета.

Вслѣдъ за этимъ Дельпино и Аллегро, во главѣ заговорщиковъ, отправились въ квартиру на дняхъ вновь вступившаго въ должность консула Филиппо Кяврои (*Chiavroia*). Ворвавшись въ его палаццо, ватага проникла до самой спальни консула, который въ этотъ поздній часъ мирно спалъ, и разбудила его со словами: „Мы пришли тебѣ сообщить, что крыса поймалась!“. Полусонный консулъ сначала не могъ понять, въ чемъ дѣло, но разбойники объяснили ему, что Джіовани Бальбо намѣревался съ двумя соучастниками убить Нордулета. Этотъ же принцъ, съ помощью своихъ родственниковъ, защищаясь, ранилъ Бальбо, заперъ его въ карцеръ и желаетъ отдать арестованнаго въ руки правосудія. Кявроя, не подозрѣвая обмана, отвѣтилъ, что разсмотреть это дѣло на другой день утромъ, и заговорщики ушли.

Но каково было удивленіе консула, когда въ ночной тишинѣ слышалъ онъ съ улицы страшные возгласы цѣлой толпы. Заволновалось все городское населеніе. Оказалось, что товарищи Бальбо, узнавъ объ убійствѣ генуэзца, подняли тревогу, хватились за оружіе и устремились къ дому татарскихъ принцевъ, съ цѣлію его разгромить.

Завязалась кровавая баталія, потому что принцы и ихъ сорокъ слугъ и рабовъ мужественно защищались. Въ результатѣ оказались одинъ генуэзецъ, казенный курьеръ Шеркію, убитымъ и одинъ солдатъ тяжело раненымъ. Со стороны татаръ было нѣсколько убитыхъ и еще большее число раненыхъ.

Надо было, читаемъ въ рапортѣ, приложить большія усилія, чтобы вывести принцевъ изъ осажденнаго ихъ жилища и доставить ихъ живыми въ палаццо. Также явилось большое затрудненіе въ усмиреніи нашихъ сражавшихся съ татарами солдатъ, требовавшихъ разрѣшенія разнести и разграбить зданіе и убить всѣхъ его обитателей. Однако солдатамъ не вполне удалось исполнить это намѣреніе, ибо въ дѣло вмѣшались, кромѣ горожанъ, матросы изъ стоящихъ въ гавани судовъ, такъ что число погромщиковъ доходило до трехъ тысячъ.

Но длинный рапортъ на этомъ не оканчивается. Къ нему приложена слѣдующая интересная приписка массаріевъ: „Вернувшись въ курію, консулъ собралъ совѣтъ старшинъ, чиновниковъ массаріи (казначейства) и болѣе почтенныхъ изъ гражданъ, который постановилъ: „посадить на двухъ вооруженныхъ

большихъ шлюпкахъ Нордулета, четверыхъ его братьевъ, одного изъ ихъ племянниковъ и двухъ невольниковъ для услуженія ихъ и отвести всѣхъ въ Сольдаю, въ сопровожденіи массара Гоффредо Леркари“. Тамъ принцы были заключены въ двухъ башняхъ Сольдаи,¹⁾ св. Ильи и св. Николая, по три въ каждомъ замкѣ. Сверхъ этого, совѣтъ рѣшилъ немедленно приступить къ обшивкѣ извнутри по одной въ каждомъ фортѣ камеры, толстыми дубовыми брусьями, и поручить наблюденіе за узниками 24 бдительнымъ стражникамъ. Послѣ этого, наряжено было слѣдствіе о степени виновности всѣхъ арестованныхъ, и въ результатъ были подвергнуты казни черезъ повѣшеніе главные виновники убійства: Бальбо, посыльный Коба и другой татаринъ. Что касается до Григорія Дельпино и Бертолино Аллегро, то мы не успѣли ихъ задержать. Они бѣжали изъ Каффы на суднѣ шкипера Роландо Кастилионе. Этого послѣдняго мы подвергли пыткѣ и узнали отъ него всѣ подробности заговора. Роландо признался, что хотя участія въ убійствѣ Бальбо онъ вовсе не принималъ, но вошелъ въ соглашеніе о наймѣ судна съ Дельпино, не подозрѣвая о затѣѣ симъ послѣднимъ преступленія. Находится также подъ арестомъ Баттиста Аллегро, отецъ Бертолино, обвиняющійся въ томъ, что онъ зналъ о заговорѣ, въ которомъ его сынъ принялъ столь дѣятельное участіе. Онъ былъ подвергнутъ пыткѣ, т. е. въ виду, его глубокой старости, только веревкѣ, и, по его рассказамъ, Бертолино заслуживаетъ кары согласно закону“.¹⁾

Извѣстіе объ этомъ кровавомъ эпизодѣ въ жизни Каффы, имѣвшемъ громадное значеніе въ политическихъ сношеніяхъ Генуи съ ханствомъ, разнеслось далеко за предѣлами Тавриды. Молва о немъ распространилась съ преувеличеніемъ въ Константинополь и оттуда по всѣмъ государствамъ западной Европы, гдѣ уже и безъ того смотрѣли на черноморскія генуэзскія колоніи, какъ на область, опредѣленную судьбой ближайшей и неминуемой гибели. Зная о полномъ несогласіи западныхъ дер-

¹⁾ Генуэзская крѣпость „*Soldaia*“ (Судакъ), обведенная съ юго-запада рвомъ, состояла, изъ трехъ ярусовъ защитныхъ стѣнъ, замковъ и башенъ, на высокой обрывистой скалѣ. Верхній, нынѣ „Хызь-кулѣ“ (дѣвичья башня), находился подъ покровительствомъ св. Ильи; второй, средній, св. Николая, съ мощнымъ замкомъ, гдѣ жилъ консулъ—кастелланъ; нижній же ярусъ, съ костеломъ „Покрова Пресвятой Богородицы“, обхватывалъ всю скалу съ 10 башнями, стѣнами, бойницами и рвомъ. По истории Сольдаи, см., между прочимъ, и нашу статью „Христофоро ди Неро, послѣдній консулъ Сольдаи“, „Извѣстія“ Тавр. Уч. Арх. Комм. № 38.

¹⁾ Док. DCCCLXXXIX.

жавъ между собою и о невозможности Генуѣ подать своимъ поселеніямъ своевременную надлежащую помощь, Магометъ II хотя уже точилъ свои ятаганы и снаряжалъ сильный флотъ, не спѣшилъ еще приступить къ захвату это легкой для него добычи.

Между тѣмъ, кафинскіе правители и банковскіе протекторы, мѣнялись обильнымъ количествомъ писемъ, рапортовъ и приказовъ, не смотря на большія затрудненія въ ихъ доставкѣ по назначенію. Вообще переписка по колоніальнымъ дѣламъ за этотъ 1471 годъ обширна. Кромѣ документовъ по болѣе важнымъ вопросамъ какъ мѣстнаго, такъ и международнаго характера, большею частью встрѣчается въ этомъ архивѣ много частныхъ дѣловыхъ писемъ, прошеній и т. п., а также декретовъ о назначеніи въ Каффу мелкихъ чиновниковъ.

Характерно однако во всей этой канцелярской литературѣ то, что почти по всей линіи звучитъ одна и та же нота, мягкій покровительственный тонъ со стороны протекторовъ. Въ то время, когда еще за годъ до этого, въ апрѣлѣ 1470 г.,¹⁾ банкъ приказывалъ поступать съ братьями Менгли-Гирея со всею строгостью (*nequaquam humane ut decoret tractari*), протекторы новаго состава 1471 года убѣждаютъ кафинскихъ властей щадить достоинство какого-то князя Абхазіи, оставшагося должникомъ кафинской казны на крупную сумму. Казалось бы, что въ обстоятельствахъ столь тревожныхъ, при управленіи народомъ столь недисциплинированнымъ, мы должны были бы видѣть во главѣ этого управленія рѣшительную, непоколебимую власть. Но нѣтъ, наоборотъ, банкъ дѣлается все болѣе и болѣе уступчивымъ, старается избѣгать всякихъ трений и недоразумѣній, иногда даже въ ущербъ законности. Такъ, напримѣръ: житель Судака, грекъ Григорій Марко, изнасиловавшій супругу своего отсутствовавшего изъ дома должника, приговоренный кафинскимъ судьей къ секвестру всего своего имущества въ пользу потерпѣвшей, вмѣсто утвержденія приговора, былъ по просьбѣ друзей въ Генуѣ амнистированъ. Такихъ судебныхъ рѣшеній было нѣсколько. Но въ особенности на почвѣ международныхъ политическихъ, какъ равно и торговыхъ сношеній съ сосѣдними правителями Мангупа, Абхазіи и Черкесіи замѣтно желаніе всѣми силами избѣгать всякаго рода тяжбъ и контроверсій. При каждомъ приказѣ верховнаго комитета повторяется внушеніе держаться въ дружбѣ съ этими правителями (*i principi limitropi*), для обезпеченія себѣ мира и, вмѣстѣ съ миромъ,

¹⁾ Док. DCCCCIV.

успѣха въ торговлѣ и упроченія своей мощи на Черномъ морѣ, что „неминуемо отразится на благополучіи интересовъ нашихъ подданныхъ“. По этому поводу генуэзскій изслѣдователь¹⁾ замѣчаетъ: „Ошибка этой политики банка была та, что его подчиненные и чиновники въ Каффѣ заботились болѣе о собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о благополучіи и чести коллоніальнаго населенія“.

Нужно также предполагать, что одна изъ причинъ разслабления высшаго управленія зависѣла отъ выборовъ этого года въ высшемъ управленіи банка и коллоніальномъ комитетѣ, и что въ Генуѣ международная политика приняла новый курсъ. Чувствуя свое военное и особенно финансовое безсиліе, горделивый голосъ св. Георгія умѣряется и ищетъ поддержки извнѣ, даже у такихъ правителей, какъ въ мангупскомъ князѣ Саикѣ или въ коварномъ, полудикомъ абхазцѣ Бендинѣ. Въ подтвержденіе нашего предположенія, приводимъ здѣсь мимоходомъ посланіе протекторовъ своему мангупскому сосѣду:

„Его Сіятельству, нашему дражайшему другу, Господину Саику, теодорскому князю, и т. д.

„Сіятельный дражайшій другъ нашъ, насъ очень обрадовало донесеніе отъ нашихъ кафинцевъ о томъ, что Ваше Сіятельство лично ѣздили въ Каффу и заключили съ тамошними властями соглашеніе и союзъ къ обоюдной защитѣ нашихъ территорій. О соблюденіи интересовъ этихъ договоровъ, хотя находимъ это излишнимъ, мы совѣтовали и поручили нашимъ представителямъ въ Каффѣ строго придерживаться ихъ заключеній. Также и Ваше Сіятельство убѣждаемъ въ этомъ, понимая, что не только по многочисленнымъ другимъ законнымъ причинамъ, но равно и на основаніи общей нашей тревоги. Ваше Сіятельство, вмѣстѣ съ нашими колонистами, должны безпрестанно имѣть въ виду врага и убѣждать всѣхъ нашихъ и вашихъ подданныхъ жить другъ съ другомъ въ искренней братской любви и согласіи“.

Протекторы и т. д.

„Генуя, МСССCLXXI, въ XXVI день апрѣля“.²⁾

Между тѣмъ, чѣмъ были заняты эти самые сосѣди, съ которыми такъ домогался вести взаимную дружбу высокій коми-

¹⁾ Amedeo Vigna, „*Atti*“, Т. VII, р. 718.

²⁾ Док. DCCCCLXVII.

тетъ банка св. Георгія? Въ то время, какъ ѣздилъ въ Каффу князь мангупскій Саикъ и добросовѣстно, какъ истинный христіанинъ, соблюдалъ условія союза съ генуэзцами и высоко держалъ въ Крыму знамя креста, Бендинъ въ Зихи упразднилъ всѣ генуэзскіе рыбные промыслы на южномъ берегу Азовскаго моря, при устьи Кубани (*Copa, Coparia*), задерживалъ купцовъ, реквизировалъ рыбацкіе неводы и баркасы и грабилъ плоды трудовъ многихъ тружениковъ. Съ своей стороны, татары сильно тѣснили жителей---христіанъ Южнаго берега; большое ихъ войско произвело хищный набѣгъ на Прутъ и Сереть, опустошивъ города и села Подоліи и Валахи. Оно вернулось съ этой экспедиціи въ Крымъ съ громаднымъ количествомъ всякаго рода скота *asseritur exercitus tartarorum condussisse magnum summam bestiarum diversam qualitatum*), угоняя въ рабство тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей (*animus masculas et feminas conducerunt circa mille*). Вслѣдствіе этихъ набѣговъ татаръ, одновременно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій между Стефаномъ валахскимъ и другимъ воеводой, молдавскимъ Радуломъ, кафинцы терпѣли большія затрудненія въ сухопутномъ сообщеніи съ Львовомъ и Генуей (*propterea affirmamus ut nostri ad istas venturi evitent periculum dicti domini Stephani, quia certum est cum extremo periculo pertransirent*).¹⁾

Но если коллекція архивныхъ бумагъ по колоніальнымъ дѣламъ Генуи за періодъ 1471 года отличается обиліемъ, то число документовъ, отмѣченныхъ слѣдующимъ 1472 годомъ, можно считать болѣе чѣмъ скромнымъ. Правда, по содержанію, между ними встрѣчаются нѣкоторые выдающіеся по своей важности, хотя не столько въ историческомъ отношеніи, сколько въ бытовомъ, опредѣленіи, отношеніи между правящими и подчиненными. Вся остальная часть документовъ, чисто административнаго характера, не можетъ представлять для насъ особаго интереса. Она содержитъ рядъ канцелярскихъ распоряженій, патентовъ и ордеровъ о назначеніи новыхъ чиновниковъ на мѣсто выбывавшихъ, прослужившихъ въ колоніяхъ свой срокъ (26 мѣсяцевъ), и опредѣленіи имъ оклада жалованья.

Однако въ этомъ 1472 году мы отмѣтимъ: 1) патентъ о назначеніи въ Сольдау послѣдняго и достойнаго консула Христофоро ди Negro,²⁾ 2) приказъ протекторовъ вновь прибыв-

¹⁾ Рапортъ консула Кяврои, док. DCCCCXXXI.

²⁾ Док. MXXXVI.—См. нашу статью: „Хр. ди Negro, послѣдній консулъ Сольдаи“. „Извѣстія“ Тавр. Уч. Арх. Комм. № 37.

шему въ Каффу массару и бывшему спустя годъ послѣ Гоффредо Леркари, выдающемуся администратору, консулу Баттистѣ Джустиніани.¹⁾ Этотъ послѣдній привезъ съ собою черезъ Венецію и Львовъ до полутораста мастеровъ и солдатъ и долженъ былъ, послѣ прибытія своего на мѣсто назначенія, представить счетъ о расходахъ по содержанію состоявшаго подъ его начальствомъ въ пути отряда людей. Въ этомъ приказѣ, между прочимъ, отмѣчается распоряженіе: „составить счетъ израсходованныхъ суммъ точнѣе, обстоятельнѣе и правдиво, ибо долгъ вашъ при расчетѣ денегъ священный и тяжело ляжетъ на вашей совѣсти“.

Дѣйствовавшимъ до прибытія въ Каффу Джустиніани массарамъ и консулу Леркари протекторы банка пишутъ 18 іюня пространное письмо съ новыми указаніями, среди которыхъ обращаетъ на себя вниманіе одобреніе за успѣшное, безъ вооруженныхъ силъ, улаживаніе тяжбы кафинской казны съ сыновьями правителя Черкессіи Бендыяна, обѣщаніе прислать въ колонію пятьдесятъ осадныхъ скорострѣловъ вмѣстѣ съ хорошимъ оружейнымъ мастеромъ, строгій запретъ приступить къ дальнѣйшему ремонту стѣнъ и башенъ въ Каффѣ, „такъ какъ онѣ достаточно надежны, деньги нужны, и не предвидится угрожающей опасности со стороны непріятеля“, на основаніи чего приказывалось *ограничить число наемныхъ войскъ до 150 нижнихъ чиновъ.*²⁾

Подъ этой же датой 18 іюня приложено къ вышеупомянутой инструкціи, съ порученіемъ немедленно отправить по адресу, новое письмо протекторовъ на имя крымскаго хана Менгли-Гирея. По формѣ и содержанію, этотъ документъ³⁾ нечто иное, какъ почти буквальное повтореніе предыдущаго, переводъ котораго мы дали выше, въ коллекціи 1471 года. Въ немъ выражаются тѣ же дружественныя чувства и надежда въ неизмѣнномъ со стороны хана взаимномъ благоволеніи къ колоніямъ „для благоденствія и счастья обоихъ государствъ“.

Третій, заслуживающій особаго нашего вниманія документъ датированъ 16 іюня 1472 года и, вѣроятно, секретный. Въ немъ протекторы специально обращаются къ Антониотто Кабеллѣ⁴⁾ съ наставленіемъ, какъ ему быть при принятіи имъ консульскаго жезла. Принимая во вниманіе личность, которой они предназ-

¹⁾ Док. MVII.

²⁾ Док. MXXXII.

³⁾ Док. MXXXIII.

⁴⁾ Послѣдній консулъ Каффы.

начались, эти инструкции верховнаго совѣта банка для насъ важны по своему содержанию. Они являются, такъ сказать, краткимъ дерективомъ обязанностей и правъ хорошаго намѣстника такого государства, какъ черноморскія колоніи, т. е. области, въ которой, вслѣдствіе ея отдаленности отъ центрального правительства, должно было слабѣе отразиться дѣйствіе закона. Эти подробныя, методическія, проникнутыя теплымъ, почти отцовскимъ чувствомъ инструкции обнаруживаютъ отчасти предъ нами тайныя, внутренне-административныя и внѣшне-политическія нити, руководившія и волновавшія въ данный моментъ членовъ верховнаго совѣта банка св. Георгія. Вообще до 1472 г. постъ консула черноморскихъ генуэзскихъ колоній поручался лицамъ, предварительно болѣе или менѣе подготовленнымъ по своему образованію къ столь высокому и отвѣтственному назначенію. Большая часть другъ за другомъ чередовавшихся консуловъ исходили изъ видныхъ гвельфскихъ или гибеллинскихъ фамилій Лигурійской республики. Нѣкоторые даже, послѣ отбыванія въ Каффѣ стажа въ финансахъ (массаро), въ юстиціи (викаріо) и въ намѣстничествѣ, вернувшись на родину, возвышались до кресла дожа гордой Генуи. Знаменитыя историческія фамиліи Италіи Адорно, Дорія, Спинола, Джіустиніани, Фіески и т. п. украсили кафинскія общественныя зданія и церкви своими гербами съ соотвѣтственными надписями.¹⁾

Что касается до Кабеллы, онъ происходилъ изъ почетной купеческой фамиліи города Генуи, принадлежавшей къ гвельфской, т. е. народной партіи. Человѣкъ скромнаго образа жизни, онъ былъ искреннимъ, вѣрующимъ христіаниномъ, лояльнымъ подданнымъ, преданнымъ своей миссіи, но прежде всего честнымъ правителемъ и дорожилъ своей репутаціей. „Доброе имя дороже всѣхъ богатствъ“, писалъ онъ однажды въ отвѣтъ на обвиненіе его въ лихоимствѣ: Судя по оставшейся отъ него перепискѣ, высокаго образованія Кабелла не получилъ. Всѣ его письма и дѣловыя донесенія написаны на простомъ генуэзскомъ нарѣчій. До призыва его къ высокой должности намѣстника,²⁾ Кабелла содержалъ въ родномъ городѣ богатый складъ суконъ и шелковыхъ восточныхъ мануфактурныхъ товаровъ.³⁾ Въ виду

1) Въ Θεодосійскомъ историческомъ музеѣ хранятся до 52 каменныхъ плитъ съ подобными готическими надписями.

2) Консулъ въ Каффѣ титуловался: „*Magnificus dominus consul nobilis civitatis caphe et totius maris majoris in imperio gasarie*“. „*Statutum Caphae*“. Atti, vol. VII, parte II, fascicolo II, pag. 581, art. I.

3) *Amedeo Vigna*. Atti. T. VII, p. I, fasc. III.

его недостаточной подготовленности къ этому посту, а быть можетъ даже по его же просьбѣ, для него и составлена инструкція, содержаніе которой приводимъ здѣсь цѣликомъ.¹⁾

Проникнутые истиной извѣстнаго лозунга, по которому начало благополучія всякаго государства лежитъ прежде всего на здоровѣ, честномъ и тѣсномъ единодушій и согласіи его главы и подчиненныхъ, протекторы обращаются ко всѣмъ кафинскимъ властямъ съ предписаніемъ соблюдать между собою неизмѣнную дисциплину и строго придерживаться святости закона. „*Salus reipublicae*, пишутъ они, *suprema lex esto*“! Отсутствію такихъ началъ протекторы приписывали недавно до этого происшедшія печальныя событія и распушенность населенія въ Каффѣ.

Краеугольнымъ камнемъ здраваго правленія страны протекторы ставили правосудіе, съ достойною твердостью распредѣляющее защиту и наказаніе одинаково всѣмъ, кто предстанетъ предъ судомъ, безъ различія ихъ соціального положенія или національности. Законъ неизмѣнно долженъ ограждать слабого отъ давленія и эксплуатаціи сильнаго міра, бѣднаго отъ богатаго, мѣщанъ отъ несправедливостей дворянъ. Въ огражденіи правителя отъ подозрѣнія въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ или въ безчестномъ съ корыстной цѣлью обходѣ закона въ теченіе его службы, протекторы подчеркиваютъ нѣкоторые пункты „Статута“²⁾ какъ, на примѣръ, запрещеніе принимать всякое прямое или косвенное участіе въ откупѣ податей и веденіи какой бы то ни было торговли, подъ строжайшей взаимной отвѣтственностью со всѣми своими коллегами.

Консулъ долженъ былъ также безусловно отказаться отъ участія въ вечерахъ, частныхъ празднествахъ и банкетахъ и вообще отъ посѣщенія предосудительныхъ мѣстъ и компаній, какъ „*неподобающаго престижу стрѣгаго правителя народа*“.

Наоборотъ, совѣтуется консулу присутствовать на общественныхъ и цѣрковныхъ праздникахъ, согласно его чину и обычаю, но всегда съ благопристойностью и важностью, соотвѣтствующими тому, кто облеченъ столь высокимъ постомъ начальника края. Въ такихъ случаяхъ его появленіе предъ народомъ должно было вызывать вообще уваженіе и почитаніе къ главамъ государства. При этомъ для непосредственнаго сношенія

¹⁾ Док. МХХХІ.

²⁾ „*Statutum Gazariac*“ 1316 г., возобновленное съ дополненіями въ „*Statutum Caphac*“ 1449 г.—См. Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Т. V.

съ Банкомъ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ ему вручается секретный шифръ, и вмѣняется въ обязанность возможно чаще доносить о ежедневныхъ происшествіяхъ.

Надъ своими ближайшими товарищами по службѣ и чиновниками всѣхъ вѣдомствъ предписывается консулу безпрестанный надзоръ за ихъ усерднымъ и честнымъ исполненіемъ служебнаго долга. Поэтому ему предоставлена безграничная свобода судебнымъ порядкомъ ихъ смѣнять, штрафовать, переводить и приговаривать.

Въ частности, напоминаетъ консулу лично или при посредствѣ честныхъ людей посѣщать по временамъ колоніи Чембало и Сольдаю, провѣрять выданныя мѣстными консулами суммы, равно и расходы по содержанію кастеллановъ и гарнизонныхъ милиціонеровъ и осматривать склады военныхъ и провіантскихъ припасовъ и арсеналы и пополнять ихъ по мѣрѣ надобности.

Узнавъ о злоупотребленіяхъ и превышеніяхъ власти со стороны нѣкоторыхъ квартальныхъ начальниковъ и базарныхъ надзирателей, присвоившихъ себѣ право отправлять правосудіе въ тавернахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ и вообще вмѣшивавшихся не въ свои дѣла, протекторы требовали отъ Кабеллы строжайшей репрессіи подобныхъ нарушеній закона и примѣрнаго взысканія съ провинившихся.

Были также въ Кафѣ нѣкоторыя маловажныя казенныя должности и, какъ таковыя, раздававшіяся безвозмездно, но которыя, для получившихъ эти мѣста, служили предметомъ спекуляціи и переуступались уже другимъ лицамъ за деньги. Протекторы отнюдь не допускали подобной торговли. Поэтому Кабелла имѣлъ порученіе такого рода сдѣлки отмѣнять, объявлять несостоятельность договоровъ и привлекать виновныхъ къ суду. Наоборотъ, внушается консулу поручать эти почетныя мѣста гражданамъ, своимъ поведеніемъ заслужившимъ хорошей репутаціи, преданнымъ правительству и родинѣ (а таковыхъ нѣтъ недостатка въ Каффѣ! *(sic)*), дабы населеніе знало, что честность и преданность общественному благу не остаются безъ вознагражденія.

Относительно правосудія, „фундамента всякаго цивилизованнаго государства *(sic)*“, протекторы не могутъ не напомнить Кабеллѣ объ учиненныхъ въ Каффѣ преступными лицами поступкахъ, о недопустимыхъ на судѣ, и вообще въ колоніяхъ, и угрозахъ какъ со стороны гражданъ Генуи, такъ и мѣстныхъ уроженцевъ. Поэтому требуется отъ консула немедленная ре-

прессія противъ воровъ, убійць и т. п. преступниковъ, чтобы не повторялись при Кабеллѣ случан, подобные тѣмъ, которые происходили при прежнихъ консулахъ.¹⁾ Съ этой цѣлью предписывается Кабеллѣ задержать всѣхъ зачинщиковъ и участниковъ безпорядковъ, произвести новое слѣдствіе объ ихъ виновности и прислать въ Геную всѣ протоколы, дабы можно было утвердить приговоръ объ ихъ высылкѣ изъ предѣловъ колоній.

По поводу образа дѣйствій кафинскаго синдиката, т. е. окружающаго консула судебного по важнымъ дѣламъ совѣта,²⁾ до свѣдѣнія Банка дошло, что при предшественникахъ Кабеллы производилось давленіе на судъ, вслѣдствіе чего устранялись недоброжелательные члены и оказывалось благорасположеніе однимъ только сторонникамъ бывшихъ консуловъ или массаровъ. Кабеллѣ вмѣняется въ обязанность тщательно просмотрѣть протоколы прежнихъ засѣданій синдикатовъ и провѣрить поведеніе и постановленія членовъ. Совѣтъ прибавляетъ, что члены синдиката, не соблюдавшіе законныхъ статутовъ, должны немедленно быть устранены, ибо въ добросовѣстномъ соблюденіи законовъ лежитъ сила правосудія.

Послѣ правосудія первое мѣсто въ работахъ совѣта занимаютъ финансы. Главнѣйшій долгъ этой части правленія заключается въ слѣдующемъ: 1) внести въ приходъ кафинскаго казначейства (*masseria*) многочисленные и значительные слѣдуемые ему по истекшимъ срокамъ долги; 2) сокращать расходы; 3) ограничить число наемныхъ войскъ до двухсотъ человѣкъ; 4) требовать оправдательныхъ документовъ по приходу за аренду казенныхъ земель и участковъ, а также по небрежности консуловъ запущенныхъ; 5) не выдавать слишкомъ легко льготы мѣстнымъ уроженцамъ и мѣщанамъ, а въ каждомъ случаѣ посылать ихъ въ Геную на утвержденіе; 6) требовать уплаты санкціонированныхъ судебнымъ порядкомъ или городской администраціею штрафовъ; 7) не затѣвать никакой новой строительной ремонтной работы въ консульскомъ дворцѣ (*il palazzo del governo*) безъ согласія двухъ третей членовъ комитета; 8) во что бы то ни стало сполна уплатить турецкому султану годовую дань; 9) позаботиться о жизненныхъ и военныхъ запасахъ въ крѣпостяхъ Чембало, Сольдаѣ и Каффѣ; 10) правильно уплачивать жалованье гражданскимъ и военнымъ служебнымъ чинамъ.

¹⁾ Филиппо Кявроя и Гоффредо Леркари - 1471/72 г.

²⁾ Кафинскій синдикатъ, судъ, состоявшій изъ 12 генуэзскихъ и 12 мѣстныхъ уроженцевъ, созывался для разбора обвиненій въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ консуловъ и массаровъ, послѣ ухода со службы сихъ послѣднихъ. Всякій гражданинъ Каффы могъ явиться обвинителемъ.

Что касается до дани Блистательной Портѣ, поручить посланнику Каффы ходатайствовать предъ великимъ визиремъ о сбавкѣ 2000 аспрь изъ общей суммы 8000, съ тѣмъ, чтобы эта сумма не была извлечена изъ государственнаго казначейства, а взыскана черезъ контрибуціи съ населенія Каффы, такъ какъ этотъ расходъ вносится исключительно къ выгодѣ самихъ жителей.

Относительно другихъ расходовъ протекторы ограничиваются просьбой къ Кабеллѣ и его коллегамъ позаботиться объ улучшеніи, если понадобится, защитной стѣны, о постройкѣ большой общественной цистерны и объ обильномъ снабженіи города зерномъ, такъ чтобы Каффа не нуждалась ни въ жизненныхъ припасахъ, ни въ водѣ, ни въ другомъ продовольствіи и, вмѣстѣ съ этимъ, чтобы и окрестные земельные обыватели были довольны широкимъ сбытомъ продуктовъ своихъ полей.

Международная политика также не была оставлена безъ должнаго вниманія. Такъ, консулу дается совѣтъ обращаться съ крымскимъ ханомъ предупредительно и вѣжливо, избѣгая при этомъ всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ съ его подданными или сановниками. Предписывается Кабеллѣ немедленно послѣ его прибытія въ Каффу доставить Менгли-Гирею посланіе отъ протекторовъ, съ прибавленіемъ отъ себя выраженія лучшаго своего расположенія къ татарамъ и готовности поддерживать впредь неизмѣнную дружбу между двумя государствами. Также относительно князя *Тедоро* (Мангупъ) Саика (Исаакъ) и его братьевъ выражено желаніе, чтобы существующія дружескія связи и взаимное согласіе съ ними еще тѣснѣе укрѣпились со времени его недавняго посѣщенія Каффы, такъ какъ дружескія отношенія и союзный договоръ съ этимъ христіанскимъ сосѣдомъ одинаково должны приносить пользу обоимъ государствамъ.

Далѣе высказано, что тождественность интересовъ и необходимая безопасность для всѣхъ жителей Тавриды зависятъ отъ бдительности и усердія подданныхъ той и другой стороны. Напримѣръ, до свѣдѣнія Банка дошло о присутствіи въ Каффѣ среди населенія нѣкоторыхъ агентовъ, состоящихъ на жалованьи вышеупомянутыхъ правителей Менгли-Гирея и Саика, подъ видомъ сборщиковъ податей (*canluco*).¹⁾ Такъ какъ эти иноземные агенты, подъ прикрытіемъ своей миссіи, забываютъ

¹⁾ *Canluco*—ханлыкъ, взыскиваемый въ предѣлахъ генуэзскихъ колоній татарскій таможенный и всякій другой сборъ въ пользу ханской казны.

о главномъ долгѣ своемъ, какъ горожанъ — обитателей Каффы, а въ то же время и генуэзскіе граждане и во вредъ Генуѣ передаютъ татарамъ тайныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ колоніяхъ, — протекторы желаютъ заклеить этихъ агентовъ, какъ измѣнниковъ, и приказываютъ Кабеллѣ привлечь ихъ суду и строго наказывать. Если статьяи колоніальнаго Статута не достаточно предусмотрѣнъ тотъ или другой случай, то разрѣшается консулу примѣнять высшую мѣру наказанія. Сверхъ этого, слѣдуетъ принудить таковыхъ лицъ внести въ массарію тѣ суммы, которыя они получили за свое преступное мародерство, и прислать списокъ ихъ именъ въ Геную къ свѣдѣнію Банка.

Наконецъ, Кабелла уполномачивается исполнить слѣдующее, какъ только онъ пристанетъ къ берегамъ Тавриды: 1- составить инвентарь имѣющагося налицо количества оружія и военныхъ припасовъ, и тотчасъ послать этотъ инвентарь въ Геную и 2) узнать, насколько основательно донесеніе о пропавшѣ или о присвоеніи частными лицами оружія изъ складовъ крѣпостей по непростительной халатности или измѣнѣ нѣкоторыхъ хранителей арсеналовъ. Также любопытно знать точное число наемныхъ солдатъ, состоящихъ на жалованіи (*stipendari*) и внесенныхъ въ книги казначейства, а потому, въ теченіе первой же недѣли со дня своего прибытія въ Каффу, собрать всѣхъ этихъ наемныхъ во дворецъ, произвести смотръ этимъ войскамъ, записать въ законномъ порядкѣ имена и фамиліи каждаго человѣка и прислать немедленно этотъ списокъ въ Банкъ.¹⁾

„Таковы, восклицаетъ маститый генуэзскій палеографъ, порученія, врученныя протекторами Банка св. Георгія, новоназначенному въ Каффу правителю Антониотто Кабеллѣ, при его отъѣздѣ изъ Генуи, порученія, которыя, быть можетъ, покажутся намъ маловажными, но по крайней мѣрѣ умѣстными для благополучія важной колоніи. Инструкціи эти, во всякомъ случаѣ, въ каждой строкѣ дышатъ удивительнымъ политическимъ духомъ заботы, любви и глубокаго уваженія къ правосудію со стороны банковскаго присвѣтлѣйшаго комитета этого 1472 г.“²⁾

И мы, въ свою очередь, всесторонне изслѣдовавъ дѣйствія верховныхъ правителей и, со дня уступки имъ республикой своихъ правъ, фактическихъ владѣльцевъ черноморскихъ колоній, вправѣ сказать, что то, что такъ близко озабочивало пресвѣтлѣйшій комитетъ, являлось не столько счастьемъ населенія Тавриды, сколько благополучіемъ банковской казны и без-

¹⁾ Док. МХХХІ.

²⁾ *Ann.* Т. VII. р. 830.

мѣрной эксплуатаціей всѣхъ источниковъ дохода богатой каффинской колоніи.

Если въ архивѣ св. Георгія количество документовъ за предыдущій 1472 г., какъ мы уже указали, не отличается обиліемъ матеріала, то серія ихъ за 1473 годъ, среди прямо относящихся къ Каффѣ документовъ, приноситъ еще меньше жатвы для нашей работы. Между тѣмъ постепенное приближеніе нашихъ читателей къ печальной развязкѣ потрясающей драмы крушенія черноморскихъ колоній усиливаетъ все болѣе и болѣе ихъ интересъ.

Изъ 70 бумагъ едва какой нибудь десятокъ обращаетъ наше вниманіе, остальные же касаются дѣлъ генуэзскихъ поселеній въ другихъ областяхъ востока, напримѣръ, на островѣ Хіосѣ, или указываютъ на замѣщеніе въ Каффѣ, Сольдаѣ или Чембало низшихъ административныхъ должностей. Однако въ этихъ рѣдкихъ документахъ уже обрисовывается, хотя издали, возбужденіе умовъ въ каффинскомъ народѣ, положившее начало разрушенію всего столь прочнаго, казалось, зданія, какое представляла сложная колоніальная администрація. Въ этихъ документахъ впервые выступаютъ предъ нами на сцену и нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ, имена которыхъ часто будутъ появляться въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ.

Въ Генуѣ протекторы св. Георгія производили четыре раза въ году выборъ шарами служащихъ для трехлѣтней командировки ихъ въ Черноморскія колоніи и Архипелагъ. Хотя многіе изъ желающихъ записывались въ кандидаты и получали приказъ отправиться сухимъ путемъ черезъ Львовъ (*Leopoli*) въ Каффу, нѣкоторые, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, даже отъ должности консула, съ усиленнымъ окладомъ жалованія, отказывались. Изъ этого чувствуется, чтъ въ западной Европѣ, въ виду успѣшныхъ завоеваній султана на Балканахъ, дальновидные политики уже въ то время предугадывали роковой конецъ генуэзскихъ колоній на Востокѣ. Послѣ жестокихъ пораженій, понесенныхъ въ долгой борьбѣ съ Арагонскимъ королемъ и Венеціей, несмотря на храбрые подвиги и большое искусство своихъ начальниковъ и командъ, военный и торговый флотъ Генуи сильно ослабѣлъ. Коммерческія сношенія Лигурии съ ближнимъ Востокомъ и центральной Азіей, вслѣдствіе успѣховъ Турокъ и закрытія ими проливовъ, почти прекратились, и вмѣстѣ съ этимъ изсякъ притокъ таможенныхъ и другихъ доходовъ государства. Въ то же время свирѣпство-

вала опустошившая много мѣстностей въ Италіи ужасная чума, отъ которой погнбло болѣе половины жителей одной Генуи. Казна въ своихъ усиліяхъ спасти погибающій престижъ республики сильно задолжала. Недавно еще оживленная генуэзская гавань почти опустѣла, и ея дѣятельность одно время ограничивалась однимъ каботажемъ по Ривьерѣ. Частные и казенные арматоры, за недостаткомъ средствъ, остановили свои работы. Въ самомъ городѣ, закрыли свои конторы специально торговавшіе восточными товарами богатые купцы. Нѣкогда богатѣйшій банкъ св. Георгія, вслѣдствіе безпрестанныхъ ссудъ государству, былъ уже наканунѣ прекращенія своихъ операций и объявленія о своей несостоятельности.¹⁾ При такомъ положеніи дѣлъ въ самой метрополіи, спрашивается, какой помощи могли еще ожидать отъ нея генуэзцы въ Тавридѣ?

Это положеніе генуэзской республики, а также отношенія западныхъ державъ къ дѣламъ Востока, ихъ несогласіе между собою во взглядахъ на защиту угнетеннаго турками христіанства, вражда Венеціи и Испаніи съ Генуей, крайнее ослабленіе всѣхъ денежныхъ и матеріальныхъ силъ сей послѣдней, страшное усиленіе мощи турокъ послѣ занятія ими Константинополя, являются главными и прямыми причинами неизбѣжнаго крушенія брошенныхъ на произволъ судьбы таврическихъ италіанскихъ колоній. Основываясь на современныхъ реляціяхъ оставшихся въ живыхъ мѣстныхъ жителей — очевидцевъ, всѣ такъ или иначе затронувшіе вопросъ о паденіи Каффы историки истекшаго XIX столѣтія считаютъ главными причинами этой катастрофы внутреннія смуты и неурядицы среди населенія и раздоръ и вражду между членами высшей администраціи Каффы. Такъ и должно было казаться уцѣлѣвшимъ отъ кровавой расправы турокъ тавричанамъ, ибо благодаря ихъ отрѣзанности и отдаленности отъ общей всеевропейской политической обстановки, эти лица могли передать только то, что происходило у нихъ предъ глазами. Но если бы даже устранить всѣ эти внутреннія, мѣстныя причины паденія Каффы, и если бы, при полномъ единеніи своихъ силъ, въ виду ихъ отрѣзанности отъ метрополіи, кафинскія власти предприняли еще вдвое усиленныя мѣры для обороны большого города, они успѣли бы только отложить на нѣсколько мѣсяцевъ его окончательную гибель. Слѣдовательно, эти раздоры и смуты мы должны считать въ этомъ случаѣ только второстепенными причинами, способствовавшими къ ускоренію успѣховъ осадившаго Каффу врага.

¹⁾ В. Гейдъ. Т. II. Période II. Fasc. I.

Однако эти внутреннія обстоятельства настолько важны для исторіи края и столь ярко освѣщаютъ предъ нами положеніе генуэзской Каффы въ послѣдніе годы ея существованія, что мы постараемся изложить ихъ здѣсь во всей ихъ послѣдовательности и подробности. Картины эти во всякомъ случаѣ печальны, но онѣ доказываютъ намъ, насколько въ столь тревожныя минуты разногласіе умовъ и дѣйствій среди правителей и народа могло бы способствовать гибели любого государства. Этотъ раздоръ еще сильнѣе дастъ себя чувствовать, если окажутся между кафинцами вѣроломные заговорщики, какихъ въ то время оказалось не мало въ Каффѣ, люди жадные къ наживѣ, ставящіе свои личные интересы выше интересовъ государства. Чувствуя безсиліе метрополии и слабость мѣстнаго высшаго управленія, гидра измѣны отовсюду подымала свои головы. Подкупное правосудіе, коварство и продажность чиновничества всѣхъ отраслей и вѣдомствъ, ложь, клевета, доносы дружно подтачивали основаніе всего административнаго строя Каффы. Нашлись, правда, на защиту закона нѣкоторые неподкупные слуги своего гражданскаго долга, какъ, на примѣръ, самъ консулъ Каффы Антоніотто Кабелла и судакскій консулъ Христофоро ди Негро, но таковыхъ оказалось весьма малое число, и они должны были пастъ жертвами своей непоколебимой честности.

Антоніотто Кабелла, во главѣ партіи наемныхъ солдатъ, мастеровъ и младшихъ чиновниковъ, прибылъ въ Каффу 7-го апрѣля 1473 года и сейчасъ вступилъ въ должности массаро въ управленіе казначейства, на мѣсто уходившаго послѣ трехлѣтней службы консула Гоффредо Леркари. Вступилъ же онъ въ должность консула только черезъ годъ послѣ этого, на основаніи статьи Статута, на мѣсто только что взявшаго бразды правленія консула Батиста Джустиніани.¹⁾

Вслѣдъ за нимъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, является на кафинской сценѣ прямой помощникъ Кабеллы, второй массаро, Оберто Скварчіафико, дворянинъ гибеллинской партіи, вышедшій изъ Генуи согласно письму отъ Банка²⁾ 13 іюля этого же 1473 года. Скварчіафико сопровождалъ, между другими и по его настоянію, нотаріусъ Антоніо Боцело, коему было представлено мѣсто главнаго инспектора въ канцеляріи городского кафинскаго правленія.³⁾

¹⁾ Док. MLXXII.

²⁾ Док. MLXX.

³⁾ Док. MLXI и MLXII.

Осенью 1473 года, скончался Мамакъ, префектъ Кампаніи (тудунъ), о чемъ немедленно были извѣщены протекторы, и на его мѣсто, съ согласія хана, вступилъ его братъ Эминекъ.¹⁾ Въ началѣ своего правленія новый префектъ казался весьма благорасположеннымъ къ кафинскимъ властямъ. Эти послѣднія, какъ и протекторы, очень обрадовались появленію этой личности въ области ихъ сношеній съ татарами. Спокойствіе съ этой стороны политики было тѣмъ болѣе выгодно для Каффы, что доставка всего продовольствія въ городъ зависѣла почти исключительно отъ привоза изъ Кампаніи, преимущественно хлѣба, фруктъ, зелени, мяса и топлива. Кромѣ этого, дружба съ Эминекомъ должна была во многомъ способствовать разрѣшенію многочисленныхъ чисто административныхъ вопросовъ съ вліятельными мурзами и другими татарскими сановниками.²⁾

Однако эти добрососѣдскія отношенія продержались недолго. Ихъ нарушили своимъ коварствомъ, какъ увидимъ дальше, сами генуэзцы. Эминекъ вскорѣ возгордился своимъ высокимъ положеніемъ. Судя по его поступкамъ, онъ въ душѣ ненавидѣлъ пришельцевъ — колонистовъ и вообще всѣхъ христіанъ, и, какъ горячій патріотъ — татаринъ, любящій свою родину, мечталъ объ уходѣ изъ предѣловъ Крыма всѣхъ генуэзцевъ. Воспитанный въ этомъ направленіи политикой покойнаго Хаджи-Гирея, Эминекъ съ трудомъ подчинялся взглядамъ новаго хана Менгли. Данная ему власть тудуна предоставляла ему почти неограниченныя права въ предѣлахъ Кампаніи, почему не трудно было ему подчинять своимъ желаніямъ всѣхъ окрестныхъ татаръ — помѣщиковъ и ввести въ эту область новые невыгодные для Каффы порядки. Постепенно подыскавъ почву для открытія своихъ дѣйствій противъ генуэзцевъ, онъ нашелъ ее вскорѣ въ самомъ поведеніи нѣкоторыхъ главныхъ правителей Каффы.

Въ то время, какъ Эминекъ осторожно готовилъ свои коварные планы, Гоффридо Леркари, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Каффѣ, передалъ свои полномочія главному массару Джіустиніани, который вступилъ въ должность консула, и лѣтомъ 1473 года отправился на родину. Въ Генуѣ, согласно закону, Леркари долженъ былъ предстать передъ верховнымъ совѣтомъ Банка для отвѣта на нѣкоторыя обвиненія въ погрѣшностяхъ по службѣ. Необходимо здѣсь отмѣтить, что управленіе этого консула было не изъ легкихъ. Уже при консулѣ

¹⁾ Док. MLXXII.

²⁾ Док. MLXXII.

Кьявроѣ (1471—72 г.) очень трудно было удержать многочисленное и разнохарактерное населеніе въ рамкахъ законности. Каждый день, подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, возникали споры и беспорядки на экономической, соціальной или религіозной почвѣ, поднимались финансовыя, торговыя, семейныя и даже матримоніальныя недоразумѣнія и вопросы, въ разрѣшеніе которыхъ неизбѣжно долженъ былъ вникнуть и распорядиться самъ консулъ. Послѣ мягкаго, благороднаго Кьяврои, оставившаго своему преемнику въ наслѣдство множество такихъ вопросовъ, принялъ бразды правленія смѣлый морякъ, энергичный, горячаго характера Леркари, и нельзя, поэтому, удивляться, если этотъ консулъ, въ виду неотложныхъ требованій момента и отдаленности Генуи, могъ иногда переступить за предѣлы предоставленнаго ему права. Впрочемъ, представъ предъ верховнымъ судомъ въ Генуѣ (*sindicamento*), Леркари далъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты на всѣ брошенные на его голову обвиненія.

Для полноты нашего обзора каффинскаго архива за 1473 г. слѣдуетъ еще отмѣтить нѣкоторыя распоряженія протекторовъ по адресу консула Леркари. Крайне нуждаясь въ денежныхъ средствахъ, Банкъ св. Георгія, естественно, озабочивался отысканіемъ новыхъ источниковъ доходовъ своихъ колоній и, вмѣстѣ съ этимъ, ограниченіемъ въ расходахъ по содержанію многочисленныхъ служащихъ чиновниковъ и наемныхъ солдатъ. Поэтому протекторы приказываютъ, между прочимъ, консулу и массарамъ не выходить изъ смѣты ассигнованія суммъ для построекъ и ремонта зданій во всѣхъ колоніяхъ. На ремонтъ защитной стѣны и башенъ въ Каффѣ приказано израсходовать въ этомъ году не болѣе 150 соммъ. Впрочемъ, разрѣшалось консулу, если понадобится, истратить еще накопившіяся деньги отъ штрафовъ по судебнымъ опредѣленіямъ, а также отъ наказаній ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ и адвокатовъ, провинившихся въ веденіи процессовъ частныхъ лицъ въ Сольдаѣ и Чембало. Оказалось, что эти адвокаты, затягивая подѣ разными предлогами иногда даже не существующія дѣла, вводили въ расходы тяжущіяся стороны, преимущественно неграмотныхъ и бѣдныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ (*nulla habita ratione honestatis et proprie conscientie, cum turpibus et inhonestis contractibus, stipendia multorum pauperum devorare*).¹⁾

Несмотря на то, что консулъ Батиста Джустиніани, послѣ ухода Леркари, вступилъ въ должность управленія колоніей еще

¹⁾ Atti. T. VII. fasc. I. pag. 20.

въ сентябрѣ 1473 года, этотъ высоко образованный правовѣдъ, изъ партіи гибеллиновъ, не былъ въ силѣ, кромѣ вызова противъ себя неудовольствія всѣхъ слоевъ населенія, ввести успокоеніе и должный порядокъ на улицахъ Каффы. Помимо нарушеній общественнаго спокойствія среди рабочаго люда на базарахъ и въ порту, намъ необходимо отмѣтить выходящее изъ ряда обыкновеннаго нарушеніе порядка, вызвавшее сильное волненіе въ финансовыхъ, купеческихъ и ремесленныхъ кругахъ, со стороны нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ гражданъ.

Отдѣльный приказъ протекторовъ²⁾ строго порицалъ дѣйствія каффинскихъ частныхъ банкирскихъ домовъ, злоупотреблявшихъ довѣріемъ своихъ вкладчиковъ и кредиторовъ. Всячески стѣсненные банками колоніальные торговцы въ теченіе 1473 года писали въ Геную множество писемъ, въ которыхъ излагались необычайные поступки этихъ кулаковъ. Оказалось, что всѣ эти финансисты, составивъ между собою стачку, вмѣсто звонкой монеты, въ уплату какой бы ни было суммы выдавали своимъ кредиторамъ собственные бумажные, неимѣвшіе хода въ торговлѣ банкноты. Кредиторы же на подобныя удостовѣренія не могли производить своихъ частныхъ платежей, а мѣнялы взыскивали съ нихъ крупный процентъ за размѣнъ. Между тѣмъ мѣнялы являлись тѣми же банкирами, наживавшими такимъ путемъ громадныя деньги съ мелкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Подобный ажютажъ поднималъ въ ежедневномъ обыходѣ громкія недоразумѣнія, и, вслѣдствіе постоянныхъ жалобъ коммерсантовъ, протекторы рѣшили издать постановленіе, обязательное для всѣхъ банкировъ и мѣнялъ въ Каффѣ.

На основаніи этого постановленія ни одна банкирская фирма не имѣла права открыть свои операціи, не представивъ до начала года обезпеченія въ 2000 соммъ, со взаимной круговой порукой, обязательной для каждаго банкира отдѣльно, не меньше 1000 аспръ, вносимой въ мѣстное центрально-колоніальное казначейство (*massaria*). Прежде чѣмъ выдать разрѣшеніе на право открытія конторы, консулъ и его ассистенты по финансовой части и масары должны были удостовѣриться въ фактическомъ взносѣ этой залоговой суммы въ государственную кассу.

Въ добавокъ къ этому, управляющій банкомъ или самъ банкиръ былъ обязанъ въ тѣ дни и часы, въ которые, по мѣстному обычаю, должна была открываться его контора, заботиться о присутствіи въ ней кассира при отпертой кассѣ. Эта

²⁾ Док. MLXXXIV.

послѣдняя должна была содержать заготовленную въ звонкой монетѣ необходимую сумму денегъ для удовлетворенія всякаго кредитора, безъ всякаго отлагательства и препирательства. При малѣйшей жалобѣ консулъ былъ обязанъ по закону принудить банкира исполнить требованіе кредитора или привлечь виновнаго къ суду. Изъ внесеннаго годового залога на право открытія банка судья взималъ пятьдесятъ соммъ штрафа. Требуемая кредиторомъ сумма должна была быть уплочена въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, подъ угрозой взысканія десяти процентовъ сверхъ этой цифры въ пользу этого же кредитора. Кромѣ этого, было постановлено, что никто изъ кредиторовъ не могъ быть принужденъ банкиромъ, безъ его согласія или по письменному договору, къ принятію отъ банка какого бы ни было письменнаго обязательства.

Наконецъ, ордеръ протекторовъ повелѣвалъ консулу и мазарамъ немедленно послѣ полученія изъ Генуи приказа при звукахъ трубъ и барабана обнародовать его содержаніе по всѣмъ улицамъ, перекресткамъ и площадямъ Каффы.

Это новое и строгое распоряженіе верховнаго правительства произвело, разумѣется, большое смятеніе въ финансовомъ мірѣ колоніи. Нѣкоторые дома сразу ему повиновались и внесли въ казначейство пововведенный залогъ, другіе попытались, но безуспѣшно, протестовать, третьи немедленно закрыли конторы и ликвидировали свои дѣла, но народъ былъ очень признателенъ правительству за оказанную ему защиту отъ жадныхъ эксплуататоровъ:¹⁾ Между тѣмъ въ колоніальномъ отдѣленіи Банка св. Георгія получалось много частныхъ и официальныхъ данныхъ изъ Каффы объ экономическомъ и житейскомъ положеніи города, особенно въ первые мѣсяцы 1474 года. Хотя большая часть этой интересной корреспонденціи не дошла до насъ и исчезла совершенно изъ архива св. Георгія, мы имѣемъ однако свѣдѣнія о ея содержаніи изъ сохранившихся отвѣтовъ на нихъ въ посланіяхъ протекторовъ на имя каффинскаго консула. Изъ этихъ документовъ видно, между прочимъ, что въ Каффѣ, одновременно съ вызываемыми банкирами безпорядками, продолжали волновать населеніе жгучіе, отчасти неразрѣшимые вопросы. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно религіозно-общественные вопросы, охватившіе ту или другую часть населенія, напримѣръ, знаменитый споръ объ армянскихъ епископахъ, возникали внезапно, доходя до крайняго ожесточенія, и на время утихали, готовые вспыхнуть вновь при первомъ случаѣ. Въ ян-

¹⁾ Док. MLXXXIV.

варѣ 1474 года волненія на почвѣ выборовъ армяно-католическаго епископа, казалось, замерли окончательно, и генуэзское духовное управленіе, какъ и самъ консулъ, уже возмечтало объ успокоеніи умовъ, но въ концѣ апрѣля этотъ вопросъ былъ опять въ полномъ разгарѣ борьбы. Армяно-католическая община вновь, подъ подстрекательствомъ нѣкоторыхъ вожаковъ, раздѣлилась на двѣ діаметрально непримиримыя партіи. Враждебныя столкновенія возобновились вокругъ церквей, и безпорядки, продолжавшіеся цѣлую недѣлю, вновь утихли: Между тѣмъ въ послѣдніе дни мая внезапно зажженный незначительной искоркой возгорѣлся въ Каффѣ новый пожаръ.

Въ одно весеннее утро армяне узнали о похищеніи изъ дома ея родителей молодой, еще несовершеннолѣтней дѣвицы считавшимся ея женихомъ, сыномъ богача—банкира Котуль-бея. Это происшествіе подняло во всемъ городѣ неопишное волненіе. Вражда къ богачамъ, уже и безъ того разоженная дѣломъ о банкирахъ и вопросомъ о епископахъ, легко нашла себѣ пищу въ этомъ ничтожномъ инцидентѣ. „Но въ крови армянской націи, по выраженію генуэзскаго историка,¹⁾ вѣками выработалась инстинктивная манія, жгучая склонность къ спорамъ, придиркамъ и тяжбамъ“. Друзья отца дѣвицы, съ пѣной у рта, закричали караулъ: „Долой Котуль-бея, смерть ему!“ На площадкѣ св. Георгія, предъ консульскимъ дворцомъ, разъяренная толпа требовала возмездія и помощи властей.

Несмотря на категорическое по Статуту²⁾ и неоднократно повторяемое протекторами запрещеніе консуламъ и латинскимъ духовнымъ властямъ вмѣшиваться въ семейныя и религіозныя распри инородцевъ, консулъ Джіустиніани, подобно своему предшественнику Леркари, съ цѣлью немедленнаго успокоенія умовъ, принуженъ былъ вмѣшаться и въ это дѣло. Однако Котуль-бей упорно защищалъ своего провинившагося сына и отказывался указать укромное убѣжище, укрывшее похищенную красавицу. Увѣщеванія и угрозы какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ властей оставались безуспѣшными. Противозаконно захватившій кафедру армянскій епископъ Теръ-Ованесь, родственникъ банкира, защищалъ виновника, и страсти толпы все возгарались съ новой интенсивностью. Латинскій епископъ, доминиканскій монахъ Джироламо Панисари, воздержавшись впутываться въ дѣло иновѣрческой общины, отправилъ, сов-

¹⁾ *Vigna*.—*Atti*. T. VII, parte II, fasc. I, pag. 70.

²⁾ *Statutum Caphac*. *Atti*—T. VII, fasc. II.

мѣстно съ консуломъ, подробный рапортъ объ этомъ дѣлѣ въ Геную.

Наконецъ, протекторы предложили консулу, что если партія похитителей откажется поручить надзоръ за узницей третьему вполне надежному и незаинтересованному лицу, созвать совѣтъ изъ двѣнадцати почтенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ гражданъ изъ армянской общины вмѣстѣ съ латинскимъ епископомъ. Этотъ совѣтъ долженъ былъ подъ присягой произнести свое окончательное рѣшеніе о правильности мнѣнія армяно-католическаго епископа относительно передачи похищенной дѣвицы въ руки надежнаго опекуна. Если же совѣтъ избранныхъ найдетъ это рѣшеніе неправильнымъ, то протоколы засѣданія должны были быть для просмотра отправлены въ Геную, и, въ ожиданіи отвѣта протекторовъ, дѣвица должна была быть вырвана силой изъ рукъ Котуль-бея и поручена кружку отвѣтственныхъ лицъ, не взирая на оппозицію враждебной партіи, до окончательнаго рѣшенія дѣла. „Такимъ образомъ, стремясь къ успокоенію умовъ въ своей колоніи, протекторы, по справедливому выраженію Вишня, перенесли эту тяжбу изъ общинной паствы къ веденію одного его пастыря“. И въ самомъ дѣлѣ, политическій расчетъ протекторовъ былъ вѣренъ, вопросъ современемъ созрѣлъ и разрѣшился самъ собою. Невѣста выросла до совершеннолѣтія и вышла замужемъ за своего любимаго жениха, сына Котуль-бея.¹⁾

Въ одномъ и томъ же приказѣ на имя консула и другихъ высшихъ администраторовъ колоніи, отъ 24 мая 1474 г., кромѣ дѣла о дѣвицѣ, протекторы снова не оставляютъ безъ вниманія упорно тянувшагося безъ разрѣшенія вопроса объ избраніи армянскихъ епископовъ. Оказывается, что уходившій консулъ Гофредо Леркари и его замѣститель Батиста Джіустиніани не сошлись во мнѣніи о правахъ двухъ претендентовъ на кафедру. Въ то время какъ Леркари, вопреки приказу константинопольскаго патріарха, поддерживалъ кандидатуру священника Деръ-Карабета (Теръ-Карабетъ), патера вполне достойнаго, скромнаго нрава, покровителя и защитника бѣдной части общины и мѣстнаго уроженца, Джіустиніани смѣстилъ его съ должности и назначилъ епископомъ священника Деронанеса (Теръ-Ованесь), челоуѣка честолюбиваго, недостойнаго этого сана, подлаго интригана, обвиненнаго въ коварствѣ и неповиновеніи своему начальству и кандидата партіи богачей во главѣ съ его родственникомъ, банкиромъ Котуль-беемъ. Леркари, вернув-

¹⁾ Док. MLXXXVII и MLXXXVIII.

шись въ Геную, между прочимъ, обвинялъ въ этомъ отношеніи своего замѣстителя въ продажности и попустительствѣ.¹⁾ Протекторы приказывали Кабеллѣ имѣть строгій надзоръ за поведеніемъ Деронанеса, епископа, какъ они выражались, чужого странѣ, хитраго и смѣлаго, способнаго въ послѣдствіи возмутить общество и вообще вреднаго для города, если онъ не успѣлъ уже совратить умы своихъ единовѣрцевъ (*et presertim quia ipse dominus Deronanes dicitur in paucis predicationibus subvertisse totum fere populum armenorum, et cum dicatur esse dives, astutus et alienigena et antea inobediens sive non gratus domino patriarche, ut copia litterarum ejus tunc nobis transmissa testatur*).²⁾ Поэтому, не можемъ и мы достаточно осуждать ошибку Джіустиніани, допустившаго на высокій, руководительскій постъ столь безпкойной части населенія такого пастыря, какимъ, по свидѣтельству самого патріарха, являлся Деронанесь. Это злополучное попустительство бывшаго консула послужило, какъ увидимъ въ послѣдствіи, ферментомъ броженія въ ту минуту, когда требовалась поддержка генуэзцамъ со стороны населенія. Прозорливость протекторовъ въ осужденіи этого пастыря оказалась вполне умѣстной, и недаромъ предупреждали они Кабеллу о его коварствѣ (*Studeatis, caute tamen et moderate, providere quod episcopus ipse se non intromittat in his quod officium suum pertinet. Et si forsitan judicaveritis residentiam ejus in civitate posse in futurum vel scandala vel pericula generare*).³⁾

Дальше, въ этомъ же приказѣ совѣтуется, во избѣжаніе всякихъ треній и столкновеній съ сосѣдними государствами, кафинскимъ властямъ уладить вопросы о конфискаціи товаровъ живущихъ въ Каффѣ подданныхъ валахскаго воеводы Стефана и московскаго царя возвращеніемъ имъ имущества или возмѣщеніемъ за понесенную конфискацію, уплатой деньгами или другимъ способомъ (*pertinet ad denuntiationem..... concessorum subditis domini stephani roicrove et arrestationem bonorum subditorum de lo mosco..... pro satisfactione damnorum nostris illatorum per ipsum dominum..... Dicimus semper nobis displicere impositiones et discordias inter illam civitatem et alias dominationes illius maris.....*).⁴⁾

¹⁾ Изъ этого можно подозрѣвать, что Леркари, членъ гвельфской народно-политической партіи, враждебно относился къ дворянину гибеллину Джіустиніани.

²⁾ Atti. T. VII, 103.

³⁾ Codice diplomatico T. VII, parte II, fasc. I.

⁴⁾ Ibid. 104.

„Счастливы тѣ народы, восклицаетъ въ своихъ комментаріяхъ, взирая на каффинцевъ, маститый генуэзскій палеографъ, которые во-время послушаются мудрыхъ совѣтовъ своихъ руководителей, иначе, увы! они могутъ слишкомъ поздно раскаться за свое роковое неповиновеніе“.¹⁾ И далѣе, по поводу пріѣзда въ Каффу двухъ опытныхъ артиллеристовъ, нѣмца Боккарда (Bochard) изъ Страсбурга и италіанца Джіовани Колонія (peritos in arte et ministerio bombardarum):²⁾ „Но что поможетъ матеріальное оружіе для спасенія города, пожираемаго партіями, раздирающаго собственное сердце чувствительнѣе, чѣмъ вражеское желѣзо“?³⁾.

Но въ пору еще выбрался изъ Каффы, избѣгши, такимъ образомъ, общей гибели, ученый законовѣдъ, викарій Джіанъ-Франческо Иполити, который по безотложнымъ семейнымъ обстоятельствамъ прибылъ въ Геную лѣтомъ 1474 года, послѣ трехлѣтняго отправленія правосудія въ Тавридѣ. Въ архивѣ св. Георгія хранится адресованный Банку каффинскимъ консуломъ Джіустиніани, датированный 24 іюля 1474 г. похвальный аттестатъ о мудрой и честной службѣ викарія Иполити.⁴⁾ Между прочимъ, консулъ пишетъ: „*Hic spectabilis juris utriusque doctor, sincere et gloriose se habuit in officio suo, casus et causas domui suae imminentes, cum grata ac benigna licentia in lares patrias se quamprimum transferre disposuit via Ianue, suas virtutes et fulgentem famam demonstravit in regimine officii sui, tenemur apud dominationes vestras commendare*“. Комментируя эту похвальную аттестацию колоніальнаго главы, Винья пишетъ: „Какая рѣдкая находка среди такого народа и во время столь бурныхъ и раздираемыхъ волнами партій!... И благо ему, доблестному судѣе, спасшемуся отъ достопамятной катастрофы“!

Впрочемъ, этотъ человѣкъ, удостоившійся подобной рѣдкой чести за исполненіе своего долга, не былъ одинокъ въ Каффѣ. Его сопровождали на пути въ Италію три брата доминиканцы—армяне изъ Каффы, одинъ изъ которыхъ былъ генераль-суперіоръ ихъ конгрегации въ Тавридѣ, именуемой *Frati-Uniti*. Они отправлялись въ Римъ испросить льготы для общей религіозной пользы своихъ согражданъ—армянъ у святого престола. Всѣ три монаха, какъ сказано въ сопроводительномъ свидѣтельствѣ отъ консула и совѣта старшинъ, выдѣлялись *pre*

¹⁾ Ibid. 72.

²⁾ Doc. MCVIII.

³⁾ Atti. T. VII, parte I, fase. II.

⁴⁾ Doc. MCVII.

ceteris in hac civitate degentibus, vitae sanctimonia ac morum observantia. Они везли еще похвальную рекомендацію къ протекторамъ съ просьбой поддержать ихъ миссію предъ римской курией.¹⁾ Это были яркіе, рѣдкіе цвѣтки среди плевелъ, три скромные брата—монахи и одинъ старый, неподкупный судья!

Между тѣмъ, въ бурномъ морѣ партійныхъ распръ, не взирая на угрожавшія подготовленія къ нападенію на Тавриду со стороны султана Магомета II, равно и на постоянныя увѣщанія протекторовъ къ единенію и сплоченію всѣхъ силъ колонистовъ, глупое населеніе и слѣпая администрація не переставали подтачивать основаніе государственнаго зданія.

Какъ мы уже писали въ другомъ мѣстѣ,²⁾ одна корысть руководила всѣми умами кафинцевъ, одно дикое стремленіе къ наживѣ. Погоня за деньгами, начатая еще въ 1473 г., охватила теперь всѣ классы населенія, особенно купеческаго. При этомъ нужно замѣтить, что, вслѣдствіе закрытія турками проливовъ, морскія торговыя сношенія съ Каффою ограничивались одними черноморскими и азовскими портами, а съ суши караваны съ товарами изъ Львова, Астрахани и Москвы, вслѣдствіе опасенія ограбленія степными кочующими племенами, все рѣже и рѣже направлялись на Каффу. Притокъ денегъ въ колоніальную кассу значительно уменьшался. Кафинская казна ограничивалась въ это время одними взысканіями податей, скудными таможенными и городскими сборами и штрафами. Сольдайскій консуль Христофоро ди Негро судился безуспѣшно съ тремя братьями Гуаско, арендаторами д. Ускуята, не признававшими надъ собою никакой власти. Кафинскіе масары то и дѣло ѣздили въ Козы, Судакъ, Гурзуфъ и Балаклаву, подбодряя словомъ и повѣстками землевладѣльцевъ, виноградарей и рыбаковъ. Другіе чиновники казначейства командировались моремъ къ дельтѣ Кубани, въ Копу, гдѣ богатымъ рыбнымъ заводамъ угрожало разореніе отъ кавказскихъ князьковъ.

Конкретнымъ показателемъ того, что происходило въ то время въ умахъ кафинцевъ, является документъ отъ 3 сентября 1474 года за подписью десяти купцовъ съ италіанскими фамиліями и одного грека.³⁾

Еще въ началѣ консульства Гофредо Леркари (въ 1773 г.) одинъ изъ направившихся изъ Венгріи въ Каффу караванъ съ

¹⁾ Док. МСVIII.

²⁾ Каффа въ эпоху правленія ею Банкомъ св. Георгія. „Извѣстія“ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, № 47.

³⁾ Док. МСII.

товарами подвергся нападенію степныхъ жителей при переправѣ черезъ Днѣпръ и былъ ограбленъ. Въ генуэзскихъ документахъ эти разбойники названы казаками, подданными царя московскаго (*per publicos latrones et cozachos illius domini de mosco, depredatores illius caravane nostre que ex illis partibus veniebat*). Не считаясь съ великою опасностью, угрожавшею ихъ владѣніямъ, подписавшіеся подъ вышеуказаннымъ документомъ купцы обращаются съ просьбой къ протекторамъ, жалуясь на кафинскій судъ, что вотъ уже два года, какъ тянется ихъ дѣло, и они не могутъ получить денегъ за потерянные ими товары. Желая прійти потерпѣвшимъ на помощь, судъ рѣшилъ, по праву возмездія, отплатить грабителямъ тѣмъ-же, и въ виду того, что виновники не могли быть пойманы, не дождавшись отвѣта изъ Генуи, этотъ же судъ обратилъ свой приговоръ на ни въ чемъ неповинныхъ проживавшихъ въ Кафѣ русскихъ купцовъ. Всѣ московскіе комерсанты были задержаны и посажены въ тюрьму, и ихъ имущество конфисковано. Кафинскіе генуэзскіе купцы прекратили свои торговыя сношенія съ сѣверомъ и потребовали отъ колониальныхъ властей распродажи арестованныхъ русскихъ товаровъ и уплаты за свои потери. Такъ и поступилъ консулъ Леркари, однако вырученную отъ этой продажи сумму онъ препроводилъ въ масарію. Неудовлетворенные этимъ кафинскіе купцы обратились тогда съ прошеніемъ въ Москву къ царю, но царь оставилъ ихъ ходатайство безъ отвѣта.

Нужно полагать, что когда кафинскіе купцы писали свое прошеніе (4-го сентября) протекторамъ, то распоряженіе этихъ послѣднихъ еще не прибыло по адресу консула. Уѣхалъ еще лѣтомъ на родину Леркари, виновникъ респрессивныхъ мѣръ, принятыхъ судомъ противъ московскихъ купцовъ. Уѣхалъ также въ Геную и консулъ Джіустиніани, такъ что рѣшеніе Банка долженъ былъ исполнить Кабелла съ его ближайшими сослуживцами. Это рѣшеніе Банка вполне соответствовало взглядамъ, сужденію и политическому положенію протекторовъ въ данномъ моментѣ. Они категорически приказывали колониальнымъ властямъ возмѣстить обиженныхъ московскихъ торговцевъ за понесенные ими убытки и немедленно освободить изъ тюрьмы. Въ этомъ рѣшеніи ими руководило болѣе высокое и здоровое стремленіе, нежели презрѣнная скарденность кафинцевъ. Опасеніе возмездія со стороны московскаго царя въ такой опасный моментъ, когда рѣшалась судьба всѣхъ генуэзскихъ владѣній на Востокѣ, требовало отъ Банка рѣшительнаго шага. Спасеніе отъ гибели всего государства являлось для него болѣе

важнымъ общественнымъ долгомъ, чѣмъ жертва капиталовъ какого нибудь десятка жадныхъ торгашей. „*Salus reipublicae suprema lex esto!*“, писали протекторы консулу.¹⁾

Въ самомъ дѣлѣ, тяжело больной чувствовала себя кафинская колонія въ эти послѣдніе мѣсяцы 1474 года. Грозный Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ богатой и цвѣтущей Тавридой, и ниоткуда не могла она ждать спасенія.

Гордая Каффа, эта царица Чернаго моря (la regina del mar nero), съ 70-тысячнымъ населеніемъ, за своими высокими, мощными стѣнами и 26 башнями, нѣкогда побѣдоносно выдерживавшая три года осаду татарской орды Джани-бека,²⁾ очутилась безпомощной, ибо какой защиты могла она ждать отъ какихъ нибудь трехъ сотъ наемныхъ солдатъ съ нѣсколькими десятками бомбардъ противъ цѣлой армады въ 480 военныхъ турецкихъ кораблей, вооруженныхъ сильнѣйшей осадной артиллеріей!

Однако, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему повѣствованію о страшномъ событіи крушенія всѣхъ италіанскихъ поселеній на Черномъ морѣ, мы вынуждены, въ виду важности матеріала, нѣсколько остановиться надъ этимъ разборомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ матеріалъ представляетъ собою отчасти повтореніе уже намъ извѣстнаго, правда, съ нѣкоторыми новыми, но спутанными свѣдѣніями. Прогномы нашей печальной исторіи о гибели Каффы требуютъ отъ насъ болѣе точнаго ихъ разбора, ибо драгоцѣнный архивъ св. Георгія за этотъ краткій періодъ видимо истощается. Рѣдкіе документы, оставшіеся въ нашемъ распоряженіи, являются слишкомъ цѣннымъ достояніемъ исторіи, чтобы мы могли пройти мимо этихъ почтенныхъ листковъ безъ должнаго вниманія. Между тѣмъ, по своему содержанію, эти документы настолько связываютъ насъ съ важными событіями слѣдующаго и послѣдняго (1475 г.) года существованія генуэзской Каффы, что мы принуждены пока умолчать здѣсь о нихъ, такъ какъ они составятъ предметъ слѣдующей нашей статьи.

Для полноты нашего описанія кафинскихъ событій 1474 г. скажемъ только, что Антоніотто Кабелла, этотъ несчастный, но доблестный консулъ, бывшій почти годъ старшимъ масаромъ Каффы, принялъ жезлъ правленія надъ всѣми генуэскими черноморскими колоніями 31 іюля изъ рукъ и по приказу своего предшественника — начальника, Батисты Джіустиніани, какъ ска-

¹⁾ *Atti*. T. VII. Parte I. 76.

²⁾ 1345 — 1348 г. г.

зано въ подлинномъ письмѣ Кабеллы къ протекторамъ отъ 14 сентября 1474 г.: „*Posia che fui la intrata in consolato la quale fo die dominica XXXI julii. quia sic processit de voluntate domini batiste justiniani, non scripto a vostre signorie*“.¹⁾

Батиста Джіустиніани оставилъ Каффу 4 сентября 1714 г. на пути въ Геную, можно сказать, на полный произволь жгучихъ страстей и безумной борьбы одной части населенія съ другой, общины съ епископомъ, гражданской власти съ духовной и, что еще хуже, самаго честнаго консула съ его прямыми совѣтниками, масарами — предателями, Скварчіафико и Франческо Фіески.

Л. Колли.

¹⁾ Док. МСVІ.

Скифо-сарматскіе курганы Крымской степи.

Крымская степь хотя и обособлена географически, но столь не велика по своимъ размѣрамъ, что никогда не могла имѣть особаго и сильнаго населенія, отдѣльной исторіи и какой-либо особой культуры или даже отгѣнка ея. Къ тому же она въ общемъ имѣетъ плохую почву и безводна. Лучшій районъ по почвѣ и орошенію — площадь, прорѣзываемая Салгиромъ. Откуда бы ни пришло основное населеніе Крымской степи, въ политическомъ и культурномъ отношеніи оно должно было подчиняться своимъ сосѣдямъ, какъ варварамъ, такъ и грекамъ. Раскопки здѣшнихъ скифо-сарматскихъ кургановъ не только подтверждаютъ такое теоретическое предположеніе, но обѣщаютъ дать точный матеріалъ для сужденія о томъ, откуда именно въ разное время шло сюда культурное вліяніе.

Но для рѣшенія такого вопроса пока еще не собрано необходимаго матеріала, такъ какъ достаточныхъ раскопокъ въ курганахъ Крымской степи еще не произведено. Когда опытъ солидныхъ раскопокъ 1890—1892 и 1895 г.г. въ окрестностяхъ Симферополя обнаружилъ, что хотя крымскіе курганы и отличаются рѣдкою сохранностью, но на добычу интересныхъ и художественныхъ находокъ въ нихъ нельзя рассчитывать, раскопки были прекращены и перенесены въ иной, болѣе богатый районъ. Къ тому же эти курганы обильно перемѣшаны съ насыпями, заключающими убогія погребенія скорченныхъ костяковъ. Одинъ изъ изслѣдователей на два десятка кургановъ пошелъ всего лишь одинъ сарматскій, а другой получилъ болѣе благоприятные результаты (1:3) лишь потому, что стремился подвергать раскопкѣ высокія насыпи, пренебрегая малыми. Раскопки носили именно пробный характеръ, вслѣдствіе чего кургановъ было вскрыто не много, на обрядъ погребенія въ нихъ не обращено прилежнаго вниманія, вещи остались не изученными. Будемъ надѣяться на новыя раскопки, а пока картина крымскихъ сарматскихъ кургановъ выходитъ по необходимости одновременно и блѣдною, и пестрою.

Анализомъ раскопанныхъ кургановъ устанавливаются слѣдующія группы ихъ:

1) *Курганы съ значительными грунтовыми ямами, стѣнки которыхъ выложены изъ камня.* Таковъ курганъ, раскопанный въ 1891 г. въ имѣніи Талаевой (Отчетъ Археологической Коммиссіи 1891 г., стр. 76). Насыпь высотой 1½ саж.; въ ней близъ края выложена круглая стѣнка изъ большихъ камней въ одинъ рядъ. Яма, размѣровъ 5½×2½×3 саж., покрыта деревомъ, а по нему кучею камней, въ діаметрѣ 2½ саж., т. е. выходя за предѣлы ямы, высотой до 1½ арш. Стѣнки ямы тщательно выложены изъ камней въ одинъ рядъ и смазаны по поверхности известью. Посрединѣ высоты насыпи надъ могилою амфора съ надписью вглубь. Скелетъ лежалъ головою на З. На шеѣ гладкая золотая гривна съ головками львовъ на концахъ; на правой рукѣ золотое кольцо спиралью, на лѣвой серебряный перстень съ круглою наставкою, поясъ изъ узкихъ мѣдныхъ пластинокъ. Справа 3 копья и 2 дротика, у пояса точилка съ отверстіемъ въ золотой оправѣ съ эмалью; слѣва бронзовыя стрѣлки. Гдѣ-то у пояса еще интересный желѣзный топорикъ, узкій, съ широкимъ лезвіемъ, обтянутый по рукояти золотою лентою. Въ ногахъ рогъ съ какою-то оправою изъ тонкаго серебра и остатки, можетъ быть, мѣднаго шлема, съ подбойкой изъ кожи. Въ Ю.-З. углу „полочка“ изъ камней, на которой кости ногъ быка и желѣзный ножъ съ постоянною рукоятю, въ остальныхъ трехъ углахъ по амфорѣ.

По обряду погребенія данный курганъ имѣетъ ближайшія аналогіи въ Терскихъ курганахъ со скорченными костяками, а затѣмъ въ Пятигорскихъ могильникахъ, открытыхъ Самоквасовымъ (Могилы Русской Земли, стр. 26 и 123); желѣзный топорикъ по формѣ также напоминаетъ ближе всего кобанскіе и закавказскіе бронзовые топоры. Остальныя вещи всѣ попадаютъ въ курганахъ Босфорскаго типа, кромѣ поясовъ изъ чешуекъ, попадающихся чаще всего въ Полтавскихъ курганахъ.

Курганъ № 2-й на Дѣртъ-оба (Отч. Арх. Комм. 1892 г. стр. 10) прикрывалъ яму, повидимому, небольшихъ размѣровъ, закрытую накатомъ изъ бревенъ на заплечикахъ со стѣнками, выложенными изъ плитняка въ 15 рядовъ; можетъ быть, былъ деревянный срубъ, кучи камней сверху не было. Дно (не все) выложено было большими необдѣланными плитами; на нихъ сидячій женскій скелетъ, ногами на В., при которомъ найдены золотыя бляшки—въ видѣ зайчиковъ съ 2 привѣсками и безъ нихъ (38), сфинксовъ (9), химеръ (18), львовъ (2), пара золо-

тыхъ серегъ калачикомъ съ головою грифона, 7 мозаичныхъ бусь, 8 мелкихъ, серебряное кольцо. При расчисткѣ могилы подняты: бронзовый (?) наконечникъ копья, серебряное кольцо, костяное пряслице. У З. стѣны амфора, у В. двѣ: въ Ю.-З. углу тарелка изъ красной глины съ жел. стержнемъ (вилка?), въ Ю.-В. углу бараньи кости и желѣзный ножъ съ полою жел. рукоятью; въ С.-З. углу 2 горшечка (одинъ съ черной поливой, другой со слабою поливою). Красноглиняная патера, оригинальный ножъ говорятъ, можетъ быть, за относительно позднее время, а типы вещей ведутъ ближе всего къ припорожскимъ и кievскимъ курганамъ; подобныя серьги встрѣчены до сихъ поръ только въ этихъ курганахъ.

2) *Курганы съ большими ямами и съ особымъ отдѣленіемъ для костяка.* Лишь одинъ курганъ (Дѣртъ-оба № 1-й; Отч. Арх. Комм. 1892 г., стр. 7). Внутри, близъ края, кольцо изъ огромныхъ камней, мѣстнаго известняка; не столь большіе камни лежатъ также по матеріку, особенно въ сторонѣ головы, въ видѣ насыпи въ 2—3 ряда. Устройство ямы и своеобразнаго отдѣленія ея остается неяснымъ. Яма имѣла вверху 6×6 арш., „гробница“ была размѣровъ 4×3¹/₄×6 а. 10 в. а отдѣльное „ложе“ для покойника 3¹/₂ а. × 1¹/₄ а. × 10 в. Въ стѣнкѣ надъ ложемъ — углубленія для трехъ бревенъ (одно надъ другимъ), а подъ бревнами (этими или верхними) рядъ камней, вставленныхъ въ стѣнку. Въ общемъ это было, видимо, что-то вродѣ камеры или навѣса. Въ углахъ и стѣнкахъ гробницы оказались вертикальныя отверстія въ 1¹/₂ в. въ діаметрѣ, можетъ быть, для столбовъ, соединявшихся надъ покойникомъ. Вся яма прикрыта стволами деревьевъ, лежавшихъ на заплечикахъ, и сверху покрыта войлокомъ. Въ Ю.-В. углу ямы или гробницы лежали кости быка и желѣзный ножъ, и стояли 4 амфоры: тутъ же воткнуть въ землю пучекъ изъ нѣсколькихъ копій; въ „противоположной части“ найдены бронзовыя стрѣлы и куски кожи, и тутъ же стояла амфора. Костякъ лежалъ головою на З. На головѣ остатки шапки, украшенной золотыми накладками (4 гладкія и 2 узорчатія). Одежда или накидка украшена была до пояса многочисленными треугольными (498 экз.) и ромбическими (35 экз.) золотыми бляшками, причемъ первые располагались болѣе на плечахъ, а вторые вдоль груди. Возлѣ головы лежалъ и выступалъ изъ ложа панцырь изъ желѣзныхъ чешуекъ, слѣва у таза кожаный колчанъ съ 2 большими золотыми бляхами, украшенными фигурами орла и сфинкса, и бронзовыми стрѣлами, и тутъ же золотой кругъ съ неяснымъ изображеніемъ

и небольшой мечъ. Очень жаль, что это погребеніе, единственное, напоминающее Геродотово описаніе погребенія скиѣскаго царя, не имѣетъ чертежа; другого такого кургана, кажется, еще нигдѣ не обнаружено. Бляхи колчана не характерны; онѣ могутъ одинаково принадлежать и босфорскимъ, и припорожскимъ курганамъ, времени нѣсколькихъ болѣе поздняго, чѣмъ предыдущій, но все же стараго.

3) *Курганы съ ямами умѣренной величины, прикрытыми плитами и деревомъ.* Такихъ раскопано пять: 1) Курганъ небольшой величины (2 а.), раскопанный въ 1890 г. въ имѣніи Талаевой (Отч. Арх. Комм. 1890 г., стр. 10). Въ насыпи было много камня и черепковъ отъ амфоръ. Яма (размѣровъ $4 \times 2 \times 2\frac{1}{2}$ а.) прикрыта была 4 плитами (размѣровъ $2 \times 1\frac{1}{2} \times \frac{1}{4}$ а). Погребеніе оказалось разореннымъ. Двѣ амфоры, 3 горшка (одинъ съ черною „поливою“), 2 стекляныя подвѣски въ видѣ птички и грубой маски, черная буса съ желтыми горошинками, мелкія желтыя и зеленыя бусы, небольшой золотой перстень, 4 желѣзныхъ ножа, желѣзный стержень на древкѣ. Погребеніе дѣвочки. Не видя вещей, не рѣшаемся относить его къ той или иной культурѣ.

2) Въ небольшомъ курганѣ (1 саж.), раскопанномъ (Отчетъ Арх. Комм. 1895 г., стр. 13 № 7) въ имѣніи Пастака, въ крытой деревомъ ямѣ при потревоженныхъ скелетахъ найдены бронзовыя стрѣлки, разныя бусы, 3 мѣдныя проволочныя браслета и желѣзный мечъ.

3) Тамъ же, въ насыпи 1 курга на № 3, были найдены вещи скиѣо-сарматскихъ типовъ, а въ грунтѣ 3 разоренныя могилы.

4) Въ курганѣ № 3 имѣнія Бобовича (Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 16) яма, а въ ней скелетъ головою на З., въ ногахъ бронзовыя стрѣлки.

5) Въ курганѣ близъ дер. Такиль (Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 16), въ материкѣ, яма (неизвѣстно, впускная или основная), въ которой скелетъ головою на З. Слева желѣзный мечъ, бронзовыя стрѣлки, бусы, желѣзный ножъ, немного морской травы, лопатка и бедра быка, нѣсколько птичьихъ костей, горшокъ черной глины съ узорами у отверстия, а у него много угля.

Всѣ эти курганы могутъ быть возведены въ особую группу поздне-сарматскихъ, съ своимъ обрядомъ погребенія, выходящимъ изъ какого-то сосѣдняго района, на примѣръ донскаго, но вѣроятно же, что они происходятъ непосредственно изъ описанныхъ выше мѣстныхъ, болѣе старыхъ курганныхъ насыпей.

Во всякомъ случаѣ они очень интересны по своей сравнительно поздней культурѣ.

4) *Курганы съ дополнительной насыпью.* Раскопанъ одинъ такой курганъ въ имѣніи Нестроева (Отч. Арх. Комм. 1890 г., стр. 4; Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм. вып. 11, стр. 148; Wiadom. pism.—arch. I, 98). Основной старый курганъ, со скорченнымъ погребеніемъ, имѣлъ въ вышину 1½ арш.; второй присыпанъ на 3 арш. и укрѣпленъ въ верхней части камнями. Костякъ впушенъ въ старую насыпь до материка и положенъ на земляномъ трамплинѣ, возвышавшемся въ головахъ на 1½ фута и сходящемъ на нѣтъ, головою на 3. Спиною и головою скелетъ лежалъ на панцырѣ изъ желѣзныхъ чешуекъ. На шеѣ золотой гладкій обручъ, на груди лопатка коня, ниже наборный поясъ (?) изъ мѣдныхъ и золотыхъ бляшекъ (2 въ видѣ орла вправо, 2 головки хищника, 40 круглыхъ узорчатыхъ, 3 большихъ золотыхъ гладкихъ съ орнаментомъ, 25 малыхъ золотыхъ двухъ размѣровъ) и 5 мѣдныхъ гранчатыхъ вотолокъ; справа у пояса кинжалъ въ интересныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ широкихъ ножнахъ, украшенныхъ золотою гладкою бляхою съ покрытымъ эмалевымъ узоромъ верхнимъ краемъ; ниже колѣна деревянный обтянутый кожею колчанъ, украшенный серебряною бляхой, а выше его большая мѣдная бляха въ видѣ львицы, покрытая золотымъ листкомъ съ эмалевымъ орнаментомъ для изображенія шерсти; въ колчанѣ 180 бронзовыхъ стрѣлъ. Остатки кожаной обуви. Въ ногахъ кувшинчикъ изъ красной глины съ суживающимся горлышкомъ и ручкой.

Манера дополнительной насыпи наблюдается пока исключительно въ курганахъ припорожскихъ, а оба типа мѣдныхъ фигурныхъ бляшекъ отъ пояса встрѣчены пока лишь въ кievскихъ курганахъ второго Журовскаго типа и полтавскихъ.

Нельзя рѣшиться относить погребеніе къ VI в., а V вѣку, кажется, можетъ принадлежать; вмѣстѣ съ тѣмъ оно является пока древнѣйшимъ изъ крымскихъ скифо-сарматскихъ. Интересенъ кувшинъ, можетъ быть, мѣстной или кавказской формы.

5) *Впускныя погребенія въ плитняковыхъ ящикахъ.* 1. Дер. Такиль. Впускная могила изъ большихъ плитъ, заваленная камнями, разграбленная. Черепки чернаго горшка (Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 14). 2. Имѣніе Талаевой, курганъ № 1 (Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 14). Впускная могила, на глубинѣ 1 арш., выложенная необдѣланными камнями, поставленными стоймя. Два скелета, головами на 3., горшокъ изъ черной глины, бронзовые стрѣлка и браслетъ, нѣсколько бусъ. 3. Курганъ въ имѣ-

ніи Бобовича (О. А. К. 1895 г., стр. 16, № 3). Впускная разоренная плитняковая могила. Черепки красной глиняной посуды, каменная точилка, мѣдный костылекъ. — Во всѣхъ этихъ случаяхъ основныя погребенія были также скифо-сарматскія и помѣщались въ грунтовыхъ ямахъ. 4. Въ имѣнїи Пастака. Курганъ № 5, вышиною 3 арш. Впущенный костякъ, головою на З., обставленный стоячими камнями. У лѣвой руки бронзовыя стрѣлки, у правой желѣзный ножъ (Отч. Арх. Комм. 1885 г., стр. 11). 5. Кара-Маркитъ, близъ Акъ-Мечетской бухты (Кондаковъ, Русск. древности, в. II, стр. 126; Зап. Русск. Арх. Общ. XII, в. I, стр. 284). При выборѣ камня изъ кургана въ впускной плитняковой (?) могилѣ при костяхъ человѣка и лошади (?) были найдены: 4 большія золотыя бляшки (одна въ видѣ головы грифона, остальные съ изображеніемъ лежащаго оленя), 280 бронзовыхъ стрѣлъ, обломки меча, отъ мѣднаго сосуда, 39 мѣдныхъ чешуекъ отъ панцыря, мѣдная бляха съ ушкомъ позади, 2 ручки отъ ложекъ (одна съ головкою лебеда). Бляшка съ оленемъ аналогична съ найденною въ херсонскомъ курганѣ Бабы (раскопки Эварницкаго).

Весьма вѣроятно, что эти погребенія въ плитняковыхъ гробницахъ принадлежатъ курганамъ типа перваго, но позднѣе ихъ по возрасту, самое старое — Акмечетское (если оно относится къ данному типу погребеній).

6) *Впускныя прикрытыя деревомъ и заваленныя камнемъ.* 1. Между Альмой и Качей курганъ № 2 (Отч. Арх. Комм. 1905 г., стр. 17, 118). Впускная могила, прикрытая деревомъ и заваленная камнемъ. Скелетъ головою на В. У правой руки 2 мѣдныя бляхи въ видѣ свернувшагося звѣря, часть мѣднаго псалія съ головкой на концѣ, у лѣвой точильный брусокъ, часть желѣзнаго копья, у колѣнъ колчанъ со множествомъ бронзовыхъ и круглыхъ костяныхъ стрѣлъ. 2) Имѣнїе Кара-Кіятъ (Отч. Арх. Комм. 1892 г., стр. 4). Въ курганѣ 2¹/₂ арш. высотой впускная могила, глубиною 1¹/₂ а, заваленная камнями. Въ безпорядкѣ кости человѣка и барана въ большомъ количествѣ, 30 бронзовыхъ стрѣлокъ, клыкъ, астрагалъ.

Эти погребенія, вѣроятно, принадлежатъ къ предыдущей серіи.

7) *Впускныя сырцовыя могилы.* Курганъ (высотой всего 2 арш.) близъ дер. Верхняго-Кульчука въ 47 вер. на З. отъ Евпаторіи (Отч. Арх. Комм. 1891 г., стр. 74). Могила (размѣровъ 3а×1¹/₂а×6в) покрыта сырцовымъ кирпичемъ, быть можетъ, въ видѣ свода, который уже обвалился и надъ нимъ

лежали большіе известковые камни; по угламъ имѣлись ямки, вѣроятно, отъ столбовъ. Болѣе подробныхъ и ясныхъ свѣдѣній объ этомъ интересномъ погребеніи не имѣется. У скелета, лежавшаго головою на В., справа лежалъ желѣзный стригиль и 2 бронзовыя стрѣлки, слѣва 11 стрѣлокъ и желѣзный ножъ, на лѣвой рукѣ мѣдное колечко. Примѣненіе сырца напоминаетъ Босфорскіе курганы, какъ и самый обрядъ погребенія въ насыпи.

8) *Впускныя простыя*. 1. Въ курганѣ № 2-й имѣнія Бобовича (Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 15 № 2) въ разоренной впускной могилѣ обломки амфоры, желѣзное копье, обломки точилки, бронзовыя стрѣлки, обломокъ каменнаго топора и интересный кинжалъ съ широкою костяною рукоятью, единственный въ своемъ родѣ. 2) Тамъ же въ курганѣ № 4 въ впускной могилѣ найденъ горшокъ изъ черной глины, бронзовыя стрѣлки и желѣзный стержень. 3. Въ значительномъ курганѣ имѣнія Крыма (высоотою 6½ арш., Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 13), выложенномъ камнемъ почти въ 1 саж., въ южной полѣ при костяхъ найдены: золотая проволочная тонкая серьга, бусы, бронзовыя и желѣзныя стрѣлки, мѣдная обивка колчана, желѣзныя чешуйки отъ панцыря, мѣдная бляшка въ видѣ узкой львиной головы, съ ушкомъ, мѣдная круглая выпуклая бляха, 2 мѣдныя втолки (одна гранчатая), части амфоры, горшокъ черной глины. Аналогія для бляшки наиболѣе близкая найдена нами въ старыхъ полтавскихъ курганахъ. 4) Можетъ быть, впускная могила обнаружена въ материкѣ кургана средней величины (5 арш.), въ южной полѣ, между рѣк. Альмой и Качей (Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 18 № 3). Скелеть лежалъ головою на З.; въ головахъ глиняное блюдо съ бараньими костями, у праваго бедра короткій мечъ. 5) Въ впускномъ погребеніи кургана № 7 имѣнія Пастака (Отч. Арх. Комм. 1892 г., стр. 13) найдены: глиняный флаконъ, бронзовыя стрѣлки, мѣдныя кольца и костяное пряслице.

Въ общемъ эти впускныя могилы относятся къ разному времени и соединяются въ одну группу лишь механически.

9) *Подбойныя могилы, основныя и впускныя*. Основныя подбойныя погребенія найдены лишь въ курганахъ на Карасу, къ С. отъ Карасубазара, въ имѣніи Чотты (Отч. Арх. Комм. 1897 г. стр. 39). а) Въ курганѣ № 2, вышиною 1½ а, подбойная ниша имѣла глубины болѣе 2-хъ арш. и известняковыя плиты у входа; найдены бронзовыя стрѣлки и желѣзныя обломки. б) Въ курганѣ № 3 были 2 подбойныя могилы съ известковыми плитами у входовъ. Кажется были деревянные гробы.

Бронзовыя стрѣлки, часть желѣзнаго копья, тонкое мѣдное зеркальце въ діаметрѣ 15 сантим. съ деревянною ручкою, нѣсколько горшковъ и кувшиновъ. Впускныя: с) въ курганѣ № 3 имѣнія Крыма (Отч. Арх. Комм. 1895 г., стр. 14 № 3) съ 5-ю скелетами. Нѣсколько мелкихъ бусъ, желѣзная пряжка, мѣдная поясная пряжка, кусочекъ румянъ. d) Въ курганѣ № 3 имѣнія Пастака подбой, заложенный стѣнкою изъ камня; костякъ въ особомъ углубленіи, колодець заваленъ камнями. Размѣры ниши, $2^{1/2} \times 1^{2/3} \times 4$ а (глубина отъ материка); разорена. Вещи: патеры, горшокъ, пучекъ стрѣлъ, желѣзный ножъ, 3 желѣзныхъ копья: кости быка (Отч. Арх. Комм. 1892 г., стр. 11).

Несомнѣнно, что подбойныя могилы близки къ херсонскимъ и относятся къ сравнительно позднему времени.

Всего нами перечислено 26 скиво-сарматскихъ погребеній, составившихъ 9 группъ или разрядовъ. Группа третья представлена 5 погребеньями, пятая и восьмая по пяти, 9 имѣеть 4 погребенія, первая и шестая по два и остальные 3 группы по одному. Хотя со столь незначительнымъ матеріаломъ трудно оперировать, но мы все же дѣлаемъ эту попытку, правда съ нѣкоторымъ рискомъ, но и не безъ смѣлости, такъ какъ большинство погребеній, видимо, подчиняется одной общей схемѣ, въ которую не войдутъ лишь группы девятая и четвертая. Въ общемъ крымскіе курганы сарматской поры заключаютъ погребенія въ камерѣ, впущенной въ материкъ или насыпь, со стѣнками изъ плитъ, каменными изъ плитокъ, сырцовыми, деревянными (?) и прикрытой плитами же или деревомъ; по верху бываютъ навалены кучи камня, заходящія иногда и за борта ямы. Эти болѣе нарядныя погребенія позднѣе переходятъ, по видимому, въ простыя ямы, расположенныя тамъ же, т. е. въ материкѣ и въ насыпи. Такого обряда погребенія совершенно нѣтъ въ сосѣднихъ группахъ скиво-сарматскихъ кургановъ—херсонской, припорожской и полтавской, гдѣ, какъ правило, приняты или подбойныя могилы или большія камеры на деревянныхъ стойкахъ (о донскихъ курганахъ не имѣемъ свѣдѣній). Каменные камеры въ насыпяхъ примѣняются въ Босфорской группѣ, но тамъ это большія и самостоятельныя сооруженія, здѣсь же камеры въ насыпяхъ малы и, по видимому, всегда впущены въ древніе курганы (со скорченными костяками). Самыя близкія аналоги для симферопольскихъ кургановъ—терскіе курганы и могильники со скорченными костяками: тѣ же плитняковые ящики и такія же груды камней по верху. Ящики изъ плитъ не составляютъ рѣдкости и въ курганахъ со скорчен-

ными костяками симферопольскихъ, приче́мъ имѣются и кучи камня поверху, и стѣнки изъ камня (Зап. Русск. Арх. Общ. XI т. в. I-й, стр. 59—62). Весьма соблазнительна эта мысль — выводить изучаемые курганы изъ мѣстныхъ же указанныхъ кургановъ мѣднаго вѣка, но для нея нѣтъ надежнаго матеріала, кромѣ сходства по внѣшнему виду обряда погребенія, которое можно объяснять и тѣмъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсу и гдѣ обиліе хорошихъ плить, данный обрядъ погребенія могъ быть усвоенъ и разными народами въ разное время; скорченные костяки симферопольскихъ погребеній въ огромномъ большинствѣ случаевъ расположены головою на В., а здѣсь — на З.

Ю. А. Кулаковскимъ на Альмѣ найдены были вещи приблизительно V в. (бляха со свернувшимся львомъ и мѣдный псалій съ головкой грифона); въ одномъ изъ Талаевскихъ кургановъ обнаружены вещи куль-обской культуры, въ позднихъ курганахъ найдены предметы поздніе, напри́мѣръ II в. и даже позднѣе. Такимъ образомъ, время существованія данныхъ кургановъ при настоящей, надо сознаться, весьма непрочной хронологіи скифо-сарматскихъ древностей, можно опредѣлить въ 3—4 вѣка. Какой это былъ народъ, вѣроятно, никогда не опредѣлится. Можно лишь предполагать, что это были не тавры, у которыхъ съ давняго времени и до римской поры опредѣлился иной обрядъ погребенія. Сближать эту народность непремѣнно съ соседними нѣтъ основаній; она могла быть одной крови и съ дальними днѣпровскими, и съ кубанскими, съ кочевыми и съ земледѣльческими племенами. Симферопольскіе курганы несравненно бѣднѣе одновременныхъ сарматскихъ степныхъ, и это обстоятельство, какъ будто, говоритъ за то, что данная народность находилась въ подчиненіи и была, можетъ быть, иная. Своими культурными центрами народность Крымской степи имѣла, надо думать, Θεодосію и Херсонесъ, особенно же первую (какъ позднѣе занимавшіе тѣ же мѣста татары). Если мѣстное названіе Θεодосіи (Ардавда) древнее и иранское, то это служить основаніемъ дать крымской степной народности нѣкоторую этническую окраску.

Изъ остальныхъ двухъ группъ курганы съ подбойными погребеніями принадлежатъ, надо думать, какимъ нибудь кочевникамъ херсонской степи, а древній курганъ изъ двухъ насыпей пока не находитъ себѣ аналогіи. Присыпные курганы обыкновенны въ припорожской группѣ, но тамъ вторичныя погребенія заключены всегда въ грунтовой ямѣ, и основное относится къ той же культурѣ; здѣсь же основное погребеніе заключало

скорченный скелетъ, а вторичное впущено лишь до материка, и, кромѣ того, костякъ лежалъ на трамплинѣ. Можетъ быть, отдѣльно слѣдовало бы числить и старый курганъ второй группы, на который нами было обращено специальное вниманіе, въ связи съ рассказомъ Геродота.

Итакъ, дальнѣйшія раскопки степныхъ Крымскихъ скиѳо-сарматскихъ кургановъ не открываютъ блистательныхъ перспективъ въ смыслѣ богатыхъ находокъ, но весьма важно то, что они почти не тронуты грабителями и, слѣдовательно, должны дать прекрасный, цѣльный матеріалъ для хронологіи; кромѣ того, они расширяютъ матеріалъ скиѳо-сарматской культуры въ направленіи позднѣйшихъ вещей. Было бы также весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для науки, если бы можно было раскопками точно опредѣлить дѣйствительное отношеніе этихъ кургановъ къ мѣстнымъ курганнымъ насыпямъ со скорченными костяками.

Но дальнѣйшія раскопки допустимы лишь при условіи составленія необходимыхъ чертежей. Для описанныхъ выше 26 погребеній имѣется лишь одинъ чертежъ, да и тотъ неточный, неавторитетный. По сохранившимся краткимъ отчетамъ о раскопкахъ нельзя составить сколько нибудь точное представленіе объ обрядѣ погребенія, а также и о расположеніи вещей на скелетахъ; все это дѣло будущаго, задача съ иными приѣмами работы, чѣмъ примѣнявшіеся четверть вѣка тому назадъ.

А. Спицынъ.

Лѣтописный разсказъ о крещеніи княгини Ольги въ Царьградѣ.

Ученый талантъ такихъ изслѣдователей, какъ В. В. Антоновичъ, А. Л. Бертье-Делагардъ, А. А. Шахматовъ и иные, имъ подобные, имѣеть счастливую способность заставить историческіе памятники сказать больше, чѣмъ они обычно говорятъ рядовому читателю. Именно острая зоркость ученаго ума открыла, напримѣръ, точныя формы первичнаго быта древлянъ и радимичей, показала наглядно, „какъ Владимиръ осаждалъ Корсунъ“, обнаружила любопытныя приемы кропотливой работы первыхъ лѣтописцевъ надъ литературнымъ матеріаломъ ихъ времени. Изощреніе ученаго приема въ данныхъ случаяхъ обогащало науку не меньше, чѣмъ могло обогатить ее появленіе новаго историческаго источника. Понятно, съ какимъ сочувственнымъ признаніемъ долженъ относиться всякій цѣнитель знанія къ такого рода ученымъ успѣхамъ и къ ихъ почтеннымъ виновникамъ.

Эти вступительныя слова имѣють цѣлью дать надлежащій тонъ послѣдующей замѣткѣ и подчеркнуть отсутствіе у нея всякой полемической цѣли. Предметъ замѣтки—лѣтописный разсказъ о крещеніи Ольги—общезвѣстенъ и много разъ подвергался ученымъ толкованіямъ. Его фактическое содержаніе не пользуется безусловнымъ довѣріемъ, если не вовсе отрицается:¹⁾ литературное же его происхожденіе остается не вполне яснымъ. Послѣднее слово о литературной сторонѣ „разсказа“ принадлежитъ А. А. Шахматову.²⁾ По его мнѣнію, въ „разсказѣ“, насъ интересующемъ, „переплетены, съ одной стороны, духовные, церковные элементы, съ другой—сказочные, народные; сказочные элементы проглядываютъ въ отношеніи Ольги къ царю, духов-

¹⁾ „Древне-русская княгиня св. Равноап. Ольга (Вопросъ о крещеніи ея)“. В. Л. Пархоменка (Кіевъ, безъ года).

²⁾ А. А. Шахматовъ, „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“. Пб. 1908, стр. 111 и слѣд.

ные -- въ отношеніи ея къ патріарху“. Основное содержаніе „разсказа“ ограничивалось первоначально „духовными“ элементами: Ольга пришла въ Царьградъ; тамъ ее крестили царь съ патріархомъ; послѣ этого патріархъ училъ княгиню вѣрѣ, благословилъ и отпустилъ, нарекиши ее „дѣщерію собѣ“; отправляясь домой, Ольга снова просила у патріарха благословенія и, получивъ желаемое, пошла съ миромъ во свою землю. Этотъ скудный содержаніемъ разсказъ, по мнѣнію А. А. Шахматова, существовалъ уже въ древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ (середины XI-го вѣка). А. А. Шахматовъ воспроизводитъ даже цѣликомъ текстъ разсказа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ содержаться въ данномъ сводѣ.¹⁾ Составитель „начального свода“ (конца XI-го вѣка) внесъ въ текстъ разсказа четыре вставки. Изъ нихъ одна содержитъ сравненіе Ольги съ царицей Еѳіопской и рядъ текстовъ, заимствованныхъ повидимому изъ Паримійника.²⁾ Остальныя же три вводятъ въ „разсказъ“ элементъ „сказочный“ -- все то, что характеризуетъ отношенія Ольги и „цѣсаря“: увлеченіе цѣсаря умомъ Ольги, неудачное его сватовство и высокоомѣрный отвѣтъ Ольги его посламъ въ Кіевѣ. Эти три вставки А. А. Шахматовъ возводитъ къ „легендѣ о добываніи Ольгою крещенія въ Константинополь“, отрывки коей составитель „начального свода“ изъ народнаго обращенія усвоилъ въ свой разсказъ.

Такимъ образомъ общеизвѣстный „разсказъ“ о крещеніи Ольги въ изслѣдованіи А. А. Шахматова представляется не цѣльнымъ произведеніемъ, а цѣпью разнородныхъ отрывковъ, въ которыхъ рядомъ съ разьединенными звеньями первоначальной благочестивой повѣсти стоятъ эпизоды, созданные народною фантазіей, и тексты, взятые изъ Паримійника. Результатъ такого анализа памятника въ нѣкоторой части, конечно, неоспоримъ. Сравненіе Ольги съ Еѳіопской парицей и тексты Св. Писанія, не совсѣмъ ловко и кстати подобранные, могутъ дѣйствительно представиться вставками, послѣ которыхъ лѣтописецъ счелъ нужнымъ повторить стоявшую предъ ними фразу, что Ольга „приде Кіеву“. и кромѣ того прибавить слова „якоже рѣхомъ“ (или „якоже о ней въпредѣ рекохомъ“). Но прочее содержаніе „разсказа“ можетъ производить на читателя впечатлѣніе большей цѣльности, чѣмъ явствуется изъ изложенія А. А.

¹⁾ Тамъ же, стр. 545.

²⁾ Тамъ же, стр. 114 и 164. Мы ниже цитируемъ текстъ „разсказа“ по „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ А. А. Шахматова (Петроградъ, 1916), стр. 69—73.

Шахматова. Не оспаривая мысли, что источниками „разказа“ послужили преданія церковнаго происхожденія и рядомъ преданія народныя, можно однако предполагать, что ихъ сочетаніе не явилось результатомъ простой интерполяціи „церковной“ повѣсти, а было плодомъ творческаго акта, разомъ создавшаго цѣльный „разказъ“ на опредѣленной мысли (даже, скажемъ, тенденціи).

Такъ-ли ужъ безспорна предположенная А. А. Шахматовымъ интерполяція „церковной“ повѣсти? Если мы освободимъ отъ вставокъ составителя „начальнаго свода“ первоначальный текстъ свода „древнѣйшаго“, то врядъ-ли признаемъ въ этомъ очищенномъ текстѣ цѣльное и законченное произведеніе. Все его содержаніе, возстановленное А. А. Шахматовымъ, буквально сводится къ двумъ рѣчамъ патріарха Ольгѣ и къ двукратному благословенію, преподанному ей, причемъ мало понятенъ какъ смыслъ того, что патріархъ „нарекъ ю дщерию собѣ“, такъ и вообще непосредственный переходъ отъ первой рѣчи патріарха ко второй: „благослови ю патриархъ и отпусти ю . . . , она же хотящи домови приде къ патриарху, благословенія просящи на домъ“. Вся паства владыки — его духовные сыны и дщери; почему именно Ольгу патріархъ нарекаетъ „дщерью“? И что дѣлала Ольга въ Царьградѣ между двумя свиданіями съ патріархомъ и двумя его порученіями? Чувствуется нѣкоторая неясность и неестественность изложенія; есть впечатлѣніе незаполненнаго пропуска въ возстановленномъ текстѣ. Нельзя отрицать, что при возстановленіи, утративъ всякую содержательность, текстъ вышелъ граматически и стилически стройнымъ: но произошло это не потому, что возстановивалась подлинная рѣчь искаженнаго памятника, а потому, какъ кажется, что сокращенный А. А. Шахматовымъ „разказъ“ начальнаго свода былъ построенъ на своеобразной антитезѣ. Вынувъ изъ нея одно изъ противоположеній, изслѣдователь остался съ другимъ — стройнымъ, но, такъ сказать, половинчатымъ и въ одиночку не удовлетворяющимъ читателя. Изъ дальнѣйшаго станетъ ясно, что мы здѣсь разумѣемъ.

Если взглянуть на „разказъ“ о крещеніи Ольги, какъ на цѣльное литературное произведеніе (внесенное въ лѣтопись со стороны, или же обработанное самимъ лѣтописцемъ въ видѣ особой темы, — все равно), этотъ „разказъ“ предстанетъ предъ нами съ очень опредѣленною тенденціей. Цѣль его автора — наглядно противопоставить отношеніе Ольги къ патріарху ея же отношенію къ царю и извлечь изъ мудрой политики вѣщей

княгини поучительный примѣръ и образецъ для всей Руси. Ольга очень почитательна и послушна предъ патріархомъ: слушаетъ его, „поклонивъши главу“; внимаетъ ученію его, „аки губа напаяема“; кланяется владыкѣ съ благодареніемъ и вѣрою въ силу его молитвы; просить его благословенія „на домъ“ свой, довѣряя ему свою печаль, что ея „люди“ и сынъ язычники, и въ заступленіе „отъ всего зла“ желаетъ новыхъ его молитвъ. Совсѣмъ иначе ведетъ себя Ольга съ царемъ. Въ первую же свою бесѣду съ нимъ она уразумѣла его сластолюбіе и подготовила ему ловушку: „кръсти мя самъ, аще ли (ни), то не крѣщюся“. Когда же послѣ крещенія царь обратился къ Ольгѣ не съ духовною бесѣдою, а со сватовствомъ, Ольга посрамила его и привела къ тому, что онъ оставилъ грѣховную мысль жениться на ней и, какъ было должно крестному отцу, призналъ ее духовною дочерью—„нарекъ ю дъщерію собѣ“. (Эти слова въ „разказѣ“ относятся именно къ царю и имѣютъ именно такой смыслъ). Дважды взявъ верхъ надъ Византійскимъ государемъ у него въ Царьградѣ, Ольга и дома, въ Кіевѣ, торжествуетъ надъ нимъ въ лицѣ его пословъ, отказывая въ обѣщенныхъ ею дарахъ: царь ихъ получить только тогда, когда на дѣлѣ признаетъ равноправіе Кіевской княгини и самъ придетъ къ ней „постояти въ Почайнѣ“, какъ она пришла въ Царьградъ и стояла „въ Суду“. Полное подчиненіе духовному авторитету патріарха, полное отрицаніе превосходства и главенства царя—вотъ образъ поведенія Ольги; духовное единеніе въ вѣрѣ съ первымъ и побѣдное торжество надъ вторымъ—вотъ результатъ этого поведенія. Антитеза яркая и для русскаго самосознанія той эпохи желанная и пріятная. Лѣтописецъ не упускаетъ случая лишній разъ отмѣтить, чего именно искала Ольга въ Царьградѣ,—сопоставленіемъ ея съ царицею Евіопскою. Та желала узнать мудрость царя Соломона, мудрость „человѣческую“; Ольга же искала Божьей премудрости. Не „Соломонъ“ византійскій привлекалъ ее; въ своихъ исканіяхъ она стремилась въ Царьградъ не къ царю, а къ самому истинному Богу, ничего не ища у царя. Въ данномъ сопоставленіи яснѣе прочихъ мѣстъ „разказа“ сквозить воодушевлявшая автора мысль, и потому нельзя признать этого мѣста вставкою. Вставка (изъ Паримійника) ограничивается повидимому текстами, слѣдующими за мѣстомъ о царицѣ Евіопской; они подобраны здѣсь не совсѣмъ кстати и не особенно искусно.

Такое пониманіе „разказа“ о крещеніи Ольги ведеть къ заключенію о его внутренней цѣльности.¹⁾ Онъ созданъ сразу; его авторъ использовалъ преданія церковныя и народныя для освѣщенія излюбленной имъ политической мысли о независимости Руси отъ Византійскаго царства и о равенствѣ властей русской-княжеской и греческой-царской. Мысль эта раскрыта на убѣдительномъ и картинномъ примѣрѣ почитаемой Русью и ожидавшей церковнаго прославленія княгини Ольги. Не только въ своихъ „церковныхъ элементахъ“, но во всемъ своемъ составѣ „разказъ“ можетъ быть возведенъ къ „древнѣйшему своду“. Время, къ которому А. А. Шахматовъ относитъ этотъ сводъ (1039 годъ), было періодомъ остраго антагонизма Руси и Византіи, когда вопросъ объ „игемоніи“ Византійской сталъ для русскихъ злобою дня. „Скинуть эту игемонію, добиться отъ Византіи признанія русской церкви свободною, а державы Кіевской независимою отъ всякихъ поползновеній императорскихъ теорій вселенскаго царства — становится мечтою въ Кіевѣ“; такими словами характеризуетъ новѣйшій изслѣдователь²⁾ Кіевскія настроенія первой половины XI-го столѣтія. Въ соотвѣтствіи съ этими настроеніями и родился, думаемъ, „разказъ“ о крещеніи Ольги, ходившей будто бы въ Грецію искать божественной истины, а не императорской ласки и милости.

Проф. С. Платоновъ.

¹⁾ Высказывая мысль о цѣльности „разказа“, испытываемъ только одно колебаніе. Возможно допустить, что „разказъ“ первоначально кончался словами о Соломонѣ (. . . „она челоувѣчская, а си Божия“) и заключалъ въ себѣ противопоставленіе двухъ бесѣдъ царя съ Ольгой двумъ бесѣдамъ съ нею патріарха. Въ этомъ видѣ онъ отличался бы большою внѣшнею стройностью. Тексты Св. Писанія и эпизодъ съ призывомъ „постояти въ Почайнѣ“ могли нарости позднѣе, чѣмъ и объяснялись бы слова „якоже рѣхомъ“ (или „якоже о ней въпредъ рекохомъ“). Однако приглашеніе въ Почайну такъ отвѣчаетъ общему духу произведенія, что трудно считать его обрывкомъ другого памятника, со стороны попавшаго въ нашъ текстъ.

²⁾ М. Д. Приселковъ, „Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в.в.“ Пб. 1913, стр. 88 и слѣд.

Уроженцы сѣвернаго побережья Чернаго моря въ исторіи древне-греческой мысли.

I.

Введеніе. Скиѡъ Анахарсисъ.

Сѣверно-черноморскія греческія колоніи изъ глубины вѣковъ вели съ Элладой живыя сношенія, которыя не ограничивались одной торговлей. Побывавшіе въ метрополіи колонисты привозили заимствованныя тамъ идеи, новые духовные интересы, по крайней мѣрѣ свѣдѣнія о направленіи и состояніи тамъ духовной жизни. Наѣзжали въ колоніи иногда и сами представители греческой культуры, какъ, напримѣръ, Аристей проконисецъ (VI в.?), описавшій Скиѡію въ стихахъ (Геродотъ IV, 13) и увеличившій количество сказочныхъ о ней извѣстій, ходившихъ въ народѣ. Вѣроятно, изъ подобнаго источника черпалъ Гесіодъ еще до Аристея свѣдѣнія для своей географіи (Oxygich. pap. t. XI, pap. 1358, fr. 1). Въ V вѣкѣ тамъ былъ самъ Геродотъ. Нѣкоторые изъ приѣзжихъ эллиновъ вступали въ родственныя связи съ мѣстными жителями, а ихъ потомки въ Элладѣ не забывали уже объ этой далекой странѣ и по временамъ въ ея интересахъ пользовались своимъ влияніемъ.¹⁾

Въ результатѣ такого обмѣна здѣсь не могли не зародиться умственныя потребности. Городской укладъ жизни метрополій служилъ образцомъ для колоній, и потому грамота и начальное образованіе должно было здѣсь также быть всеобщимъ. Изъ метрополій колоніи получаютъ книги (Ксеноф. Анабазисъ VII, V, 14), устраиваютъ у себя школы, гдѣ серьезно изучается оте-

¹⁾ Демосѡенъ былъ по матери внукомъ боспорской скиѡянки (Эхинъ. Пр. Ктезиф. §§ 171, 172); Скиѡомъ называетъ его и Динархъ (Пр. Демосѡ. 15); да и самъ Демосѡенъ риторической фигурой умолчанія (О вѣнцѣ II) подтвердилъ слова Эсхина. Отсюда его симпатіи боспорянамъ и похвалы Левкону (Къ Лепт. 29—40).

чественная литература и прежде всего Гомеръ.¹⁾ Не всѣ, однако, нужно думать, довольствовались мѣстными школами, и многіе стремились къ источнику духовной жизни, въ Элладу.

Исторія сохранила намъ нѣсколько именъ такихъ жаждущихъ искателей философскаго просвѣщенія: Анахарсиса скиѳа, Біона борисѳенита, Сфера и Дифила боспорянъ. Эти имена тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что ихъ носители не ограничились страдательной ролью учениковъ, — они дѣйствовали въ Елладѣ въ качествѣ учителей и руководителей, создали въ свою очередь нѣкоторыя умственные цѣнности, принесенныя ими въ даръ просвѣтительницѣ, и даже принимали участіе въ ея устройствѣ, предопредѣлившемъ извѣстнымъ образомъ ея судьбу. Среди нихъ хронологически на первомъ мѣстѣ стоитъ полусказочный Анахарсисъ. Наиболѣе достовѣрныя извѣстія о немъ ограничиваются страницами Геродота (IV, 76—78), и съ теченіемъ времени это зерно обрастаетъ новыми элементами преданія путемъ словеснаго расширительнаго толкованія и внесенія новыхъ деталей.²⁾ Подробное обзорѣніе этихъ извѣстій представляетъ тему скорѣе литературную и цѣнно, поскольку можетъ характеризовать умонастроеніе самихъ авторовъ и ихъ эпохъ. Съ III вѣка Анахарсисъ становится уже символическимъ лицомъ, и многочисленныя упоминанія о немъ попутно разсыпаны у позднихъ свѣтскихъ и у церковныхъ греческихъ писателей, такъ что собрать ихъ воедино представляется дѣломъ очень труднымъ. Наконецъ, Анахарсису и въ новое время въ поучительно-воспитательной литературѣ удѣлено достаточно вниманія. Поэтому авторъ, минуя Анахарсиса, ограничиваетъ свое изложеніе біографическими очерками Біона, Сфера и Дифила.

II.

Біонъ Борисѳенитъ.

Тотъ же, какъ у Анахарсиса, киническій наклонъ мысли, для современника I пол. III в. до Р. Х. вполне естественный,

¹⁾ Діонъ Злат. Рѣчь 36, § 9. (Οἱ Βορυσθενῖται σχεδὸν πάντες περὶ τὸν ποιητὴν ἐσπουδάχασι... Τὴν Ἰλιάδα ὅλγρον πάντες ἴσασι ἀπὸ στόματος. § 10. Ихъ писатели μόνον Ὅμηρον μνημονεύουσι ἐν τοῖς ποιήμασι. (Wachsm. 77).

²⁾ Платонъ. Политія X, 3; 600 а. — Аристотель, изд. Б. К. Акад. Беккера. Вт. анал. А'13. Эт. Ником. К 6.—Антифанъ у Аѳиней X, 57; 441 с.—Ефоръ во FHGr. Müller fr. 76; I, 257; у Л. Діогена I (ж. Фалеса) стр. 27.—Дикеархъ и Ипповоть у Л. Діогена I стр. 27, 28.—Ермиппъ у Плутарха

и *σπουδαγελοία* форма ея выраженія отличаетъ позднѣйшаго и вполне историческаго соотечественника Анахарсиса—Біона Борисоенита. Этотъ бродячій учитель и авантюристъ, киникъ, не чуждый гедонизму, представляетъ любопытную смѣсь ни предъ чѣмъ не останавливающейся развязности съ изящнымъ остроуміемъ. Своимъ разностороннимъ диллетантизмомъ и всѣмъ умственнымъ обликомъ, бурной и подвижной жизнью, наконецъ по той памяти, какую онъ оставилъ по себѣ среди современниковъ, Біонъ сильно напоминаетъ Вольтера (Т. Гомперць. Греч. мыслители, русск. пер. II, I, стр. 184). Очень немного, что осталось изъ его сочиненій, привлекло къ нему за послѣднее время вниманіе филологовъ¹⁾ и открываетъ въ немъ вдохновителя и источникъ сатирическихъ произведеній Телета, Мениппа, Горація и Лукіана Самосатскаго. Небольшую біографію Біона даетъ намъ Лаэртій Диогенъ (кн. IV, стр. 284--292; къ нимъ примѣчанія Казобона, стр. 66—68). Въ ней авторъ называетъ и другихъ писателей—Эратосѣна (то же свидѣтельство у Страбона Геогр. I, 2, 2) и Фаворина (*Παυτοδαπή ιστορία*). Но у нихъ Л. Диогенъ извлекъ лишь случайныя свѣдѣнія о Біонѣ, а „въ* большей своей части біографія Л. Диогена, по мнѣнію Вахсмута (75 стр.), зависитъ отъ какого-то широко распространеннаго сочиненія неизвѣстнаго писателя, современника, но и противника Біона“. Вліяніе его сильно отразилось на общемъ характерѣ Диогенова изложенія, навязавъ ему преувеличенно—отрицательный взглядъ на Біона. Поэтому нѣкоторыя особенности письма и языка Біона, имѣвшія для него лишь техническое значеніе, поставлены Диогеномъ въ центрѣ характеристики его личности. Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Л. Диогенъ даетъ свѣдѣнія о Біонѣ, не совпадающія съ тѣми, какія содержатся въ специальной о немъ статьѣ. Напримѣръ, по біографіи никто не пожелалъ называться ученикомъ Біона, въ кн. II-й въ ж. Солона гл. 5; Л. Диогена I, стр. 28.—Андротіонъ, во FHGr. I, 39, стр. 375.—Страбонъ, Географія VII, стр. 463.—Цицеронъ, Tusculanскія бесѣды V, 32 § 90; изд. Müller у Тейбнера.—Плутархъ. Пиръ семи мудрецовъ; у F. Didot. *Moralia* I.—Павзанія. Описаніе Греціи I, 22, 8 у Таухница I.—Лукіанъ Самосатскій. Анахарсисъ, Скиоъ, Токсарисъ; у Таухница т. II и III.—Климентъ Александрійскій. Протр. 3; Строматы I, 14, 15, 16; V, 80; изд. 1779 по Поттеру т. I—III.—Л. Диогенъ. О жизни, ученіи и изреченіяхъ знаменитыхъ философовъ 10 книгъ. II изд. съ прим. Казобона. 1593 г. I, стр. 71—74. — Аѳиней Навкратитъ. Диалогосифисты; изд. Кайбель у Тейбнера IV, 159; X, 428, 437. 445; XIV, 613.

¹⁾ Wachsmuth. *Sillographorum graecorum reliquiae*. Teubner. 1885. O. Hense. *Teletis reliquias collegit et edidit*. 1889, 1909. Второй книги авторъ, къ горькому своему сожалѣнію, не могъ найти.

(ст. объ Аристиппѣ) стр. 139 Л. Диогенъ говоритъ объ *οἱ περὶ τὸν Βίωνα*—его ученикахъ или членахъ его кружка; по біографіи Біонъ—софистъ въ худшемъ смыслѣ слова, позеръ и хвастунъ (*θεατρικὸς, τὴν αὐτῶν ἀπολαύσαι θυνάμενος*), въ кн. IV (ст. объ акад. Кратесѣ) стр. 268 Диогенъ, со ссылкой на хроники Аполлодора, называетъ Біона рядомъ съ Аркезилаемъ, какъ просвѣщенныхъ (*ἐλλογίμους*) учениковъ Кратеса; въ біографіи Біонъ открыто учитъ безбожію, въ кн. II-й (ст. о Стилпонѣ) стр. 166 на вопросъ о бытіи боговъ онъ изъ предосторожности отказывается отвѣчать публично. Между біографіей и статьей о Кратесѣ академикѣ, какъ будетъ указано ниже, наблюдается непримиримое противорѣчіе и по вопросу о порядкѣ прохожденія Біономъ философскихъ курсовъ. Внѣшнія свидѣтельства даютъ возможность корректировать Диогену общую оцѣнку литературной дѣятельности Біона. Единственное положительное извѣстіе Л. Диогена о Біонѣ—это то, что онъ оставилъ много разсужденій и моральныхъ сентенцій и обнаружилъ способности въ составленіи пародій; но изъ приведенныхъ сентенцій значительная часть касается непристойныхъ темъ, а сохранныя пародія на Архиту Тарентскаго осмѣиваетъ настолько безукоризненное и общепочитаемое лицо, „что приноситъ Біону, по словамъ Т. Гомперца (II, I, 184), больше вреда, чѣмъ все дурное, что про него распространяли“. Искусственность въ подборѣ и этихъ выдержекъ несомнѣнна, ибо другіе авторы даютъ и положительные отзывы о сентенціяхъ Біона: Аѳиней—*καλῶς, χαριέντως*; Плутархъ—*ἀστεῖως χάριεν*; Сенека—*elegantior*. Извѣстія о болѣзни и смерти Біона Л. Диогенъ черпаетъ изъ слуховъ и у Фаворина: вся остальная часть статьи представляетъ однородное цѣлое, проникнутое одной тенденціей; она-то и составлена на основаніи предполагаемаго Вахсмутомъ источника—памфлета, который не былъ у Л. Диогена при составленіи статей о Стилпонѣ, Кратесѣ и Аристиппѣ и при пользованіи которымъ, въ статьѣ о Біонѣ, Л. Диогенъ не обращался къ прежнимъ источникамъ. Отсюда—всѣ указанная противорѣчія.

Кто могъ быть авторомъ этого памфлета?

Можно привести много соображеній въ пользу Менедема Эретрійскаго: 1) Онъ принадлежалъ къ тому же кругу друзей Антигона Гонаты (Л. Диогенъ II, р. 174, 183, 184), къ которому причислялъ себя и Біонъ (Столб. 86, 13); 2) былъ довольно суровыхъ нравственныхъ правилъ (*σεμνός*) и съ негодованіемъ говорилъ о людяхъ, которые, „прибывъ моремъ въ Аѳины для полученія образованія, изъ мудрыхъ, какими были раньше, ста-

новятся философами, затѣмъ — риторамъ, а съ теченіемъ времени невѣждами (и грубіянами), которыми по мѣрѣ того, какъ они вращаются въ области разсужденій, все больше овладѣваетъ надменіе и заносчивость“ (Плутархъ. De prof. in virtut. 10; t. I, 97),—людяхъ, настолько похожихъ на Біона въ характеристикѣ Діогена, точно съ него былъ снятъ этотъ словесный портретъ; 3) слѣдилъ за философскою дѣятельностью Біона и называлъ безцѣльной его борьбу съ прорицателями (Л. Д. II, 179); 4) интересовался отношеніями между Біономъ и учениками, очень подробно ихъ, разспрашивалъ, и полученныя имъ свѣдѣнія попали именно въ эту статью Л. Діогена (IV, 290). Однако предположеніе о Менедемѣ нужно оставить, въ виду свидѣтельства Антигона Каристія о томъ, что онъ ничего не написалъ и не оставилъ изложенія даже своей системы (Л. Д. II, 179с).

Авторами не могли быть ни киренаики, ни киники, ибо Біонъ самъ примыкалъ къ этимъ школамъ, да и приписанныя ему Л. Діогеномъ сентенціи, общія съ Аристиппомъ, Антисоеномъ и Діогеномъ, говорятъ за то, что авторъ біографіи былъ чуждъ внутреннему преданію этихъ школъ, иначе не впалъ бы въ это недоразумѣніе. Много оснований быть недовольнымъ Біономъ имѣлъ его школьный товарищъ Аркезилай, которому онъ, можно сказать, испортилъ всю философскую карьеру (свид. Діокла Книдскаго у Евсевія. Пригот. Еванг. XIV, 6); но и Аркезилай не оставилъ ни одного сочиненія, а по мягкости характера едва ли и былъ способенъ къ активной борьбѣ со своимъ противникомъ. Интересно, что мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Біона къ стоической философіи. Не оттого ли это произошло, что памфлетъ на Біона принадлежалъ именно перу стойка? Въ біографіи упоминаются три лица изъ этой школы: Персей, Филонидъ и Ератосѣень. Но Ератосѣень былъ на очень много моложе Біона, чтобы служить первоисточнымъ свидѣтелемъ о немъ; кромѣ того, Л. Діогенъ своимъ *φασὶ λέγειν ἐπ' αὐτοῦ τὸν Ἐρατοσθένην* ясно указываетъ, что Ератосѣень не былъ у него въ рукахъ при составленіи этой статьи. Остаются Персей и Филонидъ, распространявшіе неблагоприятныя слухи о Біонѣ, слѣдовательно враждебно настроенные къ нему. Кто больше Персея и Филонида могъ интересоваться тѣмъ, что скажетъ Біонъ по поводу ихъ сплетень? И вотъ этотъ отвѣтъ, въ которомъ Біонъ изложилъ свою біографію, оказывается самой яркой частью во всей статьѣ Л. Діогена,—бесѣда воспроизведена чуть не со стенографической точностью, въ лицахъ, съ сохраненіемъ подлинныхъ вы-

раженій обоихъ участниковъ. Обращаясь къ Антигону Гонатъ, Бюнъ въ дѣйствительности отвѣчалъ Персею и Филониду, которые, если не присутствовали при бесѣдѣ, во всякомъ случаѣ были въ это время при Антигонѣ по его вызову (Л. Д. VII, р. 440). Слѣдовательно, опубликовать эти свѣдѣнія могъ только одинъ изъ нихъ. Далѣе, если Л. Диогенъ черпаетъ свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ Бюна изъ устныхъ Халкидскихъ преданій и Фавориновой исторіи, ясно, что въ памфлетѣ объ этомъ ничего не говорилось. Можетъ быть потому, что памфлетъ былъ написанъ еще при жизни Бюна? Съ именемъ одного изъ предположенныхъ авторовъ этого произведенія, Персея, мы еще разъ встрѣчаемся въ острофѣ Бюна (Аѳиней IV, 162 de). Эта дѣйствительно злая насмѣшка надъ Персеемъ если не была местию со стороны Бюна за памфлетъ—и местию равнымъ оружіемъ, ибо рѣчь шла тоже о рабскомъ происхожденіи, — во всякомъ случаѣ свидѣтельствуешь, что вражда между Бюномъ и Персеемъ существовала еще долгое время.

О происхожденіи Бюна Л. Диогенъ заставляетъ рассказать его самого въ отвѣтѣ на вопросъ царя Антигона: *τίς ποῦθεν εἰς ἀνδρῶν; πόθι τοι πόλις ἦδὲ τοκῆς;* (Ил. Ф. 150. Од. к 325, § 187, τ 105; срв. Ксенофана 9-ый силлъ въ *Anthologia Lyrica*. Hiller-Grusius, р. 53).¹⁾ Родомъ изъ Борисеена (Ольвіи), Бюнъ былъ сыномъ туземца вольноотпущенника, торговавшего сушеной рыбой; мать его до брака принадлежала къ еще болѣе низкому слою, ибо только такая женщина могла выйти замужъ за клейменнаго. Аѳиней на основаніи Никія Ник. называетъ ее по имени.²⁾ Уличенный въ занятіи контрабандой, отецъ со всѣмъ своимъ домомъ былъ вновь проданъ въ рабство, и мальчикъ Бюнъ попалъ къ ритору, который, умирая, сдѣлалъ молодого раба своимъ наслѣдникомъ, конечно, возвративъ ему свободу. Ликвидировавъ наслѣдство, Бюнъ пріѣхалъ въ Аонины и преданъ изученію философіи. *Ταύτης τοι γενεῆς τε καὶ αἵματος ἔνχομαι εἶναι* (Ил. Z 211), также словами Гомера заключаетъ Бюнъ свою автобіографію и проситъ царственнаго собесѣдника судить о немъ по его словамъ и дѣламъ, — *σέβει δὲ μὲ ἐξ ἑμαυτοῦ*, — а не по тѣмъ слухамъ, которые распространяютъ Персей и Филонидъ.³⁾

¹⁾ По мнѣнію Арнима (Pauly-Wissowa R.-E. f. kl. Alt. III, 12, Bion № 10), на вопросъ царя Бюнъ отвѣчалъ *письменно*.

²⁾ Athen. Dipnos. XIII, 592 a: Βίων δ'ὁ Βορυσθενίτης φιλοσόφος ἐταίρας ἦν υἱὸς Ὀλυμπίας Λακαίνης.

³⁾ Что именно интригами П. и Ф. былъ вызванъ и самый вопросъ Антигона, это Бюнъ сразу же понималъ (Л. Д. 285: αἰσθηόμενος ὡς προδία-

Нѣсколько ниже Л. Диогенъ говоритъ о философскихъ школахъ. пройденныхъ Біономъ, и довольно подробно: οὗτος τὴν ἀρχὴν μὲν παρηγεῖτο τὰ ἀκαδημαϊκὰ, κατ' ὄν χρόνον ἤκουε Κράτητος. εἶτ' ἀνείλετο τὴν κινικήν ἀγωγὴν, λαβὼν τριβωνα καὶ πῆραν. Καὶ τί γάρ ἄλλο; μετεσκεύασεν αὐτὸν πρὸς ἀπάθειαν. ἐπὶ τὰ Θεοδώρεια μετέλθε διακούσας Θεοδώρου τοῦ ἀθείου κατὰ πᾶν εἶδος λόγον σοφιστεύοντος. μετ' ὧν Θεοφράστου διήκουσε τοῦ περιπατητικοῦ (р.р. 288, 289). Все здѣсь какъ будто ясно, кромѣ имени Кратеса, которое носили киникъ (нач. учить съ 323 г.) и академикъ (съ 270 г.); а въ данномъ случаѣ оно поставлено какъ разъ между этими двумя школами. Естественно возникаетъ вопросъ, какого же Кратеса разумѣетъ Л. Диогенъ. Целлеръ, Гейнце, Дюммлеръ и Арнимъ рѣшаютъ вопросъ въ пользу киника, Гирцель, Вахсмуть, Т. Гомперць — въ пользу академика. Въ защиту перваго мнѣнія можно привести рядъ соображеній. Перечисляя школы, Л. Диогенъ обнаруживаетъ намѣреніе вмѣстѣ съ тѣмъ указать и хронологическій порядокъ ихъ прохожденія Біономъ: ἀρχὴν академию, εἶτα киническую, μετέλθε къ Θεодору Киренцу, μετ' ὧν слушалъ перипатетика Теофраста. Стоящій въ спискѣ на послѣднемъ мѣстѣ Теофрастъ умеръ въ 28^{8/7} г.; слѣд. къ этому времени Біонъ уже заканчивалъ свою учебу, и академикъ Кратесъ быть его учителемъ не могъ. И по грамматической структурѣ фраза Л. Диогена даетъ такой же смыслъ: сначала Біонъ отрекся отъ ученія академіи, когда слушалъ Кратеса, а затѣмъ усвоилъ образъ жизни киниковъ и т. д. Очевидно, что Кратесъ отвлекъ его отъ академіи и приобщилъ въ кинизму. Съ киникомъ Кратесомъ у Біона замѣчается и общность идей. Л. Диогенъ приводитъ сужденіе Біона о старости: μὴ δεῖν ἔφασκεν ὀνειδίσειν τὸ γῆρας, εἰς ὃ (ἔφη) πάντες εὐχόμεθα ἐλθεῖν (р. 288). Фраза эта является прозаическимъ перифразомъ четверостишія киника Кратеса (Anthologia lyrica. Ροῦθαιе iamб LVI, fr. 20, pag. 156).

ὀνειδισάς μοι γῆρας ὡς κακὸν μέγα,
οὗ μὴ τυχόντι θάνατος ἐσθ' ἢ ζημία,
οὗ πάντες ἐπιθυμοῦμεν, ἂν δ' ἔλιθη ποτε,
ἀνιώμεθ; οὕτως ἐσμεν ἀχάριστοι φύσει.

Но эти соображенія не безспорны. — имъ можно противопоставить столь же вѣскія возраженія. Если не аргументировать спорной фразой κατ' ὄν χρόνον ἤκουε Κράτητος, смыслъ которой въ этой контрверсѣ есть искомое, то хронологическая послѣдо-
βέβληται; Стov. 86, 13: Ἀντίγονος ὁ βασιλεὺς Βίωνα τὸν φιλόσοφον διαβλή-
θέντα ὡς δυσγενῆ ἤρετο).

вательность въ занятіяхъ Біона далеко не съ такою ясностью вытекаетъ изъ цитаты Л. Діогена. Можно на основаніи ея утверждать только то, что Біонъ сталъ киникомъ, выйдя изъ академіи, а перипатетика слушалъ одновременно съ Θεοδορομъ. Ἀρχήν, на которомъ основано утвержденіе, что Біонъ началъ свое образованіе въ академической школѣ, значитъ не только „сначала“, но и „главнымъ образомъ“. Чтобы Теофрастъ былъ послѣднимъ учителемъ Біона, этого Л. Діогенъ не говоритъ съ ясностью, ибо μὲν ὄν относится не ко всѣмъ предыдущимъ школамъ, а непосредственно только къ τὰ Θεοδώρεια. Затѣмъ, приведенное четверостишіе лишь приписывается кинику Кратесу, и о немъ самъ издатель антологіи (Crusius) замѣчаетъ, что оно a philosopho utique alienum (praef. p. XLII), а у Стобея оно приписывается драматургу Антифану. Къ тому же съ неменьшимъ правомъ можно считать и Еврипида (ἀδελφῶν δραμ. fr. XLVIII; Tragoediae ed. Tauchnitz 1841, t. IV, p. 289) вдохновителемъ мысли Біона о старости.¹⁾ Ἦκονε можно переводить не только словомъ „сталъ слушать“, но и просто „слушалъ“, — и тогда получится совершенно иной смыслъ: Біонъ отрёкся отъ ученія академіи, когда слушалъ Кратеса, т. е. когда слушалъ его въ изложеніи Кратеса. При такомъ толкованіи въ Кратесѣ должно предполагать академика.

Объ аргументаціи имѣютъ одинаковое право на принятіе, ибо отрывокъ Л. Діогена чрезвычайно запутанъ, и изъ него, собственно говоря, никакихъ окончательныхъ выводовъ дѣлать нельзя. Да и задавался ли Л. Діогенъ цѣлью объективно выяснить тотъ кругъ идей, въ сферѣ которыхъ жилъ Біонъ? Чтобы уяснить себѣ внутренній смыслъ фразы, нужно только прочесть ее въ контекстѣ. „Біонъ говорилъ, что своихъ друзей мы должны поддерживать, каковы бы они ни были, ибо въ противномъ случаѣ окажется, что или мы пользовались расположеніемъ дурныхъ людей, или отрекаемся (παρητήσθαι) отъ хорошихъ. А самъ онъ принципиально отказался (παρητίετο) отъ академіи, когда слушалъ Кратеса; затѣмъ усвоилъ киническій образъ жизни, надѣвъ тривонъ и суму. Что еще оставалось ему

¹⁾ Эту же мысль находимъ у Цицерона (De senectute c. 2, § 4): quo in genere est in primis senectus, quam ut adipiscantur omnes optant, eandem accusant adepti: tanta est stultitiae inconstantia atque perversitas. Судя по второй половинѣ фразы, Цицеронъ заимствовалъ ее не у Біона, а скорѣе у Антифана или Еврипида. Срв. также у пс.—Платонова Аксіоха (с. V, 367 в): λαθὼν ὑπέλιθε τὸ γῆρας, εἰς ὃ πᾶν συρρεῖ τὸ τῆς φύσεως ἐπίκληρον καὶ δυσάλθές.

сдѣлать? Перевоспитать себя въ духѣ полнаго безстрастія! Прислушавъ Θεодора атеиста, выступавшаго съ софизмами противъ всякаго положительнаго ученія, онъ перешелъ къ его міросозерцанію и — одновременно слушалъ перипатетика Теофраста. Въ то же время онъ былъ большимъ позеромъ, умѣлъ производить впечатлѣніе своими остротами, называя вещи грубо-оскорбительными именами¹. Мы будемъ близки къ истинѣ, признавъ, что въ прочитанной выдержкѣ таится не историческій, а психологическій интересъ: не исторію философской подготовки Біона авторъ хочетъ написать, а охарактеризовать его отношеніе къ своимъ школамъ и учителямъ, и даже вообще къ философіи. Необычайно широкую способность разбрасываться, неустойчивость въ привязанностяхъ и растяжимость моральной личности Біона, — вотъ на что хочетъ указать Л. Діогенъ (вѣрнѣе, его источникъ) и завершаетъ все сказанное цитатой изъ Ератосѣена, что „Біонъ первый нарядилъ философію въ пеструю одежду“. На этомъ примѣрѣ мы еще разъ удостоверяемся въ тенденціозности статьи Л. Діогена и потому должны обратиться къ другимъ даннымъ.

Въ IV кн., въ ст. объ акад. Кратесѣ, Л. Діогенъ на основаніи другихъ источниковъ (Аполлодора) говоритъ: „Кратесъ оставилъ . . . и просвѣщенныхъ учениковъ, — Аркезилая . . . и Біона, Борисенита, позже названнаго Θεодоровцемъ по философскому кружку“ (къ которому онъ примкнулъ). Здѣсь съ безспорностью устанавливается, что Біонъ слушалъ академика Кратеса¹) и отъ него перешелъ къ киренцамъ. Въ статьѣ о Біонѣ Л. Діогенъ сдѣлалъ, такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ 3 хронологическихъ ошибки, сообщая, что отъ академиковъ Біонъ перешелъ къ кинизму, киренскую философію слушалъ у Θεодора (+280 г.) и одновременно съ киренской слушалъ перипатетическую у Теофраста (+288/7 г.). Въ дѣйствительности же Біонъ могъ слушать Теофраста только до академика Кратеса (съ 270 г.), киренскую философію слушалъ непосредственно послѣ академіи и потому не у Θεодора, а вѣроятно, у его учениковъ. Когда онъ слушалъ киниковъ, трудно установить за неимѣніемъ данныхъ.

Разнообразіе прослушанныхъ курсовъ сдѣлало Біона эклектикомъ. На складъ его мысли, насколько его можно возстановить, сильнѣе всего повліяло ученіе киниковъ и Θεодоровцевъ. Ставъ самостоятельнымъ, онъ избралъ для себя родъ дѣятель-

¹) Это свидѣтельство поддерживается Геркуланскимъ спискомъ, гдѣ Біонъ значится въ числѣ учениковъ Кратеса акад. (Гомперцъ II, I, 205).

ности сталъ софистомъ, странствующимъ учителемъ риторики, при чемъ, вопреки киническому обычаю, но согласно съ традиціей софистовъ (Ксеноф. Меточав. I, I, 11: пс. — Плат. Definit. 415с: Плут. X orat. vitae. Isocrates. Mor. II, 1020) бралъ деньги за обученіе. Первоначально мѣстомъ его дѣятельности, нужно думать, были Аѳины; однако, некрупный философъ и, какъ варваръ, владѣвшій небезукоризненнымъ произношеніемъ, онъ едва ли пользовался здѣсь учительскимъ успѣхомъ. Въ поискахъ за аудиторіей во время странствованій, наполнившихъ всю его жизнь, (*πρότιν ἐκ πρότερος ἤμαρτεν*), онъ, между прочимъ, былъ на о. Родосѣ. Такъ какъ здѣсь онъ нашель мѣсто занятымъ,—риторику уже преподавали какіе-то аѳиняне, —то Біонъ принужденъ былъ открыть курсъ обзора философскихъ ученій (*φιλοσοφουμένων*). Для острослова и скептика эта задача, требовавшая извѣстной объективности, была не по силамъ, —и у него вырвалась характерная жалоба: я привезъ пшеницу, а продаю ячмень (*πυρός ἐκόμεσα καὶ κριθὰς πωλῶ*). Должно быть его дѣла по „продажѣ ячменя“ пошли неблестяще, и чтобы поднять свой престижъ, Біонъ прибѣгнулъ, по своему обычаю (*ἐνίστε καὶ φαντασίαν ἐπιτεχνώμενος*), къ шумному публичному скандалу: нарядивъ матросовъ въ ученическіе плащи, въ сопровожденіи этой толпы, онъ ворвался въ гимнасій и обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Злой насмѣшникъ (*πολὸς ἐν τῷ γελοίῳ διαφορῆσας*), грубо издѣвавшійся надъ всѣмъ (*φορτικῶς ὀνόμασι*¹⁾ *κατὰ πραγμάτων* *χρώμενος*), не щадившій никого —ни живыхъ, ни мертвыхъ,²⁾ и даже боговъ,³⁾ онъ, должно быть, имѣлъ не мало недруговъ мести которыхъ онъ справедливо опасался. Поэтому во время своего непродолжительнаго пребыванія въ томъ или иномъ городѣ онъ нуждался въ защитѣ. „Онъ усвоилъ себѣ обычаи усыновлять юношей (своихъ учениковъ), чтобы . . . , полагаясь на ихъ привязанность, чувствовать себя въ безопасности“. Однако, несмотря на такія исключительныя мѣры для пріобрѣтенія вліянія и при-

¹⁾ Примѣръ *φαρτικῶν ὀνομάτων* см. у Плутарха (Amator. 24; Mor. 1, 941).

²⁾ Стоику Персею онъ зло отомстилъ по смерти его. „Увидѣвъ мѣдную статуу Персея съ надписью - Персей Зеноновъ (ученикъ), Китіецъ, онъ сказалъ, что рѣзчикъ ошибся и что нужно было написать—Персей, Зеноновъ рабъ.—(Аѳин. IV, 162 de; на греч. здѣсь игра словами *Κιτιᾶ—οἰχετιᾶ*).

³⁾ *Πολλὰ δὲ καὶ ἀθεώταρον προσεφέρετο τοῖς ὁμιλοῖσι, τοῦτο Θεοδώρεω ἀπολαύσας. Βίωνα [λέγειν ἀκούομεν θεούς], ὡς οὐδεν' εἶσιν ὄντες.* (Л. Диогенъ IV р. 290. Эпиграмма р. 291. То же у Исихія 21 стр.).

влеченія послѣдователей, никто изъ его многочисленныхъ слушателей не пожелалъ именоваться его ученикомъ. Л. Диогенъ объясняетъ это чрезмѣрнымъ себялюбіемъ Біона и тѣмъ, что онъ злоупотреблялъ (пифагорейской) заповѣдью *κοινὰ τὰ φίλων*, дававшей ему право на матеріальную поддержку со стороны друзей.¹⁾ Если это правда, то нужно полагать, что приводимое Л. Диогеномъ мнѣніе объ „обязанности поддерживать друзей, каковы бы они не были“, Біону чаще приходилось высказывать для обоснованія своихъ дружескихъ правъ, чѣмъ обязанностей.²⁾ Въ числѣ своихъ друзей Біонъ называлъ и царя Антигона. Л. Диогенъ въ біографіи Біона дважды упоминаетъ это имя: въ одномъ случаѣ Біонъ, такъ сказать, всеподданнѣйше представляется Антигону, въ другомъ, по свидѣтельству Фаворина, больной и близкій къ смерти Біонъ на носилкахъ сопровождаетъ Антигона, помощью котораго пользуется. Если правильна конъектура Казобона, приведенная въ примѣчаніи, то Антигону Старшему (384—306—301) Біонъ былъ извѣстенъ. Но ему ли онъ представлялся? Отъ Л. Диогена (IV, 284) и Стобея (86, 13) мы знаемъ, что Персей и Филонидъ были въ это время при Антигонѣ, а посланы они были къ Антигону стоикомъ Зенономъ, уже старикомъ (Л. Д. VII, 440). Конечно, это уже не старшій Антигонъ, умершій въ 301 г., ибо Зенонъ только въ 300 г. выступилъ въ качествѣ учителя, а его внукъ А. Гоната (318—277—239). Второе извѣстіе Л. Диогена объ Антигонѣ, покровительствовавшемъ Біону, безусловно относится къ Гонатѣ.

Какъ близость къ философамъ. знакомство съ ними, переписка, покровительство имъ. приглашеніе ихъ ко двору, обращеніе къ нимъ за совѣтами типично и характерно для этой эпохи просвѣщенной эллинистической монархіи (Л. Д. II, р. 183; VII, р. 554; Плутархъ de commun. notit. 7; II, 1298), такъ, съ другой стороны, должно отмѣтить стремленіе философовъ, даже

¹⁾ Срв. софизмъ Диогена кин.:—все божье; философы—друзья боговъ; у друзей все д. б. общимъ; слѣд. все принадлежитъ философамъ. (Л. Д. VI, р. 388; 410).

²⁾ Одинъ изъ случаевъ такого злоупотребленія Біона въ притязаніяхъ на дружеское сочувствіе приводитъ Плутархъ (de vit. pudore 7; t. I, 643): *Ἀντίγονος ὁ γέρων ὑπὸ Βίαντος ἐνοχληθεὶς πολλάκις, ὅτε εἶπε Βίαντι τάλαστον καὶ ἀναρχήν*. Правда, здѣсь названъ Біантъ, но Казобонъ (примм. стр. 67) видитъ ошибку въ текстѣ, такъ какъ оба этихъ имени легко смѣшаты и смѣшивали. Онъ приводитъ примѣръ такой ошибки у А. Геллія. Вдобавокъ къ этому можно указать на чтеніе *Βίαντος* у Гершера (въ его изд. 1-го тома *Moralia* Плут., стр. 187) вм. *Βίωνος* (de prof. in. virtut. c. II; F. Didot. I, 98).

киническаго направленія, къ дружбѣ съ государями (Л. Д. II, р. 174, 184; IV, 279, 297; V, 346; VII, 438; но VII, 542), стремленіе, создававшее между ними соревнованіе, какъ въ данномъ случаѣ между Біономъ и учениками Зенона.

По словамъ Л. Діогена, Біонъ умеръ въ Халкидѣ въ нищетѣ, покинутый всѣми. Если это извѣстіе правдиво,¹⁾ то, очевидно, Антигонъ въ концѣ концовъ отрекся отъ своего больного друга и предоставилъ его собственнымъ средствамъ. Продолжительная болѣзнь и близость смерти, по Л. Діогену, рѣшительно появляли на настроеніе Біона, и отъ легкомысленнаго отрицанія Божества онъ рѣзко перешелъ къ самому грубому суевѣрію: не только сталъ усиленно приносить жертвы богамъ, но и обратился за помощью къ знахаркамъ, читавшимъ надъ его головой заговоры; съ благоговѣніемъ навязалъ себѣ на руки ремешки и повѣсилъ оливковую вѣтвь надъ дверьми своего дома (Эпиграмма Л. Д. стр. 291; то же у Исихія стр. 21 того-же изд.). Но по мнѣнію Э. Роде (Griech. Roman 2, 268), этому извѣстію Л. Діогена вѣрить нельзя, — это лишь клеветническія сплетни; ими позднѣйшія поколѣнія отомстили Біону за его насмѣшки надъ народной религіей (Т. Гомперцъ II, 1, 184). Въ этомъ случаѣ народная мысль работала именно въ томъ направленіи, какое подсказалъ ей самъ Біонъ.²⁾

Таковы краткія и далеко не ясныя біографическія данныя о Біонѣ, сохраненныя Л. Діогеномъ; въ нихъ очень трудно отдѣлать истину отъ позднѣйшихъ вымысловъ. Установленіе его хронологіи является дѣломъ не болѣе легкимъ, такъ какъ приходится оперировать съ матеріаломъ, полученнымъ отъ различныхъ свидѣтелей и потому болѣе разнороднымъ и противорѣчивымъ. Кромѣ Л. Діогена, мы почерпаемъ извѣстія о Біонѣ: у Телета, Цицерона, Горація, Плутарха, Аоннея, Евсевія Кес., Стобея и Арсенія Монемавасійскаго. Въ виду того, что въ III вѣкѣ жили еще два Біона — поэтъ изъ Смирны и математикъ изъ Абдеры, нужно предварительно установить признаки, опредѣленно указывающіе на нашего Біона. Въ однихъ случаяхъ Біонъ названъ Борисоенитомъ (Л. Д. IV, ст. о Кратесѣ, р. 268; Аонней IV, 162 d; X, 421; XIII, 591; *Ἰωνίας* Арсенія Монемав. ркп.

¹⁾ Т. Гомперцъ (II, I, 205 примѣч. къ 184 стр.).

²⁾ Осмѣивая суевѣрнаго челоуѣка, Біонъ говоритъ, что старухи „все, что ни попадетъ имъ подъ руки, тащатъ и навѣшиваютъ на него, какъ на гвоздикъ“. (Плутархъ De superst. 7; t. I, р. 200). Этотъ же образъ примѣняетъ къ нему самому Діогенъ въ своей эпиграммѣ.

Син. Библ. 10, л. 59v.);¹⁾ въ другихъ — философъ (Ератосѣенъ у Страб. 1, 2, 2; Плутархъ Мор. 1,8; Аоиней XIII, 591; Стобей 86, 13); въ третьихъ — софистомъ (Плут. Мор. II, 941, 1337; Стоб. 2, 66, 38, 50; Евсевій К. Пригот. Ев. XIV, 6; схолиастъ Горация). Въ приведенныхъ мѣстахъ рѣчь идетъ безспорно о нашемъ Біонѣ. Болѣе многочисленны случаи, когда его имя упоминается безъ пояснительнаго прозвища (у Телета, у Стобея въ остальныхъ случаяхъ, у Л. Д. въ статьяхъ объ Аристиппѣ, Стилпонѣ и Менедемѣ во II кн., о Спевзиппѣ и Ксенократѣ въ IV кн.; у Цицерона въ Туск. разск. III, 26; Горация въ письм. II, 2, 60; Плут. Мор. I, 26, 71, 98, 200, 484, 648, 678, т. II, 1181; Vit. I, 13; Fragm. V, 13; Клим. Алекс. Стром. VII, 4). Изъ нихъ нужно исключить цитаты изъ Л. Діогена статьи о Спевзиппѣ и Плутарховой жизни Тезея (vit. I, 13), гдѣ идетъ рѣчь не о нашемъ Біонѣ; остальные требуютъ провѣрки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Самый ранній моментъ въ жизни Біона, поддающійся хронологическому опредѣленію, это — сообщаемый Л. Діогеномъ (IV, ст. о Ксенократѣ, I, 259) фактъ осмѣянія Біономъ академика Ксенократа (+315 г.);²⁾ слѣдовательно, не позже 315 г. Біонъ былъ уже въ Аоинахъ. По его собственному показанію, ему было никакъ не меньше 15 л. (*νεώτερον ὄντα*) къ моменту отдачи въ рабы; нѣсколько времени, конечно, должно было протечь для того, чтобы онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе своего господина и сдѣлался его наслѣдникомъ, чтобы, пріѣхавъ затѣмъ въ Аоины, пройти хоть какую-нибудь философскую подготовку, ибо иначе его слова по адресу почтеннаго схоларха возбудили бы у его знакомыхъ не любопытное ожиданіе отвѣта, а негодованіе по поводу дерзости. Если на все это отвести минимумъ 3 года, получимъ выводъ, что Біонъ родился не позже 333 года до Р. Х., а академикъ Кратеса началъ слушать (270 г.), имѣя не меньше 63 лѣтъ отъ роду. Какъ ни мало считались въ древности съ возрастнымъ цензомъ, однако и для того времени это было бы единственнымъ и исключительнымъ примѣромъ. Въ силу этого, полученный выводъ естественно возбуждаетъ сомнѣнія: или здѣсь рѣчь идетъ не о нашемъ Біонѣ, или жертвой его насмѣшки былъ не Ксенократъ. На второмъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить случай съ Антигономъ Старшимъ (Плу-

¹⁾ Рукописнымъ экзempl. пользуюсь, не имѣя подъ руками печатнаго изданія.

²⁾ Арнимъ думаетъ, что именно Ксенократъ и былъ учителемъ Біона, если только онъ учился въ этой школѣ.

тархъ. De vitioso pudore 7; t. I, 643; съ поправкой Казобона); Онъ могъ произойти не позже 301 г., года смерти Антигона. Бionъ въ это время долженъ былъ быть достаточно зрѣлымъ, чтобы обнаружить столь принудительную, даже для царя, силу настойчивости (*Βίωμα καὶ ἀνάγκη*—игра словами посредствомъ сближенія, на осн. созвучія, *Βίωμα* и *βία*). Если дать ему, по крайней мѣрѣ, 25 лѣтъ, то годъ его рожденія долженъ падать не позже 326 года. Но и здѣсь мы встрѣчаемся съ затрудненіемъ. Если Бionъ былъ такъ близокъ къ дѣду, рѣшаясь на большую смѣлость, то могъ ли онъ быть неизвѣстенъ внуку, чтобы требовалось особое представленіе? Правда, Діогенъ говоритъ, что Бionъ *προδιαφέβληται*, значить былъ извѣстенъ Антогону Гонатѣ до представленія, а Стобей (86, 13) называетъ его даже другомъ Антигона, все же и этимъ недоумѣніе не вполне разъясняется. А самое главное, правильна ли поправка Казобона, ибо аналогіи--неубѣдительный способъ доказательства. Болѣе прочною должна быть признана другая выкладка. Учитель Бiona Теофрастъ умеръ въ 288^{8/7} г.; прибавляя сюда по крайней мѣрѣ 18 лѣтъ возраста Бiona, нами выше установленныхъ, получимъ 305 г. до Р. Х., ближе котораго нельзя придвигать годъ его рожденія.

Мы знаемъ объ обстоятельствахъ представленія Бiona Антигону Гонатѣ. Такъ какъ, посылая своихъ учениковъ къ царю, Зенонъ былъ уже старикомъ (Л. Д. VII, 440) не менѣе 63-хъ лѣтъ,¹⁾ и такъ какъ онъ родился въ 334 году, то это представленіе могло состояться не ранѣе 271 года, но и не позже 262 г. (+Зенона). Какъ уже не разъ упоминалось выше, не позже 288^{8/7} г. Бionъ долженъ былъ окончить слушаніе Теофраста, не ранѣе 270 г. начать слушать Кратеса, а послѣ него—киренцевъ, учениковъ Теодора. Согласно сообщенію Діокла (у Евсевія), Бionъ былъ живъ, когда во главѣ академіи стоялъ Аркезилай (-+241 г.); но, къ сожалѣнію, годъ начала его схолярхата установить нельзя, такъ какъ неизвѣстенъ годъ смерти его предшественника Кратеса. Во всякомъ случаѣ мы должны допустить, что въ 60-тыхъ годахъ Бionъ былъ еще живъ.

Самый поздній моментъ отличаетъ Аоиней, передавая остроумное замѣчаніе Бiona по адресу Персея (IV, 162 *de*). Наиболѣе

¹⁾ По древнему распредѣленію возрастовъ (Гиппократъ. О числѣ 7, гл. V; Маковельскій, Досократики I, XX стр.), старость начиналась съ 63 лѣтъ. Въ подложномъ письмѣ къ Антигону Г., здѣсь же (кн. VII) приводимомъ Л. Діогеномъ, Зенонъ даетъ себѣ 80 лѣтъ, но по достовернымъ извѣстіямъ онъ до этихъ лѣтъ и не дожилъ.

выдающимся событіемъ въ жизни Персея было его назначеніе комендантомъ Акрокоринѳа, въ каковой должности онъ пробылъ всего 1 годъ (Аоиней, тамъ же), 244—243 г.г. (Дройзенъ. Исторія эллинизма р. II, III, 204 стр.). Если даже предположить, что ему, еще при его жизни, статуя была поставлена по этому поводу, то и въ такомъ случаѣ придется продлить жизнь Біона до 244 года. Такимъ образомъ, принявъ всѣ сдѣланные выше расчеты, получимъ какъ крайніе пункты жизни Біона 333—244 г.г., то есть 89 лѣтъ. Хотя мы и привыкли къ сообщеніямъ о долговѣчности древнихъ философовъ (Лукіанъ. *Μακρόβιοι* 18—21; Орег. t. IV, р. 76, 77), однако здѣсь такой выводъ кажется сомнительнымъ. Съ безспорной увѣренностью для жизни Біона можно признать время между 305 и 260-ми годами до Р. Х.; остальной періодъ, выше и ниже этихъ цифръ, лишь предположительно.

Характеризуя особенности ума Біона, Л. Диогенъ называетъ его *πολύτροπος καὶ σοφιστῆς ποικίλος* (срв. *πολυκέφαλος σοφιστῆς*. Платонъ. Софистъ 28 гл. 240 с). Плодомъ его умственной дѣятельности были *ὑπομνήματα καὶ ἀποφθέγματα χρειώδη πραγατεῖαν ἔχοντα* (р. 284). Въ подтвержденіе этого Л. Диогенъ приводитъ значительное количество его моралистическихъ сентенцій. Ихъ темой служатъ вопросы жизни — о благахъ физическихъ, матеріальныхъ и нравственныхъ.

Счастье (въ принятомъ смыслѣ благополучія) служитъ лишь причиной напрасной суеты: *ἀγωνιᾶ..... ὁ τὰ μέγιστα βουλόμενος εὐήμερῶν* (ямбич. триметръ). Красота есть благо, которымъ наслаждаются лишь другіе (*ἀλλότριον ἀγαθόν*; разъясненіе къ этому см. у Стобея 65, 5; Плутархъ. *Amator.* 24, t. II, 941). Женитьба—обоюдоустрое зло: если жена уродлива—это уже наказаніе, если красива—будетъ невѣрной (*ἐὰν μὲν γήμηρς αἰσχρὰν, ἔξεις ποιήν, ἀν δὲ καλήν, ἔξεις κοινήν*). То же приписывается и Антисоену. Л. Д. VI, р. 367). Къ славѣ, самъ склонный къ хвастовству (*τύφος ἀπολαῦσαι δυνάμενος*),¹⁾ Біонъ оказывается болѣе снисходительнымъ и называетъ ее *ἐτῶν μητέρα*.

¹⁾ Вопреки заповѣди основателя школы Антисоена, который цѣль жизни полагалъ въ приобрѣтеніи способности не превозноситься (*τῆν ἀτυφίαν*. Клим. Алекс. Стром. II, 21). Кромѣ случая на Родосѣ, о τῷφῳ Біона свидѣтельствоуетъ его отвѣтъ спутнику по морскому путешествію. На его восклицаніе: „мы погибли, если (пираты) замѣтятъ насъ“,—Біонъ возразилъ: „а я—если они насъ не узнаютъ“ (т. е. не разберутся въ насъ и не узнаютъ, что я—не то, что вы). (Л. Д. IV, 287).

Болѣ всего изреченій посвящено вопросу о богатствѣ. Скупецъ, по словамъ Біона, не обладаетъ своимъ богатствомъ, наоборотъ, богатство имъ владѣть: онъ заботится объ имуществѣ, какъ собственномъ, но, какъ чужимъ, совершенно не пользуется имъ (*ὡς ἰδίων ἐπιμελεῖσθαι, ὡς δ' ἐξ ἄλλοτρίων μηδὲν ὀφελεῖσθαι*). Страсть сребролюбія глубоко проникаетъ въ человѣка и становится неизлѣчимой: больной водянкой отъ чрезмѣрно выпитой воды все же скорѣе умретъ, а сребролюбецъ никакимъ богатствомъ не удовлетворится (Стоб. 97, 31 изъ Телета *ἐν ἐπιτομῇ*). Въ этой страсти сосредоточены (*μητρόπολις*) всѣ человѣческіе пороки (Стоб. 10, 38; это же приписывается и кинику Діогену у Л. Д. VI, 396). А между тѣмъ богатство—случайная вещь, *ὅν τύχη μὲν παρέχει, ἀνελευθερία δὲ φυλάττει, χρηστότης δὲ ἀφαιρεῖται* (Стоб. 93, 34; *Ἰωνιάς* ркп. СБ. 10, л. 59v). Оно цѣнно (*νεῦρα τῶν πραγμάτων*), поскольку умѣютъ имъ воспользоваться. потому что *ἡ τύχη οὐ δεδωρήται, ἀλλὰ δεδάνεικε* его (Стоб. 105, 56). Люди, обладающіе деньгами, суть только временные ихъ держатели, такъ сказать кошельки. Какъ цѣнность кошелька зависитъ не отъ его качества, а отъ суммы заключающихся въ немъ денегъ, такъ и богачи, сами по себѣ будучи и ничтожными (*μηδενὸς ἀξίως*), получаютъ значеніе отъ имущества (*τὰς ἀξίας*), которыми владѣютъ. (Стоб. 91, 32. *Ἰωνιάς* тамъ же).

Изъ добродѣтелей Біонъ считаетъ для власти обязательной прежде всего честность: чтобы хорошій архонтъ своей службою не богатство приобрѣталъ, а приумножалъ свою добрую славу.¹⁾ Для юношей онъ считаетъ необходимымъ мужество, для старцевъ—разсудительность (срв. Еврипидъ. *Μελα. διαμώτις* fr. XXIII; t. IV, p. 237), которая представляетъ высшую ступень добродѣтели (Платонъ. *Законы* III, 8; 688в), подобно тому, какъ зрѣніе выше остальныхъ чувствъ (Л. Д. 288). Поэтому старость нужно уважать, а не тяготиться ею, ибо не напрасно мы всѣ стремимся къ ней (288),—она есть „пристанище отъ житейскихъ золь“ (286). Добродѣтель достигается при условіи постепеннаго развитія человѣка. Главнымъ зломъ, препятствующимъ этому развитію, является самомнѣніе (*τὴν οἴησιν ἔλεγε προ-*

¹⁾ Стоб. 46, 23. Это единственное сохранившееся сужденіе Біона по общественнымъ вопросамъ, которые вообще киниковъ интересовали меньше всего. По отношенію къ Біону эту аполитичность очень ярко отмѣчаетъ Плутархъ. Ученикъ Эпикура Колотъ въ одномъ сочиненіи доказываетъ ненужность государства и его установленій для достиженія счастья. Плутархъ замѣчаетъ, что съ подобными разсужденіями онъ могъ бы обратиться только къ Антидору или Біону, которые навѣрное согласились бы съ нимъ (*Adv. Colotem* 32, t. II, 1377).

κοπής ἐγκοπήν).¹⁾ Наоборотъ, не только полное отсутствіе внѣшняго, показнаго превозношенія, которое разсчитано на то, чтобы вызвать удивленіе и похвалу отъ другихъ,—не только даже отсутствіе этихъ похвалъ, а именно открытыя порицанія суть, по мнѣнію Біона, самый вѣрный и безошибочный признакъ нравственнаго преуспѣянія порицаемаго. Эти порицанія ученики Біона должны были выслушивать съ такимъ же удовольсторе-

¹⁾ Эта же апофтегма св. Максимомъ Испов. (р. 570) и парижскимъ гномологіемъ (Маковельскій I, стр. 168, фр. 131) приписывается Гераклиту Ефесскому. Но очень вѣроятно, что въ данномъ случаѣ дѣло сводится къ ошибочному свидѣтельству, потому что въ другомъ подлинномъ выраженіи Гераклита οἴησις имѣетъ гносологическій смыслъ ошибочнаго мнѣнія, заблужденія (Л. Д. IX, р. 631). Конечно, и свид. Л. Д. не представляетъ всѣхъ гарантій подлинности, но исторія понятія οἴησις дѣлаетъ его заслуживающимъ довѣрія. Въ авторизованной литературѣ этотъ терминъ впервые встрѣчается у Платона (Кратилъ 32 гл., 420 вс.; Федонъ 41 гл., 92а; Федръ 22 гл., 244с) въ смыслѣ гносеологическомъ, хотя и съ указаніемъ на нѣкоторое участіе воли. Изъ Платонова же употребленіе гл. οἴεσθαι (Θезетъ 31 гл., 187с; 34 гл., 192 аβс.) видно, что это—форма познанія, не соответствующая реальной дѣйствительности и отождествляемая съ ὁβία ψευδοῖς. Въ такомъ же смыслѣ οἴησις употребляется у Гиперида (за Ликофр. 8) и Аристомена (пс.-Аристотеля) въ риторикѣ (τέλλυι ῥήτ. 14). У Еврипида οἴησις получаетъ уже моральный смыслъ, но еще безъ точнаго внутренняго опредѣленія (Πολύδοξος ἢ Γλαῦκος г. XI, t. IV, 254). Она есть несносное бремя для окружающихъ, когда ее обнаруживаетъ недобрый человѣкъ, и изолируетъ его отъ друзей и согражданъ. Но чтобы она сама по себѣ была порокомъ, этого фрагментъ не говоритъ. Біонъ первый оцѣнилъ οἴησις, какъ этическое отрицательное понятіе, и не только по ея внѣшнему обнаруженію, какъ у Еврипида, но и по внутреннему содержанію и по значенію въ нравственной жизни человѣка. У Стобея (4, 88) апофтегма Б. выражена иначе: ἀνοία... προκοπής ἐμπόδιον. Но эта формула едва ли подлинна, п. ч. при безуміи нѣтъ нравственной жизни и не можетъ быть рѣчи о развитіи и препятствіяхъ ему; а въ формулѣ Л. Д. именно правильность мысли и искусственное изящество внѣшности говоритъ за подлинность. Искусная и исчерпывающая фраза Біона имѣла сильное вліяніе на позднѣйшую литературу. Его мысль въ различныхъ вариацияхъ встрѣчается далѣе у писателей какъ свѣтскихъ, такъ и церковныхъ. У младшаго современника и подражателя Біона—Тимона фліунтскаго οἴησις, съ тавтологическимъ опредѣленіемъ κενεῖν, наполняетъ пустыхъ людей, какъ воздухъ—мѣха (Евсевій Пригот. Ев. XIV, 18; Θεодоритъ Врачев. эл. недуговъ II, 20). Еще Эпихармъ сравнивалъ людей съ пустыми мѣхами (Клим. Алекс. Стром. IV, 7); Тимонъ развилъ его мысль, указавъ на роль οἴησις въ пониманіи Біона. Эта же мысль, лишь въ прозаическомъ изложеніи, Стобеемъ (XXII, а по его слѣдамъ преп. Максимомъ Испов. р. 570) ошибочно приписывается Сократу. У Плутарха, который отно-

ніємъ, съ какимъ гомеровскіе герои принимали торжественныя привѣтствія.¹⁾

Со свойственной ему рѣзкостью и язвительностью бичуетъ Біонъ человѣческія слабости, выражающіяся въ пристрастіи къ условнымъ и призрачнымъ благамъ, къ которымъ онъ относитъ не только общественныя установленія, но и религіозныя вѣрованія.

Суетное стремленіе пользоваться хорошей репутаціей, не соединенное съ внутренней душевной содержательностью, дѣлаетъ людей легковѣрными и падкими на лесть. Біонъ только сравниваетъ такихъ людей съ горшками, которые переносятъ съ мѣста на мѣсто за ушки (ручки) (Плут. de vit. pud. с. 18, t. I, р. 648). Источникомъ наслажденій должно служить „благоразуміе“, т. е. умѣренная самооцѣнка, сопровождаемая подчиненіемъ обстоятельствамъ, и, конечно, не такія грубыя и низменныя удовольствія, какъ чревоугодіе (Аонней X, 421 Г). Л. Діогенъ приводитъ замѣчаніе, которое Біонъ сдѣлалъ какому-то чревоугоднику, ради своей страсти потерявшему помѣстья: Ам-

сится къ софистамъ съ нескрываемой враждой (Quest. platon I; t. II, 1223) и поэтому, не считаясь съ ихъ словоупотребленіемъ, остался при прежней терминологіи, *οἴησις* значитъ просто ошибочное мнѣніе (de discept. adul. с. 1, р. 59; с. 25, р. 79), а въ смыслѣ самоувѣренности употребляется сл. *οἴημα* рядомъ съ *τῦφος* (de aud. с. 4, р. 48; с. 10, р. 52; с. 13, р. 53; de prof. in. virt. с. 10, р. 97; quest. plat. с. 1, р. 1223). Въ христіанской литературѣ сл. *οἴησις* впервые встрѣчается въ Лавсаикѣ (MPGg. 34, 995, 1092 d, 1211 a); у Кирилла Алекс. приводится Біоново опредѣленіе въ видѣ цитаты, но безъ указанія его имени — *ὡς ὁ τῶν ἀρχαίων λόγος* (I. Дамаскинъ. Свящ. паралл., буква О, тит. VI; MPGg. 96, 216 d). Объ *οἴησις* въ см. надменія говоритъ Іоаннъ Лѣтвничникъ (гл. 23), а анонимный схолиастъ (сх. S'MPGg. 88, 972 c) приводитъ, какъ слова „нѣкоего философа“, Гераклитово опредѣленіе (*ἕρᾶ νόσος* ср. Л. Д. IX, р. 631). Нѣсколько позже также подъ именемъ Гераклита св. Максимъ (р. 570), какъ уже сказано, цитируетъ Біоново опредѣленіе *οἴησις*. Въ аскетической литературѣ послѣдующаго времени оно получило самое широкое употребленіе.

¹⁾ Плутархъ. De profect. in virtut. с. 11, t. 1, р. 98. Одиссея ζ' 187; ω 302. Въ этомъ сужденіи Біонъ пошелъ значительно дальше сократовскаго правила *μη κρίνειν ἀρετῆν λαοδίκῳ σοφίῃ* (Anth. lyr. р. 137), дальше кинической автаркіи; онъ прямо объявилъ „общій смыслъ“ источникомъ заблужденія, а истину поставилъ въ полную противоположность ему. Радикальность мнѣнія соотвѣтствуетъ склонности Біона къ парадоксамъ, но, съ другой стороны, онъ, очевидно, продолжаетъ традиціи кинической школы. Нѣчто подобное Л. Діогенъ приписываетъ Антисоену. „Когда кто-то сказалъ А., что его многіе хвалятъ, онъ от-

фіарая поглотила земля, а ты—землю.¹⁾ Но, будучи ученикомъ киренцевъ, Біонъ и самъ не былъ чуждъ этихъ гедоническихъ склонностей. Аѳиней въ отдѣлѣ о чревоугодникахъ приводитъ случай, когда Біонъ, боясь лишиться вкуснаго блюда, бросился къ нему, цитируя Еврипида (*Βάχχαι* 1127), который, вѣроятно, долженъ былъ скрасить неловкость положенія (Аѳиней, VIII, 344а),²⁾ а Л. Діогенъ говоритъ, что Біонъ иногда не прочь былъ и выпить (*ἐν τισὶ καὶ πότιμος*).

Вопросъ, заданный Біономъ завистливому человѣку,—у тебя-ли несчастье или у другого что-то хорошее (Л. Д. 288),—почти въ той же формѣ цитируемый Стобеемъ (38, 50) и въ Іоніадѣ Арсенія Монемавасійскаго (л. 59v), не представляетъ чего нибудь оригинальнаго, если только достовѣренъ, ибо сильно напоминаетъ Сократово опредѣленіе зависти (Ксеноф. *Memor.* III, IX, 8) и, какъ бродячій сюжетъ, приписывается и другимъ лицамъ (м. пр. Анахарсису; *Ἴωνίας* № 10, л. 46 ч.). Въ борьбѣ съ суевѣрїями, одинъ примѣръ которой уже приводился выше (Плут. *De superst.* 7: t. I, p. 200), ученикъ Θεοδορoвской школы не щадилъ заодно ни вѣрованій, ни благочестиваго настроенія. Онъ такъ неотступно и безпощадно преслѣдовалъ прорицателей, что даже спокойнаго и безразличнаго Менедема вызвалъ на укоризненное замѣчаніе, что этимъ Біонъ лишь вторично убиваетъ мертвецовъ (Л. Д. II, 179в). Широко распространенное вѣрованіе, что за грѣхи отцовъ Богъ наказываетъ дѣтей, вѣрованіе, въ которомъ въ религіозной формѣ отразилась идея наслѣдственности и всеобщей нравственной отвѣтственности, вызываетъ со стороны Біона насмѣшливое и неумное замѣчаніе. „Біонъ говорилъ, что Богъ, наказывая дѣтей порочныхъ родителей, болѣе смѣшонъ, чѣмъ врачъ, который отъ болѣзни дѣда или отца даетъ лѣкарства сыну“. (Плут. *De sera num. vind.* с. 19; t. I, p. 678). Съ такой же насмѣшкой Біонъ говоритъ объ общей заботливости относительно погребенія и о народ-

вѣтилъ: „неужели я совершилъ что-нибудь плохое?“ (VI p. 369). Но еще сильнѣе и совершенно обнаженно А. высказалъ мысль, выраженную Б лишь описательно, въ своемъ афоризмѣ — *τῆν ἀδοξίαν ἀγαθὸν (εἶναι)* (p. 371). Дурная слава, установившаяся за кѣмъ-нибудь, есть хорошій для него показатель,—очевидно, потому, что толпа, отъ которой киники не отличали общества, умѣетъ мыслить только навыворотъ,—считаетъ хорошимъ дурное и дурнымъ хорошее.

1) Л. Д. 286 p. Подобную фразу сохранилъ и Аѳиней (VIII, 344в), влагая ее въ уста Θεοκρίта Χіος. по адресу нѣкоего Діокла.

2) Случай можетъ быть и анекдотичный, но ловкая и умѣстная цитата изъ Еврипида дѣлаетъ его очень правоподобнымъ для Біона.

номъ представленіи загробной жизни. По мнѣнію киниковъ, для человѣка должно быть безразлично, что станетъ съ его тѣломъ послѣ смерти, и потому суетны всѣ заботы о погребеніи. Неправильный взглядъ на этотъ вопросъ является причиной многихъ трагедій (Стоб. 40, 8 изъ Телета *περὶ φιλῆς*.¹⁾ Схожденіе въ адъ очень нестрашно, потому что покойники переходятъ туда съ закрытыми глазами (или: нетрудно, и потому (такъ что) умершіе идутъ туда съ закрытыми глазами. Л. Д. 287 р.), и наказаніе, которое тамъ несутъ грѣшники, не очень тяжело; оно было бы тяжело, если бы людей заставляли носить воду въ цѣлыхъ, а не дырявыхъ сосудахъ (Л. Д. тамъ же). Однако, когда Біону рѣшительно поставили вопросъ, признаетъ ли онъ существованіе боговъ, онъ не нашелъ въ себѣ мужества повторить тезисъ Θεодора, чтобы не подвергнуться его участи, и, подобно Стилпону, уклонился отъ прямого отвѣта указаніемъ на то, что это — тема, неудобная для публичнаго обсужденія (Л. Д. II, 166). Если эти сужденія носятъ характеръ обыкновеннаго легкомыслія и шутокъ, то принципиальный смыслъ имѣетъ замѣчаніе Біона о благочестіи, какъ внутренней настроенности. Для свободы и независимости мысли благочестіе, по его мнѣнію, вредно, ибо сковываетъ ее преклоненіемъ предъ внѣшней силой.²⁾

Въ перечисленныхъ доселѣ апофтегмахъ Біонъ обнаруживаетъ черты киренской и кинической философіи, впрочемъ съ преобладаніемъ послѣдней; недаромъ Т. Гомперцъ (II, 1, 183) называетъ его на три четверти киникомъ. Чистымъ киникомъ и по содержанію своихъ мыслей и даже по формѣ ихъ выраженія онъ выступаетъ въ своихъ отношеніяхъ къ *ἐγκύκλια μαθημάτων*. Киники вообще отрицали ихъ значеніе (Л. Д. VI, р. 412), какъ ненужныхъ и бесполезныхъ для хорошей и счастливой жизни, а школьная философія, по ихъ мнѣнію, давала лишь умѣнье разсуждать о мудрой жизни, но совершенно ничему не научала. Поэтому всѣхъ предававшихся ихъ изученію киники преслѣдовали беспощадными насмѣшками (Wachsmuth 67). Біонъ всецѣло раздѣлялъ этотъ взглядъ. Только одна истинная, подъ которой Біонъ разумѣлъ киническую, философія заслуживаетъ

¹⁾ Подъ трагедіями авторъ могъ разумѣть или жизненные (Платонъ. Филебъ 29) или поэтическія, какъ Семь пр. Эивъ, Антигону, Финикиянокъ.

²⁾ Л. Д. 288. *τὴν δυσσεβειαν* (по поправкѣ Welker'a *ἐυσεβειαν*) *πονηρὸν ἔλεγεν εἶναι σύνοικον τῆ παρρησίᾳ*.

Δουλεῖ γὰρ ἄνδρα κὰν θρασύτομος τις ἤ (Еврипидъ. *Ἰππόλυτος* στες. 424; въ текстѣ *θρασύπλαγχος*, Біономъ замѣнено)

уваженія, какъ подлинное знаніе. По сравненію съ другими отраслями знанія, она то же, что госпожа среди служанокъ; таково же отношеніе между любителями этой мудрости и тѣхъ знаній. Съ какимъ-то подлиннымъ цинизмомъ Біонъ разъясняетъ свою мысль, пользуясь образомъ гомеровской Пенелопы и ея жениховъ, которые, не добившись руки госпожи, довольствовались любовью ея служанокъ. (Плут. De educ. puer. 10; t. I, 8; это же сопоставленіе приписывается также Горгію ритору—Orat. atticī, ed. F. Didot. t. II, p. 222, fr. 28 и Аристиппу—Л. Д. II, p. 140—141). Наблюдательный и философски широко-образованный, съ острымъ умомъ¹⁾ и не менѣ острымъ языкомъ, Біонъ не остановился предъ традиционнымъ уваженіемъ къ серьезности темъ философіи и наукъ, все смѣшалъ въ одну безформенную массу, „нарядилъ философію въ цвѣтныя одежды“²⁾ и далъ много

¹⁾ Ератосѣенъ (у Страб. 1, 2, 2), несмотря на не всегда удачныя, иногда грязныя и всегда слишкомъ круто посоленныя остроты (Норат. Epist. 1. I, 2, 60), отдаетъ дань уваженія уму Біона и сравниваетъ его съ царственнымъ богатыремъ Одиссеемъ въ лохмотьяхъ. Подражая Біоновой манерѣ пародированія, Ератосѣенъ примѣняетъ къ нему стихъ изъ Одиссеи (σ 74) αἴην ἐκ ῥαχέων ὁ Βίων (вм. ὁ γέρον въ текстѣ).

²⁾ Л. Д. IV, 289: διὰ δὲ οὖν τὸ παντὶ εἶδει λόγου κερᾶσθαι φασὶ λέγειν ἐπ' αὐτοῦ τὸν Ἐρατοσθένην. ὡς πρῶτος Βίων τὴν φιλοσοφίαν ἀνθινὰ ἐνέδουσαν. Это же свид. Ератосѣена приводитъ и Страбонъ (1, 2, 2), ошибочно усмотрѣвъ въ немъ скрытую похвалу Біону, а пс.—Митродоръ π. αἰσθησ. XV у Wachsm. 75) такое же сужденіе о Біонѣ приписываетъ Теофрасту. Вахсмуть примиряетъ разнорѣчіе, допуская, что первоначально это мнѣніе высказалъ учитель Біона Теофрастъ; отъ него оно получило распространеніе въ Аѳинахъ, а потомъ было усвоено и Ератосѣеномъ. Относительно смысла этого извѣстія Вахсмуть говоритъ, что ἀνθινὰ были meretricia opamenta, и такимъ образомъ Теофрастъ и Ератосѣенъ упрекаютъ Біона въ крайнемъ униженіи философіи. Однако въ IV—III в., хотя бѣлый цвѣтъ и оставался параднымъ и солиднымъ, но и цвѣтное платье не было въ униженіи, и женщины любили его носить (I. Müller. Handb. d. klass. Alterthumw. IV, 1, 3. Griech. Privatalterth. § 56). Вѣроятно, для рѣшенія этого вопроса было бы правильнѣе исходить изъ другихъ положеній. Въ вѣкъ Біона для философовъ (или для философіи, синекдох. говоря) считались единственно приличными бѣлый и сѣрый цвѣта: бѣлую хламиду установили академики, сѣрый тривонъ—кинники. Цвѣтное на мужчинѣ было т. сказ. мірскимъ, свѣтскимъ одѣяніемъ.

„Облекъ философію въ цвѣтное“ значитъ сдѣлалъ ее предметомъ обыкновенной досузей свѣтской болтовни наравнѣ съ прочими мірскими темами. Но если и принять объясненіе Вахсмута, еще раньше предложенное Виттенбахомъ (въ его изд. Плутарха VI, 396), Велькеромъ (Prolegomena in. Theognidem 87 p.) и Бернгарди (Grundr. d. griech. Litter. I, 148), все таки эта своеобразная „заслуга“ Біона не такъ велика, ибо еще до него Димитрій Фалерійскій, по словамъ Квинтиліана, dicebatur uti... versicolori veste (XI, 33).

поводовъ всѣмъ желающимъ вторгаться въ ея область и опустошать ее.¹⁾ Во имя полной независимости мысли Біонъ, какъ и вся киническая школа, былъ врагомъ философской догмы. Повидимому, противъ Платона направлена апорія Біона въ. пс. Плутарховомъ соч. „о душѣ“ (18 отр., т. V, стр. 13). Платонъ училъ, что душа созерцала истину въ домірномъ своемъ состояніи, а послѣ паденія вселившись въ тѣло, постигаетъ истину въ силу воспоминанія (*κατ'ἀνάμνησιν*). „А ложь, спрашиваетъ Біонъ, она такъ же возникаетъ въ душѣ по воспоминанію, какъ и истина, или нѣтъ, и что такое безуміе?“ По мысли Біона, если ученіе Платона о воспоминаніи и можетъ выдержать провѣрку на безошибочно дѣйствующемъ умѣ, то въ отношеніи ума заблуждающагося уже возникаютъ затрудненія, которыя становятся, наконецъ, непреодолимыми при объясненіи состоянія полного безумія. Слѣдовательно, содержаніе мысли чрезвычайно разнообразно. Чѣмъ же должно руководиться для отдѣленія истины отъ неполной истины и ото лжи? Можетъ быть, все зависитъ отъ точки зрѣнія?

Дѣйствительно, по мнѣнію Біона, каждой истинѣ сосуществуетъ противоположная ей такая же истина, стоитъ только перевернуть формулу, отношенія. Это онъ иллюстрировалъ случаемъ или, вѣрнѣе, злостнымъ анекдотомъ изъ жизни художника Павсона,²⁾ который вмѣсто заказанной картины валяющейся на землѣ лошади написалъ бѣгущую, но когда картину перевернули, получилось требуемое изображеніе. „То же происходитъ съ нѣкоторыми сужденіями, если ихъ перевернуть“, заключаетъ Біонъ.³⁾ Съ помощью такого приема если не всегда можно было получить равносильную противоположную мысль,

¹⁾ Л. Д. IV, 285: *πλείστας ἀφορμὰς θεδωκόως τοῖς βουλομένοις καθιπαίεσθαι φιλοσοφίαν.*

²⁾ Художникъ второй половины V вѣка, изображавшій только уродливыя и некрасивыя явленія (Аристотель. Поэтика 2, 1448; Политика VIII, 5, 7, 1340).

³⁾ Плутархъ. De pythiae orac. 5; t. I, p. 484; срв. пс.—Лукіанъ. Demosth. encom. 24; t. IV, p. 301. Сравненіе обоихъ авторовъ обнаруживаетъ ихъ независимость другъ отъ друга при единствѣ общаго источника. Такимъ источникомъ, вѣроятно, была одна изъ діатрибъ Біона.—Заключеніе, сохраненное Плутархомъ, представляетъ собственныя слова Біона, а его форма свидѣтельствуеетъ о томъ, что такой выводъ Біонъ самъ сдѣлалъ изъ описаннаго случая, т. е. долженъ былъ предварительно его изложить. Мысль объ обратныхъ сужденіяхъ до Біона высказывалъ Протагоръ (Л. Д. IX, 662в), а потомъ соврем. Біона Пирронъ (тамъ же 679; С. Эмпирикъ. 3 кн. Пиррон. полож. I, 27, § 202); въ поэтической формѣ находимъ ее у Еврипида (*Ἀντιόπη* fr. 29; t. IV, 193).

за то очень легко было всякую мысль сдѣлать смѣшной и ненужной. Мы знаемъ одинъ, правда не очень ужъ удачный, случай такой *ἀναστροφῆς λόγου*, направленной противъ Аркезилая¹⁾. Такого рода полемика, не будучи серьезной, не давая новаго матеріала для углубленія обсуждаемой философской проблемы, могла имѣть въ то же время весьма значительныя отрицательныя послѣдствія. Изъ опасенія стать въ смѣшное положеніе иной противникъ предпочтетъ воздержаться отъ опредѣленныхъ формулъ и тезисовъ. По свидѣтельству Діокла Книдскаго (Евсей. Пригот. Ев. XIV, 6), „Аркезилай изъ страха предъ учениками Θεοδωρα и Βιονομῶ σοφιστομῶ, которые вторгались въ философскія аудиторіи и, не стѣсняясь ничѣмъ, выступали съ возраженіями по каждому поводу, опасаясь того же по отношенію къ себѣ, чтобы не имѣть хлопотъ, не поставилъ ни одного опредѣленнаго философскаго тезиса, и какъ каракатица спасается, выбрасывая темную жидкость, такъ и онъ выставилъ на подобіе щита ученіе о воздержаніи отъ сужденій“.

Мы знаемъ о непочтительномъ отношеніи Βιονα къ Ксенократу. Такими же насмѣшками онъ преслѣдовалъ грамматиковъ („слѣдя за скитаніями Одиссея, они не видятъ собственныхъ блужданій, ошибокъ, не видятъ и того, что изысканія по совершенно бесполезному вопросу уже есть ошибка“. Стоб. 4, 54; то же киникъ Діогенъ у Л. Д. VI, 382), астрономовъ („смѣшно утверждать, будто видятъ рыбъ на небѣ, — раз. созвѣздіе, — тогда какъ не видятъ болѣе близкаго, рыбъ въ морѣ“. Стоб. 80, 3; почти то же замѣчаніе Θαλεсу Л. Д. I, р. 23; ср. киника Діогена Л. Д. VI, 382), математиковъ и музыкантовъ (Л. Д. IV, 289; то же Діогенъ кин. Л. Д. VI, 412). Сохранилась также и пародія на—Архиту Тарентскаго, одного изъ лучшихъ знатоковъ музыки изъ пифагорейской школы, автора сочиненій по геометріи, арифметикѣ, музыкѣ, и вообще по своему умственному и нравственному облику личность исключительно почтенную.²⁾

Древній латинскій схолиастъ, разъяняя Горация (Epist. II, v. 60—*ille Bioneis sermonibus et sale nigro*), замѣчаетъ, что

¹⁾ Клим. Алекс. Стром. VII, 4: шутка о мыши, грызущей мѣшокъ, и о мѣшкѣ, не могущемъ поглотить мышъ.

²⁾ Л. Д. IV, 289. Ὁ πέπον Ἀρχύτα, ψαλληγενὲς, ὀλιβιότυφε, / Ἰγῆς ὑπάτης ἕριδος πάντων ἐμπειρότατ, ἀνδρῶν. Πτολεμ. Ἀρμον. I, 13. Ἀρχύτας ὁ Παραντίνος μάλιστα τῶν πυθαγορέων ἐπιμεληθεὶς μουσικῆς. Ср. тамъ же I, 8 (у Wachsm. 201). Л. Д. III, 199; VIII, 617—620; Цицеронъ. De senect. c. 12 § 39. . . . veterem orationem Archytae Tarentini, magni in primis et praeclari viri.

софистъ Біонъ въ особой книгѣ жестоко осмѣивалъ поэтовъ, не дѣлая исключенія и для Гомера (у Wachsm. 77). Чтобы судить, насколько точны слова схолиаста и не основаны ли они лишь на томъ, что для своихъ пародій Біонъ пользовался стихами Гомера, мы располагаемъ слишкомъ скуднымъ матеріаломъ. У насъ есть въ распоряженіи лишь одинъ примѣръ, который допускаетъ при этомъ различныя объясненія. Цицеронъ приводитъ популярную шутку Біона,¹⁾ но изъ нея не видно, кого осмѣиваетъ Біонъ, — Агамемнона ли, какъ дѣйствительное лицо, или самого Гомера, какъ создателя этого поэтического образа. За то относительно другого поэта мы имѣемъ засвидѣтельствованное сужденіе Біона. По поводу двухъ стиховъ Теогида, жалующагося на бѣдность, которая сковываетъ языкъ человѣка (Elegia, v. 177, 178. Anthol. p. 74), Біонъ замѣчаетъ: „почему же это ты, будучи (тоже) бѣднякомъ, такъ много болтаешь и дурачишь насъ“? (Плутархъ. (De aud. poetis c. 4: t. I, 26). И это — не единственное замѣчаніе. Біонъ осмѣивалъ Теогида и въ прозѣ, и въ стихахъ его пародировалъ. Вахсмуть (71) эти пародіи Біона ставитъ въ связь съ киническими интерполяціями, вошедшими въ 1 элегію Теогида (стт. 847—852: 1077—1082; 1143—1150. Anthol. p. 100, 109, 112).

Кромѣ апофтегмъ, Біонъ, по словамъ Л. Диогена (285), оставилъ *πλείστα ὑπορνύματα* или діатрибъ. „Не считаясь совершенно съ мелочными требованіями школьной мудрости, онъ свободно выходилъ за предѣлы установленныхъ ею шаблоновъ и при обсужденіи нравственныхъ вопросовъ предпочиталъ неприязательную и простую форму бесѣды. діатрибы“. Эти слова Христа (Gesch. d. griech. Litter. II, II, 3 § 508) объ Эпиктетѣ съ большимъ правомъ приложимы къ Біону, у котораго Эпиктетъ заимствовалъ форму діатрибы. Къ сожалѣнію, изъ этихъ произведеній Біона ни одна не дошла до насъ въ цѣлости и подъ его именемъ. Можно говорить только о ссылкахъ на нихъ и въ лучшемъ случаѣ объ ихъ фрагментахъ.

Горацій, говоря, между прочимъ, о разнообразіи литературныхъ вкусовъ, указываетъ, что одному нравятся пѣсни, другому — ямбы, третьему — діатрибы Біона и ихъ грязный юморъ

¹⁾ Цицеронъ. Tuscul. disput. III, 26 § 62. Agamemno Homericus et idem Accianus Scindens dolore identidem intonsam comam, in quo facetum illud Bionis, perinde stultissimum regem in luctu capillam sibi evellere, quasi calvitio maeror laevaretur.

Не сюда ли относится другая фраза (Сенека. De tranquil. anim. 8, 2) „Bion eleganter ait, non minus molestum esse calvis, quam comatis pilas (можетъ быть pilos) velli.“?

(ille Bioneis sermonibus et sale nigro, paz. gaudet. Epist. II, 2 v. 60). Сопоставляя Біонову діатрибу съ другими формами литературныхъ произведеній, Гораций, очевидно, признаетъ въ ней особый литературный видъ, созданный Біономъ; впослѣдствіи онъ былъ усвоенъ Мениппомъ, Лукіаномъ и въ новое время новеллистами эпохи Возрожденія.

Л. Диогенъ (VI, p. 139), рассказывая о томъ, какъ Аристиппъ, увидѣвъ, что рабъ съ большимъ трудомъ несетъ кошелекъ съ деньгами, посоветовалъ ему отсыпать лишнее, подтверждаетъ свои слова ссылкой — *ὅς φασι οἱ περὶ τὸν Βίωνα ἐν ταῖς διatribαῖς*. Должно быть, въ числѣ діатрибъ Біона была такая, въ которой онъ разсуждалъ, въ формѣ бесѣды со своимъ кружкомъ, приблизительно на тему о должномъ отношеніи къ мнимымъ благамъ. Слова Аристиппа и были процитированы въ этой діатрибѣ однимъ изъ участниковъ бесѣды.

Выше были приведены слова Біона объ обратныхъ сужденіяхъ, и высказано предположеніе, что эта цитата представляетъ не апофтегму, а, вѣроятно, остатокъ одной изъ діатрибъ Біона. Затѣмъ, схолиастъ Горация упоминаетъ (см. 210 стр.) какой-то *librum, quem edidit Bio*. Если только эта книга не есть плодъ недоразумѣнія или фантазіи схолиаста, то должно быть и она представляла діатрибу, гдѣ специально или мимоходомъ говорилось о достовѣрности или естественности у поэтовъ.

У Стобея (5, 67) сохранились самыя большіе отрывки изъ діатрибы Біона, которые вошли въ другую діатрибу же подражателя Біона Телета *περὶ ἀδ'αρχείας*. Отрывокъ Біона содержитъ рѣчь олицетворенной бѣдности, а вся діатриба, по предположенію, представляла діалогъ двухъ женскихъ фигуръ, олицетворившихъ *πεινὰ καὶ πρᾶματα*.

Жизнь человѣка есть драма (Плат. Филебъ 29 гл., Законы VII, 19), и судьба—ея авторъ. Она, какъ хорошій драматургъ, раздаетъ людямъ различныя роли (*πρῶτα*): одному роль героя, другому—второго лица; одному—роль царя, другому—батрака (ср. Эпиктета Энхиридѳонъ гл. 23, MPG. 79, 1293 с; Лукіанъ. *Νεγκυρ.* 16, t. I, p. 256, 257). Должно довольствоваться доставшейся ролью и не стремиться перейти изъ одного положенія въ другое; это лишь нарушаетъ гармонію всего творенія (Стобея Флорилегій, изд. Гесфорда. 1822 г. т. I, стр. 156). Наоборотъ, вся заслуга въ томъ, чтобы быть хорошимъ актеромъ на своемъ мѣстѣ и безупречно сыграть свою роль и во вступленіи, и въ развитіи, и въ развязкѣ и выйти изъ жизни съ честью (стр. 161). Поэтому Біонъ рекомендуетъ читателю фи-

лософскую резиньяцію¹⁾). Нужно принимать вещи такими, какъ они даны дѣйствительностью, не усиливаясь ихъ измѣнить, а наоборотъ, самому къ нимъ примѣниться.²⁾

Пусть примѣромъ служатъ моряки, которые дѣйствуютъ, примѣняясь къ состоянію погоды и направленію вѣтра, а не задаются безумной мыслью измѣнить то и другое по своимъ желаніямъ. „Достигъ ты старости, не ищи того, что свойственно молодости; ослабѣвъ,—не бери на себя бремени сильныхъ“ (стр. 158, 159). И въ ежедневныхъ житейскихъ дѣлахъ (πράγματα) все зависитъ отъ того, какъ къ нимъ подойти и взяться за нихъ (παρὰ τὴν ὑπόληψιν). Если взять змѣю посрединѣ, она укуситъ; иное дѣло, если схватить ее за шею. И относительно каждаго звѣря также отъ ухватки зависитъ, укуситъ ли онъ васъ, или нѣтъ (παρὰ τὴν λῆψιν ἢ ὀξείς γίνεται). Такъ и дѣла причинятъ ли вамъ боль или нѣтъ, это зависитъ отъ того, будете ли руководиться благоразуміемъ Сократа или собственными ложными представленіями (стр. 158). Главное явленіе, съ которымъ человѣкъ неустанно борется, есть недостатки, бѣдность. Но если бы бѣдность имѣла способность человѣческой рѣчи, она обратилась бы къ намъ съ такимъ увѣщаніемъ: „За что ты ненавидишь меня, человѣкъ? Или изъ-за меня ты лишился (истинно) прекраснаго, добродѣтели? Или въ необходимомъ испытываешь нужду? Растеній для ѣды сколько угодно при дорогахъ, воды для питья — въ источникахъ; лечь хочешь — предъ тобою вся земля, нужна постель — мало ли листьевъ? Я доставляю тебѣ бесплатно лучшую, неизнѣживающую приправу—голодь: вѣдь, голодный съ удовольствіемъ (ἡδιστα) ѣстъ (что нашель), и совѣмъ не (ἡμιστά) ждетъ тонкихъ блюдъ, жаждущій съ удовольствіемъ пьетъ, не ожидая наитковъ, которыхъ сейчасъ нѣтъ. Развѣ люди, которые ѣдятъ пирожное и охлаждають свое питье снѣгомъ, удовлетворяють голодь и жажду, а не страсть къ наслажденіямъ? И квартиръ къ твоимъ услугамъ сколько угодно: лѣтомъ храмы, зимою бани. Бери примѣръ съ Діогена, который съ такимъ удовольствіемъ лѣто проводилъ въ Парѳенонѣ“ (стр. 157 и 158).

¹⁾ μέγα κακὸν τὸ μὴ δύνασθαι φέρειν κακὸν (Л. Д. IV, 286 стр.). Ср. слова Мениппа въ XXVI діалогъ мертвыхъ у Лукіана φασὶ συνετὸν ὄντα ἀρέσκεισθαι καὶ ἀγαπᾶν τοῖς παροῦσι, καὶ μηδὲν αὐτῶν ἀφόρητον ἕεσθαι (t. I, p. 234).

²⁾ Ср. Энхиридiónъ Эпиктета гл. 13: μὴ ζῆται τὰ γινόμενα ὡς θέλεις, ἀλλὰ θέλε τὰ γινόμενα ὡς γίνεται καὶ εὐρήσεις (MPGt. 79, 1289); также Αποφθέγματα πατέρων. π. Νεῖλου (MPGt. 65, 305c; p. п. Достоп. сказ. 2, 210).

Наконецъ, наступаетъ старость. Какъ домохозяинъ прибѣгаетъ къ различнымъ мѣрамъ, чтобы выселить неисправнаго квартиранта—снимаетъ двери, разбираетъ крышу, заваливаетъ колодезь, такъ и природа (давшая намъ тѣло во временное помѣщеніе) отнимаетъ у насъ постепенно зрѣніе, слухъ, руки и ноги¹⁾. Когда это начнется, не нужно цѣпляться за жизнь, а лучше добровольно уйти изъ нея, какъ съ пира (изъ гостей), не выражая неудовольствія, а спокойно, подчиняясь велѣнію наступившаго часа, *ἔμβα παρῳμίδος ἔρμα* (стр. 161):

Философское міросозерцаніе Біона, насколько возможно говорить о немъ на основаніи приведенныхъ апофтегмъ и отрывковъ, представляется опредѣленно киническимъ съ нѣкоторой примѣсью элементовъ киренскаго гедонизма (Т. Гомперць II. 1, 184; Г. Гомперць. Жизнепониманіе греческихъ философовъ р. п. 148). Но Біонъ былъ слишкомъ софистомъ и достаточно широко — начитаннымъ человѣкомъ, чтобы ограничивать свои мысли и вкусы предѣлами какой нибудь доктрины. Въ его словахъ чувствуется вліяніе и другихъ школъ.

Не щадящая никого рѣзкость сужденій и особенности стиля приближаютъ Біона къ Гераклиту Ефесскому: та же сжатость и сила выраженія (Л. Д. IX. стр. 631), такая же склонность къ игрѣ словами и противоположностями (Маковельскій. Досократики. I, фрагм. Гераклита 34, 48, 62), такое же насмѣшливое отношеніе къ положительному знанію и къ догматизму въ философіи (фр. 40, 129). Въ содержаніи воззрѣній Біона (нужно оговориться, и общихъ киникамъ) можно указать параллели къ Гераклиту; недаромъ „плачущій“ пользовался такимъ уваженіемъ въ школѣ киниковъ и былъ предметомъ спеціальнаго изученія самого Антисоена (Л. Д. IX, 637). Гераклитъ училъ, что цѣль жизни — *εὐαρέστησις* (Клим. Ал. Стром. II, 21) и благо людей — не въ исполненіи ихъ желаній (фр. 110). Непосредственно выше были изложены параллельныя сужденія Біона. У Діогена и Біона богатство—*μητρόπολις* пороковъ, у Гераклита—

¹⁾ Срв. пс.—Платона Аксіохъ гл. 5, 367в. *εἶτα λαθὼν ὑπῆλθε τὸ γῆρας, εἰς ὃ πᾶν σὺρρέει τὸ τῆς φύσεως ἐπίκηρον καὶ δυσσαλθές. καὶ μὴ τις θάπτων ὡς χρέος ἀποδιδοῖ τὸ ζῆν, ὡς ὀβολοστάτης ἢ φύσις ἐπιστάσα ἐνεχυράζει τοῦ μὲν ὕψιν, τοῦ δὲ ἀκοῆν, πολλάκις δὲ ἄμφω. καὶ ἐπιμείλη τις, παρέλυσεν, ἐλωβήσατο, παρήϊρωσεν.* Не только въ общемъ своемъ смыслѣ, вопреки неубѣдительному толкованію Т. Гомперца (I, примм. 476, 477 стр.), но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, привед. цитата совпадаетъ съ Біономъ, такъ что мысль о непосредственномъ заимствованіи у Біона болѣе вѣроятна, чѣмъ теорія общаго источника.

отецъ ихъ (фр. 125а). И Біонъ и Гераклитъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ относятся къ мнѣнію толпы (фр. 57, 121 у Л. Д. IX, 628; Плут. de prof. in virtut. 11). Наконецъ, указанное выше (стр. 203, прим.) ошибочное отнесеніе Гераклиту опредѣленія *οἴησις*, которое принадлежитъ Біону, служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ его близости къ Гераклиту, замѣченной еще раньше.

Въ томъ, что Біонъ съ почти буквальной точностью воспроизводитъ тезисъ Протагора о возможности двухъ противоположныхъ сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ, нужно видѣть вліяніе перваго софиста, дошедшее до его отдаленнаго апогона; недаромъ подражатель Біона Тимонъ фл. съ такимъ почтеніемъ отзывается о Протагорѣ (у Wachsmuth fr. XLVIII).

Этимъ, однако, кругъ вопросовъ, связанныхъ съ Біономъ, не ограничивается; онъ представляетъ интересъ не только по содержанию своихъ мыслей, но и по формѣ ихъ изложенія. Первая бросающаяся въ глаза черта Біона—это особенная склонность къ пользованію поэтами. Тяготѣніе къ Гомеру Біонъ обнаруживаетъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ традиціи, раздѣляя вкусы своихъ соотечественниковъ Ольвіополитовъ и своихъ предшественниковъ по школѣ кинической (см. у Wachsmuth'a 69 стр.). Въ отличіе отъ прочихъ борисоенскихъ писателей Біонъ не ограничивается Гомеромъ,—не менѣе часто онъ обращается къ Еврипиду. Случаи прямого цитированія Еврипида указаны выше (Иппол. 424; Вакх. 1127); на Еврипидѣ опирается сужденіе Біона о старости (I, IV, p. 289) и объ *οἴησις* (IV, 254). Слова, которыми Біонъ заключилъ свой отвѣтъ царю Антигону. *σκόπει δὲ μ' ἕξ ἑμαυτοῦ* суть, повидимому, лишь вольное, но и метрическое переложеніе стиха Еврипида (IV. 275: *ἀλλ' ἕξ ἑμοῦ γὰρ τὰμὰ μαιήσῃ κλύων*. Φιλοστ. fr. X).¹⁾

Вольное переложеніе стиховъ поэта съ цѣлью насмѣшки. пародія были нерѣдкимъ явленіемъ въ средѣ киниковъ (Wachsmuth 70), а Біонъ въ этой области обнаруживалъ даже исключительныя дарованія (*εὐφροῦς ἦν καὶ παρφοῦσαι*. Л. Д. 289 p.). Лаэртій Діогенъ сохранилъ намъ двѣ его пародіи (ранѣе приведенныя); одна направлена противъ Архиты Тарентскаго и составлена на основаніи Гомера (Ил. Z 55, O 472, Γ 182, Π 628, A 146);²⁾ другая—противъ благочестія и основана на Еврипидѣ

¹⁾ Такое же переложеніе, если не импровизацію, можно видѣть во фразѣ Біона—*ὁ τὰ μέγιστα βουλόμενος εὐγμερτεῖν*, въ которой чувствуется опредѣленный метръ.

²⁾ Детальный истор.-литерат. ея анализъ см. у Вахсмута 201, 202 стр.

(Иппол. 424). Немало пародій было у Біона противъ Θεогнида, но ни одна не дошла до насъ.

Въ своей дѣятельности Біонъ былъ, главнымъ образомъ, софистомъ, т. е. учителемъ риторики. Этимъ объясняется, что его апофтегмы имѣли *χρειώδη πραγματεία* и представляли собою темы для риторическихъ упражненій учениковъ. Какъ такія, они формулированы по правиламъ риторскаго искусства въ томъ изысканномъ его направленіи, отцомъ котораго былъ Горгій леонтинецъ. Апофтегмы Біона пестро разукрашены обильными *σχήματα λόγου*, которые тогда считались обязательнымъ признакомъ хорошей рѣчи. Наиболѣе часто встрѣчаются *парономасіи*: *Κιτιὰ — οὐκετιὰ* (о Персеѣ), *κοινήν — ποιήν* (о женѣ); *προκοπής ἐγκοπὴ* (о самонадѣянности); *δῆξις — λῆξις* (о змѣѣ), *ἥδιστα — ἥμιστα* (о пищѣ и питьѣ); примѣры *антитеа*: *πυροὺς ἐκόμισα — κριθὰς πολῶ* (о преподав.); *οὐχ οὗτος τὴν οὐσίαν, ἀλλ' ἢ οὐσίᾳ τοῦτον (κέρκτηται, о скупцѣ); μέγα κακὸν, μέγα ἀγαθὸν* (о завистл. челов.); *καλὴν — αἰσχρὰν* (о женѣ); *ἄνδρας γυναικῶν — γυναικας ἀνδρῶν* (объ Алкив.); *παρέχει — φυλάττει — ἀφαιρεῖται* (о богатствѣ); *παρομιосισς*; *δεδώρηται — δεδάνεικε* (о томъ же); *ομιокаталикта*: *ἐπιμελεῖσθαι — ὑφελείσθαι* (о скупцѣ); *κεχρησθαι — παρητῆσθαι* (о неоставл. друзей); *эпанафора*: *ὡς ἰδίων — ὡς δ' ἐξ ἄλλοτριῶν* (тамъ же); игра омонимами, т. е. употребленіе одного и того же слова въ разныхъ смыслахъ, — *ἄξια, ἀξία* (о богачѣ и деньгахъ); *πλάνη* и *πλανᾶσθαι* (о граммат.), *ἰχθυς* (жив. и созвѣздіе; объ астроном.); *ὑπόληψις* и *ὑπολαμβάνειν* (о змѣѣ). Усиленіе выразительности фразы посредствомъ *φορητικῶν ὀνομάτων* и ново-придуманыхъ: *ψαλλιγενής, ὀλβιότατος* (пародія на Архиту), *κατασκελετεῖν* (о неудачныхъ философахъ).

Въ построении сложныхъ предложеній въ большинствѣ случаевъ замѣчается стремленіе соблюдать искусственную равномерность частей (*πάρισα, ἰσόκωλα*); таковы апофтегмы о женѣ, о богатствѣ, о скупцѣ, о неоставленіи друзей; о яствахъ и питіи голоднаго.

Несоразмѣрно многочисленныя *σχήματα*, наблюдаемая въ сравнительно небольшомъ количествѣ отрывковъ и апофтегмъ Біона, свидѣтельствуя о большой искусственности его стиля, способнаго произвести впечатлѣніе пресыщеннаго и прихотливаго. Очевидно, Біонъ очень тщательно обрабатывалъ все, что выходило изъ-подъ его пера, и по своему былъ правъ, высказывая высокое мнѣніе о себѣ, какъ учителѣ риторики, и если, какъ философъ, онъ не оставилъ ни одного ученика, наоборотъ, имѣлъ на своихъ слушателей отрицательное вліяніе (*τινὰς εἰς ἀναιτηγνῆσαν προῆγε* Л. Д. IV, 290), то обиліе подражателей въ

области словесности, — какъ Телитъ, Мениппъ, Горацій, Сенека, Плутархъ, Эпиктетъ, Лукіанъ, — свидѣтельствуеъ о его незаурядныхъ риторскихъ талантахъ.¹⁾

III.

Сфера Боспорянинъ.

Биографическія свѣдѣнія о Сферѣ скудны и неясны. Прежде всего мы встрѣчаемся съ краснорѣчивыми извѣстіями о его родинѣ. Л. Діогенъ дважды называетъ его боспоряниномъ (кн. VII, ж. Зенона стр. 458, ж. Сфера стр. 548), а Плутархъ (ж. Клеомена, изд. Sintenis у Тейбнера, гл. 2) — борисоенитомъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи третьяго свидѣтельства,²⁾ мы должны разрѣшить этотъ споръ на основаніи внутреннихъ данныхъ, какъ это дѣлаеъ И. Стемпковскій.³⁾ „Свидѣтельство Діогена, долженствовавшаго, при составленіи жизнеописаній философовъ, входитъ въ подробныя изслѣдованія о всемъ томъ, что до нихъ касалось, должно быть, кажется, предпочтено мнѣнію Плутарха, который говоритъ о Сферѣ мимоходомъ и который, вѣроятно, перемѣшалъ отечество сего философа съ отчизной Біона“ (стр. 205).

Время жизни и дѣятельности Сфера устанавливается съ такой же неустойчивостью. По Л. Діогену, Сферъ былъ ученикомъ Зенона стойка, по смерти котораго перешель къ его преемнику по схолярхіи Клеанѹ; а по Плутарху, былъ однимъ изъ первыхъ по времени учениковъ Зенона. Зенонъ началъ учить въ 300 г., а умеръ въ 270 (Zeller. Phil. d. Gr. III, 1, 27, anm. 4) или, правильнѣе, въ 262 г. (Целлеръ. Очеркъ ист. греч. фил. р. п. съ 9 изд. Лорцинга, стр. 163, 164 прим. 1). Если исходить изъ словъ Плутарха, поддерживаемыхъ перечнемъ первыхъ учениковъ Стои у Л. Діогена, то Сферъ въ первую половину этого періода (300—262), не позже 280 г., и во всякомъ случаѣ къ 262 г., къ смерти Зенона, если строго ограничиваться показаніями Л. Діогена, былъ уже въ Аоннахъ и въ такомъ возрастѣ, когда могъ слушать курсъ философіи. Извѣстный намъ (отъ Л. Діогена) самый поздній моментъ въ жизни

¹⁾ Zeller Phil. d. Gr. III, 1, 294, 1: mehr witziger Litterat, als Philosoph.

²⁾ В. В. Латышевъ говоритъ, что „другіе древніе писатели называютъ его Воспоранцемъ“ (О государственномъ строѣ Ольвіи, гл. IV, § 4; Ж. М. Н. Пр. 1887, III, 143), не указавъ ихъ по имени.

³⁾ Историческія изысканія о жизни и писаніяхъ Воспорянина Сфера, философа стоической школы. Московской Вѣстникъ на 1828 г. № 10, стр. 203—220.

Сфера — его пребывание в Александрии при дворе царя Птолемея IV Филопатора (221—204). Время между 280 или, по крайней мере, 262 и 221 г.г. входит в период жизни Сфера. К этим 60 или ш. 42 годам нужно прибавить достаточно лет сначала (16/20) и может быть несколько годов в заключение, и таким образом рождение Сфера должно относиться если не к самому началу (280+16/20), то ни как не позже 80-тых годов (262+16/20), а его смерть не раньше 20 года III столетия до Р. Хр.

Среди учеников Зенона Сфер был одним из видных: — Диоген называет его в числе „знаменитых“ (VII, 458); таким он был, конечно, и в глазах Клеанфа, который послал его к Птолемею вместо себя (Л. Диоген VII, 554); об уважении свидетельствует посвящение Хризиппом Сферу трактата „против (жалкого) метода Аркесилая“ (там же 563) и репутация его у стоиков, как человека in primis bene definitis (Cicero. Tusc. disp. IV, 24, § 53). Но этот даровитый ученик Стои не сблал, так сказать, академической карьеры. Он преждевременно выбыл из школы, пройдя ее курс лишь в *достаточно* объеме, чтобы больше в нее не возвращаться. После этого Сфер бывал и в Афинах, повидимому, только проездом и на короткое время, от одного далекого путешествия до другого. Его жизнь, как и жизнь его соученика Персея, приняла практическое направление.

Из периода самостоятельной деятельности Сфера мы знаем о двух крупных событиях — пребывании его в Александрии (Л. Диоген VII, 548, 554; Афин. VIII, 50, 354 ef.) и в Спарте (Плут. ж. Клеом. 2, 11). Извѣстия о путешествии Сфера в Александрию не единообразны и потому требуют рассмотрения. Л. Диоген в отд. о Сфере (VII, 548) говорит, что в Александрию он поѣхал к Птолемею Филопатору, а в отд. о Хризиппе (VII, 554), что по просьбе Птолемея он был послан к нему Клеанфом. Так как Клеанф был схоластом 262—23^{3/4} (Целлер. Очерк, 164, пр. 1), то послать Сфера в Александрию он мог при Птол. III Евверге (246—221) или Птол. II Филадельфе (285—246); след. путешествие Сфера к Филопатору есть особый факт, который должно отличать от раннейшей посылки его Клеанфом. Афиней говорит просто о вызове Птолемеем Сфера, без дополнительных к этому указаний, а по смыслу контекста рѣчи, приурочивает этот вызов ко времени жизни Клеанфа, т. е. имѣет в виду 1-ое (по Л. Д.) путешествие Сфера; но происшествие, рассказанное

имъ при этомъ,—ошибка философа съ восковыми фигурами, Диогеномъ относится ко времени Филопатора, т. е. ко второму путешествію. Съ другой стороны. Л. Диогенъ ко времени Филопатора относитъ слова Сфера о мудромъ царѣ. По отношенію къ Филопатору¹⁾ это было не чѣмъ инымъ, какъ самой грубой местью, едва ли мыслимой у стойка 1-го поколѣнія и у восстановителя строгихъ лаконскихъ нравовъ; оцѣнка Сфера болѣе приложима къ Евергету, государю не лишенному научныхъ и литературныхъ дарованій.²⁾ Въ виду такой спутанности матеріала, болѣе осторожнымъ было бы, по примѣру Целлера (Phil. d. Gr. I, 38 anm. 3), допустить дѣйствительность двухъ путешествій Сфера въ Александрію: въ 1-ый разъ посланнаго Клеанѳомъ къ Евергету или Филадельфу (post 262 — ante 243 г.), а во 2-ой отправившагося туда къ Филопатору (р. IX, 221), самостоятельно или по приглашенію, но во всякомъ случаѣ въ какой-то связи съ пребываніемъ тамъ Клеомена. Въ промежуткѣ между этими двумя періодами должна быть помѣщена дѣятельность Сфера въ Спартѣ.

Изъ времени 1-го пребыванія Сфера въ Александріи намъ извѣстенъ лишь одинъ и сравнительно интересный по своему философскому содержанію фактъ, рассказанный Л. Диогеномъ, Аѳинеемъ, Суидой (s. v. εἰλογον) и вскользь упомянутый Немесіемъ Эмесскимъ (περὶ ψυχῆς ζ', MPG. 40. 648 a).

Послѣ спора (со Сферомъ, — Л. Д., съ Клеанѳомъ, — Суида) о томъ, что мудрецъ не можетъ высказывать неосновательныхъ мнѣній, и заявленія (Сфера, Л. Д., нѣкогого — Суида), что онъ самъ свободенъ отъ этой ошибки, царемъ Птолемеемъ было устроено испытаніе (Л. Диог. и Суида).

Къ ужину на столъ были поданы восковыя фигуры (гранатовыхъ ябл. — Л. Диогенъ и Суида; куръ — Ао.; яблокъ — Нем.). Когда Сферъ (мудрецъ — Суида) протянулъ къ нимъ руку, принявъ ихъ за дѣйствительныя съѣдобныя вещи, царь остановилъ его, указавъ при этомъ, что философъ самъ опровергъ свое положеніе, согласившись съ ошибочнымъ представленіемъ и принявъ его за правильное. На это Сферъ (мудрецъ, Су.) возразилъ, что онъ согласился, но не съ тѣмъ, что эти фигуры суть дѣйствительно реальныя вещи, а лишь съ тѣмъ, что это

¹⁾ Его характеристику см. у Плут. ж. Клеом. 33; Дройзенъ. Исторія эллинизма, р. п. III т., стр. 314—315.

²⁾ См. отрывки его ист. труда во FHG. III, 186—189.

правдоподобно; правдоподобное же должно отличать от постигнутого представлениа (Л. Диог. Суида¹⁾ и Аѳ.).

Постигнутое представление свободно отъ ошибки, а правдоподобное можетъ оказаться и совсѣмъ другимъ. Поэтому всѣмъ намъ должно имѣть въ виду (это разсужденіе) о постигнутомъ представлении и о восковыхъ фигурахъ, чтобы у насъ оставалось (опасеніе) возможности ошибокъ хотя бы въ области зрительныхъ ощущеній, дабы мы не обо всемъ (ужь) говорили (съ увѣренностью въ своей правотѣ), заключаетъ Сфера или, вѣроятноѣ, дипнософистъ (Аѳ.).

Тема спора является однимъ изъ основныхъ положеній стоической логики и съ буквальной точностью воспроизводитъ тезисъ, поставленный Зенономъ въ Политіи: „мудрецъ не можетъ высказывать неосновательныхъ мнѣній, т. е. не долженъ соизволять ни на какое ошибочное (утвержденіе)“ (Л. Диогенъ VII, 511). Разсказанный случай — не измышленный эпизодъ, не анекдотъ, а дѣйствительное и достовѣрное отраженіе тѣхъ бесѣдъ, которыя приходилось тогда вести придворному философу.²⁾

Нѣсколько обстоятельнѣе наши свѣдѣнія о спартанскомъ періодѣ жизни Сфера. Политическимъ идеаломъ его учителя, какъ онъ нарисованъ въ соч. „О государствѣ“, было міровое социалистическое государство (Л. Диогенъ VII, стр. 456 — 457.

¹⁾ Суида буквально повторяетъ Л. Диогена во всемъ текстѣ, отъ *λόγον ποτὲ γενομένου* и до *τοῦ ἐβλόγου*, съ отступленіями въ именахъ. Сфера у него замѣненъ въ 1 случаѣ непонятнымъ *τις*, въ 2 другихъ — *σφῶς*. Что *σφαῖρος* при нѣкоторыхъ дефектахъ письма и чтенія легко могло превратиться въ *σφῶς* — это понятно. Такъ какъ *σφῶς* есть именно тотъ, кого Суида выше назвалъ неопредѣленнымъ *τις*, то можно подозревать, что этимъ *τις* редакторъ сознательно замѣнилъ 3-ье *σφῶς*, чтобы избѣжать путаницы, которая неизбѣжно появилась бы во фразѣ: „у Клеанѳа философа (1-ое л.) былъ... споръ о томъ, что *мудрецъ* (безлично) не можетъ высказывать ошибочныхъ мнѣній, и когда *мудрецъ* (какой? — Клеанѳъ, безлично или II-ое лицо?) сказалъ“ и т. д. Что касается Клеанѳа, который представленъ бесѣдующимъ съ Птолемеемъ, то о его поѣздкѣ въ Александрію ничего не извѣстно. Самое появленіе здѣсь его имени не объяснится ли съ помощью сближенія этого мѣста съ текстомъ Аѳиней, гдѣ Клеанѳъ также упомянутъ, хотя и въ другомъ смыслѣ, а его собесѣдникъ, какъ и здѣсь, названъ просто „царь Птолемей“?

²⁾ Въ самомъ изложеніи этого случая любопытна взаимная связанность 4 свидѣтелей. Л. Диогенъ и Суида говорятъ о поводѣ къ испытанію; фактъ испытанія разсказываютъ Л. Диогенъ, Суида и Аѳиней сходственно, различія указаны выше; замѣчаніе царя и отвѣтъ Сфера у троихъ воспроизведены почти съ буквальнымъ тождествомъ; у одного

Wellmann. Die phil. d. stoik. Zenons; Пелльманъ. Исторія античнаго коммунизма и социализма, р. п. изд. Брокгауза—Ефрона, ч. I, гл. I, отд. VII; гл. IV). Еще до Зенона теоретики социализма, какъ перипатетикъ Дикеархъ, видѣли въ спартанскомъ общественномъ и государственномъ устройствѣ осуществленіе ихъ идеала, своего рода канонъ. Зенонъ и его школа усвоили то же благоговѣйное отношеніе къ Лакедemonу. Судя по словамъ Плутарха (ж. Ликурга гл. 31), государство Ликурга было предметомъ изслѣдованія Зенона; изъ его учениковъ—Хризиппъ разсуждалъ о томъ же въ своемъ общемъ II. Πολιτείας, Персей и Сфера обзорнію спартанскаго строя посвятили особое цѣлое сочиненіе (Л. Диогенъ VII, 459, 549). У Полибія этой темѣ посвященъ пространный отдѣлъ (VI, 46, 48, 50). Какъ общій характеръ сужденій, такъ и терминологія (особ. 46,7; 48,7) даютъ основаніе причислять его къ стоической группѣ и предполагать, что въ этомъ отношеніи Полибіи зависитъ отъ стоическихъ предшественниковъ, можетъ быть даже и вышеназванныхъ. Такая же зависимость наблюдается и въ Плутарховомъ описаніи Ликурговой политіи (В. Г. Васильевскій. Политическая реформа и социальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка, гл. III, Ж. М. Н. Пр. 1868, XI, 480--482 стр.).

У Сфера интересъ къ Спартѣ не ограничился теоретической областью и побудилъ его переселиться¹⁾ туда и принять участіе въ ея жизни сначала въ качествѣ публичнаго учителя философіи, а затѣмъ и царскаго совѣтника и руководителя. Источникъ отмѣчаетъ его присутствіе въ Спартѣ впервые при Клеоменѣ (Плут. ж. Кл. 2. II). Но форма выраженій даетъ твердое основаніе отнести прибытіе Сфера къ болѣе раннему времени. „Говорятъ, что Клеоменъ, еще будучи *μειράκιον*, познакомился съ философскими ученіями, когда Бористенитъ Сферу прибылъ (*παραβάλλοντος*) въ Лакедемонъ и съ большимъ рвеніемъ читалъ лекціи юношамъ и эфебамъ“ (гл. 2). *Μειράκιον* это мальчикъ до 14 лѣтъ („О числѣ 7“, гл. V у Маковельскаго I, стр.

Аѳинейя выясняется различіе между постигнутымъ представленіемъ и правдоподобнымъ, и дѣлаются отсюда логическіе или моралистическіе выводы; когда Немесій, излагающій фактъ ближе къ Л. Диогену, говорить, что въ данномъ случаѣ не зрѣніе впадаетъ въ заблужденіе, а разсудокъ, очевидно, что онъ полемизируетъ съ Аѳинеемъ. Такимъ образомъ Л. Диогенъ и Аѳинейя связаны, по крайней мѣрѣ, единствомъ источника, а Немесій и Суида знаютъ ихъ обоихъ.

¹⁾ Васильевскій вм. *παραβάλλοντος* въ изд. К. Синтениса предпочитаетъ читать первоначальное *παραβάλλοντος* и говорить, что Сфера „пріѣзжалъ нѣсколько разъ съ берег. Днѣпра въ Спарту“ (тамъ же 1868, XI, 491).

XX; Солонъ, Элегія, Anth. lyr. 27; Василий Вел. Бес. на 114 пс. MPG. 29, 493, ср. объ устр. челов. 30,²⁵). Значитъ, когда Сфера прибылъ въ Спарту, Клеомену еще не было 14 лѣтъ. По настоянію отца, Клеомень вступилъ въ бракъ съ Агіатидой, „еще не вполнѣ достигнувъ брачнаго возраста“ (*ῥαυ*), физического или гражданскаго, Плутархъ не объясняетъ, но *ῥαυ* говоритъ скорѣе за физическій; слѣд., Клеомень въ это время былъ близокъ къ 16/18 годамъ.¹⁾ Немного ниже біографъ говоритъ, что Агіатида сильно ненавидѣла своего свекра Леонида, противника убитаго Агиса, но для второго своего мужа *τὸν νεανίσκον* была доброй женой. *Νεανίσκος* есть тоже опредѣленный возрастной терминъ (21—28 л., см. цит. сочин.). Очевидно, еще при жизни отца и до своего вступленія на престолъ, — о которомъ къ тому же Плутархъ говоритъ только ниже, въ 3 гл., — Клеомень достигъ 21-лѣтняго возраста.²⁾ Воцареніе Клеомена послѣ смерти Леонида падаетъ, вѣроятно, на 235 г., гибель Агиса — на 241 г. (Klatt. S. 346, 347, 352, 358. Васильевскій 1869, III, 25); если въ 235 г. ему было не менѣе $21\frac{1}{22}$ г.г., то въ 241 — $15\frac{1}{16}$ лѣтъ. Слѣд. Сфера онъ слушалъ болѣе чѣмъ за 2 года до — Агиса, и „философская пропаганда Сфера — въ Спартѣ — началась раньше, чѣмъ государственная дѣятельность Агиса“, т. е. до 243 года (Васильевскій 1868, XI, 492; Пелльманъ, цит. соч., стр. 474): иначе говоря, Сфера уже былъ и пользовался извѣстностью въ Спартѣ до начала реформъ Агиса, такъ же, какъ и Клеомень, испытавшаго его вліяніе.³⁾ — Соціальная реформа Агиса исходила изъ стремленія возстановить древній „отеческій порядокъ“. Такая задача предполагала уже прочно установившееся и выработанное преданіе о характерѣ и строѣ ликурговой политики. Начинаетъ оно слагаться съ IV в., подъ вліяніемъ спеціальныхъ философско-политическихъ трактатовъ (Ксенофонта, Аристотеля, Дикеарха, Зенона); рядомъ съ ними заключительное, и наиболѣе значительное, мѣсто должно быть признано за рабо-

¹⁾ Васильевскій (тамъ же 1868, XI, 492; 1869, III, 25,^в) даетъ Клеомену въ это время около 20 лѣтъ.

²⁾ Klatt относитъ его рожденіе къ 257 г. и ко времени вступленія на престолъ даетъ ему 22 года. (Chronol. Bemerkungen über die Regierungszeit des K. Kleomenes III v. Sparta; Rh. Mus. N. F. 1890 (45) s. 360.

³⁾ На это ясно намекаетъ Плутархъ (ж. Клеом. гл. 2 кон.), описывая дѣйствіе стоическаго ученія на характеры людей одаренныхъ и бурно-стремительныхъ и — кроткихъ и глубоко-сосредоточенныхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ этими характеристиками скрываются именно Агисъ и Клеомень, которые въ этомъ смыслѣ противопоставляются у Плутарха не одинъ разъ (ж. Клеом. 1 кон., 18 ср.; ж. Агиса 21 кон.).

тами Сфера о царской власти, лаконской политіи, о Ликургѣ и Сократѣ. Недаромъ Агисъ, приступая къ ломкѣ, ссылается (10 гл.) на философовъ, „мыслившихъ по Ликургу и за это пользовавшихся въ Спартѣ исключительнымъ почетомъ“ (Пелльманъ, цит. соч. 58--62, 474 стр.).

Свои взгляды на нормальный общественно-государственный строй Спарты Сферъ распространялъ во время Агиса и Леонида какъ литературнымъ путемъ, такъ и устно, въ качествѣ публичнаго учителя. Среди его слушателей былъ и будущій царь, тогда еще отрокъ Клеоменъ. Цѣня его умственные дарованія и рѣшительный духъ, а можетъ быть имѣя при этомъ въ виду и подлежащее ему поприще, Сферъ обратилъ на него особое вниманіе, глубже вѣдряя свои возрѣнія и воздѣйствуя на пламенное честолюбіе своего питомца. Воспитательному вліянію Сфера Клеоменъ въ извѣстной степени обязанъ выработкой своей личности, которую высоко оцѣниваетъ и хвалитъ даже такой принципиальный противникъ его дѣла, какъ Полибій (V, 39, 6; ср. ж. Клеом. 13). Когда Клеоменъ, спустя нѣкоторое время по вступленіи на престолъ, получилъ (227 г.) свободу дѣйствій, учитель былъ привлеченъ имъ къ государственной дѣятельности въ качествѣ руководителя и совѣтника. Конечно, не слѣдуетъ преувеличивать этой роли Сфера, ибо въ природѣ Клеомена была большая самостоятельность духа и богатство инициативы, однако не только своимъ одушевленіемъ, не только идеей и планомъ, но, можетъ быть, методомъ дѣйствій Клеоменъ обязанъ вліянію философа.¹⁾

Сочиненіе Сфера „о лаконской политіи“ имѣло, по крайней мѣрѣ въ части. историко-археологической характеръ и представляло собой разысканіе въ области спартанскихъ государственныхъ древностей. Изъ политическихъ рѣчей Клеомена Плутархъ сохранилъ въ перифразѣ одну— рѣчь о необходимости и законности реформы (гл. 10). Употребляемый имъ здѣсь методъ обратныхъ заключеній (троекратное приглашеніе царя эфорами), напоминающій ученые приемы Фукидида (I, 1, 6, 8), опредѣленные историческія свѣдѣнія объ очень глубокой древности, до сего ни у кого не встрѣчающіяся, чисто-стоическій взглядъ на бѣдность и богатство, какъ на первоначальныя *хакѣ*— все это указываетъ, что Клеоменъ черпаетъ изъ имѣющагося въ его

¹⁾ И въ Римѣ шумная земельная реформа Тиб. Гракха шла также подъ руководствомъ стояка Г. Влоссія изъ Кумъ (Плут. ж. Т. Гракха 8, 17; Цицеронъ Лелій 11; Фельсбергъ. Братья Гракхи. Юрьевъ, 1910 г., стр. 105, 144).

распоряженіи и принадлежащаго перу стойка изслѣдованія о спартанскихъ древностяхъ; ближайшимъ образомъ такимъ былъ именно трактатъ его учителя (ср. Вас. гл. VI; 1869, III, 50, 51 стр.). Такимъ образомъ, взгляды теоретическихъ политиковъ и въ особенности стойковъ на государственный строй ликурговой Спарты, благодаря сочиненіямъ и личному вліянію Сфера, полагаются въ основаніе реформъ Клеомена и, вѣроятно, Агиса.

Совершивъ свою реформу, Клеомень позаботился объ укрѣпленіи ея путемъ воспитанія подрастающаго поколѣнія въ древне-лаконскомъ духѣ. Если правильно сдѣланное выше предположеніе, что въ основѣ Плутархова описанія ликуровскаго строя лежатъ, въ числѣ другихъ, и сочиненія Сфера, то должно думать, что и воспитательный планъ Клеомена покоится на томъ же основаніи. И такой выводъ безспоренъ. Плутархъ сообщаетъ, что бывавшій при Клеоменѣ (въ это время) Сферъ раздѣлялъ его заботы по возстановленію древняго воспитанія и образа жизни, гимнасій и прежняго строя сисситій (гл. 11). Самъ пройдя школу Сфера и, очевидно, высоко ее цѣня, Клеомень поручилъ ему устройство общественнаго воспитанія, сдѣлавъ его, такъ сказать, своимъ министромъ народнаго просвѣщенія, давъ ему возможность въ широкомъ масштабѣ осуществлять свою систему философскаго воспитанія подъ именемъ реконструированнаго ликургова. Мы знаемъ, что Платону не удалось на дѣлѣ провѣрить свой планъ устройства государства и публичнаго воспитанія. Сферъ оказался счастливѣе его и явилъ собою первый примѣръ философа, въ обязательномъ порядкѣ организующаго воспитаніе и умонастроеніе цѣлаго народа. Эта дѣятельность могла начаться съ года аграрной реформы (227), ибо стоитъ въ тѣсной связи съ нею, но сколько времени она продолжалась, трудно сказать съ опредѣленностью. Конечно, битва при Селласіи (VII, 221 г. Peter, Васильевскій, Дройзенъ-Мищенко: 222 г.—Θ. Θ. Соколовъ, Niese, Жебелевъ, Пелльманъ) во всякомъ случаѣ должна служить для нея предѣльнымъ моментомъ, ибо съ бѣгствомъ Клеомена долженъ былъ удалиться и вдохновитель его дѣятельности, которая собственно и повлекла за собой его гибель. Но оставался ли Сферъ въ Спартѣ при своемъ питомцѣ вплоть до этого послѣдняго момента? Источники сообщаютъ лишь косвенныя данныя для отвѣта и не столько на этотъ, сколько на сопредѣльный ему вопросъ, когда прибылъ Сферъ въ Александрію во второй разъ.—Плутархъ, говоряшій, что Клеомень бѣжалъ въ Египетъ съ друзьями (29 гл.) и называющій нѣкоторыхъ изъ нихъ по имени (33, 37), не упо-

минаетъ среди нихъ Сфера, чего слѣдовало бы ожидать, потому что его свѣдѣнія о Клеоменѣ восходятъ черезъ Филарха именно къ Сферу. Однако умозаключеніе отъ молчанія, и вообще не-твердое, совершенно неприложимо къ столь своеобразному писателю, какъ Плутархъ. Болѣе прочнымъ основаніемъ можетъ служить свидѣтельство Л. Диогена, что Сферъ во второй разъ пріѣхалъ въ Александрію къ Филопатору (VII, 548), между тѣмъ какъ къ прибытію Клеомена на престолъ былъ еще Евергетъ (Плут. 22, 23 гл.)¹⁾ Слѣд., Сферъ прибылъ въ Александрію отдѣльно отъ Клеомена; въ такомъ случаѣ и изъ Спарты онъ выѣхалъ отдѣльно, и такъ какъ нельзя предполагать, чтобы онъ оставался тамъ послѣ бѣгства царя, слѣдуетъ думать, что его отъѣздъ произошелъ до Селласіи и независимо отъ нея (ср. Стемпковскій, цит. соч. 211 стр.).

Сплошная или съ перерывами дѣятельность Сфера въ Спартѣ продолжалась весьма значительное время — отъ а. 243 г. и до а. VII, 221 г. Вслѣдствіе своей продолжительности и разносторонности она, конечно, была и многоплодною. Правда, послѣ неудачи Клеомена должны были погибнуть плоды трудовъ и его руководителя, въ области публичнаго воспитанія, однако нѣкоторые отзвуки изъ спартанскаго періода дѣятельности Сфера до насъ все таки дошли. — Павзанія говоритъ, что въ Спартѣ „есть древнее изображеніе Геракла, предъ которымъ приносятъ жертвы сферяне (*οἱ σφαιρεῖς*): это — лица, вышедшія изъ возраста эфебовъ и вступающія въ разрядъ зрѣлыхъ мужей“. (Описаніе Греціи III, 14, 6). Стемпковскій, впервые указавшій на это мѣсто, склоняется къ пониманію его въ томъ смыслѣ, что наименованіе „оное дано отрокамъ въ память философа стоика, какъ преобразователя спартанскаго юношества“ (стр. 209). Второе свидѣтельство, къ сожалѣнію, менѣе ясно. Въ the *Oxyrhynchus Papyri* VIII томѣ подъ № 1082 Хентомъ изданы меліамбы Керкида книжника. Автора меліамбовъ, въ которыхъ упоминается имя Диогена (фр. 2) и Зенона стоика (фр. 4), Хентъ (26 стр.) съ помощью Виламовица — Мёллендорфа видитъ въ мегалополитѣ Керкидѣ, другѣ Арата сик. и участникѣ битвы при Селласіи (Полибій 2, 48, 3; 50, 3; 65, 3), котораго должно отличать отъ болѣе ранняго Керкида, тоже мегалополита, современника Демосѳена и Филиппа (о вѣнцѣ 295; Полиб. 18, 14). Противникъ Клеомена и его плановъ объединенія Пелопонеса подъ главенствомъ Спарты. Керкидъ былъ современникомъ Сфера и, какъ

¹⁾ Но Zeller (III, I, 38^a) допускаетъ прибытіе Сфера вмѣстѣ съ Клеоменомъ.

государственный человекъ и философъ, имѣлъ возможность и побужденіе судить о лицѣ и дѣятельности учителя своего врага. Пятый фрагментъ мелиамбовъ даетъ отвѣтъ на это предположеніе.¹⁾ Порицая общественно-государственное дѣло Сфера. Керкидъ не умалчиваетъ о его высокихъ личныхъ качествахъ и заслугахъ по устройству общественнаго воспитанія.

Закончивъ или прервавъ свою дѣятельность, Сферъ выѣхалъ изъ Спарты. Куда? Васильевскій предполагаетъ, что въ промежуткѣ между 243-- 221 г.г. Сферъ неоднократно переѣзжалъ къ себѣ на родину, каковою онъ, на основаніи словъ Плутарха, считаетъ Ольвію. Но на такія поѣздки Сфера въ Черноморье въ источникахъ нѣтъ указаній. Болѣе просто и естественно полагать, что онъ уѣзжалъ отсюда, по крайней мѣрѣ передъ VII 221 г. уѣхалъ, въ Аѳины. Политическихъ затрудненій для него, противника македоно-ахейской партіи, до Селласии быть не могло, поскольку Аѳины съ 229 и приблизительно до 215 г. въ этихъ обще-эллинскихъ дѣлахъ занимали нейтральное положеніе (Полибій V, 106, 6—8. Жебелевъ. Изъ исторіи Аѳинъ. С.-Пб. 1898, стр. 19, 65, 74. 75); даже болѣе того здѣсь онъ

¹⁾ . . . αὐτὸ τοῦτ' εἰδὼδὲξω / . . . εἰ οἴκε Καλλιμέδων / . . . εἰ σὲ πονηρὰ καὶ / . . . μέγα. Σφαίρω γάρ / . . . προβάλλης ἦ καὶ τι / . . . χιτὸν εἰς ἀρετᾶν / . . . δεῖς ἱγυεῖς ἀλ / . . . φέροντ' ὀπίφραγ / . . . κοῦ τοῦτ' οἶν αὐ. . . (стр. 41).

Σφαίρω относится, по мнѣнію В.-Меллендорфа, къ нашему философу: съ нимъ сопоставляется лицо или мнѣніе Каллимедона, оратора, извѣстнаго своей обжорливостью (Аѳин. III, 104c). Предметомъ сопоставленія является, должно быть, отношеніе къ пищѣ (стрк. 8). Въ противовѣсъ мнѣнію Каллимедона о чемъ-то относящемся къ справедливости, поэтъ указываетъ на Сфера: если Сферъ въ чемъ-либо касательно добродѣтели (вѣроятно, тоже справедливости) и заслуживаетъ порицанія, однако (похвально его предпочтеніе) растительной пищи. Можно полагать, что Каллимедонъ, сторонникъ македонской партіи, въ какой либо публичной рѣчи обвинялъ Сфера въ нарушеніи справедливости (ср. Плут. ж. Арата 38). Не потому ли, что Сферъ руководилъ, по крайней мѣрѣ поддерживалъ насильственную аграрную реформу Клеомена? Керкидъ готовъ въ этомъ пунктѣ согласиться съ Каллимедономъ, но не безъ проишія возражаетъ, что за то Сферъ (въ своей жизни или предписаніяхъ) обнаруживаетъ строгую воздержность въ пищѣ. Послѣднія слова приводятъ насъ къ возстановленнымъ Сферомъ фидитіямъ съ ихъ суровымъ режимомъ (Аѳин. IV, 141 cd). Можетъ быть этотъ анализъ фрагмента нѣсколько смѣлъ, но его выводы приближаются къ условіямъ тогдашней исторической дѣйствительности: Керкидъ, какъ сторонникъ Арата и Антигона, не одобряетъ политической дѣятельности Сфера, связанной съ насиліемъ и нарушеніемъ права, но какъ философъ, съ похвалой отзывается о возстановленной имъ строгой ἀγρωγῆς.

могъ считатьъ себя въ извѣстной безопасности. Правда, Целлеръ мимоходомъ замѣчаетъ, что къ 221 г. Сфера едва ли былъ членомъ аѳинской стоической школы (цит. соч. III, 1, 38^a), однако связи его съ другими членами школы не порывались, о чемъ говоритъ посвященіе его имени Хризиппомъ, вѣроятно послѣ 23²/₁ г., вышеупомянутаго трактата. Во всякомъ случаѣ культурная „Эллада Эллады“, послѣ долгой жизни здѣсь, Сфера была несравненно ближе, чѣмъ наполовину забытая, далекая и почти варварская родина (Боспоръ), хотя и привлекавшая по временамъ нѣкоторыхъ философовъ, но совсѣмъ не духовными приманками.¹⁾ Оттого ли, что положеніе Сфера оказалось неудобнымъ въ Стоѣ, гдѣ изо всѣхъ его сверстниковъ оставался въ живыхъ одинъ Хризиппъ, или послѣ Селласіи его присутствіе въ Аѳинахъ представляло дипломатическую неловкость для щепетильныхъ нейтраллистовъ Евриклида и Микіона (Жебелевъ, 60 стр.), лавировавшихъ между побѣдоносной македоноахейской и разбитой спартано-египетской коалиціей, представителемъ которой по самому положенію онъ являлся, — въ Аѳинахъ Сфера пробылъ недолго и предпринялъ второе путешествіе въ Александрію ко двору Птолемея IV Филопатора. Относительно того, что привлекло его именно сюда, источники оставляютъ насъ въ области догадокъ, къ которымъ приходится можетъ быть слишкомъ часто прибѣгать.

Къ 221 году Сферу было, по самымъ скромнымъ расчетамъ, никакъ не меньше 60 лѣтъ. Въ болѣе старомъ, дряхломъ возрастѣ предпринимать такое путешествіе было уже не по силамъ. Съ другой стороны, послѣ двухъ лѣтъ пребыванія въ Египтѣ Клеомень палъ жертвой интригъ, руководимыхъ самимъ Филопаторомъ. На что могъ рассчитывать Сфера, отправляясь къ убійцѣ своего ученика, и возможно ли это было психологически? Поэтому должно думать, что эта поѣздка была осу-

¹⁾ Въ одномъ сочиненіи Хризиппъ, описывая претенціознаго и неразборчиваго въ средствахъ философа, говоритъ: „заболѣвъ, онъ приглашаетъ къ себѣ на жалованье врачей, а чтобы расплатиться съ ними (за деньгами) отправляется къ Левкону, династу Боспорскому, и къ Изанѳирсу скиеу“ (Плут. Объ общихъ понятіяхъ гл. 7; т. II, 1298). Не сообщеніями ли своего друга—боспорянина пользуется здѣсь Хризиппъ, и въ его словахъ не выражается ли отрицательное отношеніе Сфера къ тѣмъ слабымъ и морально-неустойчивымъ философамъ, которые въ погонѣ за дешевыми лаврами и золотомъ наводняли эллинскія окраины, какихъ онъ самъ, можетъ быть, немало видѣлъ въ юности на родинѣ, а спустя четыре вѣка такъ зло и умно описалъ Лукіанъ въ „Бѣглецахъ“ (соч., изд. Таухница IV, 190 - 206 стр.).

шествлена не позже 219 г., т. е. въ то время, когда и пока тамъ былъ Клеоменъ, и имѣла къ нему самое близкое отношеніе—Сферъ пріѣхаль въ Александрію ради своего ученика. Л. Діогенъ сохранилъ намъ одно свѣдѣніе изъ времени второго пребыванія Сфера въ Египтѣ. „Когда Мнесистратъ обвинялъ его въ томъ, что онъ не признаетъ Птолемея царемъ, Сферъ отвѣчалъ, — что не мудрый не можетъ быть царемъ; но такъ какъ Птолемей мудръ, то въ силу этого онъ и царь“¹⁾. Если только въ данномъ случаѣ Діогенъ не впалъ и не вводитъ читателя въ ошибку, этотъ фактъ очень знаменателенъ. Чтобы унизиться до такой лести Филопатору, Сферъ долженъ былъ утратить чувство собственнаго достоинства, которое онъ умѣлъ воспитывать и въ другихъ, растерявъ своихъ друзей и доживъ до гибели главнаго дѣла всей своей жизни. Небезинтересенъ и самъ по себѣ такой придирчивый вопросъ, похожій на политическій допросъ. Черезъ Сфера Мнесистратъ, очевидно, направлялъ свой ударъ на Клеомена; это могло произойти, когда Клеоменъ былъ уже заподозрѣнъ въ политическихъ замыслахъ противъ Филопатора и запутался въ египетскихъ сѣтяхъ, т. е. незадолго до заключенія его подъ арестъ (гл. 35 кон.)²⁾. Этимъ фактомъ заканчиваются біографическія свѣдѣнія о Сферѣ, почерпаемая изъ источниковъ. Вѣроятно, вскорѣ послѣ этого

¹⁾ VII, стр. 548, 549, οὐκ εἶμαι ἔφη (μὴ σοφόν); конъектура Галезія. Тамъ же, примѣчанія Казобона, стр. 98.

²⁾ Смерть Клеомена произошла въ началѣ 219 г., арестъ его, конечно, — еще раньше, въ первые мѣсяцы 219 г. Если Сферъ уже былъ въ Александріи до ареста Клеомена, стало быть онъ могъ пріѣхать не позже I 219 или, если принять во вниманіе условія зимняго морского пути, не *позже конца навигаціи 220 г.* По собственному ли усмотрѣнію пріѣхаль Сферъ, или былъ вызванъ Клеоменомъ и его друзьями, цѣлью его пріѣзда должна быть помощь Клеомену. Пока отношенія Филопатора къ спарт. царю были хорошими, — а это продолжалось достаточное время съ IX 221 г., — едва ли требовалась такая помощь. Но когда, послѣ убійства Маги и Вероники, для Филопатора прошла надобность въ Клеоменѣ, когда получилось извѣстіе о смерти Антигона Досона, происшедшей въ началѣ 220 г., египтяне отказались дать Клеомену военную помощь; тогда онъ сталъ добиваться хотя бы разрѣшенія вернуться въ Елладу съ друзьями, но послѣ обсуждения вопроса въ синедріонѣ и въ этомъ ему было отказано. Это обстоятельство должно было раскрыть Клеомену глаза на опасность его положенія и послужить причиной вызова или пріѣзда Сфера. Слѣд., Сферъ прибылъ *не ранѣ середины 220 г.*

Хотя помощь его оказалась безуспѣшной, такъ какъ Клеомену удалось спасти лишь честь, но расчеты на нее не были беспочвенны: Сферъ должно быть пріобрѣлъ здѣсь вліяніе и друзей во время перваго своего пребыванія.

произошла и смерть нашего боспорскаго философа, ибо трудно допустить, чтобы расправа съ Клеоменомъ прошла безслѣдно для его друзей.

Кромѣ соціально-политической реформы, закончившейся такъ трагически для ея автора, обоихъ исполнителей и для всей страны, естественно спросить, каковы были результаты умственной дѣятельности Сфера въ качествѣ учителя философіи на протяженіи 20 слишкомъ лѣтъ?—Учительская дѣятельность предполагаетъ учениковъ и ихъ группу, объединенную именемъ учителя и общимъ научнымъ методомъ и интересомъ. Изъ словъ Л. Діогена (VII, 535, 536) видно, что 1) Сферъ оставилъ такую школу учениковъ (*οἱ περὶ τὸν Σφαιρόν*); 2) она продолжала разработку интересовавшихъ Сфера вопросовъ по физикѣ, собств. по физиологіи человѣка и 3) въ свою очередь публиковала результаты этихъ работъ. Другимъ плодомъ его философскаго творчества являются собственные литературные труды. Л. Діогенъ даетъ длинный ихъ списокъ (VII, 549). По содержанию они распадаются на сочиненія по логикѣ и діалектикѣ, по ист. философіи, физикѣ, богословію, этикѣ, политикѣ, изящной словесности и письма.

По логикѣ и діалектикѣ -- о подобіи, опредѣленія, о противорѣчіяхъ въ 3 кн., о предложеніи, о діалектич. искусствѣ 2 кн., категоріи, о сомнѣніи (и π. ἀσέτης?). „Опредѣленія“ впервые встрѣчаются въ числѣ произведеній платоника Спевзиппа (Л. Діогенъ VIII, 255), и о построеніи такого рода сочиненій можно составить представленіе по пс. -- платоновымъ „опредѣленіямъ“. Въ исторіи каждой философской школы они характеризуютъ II-ую эпоху -- систематизаціи; въ исторіи стоицизма такую было, послѣ творчества Зенона, время Хризиппа и Сфера. Цицеронъ приводитъ изъ этого сочиненія Сфера не менѣе трехъ опредѣлений мужества, предпославъ имъ приведенное выше замѣчаніе, что опредѣленія Сфера у стоиковъ считались самыми лучшими. (*Tusc. disp. IV, 24, § 53*) Содержаніе сочиненія „о противорѣчіяхъ въ 3 книгахъ“ неизвѣстно, но, если по слѣдамъ Стемиковскаго (214 стр.) сближать его съ плутарховымъ „о противорѣчіяхъ у стоиковъ“, то можно полагать, что темой его были разъясненія по поводу противорѣчій въ системѣ стоицизма и защита ея отъ возраженій. Содержаніе прочихъ трудно установить даже въ такихъ общихъ чертахъ.

Къ отдѣлу исторіи философіи относятся: 5 разсужденій о Гераклитѣ и сочиненіе о философахъ эретрійской школы. -- Имя Гераклита пользовалось среди стоиковъ большимъ уваженіемъ:

его вліяніе отразилось на ихъ метафизикѣ, именно на ученіи о міровомъ огнѣ, а его сочиненіе „о природѣ“ тщательно ими изучалось: еще Клеантъ писалъ особое изслѣдованіе о немъ. Л. Диогенъ (IX, 637) намекаетъ на общій характеръ разсужденій Сфера, — это былъ комментарий на весьма трудное для пониманія твореніе „темнаго“ ефесца. Такого же рода, — историко-философскимъ, а не полемическимъ, — было и второе сочиненіе Сфера объ эретрійской школѣ, у которой было достаточно общаго со стоической, поскольку основатели той и другой, Менедемъ и Зенонъ, были одинаково учениками Стилпона и киниковъ.

Къ отдѣлу физики принадлежитъ наибольшее количество трудовъ Сфера: 2 кн. о мірѣ, объ элементахъ сѣмени,¹⁾ о малѣйшихъ частицахъ, противъ (учащихъ объ) атомахъ и отображеніяхъ (предметовъ), объ органахъ чувствъ, о стремленіи, 2 кн. о страстяхъ, (о внутренней силѣ вещей). Отъ сочиненія „объ элементахъ сѣмени“ до насъ дошелъ лишь небольшой отрывокъ въ перифразѣ, при чемъ мнѣніе Сфера сопоставляется съ мнѣніемъ его учениковъ и Хризиппа (Л. Диогенъ VII, 535, 536). Повидимому, къ сочиненію „объ органахъ чувствъ“ относится отрывокъ, сохраненный въ Свящ. Параллеляхъ Іоанна Дамаскина; „стоикъ Сферъ говоритъ, что тьма видима, потому что изъ (органа) зрѣнія (при актѣ созерцанія) изливается на нее нѣчто“ (т. е. лучи зрѣнія?). (J. Stobaei Florilegium. ed. Gaisfordi, t. IV. Appendix ex codice Florentino Parall. Sacrarum S. Damasceni, p. 25).

Богословскій отдѣлъ состоитъ изъ двухъ сочиненій: о мантикѣ и о судьбѣ. Будучи пантеистами, стоики все же положительно относились къ народной религіи, видя въ ея божествахъ носителей силы единого Логоса и путемъ аллегорическаго толкованія сближая мифологию со своей философійей. Законъ міровой необходимости — предопредѣленіе — принимаетъ, по ихъ мнѣнію, въ индивидуальномъ сознаніи форму божественнаго промышленія (телеолог. детерминизмъ). Отсюда предопредѣленность событій, τὸ πρῶτον, о которой трактовало второе сочиненіе, и возможность посредствомъ мантики открытія будущаго, въ силу взаимной близости боговъ и людей, какъ гражданъ единого космоса. Въ своемъ стремленіи къ обоснованію народной вѣры, стоики обращали усиленное вниманіе на вопросъ о мантикѣ. Объ этомъ пишутъ Хризиппъ 2 кн., Антипатръ 2 кн., Поси-

¹⁾ Zeller (III, 1, 53) ставитъ запятую между этими двумя словами и видитъ въ нихъ названія двухъ отдѣльныхъ сочиненій: о стихіяхъ и о сѣмени.

доній 5 кн., Діогенъ вавилонскій. Вѣроятно, такого же характера было и сочиненіе Сфера о мантикѣ.

Вопросы морали были главнымъ предметомъ разработки стоиковъ. и имъ посвящено большинство ихъ литературныхъ трудовъ. Изъ такихъ Сферу принадлежали сочиненія: „о нравственныхъ правилахъ, объ обязанности, о богатствѣ, о смерти“ и, можетъ быть, „о славѣ“, если только въ этомъ заглавіи *δόξα* не значитъ „необоснованное мнѣніе“.

Политикѣ Сферъ отдалъ лучшіе годы и силы; эта область была для него самой близкой, и нужно бы думать, что въ сочиненія „о царской власти, о лаконской политіи, о Ликургѣ и Сократѣ, въ 3 кн., о законѣ“,—онъ вложилъ наиболѣе продуманныя и прочувствованныя мысли. Но и о нихъ мы почти ничего не знаемъ. „О царской власти“ должно бы выражать общестойческій, заимствованный у Аристотеля, взглядъ на положеніе и природу этого сана рядомъ съ двумя уравновѣшивающими его элементами—аристократіей и демократіей. Но если заключать изъ дѣйствій Клеомена, то Сферъ мыслить царскую власть въ формѣ демократической диктатуры, долженствующей быть свободной отъ какихъ-либо инородныхъ ограниченій и обязанной всѣмъ своимъ вѣсомъ служить нуждамъ демократической массы.¹⁾ Во всякомъ случаѣ безспорно, что по мнѣнію Сфера эта власть должна принадлежать лишь избраннымъ въ умственномъ отношеніи лицамъ, мудрецамъ, какъ это проэктировалъ еще Платонъ (Политіи IV, 6, 428): достаточно припомнить отвѣтъ Сфера Мнесистрату, что царемъ можетъ быть только мудрецъ. Соч. „о Ликургѣ и Сократѣ“,²⁾ по всей вѣроятности.

¹⁾ Такой же характеръ приняла власть трибуна въ Римѣ въ рукахъ Г. Гракха (Плут. ж. Г. Гракха 6; Э. Моммсенъ. Римская ист. р. II. т. II—III, стр. 114, 115. Фельсбергъ, цит. соч. 231 стр.).

²⁾ Объ этомъ сочиненіи мы знаемъ только со словъ Л. Діогена и, оставаясь на почвѣ его текста, должны ограничиться лишь указаніемъ на это заглавіе. Но можно и спросить себя, съ какой точки зрѣнія мыслимо сопоставленіе законодателя, хотя и миѳическаго, съ философомъ, принципиально чуждавшимся политической дѣятельности. Правда, Сократъ былъ склоненъ къ лаконофильству, судя по настроенію его учениковъ, но для сближенія съ Ликургомъ этого все же недостаточно. Если Клеоменъ въ раздѣлѣ земли слѣдовалъ Ликургу, то въ отмѣнѣ долговъ онъ имѣлъ предшественника въ лицѣ Солона, и, конечно, не безъ основанія противники въ насмѣшку называли его подражателемъ Ликурга и Солона (ж. Клеом. 18). Свой аграрный планъ, подъ именемъ ликурговой реформы, Клеоменъ заимствовалъ изъ сочиненія своего учителя; естественно предположить, что и мысль объ отмѣнѣ долговъ онъ извлекъ отсюда же, и тогда не о Сократѣ, а о Солонѣ долженъ былъ говорить Сферъ въ параллель Ликургу.

представляетъ въ отношеніи къ Ликуру опытъ реконструкціи его біографіи и исторіи его дѣятельности по устройству Спарты. Въ немъ можно усматривать итогъ, сводку давно нараставшаго преданія о лицѣ и дѣлѣ Ликурга и источникъ—одинъ изъ наиболѣе важныхъ—того представленія о немъ, какой черезъ Плутарха дошелъ до насъ.

Изъ сочиненія „о лаконской политіи“ сохранилось два отрывка—у Аѳинея и Плутарха. Аѳиней приводитъ выдержку изъ III книги, изъ чего видно, что это было довольно обширное произведеніе и дѣлилось *minimum* на 3 части. „Сфера, говоритъ онъ, въ 3-ей книгѣ лаконской политіи пишетъ: -- члены фидитій приносятъ для своихъ сочленовъ и десертъ; а иногда нѣкоторые, по крайней мѣрѣ богатые, приносятъ и добычу со своей охоты, хлѣбъ и различные продукты текущаго времени года со своихъ помѣстій въ размѣрѣ, достаточномъ для даннаго собранія, полагая, что дѣлать заготовки свѣше достаточнаго излишне, разъ это не будетъ (тотчасъ) предложено къ употребленію“ (IV, 19, p. 141 ed). Отрывокъ очень близко подходитъ къ Ксенофоновой лакедемонской политіи (V, 3), такъ что издатель (Rieu 1912 у Тейбнера) пользуется текстомъ Сфера для возстановленія правильнаго чтенія Ксенофонта. Эта близость указываетъ на общность источниковъ у обоихъ писателей или, что вѣроятнѣе, на прямое заимствованіе Сфера у Ксенофонта. Другой отрывокъ, безъ точнаго указанія, откуда онъ извлеченъ, сохранился у Плутарха (ж. Ликурга 5 гл.). Въ немъ сопоставляется съ мнѣніемъ Аристотеля о числѣ спартанскихъ геронтовъ мнѣніе Сфера. Это сравненіе принадлежитъ ли Плутарху, или имъ прямо перенесено со страницъ сочиненія Сфера? $\Phi\eta\sigma\acute{\iota}$ свидѣтельствуетъ, что Плутархъ приводитъ не перифразъ, а точную цитату, а $\xi\acute{\iota}$ $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$, разъ оно принадлежитъ самому Сферу, указываетъ на то, что это сопоставленіе имъ и сдѣлано, т. е. позволяетъ думать, что при составленіи этого сочиненія Сфера пользовался Аристотелевой лаконской политіей и кое-гдѣ съ ней полемицировалъ. Выборъ Ликургомъ числа 28 геронтовъ онъ объясняетъ значеніемъ „этого числа, которое, будучи произведеніемъ 4 и 7 и равнымъ въ своихъ частяхъ, представляетъ, послѣ шестерки, совершенное число“. Символика, выражающаяся въ трактованіи чиселъ 4, 6, 7 и 28, какъ совершенныхъ,¹⁾ наводитъ на мысль, что въ этомъ случаѣ Сфера стоитъ подъ

¹⁾ О пифагорейской символикѣ чиселъ см. кн. С. Н. Трубецкой. Метафизика въ др. Греціи. М. 1910, стр. 187, 188. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки, р. п. 1902 г., стр. 317.

вліяніемъ пифагорейства; но простиралось ли оно на міросозерцаніе Сфера или ограничивается даннымъ мѣстомъ, и въ такомъ случаѣ не объясняется ли дѣло тѣмъ, что Сферъ просто механически воспроизвелъ пифагорейскія черты своего источника, — нельзя сказать. — Приведенныя выдержки даютъ матеріалъ для нѣкоторой характеристики труда философа. Его политія представляла прежде всего статическое описаніе лаконскаго строя. Но въ силу того воззрѣнія на него, какое среди стонковъ господствовало, въ эту рамку реального строя Сферомъ было вложено свое догматическое представленіе, какимъ строй долженъ былъ быть, выйдя изъ рукъ мионческаго творца. Это осложняло описательную работу Сфера задачами реконструкціи и придавало его труду характеръ историко-археологическаго изслѣдованія въ области государственныхъ древностей. Политія вмѣстѣ съ біографіей Ликурга, по мнѣнію Васильевскаго, были написаны Сферомъ до реформъ Агиса (до 243 г.) и привезенныя имъ въ Египетъ, наряду съ устными сообщеніями лицъ, окружавшихъ Клеомена, были использованы Филархомъ, а чрезъ него — Плутархомъ.¹⁾

¹⁾ Васильевскій (1868, XI, 490—492) доказываетъ свою мысль такимъ образомъ: о наставническомъ вліяніи Сфера на Клеомена Плутархъ говоритъ осторожно, съ прибавкой „говорятъ“; очевидно потому, что въ своихъ лакедемонскихъ сочиненіяхъ Сферъ объ этомъ молчитъ; слѣдовательно, сочиненія написаны до начала этого учительства, до 243 года. Однако такой выводъ необязателенъ, ибо о своемъ наставническомъ вліяніи на Клеомена Сферу могло быть интересно писать съ того момента, какъ Клеоменъ выросъ въ крупную фигуру (227 г.) или по крайней мѣрѣ со вступленія его на престолъ (235) и самое большее, что на этомъ основаніи можно утверждать, это — что сочиненія написаны до 235 г. Но долженъ ли авторъ въ теоретическомъ трактатѣ непременно оставить автобіографическіе слѣды? Вѣдь, ихъ могло и не быть, независимо отъ времени написанія сочиненій. Наконецъ, получаютъ иные выводы, если сопоставить отрывокъ Сфера о фидитіяхъ съ непосредственно вслѣдъ за нимъ приведеннымъ у Авиеня (IV, 19, 141 і. и сл.) извѣстіемъ изъ 25 книги исторіи Филарха объ упадкѣ фидитій, превратившихся въ роскошныя пиршества со времени Ареса (— 265) и Акротата (— 253). Сферъ изображаетъ фидитіи такими же, какъ они описаны у Ксенофонта; въ первоначальной строгости они возстановлены Клеоменомъ; слѣдовательно, если Сферъ писалъ на основаніи непосредственнаго наблюденія, то въ чистомъ видѣ описать ихъ онъ могъ лишь послѣ реформы. Но мы выше видѣли, что, приступая къ реформамъ, Клеоменъ уже имѣлъ въ рукахъ политію своего учителя. Если же Сферъ писалъ до реформы и все-таки представилъ фидитіи въ ихъ нормальномъ видѣ, то, очевидно, въ это время онъ не зналъ объ ихъ извращеніи, которое было фактомъ приблизительно до 227 г., т. е. долженъ былъ писать это сочиненіе безъ непосредственнаго знакомства съ дѣй-

Отъ остальныхъ сочиненій Сфера, его эротическихъ діалоговъ и писемъ, такъ же, какъ и отъ огромнаго большинства его произведеній, не осталось, кромѣ однихъ наименованій, ничего.

Таковы результаты продолжительной дѣятельности Сфера. Покинувъ философскую аудиторію, положенію „класснаго“ философа онъ предпочелъ роль практическаго дѣятеля и пропагатора политическихъ идей при дворахъ греческихъ монарховъ: выйдя изъ области чистой мысли, онъ вошелъ въ гущу социалистической борьбы и въ затхлую атмосферу интригъ, связалъ свою судьбу съ опредѣленнымъ движеніемъ и погибъ съ нимъ. Можетъ быть въ этомъ стремленіи къ положенію болѣе яркому, къ дѣятельности болѣе шумной, чѣмъ скромная доля профессора, нашла свое выраженіе его натура — темпераментъ и честолюбіе *hominis novi* изъ колонистовъ и едва ли чистой крови. Все же силой своего таланта онъ приобрѣлъ довольно крупное вліяніе какъ въ одной, такъ и въ другой области: въ своихъ „опредѣленіяхъ“ обнаружилъ недюжинныя дарованія мыслителя; какъ политическій писатель, создалъ схему древней исторіи Спарты, схема, которая и доселѣ составляетъ предметъ научныхъ изысканій, а какъ дѣятель, сыгралъ на послѣднихъ страницахъ этой исторіи весьма важную роль, хотя и съ роковыми для государства послѣдствіями.

IV. Дифилъ Боспорянинъ.

О Дифилѣ мы имѣемъ единственное извѣстіе, — отрывокъ изъ Филиппа мегарянина, сохраненный у Л. Диогена (II, 163—164). Онъ происходилъ родомъ изъ Боспора и учился философіи у Евфанта мегарика.¹⁾ Вмѣстѣ съ Мирмикомъ, ученикомъ Ексенета, онъ отправился къ Стилпону съ цѣлью опровергнуть его ученіе. Но Стилпонъ, производившій на слушателей неотразимое впечатлѣніе своей находчивостью и изворотливостью въ аргументахъ, остался, конечно, побѣдителемъ въ этомъ неравномъ спорѣ и — сдѣлалъ обоихъ оппонентовъ горячими своими послѣдователями.

Д. Спиридоховъ.

ствительнымъ бытомъ спартанцевъ, внѣ Спарты и на основаніи чужихъ показаній, ближайшимъ образомъ литературныхъ. Въ такомъ случаѣ тезисъ Васильевского долженъ быть расширенъ, — Сферъ писалъ о политіи и о Ликургѣ не только до реформы Агиса, но и до своего пріѣзда въ Спарту.

¹⁾ Евфантъ былъ учителемъ Антигона Гонаты, которому посвятилъ сочиненіе „о царской власти“.

Волохи древней русской лѣтописи.

Всѣмъ изслѣдователямъ исторіи средневѣковой Европы, древнѣйшей исторіи славянъ и исторіи заселенія русской земли приходилось задумываться надъ слѣдующими тремя мѣстами древней русской лѣтописи, Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Разказавъ о расселеніи народовъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія и сообщивъ, что славяне произошли отъ племени Іафета, лѣтописецъ, продолжая повѣствованіе о дальнѣйшихъ судьбахъ славянства, говоритъ: „По мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣне по Дунаеви, кѣде есть нынѣ Угърська земля и Българська. И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли, и прозвашася имены своими, кѣде сѣдъше, на которомъ мѣстѣ. Якоже пришѣдъше, сѣдоша на рѣцѣ именьмъ Морава, и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се тижє Словѣне: Хървати, Бѣлии и Сърбъ и Хорутане. Волохомъ бо нашѣдъшемъ на Словѣны на Дунаискыя, и сѣдъшемъ въ нихъ и насилышемъ имъ, Словѣне же ови, прешѣдъше, сѣдоша на Вислѣ“, и т. д.

Ниже, послѣ перечисленія русскихъ племенъ и ихъ характеристики, мы находимъ отрывокъ, тѣсно связанный съ только что приведеннымъ: „Словѣнску же языку, якоже рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша отъ Скуфѣ, рекъше отъ Козарѣ, рекомии Българе, и сѣдоша по Дунаеви, и насильници Словѣномъ быша. По семь придоша Угъри Бѣлии, и наслѣдиша землю Словѣнску, прогънавъше Волохы, иже бѣша преже преяли землю Словѣнску. Си бо Угъри почаша быти при Ираклинѣ цѣсари, иже находиша на Хоздроя, цѣсаря Персѣскаго. Въ сиже времена быша и Объри, иже воеваша на Ираклия цѣсаря, и мало его не яша“. Далѣе разсказывается о покореніи Обрами Словѣнъ и о насиліяхъ, творимыхъ Обрами надъ Словѣнами. „Быша бо Объри тѣлмъ велици, а умъмъ гърди, и Богъ потреби я. и помъроша вси, и не остаєя ни единъ Объринъ: и єсть притѣча въ Руси и до сєго дъне: погыбоша акы Объри, ихъже нѣсть ни племєне, ни наслѣдъка. По сихъ же придоша Печенѣзи: и паки идоша Угъри Чърнии мимо Кыевъ, послѣже, при Ользѣ“.

Гораздо ниже, подъ 6406 (898) годомъ, лѣтописецъ, сообщивъ о движеніи Угровъ; шедшихъ „мимо Кыевъ“, продолжаетъ: „И пришьдѣше отъ вѣстока, устрѣмишася чересь горы великыя, яже прозвѣвашася горы Угърскыя, и почаша воевати на живушчая ту Волохы и Словѣны. Сѣдяху бо ту прежде Словѣне, и Волохове прѣяша землю Словѣнску. По семь же Угъри прогѣнаша Волохы, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ Словѣнными, покоривъше я подъ ся: и отътолѣ прозвѣсая земля Угърска“.

Итакъ русскій лѣтописецъ смѣну народностей и политическихъ отношеній на Дунаѣ представлялъ себѣ такъ: исконными поселенцами на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, т. е. въ современной ему Болгаріи и Угріи, были Словѣне. Съ теченіемъ времени на сидѣвшихъ на нижнемъ Дунаѣ Словенъ нападаютъ Болгаре, селятся между ними и покоряютъ ихъ себѣ; Словѣне сливаются съ Болгарами Дунайскими (ср. подъ 6406 г.: „яже грамота есть въ Руси и въ Българѣхъ Дунаискихъ“). На Словѣнъ, сидѣвшихъ на среднемъ Дунаѣ, нападаютъ Волохи, селятся между ними, покоряютъ ихъ себѣ и побуждаютъ часть ихъ къ расселенію (на сѣверъ и востокъ). Засимъ являются Бѣлые Угры, прогоняютъ Волоховъ, завладѣвшихъ прежде словѣнскою землею, и покоряютъ себѣ Словѣнъ. Появленіе этихъ Угровъ относится ко временамъ императора Ираклія. Къ тѣмъ же временамъ относится и покореніе Словѣнъ Обрами (Аварами). Позже, послѣ гибели Обровъ, въ южной Руси появляются Печенѣги, а затѣмъ, уже во времена Олега Кіевскаго, Черные Угры. Впрочемъ Черными назвалъ Угровъ лѣтописецъ только во второмъ изъ приведенныхъ отрывковъ, противопоставляя ихъ Бѣлымъ Уграмъ временъ Ираклія. Въ третьемъ отрывкѣ сообщается о нашествіи Угровъ, проходившихъ мимо Кіева во времена Олега: эти Угры (такъ же какъ Бѣлые Угры временъ Ираклія) прогоняютъ Волоховъ изъ словѣнской земли, селятся между Словѣнами и покоряютъ ихъ себѣ.

Задачей, которую я ставлю себѣ въ настоящей замѣткѣ, является не анализъ приведенныхъ сообщеній лѣтописца въ ихъ цѣломъ, а разъясненіе только одного спорнаго вопроса: кто тѣ Волохи, о которыхъ онъ сообщаетъ. Однако, въ виду явнаго противорѣчія двухъ сообщеній о Волохахъ, по одному изъ которыхъ Волохи изгоняются изъ словѣнской земли Бѣлыми Уграми временъ Ираклія, а по другому изгнаніе Волоховъ изъ словѣнской земли приписывается Уграмъ временъ кіевскаго Олега, мнѣ необходимо самымъ опредѣленнымъ образомъ отмѣтить,

что во второмъ изъ приведенныхъ отрывковъ лѣтописцу пришлось согласовать текстъ нѣсколькихъ источниковъ, что и повело его къ такимъ домысламъ, благодаря которымъ онъ сталъ въ противорѣчіе съ отрывкомъ подь 6406 годомъ. Въ одномъ изъ источниковъ лѣтописца сообщалось объ овладѣніи землею Дунайскихъ Словѣнъ Волохами и о прогнаніи Волоховъ Уграми (т. е. Мадьярами). Но объ Уграхъ лѣтописецъ узналъ у Амартола, въ болгарскомъ переводѣ его хроники, въ повѣствованіи о временахъ царя Ираклія, ибо переводчикъ замѣнилъ *Τούροισι* оригинала именемъ Угровъ (что объясняется тѣмъ, что византійцы называли Угровъ - Мадьяръ Турками). *Καὶ ὀλίγη πλῆθος Τούροισιν ἦμας, ἐξῆρρησε κατὰ Περσῶν*, читаемъ мы о походѣ Ираклія на Хоздроя (по-древнеболгарски: „и многы Оугры поимъ, изиде на Персы“). Тамъ же, на той же страницѣ Амартола, лѣтописецъ прочелъ объ Авахъ, которые не задолго передъ этимъ чуть было не захватили въ плѣнъ Ираклія: греч. *Ἀβαροῖσι, Ἀβαροῖσι* передано въ древне болгарскомъ переводѣ Обри. Вотъ почему лѣтописецъ нашелъ возможнымъ комментировать и дополнить извѣстіе объ Уграхъ перваго своего источника: во-первыхъ, эти Угры, въ противоположность Уграмъ (Мадьярамъ) времени кіевскаго Олега, названы имъ Бѣлыми Уграми; во-вторыхъ, лѣтописецъ отмѣтилъ: „Си бо Угъри почаша быти при Иракліи цѣсари, иже находиша на Хоздроя, цѣсаря Персѣскаго. Въсиже времена быша и Объри, иже воеваша на Ираклія цѣсаря, и мало его не яша“. Ниже по той же причинѣ Угры времени Олега названы лѣтописцемъ Черными Уграмн.¹⁾

Итакъ въ распоряженіи лѣтописца, когда онъ говорилъ о первоначальныхъ судьбахъ славянства, было нѣсколько источниковъ: одинъ основной, каковымъ былъ, какъ это нетрудно доказать, Сказаніе о грамотѣ словѣнской, другой подобный—хроника Амартола: третьимъ источникомъ были народныя преданія (изъ нихъ онъ почерпнулъ свой разсказъ объ Обрахъ, а также сообщеніе о прохожденіи Угровъ мимо Кіева при Олегѣ). Можно думать, что въ основномъ источникѣ лѣтописца, въ Сказаніи о грамотѣ словѣнской, соответствующія событія были изложены въ слѣдующей схемѣ. Словѣне послѣ столпотворенія Вавилонскаго сѣли по Дунаю, гдѣ во времена составителя сказанія были земли Угорская и Болгарская. На ту часть Словѣнъ, которая сидѣла на

¹⁾ Въ нашей исторической литературѣ уже опредѣленно выяснено, что различіе Бѣлыхъ и Черныхъ Угровъ русскимъ лѣтописцемъ вызвано какими-то искусственными его соображеніями. Ср. въ особенности у К. Я. Грота, Моравія и Мадьяры, с. 236—246.

среднемъ Дунаѣ, нападаютъ Волохи и осаживаются среди нихъ (ср. „Волохомъ бо нашѣдъшемъ на Словѣны на Дунаискыя, и сѣдъшемъ въ нихъ и насильящемъ имъ“). Это ведетъ къ разселенію Словѣнъ. На Словѣнъ, сидѣвшихъ на нижнемъ Дунаѣ, нападаютъ Болгары и осаживаются среди нихъ (ср. „Словѣнску же языку живущо на Дунаи, придоша Българе и сѣдоша по Дунаеви, и насильници Словѣномъ быша“). Позже на оставшихся на среднемъ Дунаѣ Словѣнъ и на ихъ покорителей Волоховъ нападаютъ Угры (Мадьяры), прогоняютъ Волоховъ и осаживаются среди Словѣнъ, покоряя ихъ своей власти (ср. „и почаша воевати на живущая ту Волохы и Словѣны. Сѣдяху бо ту преже Словѣне, и Волохове преяща землю Словѣнску. По семь же Угъри прогънаша Волохы, и наслѣдиша землю ту, и сѣдоша съ Словѣнми, покоривъше я подъ ся“).

Исслѣдователь можетъ поставить вопросъ, кто же именно Волохи въ этой схемѣ. Послѣ приведенныхъ выше разъясненій ясно, что такой вопросъ умѣстенъ только въ отношеніи предположенной схемы, а никакъ не въ отношеніи Волоховъ второго изъ трехъ выше приведенныхъ лѣтописныхъ отрывковъ, ибо ясно, что слова этого отрывка „По семь придоша Угъри Бѣлии, и наслѣдиша землю Словѣнску, прогънавъше Волохы, иже бѣша преже преяли землю Словѣнску“, выходятъ вмѣстѣ со словами третьяго отрывка „и Волохове преяща землю Словѣнску. По семь же Угъри прогънаша Волохы, и наслѣдиша землю ту“ къ одному общему источнику, содержаніе котораго укладывается въ приведенной выше схемѣ. Только отсутствіемъ анализа лѣтописнаго текста можно объяснить тѣ рѣшенія вопроса о лѣтописныхъ Волохахъ, которыя были предложены до сихъ поръ большинствомъ исслѣдователей. При рѣшеніи вопроса исслѣдователи исходили именно изъ данныхъ второго лѣтописнаго отрывка; они останавливались на Волохахъ, приведенныхъ въ связь съ миѳическими Бѣлыми Уграми, явившимися во времена Ираклія; данныя же третьяго отрывка, связывающія Волоховъ съ историческими Уграми (Мадьярами), оставлялись безъ вниманія. Между тѣмъ, какъ указано, анализъ лѣтописнаго текста устраняетъ Угровъ именно изъ второго отрывка и оставляетъ ихъ въ третьемъ.

Наиболѣе сочувственнаго вниманія привлекли слѣдующія два рѣшенія вопроса о Волохахъ, о миѳическихъ Волохахъ, явившихся въ результатѣ домысловъ лѣтописца. По одному изъ нихъ въ Волохахъ надо видѣть Кельтовъ, продвинувшихся въ IV—III ст. до Р. Х. въ Подунавье и на Балканскій полуостровъ:

такъ смотрѣли на Волоховъ Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ, а изъ русскихъ ученыхъ—Погодинъ, Ламанскій, въ 1859 году, Забѣлинъ въ Исторіи русской жизни, Григоровичъ. По другому рѣшенію Волохи—это римскіе легіоны, двинутые имп. Траяномъ въ Дацію въ началѣ II ст. по Р. Х.: такъ смотрѣли на Волоховъ Куникъ, Срезневскій, Брунъ, Барсовъ, Ламбинъ, Иречекъ, Дриновъ, Ягичъ, Мюлленгофъ.¹⁾ Это второе рѣшеніе подробно обосновано признавшимъ его вѣрность профессоромъ Нидерле, который привлекъ въ качествѣ доказательствъ данныя славянскаго фольклора, сохранившаго память о Траянѣ, а также географическую номенклатуру Галиціи, Валахін, Добруджи, Болгаріи и даже Моравіи и Чехіи, гдѣ имѣются рѣки, урочища и города, названныя Траяновыми. Предидущія разъясненія освобождаютъ меня отъ необходимости возражать проф. Нидерле и его предшественникамъ: ихъ мнѣніе такъ же, какъ и мнѣніе тѣхъ, кто въ Волохахъ видѣлъ Кельтовъ IV—III ст. до Р. Х., опровергается ссылкой на то, что въ первоисточникѣ лѣтописи говорилось только о Волохахъ, столкнувшихся съ Мадыярами въ концѣ IX столѣтія по Р. Х.

Совсѣмъ особеннымъ среди другихъ изслѣдователей является положеніе, занятое въ вопросѣ о лѣтописныхъ Волохахъ словенскимъ ученымъ Давориномъ Трстенькомъ, обнародовавшимъ въ 1886 году, въ журналѣ „Kres“ статью подъ заглавіемъ „Nestorjevi Vlahi“. Остановившись на сообщеніи Нестора о нападеніи Волоховъ на Словѣнъ въ ихъ прародинѣ (см. первый изъ приведенныхъ выше отрывковъ), авторъ вслѣдъ за Добровскимъ видитъ въ этихъ Волохахъ Кельтовъ, тѣхъ Галловъ, которые по сообщенію Іустина въ концѣ IV ст. до Р. Х. двинулись изъ Галліи и поселились въ Панноніи (Kres, VI, 1, с. 52—53). Ошибочность домысла Д. Трстенька выяснена выше. Совсѣмъ иное рѣшеніе дается Д. Трстеньковъ вопросу о тѣхъ Волохахъ, о которыхъ Несторъ говоритъ подъ 6406 годомъ (см. третій лѣтописный отрывокъ). Кельтовъ въ то время не было въ Панноніи, но западную Панноніею властвовали тогда „Франки римскаго королевства Каролинговъ“. Этотъ народъ и названъ въ русской лѣтописи Волохами. Дѣйствительно, Франки

¹⁾ См. болѣе подробныя ссылки у Нидерле, *Slovanské starozitnosti*, II, 142. Въ лѣтописныхъ Волохахъ видѣли Лонгобардовъ—Шлецеръ; Болгарь—Тунманнъ, Аделунгъ, Арцыбашевъ; Румынъ—Шлецеръ, Облакъ, Сасинекъ; Гетовъ—Карамзинъ; Романскихъ жителей Трансильванскихъ горъ—К. Я. Гротъ (Моравія и Мадыяры, 246). Относительно взгляда Д. Трстенька скажу ниже.

владѣли западною Панноніей, словѣнскіе князья Коцель и Брячиславъ были ихъ вассалами; Франкскому владычеству въ Панноніи положили конецъ Венгры въ 901 году и покорили себѣ Славянъ. Подъ Волохами нашей лѣтописи разумѣются Франки. Въ связь съ этимъ Трстеньякъ поставилъ, во-первыхъ, именованіе Франціи скандинавскими писателями Walland, т. е. землю Волховъ (Влаховъ. Волоховъ); во-вторыхъ, именованіе Франковъ въ VI и VII ст. у греческихъ и латинскихъ писателей Галлами, что давало Нестору право назвать ихъ Волохами, т. е. именемъ, ископно присваиваемымъ Кельтамъ; въ-третьихъ, наконецъ, царство Каролинговъ было римско-франкскимъ; что давало Нестору новое право называть Франковъ Волохами (какъ называлъ онъ Италіанцевъ).

Еще до знакомства съ названною статьей Д. Трстеньяка, я въ лѣтописныхъ Волохахъ призналъ народы, подвластные Карлу Великому и Каролингамъ. Повидимому Влахъ, Волохъ въ устахъ славянскихъ народовъ означало вообще романцевъ, а не только италіанцевъ. Франковъ русская лѣтопись называетъ Фрягове, въ Италіи она знаетъ Римлянъ и Венедиковъ, Волохами же назывались и италіанцы, и галлы, и румыны, слѣдовательно, и Франки, воспринявшіе галльскую культуру, французы. Ср. значеніе средневерхненѣм. *wehhsich, wälhsich*: романскій, *французскій*, италіанскій; англо-сакс. *wealhnutu*, древнесѣв. *walnnot*: волошскій орѣхъ, означало собственно „французскій или италіанскій орѣхъ“, по подражанію латинскому *nux gallica* (См. F. Klüge. *Etym. Wörterbuch der deutsch. Spr.*). Съ владычествомъ Карла Великаго Дунайскіе Славяне встрѣтились въ концѣ VIII вѣка, когда франкскія войска Карла и италіанскія войска его сына Пипина разрушили Аварскій каганатъ и уничтожили самихъ Аваровъ. Первый походъ Карла Великаго въ землю Аваровъ былъ предпринятъ въ 791 году; италіанская армія первая встрѣтилась съ Аварами въ Панноніи и разбила ихъ въ битвѣ 23 августа. Въ концѣ 795 года Авары были разбиты Фріульскою арміею Карла Великаго. Въ 796 году сынъ Карла Пипинъ во главѣ Ломбардовъ, Баварцевъ и Алемановъ двинулся въ восточную Паннонію, гдѣ разорилъ царскую ставку. Въ 797 г. въ страну Аваровъ ворвался графъ Эрихъ Фріульскій съ арміею, составленною изъ Лонгобардовъ и Франковъ. Къ 811 г. относится послѣдній походъ Карловыхъ войскъ въ землю Аваровъ; послѣ него Авары какъ самостоятельный народъ не упоминаются. Въ западной Панноніи Словѣне, подвластные нѣкогда Аварамъ, подчинились Карлу и вошли въ составъ оставленной

имъ имперіи, покорившись такимъ образомъ Волохамъ. Историкъ русской лѣтописи признаетъ нашествіе Волоховъ причиною расселенія Дунайскихъ Словѣнъ: можно думать, что утвержденіе Карловой монархіи у береговъ Дуная послужило могущественнымъ двигателемъ въ политическомъ развитіи всего вообще славянства, обособившихся его частей. Это видно между прочимъ изъ того, что въ эту эпоху имя Карла, какъ нарицательное, было перенято всѣми Славянами для обозначенія высшаго носителя государственной власти (отсюда съ перестановкой: южно-славянское Kralj, чешско-словацкое Král, польское Król: съ полногласіемъ: русское король). Нашествіе Волоховъ на Дунайскихъ Словѣнъ по мнѣнію составителя Сказанія о грамотѣ словѣнской привело къ расселенію Словѣнъ; на самомъ же дѣлѣ оно повело къ политическому обособленію славянскихъ племенъ, къ политическому ихъ росту, связанному съ распространившимся въ то время среди нихъ представленіемъ о королевской власти. Фактически раздробленное до того времени Славянство, очевидно, объединялось властью аварскаго кагана. Паденіе каганата раскрыло Славянъ. Указаніе на то сильное впечатлѣніе, которое произвело на все славянство паденіе каганата, разрушеніе Аварской державы, находимъ въ приводимой Несторомъ русской пословицѣ: „погыбоша аки Обърнѣ“, пословицѣ, примѣняемой къ тѣмъ, кто не оставилъ ни племени, ни наслѣдка. Далекіе отъ Панноніи восточные Славяне знаютъ, что Богъ потребилъ всѣхъ Аваровъ: и помьроша вси, и не остаея ни единъ Обърнѣ. Слова русскаго лѣтописца напоминаютъ отзывы западныхъ хроникеровъ о паденіи Аваровъ и ихъ гибели. Въ началѣ IX вѣка Эгингардтъ пишетъ: locus in quo regia Kagani erat, ita desertus, ut ne vestigium quidem in eo humanae habitationis appareat. Вѣсть о паденіи Аваровъ, такъ же какъ представленіе о королевской власти обошли все славянство передъ моментомъ окончательнаго политическаго его распадѣнія.

А. Шахматовъ.

Изъ исторіи Западнаго Побережья Тавриды.

І.

Херсонесь Таврической и раскопки 1917 г. въ Евпаторіи.¹⁾

Историческое прошлое окрестностей нынѣшней Евпаторіи тѣсно связано съ судьбами всего Западнаго побережья Крымскаго полуострова, средоточіемъ жизни котораго съ V вѣка до Р. Х. и по XV вѣкъ нашей эры оставался расположенный близъ Севастополя городъ, колонія гераклейцевъ Херсонесь Таврической.

Греческая колонизація Тавриды коснулась первоначально лишь его прибрежной полосы, отгѣснивъ нѣсколько вглубь материка тавро-скиѳовъ, народность, корни которой надо искать въ Малой Азіи, въ предѣлахъ культуры Мидо-Персидскихъ государствъ.

Борьба Востока съ Западомъ, Персидской монархіи съ демократическими республиками Греціи, какъ мы знаемъ, закончилась въ началѣ V вѣка до Р. Х. побѣдой демократій, побѣдой Запада. Но, проигравъ сраженія при Мараѳонѣ и Саламинѣ, Востокъ не счелъ себя побѣжденнымъ, и отголоски этой борьбы идей и государственныхъ началъ пятого вѣка, переброшенной позже на Сѣверъ, еще три вѣка спустя потрясали города и доли Тавриды.

Топографическая карта Таврическаго полуострова искони обусловила три возможныхъ сферы господства и политическихъ вліяній: Восточная часть Тавриды, образуя отдѣльный полуостровъ, тяготѣла къ Пантиканею, позже столицѣ Воспорскаго царства (нынѣшней Керчи); горный Крымъ и сѣверная его степная полоса въ разсматриваемую эпоху была областью господ-

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ Евпаторійскомъ городскомъ театрѣ 3 декабря 1917 г., повторенная въ Евпаторійскомъ О-вѣ Νέα Γενεά, въ засѣданіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи 14 декабря 1917 г. и Комитета объединенныхъ ученыхъ учреждений Таврической губерніи 4 января 1918 г. въ Симферополѣ.

ства тавро-скиювъ, а позже, какъ громадная воронка, вливала въ себя непрерывно тянувшіяся съ Востока, изъ Волго-Каспійскихъ равнинъ и Кавказа, волны различныхъ народностей; и, наконецъ, Западная прибрежная узкая, равнинная полоса сгруппировала, вѣроятно, уже въ IV вѣкѣ до Р. Х. свои поселки и городки въ одну политическую единицу съ Херсонесомъ во главѣ.

Херсонесъ, городъ—государство по образцу древне-греческихъ демократическихъ конституцій, въ разсматриваемый моментъ. вѣроятно, федеративная республика (*κοινός*), въ составъ которой входили всѣ заселенные пункты Западнаго побережья Тавриды, сталкивается въ концѣ II вѣка до Р. Х. съ исполнѣ, повидимому, сложившимся, сильно эллинизированнымъ скиюскимъ монархическимъ, да позволено будетъ такъ выразиться, государствомъ. Херсонесская демократическая республика сталкивается съ вѣнценосными преемниками деспотовъ, Скилуромъ и Палакомъ.

Для обоихъ политическихъ міровъ результатъ столкновения былъ катастрофиченъ.

Здѣсь опять, какъ и въ V-омъ вѣкѣ, побѣдила Западъ. Скиюская монархія развалилась, какъ глиняный истуканъ, но и сама побѣда для демократическаго сонеса была тяжелымъ поражениемъ. Онъ все же лишился свободы, за которую боролся, и, переставъ быть данникомъ варваровъ, сдѣлался временно данникомъ Понтійскаго царства, а затѣмъ на него навалилась мощная рука великодержавнаго Рима.

Вотъ объ этихъ-то событіяхъ, которыя насъ ближайшимъ образомъ должны интересовать, въ связи съ результатами раскопокъ, мы и имѣемъ, какъ разъ, очень надежные историческіе документы. Одинъ изъ нихъ — историческое преданіе, зафиксированное въ дошедшей до насъ античной литературѣ, другіе — данныя, добытыя трудами русскихъ археологовъ второй половины XIX-го вѣка. Обратимся пока къ послѣднимъ.

Въ 1878 г. въ Херсонесѣ былъ найденъ мраморный пьедесталъ къ статуѣ, разбитый на двѣ части; на фронтальной сторонѣ пьедестала оказалась надпись въ два столбца въ честь Діофанта, полководца Миѳрадата Евпатора, оказавшаго весьма важныя услуги Херсонесу въ его борьбѣ со скиюами, за что народное правленіе постановило украсить Діофанта золотымъ вѣнкомъ, воздвигнуть ему стую и самое постановленіе обнародовать, вырѣзавъ его на мраморѣ пьедестала. Въ надписи этой¹⁾,

¹⁾ Хранится въ Эрмитажѣ (Петроградъ).

въ связи съ военными операціями Діофанта, упоминаются Керкинитъ, какое-то укрѣпленіе и Калось - Лимень. Содержательность декрета и реальное упоминаніе Каркинита и др. мѣстъ, о которыхъ сохранилось свидѣтельство античнаго преданія, вызвали въ ученѣмъ мірѣ оживленную полемику объ ихъ мѣстонахожденіи. Собралась литература по этому вопросу, были попытки изысканій въ окрестностяхъ Евпаторіи, такъ какъ, согласно указанія древнихъ авторовъ, Каркинитъ, дѣйствительно, можно было искать гдѣ-то въ этихъ краяхъ.

Въ 1880 г. появилась большая статья (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.) о Каркинитѣ извѣстнаго русскаго нумизмата Бурачкова, который, собирая всюду древнія монеты, побывалъ и здѣсь. Онъ оставилъ намъ планъ района нынѣшней Евпаторіи, гдѣ на мѣстѣ новаго города царствовали пески и пустыня. Гдѣ-то по близости мѣста нынѣшней дачи Новицкой имъ указаны на планѣ стѣны и круглыя башни значительной величины (теперь тамъ на поверхности ничего не видно). Въ результатѣ разнаго рода ученыхъ соображеній оказались три гипотезы: одна ставила Каркинитъ въ районѣ Евпаторіи, другая указывала на Донузлавское озеро, третья смѣшивала Каркинитъ съ Каркиной, еще сѣвернѣе, въ предѣлахъ нынѣшняго Перекопскаго уѣзда и Херсона. Всѣ онѣ не получили, впрочемъ, тогда подтвержденія, но не успѣли о нихъ забыть, какъ Херсонесъ подарилъ ученый міръ еще однимъ важнѣйшимъ памятникомъ. Въ 90-ыхъ годахъ прошлаго вѣка тамъ была найдена знаменитая гражданская присяга херсонаситянь, вырѣзанная на большой (в. 1,39 м.) бѣло - мраморной плитѣ.¹⁾ Въ торжественныхъ выраженіяхъ, соответствующихъ важности государственнаго акта, приглашается юный гражданинъ, достигнувшій совершеннолѣтія, поклясться въ вѣрности республикѣ и законамъ.

Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою,
 богами и богинями Олимпа
 и героями, кои охраняютъ общину, землю
 и стѣны Херсонаситовъ,
 что (всегда) буду дружно стоять за благо
 и свободу города и согражданъ
 и не предамъ ни Херсонаса,
ни Керкеникиды, ни Прекрасной Гавани,
ни иныхъ укрѣпленій и земель,
 коими Херсонаситы владѣютъ
 или владѣли (не предамъ), ничего никому,

¹⁾ Хранится въ Херсонесскомъ музеѣ Арх. Комм. (въ Севастополѣ).

ни эллину, ни варвару; но буду охранять
 для гражданъ Херсонаса и не
 нарушу демократіи, а
 желающаго предать или нарушить (ее)
 отвращу и не укрою и даже
 заявлю о немъ городскимъ властямъ.
 Буду врагомъ каждому
 злоумышляющему, предающему или склоняющему
 къ отпаденію Херсонасъ, Керкенидиду,
 Прекрасную Гавань, укрѣпленія и земли
 херсонаситовъ. Когда буду членомъ совѣта,
 буду давать совѣты наиболѣе честные и полезные
 для города и гражданъ и (ΣΑΣΤΗ-
 ΡΑ) охранять народу и не пе-
 редамъ на словахъ ничего тайнаго
 ни эллину, ни варвару,
 что могло бы повредить общинѣ.
 Не дамъ взятки и не приму ея
 ко вреду общины и гражданъ и
 не замыслю ничего дурнаго
 противъ гражданъ, вѣрныхъ общинѣ,
 и (не позволю ничего подобнаго другимъ),
 не донесу на такихъ; на судѣ подамъ голосъ
 по законамъ и не вступлю въ заго-
 воръ ни противъ общины херсонаситовъ,
 ни противъ кого - либо изъ гражданъ,
 если онъ не объявленъ врагомъ народа;
 если же вступилъ въ заговоръ
 и связалъ себя клятвой,
 то пусть будетъ мнѣ и моимъ близкимъ
 не хорошее, если нарушу ее,
 и все скверное, если останусь при ней,
 и если узнаю о какомъ - либо заговорѣ,
 существующемъ или замышляющемся,
 заявлю властямъ, (даміургамъ);
 и не буду продавать хлѣба, доставленнаго изъ равнины,
 а равно вывозить его въ другое
 мѣсто помимо Херсонаса.
 Если я свято исполню свое обѣщаніе,
 да ниспошлетъ Зевесъ, Земля, Солнце,
 Дѣва и боги Олимпа все хорошее
 мнѣ самому и всему роду, и всему моему,

если же я не исполню, пусть
 Злая судьба, постигнетъ меня
 и родъ мой и все мое,
 да не принесетъ мнѣ плода ни земля
 ни море и жена да не¹⁾

Эта драгоценная находка — памятникъ, открывающій намъ религіозныя, государственныя и правовыя стороны жизни античнаго государства, такъ обширенъ по своему содержанию, что могъ бы одинъ послужить темой для цѣлаго курса специалисту по государственнымъ древностямъ. Конечно, открытіе этого памятника было событіемъ самодовлѣющей важности, но, кромѣ того, оно вызвало съ новой силой интересъ къ упоминаемымъ здѣсь вновь Керкиниту, Калось-Лимену и другимъ укрѣпленіямъ.

Такъ въ 90 г.г. прошлаго вѣка въ Евпаторіи производитъ раскопки гражд. инж. Романченко. Онъ нашелъ близъ Мойнакской грязелечебницы какія-то постройки, камни которыхъ тогда же были расхищены, и значеніе ихъ тогда такъ и осталось, къ сожалѣнію, не совсѣмъ выясненнымъ. Въ районѣ же проспекта Александра II-го, близъ нынѣшняго городского театра, онъ наткнулся на античное кладбище V—II вв. до Р. X. Среди его находокъ особенно интереснымъ и важнымъ было присутствіе здѣсь Каркинитскихъ монетъ и находка, среди обломковъ греческихъ вазъ, возлѣ Мойнакъ, каменнаго рельефа съ изображеніемъ возлежащаго безбородаго Геракла. Все вмѣстѣ взятое дало основательный поводъ г. Романченко утверждать, что Каркинитъ надо искать въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Евпаторіей. А какъ на наиболѣе подходящее мѣсто для древняго города онъ указывалъ на Мойнакское озеро, предполагая, что въ свое время оно было заливомъ.

Всѣ молчаливо согласились съ нимъ, склоняясь предъ фактомъ, но, къ сожалѣнію, открытія г. Романченко не были своевременно использованы ни городомъ, въ смыслѣ пріобрѣтенія найденныхъ при раскопкахъ вещей для будущаго музея, ни официальной наукой, замедлившей прислать сюда специалиста, снабженнаго всѣми средствами для веденія настоящихъ большихъ раскопокъ.

Тогда весь новый городъ былъ все въ томъ же положеніи, что и 12 лѣтъ назадъ, когда здѣсь пробовалъ дѣлать изысканія Бурачковъ, т. е. необозримой пустыней песковъ. Но уже вскорѣ послѣ того началась его застройка, во время которой погибла для русской науки масса найденныхъ памятниковъ.

¹⁾ IPE № 401. Переводъ В. В. Латышева.

Лучшіе изъ нихъ ушли за-границу, другіе разошлись по частнымъ рукамъ, но, что обиднѣе всего, масса просто разбивалась невѣжественными рабочими, рывшими канавы для фундаментовъ домовъ и плантажа,

Несмотря на то, что Романченко производилъ раскопки ежегодно въ теченіе многихъ лѣтъ, и что въ самое недавнее время преподаватель мѣстной гимназіи В. Ѳ. Штифтаръ пробовалъ копать курганы съ охотниками гимназистами въ окрестностяхъ Евпаторіи, слѣды мѣстонахожденія древностей были быстро замечены. И когда пишущій эти строки впервые лѣтомъ 1915 года пріѣхалъ въ Евпаторію для ознакомленія съ найденными здѣсь древностями и мѣстомъ нахожденія ихъ, никто изъ обывателей не могъ ничего рѣшительно сказать ему ни о томъ, ни о другомъ. — Толща населенія осталась совершенно равнодушной къ открытіямъ, но въ городѣ все же оказалось 2—3 лица, которыя любили и собирали древности своего города.

Изумившись невѣроятному росту города и видя, что мѣстоположенію древняго поселенія угрожаетъ судьба Пантикапея, надстроеннаго современной Керчью, я въ ту же зиму докладывалъ въ Петроградѣ Археологической Коммиссіи о необходимости немедленныхъ работъ въ Евпаторіи, ради использованія тѣхъ немногихъ, незастроенныхъ еще участковъ земли, гдѣ могутъ быть найдены древности. Археологическая Коммиссія поручила мнѣ войти въ соглашеніе съ Евпаторійскимъ городскимъ управленіемъ о раскопкахъ на городской землѣ. Соглашеніе было достигнуто, городъ обѣщаль субсидировать ученое предпріятіе, и 10-го декабря 1916 г. было уже приступлено къ первоначальному ознакомленію съ будущими мѣстами раскопокъ, а съ января 1917 г. началась первая кампанія археологическихъ розысканій.

Приступая къ работамъ, мы, конечно, приняли въ соображеніе всѣ данныя, оставшіяся намъ отъ античной литературы и предшествующихъ изслѣдователей. Но прежде всего предъ изслѣдователемъ Каркинита вставалъ вопросъ: Что такое Каркинитъ? Городъ ли, или въ собирательномъ смыслѣ и государство, или только укрѣпленіе? Какой народъ оставилъ ему его странное названіе? Наконецъ, на какихъ началахъ вошелъ онъ въ составъ Херсонесской республики, и когда?

„*Καρκινίτις πόλις Σινδική*“—Каркинитъ городъ скинскій— вотъ древнѣйшее свидѣтельство о Каркинитѣ греческаго писателя VI в. до Р. Х. Гекатея Милетскаго (Fr. 153). — А послѣдующій по времени историкъ Геродотъ говоритъ намъ отъ лица скин-

говѣ: „ἡμῖν οὐτε ἄστρα οὐτε γῆ περὶταυμένη ἔστι (IV, 127) — у насъ нѣтъ ни городовъ ни засѣянной земли“. Говоря же о Каркинитидѣ, называетъ ее πόλις — „μέγρι πόλιος καλεσμένης Καρκινίτιδος“, имѣя въ виду, вѣроятно, не городъ въ собственномъ смыслѣ, а государство — страну, — не даромъ съ соименнымъ названіемъ были рѣка и заливъ, нынѣ опять называющійся Каркинитскій.

Говорить о финикійскомъ происхожденіи названія мѣста и о возможности существованія здѣсь еще до скивовъ финикійской колоніи, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, мнѣ кажется, нѣтъ достаточныхъ основаній, — вѣдь настоящихъ слѣдовъ финикійской культуры ни здѣсь, ни вообще по берегамъ Чернаго моря пока не найдено. (Подъ сомнѣніемъ Тира и Березань). Но вотъ что интересно: — среди многочисленныхъ народностей, жившихъ уже въ историческое время, по свидѣтельствамъ античной литературы, на Сѣверо-восточномъ, Кавказскомъ берегу Чернаго моря жили нѣкіе Керкеты — Тореты. Вотъ послѣднее ихъ названіе не есть ли искалѣченное ταυρίται, и не произошло ли оно отъ временнаго пребыванія ихъ въ Тавридѣ? Не они ли оставили здѣсь свое первоначальное имя поселенію, заливу и рѣкѣ? (Ср. Страбонъ XI, 2, 14; Діонисій, Описание населенной земли v v, 652—710 и др.). Можетъ быть еще въ доисторической періодъ, въ эпоху Критско-Эгейской культуры, современной культурамъ древняго Востока и Египта, они проникли въ бассейнъ Чернаго моря и осѣли на Западномъ берегу Тавриды, откуда въ послѣдствіи, подобно Киммерійцамъ, жившимъ на Восточномъ ея берегу, были вытѣснены скивами. Этапы Критско-Эгейской культуры имѣются въ Бессарабіи и Киевской губерніи, а въ С.-З. углу Кавказа найдены вещи, еще должнымъ образомъ не классифицированныя, но имѣющія несомнѣнное родство съ вещами, найденными въ Троѣ и областяхъ Критско-Эгейской культуры. Возможно, что именно они Керкеныты — Керкеты¹⁾ и были носителями этой культуры, подобно ихъ сосѣдямъ ахейцамъ, поселившимся здѣсь, по преданію, во времена аргонавтовъ, но, вѣроятноже, послѣ вторженія дорянъ въ Пелопонесъ. Не ими ли былъ завезенъ въ Тавриду и культъ могущественной богини — Дѣвы (Ифигеніи), и та (племенная) ненависть, отмѣчаемая всѣми греческими писателями со стороны неизвѣстныхъ страшныхъ тавровъ, съ которой были встрѣчены

¹⁾ Ср. Евстафій, Коммент. къ Діонисію — (680), гдѣ 'Ορέται производятся отъ Ореста (брата Ифигеніи), Керκέντιος - Τορέται Діонисія (652 слл.) Ср. Периплъ Безымяннаго автора (65): Κερκένται οἱ λεγόμενοι Τορίται В. В. Латышевъ, Изв. древн. писателей о Скиѣи и Кавказѣ т. I, вып. 1.

первая попытка дорянъ колонизироваться на Западномъ берегу Тавриды?

Богъ знаетъ, чьими руками были прорыты таинственные ходы на 4-хъ саженой глубинѣ подъ Евпаторіей, съ которыми мы еще не имѣли возможности ознакомиться какъ слѣдуетъ! Быть можетъ и дѣйствительно это были водоснабдительные каналы, — подземныя рѣки народа великой Критско-Эгейской культуры, по системѣ древняго Востока орошавшаго страну и превратившаго ее въ цвѣтущій садъ?

Наши апіорныя сужденія о доисторической жизни края требуютъ самыхъ тщательныхъ провѣрокъ путемъ широкихъ изысканій всего С.-З. угла Таврическаго полуострова, еще совершенно не изслѣдованнаго, съ его многочисленными курганами и невѣдомыми развалинами укрѣпленій, являющими собой слѣды его древнѣйшихъ обитателей, равно какъ и параллельное изслѣдованіе въ археологическомъ отношеніи Черноморскаго побережья въ окрестностяхъ Новороссійскъ — Туапсе.

Это на будущее! Теперь же было поставлено болѣе скромное заданіе — найти Херсонесскій Каркинитъ. Въ присягѣ херсонаситовъ за названіемъ Каркинита и Калось—Лимена сказано „и другіе укрѣпленія“, изъ чего явствуетъ, что оба указанная мѣста для Херсонеса были важны, какъ укрѣпленія, да притомъ такія, о которыхъ слѣдовало упомянуть особо.

Присяга Херсонаситовъ, какъ документъ, относится къ концу IV вѣка до Р. Х., — такимъ образомъ, карта владѣній Херсонеса къ этому времени представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: Съ южной оконечности Западнаго побережья Тавриды, отъ Херсонесскаго маяка, къ сѣверу извилистая береговая полоса образуетъ много естественныхъ бухтъ. Херсонесъ въ началѣ былъ главнымъ образомъ мѣстомъ торжища, торговымъ портомъ (τὸ ἐμπόριον), и пути сообщенія его были морскіе, — поэтому всѣ ближайшія незанятая еще никѣмъ бухты, лежащія по близости туземныхъ поселеній, были имъ оборудованы для стоянки судовъ, а современемъ и укрѣплены со стороны суши. Продвигая свое вліяніе на сѣверъ и занимая бухту за бухтой, скорѣе всего, — путемъ договоровъ, государство достигло уже къ IV-ому вѣку до Р. Х. предѣловъ нынѣшней Евпаторіи и Каркинитскаго залива.

Примѣняясь къ современному дѣленію Тавриды, государственная территорія Херсонеса, въ эпоху его разцвѣта, занимала нынѣшнее Севастопольское градоначальство, весь Евпато-

рійській уѣздъ, часть Симферопольскаго уѣзда и нѣкоторую часть Южнаго побережья. Центрами его были вотъ эти укрѣпленія бухтъ, къ которымъ тяготѣло населеніе окрестныхъ поселеній, состоявшее изъ эллиновъ и эллинизированныхъ тавро-скиѳовъ.

Въ описаніи земель Скиѳии Страбонъ (греческій писатель I-го в. нашей эры) говоритъ: „Что же касается Херсонеса, то, за исключеніемъ горной области на морскомъ берегу до Θεοδосίи, вся остальная часть его представляетъ равнину съ хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлѣбомъ: земля, вспаханная какъ попало любымъ пахаремъ, даетъ урожай самъ тридцать“. При такомъ положеніи страны Херсонесъ не могъ, конечно, обслуживаться однимъ своимъ главнымъ вывознымъ портомъ. И таковыми для С.-З. угла его владѣній служили сначала, вѣроятно, лишь Каркинитъ, а потомъ и Прекрасная Гавань (Καλὸς - Λιμὴν).

Такимъ образомъ изслѣдователь, нащупывая почву окрестностей нынѣшней Евпаторіи, въ поискахъ упоминаемаго въ присягѣ греческаго (Херсонесскаго) Каркинита, долженъ былъ имѣть въ виду, что послѣдній былъ, главнымъ образомъ, укрѣпленный портъ. Флавій Арріанъ, правитель Каппадокіи, въ званіи *legatus pro praefere*, путешествовалъ въ 134 г. по Понту и представилъ затѣмъ отчетъ о своемъ путешествіи императору Адріану. Перечисляя прибрежные города Понта одинъ за другимъ и указывая разстоянія между ними, онъ сообщаетъ между прочимъ: „Отъ Херсонеса до Керкинитиды 600 стадій, а отъ Керкинитиды до Прекраснаго Порта, *также Скиѳскаго*, еще 700, и т. д.“. Компетентность свѣдѣній Арріана не должна подлежать сомнѣнію. Важная персона, путешествуя на легатскомъ кораблѣ, конечно, въ сопровожденіи лучшихъ моряковъ императорскаго флота, отъ нихъ-то и получила свои свѣдѣнія.

Итакъ, считая въ среднемъ по 6 стадій на версту, получаемъ согласно Арріану 100 верстъ морского пути отъ Херсонеса къ Сѣверу (имѣя въ виду царусный флотъ), къ предѣламъ Евпаторіи. Слѣдовательно, Каркинитъ, какъ укрѣпленный морской портъ Херсонаситовъ, мы должны были искать, дѣйствительно, вблизи Евпаторіи, у моря.

Свои изысканія мы начали на площади будущей Всероссійской санаторіи, между Мойнакскимъ озеромъ и моремъ, — сначала ближе къ морю, гдѣ оказались, лишь сыпучіе пески, отъ вѣтра и волнъ образовавшіе причудливые валы, а затѣмъ

перешли въ районъ начавшихся работъ по сооруженію санаторскаго парка.

Уже къ концу марта выяснилось, что вся воздѣланная подъ паркъ площадь, размѣромъ въ нѣсколько десятинъ, свободна отъ какихъ-либо античныхъ сооружений, кромѣ одного мѣста, ближе къ Мойнакской грязелечебницѣ, гдѣ нами были открыты фундаменты большого эллинистическаго, загороднаго дома, подобнаго не такъ давно открытому близъ Херсонесскаго маяка (раскопки Н. М. Печенкина), т. е. среди владѣній Херсонеса. Въ деталяхъ планъ дома пока остался не выясненнымъ, его западная сторона, уходящая во владѣнія грязелечебницы, еще не открыта. При раскопкахъ дома были найдены монеты и обломки античныхъ вазъ, на основаніи которыхъ устанавливается и его эпоха. Домъ былъ разрушенъ и сгорѣлъ въ концѣ II-го вѣка до Р. Х. (какъ и ранѣе открытый возлѣ Херсонесскаго маяка) и затѣмъ уже больше не возстановлялся.

Особенно важно и интересно то, что домъ этотъ стоялъ на мѣстѣ какихъ-то древнѣйшихъ сооружений, частью используя ихъ какъ фундаменты. Одно изъ нихъ находится въ южной сторонѣ дома и составляетъ теперь его южное крыло. Зданіе это было сложено изъ громадныхъ, преимущественно, треугольныхъ плитъ (оббитыхъ, но не тесаныхъ), въ системѣ полигональной кладки. Представляя изъ себя вытянутый въ длину прямоугольникъ, обращенный съ Востока на Западъ, оно очень напоминаетъ своими пропорціями целлу архангелскаго греческаго храма (20×7 м.).

Другое древнѣйшее сооруженіе въ с.-з. углу эллинистическаго дома было совершенно засыпано; надъ нимъ прошла частью вымостка двора, частью с.-з. крыло надворныхъ службъ дома.

Зданіе это миниатюрное (12,0×6,0 м.), сложено на глиняхъ изъ каменныхъ квадровъ значительной величины, твердой породы. Ориентировано оно съ Ю. на С. перпендикулярно только что описанному и представляетъ въ планѣ *templum in aulis*, сокровищницу (подобно олимпійскимъ или дельфійскимъ) или мегаронъ „микенскихъ“ дворцовъ. (Интересно, что г. Романченко нашелъ здѣсь же недалеко и въ той же ориентации совершенно подобное зданіе).

Въ верхнихъ слояхъ насыпи, образовавшейся подъ его развалинами ниже уровня фундамента эллинистическаго дома, найдено нѣсколько мѣдныхъ монетъ херсонесскаго типа IV в.

до Р. Х., что указывает на значительную древность этой постройки. Оба описанные зданія впущены въ материкъ и стоятъ на почвенной скалѣ, на одномъ и томъ же уровнѣ отъ современной поверхности.

Если остатки ихъ входили въ комплексъ какого-либо святилища (рельефное изображеніе юнаго Геракла было найдено неподалеку раскопками Романченко), то древность ихъ могла бы восходить къ VII в., когда такія святилища, въ видѣ специальныхъ зданій, посвященныхъ божеству, появляются и въ самой Греціи. Но если бы здѣсь, въ дѣйствительности, такое святилище существовало, будь то святилище Геракла или какого-либо идентифицированнаго мѣстнаго божества, вѣроятно, греческіе писатели, а въ особенности Геродотъ, не преминули бы назвать его; вотъ почему и является мысль отнести остатки зданій подъ развалинами эллинистическаго дома ко временамъ гораздо болѣе раннимъ и признать ихъ за остатки зданій въ типѣ доисторическихъ греческихъ дворцовъ, выстроенныхъ, какъ и вышеупомянутые подземные, оросительные каналы, руками „каркинитовъ“. Возникшій надъ ними домъ принадлежалъ поселянину эллину или эллинизированному скиѳу, обрабатывавшему свое поле, а можетъ быть, ввиду близости солянаго озера, занимавшемуся и солепромышленностью, и такихъ домовъ, вѣроятно, было много во всемъ районѣ новой Евпаторіи.

Всѣ они, составляя, въ общемъ, своеобразный городъ, согласно нашей схемѣ поселеній, должны были тяготѣть къ какому-то центру—„акрополю“ или —укрѣпленной гавани.

Его нужно было найти.

Раскопками г. Романченко было обнаружено въ районѣ нынѣшняго городского театра античное греческое кладбище, большинство могилъ котораго восходило къ V-му вѣку до Р. Х. Древность могилъ говорила о необходимой близости къ нимъ античнаго города, такъ какъ въ античныхъ городахъ, обычно, древнѣйшія могилы начинаются сейчасъ же за городскими стѣнами. Вотъ почему меня всегда смущала отдаленность древнихъ могилъ отъ Мойнакскаго озера, гдѣ предполагался античный городъ. Разстояніе между нимъ и древнѣйшими могилами равняется 3-мъ верстамъ. Руководствуясь этимъ соображеніемъ и ознакомившись съ топографіей города, я рѣшилъ, что укрѣпленіе и гавань слѣдуетъ искать не близъ Мойнакскаго озера, которое почему-то такъ соблазняло пред-

шествующихъ изслѣдователей¹⁾), а на границѣ стараго и новаго города, вблизи древнѣйшихъ могилъ, на мѣстѣ бывшаго карантинна, занявшаго цѣлый мысокъ у входа въ Евпаторійскую бухту. Мѣсто это самое возвышенное во всемъ вокругъ лежащемъ районѣ. Детальный осмотръ его далъ всѣ видимыя доказательства существованія здѣсь какого-то стараго городища.

И дѣйствительно, первый же пробный раскопъ въ районѣ карантинна утвердилъ изслѣдователя въ его предположеніяхъ.

Провидѣніе спасло намъ античный городъ, размѣстивъ на немъ нѣсколько построекъ казеннаго учрежденія, карантинна.

Сдѣлавъ здѣсь болѣе 30 раскоповъ, въ различныхъ районахъ и направленіяхъ, мы уяснили себѣ въ общемъ границы городища, его оріентацію, направленіе его улицъ и оборонительныхъ сооружений (стѣнъ съ башнями). Все найденное при раскопкахъ (большое количество амфорныхъ клеймъ и монетъ, исключительно Херсонеса и Каркинитиды²⁾) говоритъ о многочисленныхъ эпохахъ его строительства и времени каждой изъ нихъ.

Древнѣйшая относится къ концу VI—началу V вѣка до Р. Х. Средняя, отъ которой остались отлично вымощенная большими, каменными плитами мостовая улицы, шириной не менѣе 5 метровъ, и оборонительныя стѣны съ квадратными башнями, закончилась въ концѣ II-го вѣка до Р. Х.; вездѣ слѣды пожара и раззоренія, т. е. та же картина, что и въ сельскомъ домѣ близъ Мойнакскаго озера. Наконецъ, остатки самой верхней, т. е. позднѣйшей по времени эпохи отмѣчаются хищническимъ характеромъ и небрежностью своихъ сооружений, изъ случайнаго матеріала, взятаго отъ построекъ предшествующей жизни. Постройки ея производятъ такое впечатлѣніе, будто въ раззоренный городъ явились новые оби-

¹⁾ Дань соблазна отдалъ ему и М. И. Ростовцевъ въ своей брошюрѣ о необходимости разслѣдованій античныхъ остатковъ возлѣ Евпаторіи. Изд. Евпатор. Гор. Управы 1916 г., тип. Ройхельсона, стр. 7 слл.

²⁾ Имена на амфорныхъ клеймахъ, найденныхъ въ Евпаторіи, встрѣчаются и на клеймахъ амфоръ, найденныхъ ранѣе въ Херсонесѣ: Ἀπολλῶς, Βάδουλλας, Διονύσιος, Εὐχλείδης, Εὐρόδαμος, Πρέας, Ἡράκλειος, Ἡρόδοτος, Ἡρόξενος, Μάτρης, Σώκριτος, Σωτάδας, Φίλιππος. Среди монетъ, вмѣстѣ съ двумя мѣдными рыбками и обломками вазъ начала V в. до Р. Х. найдена Херсонесская монета съ архаическимъ изображеніемъ оленя и подп. хер—а. Ср. Бурачковъ, т. XV, 75 (плохое изображеніе).

татели, кое-какъ и наскоро сложившіе себѣ жилища изъ груды уже полузасыпанныхъ временемъ развалинъ.

Толщина античныхъ культурныхъ слоевъ въ 60-70 см. каждый. Надъ четырьмя эпохами античныхъ развалинъ городища лежитъ толстый слой чистаго наноснаго песку отъ 1 до 1,50 м. толщиной, и уже сверхъ него лежитъ новѣйшій слой турецко-русской эпохи.

Чтобы не потерять слѣдовъ античнаго кладбища, мы разыскали и его. Античное кладбище (некрополь), какъ было указано, начиналось сейчасъ же за городскими стѣнами и обычно, вслѣдствіе разбросанности могилъ, простиралось на большое пространство. Во время постройки новаго города, на Дувановской улицѣ, на мѣстѣ дома Нахшунова, были найдены могилы V вѣка до Р. X.—Это и были, вѣроятно, ближайшія къ городскимъ стѣнамъ могилы! Слѣдующій за симъ этапъ могилъ, открытый Романченкомъ въ районѣ городского театра, датировался V—III в.в. до Р. X. Теперь найденныя нами могилы въ концѣ Мойнакской и Акъ-Мечетской улицъ, въ сторону дороги къ новому вокзалу, т. е. къ будущему бульвару Княжевича, смѣшанныя по времени и могутъ быть отнесены къ IV—I в.в. до Р. X. Въ этомъ же районѣ оказался одинъ изъ упомянутыхъ многочисленныхъ въ Евпаторіи, таинственныхъ, подземныхъ тоннелей, отнесенныхъ изслѣдователемъ къ разряду сооружений гидротехническаго характера „эпохи каркинитовъ“.

До сихъ поръ главнѣйшими исходными точками изслѣдованій о Каркинитѣ была гражданская присяга Херсонаситянъ и декретъ въ честь Діофанта. За время, отдѣлившее текстъ присяги отъ декрета, прошло не менѣе двухъ-сотъ лѣтъ. Въ двухъ-вѣковой промежутокъ произошла, невѣдомый намъ, рядъ событій, который подготовилъ тотъ моментъ, когда созрѣвшая военная мощь Скиоской державы должна была, наконецъ, столкнуться съ капиталистической мощью Херсонесской республики.

Поэтому интересно то, повидимому, традиціонное представленіе античнаго міра о политическомъ положеніи Тавриды, которое рисуетъ намъ Страбонъ: „Жители полуострова спеціально назывались земледѣльцами, вслѣдствіе того, что обитавшіе выше ихъ были номады.... Номады занимаются больше войной, нежели разбоемъ, и войны ведутъ изъ-за дани: предоставивъ землю во владѣніе желающихъ заниматься земледѣліемъ, они довольствуются полученіемъ условленной, умѣ-

ренной дани, не для наживы, а для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей: въ случаѣ же неуплаты денегъ арендаторами, начинаютъ съ ними войну..... Дѣйствительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно имъ уплачиваемы. А не платятъ имъ тѣ, которые увѣрены въ своихъ силахъ, такъ что могутъ или легко отразить нападающихъ, или воспрепятствовать вторженію. Земледѣльцы же хотя и слывуть въ отношеніи воинственности за людей болѣе мирныхъ и болѣе цивилизованныхъ, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь съ моремъ, не воздерживаются отъ разбоевъ и тому подобныхъ незаконныхъ средствъ къ обогащенію“ (VII, IV, 6).

Такимъ образомъ, скиѣскіе цари считались полновластными господами — государями Тавриды. И запрещеніе въ гражданской присягѣ Херсонаситянъ своза зерна изъ равнины куда-либо, помимо Херсонеса, надо понимать такъ, что послѣдній взялъ у скиѣскихъ царей всю равнину, т. е. и С.-З. уголь Тавриды, какъ бы на откупъ и сталъ по отношенію къ нимъ въ положеніе арендатора.

На блестящія дѣла республики въ послѣдующее за тѣмъ время указываетъ и само состояніе открытаго раскопками Херсонеса, его сооружений, съ необозримымъ количествомъ цистернъ для ссыпки зерна, равно какъ и могучія городскія укрѣпленія съ одной стороны, а съ другой — несмѣтныя богатства, зарытыя въ курганахъ Юга Россіи, этихъ своеобразныхъ надгробныхъ монументовъ скиѣскихъ царей. Изъ вскрываемыхъ время отъ времени нѣдръ ихъ, какъ изъ рога изобилія, сыплотся многочисленныя тяжеловѣсныя золотыя украшенія и атрибуты власти скиѣскихъ царей и вельможъ: всевозможныя вазы, головные уборы, серьги, запястья, браслеты, перстни, мечи, жезлы, колчаны, убранство коней, представляющія громадныя матеріальныя цѣнности, сдѣланныя, кромѣ того, первоклассными эллинскими мастерами IV, III и II в.в. до Р. X. Всѣ эти богатства — знаки вѣрноподданическаго вниманія, дары греческихъ государствъ Юга нынѣшней Россіи ея владыкамъ, скиѣскимъ царямъ и вельможамъ. При такомъ положеніи вещей „Страбоновская умѣренность“ номадовъ не примѣнима, по крайней мѣрѣ по отношенію къ этимъ тремъ вѣкамъ, и есть сказка добрыхъ, старыхъ временъ. Такого рода „умѣренность“ не могла не быть въ тягость даже богатому Херсонесу.

И хотя за давностью владѣнія Херсонесцами С.-З. угломъ Тавриды арендаторскія отношенія стали само собой утрачиваться, однако традиція подарковъ держалась до поры до времени.

Въ II-омъ вѣкѣ до Р. Х. можно наблюдать не только въ Херсонесѣ, но и вообще въ греческихъ государствахъ Черноморья какое-то стремленіе къ утвержденію себя автохтонами, т. е. владѣльцами земли, на которой они живутъ, на правахъ незапамятной давности, съ мифическихъ временъ героевъ, основателей ихъ городовъ — государствъ. Результатомъ необходимаго въ такихъ случаяхъ активнаго миотворчества и въ Херсонесской республикѣ появляется культъ героя Херсонеса, якобы основателя ихъ города. Ему воздвигаются алтари, а позже его изображеніе, какъ символъ суверенныхъ правъ республики, появляется и на ея монетахъ.

Сообразно новому самосознанію, Херсонесъ мѣняетъ и свою политическую оріентацію и, игнорируя скиоскихъ царей, переходитъ изъ положенія „арендатора“ въ странѣ въ роль полновластнаго ея хозяина.

Но, предвидя угрожающіе жесты съ Сѣвера, республика предусмотрительно заключаетъ союзъ противъ скивовъ съ понтійскимъ царемъ Фарнакомъ (157 г.).

Послѣдующія за симъ событія приводятъ насъ, въ концѣ II-го вѣка, къ активному выступленію обѣихъ соревнующихъ въ господствѣ надъ Тавридой сторонъ.

Собственно, какъ началась война, мы не знаемъ, но изъ предыдущаго не трудно догадаться. На ультимативное требованіе, со стороны скиоскихъ царей Скилура и Палака, дани (*знаменитой Страбоновской арендной платы*) и признанія ихъ суверенной власти въ „равнинѣ“, республика отвѣчаетъ отказомъ. Въ отвѣтъ на это скиовы занимаютъ Прекрасную Гавань, овладѣваютъ Каркинитомъ, пресѣкая, такимъ образомъ, сразу возможность вывоза заготовленнаго тамъ изъ равнины зерна и предавая разрушеніямъ и пожару города и села „непокорныхъ арендаторовъ“. Въ надеждѣ на помощь союзника Херсонесъ не доучелъ царскихъ силъ, — лавина скивовъ раздавила сопротивленіе республиканскихъ войскъ, сразу отрѣзавъ отъ Херсонеса все, что онъ собиралъ вѣками.

Тогда сгорѣлъ и нашъ „Мойнакскій домъ“, и дрогнули Каркинитскія укрѣпленія республики. Напрасно она ждала помощи съ Понта, обороняясь уже въ предѣлахъ столицы (Херсонеса), какъ могла. Фарнакъ еще въ годъ заключенія договора

приказалъ долго жить, а его преемникъ Миѳрадать Еввергеть былъ занятъ своими союзническими обязанностями по отношенію къ Риму.

Предоставленную собственнымъ силамъ республику спасали теперь лишь мощныя стѣны ея города. Скиѳы взяли и разрушили все, что могли. Тогда же были взяты и преданы огню открытыя раскопками Р. Х. Лепера на большомъ протяженіи херсонесскія укрѣпленія Казачьей бухты и упомянутый выше другой загородный домъ, открытый раскопками Н. М. Печенкина. Въ неравной борьбѣ Херсонесъ изнемогалъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Жизнь его обширныхъ рейдовъ и бухтъ замерла, поля и виноградники не воздѣлывались.

Но, наконецъ, явилась помощь. Прибыли войска Миѳрадата Евпатора, преемника Миѳрадата Еввергета, подъ командованіемъ синопейца Діофанта, того самаго, чье мѣдное изваяніе украшало впослѣдствіи Херсонесскій акрополь, чье имя и до сихъ поръ живетъ въ легендахъ Крыма. Подойдемъ же къ пьедесталу его статуи и прочтемъ слѣдующее:¹)

Предложили: такъ какъ Діофантъ, сынъ Асклапідора, Синопеецъ, будучи нашимъ другомъ и благодѣтелемъ, и со стороны царя Миѳрадата Евпатора пользуясь довѣріемъ и почетомъ не менѣе всякаго другаго, постоянно является виновникомъ блага для каждаго изъ насъ, склоняя царя къ прекраснѣйшимъ и славнѣйшимъ дѣяніямъ; будучи же приглашенъ имъ и принявъ на себя веденіе войны со скиѳами, онъ, прибывъ въ нашъ городъ, отважно совершилъ со всѣмъ войскомъ переправу на ту сторону; когда же скиѳскій царь Палакъ внезапно напалъ на него съ большимъ полчищемъ, онъ, по неволѣ принявъ битву, обратилъ въ бѣгство скиѳовъ, считавшихся непобѣдимыми, и такимъ образомъ сдѣлалъ то, что царь Миѳрадать Евпаторъ первый поставилъ надъ ними трофей; подчинивъ себѣ окрестныхъ тавровъ и основавъ городъ на томъ мѣстѣ, онъ отправился въ Воспорекія мѣстности и, совершивъ въ короткое время много важныхъ подвиговъ, снова воротился въ наши мѣста и, взявъ съ собой гражданъ цвѣтущаго возраста, проникъ въ середину Скиѳіи; когда же скиѳы сдали ему царскія крѣпости Хавэи и Неаполь, вышло то, что почти всѣ сдѣлались подвластными царю Миѳрадату Евпатору, за что благодарный народъ почтилъ его приличными почестями, какъ освобожденный уже отъ владычества варваровъ. Когда же скиѳы обнаружили врожденное имъ вѣроломство, отложились отъ царя и измѣнили положеніе дѣлъ, и когда царь Миѳрадать Евпаторъ по этой причинѣ снова выслалъ съ войскомъ Діофанта, хотя время склонялось къ зимѣ, Діофантъ со сво-

¹) Текстъ, какъ онъ приводится въ русскомъ переводѣ въ новомъ изданіи I. P. E. № 352, за исключеніемъ словъ τῶν τεύχεσσι (стр. 21), которое мы переводимъ „укрѣпленія“. (въ изданіи пер. *стѣны*).

ими войсками и сильнѣйшими изъ гражданъ двинулся противъ самыхъ крѣпостей Скивовъ, но, будучи задержанъ непогодами и поворотивъ въ приморскія мѣстности, *овладѣлъ Керкинитидою и укрѣпленіями* и приступилъ къ осадѣ жителей Прекраснаго Порта; когда же Палакъ, полагая, что время ему благоприятствуетъ, собралъ всѣхъ своихъ и кромѣ того привлекъ на свою сторону народъ Ревксиналовъ, постоянная покровительница Херсонаситовъ Дѣва, и тогда содѣйствуя Діофанту, посредствомъ случившихся въ храмѣ знаменій предзнаменовала имѣющее совершиться дѣяніе и вдохнула смѣлость и отвагу всему войску; когда Діофантъ сдѣлалъ разумную диспозицію, воспослѣдовала для царя Миѳрадата Евпатора побѣда славная и достопамятная на всѣ времена; ибо изъ пѣхоты почти никто не сдался, а изъ всадниковъ ускользнули лишь немногіе. Не теряя затѣмъ ни минуты въ бездѣйствіи, Діофантъ, взявъ войско, пойдя въ началѣ весны на Хавэи и Неаполь со всею тяжестью бѣжать, а остальныхъ Скивовъ совѣщаются о отправившись въ Воспорскія мѣстности, онъ устроилъ тамошнія дѣла прекрасно и полезно для царя Миѳрадата Евпатора; когда же Скивы съ Савмакомъ во главѣ подняли возстаніе и убили воспитавшаго его (т. е. Савмака) Воспорскаго царя Пѣрисада, а противъ Діофанта составили заговоръ, онъ, избѣжавъ опасности, сѣлъ на отправленный за нимъ гражданами корабль и, прибывъ къ намъ и упробивъ гражданъ, а также имѣя ревностное содѣйствіе со стороны посланшаго его царя Миѳрадата Евпатора, въ началѣ весны явился съ сухопутнымъ и морскимъ войскомъ, а кромѣ того взялъ и отборныхъ изъ гражданъ на трехъ судахъ и, отправившись изъ нашего города, взялъ Θεодосію и Пѣнтикапэй, виновниковъ возстанія наказалъ, а Савмака, убійцу царя Пѣрисада, захвативъ въ свои руки, выслалъ въ царство (Миѳрадата) и такимъ ооразомъ возстановилъ власть царя Миѳрадата Евпатора. Кромѣ того онъ, содѣйствуя отправляемымъ народомъ посольствамъ во всемъ полезномъ Херсонаситамъ, является благосклоннымъ и ревностнымъ. Итакъ, чтобы и народъ оказалъсь воздающимъ достойную благодарность своимъ благодѣтелямъ, да постановитъ совѣтъ и народъ увѣнчать Діофанта сына Асклепідора золотымъ вѣнцомъ въ праздникъ Парѳеній во время процессіи, при чемъ Симмнаоны сдѣлають слѣдующее провозглашеніе: „Народъ увѣнчиваетъ Діофанта сына Асклепідора Синопейца за его доблесть и благосклонность къ себѣ“; поставитъ также его мѣдную статую въ полномъ вооруженіи на акрополь подлѣ *алтарей Дѣвы и Херсонеса*; объ этомъ озаботиться вышеозначеннымъ должностнымъ лицамъ, чтобы было сдѣлано какъ можно скорѣй и лучше; начертать же и постановленіе на пьедесталѣ статуи, а потребная на это издержки выдать казначеямъ священныхъ суммъ.

Такъ постановилъ совѣтъ и народъ мѣсяца Діонисія девятнадцатаго дня, при царѣ Агисѣ сынѣ Лагорина, при предсѣдателѣ Эсиминтовъ Миніи сынѣ Ираклія, при секретарѣ Да (масиклѣ) сынѣ Аѳанэя.

Настоящій декретъ въ честь Діофанта, пополненный свѣдѣніями изъ дошедшей до насъ античной литературы, даетъ намъ въ общемъ картину операцій Діофантовыхъ войскъ въ окрестностяхъ нынѣшней Евпаторіи. Онѣ относятся ко времени его второго похода, предпринятаго для усмиренія воз-

ставшихъ скиѳовъ. Положеніе, вѣроятно, было очень серьезнымъ, такъ какъ походъ, вопреки традиціямъ античной стратегіи, былъ зимнимъ, что отмѣчаетъ и декретъ.

Глубокой осенью Діофантъ двинулся было вновь по направленію къ скиѳскимъ крѣпостямъ, т. е. по направленію къ нынѣшнему Симферополю, но холода и вѣтеръ, дующій съ Сѣверо-Востока, съ горъ, заставилъ его повернуть въ приморскія мѣстности. Теперь — то и была взята имъ обратно Каркинитида и ея укрѣпленіе. Открытыя раскопками 1917 года оборонительныя стѣны разнородны по техническимъ приѣмамъ кладки и по толщинѣ. Часть ихъ, ближайшая къ морю, толщиной въ 1,50 м. и современная гражданской присягѣ Херсонаситянь, оказалась разобранной мѣстами до основанія, и за ея счетъ усилена центральная часть укрѣпленія, стѣны котораго достигаютъ здѣсь 3-хъ метровъ. (Раскопы XXIV и XXXIV).

Такимъ образомъ утолщеніе стѣнъ было произведено за счетъ укороченія укрѣпленного района. Слѣдуетъ предположить, что скиѳы, занявъ Каркинитское укрѣпленіе Херсонаситянь и ожидая осады его Діофантомъ, располагавшимъ мощнымъ осаднымъ паркомъ, успѣшили противопоставить ему такія же стѣны. (Утолщеніе сдѣлано съ внѣшней стороны и базируется не на материковой скалѣ, какъ разобранныя стѣны близъ моря, а на насыпи). Эта предусмотрительность однако не помогла скиѳамъ, — тараны Діофанта сдѣлали свое дѣло, и открытая нами мостовая улицы, изъ громадныхъ каменныхъ плитъ, идущая отъ самыхъ воротъ укрѣпленія вѣроятно, не разъ испытала на себѣ тяжесть шаговъ гоплитовъ Діофанта. Овладевъ Каркинитскимъ укрѣпленіемъ, онъ двинулся къ Сѣверу для осады Прекраснаго Порта (предполагаемаго въ Акъ-Мечети).

Между тѣмъ скиѳы напрягали всѣ свои силы. Палакъ, его 80 братьевъ и ихъ союзникъ Тасій, приведшій съ собою 50,000 роксолановъ, надвигались на Діофанта съ Востока. Въ послѣдовавшемъ здѣсь генеральномъ сраженіи Діофантъ разбилъ скиѳовъ на голову. „И дѣйствительно, говоритъ Страбонъ, противъ сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легко вооруженное войско оказывается безсильнымъ. Роксоланы въ числѣ почти 50,000 не могли устоять противъ 6000, бывшихъ подъ начальствомъ Діофанта, и большинство ихъ погибло“.

Мы не знаемъ, какъ были использованы плоды побѣды Діофанта въ этихъ мѣстахъ. Вѣроятно, во время продолженія скиѳскихъ войнъ здѣсь оставался греческій гарнизонъ, но жи-

тели—греки покинули разоренный городъ и окрестности. Событія, о которыхъ идетъ рѣчь, развернулись въ концѣ послѣдняго десятилѣтія II-го вѣка до Р. Х., а послѣдующій вѣкъ былъ эпохой умиранія разрушеннаго Херсонесскаго Каркинита. И это былъ не единственный случай, когда греческое населеніе покидало насиженныя мѣста. То же случилось въ теченіе слѣдующаго вѣка и съ Θεодосіей. И тотъ же историкъ, повѣствуя намъ объ эпохѣ, непосредственно слѣдующей за Мюрадатскими войнами въ Тавридѣ, добавляетъ, что весь край былъ страшно разоренъ предшествующими войнами.

Аррианъ въ 30 ыхъ годахъ II в. нашей эры называетъ Каркинитъ городомъ скиѳскимъ, а въ 60-ыхъ годахъ того же вѣка географъ Птолѣмей не говоритъ о немъ ничего¹⁾.

Итакъ, косвенное свидѣтельство античной литературы о времени паденія и гибели Каркинита находитъ подтвержденіе въ сдѣланныхъ нами открытіяхъ. Греческое (Херсонесское) вліяніе проникаетъ сюда уже съ начала V-го вѣка до Р. Х. Греческая культура процвѣтаетъ здѣсь въ послѣдующіе IV, III и II в.в. Въ концѣ II-го в. до Р. Х. городъ—укрѣпленіе разоренъ до основанія. Послѣдняя эпоха существованія здѣсь древняго населенія относится къ I—II в.в. послѣ Р. Х. и имѣетъ характеръ чисто варварскій.

Л. Моисеевъ.

¹⁾ Птолѣмей упоминаетъ Каркину, но внутри материка.

А з и с ь.

(Бахчисарайская легенда).

Скажи, ты бывалъ когда-нибудь въ Крыму?

Все тамъ есть: горы есть, море есть, степь тоже есть.

Въ степи воздухъ какъ пухъ, самъ грудь подымаетъ.

Взойдешъ на гору—жалко станеть человѣка, который тутъ не былъ. Такъ красиво.

А за горой море съ небомъ вмѣстѣ живутъ, оба синія, одно другого синѣе.

Крымскіе люди очень любятъ свой край. Гдѣ бы ни былъ крымскій человѣкъ, непременно скажетъ: лучше Крыма нѣтъ земли.

Сари армутъ, бузурганъ, шефтале, кокуръ¹⁾—гдѣ такіе найдешъ? . . .

Когда ѣшь молодой барашекъ,—не ѣшь, самъ таетъ во рту.

Пилавъ, каурма, баклава,²⁾ шашлыкъ,—развѣ все скажешь?

Такой край нашъ Крымъ. Живи только, умирать не надо.

И, бываетъ, люди долго живутъ. Асанъ, сотскій въ Верхнихъ Отузахъ, сто шестнадцать лѣтъ жилъ, больше даже. Гази-Мансуръ-Султанъ, когда въ Меккѣ пошелъ, сто лѣтъ имѣлъ; очень старый былъ, ничего—пошелъ.

А прежде въ Меккѣ было трудно идти.

Пароходъ—мароходъ не былъ. Сто дней, больше Арабъ чоллѳры³⁾ нужно было идти.

Шакалы нападали, львы нападали, арабы тоже. Очень страшно было.

Люди говорили: Гази-Мансуръ-Султанъ, очень старый ты, лучше не ходи.

¹⁾ *Сари армутъ, бузурганъ*—сорта грушъ; *шефтале*—персикъ; *кокуръ*—мѣстный сортъ винограда.

²⁾ *Каурма*—родъ соуса-супа изъ баранины; *баклава*—орѣховое пирожное.

³⁾ *Арабъ-чоллѳри*—Аравійская пустыня.

Но Гази-Мансуръ-Султанъ твердый былъ человекъ, волю имѣлъ, настоящій былъ мусульманъ: что сказалъ — непременно дѣлалъ такъ.

— Зачѣмъ бояться? Зачѣмъ буду жить, если Аллахъ хочетъ, чтобы умеръ. . . .

Что было сказать!

Наши татары любятъ слушать серьезный разговоръ. Это сказки, масса въ разный — бабѣ дѣло. Татары не слушаютъ ихъ.

Мухим сѣзлер, атлар — сѣзи, отцовское, важное слово — это слушаютъ татары.

Гази-Мансуръ-Султанъ зналъ такое слово, самъ наибъ въ Бахчисараѣ ходилъ слушать его.

Только немножко мало денегъ имѣлъ. А прежде, когда въ Меккѣ идешь, семьсотъ — восемьсотъ рублей больше надо было.

Но одинъ богатый человекъ, когда хотѣлъ умирать — послалъ вмѣсто себя въ Меккѣ Гази-Мансуръ-Султана.

У насъ такъ можно. Только, конечно, лучше, если самъ пойдешь, — конечно, лучше.

И Гази-Мансуръ-Султанъ, какъ сказалъ людямъ, — такъ и сдѣлалъ, пошелъ въ Меккѣ.

Въ Меккѣ на праздникъ Курбанъ-байрамъ очень много народа приходитъ съ разныхъ сторонъ. Казанскіе, турецкіе, изъ Мсыра¹⁾, наши крымскіе тоже.

Въ Меккѣ много мечетей, много имамовъ. Въ мечети, гдѣ Аджеруль-Эсвѣтъ²⁾, голубой камень лежитъ, сорокъ имамовъ, больше есть.

Пришелъ Гази-Мансуръ-Султанъ въ эту мечеть, долго молился, крѣпко молился; забылъ, что совсѣмъ старый былъ.

Когда дѣлаешь хорошее дѣло, — силъ больше бываетъ.

Смотрѣлъ Гази-Мансуръ-Султанъ на Аджеруль-Эсвѣтъ. думалъ: Самъ Адемъ молился на немъ; ангелы, которые принесли этотъ камень Адему, можетъ быть тоже здѣсь. Кто знаетъ? Аллахъ создалъ утро, день, небо, звѣзды. Все можетъ быть.

Подошелъ къ нему имамъ, сказалъ.

— Если хочешь, старикъ, оставайся здѣсь, съ нами.

Подумалъ Гази-Мансуръ-Султанъ, покачалъ головой. Вспомнилъ свой Крымъ: садъ свой вспомнилъ; орѣшину, подъ которой отдыхалъ, когда жарко было, вспомнилъ.

— Не хотѣлъ бы умереть въ чужомъ краю.

¹⁾ Египеть.

²⁾ *Аджеруль Эсвѣтъ* — голубой камень, по преданію принесенный ангелами Адаму для его первой молитвы.

Такъ сказалъ. И когда шелъ въ керванъ сарай, думалъ такъ. Скоро керванъ Гази-Мансуръ-Султана ушелъ въ Мединэ. Ъхалъ Гази-Мансуръ-Султанъ на верблюдоѣ, думалъ: Если умру, не увижу свой Крымъ.

И стыдно стало. Развѣ можно думать такъ, когда ѣдешь въ Мединэ гробу пророка поклониться?

Остановился керванъ на ночь верблюдовъ кормить. Только остановился, ночь сразу пришла, нетакъ, какъ у насъ. И звѣзды тоже не такъ, какъ у насъ,—вдвое, втрое больше; можетъ быть оттого, что тамъ небо къ землѣ ближе.

Сидѣлъ Гази-Мансуръ-Султанъ у дороги, дѣлалъ свой вечерній намазъ¹⁾; твердилъ старыя слова, только на душѣ совсѣмъ иначе было.

— Алла уммэ раббена аатиныя ѳиддунія. . . .

Просилъ Аллаха дать людямъ, что сами просятъ, и еще просилъ, для себя просилъ—въ свой Крымъ вернуться.

— А если умру, пусть кости мои отвезутъ въ Крымъ.

Только кто отвезетъ!

Пробѣжалъ вѣтеръ, колыхнулъ бородой Гази-Мансуръ-Султана.

— Самъ отнесешь, кто-то сказалъ.

Можетъ быть въ правду сказалъ, можетъ быть такъ показалось.

Уснули люди, крѣпко устали, не замѣтили, какъ подкрались арабы. Одинъ Гази-Мансуръ-Султанъ сидѣлъ на дорогѣ, благодарилъ Аллаха.

И когда къ нему подбѣжалъ арабъ съ ятаганомъ, сказалъ:

— Вотъ случилось, какъ надо было. Благодарю тебя. потому что ты послѣдній человекъ, котораго Аллахъ послалъ мнѣ передъ смертью. И когда арабъ замахнулся ятаганомъ, успѣлъ еще сказать:

— Прошу тебя, когда умру, отнеси кости мои въ Крымъ, зарой въ саду. . . .

— Подъ орѣшиной, думала голова, когда катилась на дорогу.

Такъ умеръ Гази-Мансуръ-Султанъ.

Эхъ, время! Какъ бѣжитъ.

Прошелъ Курбанъ-байрамъ, не замѣтили, какъ пришла

¹⁾ *Намазъ*—молитва.

Ураза.¹⁾ Всѣ аджи²⁾ вернулись изъ Меккѣ, одинъ Гази-Мансуръ-Султанъ не вернулся.

-- Вѣрно умеръ по дорогѣ.

Такъ сказалъ его сосѣдъ, и взялъ себѣ его садъ.

Пришла осень. Поспѣли орѣхи. Послалъ сосѣдъ мальчиковъ сбивать съ орѣшины. Одинъ мальчикъ сбиваетъ, другой корзину таскаетъ. Было жарко. Усталъ мальчикъ сбивать орѣхи, сѣлъ на вѣткѣ отдохнуть; вспомнилъ Гази-Мансуръ-Султана.

.... Добрый былъ старикъ: всегда орѣхи давалъ. Только подумалъ, видитъ—идетъ кто-то по саду, точно безъ головы.

Посмотрѣлъ еще, видитъ—держитъ голову подъ мышкой.

Пробѣжалъ вѣтеръ, колыхнулъ бородой, узналъ мальчикъ Гази-Мансуръ-Султана, испугался до смерти, упалъ на землю, не помнилъ, что было.

Пришли люди, увидѣли мальчика безъ памяти, а рядомъ мезарташъ.³⁾

Не знали, что думать. Позвали муллу. Пошелъ мулла ночью, увидѣлъ у мезарташа зеленый свѣтъ, все понялъ.

— Гази-Мансуръ-Султанъ—азисъ.⁴⁾

Такъ сказалъ людямъ. И когда мальчикъ пришелъ въ себя, узнали, что правду сказалъ.

Такъ рассказываютъ наши татары, когда идутъ въ пятницу на могилу Гази-Мансуръ-Султана читать молитву.

Еще многое рассказываютъ, всего не расскажешь.

Только думаю, что правду говорятъ, потому что, когда человѣкъ любитъ свой край, живой или мертвый непременно вернется домой.

Только нужно очень любить, чтобы когда тебѣ отрубятъ голову, самому принести подъ мышкой. Есть такіе!

1) *Курбанъ-байрамъ*—жертвенный праздникъ, установленный въ память отмѣны Магометомъ человѣческихъ жертвъ и замѣны ихъ другого рода жертвенными приношеніями. *Ураза*—постъ. Постъ этотъ у татаръ заключается въ томъ, что до звѣзды (до вечера) не дозволяется ни ѣсть, ни пить, ни курить. Горскіе татары доселѣ свято соблюдаютъ это религіозное установленіе.

2) *Аджи*—люди, совершившіе паломничество въ Меку и Медину.

3) *Мезарташъ*—намогильный памятникъ.

4) Признаніе *азисомъ*, т. е. святымъ, обычно бываетъ оформлено послѣ того, какъ мулла заявляетъ, что на могилѣ почитаемаго лица видѣлъ ночью признакъ святости, *зеленый свѣтъ*.

Легенда передана мною по записямъ 1914 года со словъ учителя Хали-Уллу-Абибулаева и татарина -содержателя павильона минеральныхъ водъ въ саду Ханскаго Дворца въ Бахчисараѣ. Она относится къ могилѣ *азиса*, т. е. святого, похороненнаго за Успенскимъ скитомъ, противъ Чуфутъ-кале. Надъ могилой сооружена мечетка, куда бахчисарайскіе татары ходятъ по пятницамъ, т. е. въ свой недѣльный праздничный день, читать молитву. Мотивъ этой легенды, нѣсколько въ другой разработкѣ, встрѣчается и по инымъ мѣстамъ Крыма. Такъ въ Алупкѣ существуетъ подобная легенда, приуроченная къ могилѣ брата Гази-Мансуръ-Султана. Какъ эта, такъ и другія аналогичныя ей легенды базируются на вѣрованіи, что жизнь не пресѣкается во время молитвы, и пока душа челоуѣка погружена въ молитву, тѣло подчиняется ея велѣнію, пересиливая сама физическіе законы, граничась съ областью чуда.

Я позволяю себѣ помѣстить именно эту легенду въ юбилейномъ сборникѣ, посвященномъ А. Л. Бертье-Делагарду, потому что въ ней яркой ниткой проходитъ любовь къ Крыму черта, столь присущая самому А. Л. Бертье-Делагарду.

Ж. Марксъ.

Замѣтки о Пушкинѣ.

Въ отношеніи къ техникѣ всяческихъ произведеній практика вырабатываетъ опредѣленные правила. Эти правила—узоръ, по которому шьютъ, рисуютъ, пишутъ, какъ бы разны ни были цѣли, преслѣдуемая правилами—экономія, цѣлесообразность, гармонія частей, вліяніе на психику. Въ меню—сначала соленое, затѣмъ жирное и потомъ сладкое. Въ сонатѣ—*allegro. andante* или *largo, presto*. Въ ораторскомъ искусствѣ—*exordium*—вступленіе, *expositio*—изложеніе и *conclusio*—выводъ. Отдѣльные авторы не всегда работаютъ и творятъ по правиламъ; художественное чутье можетъ подсказать имъ иную архитектонику творенія,—и можетъ случиться, что она лучше достигнетъ цѣли, чѣмъ старыя каноническія правила. Такъ, отъ классическихъ дѣленій сонатъ часто отступалъ Бетховенъ.

Не считая себя Бетховеномъ въ ораторскомъ искусствѣ, я однако въ моей рѣчи отступлю отъ обычныхъ правилъ рѣчей.

Я остановлюсь сначала на частномъ вопросѣ, перейду затѣмъ къ общему и закончу опять частнымъ.

И это частное приведетъ насъ къ еще болѣе частному,—старое заставитъ вспомнить современное, и не потому только, что новаго не можетъ быть безъ стараго, его отца, а потому, что наболѣвшая рана ноетъ неустанно, звучитъ въ нашей современной жизни, какъ доминантный аккордъ, покрывая собою все частное.

Среди нашихъ писателей нѣтъ ни одного, имя котораго такъ тѣсно было бы связано съ музыкой, какъ имя Пушкина. Трудно пересчитать романсы, написанные на слова Пушкина, едва ли найдется хоть одно лирическое стихотвореніе Пушкина, на которое не было бы написано хоть десятка романсовъ. Я вспомню здѣсь только тѣ, которые поются и теперь: между ними много музыкальных шедевровъ,—и, разумѣется, лучшимъ изъ нихъ слѣдуетъ считать: „Я помню чудное мгновеніе“ Глинки. Кто не знаетъ романсовъ: „Я васъ любилъ“, „Не пой, красавица“

вица, при мнѣ“, „Погасло дневное свѣтило“, „Ночной зефиръ“, „Предъ испанкой молодой“, „Слыхали ль вы“, „Я здѣсь“, „Мой голосъ для тебя“, „Сижу за рѣшеткой“, „Недавно обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ“, „Черная шаль“, „Гдѣ наша роза“, „Подъ вечеръ осенью ненастной“, „Пустое вы“, „Для береговъ отчизны дальней“, „На холмахъ Грузіи“, „О, если правда, что въ ночи“, „Надъ Невою“, „Кубокъ янтарный“, „Пью за здравье Мери“, „Возстанъ боязливо“, „Буря мглою небо кроетъ“, „Талисманъ“ и т. д.?

На слова Пушкина писали лучшіе изъ нашихъ музыкантовъ какъ стараго, такъ и новаго времени—Глинка, Даргомыжскій, Чайковскій, Рубинштейнъ, Арсенскій, Гречаниновъ. Нѣкоторые изъ этихъ романсовъ, какъ, на примѣръ, „Черная шаль“, „Ночной зефиръ“,—стали романсами народными, ихъ поютъ, не зная ни имени автора словъ, ни имени композитора.

Впрочемъ, едва ли среди пѣвцовъ найдется много знающихъ, чьи слова они поютъ, какъ и среди поющихъ очень мало знакомыхъ съ именами композиторовъ, особенно среди пѣвцовъ романсовъ, поющихъ съ голоса. Кто теперь знаетъ авторовъ романсовъ, которые пѣла вся Русь—„Выхожу одинъ я на дорогу“, „И можетъ быть, мечты мои безумны“? Когда въ романсѣ главное была мелодія, романсы писались на стихи особенно музыкальные, ритмическіе, а стихъ Пушкина, удивительно гибкій, крайне разнообразный по метру, самъ просился на музыку.

Но не только романсы, а почти всѣ крупныя произведенія Пушкина, не только стихотворныя, но и прозаическія, переложены на музыку—„Русланъ и Людмила“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Цыганъ“, „Борисъ Годуновъ“, „Моцартъ и Сальери“, „Кавказскій плѣнникъ“, „Русалка“, „Каменный гость“, „Царь Салтанъ“, „Пиковая дама“, „Золотой пѣтушокъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“—послужили сюжетомъ для оперъ Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго, Арсенскаго, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова и др.

Любопытно отмѣтить, какъ и когда сюжеты крупныхъ Пушкинскихъ произведеній становились сюжетами для крупныхъ музыкальныхъ произведеній.

Наше музыкальное развитіе отстало отъ эпохи развитія литературы. Первымъ нашимъ настоящимъ реалистомъ въ литературѣ былъ Пушкинъ, но и онъ реалистомъ сталъ не сразу, а дошелъ до него черезъ романтизмъ.

Въ музыкѣ по самому свойству музыкальнаго творчества романтизмъ удержался дольше, чѣмъ въ литературѣ, а реализмъ сталъ проникать къ намъ лишь черезъ Даргомыжскаго въ послѣдніе годы его творчества (Каменный гость).

Естественно поэтому, что первоначально музыканты брали сюжетами для своихъ оперъ только такія романтическія поэмы Пушкина, какъ „Русланъ и Людмила“ и „Русалка“. Даже сюжетъ „Каменнаго гостя“ Даргомыжскаго еще романтическій, хотя музыка здѣсь уже совершенно новаго стиля.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія никто бы не повѣрилъ возможности написать оперы на сюжеты „Евгенія Онѣгина“, „Моцарта и Сальери“, „Пиковою дамы“. Про „Сорочинскую ярмарку“ Гоголя и говорить нечего. Такой сюжетъ показался бы прямо профанаціей искусства. Сюжетъ безъ романтизма и игры страстей казался невозможнымъ для оперы. Для насъ не тайна, почему Глинка для сюжета оперы обратился къ „Руслану и Людмилѣ“. Въ ней онъ, казалось, нашелъ два элемента, какъ нельзя болѣе подходящихъ для себя,—элементъ романтическій и элементъ національный, а Глинка-то и мечталъ создать у насъ русскую національную музыку.

Я не стану говорить о музыкальной сторонѣ оперы, она оцѣнена давно (хотя далеко не сразу). Но я долженъ сказать нѣсколько словъ о сюжетѣ поэмы. Любопытно, что не только въ эпоху появленія „Руслана“ Пушкина, но и десятки лѣтъ спустя очень многіе критики, даже такіе тонкіе, какъ Сѣровъ, не поняли какъ слѣдуетъ задачи, которую себѣ поставилъ Пушкинъ.

Большинство критиковъ не обратили вниманія на то, что знаменитый прологъ къ „Руслану“ (У лукоморья дубъ зеленый) написанъ чуть не черезъ десять лѣтъ спустя послѣ окончанія поэмы (1828 г.¹⁾). И вотъ, считая прологъ принадлежностью поэмы, ее осуждаютъ съ точки зрѣнія мыслей пролога и находятъ полное противорѣчіе между задачей поэмы и ея исполненіемъ. „Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“! Гдѣ, спрашиваютъ, этотъ русскій духъ? Что русскаго въ Финнѣ, Ниннѣ, Людмилѣ, самомъ Русланѣ?

Изъ всѣхъ критиковъ поэмы только два—Бѣлинскій и Фарнгагенъ фонъ-Энзе приблизились къ пониманію задачи автора. Поэма была не просто игривой шуткой, она была прямо таки насмѣшкой и надъ господствовавшимъ тогда въ литературѣ классицизмомъ и надъ народившимся уже у насъ романтизмомъ,

¹⁾ А поэму Пушкинъ началъ еще въ лицей.

и даже больше надъ послѣднимъ. Одни оцѣнивали произведе-
 ніе, какъ поэму, и самымъ серьезнымъ образомъ критиковали
 несообразности въ подробностяхъ, забывая, что сказка уже по-
 тому несообразна, что она сказка. Оскорблялись даже просто-
 народностью выраженій, неприличной для нихъ въ поэмѣ, не
 понимая того, что цѣлью автора и было именно осмѣяніе и
 строго классическаго стиля съ одной стороны, и благоговѣй-
 наго отношенія къ преданьямъ старины глубокой, исканьямъ въ
 нихъ какого-то сокровеннаго, мистическаго смысла. Въ Русланѣ
 авторъ въ отношеніи къ романтикамъ совершенно сошелся съ
 Мюссе, иронически восклицающимъ:

Salut, jeunes champions d'une cause un peu vieille,
 Classiques bien rasés, a la face vermeille,
 Romantiques barbus, aux visages blémis!
 Vous, qui des Grecs défunts balayez le rivage,
 On (d'un) poignard sanglant fouillez le moyen âge.

И его Русланъ, какъ Marrons du feu Мюссе, слѣдуетъ при-
 знать „double parodie d'une tragédie classique et de la forme
 romantique“.

Въ этой шаловливой поэмѣ авторъ уже переросъ оба ли-
 тературныхъ направленія, господствовавшія въ дни его юности.
 Онъ ею какъ бы говоритъ: не здѣсь нужно искать сюжетовъ
 для національныхъ поэмъ, и не такъ ихъ обрабатывать.

И очень скоро великій писатель на рядѣ великихъ своихъ
 твореній показалъ намъ, куда надо обращаться за сюжетами, и
 какими звуками и приемами должно ихъ передавать, и такіе
 образцы Пушкинъ далъ намъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, „Борисѣ
 Годуновѣ“.

И уже Пушкинъ своими твореніями показалъ намъ то, что
 одинъ изъ первыхъ понялъ Бѣлинскій, что національное не въ
 хатѣ, не въ народныхъ повѣрьяхъ, а въ лучшихъ твореніяхъ
 великихъ національныхъ гениевъ, что русскій національный духъ
 не въ кабацкой частушкѣ, не въ бессмысленной и неприличной
 сказкѣ, а въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, „Евгеніи Онѣгинѣ“,
 что въ дворянинѣ Онѣгинѣ и помѣщицѣй дочери Татьянѣ
 столько же русскаго, какъ и въ любомъ Никитѣ и Лукерьѣ,
 но тамъ это русское въ зародышѣ, здѣсь его облагородила
 культура, и знаніе французскаго языка и чтеніе Вольтера не
 помѣшали и Онѣгину, и Лариной остаться русскими до мозга
 костей.

Въ числѣ нашихъ великихъ писателей нѣтъ ни одного, къ
 которому бы все наше культурное общество по сей день сохра-

нило такое особенное отношеніе, какъ къ Пушкину. Это отношеніе я не могу назвать инымъ словомъ, какъ нѣжная любовь. Это не только преклоненіе предъ силой ума, восхищеніе изумительнымъ по ясности, гибкости, разнообразію и полету поэтическимъ талантомъ, чувство національной гордости въ сознаниі, что собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ рождаетъ и наша земля.

Вѣдь мы имѣемъ давно право гордиться цѣлымъ созвѣздіемъ нашихъ родныхъ великихъ писателей въ отдѣльныхъ областяхъ поэтическаго творчества, не только не уступающихъ всѣмъ корифеямъ западной, лучше сказать, міровой литературы, но даже превосходящихъ ихъ, какъ Левъ Толстой въ области романа, Достоевскій въ области психологическаго анализа больной души, Гоголь въ области настоящаго юмора.

Но къ нашему преклоненію предъ силой таланта Толстого, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, Лермонтова не присоединяется то исключительное обаяніе личности, которое еще теперь, спустя вѣкъ съ лишнимъ послѣ кончины Пушкина, способно заставить трепетать сердце при его имени, способно, какъ я самъ это видѣлъ, вызывать слезы даже при чтеніи такой сухой лѣтописной формы біографіи великаго поэта, какъ „Труды и дни“.

Въ отношеніи къ Толстому для насъ восхищеніе предъ несравненнымъ талантомъ бытописателя человѣческой жизни, внѣшней и внутренней, преклоненіе предъ Монбланомъ колоссальнаго таланта соединяется у насъ съ оцѣнкой его, какъ библейскаго пророка, страстнаго обличителя несовершенствъ родной жизни, обличителя нерѣдко пристрастнаго и часто нетерпимаго къ чужимъ мнѣніямъ; это двуликій Янусъ, у котораго одинъ ликъ неотразимо привлекаетъ, а другой если не отгалкиваетъ, то возбуждаетъ нерѣдко недоумѣніе, возраженіе, сомнѣніе. Гоголь—натура замкнутая, въ тиши дѣлающая свое душевное дѣло, сторонящаяся отъ соприкосновенія съ чужой душой. У Тургенева нѣтъ того страстнаго отношенія къ жизни, того трепетанія жизни, которое волнуетъ и привлекаетъ читателя; это спокойный наблюдатель родной жизни изъ прекраснаго далека, куда родныя грозы доходятъ только зарницами и таинственно глухими отголосками. Жестокій талантъ Достоевскаго мучитъ насъ такъ же, какъ мучилъ онъ автора. Оставляя его, вы уносите тяжелое чувство, точно выходите изъ Бедлама, и начинаете сомнѣваться въ здравости собственнаго разсудка; тяжелое похмѣлье отъ наркотики его ужасной вивисекціи бьетъ по нервамъ, и нужно время, чтобы нѣсколько за-

быть моральную подавленность вида его операций надъ человеческой душой и вернуться опять къ нему.

И во всемъ этомъ лучезарномъ созвѣздіи разнообразныхъ талантовъ, въ которыхъ переливаются всѣ цвѣта радуги, Пушкинъ и одинъ только Пушкинъ блистаетъ тѣмъ ровнымъ свѣтомъ, который даетъ гармоническое соединеніе всѣхъ цвѣтовъ въ одинъ солнечный лучъ, освѣщающій безъ полутоновъ, подцвѣтовъ и землю, и воды, и горы, и человеческую душу.

Но этого мало,—отъ Пушкина намъ осталась черезъ сотню лѣтъ не только несравненная прелесть его поэзіи, но и неотразимая обаятельность его личности. Онъ и его образъ, какъ и его Евгений, живутъ и теперь въ нашей душѣ.

Никто въ этомъ созвѣздіи не обладалъ такой изумительной искренностью и отзывчивостью, какъ Пушкинъ, такой вѣчной юностью души. И въ этой искренности и неувядаемой свѣжести тайна его обаянія: ихъ свѣжій весенній ароматъ, какъ запахъ капли розоваго масла, остается на всю жизнь въ душѣ каждаго, не потерявшаго способности его вдыхать.

Его поэзія полна той истинной граціи, въ которой не чувствуешь усилія, напряженія, мукъ творчества; это обольстительная грація сильфиды, въ движеніяхъ которой только одна простота, непосредственность, естественная гибкость, это пѣніе птицы, которая не пѣтъ не можетъ просто потому, что она птица и пѣніе одно изъ ея природныхъ свойствъ.

Но, конечно, эта грація, эта непосредственность свойства не одного Пушкина, не его одного дарила муза своимъ вниманіемъ; и другіе наши пѣвцы пѣли отъ души, какъ птицы небесныя, и ихъ души дрожали отъ дуновенія вѣтра, какъ Эолова арфа.

Вы помните превосходное стихотвореніе на смерть Гете:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,

Ручья разумѣлъ лепетанье,

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

И чувствовалъ травъ прозябанье:

Была ему звѣздная книга ясна,

И съ нимъ говорила морская волна“.

Желая дать этими красивыми образами понятіе объ универсальности генія автора Фауста, поэтъ забылъ о человѣкѣ, человеческомъ обществѣ, безъ пониманія которыхъ самый одаренный поэтъ по лѣстницѣ славы не пойдетъ дальше римлянина Лукреція, или нашего Фета.

И Пушкинъ оттого именно и великъ, что его палитра не только безконечно разнообразна, не только потому, что онъ нашель яркія, никогда не тускнѣющія краски для описанія равнодушной природы, интимныхъ лирическихъ изліяній, но умѣлъ рисовать и картины жизни человѣческой, и что въ этихъ картинахъ наряду съ временнымъ бытописаніемъ всегда есть вѣчное, отвѣты на вѣчные запросы человѣческой души. Не только граціей, непосредственностью и искренностью звучить его муза, но и непримѣрной отзывчивостью на запросы человѣческой природы вообще и русской общественной грусти въ частности.

Но и яркихъ поэтическихъ красокъ, красивыхъ картинъ, искренняго, непосредственнаго чувства еще недостаточно, чтобы получить званіе великаго поэта. Это величіе дается только глубиной мысли; такимъ яснымъ и трезвымъ пониманіемъ жизни Пушкинъ превосходитъ всѣхъ нашихъ поэтовъ.

Я поясню это примѣромъ: два поэта, Туманскій и Пушкинъ, пишутъ одновременно экспромтомъ крохотное стихотвореніе на идиллическую невинную тему—птичка. Одинъ дастъ только картину:

Сегодня растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей,
Я рощамъ подарилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла, улетаю,
Какъ бы молилась за меня.

Это милое, дѣтски наивное, и потому столь любимое дѣтьми, сантиментальное поэтическое произведеніе.

Пушкинъ на ту же тему говоритъ:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

Я сталъ доступенъ утѣшенію:
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Здѣсь поэтическая картина озарена не только свѣтомъ солнечнаго весенняго дня, но и глубиной мысли. Прочитавъ пер-

вое, вы мягко улыбнетесь, при второмъ вы задумаетесь. А это стихотвореніе написано въ 1822 году.

Какъ нѣтъ истинной музыки безъ мелодіи—музыкальной мысли, такъ нѣтъ и истинной поэзіи безъ мысли. Какъ одна ласточка еще не дѣлаетъ весны, такъ созвучія словъ, картинки и образы, несвязанные мыслью, только упражненіе въ версификаціи, но не истинная поэзія, и вотъ почему послѣ утомительнаго и безпредметнаго жужжанія словъ и консонансовъ однодневныхъ мотыльковъ современныхъ намъ поэтовъ съ такимъ наслажденіемъ возвращаешься къ лицезрѣнію величайшаго царственного полета нашего великаго поэтического орла.

Пересмотрите поэтическое наслѣдіе Пушкина, его переписку съ друзьями, прочтите въ воспоминаніяхъ о немъ его сужденія по всевозможнымъ вопросамъ, бывшимъ предметомъ его бесѣдъ съ друзьями, и вы будете поражены и его безпримѣрной отзывчивостью, и глубиной его мысли, и его удивительно яснымъ пониманіемъ всѣхъ шаблонныхъ жизненныхъ вопросовъ, и, наконецъ, его пророческимъ даромъ, —и порою кажется, что читаешь не великаго писателя, чуть не вѣкъ тому назадъ покинувшаго этотъ міръ, а гениальнаго наблюдателя современной намъ жизни.

Я остановлюсь только на двухъ вопросахъ—одномъ вопросе вѣчномъ, другомъ, можетъ быть, не столь общемъ, какъ первый, но особенно наболѣвшемъ у насъ въ послѣднее время. вопросахъ, въ которыхъ особенно ярко высказывается и необыкновенная ясность, и трезвость ума Пушкина, и пониманіе истинной сущности вѣковѣчнаго спора, и его пророческая прозорливость. Пониманіе Пушкинымъ этихъ вопросовъ—это тѣ забытыя слова, о которыхъ съ тоской вспоминаетъ нашъ обличитель—сатирикъ Щедринъ.

Въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“ на вопросъ:

„Итакъ, любовью утомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтренную моду,
Что жъ изберете вы?“

Поэтъ отвѣчаетъ: „свободу!“

Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ Пушкинъ говоритъ:

Свобода! Онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ:

Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ
Одушевленные тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбой
Твой идолъ гордый обнималъ.

Что есть истина? спрашивалъ Пилатъ. Что такое свобода— съ раннихъ лѣтъ спрашиваетъ поэтъ, такъ жадно рвавшійся къ ней и не нашедшій ее до конца дней, когда ее истинное и единственное правильное пониманіе созрѣло въ его душѣ.

Долгимъ и мучительнымъ путемъ дошелъ поэтъ до пониманія, до настоящаго значенія свободы. Онъ искалъ ее во внѣ человѣка, въ горахъ, въ пустынѣ, тамъ, „гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ, да я“.

И онъ понялъ, что свобода неразлучна съ ограниченіемъ, свобода— сознательное подчиненіе низшихъ сторонъ души высшимъ, животнаго духовному; сознательное, благоговѣйное подчиненіе нравственнымъ идеаламъ.

Онъ понялъ, хотя личная страстность натуры, привычки, условія жизни и не позволяли ему всецѣло примѣнить къ жизни это понятіе о свободѣ,— понялъ, что истинная свобода— свобода не во внѣ человѣка, а внутри его. Истинная свобода— свобода духа, это та свобода, которую исповѣдовалъ св. Лаврентій, когда мучившему его палачу спокойно сказалъ, среди немовѣрныхъ мученій: „переверни, ибо уже испеклось“. И это понятіе о свободѣ онъ изъ глубины міра нравственнаго переноситъ во внѣшній міръ, въ общество. Онъ хочетъ „свободной душой законъ боготворить“. Законъ, порядокъ общежитія— ограниченіе личнаго произвола во имя всеобщаго блага, и потому общественная свобода для него— сочетаніе святой вольности, правъ человѣка съ мощными законами; только тамъ человѣкъ не рабъ, гдѣ надъ всѣми простирается одинъ твердый шитъ равнаго для всѣхъ закона, гдѣ личность, личная свобода сознательно подчиняются закону—во имя высокаго идеала, всеобщаго блага.

И онъ понялъ, что такое высокое пониманіе свободы доступно только человѣку съ сильной волей, совлекшему тѣла грѣховнаго плоть, и человѣку просвѣтленному яснымъ сознаниемъ своихъ правъ и обязанностей, человѣку высоко-культурному, и что толпѣ такое пониманіе свободы никогда доступно не будетъ, ибо толпа—стадо особей homo sapiens, не доросшихъ до людей, и его сѣятель дышитъ не столько презрѣніемъ къ

этому стаду. сколько горечью и болью, что настоящій человекъ такъ еще рѣдокъ на землѣ.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды,
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросаль живительное сѣмя.
Но потерялъ я только время.
Благія мысли и труды;
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудить чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды —
Ярмо съ гремящими, да бичь.

Человѣческому стаду недоступно понятіе свободы, для него свобода — своеволие, анархія, а потому оно, это стадо, не сдѣлавшись собраніемъ людей, обществомъ, никогда свободнымъ не станетъ, а перемѣнитъ только господина, на котораго по-прежнему будетъ пахать въ рабскомъ ярмѣ.

И развѣ наша современная жизнь не доказываетъ, что Пушкинъ былъ не только великимъ поэтомъ, но и прозорливцемъ? И развѣ мы, вся Русь, тысячелѣтіе ходившая въ ярмѣ изъ одного рабства, сломавъ его ржавыя цѣпи, не попала въ другія, и настъ теперь, какъ древнихъ Іудеевъ, послѣ батоговъ не наказываютъ скорпіонами?

Въ своей замѣчательной рѣчи о Пушкинѣ проф. А. Е. Назимовъ проводитъ ту мысль, что во многихъ крупныхъ произведеніяхъ Пушкина: „Кавказскій плѣнникъ“, „Цыганы“, „Евгеній Онѣгинъ“, основной лейтмотивъ — уяснить себѣ вопросъ о свободѣ; только въ „Онѣгинѣ“ поэтъ ищетъ этой свободы уже не внѣ общества, не въ фантастическомъ естественномъ состояніи, а старается отстоять среди общества свою независимость. Видя крушеніе своихъ общественныхъ идеаловъ, Пушкинъ однако не упалъ духомъ; одаренный удивительной жизненной энергіей и замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, онъ сталъ искать въ окружающей его русской жизни элементовъ, способныхъ и теперь поддержать его завѣтные стремленія къ независимости. Пушкинъ хорошо понималъ, что общественная свобода можетъ развиваться въ странѣ только при наличности социаль-но-независимыхъ элементовъ среди населенія. И такимъ, по его мнѣнію, было тогда только среднее дворянство.

Пусть насъ не смущаетъ этотъ терминъ; въ эпоху Пушкина еще не имѣло широкаго распространенія столь часто теперь всуе употребляемое названіе—интеллигенція, да и тогда, по условіямъ времени, главнымъ поставщикомъ интеллигенціи и было именно дворянство. Подставимъ подъ его дворянство понятіе интеллигенціи, и мы поймемъ, на что надѣялся Пушкинъ. Только въ этой интеллигенціи онъ видѣлъ спасеніе Руси, залогъ ея освобожденія.

Какова же теперь судьба этой интеллигенціи у насъ?

И если нѣмецкій учитель одержалъ побѣду надъ Седаномъ, то никому иному, какъ только нашему интеллигенту, мы обязаны крохотнымъ и, быть можетъ, кратковременнымъ періодомъ нашей общественной свободы.

Почему я называю его кратковременнымъ? Потому, что этотъ элементъ, благодаря которому мы какъ будто начали освобождаться отъ вѣкового ярма, теперь объявленъ подъ подозрѣніемъ, а съ его крушеніемъ окончательно исчезнетъ и та крупница свободы, которую мы могли урвать за тысячелѣтіе нашей жизни, и урвать не у тѣхъ внѣшнихъ тирановъ, которые владѣли нашимъ тѣломъ, а у того внутренняго тирана, который безраздѣльно властвовалъ и продолжаетъ властвовать надъ нами, и потому, что съ гибелью своихъ богатырей погибнетъ и Русь.

М. Лихвиченко.

Объ изданіи Кадіаскерскаго сакка.

Таврическая Ученая Архивная Коммиссія съ самаго начала своей полезной для края дѣятельности обратила вниманіе на исторію крымскихъ татаръ, являющихся и теперь выдающимся элементомъ среди прочаго населенія Таврическаго полуострова. Въ числѣ ученыхъ предпріятій Коммисіи въ этой области видное мѣсто занимаютъ выписи изъ кадіаскерскаго сакка, хранившагося въ архивѣ Таврическаго губернскаго правленія, въ переводѣ на русскій языкъ Муратъ бія Біарсланова¹⁾. Мы въ правѣ были ожидать весьма любопытныхъ подробностей объ юридическомъ бытѣ татаръ, объ ихъ имущественной обстановкѣ, объ ихъ обычаяхъ вплоть до ханскаго гарема, этого запретнаго учрежденія мусульманъ; но смерть переводчика прервала эту интересную, едва начатую работу. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, а дѣло не подвинулось впередъ, хотя никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ его осуществленію нѣтъ,²⁾ особенно со времени передачи этихъ книгъ въ Петроградскую Публичную Библіотеку тринадцать лѣтъ тому назадъ.

Когда я читалъ переводъ Біарсланова, меня поражало значительное количество словъ, оставшихся неизвѣстными переводчику и поставленныхъ съ вопросительнымъ знакомъ. Неужели, думалъ я, жизнь татаръ такъ далеко ушла отъ начала XVII-го столѣтія, что теперь многое забылось, и для возстановленія утраченнаго смысла словъ надо прибѣгать къ специальнымъ изслѣдованіямъ? Однако, было очевидно, что нѣкоторыя изъ загадочныхъ словъ легко объяснимы. Приведу примѣры:

Тиркешъ (?) со стрѣлами, стр. 42. *Тир*—персидское слово—стрѣла, *кеш*—отдѣленіе для стрѣлъ, въ цѣломъ *тиркеш*, означаетъ колчанъ.

Перстень съ керкеданомъ (?), стр. 44. Въ крымскихъ дипломатическихъ дѣлахъ находимъ такую подробность.

¹⁾ Извѣстія Таврич. Уч. Архивной Коммисіи, №№ 8, 9 и 10.

²⁾ Впослѣдствіи, въ № 24 того же изданія, былъ данъ переводъ документовъ кадіаскерскихъ дефтерей по землевладѣнію, стр. 72--84.

Въ 1503 году Менгли-Гирей писалъ великому князю Ивану Васильевичу: „тебѣ брату моему надѣйся вѣдомо, въ Ендустанской землѣ Кергерденемъ зовутъ, одинорогъ звѣрь, и рогъ его о томъ дѣлѣ надобенъ, у кого на рукѣ будетъ. И того вѣдомого Кергерденева звѣрева рогу какъ ѣтчи то лизати, и въ той ѣствѣ что лихое зеліе будетъ, и тому человекѣ лиха не будетъ. Молвя, слышелъ есми, Кергерденевъ рогъ въ Хандыкаровѣ казнѣ есть, молвя—слышелъ есми, и просити послалъ есми; и онъ двѣ жиковины нарядивъ, послалъ ко мнѣ. И язъ, братъ твой, у тебя бы у брата моего на рукѣ были, молвя въ сю грамоту положивъ, послалъ есми, и какъ на руцѣ своей взвидишь, меня брата своего не забудешь¹⁾. *Кергедан*—носорогъ. Рогъ носорога считался средствомъ лекарственнымъ, противоядіемъ.

Одѣяло изъ мускуснаго (?) атласа, стр. 44. *Мески* значить мускусный и въ то же время означаетъ темный цвѣтъ. Такъ какъ атласъ не можетъ быть мускуснымъ, въ чемъ усомнился и Біарслановъ, то слѣдовало примѣнить второй смыслъ, и дѣло будетъ ясно: одѣяло изъ темнаго атласа.

Вышитая яйма (?) изъ краснаго атласа, стр. 45. *Яйма* есть простыня; поэтому слѣдовало сказать: вышитая простыня изъ краснаго атласа.

Аракчинъ (?) изъ серасера, стр. 46. *Аракчиномъ* называется маленькая ермолка, слѣдовательно надо читать: маленькая ермолка изъ парчи.

Керди (?) изъ полосатой кутни, стр. 45. Керди, можетъ быть, есть *курдіэ*—короткое платье; *алача* значить пестрый; *кутн*—бумажная ткань. Платье изъ пестрой кутни.

Тюфякъ изъ серенка (?), стр. 45. Не слѣдуетъ ли въ серенкѣ видѣть *серенчэ*—полосатую бумажную ткань?

Три ручныхъ коклика (?), стр. 46. Въ Туркестанѣ якликкомъ называютъ рябчика.

Кушакъ съ жемчугомъ и бархатный сурахъ (?), стр. 47. Эта фраза мнѣ совершенно непонятна; во 1-хъ, по тексту я не вижу слова жемчугъ; во 2-хъ, очевидно здѣсь одинъ предметъ, а не два: кушакъ и сурахъ. Въмѣсто сурахъ я предлагаю читать *сурхъ*, что значить

¹⁾ Сборникъ Историч. Общ., т. 41-й. Спб. 1884, стр. 476.

красный. Допуская, что тамъ есть жемчугъ, я перевожу: кушакъ съ жемчугомъ изъ краснаго бархата.

Незкебъ (?) съ жемчугами и ляджурдомъ, стр. 44. Незкебъ значить повойникъ, головной платокъ турецкихъ женщинъ. Поэтому надо перевести: повойникъ съ жемчугами и ляджурдомъ (лазурикъ).

Подушка изъ матеріи шахбенекъ (?), стр. 45. Бенек значить родимое пятнышко, крапинка; матерія шахбенек, т. е. съ царской мушкой, есть матерія пестрая. Слѣдуетъ передать такъ: подушка изъ пестрой матеріи (шахбенекъ).

Переводъ Мурагъ-бей-Біарсланова не всегда сходится съ приложеннымъ текстомъ. Такъ, на стр. 44 читаемъ: 3 жемчужины—6 хасене, а въ текстѣ стоитъ: алты адад инчу, т. е. шесть штукъ жемчужинъ. Переводчикъ вездѣ пишетъ *гуруши*, тогда какъ турки и татары всегда писали съ *vav*: гуруши (гроши)—мелкая татарская монета. Цѣнность ея мѣнялась, поэтому было бы чрезвычайно полезно выяснить стоимость гуруша на мѣстѣ по сравненію съ рыночнымъ курсомъ извѣстнаго времени. Флюри, слѣдуетъ: филури—изъ florin, итальянскій червонецъ. Не встрѣтятся никакихъ препятствій къ объясненію и прочихъ словъ, поставленныхъ Біарслановымъ съ вопросительнымъ знакомъ.

Своими краткими замѣчаніями я хочу показать, что переводы ученыхъ туземцевъ не могутъ насъ удовлетворить: а между тѣмъ и наши туркологи не справятся съ переводомъ безъ помощи мѣстныхъ знатоковъ татарской жизни. потому что домашняя обстановка татарина для европейца недоступна въ полномъ объемѣ. Многое изъ предметовъ семейнаго обихода должно остаться европейцу неизвѣстнымъ, и въ этомъ отношеніи никакіе словари не въ состояніи помочь. Для пользы дѣла желательно образовать комиссію изъ ученыхъ татаръ и привлечь въ нее русскихъ туркологовъ для руководства и научнаго контроля. При этомъ условіи можно рассчитывать, что Кадіаскерскій сакка будетъ изданъ такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ по своему цѣнному содержанію.

Ж. Веселовскій.

Изъ идеологіи крымско-татарской интеллигенціи.

Переживаемое нами время связано съ цѣлымъ рядомъ національныхъ проблемъ. Вопросы о положеніи и взаимоотношеніи различныхъ населяющихъ Россію народностей не новы для русскаго общества, но событія послѣдней войны, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и „въ тылу“, привлекли къ нимъ общественное вниманіе съ новой, чрезвычайной силой. За послѣднее время появилось не мало статей, книгъ, сборниковъ и даже спеціальныхъ журналовъ, посвященныхъ выясненію національнаго вопроса въ Россіи. Первое условіе для такого выясненія, это—близкое знакомство съ населяющими Россію народностями, чѣмъ русское общество не всегда могло похвалиться.

Къ числу малоизвѣстныхъ народностей Россіи принадлежатъ мусульмане. Спѣшу оговорится, что хотя „мусульмане“—терминъ скорѣе религіозный, чѣмъ этнической, я употребилъ его здѣсь не случайно. Большинство мусульманъ Россіи принадлежитъ къ одному, а именно тюркскому (или, по иной терминологіи, турецкому), племени, что даетъ право названію, указывающему на принадлежность къ извѣстной религіи, придавать этническое значеніе. Изъ этническихъ же наименованій русскихъ мусульманъ ни одно не получило общаго распространенія. Наиболѣе широкимъ по объему является терминъ „татары“, но подъ него не подойдутъ киргизы, сарты, туркмены и др.

Въ послѣднее время замѣчались попытки среди мусульманской интеллигенціи привить своимъ соплеменникамъ общеродовое названіе „турк“ (откуда въ русскомъ получится то тюркъ, то турокъ)¹⁾. Интересно отмѣтить, что самое названіе, „турк“ первоначально имѣло частное, видовое значеніе, и только въ силу случайныхъ историческихъ причинъ оно получило общеродовое значеніе у европейскихъ и арабскихъ писателей²⁾, и уже

¹⁾ См. „Міръ ислама“ (подъ ред. Д. Позднѣва), 1913 г., вып. I-й, стр. 22 и дал.

²⁾ Турк'ами называлось то племя (или династія?), подъ главенствомъ котораго въ VI в. въ Ср. Азіи образовалась обширная кочевая имперія,

потомъ этотъ терминъ въ его общемъ значеніи перешелъ, между прочимъ, и къ русскимъ мусульманамъ. Такимъ образомъ, если теперь нѣкоторые представители татарской интеллигенціи заявляютъ: „мы — тюрки“, — то это не значитъ, что они воскрешаютъ старое забытое названіе или вводятъ въ свой языкъ свое истинно-племенное имя, — нѣтъ, они только примѣняютъ къ себѣ терминъ, случайно образовавшійся у встрѣчавшихся съ ними народовъ. Между тѣмъ, спору объ этомъ терминѣ удѣляется не мало времени и мѣста въ современной литературѣ русскихъ мусульманъ.

Впрочемъ, не одними спорами о названіяхъ занята мусульманская интеллигенція. Цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ народному образованію¹⁾, развитію экономической жизни, національному самосознанію и т. д. обсуждается въ мусульманской печати. Весь этотъ потокъ умственной жизни у насъ передъ глазами, но мы ничего о немъ не знаемъ. Наша университетская наука занята разработкой матерьяловъ по старой письменности, и если и касается новаго времени, то рассматриваетъ лишь такія явленія, которыя своими корнями уходятъ въ прошлое.²⁾ Къ новой литературѣ русскихъ мусульманъ русскіе оріенталисты могутъ обращаться лишь урывками. Такое положеніе вещей вполне естественно, ибо современная литература русскихъ мусульманъ, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, развилась очень и очень недавно, по теперь пора сознать необходимость планомернаго изученія названнаго явленія.

.....

существовавшая до середины VIII вѣка. Многія входившія въ составъ имперіи племена не называли себя турк'ами, хотя и были одного корня съ господствующимъ племенемъ. Назовемъ, на примѣръ, уйгуровъ. Знаетокъ уйгурскаго языка С. Е. Маловъ передавалъ мнѣ, что ему извѣстенъ терминъ „турк-уйгур тэлъ“. Въ эпоху существованія тюркскаго государства въ Ср. Азію пришли арабскіе завоеватели, въ борьбѣ съ которыми тюрки и надломилъ свои силы. Впослѣдствіи арабы названіе „тюркъ“ перенесли и на всѣ другія родственныя тюркамъ племена. Прямые потомки основателей кочевой тюркской имперіи проникли потомъ черезъ Иранъ въ Мал. Азію. Византіяцы еще до этого имѣли сношеніе съ тюрками. Терминъ *τῦρκοι* имъ былъ знакомъ. Вслѣдъ за византіяцами познакомились съ тюрками и западно-европейцы, и у нихъ тѣмъ же путемъ, что и у арабовъ, названіе „тюркъ“ получило общее значеніе.

¹⁾ По словамъ нѣкоего Махмуда, автора брошюрки „Миллятчилеръ“, изд. въ 1908 г. въ Оренбургѣ, въ татарской печати теперь всѣ вопросы сводятся къ вопросу обученія и образованія (см. предисловіе).

²⁾ На примѣръ, работа А. Н. Самойловича: „Абду-с-Сатаръ Казы“, Сиб., 1915 г.

Изученіе современной литературы (или, лучше, современныхъ литературъ) русскихъ, да и не только русскихъ, мусульманъ должно идти соотвѣтственно съ тѣми явленіями, со стороны которыхъ шли вліянія къ мусульманамъ нашего времени, т. е. съ русской литературой и русской общественной мыслью (а для изученія новой османской литературы необходимо знакомство съ соотвѣтственными явленіями западно-европейской жизни).¹⁾ Конечно, въ то же время надо принимать во вниманіе и литературные факты прошлаго времени, такъ какъ старыя традиции въ новой мусульманской литературѣ не прекратились. Но до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ специалистовъ по новой литературѣ русскихъ мусульманъ, намъ въ этой области остается прежній путь спорадическихъ выступленій по частнымъ и мелкимъ вопросамъ.

Сейчасъ мы остановимся на трехъ-актной пьесѣ молодого крымскаго писателя Хасана-Сабри Айвазова „Нэдэн бу хале калдык“? Пьеса эта сначала печаталась въ бакинскомъ журналѣ „Феюзать“ въ 1907 году, начиная съ № 12, а затѣмъ издана въ Баку въ томъ же году отдѣльной книгой съ русскимъ подзаголовкомъ: „Какъ дошли мы до жизни такой“? Хотя пьеса автора издана на Кавказѣ, но написана она въ Крыму, и говорится въ ней все о Крымѣ, и, мнѣ кажется, только по случайнымъ причинамъ она напечатана не на своей родинѣ.

Можетъ быть, идеи, выраженные Х. Айвазовымъ въ его пьесѣ, отошли для автора въ прошлое, но я и не пытаюсь обрисовать творчество автора во всей его полнотѣ, а даю лишь матерьялъ для его характеристики. Пьеса Х. С. Айвазова не что иное, какъ политическій памфлетъ. Авторъ излагаетъ въ ней свое политическое сгедо, и дѣйствующія лица его пьесы ни о чемъ другомъ, какъ только о политикѣ, не говорятъ.

Интересъ пьесы сосредоточивается на Саидъ-беѣ, молодомъ татарскомъ дворянинѣ, окончившемъ русскій универси-

¹⁾ Точно также особыхъ методовъ и особой подготовки требуетъ изученіе народнаго творчества тюркскихъ племенъ. Конечно, это творчество въ значительной степени (а для южныхъ племенъ, можно сказать, совершенно) находится подъ вліяніемъ старыхъ литературъ—османской, азербейджанской, чагатайской, но есть также много народныхъ произведеній (напримѣръ, эпическія пѣсни и сказанія ногайцевъ), которыя для своего объясненія требуютъ привлеченія данныхъ монгольской литературы, монгольскаго фольклора, монгольскаго языка. На творчество восточныхъ тюрковъ имѣлъ вліяніе буддизмъ. Можно открыть и другія вліянія. Любопытно отмѣтить указанный А. Н. Самойловичемъ фактъ проникновенія въ творчество крымскихъ татаръ популярной пѣсни: „Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной“.

тетъ и занимающемся адвокатской практикой. Онъ совсѣмъ объевропеился, презираетъ татарскіе обычаи, забылъ татарскую рѣчь до такой степени, что не можетъ сказать самой простой фразы по-татарски безъ того, чтобы не втиснуть въ нее половины русскихъ словъ. По политическимъ убѣжденіямъ—онъ социалистъ. Противоположенъ ему татарскій націоналистъ. „учитель родного языка“ Решидъ-эфенди. Онъ ведетъ Саидъ-бея на простую деревенскую свадьбу и знакомитъ его тамъ съ двумя стариками Абд-уль-Ватаномъ и Абд-уль-Исламомъ. Саидъ-бей, наслушавшись рассказовъ этихъ старцевъ о татарской старинѣ, проникается любовью ко всему своему родному татарскому, и хотя въ концѣ пьесы мы покидаемъ его еще упорствующимъ социалистомъ, но чувствуется, что его вѣра поколеблена.

Абд-уль-Ватанъ и Абд-уль-Исламъ не реальныя фигуры, а олицетворенія; первый— олицетвореніе родины, Крыма, а второй—олицетвореніе мусульманской религіи, ислама¹⁾. Приглашая Саидъ-бея познакомиться съ ними, Решидъ-эфенди говоритъ, что бесѣда съ ними доставляетъ большее удовольствіе, чѣмъ чтеніе Горькаго, Толстого, Плеханова, Лассалья и Маркса. Далѣе, эти старцы характеризуются крѣпкими, прямыми, здоровыми душою и тѣломъ, съ высокими мыслями. Они много перенесли отъ власть имущихъ, но никогда не переставали стоять за народное дѣло. Въ разговорѣ они цитируютъ Саади, Гафиза, Мухаммедъ-Герая и Фузули, а не Пушкина, Лермонтова, Надсона или Ал. Толстого. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хорошо знакомы съ Шекспиромъ, Гюго, Ж. Ж. Руссо и Монтескье, но, несмотря на это, они не забываютъ народныхъ обычаевъ и не презираютъ ихъ. Это—не такіе старики, какихъ часто можно встрѣтить на улицахъ, на базарахъ и въ кофейняхъ, пожелтѣвшихъ отъ табачнаго дыма, пересмѣивающихъ другъ друга и прохожихъ.

Въ этихъ образахъ нѣтъ чертъ реальной дѣйствительности. Едва ли среди татарскихъ стариковъ найдутся такія лица. Но разъ фигуры Абд-уль-Ватана и Абд-уль-Ислама признаны аллегоріями, то такая характеристика ихъ для автора вполне законна. Родина (ватанъ) и связанная съ нею нація (миллетъ) съ одной стороны и мусульманская религія (исламъ) съ другой— вотъ тѣ киты, на которыхъ держится міровоззрѣніе татарскихъ націоналистовъ. Націоналистическій и религіозный принципы въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣшиваются въ политическихъ теоріяхъ татаръ, но вообще каждый изъ нихъ занимаетъ свое опре-

¹⁾ Абд-уль-Ватанъ значитъ: слуга родины, а Абд-уль-Исламъ— слуга ислама.

дѣленное мѣсто. Такъ, напримѣръ, авторъ разсматриваемой нами пьесы больше націоналистъ-тюркистъ, чѣмъ мусульманинъ. Абд-уль-Ватану въ его пьесѣ отведена главная роль. Это его рассказы убѣждаютъ Саидъ-бея. Абдуль-Исламъ ему только поддакиваетъ. Иногда авторъ прямо враждебенъ религіи, по крайней мѣрѣ религіи оффиціальной. На свадьбѣ, на которую привелъ Саидъ-бей Ршидъ-эфенди, приходитъ время читать молитву послѣ ужина. Кому бы, кажется, сдѣлать это, какъ не Абд-уль-Исламу, олицетворенной религіи? Но авторъ заставляетъ совершить молитву Абу-уль-Ватана. Молитва послѣд-няго вызываетъ восторгъ своею краткостью и общенонятностью, въ то время какъ оффиціально признанныя мусульманскія молитвы и длинны и читаются на артбскомъ языкѣ, а не на татарскомъ. Въ этомъ фактѣ скрытъ намекъ на недостатки религіи, которые, по мысли автора, будутъ устранены не силами самой религіи, а тѣми силами, которыя дастъ сознавшій себя, самоопредѣлившійся татарскій народъ. Однако при всемъ этомъ значеніе религіи въ политическихъ теоріяхъ автора не только не сводится на нѣтъ, но она занимаетъ въ нихъ весьма почетное положеніе, какъ мы это увидимъ ниже.

Причиной печальнаго настроенія, которымъ охвачены герои Х. С. Айвазова, служитъ тяжелое положеніе крымско-татарскаго населенія, страдающаго подъ тяжестью разнаго рода притѣсненій и взаимной вражды. Прежде было не такъ.

„Лѣтъ 60—70 назадъ, рассказываетъ Абдуль Ватанъ, люди были нравственнѣе, чище, искреннѣе, справедливѣе и милостивѣе. Всѣ были другъ другу братья. Не было лжи, клеветы, пьянства, безчинствъ, коварства. Люди не запирали лавокъ, не сторожили садовъ. Не было несправедливыхъ чиновниковъ, пожирающихъ теперь наше имущество и губящихъ нашу жизнь. Что такое полиція, что такое урядникъ, одушевленное ли это существо или бездушная вещь,—не знали. Часть крымскаго населенія занималась земледѣліемъ и садоводствомъ, другая—разведеніемъ козъ и овецъ. Земля, лѣса, пастбища были общими. Люди не знали, что это казенныя или приписныя земли, кто такіе графъ, князь или баронъ. Каждый обрабатывалъ ту землю, какую хотѣлъ, и въ то время, когда хотѣлъ. Каждый свободно бралъ изъ лѣсовъ дрова и деревья на постройку. Пастбища были открыты; огорожены были лишь баштаны съ овощами—отъ животныхъ. Не было притѣсненія со стороны мурзь“.

Затѣмъ Абд-уль-Ватанъ переходитъ къ такъ называемымъ „талака“. ¹⁾ Абд-уль-Ватанъ не можетъ достаточно нахвалиться этимъ обычаемъ. Взаимная помощь среди татаръ была распространена до того, что каждый свободно заходилъ на чужой дворъ или въ чужой домъ и бралъ лошадь, телѣгу, деньги. Никто ему не препятствовалъ, такъ какъ владѣлецъ взятаго былъ увѣренъ, что ему возвратятъ взятое.

„Въ то время, продолжаетъ Абд-уль-Ватанъ, люди работали 8 мѣсяцевъ и 4 мѣсяца отдыхали. Но свободное время они проводили не въ кабакахъ и кофейняхъ, а поочереди собирались другъ у друга, пѣли національныя пѣсни, играли въ національныя игры. Не было тогда множества школъ, но ихъ было достаточно для того, чтобы научить вѣрѣ и любви къ родинѣ. Не было тогда большихъ домовъ, но и внутри хижинъ люди были счастливы и спокойны. Они не знали ни ревматизма, ни малокровія, ни нервности. Всякій тогда жилъ своимъ трудомъ и не зарился на чужое. Женщины занимались полезными ручными работами,—не то, что теперешнія женщины, которыя разодѣнутся и, развалясь на мягкихъ подушкахъ, весь день болтаютъ о пустякахъ и курятъ табакъ. Съ мужчинами онѣ были равноправны. Сами кормили и воспитывали дѣтей. Отцы проводили тогда вечера дома, а не въ кофейняхъ“.

Подобныя легенды о бывшемъ въ Крыму золотомъ вѣкѣ встрѣчаются не у одного Хасана-Сабри Айвазова. Учитель О. Мурасовъ, интересующійся своей родной стариной, въ предисловіи къ собраннымъ имъ пословицамъ, жалуется на исчезновеніе старыхъ обычаевъ, существовавшихъ въ Крыму еще въ недавнее время ²⁾. Въ рукописныхъ регламентахъ сохранившихся еще кое-гдѣ въ Крыму ремесленныхъ цеховъ стоитъ правило: „Восемь часовъ работы, восемь часовъ сна, восемь часовъ служенія Богу“. Татары указываютъ на это правило, какъ на примѣръ существованія въ прежнее время въ Крыму такого строя, котораго европейскіе социалисты ждутъ только въ будущемъ ³⁾. Общественный строй стараго Крыма еще не изученъ, но, несомнѣнно, онъ отличался отъ теперешняго меньшей сложностью. Распространеніе русскаго господства на Таврической полуостровъ нанесло сильный ударъ прежнему укладу жизни. При проис-

¹⁾ См. „Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм.“ № 52, стр. 9, прим. 3.

²⁾ „Извѣстія Тавр. Уч. Арх. Коммиссіи“, № 52, стр. 10.

³⁾ Это правило ходитъ среди крымскихъ татаръ и просто, какъ пословица. См. тамъ же, стр. 11. О приведенномъ толкованіи этого правила среди татаръ я слышалъ отъ А. Н. Самойловича.

шедшемъ переворотѣ было не мало жертвъ. Напримѣръ, жившіе на сѣверѣ полуострова кочевники—ногайцы надвинувшейся цивилизаціей были поставлены въ столь невыносимыя для ихъ воззрѣній и привычекъ условія, что послѣ Севастопольской кампаніи всей массой переселились въ Турцію¹⁾. У оставшихся создалось поэтическое воспоминаніе о прежней жизни, какъ о земномъ раѣ.

Причиной прошедшей перемѣны и Х. С. Айвазовъ тоже признаетъ распространеніе въ Крыму русскаго господства, но не противъ русскихъ направлена его пьеса. Устами Адб-уль-Ватана онъ громить; главнымъ образомъ, татарское дворянство и духовенство, измѣнившія своему народу. Русскіе обольстили ихъ титулами, чинами да медалями, а бѣдный народъ, оставшійся безъ руководителей, сбился съ пути. Подъ видомъ цивилизаціи къ нему проникли разные пороки — ложь, лицемеріе, воровство, пьянство.

Какъ же спасти крыско-татарскій народъ отъ такой бѣды? Простой возвратъ къ прошлому невозможенъ. Крымъ соединенъ съ Россіей и, волей-неволей, долженъ раздѣлять ея судьбу. Татары должны вступить въ политическую борьбу, идущую въ Россіи, не сливаясь при этомъ ни съ одной изъ русскихъ политическихъ партій. Въ то же время, они должны сохранить свою обособленность отъ другихъ населяющихъ Россію народностей. Этимъ народностямъ авторомъ противопоставляется соединеніе тюркскихъ племенъ Россіи — татаръ Крыма, Кавказа, Поволжья, Ср. Азій и Сибири. Однако, основой этого единенія служить не племенное родство, а единство религіи. Ихъ партія будетъ называться „мусульманская демократическая партія“. Первымъ средствомъ единенія мусульманъ должно служить признаніе одного изъ существующихъ и имѣющихъ литературу нарѣчій за обще-литературный языкъ. Въ качествѣ такового, чаще всего, татарами выставляется литературный языкъ крымскихъ татаръ, на которомъ написана и пьеса Г. С. Айвазова²⁾. Литературный языкъ крымскихъ татаръ приближается къ османскому языку, онъ значительно отличается, напримѣръ, отъ литературнаго казанскаго. Требованіе принятія общаго языка ведетъ къ сглаживанію діалектическихъ особенностей отдѣльных нарѣчій, за которыми, конечно, послѣдуетъ и разрушеніе этни-

¹⁾ О ногайцахъ до эмиграціи и объ ихъ эмиграціи см. статьи г-на Сергѣева въ „Извѣстіяхъ Тавр. Уч. Арх. Комм.“ №№ 48 и 49.

²⁾ См. переводъ ст. А. Вамбери, приложенный къ „Лекціямъ объ Исламѣ“ И. Гольдцигера. (Изд. „Брокгаузъ-Ефронъ“, 1912, стр. 300—301).

ческой самостоятельности отдѣльныхъ племенъ. Но такой анти-національный выводъ, неизбежно вытекающій изъ положеній автора, повидимому, его не смущаетъ. Здѣсь онъ рѣшительно становится противъ національности. Очевидно, національный принципъ не столь понятенъ народнымъ массамъ, какъ религіозный, и именно къ послѣднему прибѣгаетъ авторъ, когда дѣло доходитъ до вопросовъ организаціи. Да и передъ европейскимъ обществомъ легче предстать отъ лица мусульманской партіи, чѣмъ отъ лица тюркской. Какими культурными заслугами можно оправдать политическія притязанія послѣдней? Между тѣмъ, культура ислама занимаетъ опредѣленное мѣсто во всемирной исторіи. Ея значеніе признано и европейцами.

Само собою разумѣется, что и у Х. С. Айвазова мы найдемъ высокую оцѣнку ислама. Мусульманская культура характеризуется имъ, какъ истинно-гуманная; западная цивилизація имѣетъ лишь внѣшній характеръ. Западные народы подъ видомъ распространенія культуры грабятъ отсталыя племена. Во множествѣ изобрѣтаются средства къ истребленію людей. Найдутъ способъ въ 5 минутъ убить тысячи человѣкъ — и называютъ это „великимъ открытіемъ“. Господствующая теперь культура ведетъ человѣчество къ гибели, лишь исламъ — истинный проводникъ прогресса. Къ такому апоѳеозу мусульманства приходитъ авторъ, начавшій съ жалобъ на утрату его народомъ стараго національнаго уклада жизни. Для міровоззрѣнія автора весьма характерны слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Али-эфенди. Разсматривая старинныя работы татарокъ, онъ восклицаетъ: „Для меня онъ священны! Я не промѣняю ихъ ни на тикъ Морозова, ни на лодзинскія издѣлія, и все потому, что онъ — національны. Все, что національно, то въ моихъ глазахъ священно. Прежде у насъ все дѣлалось своими руками, а теперь даже саванъ готовится изъ полотна фабрики Коншина. Нѣтъ, во что бы то ни стало, а намъ необходимо имѣть мусульманскую фабрику!“

Во время своихъ прежнихъ поѣздокъ въ Крымъ мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ представителями обрисованныхъ Х. А. Айвазовымъ умственныхъ теченій среди татарской интеллигенціи Крыма. Любитель родной старины, стремящійся къ культурному объединенію своихъ соплеменниковъ, это — самъ Х. С. Айвазовъ, трудящійся на нивѣ просвѣщенія мусульманъ. Онъ стремится ознакомить ихъ съ пріобрѣтеніями европейской культуры, но предостерегаетъ отъ потери своей національности. Онъ приводитъ въ примѣръ японцевъ. Они умѣютъ.

взять все лучшее отъ европейцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить свою самобытность. Пусть мусульмане поступаютъ такъ же. Таковъ смыслъ его предисловія къ переводу пьесы М. Ленглія „Тайфунъ“, изданномъ въ Бахчисараѣ въ 1914 г. Весьма показателенъ и подзаголовокъ, данный Х. Айвазовымъ своему переводу: „Европейская цивилизація и японцы“.

Можетъ быть, въ такомъ взглядѣ на японцевъ, какъ на идеаль поведенія въ усвоеніи европейской культуры, отразилось вліяніе турецкихъ писателей. Тюджаръ-задэ Ибрагимъ Хильши въ своей книгѣ „Европеизація“ (Константинополь, 1332 хиджры), которую, кстати сказать, я приобрѣлъ въ Бахчисараѣ, не разъ указываетъ на японцевъ; а въ заключеніе, между прочимъ, говоритъ (стр. 163): „Полвѣка тому назадъ и японцы отрицательно относились къ Европѣ. 50—60 лѣтъ назадъ у нихъ было такое же положеніе, какъ у насъ теперь. Нынѣ мы подъ вліяніемъ религіи держимся за старыя традиціи, за жизнь и цивилизацію Хиджаза¹⁾, и японцы полвѣка назадъ были столь же привержены къ китайской цивилизаціи и къ буддійскимъ и шинтоискимъ обычаямъ и преданіямъ. Подобно тому, какъ у насъ глупцы, ничего не смыслящіе въ западной наукѣ, считаютъ европеизацію за единственное общественное и религіозное бѣдствіе, такъ и въ Японіи старыя самураи, дайміосы и сіогуны, занявъ непримиримую позицію противъ новой европейской цивилизаціи, сопротивлялись западнымъ учрежденіямъ. Подобно тому, какъ у насъ поступали деспоты и главари племенъ, такъ и тамъ феодалы поднимали мятежи противъ европейскаго образа правленія и силою меча думали сопротивляться европеизаціи. Но время все поражаетъ, поразило оно и устарѣвшія обычаи и идеи японцевъ. Дѣятельность молодыхъ и любящихъ родину самураевъ послужила къ уничтоженію дикихъ и тщетныхъ стремленій софистовъ, растлѣвавшихъ мысль и душу всей націи. Послѣ этого европейская цивилизація сейчасъ же распространилась на островахъ Нипона, точно свѣтъ солнца. Вслѣдствіе истиннаго примѣненія конституціоннаго строя въ теченіе 30-ти лѣтъ получились удивительныя усовершенствованія. Японія, склонявшая выю передъ пушками американскаго коммодора Перри; побѣдила съ своими 60 милліонами населенія 400-милліонный китайскій народъ; разбила на Дальнемъ Востокѣ, откативъ, какъ мячикъ, деспотическое русское правительство, управлявшее 160 милліонами людей. Японцы достигли до такой большой удачи

¹⁾ Хиджазъ— область Аравіи, въ которой находятся Мекка и Медина, гдѣ впервые выступилъ Мухаммедъ.

и счастья лишь благодаря европеизации, благодаря приверженности къ европейской культурѣ, ради спасенія родины и благодаря многимъ заимствованіямъ отъ этой культуры"... Но при всемъ томъ японцы, по заключенію автора, „не сдѣлались христианами“. Они не нарушили своего національнаго характера и не потеряли своихъ нравовъ, а, напротивъ, получили возможность сохранить лучшія изъ своихъ старыхъ традицій.

Точно также Х. С. Айвазовъ находитъ много сходства между положеніемъ мусульманъ и японцевъ. Именно такое воззрѣніе заставило его взяться за переводъ „Тайфуна“. Такъ и передавали мнѣ близкіе друзья Х. С. Айвазова. „Тайфуну“, вообще, повезло среди русскихъ мусульманъ: мнѣ извѣстенъ еще переводъ Искендера Сакаева (Казань, 1915). Видно, герои М. Ленгеля пришли по душѣ. Но „западники“, выведенные Х. С. Айвазовымъ въ лицѣ Саидъ-бея, чужды подобнымъ настроеніямъ. Они, впрочемъ, не представляютъ вліятельной группы среди татарской интеллигенціи. Дѣятелямъ типа Х. С. Айвазова приходится бороться не съ ними, а съ противниками проникновенія въ исламъ всякихъ новыхъ вѣяній, откуда бы они ни исходили, но бесѣда объ этомъ вывела бы насъ за предѣлы замѣтки о пьесѣ Х. С. Айвазова, которые мы и такъ уже переступили.

П. Залевъ.

Раскопки Херсонесскаго некрополя въ 1897 году.

На юго-западной сторонѣ Херсонесской (Карантинной) бухты, между оградой офицерскихъ флигелей (бывшей стѣны стараго карантина) и зданіями казармъ севастопольской крѣпостной минной роты, раскопки производились въ 1897 году впервые и продолжались около мѣсяца.

Поводомъ къ производству раскопокъ послужилъ слѣдующій случай: одному изъ офицеровъ, жившихъ въ офицерскихъ флигеляхъ, понадобилась земля для посадки грушеваго дерева, и при выборкѣ земли было обнаружено погребеніе. Объ этой находкѣ было сообщено покойному завѣдывавшему раскопками въ Херсонесѣ К. К. Косцюшко-Валюжиничу, который сдѣлалъ распоряженіе объ изслѣдованіи указанной мѣстности и послалъ туда 4 рабочихъ подъ моимъ наблюдениемъ; прежде всего обращено было вниманіе на провалъ въ скалѣ, гдѣ долженъ былъ быть склепъ, откуда и начались раскопки.

Первый участокъ некрополя. № 1. (2445)¹⁾. Склепъ,²⁾ вырубленный въ скалѣ, на глубинѣ 0,18—0,57 м. отъ поверхности земли, трапецевидной формы въ планѣ, грубой работы, ориентированный на WNW, размѣрами 3,15 м. дл., 3,46 - 3,06 м. шир. и 1,60—1,51 м. высоты, съ двумя лежанками въ лѣвой и задней стѣнахъ склепа. Лежанки идутъ по длинѣ и по ширинѣ стѣнъ, 0,75 м. шир., на высотѣ отъ пола 0,80 м. и съ 4-мя маленькими арковидными нишами—прямоугольниками въ сѣченіяхъ вертикальномъ и горизонтальномъ. Въ правой стѣнѣ три ниши, на высотѣ отъ пола средняя—0,57 м., размѣрами 0,44×0,27×0,53 м. и боковыя на высотѣ отъ пола 1,11 м. размѣрами—0,35×0,22×0,44 м. Почти по срединѣ склепа подпорный столбъ (колонна), трапецевидный въ планѣ, прямоугольнаго вертикальнаго вида; размѣры столба: 0,62×0,57×0,48 метр. Въ передней стѣнѣ,

¹⁾ Нумерация погребеній ведется отъ начала раскопокъ въ Херсонесѣ.

²⁾ Этотъ склепъ описанъ акад. М. И. Ростовцевымъ въ его монументальномъ трудѣ: „Античная декоративная живопись на югѣ Россіи, ч. II, стр. 465 и табл. CXI и CII.

справа отъ входа, такая же арковидная маленькая ниша на высотѣ отъ пола 1,11 м. размѣрами: $0,35 \times 0,32 \times 0,44$ м. Слева отъ входа, до самаго лѣваго угла, шло возвышеніе вродѣ скамьи или лежанки (локулы) 0,33 м. шир. и 0,26 м. высоты отъ пола. Такая же ступенька и также слева отъ входа была встрѣчена въ склепѣ, открытомъ въ юго-западной городской крѣпостной стѣнѣ Херсонеса подѣ протейхизмой въ 1909 г. Внутри склепа одна высокая ступенька. Правая и лѣвая стѣны выпуклыя дугообразно наружу, а передняя внутрь, задняя стѣна переломлена въ 164 градуса наружу. Входное отверстіе квадратное 0,62 м. Входъ прямоугольной формы въ планѣ, ориентированный на WNW, размѣрами: 1,56 м. дл., 1,11 м. шир. и 1,15—0,80 м. глубины. Вся потолочная часть обрушилась, сохранились лишь ея контуры у стѣнъ. Стѣны, лежанки, ниши и столбъ были оштукатурены хорошаго качества известью; въ составъ штукатурки входитъ известь хорошаго качества, мелкій песокъ и мелкія песчинки древеснаго угля. Роспись сохранилась на задней стѣнѣ, ниже кромки лежанки; въ томъ же мѣстѣ она видна на лѣвой и очень слабо на правой стѣнахъ. Повидимому, такая панель шла подѣ лежанками и нишами по всѣмъ четыремъ сторонамъ, до ступеньки на передней стѣнѣ склепа. Также хорошо сохранились слѣды панели и на столбѣ. Надѣ самымъ поломъ вокругъ всѣхъ стѣнъ и на столбѣ шла исполненная красной муміей кайма шир. 0,13 м. Такая же кайма, только значительно уже, была встрѣчена въ склепѣ за № 2114¹⁾. Панель состояла изъ лежащихъ прямоугольниковъ, не соединяющихся между собой. Каждый прямоугольникъ дѣлился двумя діагоналями. Всѣ линіи были написаны красной муміей. Прямоугольники давали впечатлѣніе филечатыхъ фресокъ. При извлеченіи изъ склепа земли, частей разрушеннаго потолка, показались части потолка съ остатками штукатурки, со слѣдами краски и одинъ кусокъ со слѣдами двухъ красныхъ концентрическихъ круговъ, между которыми видны были темныя пятна съ зеленоватымъ оттѣнкомъ: возможно, это остатки лавроваго вѣнка, внутри котораго была монограмма, повидимому, имени Иисуса Христа. Ширина круговъ 0,008 м. и ширина между кругами 0,012 м. Возможно предположить, что склепъ по своей потолочной росписи былъ подобенъ склепу № 2086.²⁾ Въ склепѣ былъ натекъ земли въ

¹⁾ Изв. Имп. Арх. Комм. вып. 25-й, стр. 168—169. Приложение II-е, Проектъ реставраціи фресокъ въ склепѣ № 2114-й.

²⁾ Изв. Имп. Арх. Комм. вып. 25-й, стр. 166—167. Приложение I-е. См. также Д. Н. Костюшко-Валюжиничъ, Древне-христіанскіе склепы

0,20 м. При разслѣдованіи никакихъ вещей найдено не было, а также не было плиты заклада. Склепъ, очевидно, былъ тщательно разграбленъ въ древности. Слѣдуетъ замѣтить, какъ особенность, что въ этомъ участкѣ находящемся вдали отъ города, встрѣтился склепъ съ росписью.

Склепъ этотъ по просьбѣ администраціи былъ засыпанъ. Невдалекѣ отъ склепа находится отдушникъ (фонарь) изъ находящагося тутъ погребя.

№ 2 (2446), склепъ тоже трапецевидный въ планѣ, грубой и небрежной работы, размѣрами: 2,21 м. дл., 2,70—2,39 м. шир. и 1,68 м. у передней и 1,70 м. выс. у задней стѣны, съ одной нишей въ лѣвой стѣнѣ у самага пола, дл. 2,13 м., шир. 0,71 м. и выс. 0,62 м.: вся средняя часть потолка обрушилась, заваливъ собою всю средину склепа, который пришлось съ большимъ трудомъ очистить отъ обломковъ потолка и осколковъ скалы. На полу ниши въ небольшомъ слое земли, покрывавшей подошву, толщиной въ 0,05 м., между разбросанными костями была найдена бронзовая Херсонесская монета,¹⁾ плохой сохранности. При дальнѣйшихъ разслѣдованіяхъ земли, покрывавшей полъ, были замѣчены кости отъ нѣсколькихъ остововъ. При просѣиваніи земли изъ предметовъ ничего найдено не было. Потолокъ слабо обработанный, волнообразной поверхности. Передняя стѣна слегка дугообразна наружу. Внутри склепа, передъ входнымъ отверстіемъ вырублена ступенька. Входъ ориентированъ на WNW. Входное отверстіе размѣрами: 0,57×0,66 м. Ходъ прямоугольный въ планѣ, грубой работы, размѣрами: 1,24 м. дл. и 0,88 м. шир.; глубину точно опредѣлить нельзя ввиду его разрушенія; съ одной ступенькой. Явленіе въ стѣнѣ одной ниши показываетъ на неоконченность склепа, потому что ниши добавлялись по мѣрѣ надобности. Что же касается до того, что въ склепѣ не найдено никакихъ вещей,—это указываетъ на то, что склепъ былъ разграбленъ въ древности.

№ 3 (2446)—гробница, вырубленная въ скалѣ, прямоугольная въ планѣ, грубой работы, 1,82 м. дл., 0,53 м. шир. и 0,62 м. глуб., ориентирована на NNO. Гробница была заполнена землей и мелкимъ камнемъ. При разслѣдованіи находокъ и костей не оказалось.

№ 4 (2448). Гробница тоже вырубленная въ скалѣ, на глубинѣ 0,10 м., трапецевидная въ планѣ, грубой работы 1,91 м.

со декоративною фресковою росписью, открытая въ Херсонесѣ. Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм. № 45, стр. 53-я.

¹⁾ Бурачковъ, табл. XVI № 96.

дл., 0,62—0,48 м. шир. и 0,88 м. глуб. Ориентирована на NNO. Покрывающих плитъ не было. Гробница была заполнена землей и камнемъ. На днѣ гробницы кости найдены въ беспорядкѣ: при просѣиваніи земли найдены: бронзовая Херсонесская монета плохой сохранности¹⁾, проволочное бронзовое колечко, бронзовый перстень, съ плоскимъ квадратнымъ щиткомъ безъ изображенія, разломанная на нѣсколько частей бронзовая трубочка, съ боковъ съ колечками (талисманъ), блюдо съ высокой ножкой, разбитое, изъ блѣдно-желтой глины. Гробница, очевидно, была разграблена въ древности.

№ 5 (2449). Тоже, вырублена въ скалѣ, на глубинѣ 0,20 м., прямоугольная въ планѣ, удовлетворительной работы, 2 м. дл., 0,57 м. шир. и 0,71 м. глуб. Ориентирована на NNO. Безъ покрытія. Гробница была заполнена землею. на днѣ лежали въ беспорядкѣ кости отъ одного костяка. При разслѣдованіи найдены: большая бронзовая Херсонесская монета, плохой сохранности²⁾ и кувшинчикъ глиняный одноручный, обычнаго типа, разбитый. Приходится сожалѣть что эта гробница не дошла до насъ въ нетронутомъ видѣ.

№ 6 (2450). Гробница тоже вырублена въ скалѣ, на глубинѣ 0,30 м., трапецевидная въ планѣ, грубой работы, 2,13 м. дл., 0,62—0,53 м. шир. и 1,28 м. глуб. Покрыта тремя плитами плитняка, грубо обработанными по кромкамъ, по швамъ замаслированными глиной. Размѣры плитъ: дл. 0,80 м., 0,63 м., 0,88 м., шир. 0,70—0,71 м. и толщ. 0,13—0,10 м. Гробница была заполнена натекомъ земли, поверхность которой доходила до самыхъ плитъ, гдѣ она была покрыта волокнистыми корнями. Ориентирована на NO. Гробница заключала въ себѣ три повторныхъ погребенія, изъ коихъ на днѣ гробницы лежалъ женскій костякъ, плохой сохранности, съ руками, протянутыми вдоль туловища, головой обращенный на SW; въ зубахъ была бронзовая монета, сильно окислившаяся, зубы и частью челюсти, Херсонесская, плохой сохранности³⁾; у локтя правой руки лежалъ на боку сосудикъ—лекиѣъ, краснолаковый, античной формы, цилиндрической съ короткимъ горлышкомъ, съ ручкой сверху и пяткой снизу; на шеѣ до 20 шт. янтарныхъ бусъ цилиндрической формы, сдѣланныхъ рубчниками, очень плохой сохранности; при прикосновеніи онѣ разсыпались: у висковъ бронзовые серьги, сильно окислившіяся, въ видѣ колецъ, при очисткѣ

¹⁾ Бурачковъ, т. XVI № 105.

²⁾ Бурачковъ, т. XVI № 108.

³⁾ Бурачковъ, т. XVI № 106.

также распавшіяся; на безымянномъ пальцѣ — бронзовый перстень съ круглымъ гладкимъ щиткомъ, при очисткѣ рассыпался. Далѣе, на слоѣ земли толщ. въ 0,20 м., лежалъ второй костьякъ женскій, средней сохранности, руки протянуты по тазу, голова обращена на SW; во рту бронзовая Херсонесская монета очень плохой сохранности, но при очисткѣ опредѣлилась¹⁾; у висковъ найдены бронзовые проволочныя серьги, но опредѣлить ихъ форму совершенно не удалось; у шеи найдено 40 шт. бусъ изъ синяго стекла въ видѣ 20-тигранника; у ногъ найдена красноглиняная нелаковая одноручная чашечка, обычнаго типа, встрѣчающаяся въ Херсонесскихъ некрополяхъ. Поверхъ второго костьяка, на слоѣ земли, толщиной 0,20 м., лежалъ третій — мужской костьякъ, средней сохранности, съ руками вдоль туловища, головой обращенной на NO. Какихъ либо предметовъ при костьякѣ не найдено. Интересно то, что этотъ склепъ дошелъ до насъ въ нетронutomъ видѣ, что даетъ возможность опредѣлить характеръ погребенія въ этой мѣстности.

№ 7 (2451). Гробница тоже вырублена въ скалѣ, на глубинѣ 0,30 м., трапецевидная въ планѣ, грубой работы, 2,71 м. дл., 0,80—0,75 м. шир. и 1,95 м. глубины. Ориентирована на N. Безъ покрытія плитъ; была совершенно завалена землей и щебнемъ; заключала въ себѣ кости отъ многихъ остововъ; очевидно, гробница подверглась разграбленію. При просѣиваніи земли на грохотѣ были найдены слѣдующія вещи: 2 бронзовыхъ Херсонесскихъ монеты²⁾, одна хорошей сохранности: бронзовые: фибула проволочная малая, разломанная, 2 серьги въ видѣ колецъ изъ витой проволоки съ подвѣшенными колокольчиками, разломанныя: зеркальце круглое — 0,04 м. діам. и кольцо массивное неизвѣстнаго назначенія; трубочка серебряная 0,015 м. дл., съ однимъ ушкомъ, съ запаянными концами, для храненія заклинаній, подвѣска изъ яйцевиднаго янтаря въ оправѣ изъ серебряной проволоки, съ широкимъ ушкомъ сверху, подвѣска изъ зеленой пасты въ видѣ кисти винограда; 27 пронизей: 1 сердоликовая малая круглая, 6 сердоликовыхъ въ видѣ малыхъ 14-тигранниковъ, очень хорошей работы, 2 той же формы, но изъ синяго стекла, 3 янтарныхъ въ видѣ малыхъ кружковъ, 2 изъ зеленой пасты въ видѣ 6-гранныхъ трубочекъ, 8 изъ синяго стекла плоскихъ овальныхъ, малыхъ, 1 изъ черной пасты, круглая, рубчатая, средней величины, — 2 тоже, но гладкія, и 2 изъ яркокрасной пасты, въ видѣ гладкихъ трубочекъ 0,02 м.

¹⁾ Бурачковъ, т. XVI № 110.

²⁾ Бурачковъ, т. XVI №№ 105, (см. № 2448) и 114, хор. сохр.

длины и 0,011 м. пар. діам. Повидимому, это тотъ же матеріалъ, изъ котораго приготовлялась стѣнная мозаика.

№ 8 (2452). Гробница вырублена въ скалѣ, на глубинѣ 0,25 м., трапецевидная въ планѣ, грубой работы, дл. 2,22 м., шир. 0,68—0,62 м. и глуб. 1,02 м. Оріентирована на NN0. Безъ покрытія. До самаго верха была засыпана землей и щебнемъ. Изъ предметовъ ничего не найдено, очевидно гробница подверглась разграбленію.

№ 9 (2453). Гробница вырублена въ скалѣ, на глубинѣ 0,05 м. Трапецевидная въ планѣ, грубой работы, дл. 1,95 м., шир. 0,62—0,71 м. и глуб. 0,97 м. Оріентирована на NN0. Безъ покрытія плитъ. Забросана землей и крупнымъ камнемъ, безъ слѣдовъ погребенія.

№ 10 (2454). Гробница на поверхности скалы. Трапецевидная въ планѣ, грубой работы, дл. 2,13 м., шир. 0,57—0,62 м. и глуб. 0,80 м. Оріентирована на N. Заполнена была осколками камня и землей. Боковыя продольныя стѣны разрушены отъ ломки камня при постройкѣ стараго карантина. Признаковъ погребенія не обнаружено.

№ 11 (2455). Гробница вырублена въ скалѣ, на глубинѣ 0,30 м. Трапецевидная въ планѣ, грубой работы, дл. 2,04 м., шир. 0,75—0,71 м. и глуб. 0,62 м. Оріентирована на NN0. Боковыя стѣны разрушены ломкой камня. Гробница была засыпана осколками камня и землей. Предметовъ древности найдено не было.

№ 12 (2456). Гробница дѣтская, вырубленная въ скалѣ, трапецевидная въ планѣ, грубой работы, дл. 1,33 м., шир. 0,48—0,40 м. Оріентирована на NN0. Заполнена землей и камнями. Признаковъ погребенія не найдено.

№ 13 (2457). На глубинѣ 0,20, гробница вырѣзана въ глинистомъ грунтѣ, покрывавшемъ скалу; дл. 2,14 м. шир., 0,66 м. и глуб. 0,48 м. На днѣ гробницы лежалъ костякъ, но первоначальнаго положенія его опредѣлить нельзя было, потому что онъ былъ потревоженъ нижними чинами, выбиравшими землю; одно можно опредѣлить, что онъ мужской и, сравнительно, молодого человѣка. При просѣиваніи земли были найдены слѣдующія вещи: желѣзное прямоугольное кольцо пояса, бронзовая простѣйшая пряжка съ язычкомъ и бронзовый перстень съ зеленымъ стекломъ на щиткѣ. Нахождение такихъ перстней въ гробницѣ Херсонесскаго некрополя обычно для римской поры.

Первый участокъ занималъ площадь скалы въ 65,34 кв. саж., на которомъ было открыто 13 погребеній: изъ нихъ: 2 се-

мейныхъ склепа изъ которыхъ I-й съ двумя нишами—лежанками и 4-мя маленькими арковидными нишами, II-ой—съ одной нишей; 11 гробницъ вырубленныхъ въ скалѣ, изъ коихъ одна въ земляномъ грунтѣ и 1 дѣтская.

Второй и третій участки находятся въ треугольникѣ между шоссе, идущемъ къ офицерскимъ флигелямъ, карантинной стѣной, тропинкой, идущей къ морю, по которой ходятъ купаться нижніе чины севастопольской крѣпостной минной роты, и между двумя старыми батарейками.

Второй участокъ некрополя. № 14 (2458). Гробница, вырубленная въ скалѣ, трапецевидная въ планѣ, удовлетворительной работы, дл. 2,02 м., шир. 0,66—0,58 м. и глуб. 0,55 м. Ориентирована на WNW. На стѣнахъ видны штриховидныя полосы отъ острія кирки; продольныя стѣны разрушены ломкой камня; гробницу заполняла земля и обломки камня. Костей и какихъ либо предметовъ не найдено.

№ 15 (2459).—Такая же гробница, дл. 1,97 м., шир. 0,62—0,55 м. и глуб. 0,48 м. Ориентирована на WNW. Гробница одновременно по техническому приему вырубки съ предыдущей. Южная продольная стѣна разрушена ломкой камня. Слѣдовъ погребенія не найдено.

№ 16 (2460).—Дѣтская гробница, вырублена въ скалѣ, трапецевидная въ планѣ, удовлетворительной работы, дл. 1,69 м., шир. 0,64—0,58 м. и глуб. 0,53 м. Ориентирована на WNW. Продольныя стѣны частью разрушены; по технической обработкѣ одновременно съ двумя предыдущими. Забросана землей; незначительное количество костей; предметовъ древности не найдено.

№ 17. (2461). Гробница вырублена въ скалѣ, грубой работы, трапецевидная въ планѣ, дл. 2,00 м., шир. 0,55—0,62—0,57 м. и глуб. 0,49. Ориентирована на W. Продольныя стѣны слабо дугообразны наружу и въ поперечномъ сѣченіи тоже дугообразны, дно плоское. Сплошь была завалена щебнемъ и землей, перемѣшанными съ сильно истлѣвшими костями; вещей не найдено.

№ 18 (2462).—Тоже параллелограммовидная въ планѣ и такой же работы, дл. 2,27 м.; шир. 0,97—0,90 м. и глуб. 0,54 м. Поперечныя стѣны частью разрушены; забросана землей и щебнемъ; признаковъ погребенія не обнаружено.

Второй участокъ некрополя занимаетъ площадь скалы въ 15,01 кв. саж., на которомъ было открыто пять гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, изъ которыхъ 1 дѣтская.

Третій участокъ некрополя. № 19 (2463). Гробница на глубинѣ 0,10 м., вырублена въ скалѣ, трапецевидная въ планѣ, удовлетворительной работы, дл. 1,68 м., шир., 0,50—0,53—0,47 м. и глуб. 0,37 м. Ориентирована на NNW. NNW-ая сторона округленная, SSO-ая—прямая; продольныя стѣны слабо дугообразны наружу, безъ слѣдовъ покрытія плитами; вся сплошь была заполнена землей и щебнемъ; на днѣ гробницы найдено незначительное количество сильно истлѣвшихъ костей въ беспорядкѣ; при просѣиваніи земли какихъ либо вещей не найдено: очевидно, гробница подверглась разграбленію.

№ 20 (2464). —Такая же, дл. 1,82 м., шир. 0,49—0,53—0,45 м. и глуб. 0,40 м. Ориентирована на NNW. Восточная сторона дугообразна наружу, остальныя ровныя. Въ продольныхъ стѣнахъ имѣеть разрушеніе скалы. Завалена была незначительнымъ количествомъ земли и щебнемъ; безъ признаковъ погребенія, а равно и вещей.

№ 21 (2465). Гробница вырублена въ скалѣ, прямоугольная въ планѣ, удовлетворительной работы, дл. 1,91 м., шир. 0,59—0,66—0,58 м. и глуб. 0,48 м. Ориентирована на NNW. Западная продольная стѣна дугообразна наружу. Въ продольныхъ стѣнахъ видны разрушенія скалы. Гробница была заброшена землей и костями. Предметовъ древности, при всей тщательности осмотра, не найдено.

Третій участокъ некрополя занимаетъ площадь скалы въ 27,12 кв. саж., и на немъ было открыто 3 гробницы, вырубленныхъ въ скалѣ.

Общая площадь скалы, занимаемая некрополемъ, составляетъ 107,58 кв. саж., на которой открыто 21 погребеніе. Способовъ погребеній 3: I-й въ семейныхъ склепахъ, II-й въ высѣченныхъ въ скалѣ гробницахъ и III-й вырѣзанный въ грунтѣ. Описываемыя погребенія могутъ датироваться II—IV вѣкомъ по Р. Хр. Нахожденіе некрополя въ этой части указываетъ на то, что въ древности здѣсь было поселеніе, и навѣрное, при дальнѣйшемъ разслѣдованіи, можно было бы натолкнуться на слѣды фундаментовъ отъ зданій, а эта раскопка имѣеть видъ случайной развѣдки. Близость къ Херсонесу позволяетъ предполагать, что это поселеніе было сельское, но тѣсно связанное съ Херсонесомъ.

М. Скубетовъ.

Петръ Степановичъ Котляревскій.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Кромѣ Кушниковыхъ, Гаевскихъ, Казначеевыхъ, Макаровыхъ, Афанасьевыхъ и др., составлявшихъ кружокъ нашихъ знакомыхъ, помнится мнѣ, въ мои юные годы, чрезвычайно симпатичная семья друга моего дѣда генерала Захарія Ивановича Бекарюкова, сослуживца его по Кавказу генерала отъ инфантеріи Петра Степановича Котляревскаго, знаменитаго героя покоренія Кавказа.

Стройный, высокаго роста старикъ, несшій на себѣ болѣе 40 ранъ; большой, умный лобъ, съ зачесанными впередъ на вискахъ, полусѣдыми волосами и закругленными узкой тесьмой баками, идущими отъ ушей до бритой верхней губы; свернутая на бокъ нижняя челюсть рта, опущенная нижняя вѣка лѣваго глаза, съ полузакрытою отъ этого верхнею вѣкою этого глаза, и глубокимъ, говорящимъ, здоровымъ другимъ глазомъ, выражавшимъ и сдерживаемая страданія разбитаго черепа и чудную доброту души, —такова была наружность Котляревскаго. Иногда, при разговорахъ о войнѣ и воспоминаніяхъ пережитаго, глаза эти разгарались могучею силою всесокрушающей энергіи бывшихъ боевыхъ подвиговъ полководца, —и тогда лицо его преображалось, и передъ нимъ, вѣроятно, мелькалъ его Грузинскій полкъ, въ составѣ 2 тыс. пѣхоты, съ 500 чел. конницы при 6 орудіяхъ, орлинымъ полетомъ налетавшій, во главѣ съ нимъ, на персидскія войска численностью въ 30,000 чел. и разбившій ихъ въ дребезги. Быть можетъ, носились тогда передъ нимъ, картины боевъ при Асландузѣ, Ганжѣ, Ленкорани и др., которыми онъ навелъ на персовъ панической страхъ, заставивъ Персію отказаться отъ своихъ вождельній — использовать вступленіе Наполеона въ Москву, чтобы тыловымъ натискомъ завоевать у Россіи Кавказъ. Но воспоминанія эти составляли исключительные случаи. Петръ Степановичъ не любилъ говорить объ этомъ и всегда почти отклонялъ такіе разговоры.

Смѣлый, безстрашный въ сраженіяхъ, онъ отличался въ частной и общественной жизни почти дѣвственною скромностью. Эта скромность доходила до того, что онъ, имѣвшій рѣдкую, въ царствованіе императора Николая I, награду—Георгія II-й степени за храбрость, не надѣвалъ этого ордена, ни другихъ, когда бывалъ въ военномъ сюртукѣ, чтобы, какъ объяснялъ онъ племянницамъ, не отличаться рѣзко отъ своихъ гостей. И только одинъ разъ, помню, онъ въ полной формѣ, при этомъ орденѣ со звѣздой, встрѣчалъ заѣзжавшихъ въ Θεодосію представиться ему, по повелѣнію императора, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Эта скромность еще рѣзче проявлялась въ присутствіи жившаго у него послѣдніе 3 года стараго друга молодыхъ лѣтъ, генерала въ отставкѣ Петра Антоновича Ладинскаго, всегда одѣтаго въ отставной военный сюртукъ съ Георгіемъ въ петлицѣ, но, увы, съ надписью за 25 лѣтъ. Такъ тогда давался этотъ орденъ храбрецовъ.

Говорилъ Петръ Степановичъ вообще мало и глухимъ голосомъ, что, вѣроятно, зависѣло отъ полученныхъ ранъ, но мысли его излагались имъ ясно, отчетливо, хотя и лаконически. Когда же возбуждалась его энергія, то голосъ его звучалъ силою непреклонной воли. При этомъ выдѣлялось рѣдкое качество, принадлежащее выдающимся натурамъ: онъ никогда ни о комъ не отзывался дурно, и при немъ вообще сдерживались вести разговоры въ этомъ направленіи, потому что всегда встрѣчали взглядъ сожалѣнія и, пожалуй, даже упрека.

Военныя событія, эпизоды, рассказы о военныхъ дѣлахъ вообще очень интересовали его, и Петръ Степановичъ внимательно слѣдилъ за ними. Особенно пріятнымъ собесѣдникомъ его былъ покойный отецъ мой полковникъ генеральнаго штаба Николай Васильевичъ Хрущовъ, имѣвшій тоже золотую шагу за храбрость, участвовавшій въ 24 сраженіяхъ въ двухъ войнахъ и награжденный императоромъ Николаемъ I-ымъ одновременно двумя чинами за ночную переправу верхомъ съ двумя казаками черезъ Вислу и снятіе кроки расположенія неприятеля, при чемъ 2 казака были убиты, а отецъ отдѣлался контузіей щеки и незначительнымъ искривленіемъ носа, но такъ, что смотря на него въ зеркало, получалось изображеніе совсѣмъ другого лица.

Тѣмъ не менѣе, разговоры о войнѣ не могли не отражаться страданіями и душевной вспышкой у знаменитаго полководца, чувствовавшего въ себѣ способность стать во главѣ войскъ съ увѣренностью въ побѣдѣ и славѣ горячо любимой

родины, и, въ то же время, находившагося въ тискахъ разрушающагося тѣла, непреодолимою слабостью уничтожавшаго силу его генія полководца.

Въ такомъ положеніи пришлось Петру Степановичу пережить „въ безсрочномъ отпуску“ войны 1828, 1830 и 1848 г.г., имѣя въ добавокъ высокое благоволеніе императора Николая I-го, собственноручнымъ рескриптомъ предлагавшаго ему главнокомандованіе арміями. Но 40 осколковъ костей, вынутыхъ передъ тѣмъ изъ разбитаго черепа, заставили Петра Степановича съ глубокою горечью отказаться отъ того, что такъ соотвѣтствовало его генію.

Многочисленныя раны Петра Степановича, часто вскрывшіяся, требовали постоянного лѣченія, но какъ Петръ Степановичъ, такъ и мой дѣдъ З. И. Бекарюковъ были убѣжденные гомеопаты и лѣчились сами, при чемъ, силою ли воли или внушенія, это лѣченіе крупинками имъ всегда помогало, особенно же хорошо заживлялись раны Петра Степановича арникой. Врачи отстранялись, и про аллопатию Петръ Степановичъ говорилъ, что она чуть не свела его въ могилу. Тѣмъ не менѣе, военному полковому врачу, оказавшему ему первую помощь, Петръ Степановичъ назначилъ пожизненную пенсію, которую аккуратно выплачивалъ изъ своей пенсіи.

Доброта Петра Степановича вполнѣ соотвѣтствовала силѣ его военнаго генія. Никто не получалъ отъ него отказа въ помощи. Всѣ матеріальныя улучшенія его жизни радовали его расширеніемъ возможности помогать неимущимъ. Безкорыстіе его не имѣло предѣловъ. Когда оставлялъ онъ Кавказъ, израненный, полуживой, ему было подарено 20 тысячъ червонцевъ, и Петръ Степановичъ, прощаясь со своимъ Грузинскимъ полкомъ, цѣликомъ передалъ эту сумму полку.

Въ концѣ, кажется, 20-хъ годовъ дѣдъ мой генераль З. И. Бекарюковъ уговорилъ гостившаго у него въ Насыпоѣ Петра Степановича переѣхать для поправленія здоровья въ Крымъ изъ своего имѣнія с. Александрова, Бахмутскаго уѣзда, въ которомъ Петръ Степановичъ потерялъ жену, ребенка и престарѣлаго отца. Получивъ согласіе, Захарій Ивановичъ приобрѣлъ для него у бывшаго ѳеодосійскаго градоначальника Броневскаго дачу съ садомъ вблизи ѳеодосіи. Дѣйствительно, прекрасный климатъ, чудный видъ съ дачи его на 30-ти верстный заливъ, окаймленный съ 3-хъ сторонъ горами съ оригинальной формы мыскомъ, впадающимъ въ море. постоянно мѣняющее свой колоритъ прозрачными, восхитительными, раз-

нообразными окрасками, создавшее знаменитыхъ маринистовъ И. К. Айвазовскаго, Л. Ф. Лагорио и Р. Г. Судковскаго, не могли не отразиться успокаивающею ласкою на жестоко измученныхъ нервахъ Петра Степановича. Онъ почувствовалъ быстро возрастающія силы, полюбилъ Θεодосію съ ея заливомъ, въ тѣ времена часто и гостепріимно принимавшимъ парусный черноморскій величественный флотъ, свободно лавировавшій въ свободномъ заливѣ, и, въ ознаменованіе своей благодарности, назвалъ дачу свою „Добрымъ Пріютомъ“. Впослѣдствіи, покойный дѣдъ мой приобрѣлъ для Петра Степановича имѣніе „Парпачи“, вблизи принадлежавшаго ему Каясане, и Петръ Степановичъ разводилъ тамъ мериносовъ, отъ нѣсколькихъ штукъ, подаренныхъ ему знаменитымъ Румянцевымъ.

Небольшой домъ на дачѣ Броневскаго не удовлетворилъ Петра Степановича,---и онъ построилъ новый, съ шатровой крышей, наминавшей прежнія военныя палатки. Верхній этажъ былъ обрамленъ, со всѣхъ 4-хъ сторонъ, балкономъ, который служилъ мѣстомъ ежедневной прогулки Петра Степановича, даже зимой. По внѣвѣтренной сторонѣ его съ балкона вела широкая лѣстница ко въѣзду, передъ которой былъ устроенъ большой, продолговатый бассейнъ съ хорошей водою. Расположеніе комнатъ и обстановка характеризовали хозяина.

Верхній этажъ былъ раздѣленъ стѣною на 2 части, изъ которыхъ двѣ трети занималъ залъ и одна треть составляла 4 комнаты: кабинетъ и спальню Петра Степановича со скромной обстановкою, затѣмъ гардеробную и уборную, комнату деньщика Филиппа и переднюю съ лѣстницею внизъ и выходомъ въ стѣнцы съ черною лѣстницею. Залъ, съ окнами съ 3-хъ сторонъ и дверью на балконъ, былъ украшенъ превосходной работы портретами и картинами изъ военной жизни. Вдоль стѣны, шедшей отъ двери кабинета Петра Степановича, во всю длину помѣщался турецкій диванъ, обитый шелковою, золотистою, мягкою матеріею. Надъ серединою дивана, передъ которымъ стоялъ столъ, окруженный креслами, и гдѣ обыкновенно сидѣлъ Петръ Степановичъ, висѣли на стѣнѣ портреты Императора Николая I-го и Александры Θεодоровны, а ниже портретъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича въ формѣ его Атаманскаго полка. Противуположная стѣна украшалась портретами Александра I-го и Екатерины Великой; на боковыхъ стѣнахъ висѣли портреты Петра Великаго, Суворова, Румянцева и нѣсколько рѣдкихъ гравюръ Полтавской битвы, вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ и др. Зеркала отсутствовали. Подъ портретомъ Александра I-го.

впослѣдствіи, когда пріѣхали окончившія полтавскій институтъ юныя племянницы Петра Степановича: Марѳа Ивановна и Марія Ивановна Котляревскія, высокія, стройныя красавицы, — появилось фортепiano; Петръ Степановичъ съ гостями съ удовольствіемъ слушалъ пѣніе племянницъ, обладавшихъ прекрасными голосами. Нижній этажъ, комфортабельно обставленный, занимали три его племянницы: Эвелина Петровна, Марья и Марѳа Ивановны Котляревскія и разбитый параличемъ 14—16 лѣтній Саша Шультенъ, сынъ его родной племянницы, бывшей замужемъ за сподвижникомъ Петра Степановича на Кавказѣ и близкимъ другомъ его, послѣ своей смерти оставившимъ 2-хъ сиротъ, къ которымъ доброта и ласка Петра Степановича не имѣли предѣловъ. Старшій Шультенъ, кажется, Сережа, числился личнымъ его адъютантомъ, но постоянно проживалъ на Кавказѣ, Саша же постоянно находился при немъ. Петръ Степановичъ возилъ его лѣчиться грязями Сакъ и въ другія лечебныя мѣста, но ничто не помогло. Любовь несчастнаго мальчика къ дѣду была какая-то особенная. Онъ могъ произносить только нѣсколько словъ и главное „дѣдъ“. Сидѣлъ онъ очень часто около стола дѣда на высокомъ креслѣ и по часамъ молчаливо не спускалъ съ него глазъ; въ отсутствіе Петра Степановича часто раздражался и даже плакалъ.

Хозяйствомъ Петра Степановича занималась его старшая по лѣтамъ племянница, Эвелина Петровна, и вела его замѣчательно искусно. Порядокъ былъ во всемъ образцовый, чему способствовалъ и знаменитый деньщикъ Петра Степановича, Филиппъ. Одѣтъ бывалъ Петръ Степановичъ, когда не было гостей, въ двухбортномъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ сѣраго сукна, изъ того сукна, которое употреблялось тогда на военныя офицерскія, Николаевскія, шинели. Въ сюртуки изъ такого же сукна и токо же покроя были одѣты и Саша Шультенъ и деньщикъ Филиппъ, тоже бритый и съ такими же баками, какъ у Петра Степановича.

Петръ Степановичъ любилъ общество, былъ очень гостепріименъ, въ особенности послѣ пріѣзда милыхъ институтокъ своихъ, часто собиралъ общество, любилъ давать обѣды въ дни своихъ и племянницъ именинъ. Собирались къ нему чуть не на цѣлый день. Гуляли въ прекрасно содержимомъ саду, съ гротомъ, фонтаномъ, качелями и др. забавами. Въ эти дни онъ бывалъ одѣтъ въ генеральскій сюртукъ, но только съ контр-эполетами и безъ орденовъ. Чтобы доставить удовольствіе молодымъ племянницамъ, онъ не жалѣлъ средствъ. Такъ

молодой художникъ Айвазовскій, пріобрѣтшій извѣстность и значительныя средства, устроилъ у себя въ мастерской, помѣщавшейся тогда въ двухэтажномъ домѣ Аморети около горсада костюмированный балъ, для котораго самъ рисовалъ многимъ дамамъ характерныя костюмы. Балъ былъ, дѣйствительно, удачный, и Петръ Степановичъ выразилъ желаніе повторенія бала у него въ домѣ, что и было исполнено, при чемъ и мысль братомъ, по желанію Петра Степановича, были у него. Онъ очень любилъ дѣтей, можетъ быть, вспоминая, что и у него былъ ребенокъ отъ жены, рожденной Енохиной, умершей отъ родовъ.

Обыкновенно въ тѣ дни, когда были гости, Петръ Степановичъ вечеромъ игралъ въ преферансъ, но въ 10 часовъ неизмѣнно прощался со всѣми и ложился спать. Гости же переходили въ нижній этажъ, гдѣ весело проводили время у гостепріимныхъ племянницъ и не отпускались ранѣе ужина, сервированнаго въ 12 часовъ. Въ верхнемъ этажѣ курить не дозволялось, такъ какъ гомеопатія куреніе запрещаетъ.

Петръ Степановичъ никогда не пропускалъ случая быть полезнымъ другимъ. Часто Петръ Степановичъ обращался къ своему сослуживцу по Кавказу графу Воронцову, съ которымъ онъ сохранилъ искреннюю дружбу до конца жизни, съ разными ходатайствами за другихъ, которыми способствовалъ возстановленію нарушенной справедливости. Такъ товарищъ его молодыхъ лѣтъ П. А. Ладинскій, состоявшій уже въ чинѣ генерала, завѣдывавшій гражданской частью при М. С. Воронцовѣ, впалъ за что-то въ немилость его и былъ уволенъ безъ пенсіи. Петръ Степановичъ принялъ близко къ сердцу положеніе Ладинскаго и выхлопоталъ у Воронцова для него значительную пенсію. Бывшій сослуживецъ Петра Степановича Кушниковъ, миллионеръ, воспитывавшій сына своего въ Парижѣ, разсердился за сдѣланные имъ тамъ большіе долги и неповиновеніе волѣ отца и пожаловался на него императору Николаю I-му, вслѣдствіе чего онъ былъ зачисленъ государемъ въ рядовые. Отецъ горько раскаивался въ своей вспыльчивости, и тутъ Петръ Степановичъ черезъ Воронцова исходатайствовалъ его сыну офицерскій чинъ, который далъ ему возможность выйти въ отставку и сдѣлаться потомъ попечителемъ своего Кушниковскаго института благородныхъ дѣвицъ. Бывшій адъютантъ Суворова во время его похода въ Италію и перехода черезъ С. Готардъ — Анастасьевъ, доживавшій свой вѣкъ съ семействомъ въ Θεодосіи, получая, по старинному, невозможно маленькую пенсію, обратилъ на свое положеніе вниманіе Петра Степановича, который не замедлилъ

исходатайствовать ему увеличенную пенсію и въ этомъ случаѣ былъ такъ настойчивъ, что чуть не поссорился съ М. С. Воронцовымъ. Когда три письма его къ Воронцову, затруднявшемуся хлопотать оффиціально за давно вышедшаго въ отставку ветерана и ожидавшему случая лично доложить о немъ государю, не имѣло успѣха, Петръ Степановичъ обратился съ просьбой къ наслѣднику цесаревичу, а тотъ немедленно доложилъ о ней государю, и монархъ щедро наградилъ заслуги стараго Суворовскаго ветерана. Само собою разумѣется, что неимущіе, обращавшіеся къ Петру Степановичу, никогда не получали отказовъ. Но это зналъ одинъ только онъ и преданный ему деньщикъ. Случалось, что послѣ полученія Петромъ Степановичемъ пенсіи и доходовъ съ имѣнія, Эвелина Петровна, при ходившая къ дядѣ за деньгами на хозяйственныя надобности, не могла ихъ получить за „*непредвидѣнными расходами*“. и деньги занимались.

Выѣзжалъ Петръ Степановичъ рѣдко, но лѣтомъ посѣщалъ знакомыхъ. Θεодосію онъ любилъ. Имѣя постоянныя сношенія съ кн. М. С. Воронцовымъ, тогда всесильнымъ намѣстникомъ края, Петръ Степановичъ вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ З. И. Бекарюковымъ долго отстаивалъ интересы Θεодосіи, противъ которой Воронцовъ былъ крайне возбужденъ, какъ говорили, за безтактность тамошнихъ караимовъ. Бывали случаи, когда онъ, заѣзжая къ Петру Степановичу на дачу и къ моему дѣду въ Насыпкой по старой дружбѣ, не останавливался въ Θεодосіи. Θεодосія начала тогда терять одно за другимъ учрежденія, давашія городу нѣкоторое привилегированное положеніе сравнительно съ неимѣвшими ихъ. Такъ было уничтожено градоначальство и переведено въ Керчь подъ предлогомъ охраны ключа отъ Азовскаго моря. Переведены туда же: управленіе карантиннаго округа, управленіе бригады пограничной стражи и даже разрѣшенный уже Воронцовымъ къ постройкѣ въ Θεодосіи Кушниковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, не смотря на пріобрѣтенное уже мѣсто противъ лѣтняго сада и матеріалъ. Θεодосія превратилась въ уѣздный городъ съ 8000 жителей. И только послѣ смерти М. С. Воронцова Θεодосія начала опять возрождаться, благодаря хорошему климату и выдающимся своимъ морскимъ купаньямъ, привлекавшимъ пріѣзжихъ.

Рельефно выдавалось въ характерѣ Петра Степановича чрезвычайно развитое у него чувство благодарности. Онъ видимо страдалъ, если не могъ отблагодарить сдѣлавшему ему какое—нибудь одолженіе. И это чувство, къ сожалѣнію, при-

несло ему горечь въ послѣднія минуты жизни. Забота о близкихъ поглощала его жизнь. Не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, онъ относился къ двоюроднымъ племянникамъ и племянницамъ съ нѣжною, отцовскою заботой. Такъ, жившая долго при немъ племянница, Эвелина Петровна, чудеснымъ мягкимъ характеромъ и предупредительною, деликатною заботливостью о дядѣ вызвала мысль у Петра Степановича вознаграждать ее оставленіемъ ей послѣ своей смерти значительной пенсіи. Для этого онъ просилъ государя разрѣшить ему жениться на двоюродной племянницѣ. Разрѣшеніе было получено, но въ то время, когда смерть уже начала протягивать свои жестокія когти къ тѣлу, которое не имѣло уже силъ встать съ одра. Онъ просилъ, требовалъ, чтобы его подняли, одѣли и везли въ церковь, — но близкіе боялись по дорогѣ потерять его. Между тѣмъ онъ метался, сильно страдалъ, упрекая себя въ черствой неблагодарности, и его едва успокоили предложеніемъ послать курьера и просить разрѣшенія государя вѣнчаться въ залѣ. И послѣднія его минуты были постоянными вопросами: получено ли разрѣшеніе? Наконецъ вечеромъ 21 октября 1851 года, почувствовавъ приближеніе смерти, эта сильная душа рѣшилась даже со смертью вступить въ борьбу. Петръ Степановичъ потребовалъ, чтобы его скорѣе, немедленно посадили въ кресло, что и было исполнено. Но никакая борьба гигантской силы духа не могли побороть непреоборимой смерти, и Петръ Степановичъ скончался. А черезъ день было получено разрѣшеніе вѣнчаться въ залѣ дома. Императоръ Николай I-й, тоже чловѣкъ съ великой душой, умѣвшій цѣнить заслуги своихъ подданныхъ, узнавъ о послѣднихъ минутахъ Петра Степановича, щедро вознаградилъ близкихъ умершаго героя, назначивъ полную пенсію Петра Степановича его невѣстѣ Эвелинѣ Петровнѣ, а также и другимъ племянницамъ.

Любовь къ военному дѣлу особенно рельефно выразилась въ духовномъ завѣщаніи Петра Степановича, въ которомъ онъ назначилъ пенсіи племянникамъ, по градаціи военныхъ ихъ заслугъ и полученныхъ ими ранъ въ сраженіяхъ. Куда дѣвалась шкатулка, ключъ отъ которой Петръ Степановичъ носилъ всегда при себѣ, содержащая 40 осколковъ, вынутыхъ изъ его праваго уха, и письмо государя, приглашавшаго его быть главнокомандующимъ, — не знаю

Похороны на назначенномъ ранѣ Петромъ Степановичемъ мѣстѣ своего покоя, вблизи дома, на указанной имъ площадкѣ, обсаженной имъ деревьями, кромѣ войскъ со знаменемъ, отда-

вавшимъ честь герою, были торжественно почтены прибывшимъ на рейдъ Θεодосіи всѣмъ Черноморскимъ флотомъ, съ спущеннымъ на каждомъ кораблѣ чернымъ флагомъ и искривленными реями. На могилѣ, кромѣ плиты, былъ поставленъ большой чугунный ажурный крестъ.

Несомнѣнно, что П. С. Котляревскій, сумѣвшій съ горстью войскъ обезпечить юго-восточный тылъ Россіи отъ вторженія Персіи въ тяжелое для Россіи время 1812 года, оказалъ значительную помощь и содѣйствіе изгнанію Наполеона, и ему принадлежитъ яркая страница въ безпристрастной исторіи этой войны. Заслуги эти, щедро вознагражденныя государемъ Николаемъ I, недавно удостоились высокой награды, увѣковѣченія его памяти—повелѣніемъ Грузинскій его полкъ именовать его именемъ. И до недавнихъ дней, на ежедневной перекличкѣ, фельдфебель 1-й роты 1-го баталіона вызывалъ: „Генераль отъ инфантеріи Петръ Степановичъ Котляревскій?“ и первофланговый рядовой отвѣчалъ: „Умеръ въ 1851 г. геройскою смертію отъ 40 ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи за Царя и Отечество!“ — Отважный, не знавшій предѣловъ храбрости, Петръ Степановичъ былъ несомнѣнно героемъ битвъ, но не менѣе надо было имѣть героизма и особенной силы души, чтобы израненнымъ, съ разбитымъ черепомъ, полуживымъ страдальцемъ, прожить 39 лѣтъ и не утратить способности воспринимать чужое горе и оказывать часто даже непосильную помощь. Но это былъ гигантъ высшихъ душевныхъ силъ. И могила его должна быть для Θεодосіи напоминаніемъ, что назначеніе жизни заключается не въ облюбованіи своего тѣла, а въ просвѣщеніи души, для развитія въ ней способности къ воспринятію лучшей, болѣе возвышенной жизни. И для этого такъ мало надо. Надо только воспитать въ себѣ способность, не смотря ни на какія страданія, любить людей такъ, какъ любилъ ихъ Петръ Степановичъ Котляревскій.

М. Хрущовъ.

Къ 40-лѣтію русско-турецкой войны 1877—78 г.

(По архивнымъ даннымъ и воспоминаніямъ очевидцевъ).

Въ нынѣшнемъ году исполнилась 40-лѣтняя юбилейная годовщина Русско-турецкой войны 1877—78 г.г. Хотя по большей части принято отмѣчать лишь 25-ти и 50-тилѣтнія годовщины, но при нынѣшнемъ настроеніи общественной жизни, когда всѣ цѣнности культуры безжалостно уничтожаются, и когда никто не можетъ поручиться даже за завтрашній день, опубликованіе всякихъ историческихъ матеріаловъ, слѣды коихъ могутъ затеряться или быть утрачены навсегда, должно, по нашему глубокому убѣжденію, происходить при всякомъ удобномъ случаѣ, дабы не рисковать ими при нынѣшней разрухѣ. Въ этихъ видахъ мы и позволяемъ себѣ изложить здѣсь обстоятельства появленія непріятельскихъ судовъ у береговъ Крыма въ упомянутые годы.

Въ кампанію 1877—78 г.г. турецкія суда появлялись у береговъ Тавриды нѣсколько разъ. Такъ, 12-го апрѣля 1877 г. въ нѣкоторыхъ городахъ полуострова (Феодосіи и др.) было отслужено молебствіе по случаю состоявшагося открытія военныхъ дѣйствій¹⁾, а 19-го апрѣля командовавшій Феодосійскимъ отрядомъ, командиръ 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи ген.-м. Высоцкій уже получилъ свѣдѣнія о появленіи непріятельскихъ судовъ²⁾. Находившійся въ сосѣдней Двужкорной бухтѣ, у дер. Султановка (12 верстъ отъ города), казачій разъѣздъ донесъ генералу о томъ, что въ бухтѣ становятся на якорь до 20-ти непріятельскихъ судовъ, съ виду военныхъ. Изъ-за дальности разстоянія разсмотрѣть суда основательно не удалось. Суда эти

¹⁾ Официальное объявленіе войны послѣдовало только 29 мая.

²⁾ Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ непріятельскаго флота въ Феодосійскомъ районѣ почерпнуты изъ архивныхъ дѣлъ 52-го пѣхотнаго Виленскаго полка, стоявшаго съ 1873 года въ Феодосіи.

были замѣчены около часу дня, а къ 7-ми часамъ вечера въ Двужорную прибыла командированная туда рота 52-го Виленскаго полка, коей было дано назначеніе—не допускать десантныхъ операцій или всячески ихъ задерживать. Однако, изъ-за поднявшагося сильнаго вѣтра и бури, непріятельскія суда вынуждены были вскорѣ уйти въ море, и больше въ бухту ужъ не возвращались. Несмотря на то, что турецкихъ судовъ въ томъ мѣсяцѣ больше уже не наблюдалось, жители Феодосіи стали массами покидать городъ, и существовало даже предположеніе перевести отсюда въ Кишлавъ уѣздное (впослѣдствіи—городское и начальное) училище и пр. Однако, педагогическій совѣтъ занятія, прерванныя 13—16 мая, возобновилъ, а проектъ эвакуаціи былъ отвергнутъ.

Слѣдующее появленіе непріятели относится уже къ серединѣ лѣта, когда два турецкихъ броненосца бомбардировали Евпаторію. Какъ видно изъ сообщенія Евпаторійскаго уѣзднаго воинскаго начальника майора Толпыго на имя губернскаго воинскаго начальника ген.-м. Горскаго отъ 26 іюня 1877 г.¹⁾, „командующій евпаторійскимъ отдѣломъ ген.-м. Дедюлинъ, отъ 19 сего мѣсяца за № 1800-мъ далъ знать, что начальникъ окружнаго штаба ген.-м. Крживоблоцкій телеграфируетъ ему, что „появившіеся въ виду Одессы десять турецкихъ броненосцевъ взяли оттуда направленіе на Крымъ“.—„Кромѣ этого“, сообщаетъ майоръ Толпыго, „я не получилъ ни отъ Его Превосходительства Командующаго войсками Евпаторійскаго отдѣла, ни отъ кого-либо другого оффиціального свѣдѣнія о появленіи турецкаго флота у побережья Чернаго моря Крымскаго полуострова. Сверхъ того мнѣ частно извѣстно, что Командующій войсками Евпаторійскаго отдѣла 19-го и 20-го сего мѣсяца получилъ телеграммы съ Тарханкутскаго маяка и донесенія отъ кавалерійскихъ разъѣздовъ о томъ, что видны въ морѣ турецкіе броненосцы, кои видны были даже недалеко отъ Евпаторійскаго маяка—верстахъ въ 10-ти или не болѣе 12-ти отъ Евпаторіи, такъ что въ Евпаторіи ожидалось нападеніе ихъ, чего однако-жъ не было, а равно не было нападенія и въ какой либо другой мѣстности въ районѣ, занимаемомъ войсками Евпаторійскаго отдѣла; съ 22-го числа броненосцы скрылись изъ виду и въ настоящее время объ нихъ не имѣется никакого свѣдѣнія“.

¹⁾ См. дѣло управленія „Таврич. губ. воин. нач. о нападеніяхъ непріятели на Крымъ“, № 114/13, на 60 листахъ, начато—27 іюня 1877 г., кончено—7-го февраля 1878 года.

Однако, какъ разъ на другой день, т. е. 27-го іюня, не-пріятельскія суда появились уже у самаго города Евпаторіи, и вечеромъ того же числа штабъ 10-го армейскаго корпуса запиской увѣдомилъ губернскаго воинскаго начальника о томъ, что „Евпаторію бомбардируютъ“, и что „телеграфное сообщеніе съ Евпаторіей временно прервано“. Объ этомъ тотчасъ же было дано знать по телеграфу въ Одессу—командующему войсками ген. Слезкину. Вслѣдъ затѣмъ штабъ 10-го корпуса (за выѣздомъ командира корпуса ген.-адъютанта кн. Воронцова изъ Симферополя, старшій адъютантъ штаба капитанъ генеральнаго штаба Мысловскій) увѣдомилъ губернскаго воинскаго начальника о томъ, что „генералъ Дедулинъ телеграфируетъ: войска вытягиваются; на позиціи противъ Евпаторійскаго рейда, верстахъ около пяти, показались 4-ре броненосца, которые въ одиннадцать часовъ тридцать минутъ сдѣлали три выстрѣла“.

Подробное донесеніе отъ Евпаторійскаго уѣзднаго воинскаго начальника, отправленное 28 іюня, было получено ген. Горскимъ лишь 30-го, что и вынудило губернскаго воинскаго начальника предписать сообщать о такихъ событіяхъ и по телеграфу и почтой. Въ донесеніи этомъ, препровожденномъ въ копіи начальнику мѣстныхъ войскъ Одесскаго военнаго округа, сообщались слѣдующія подробности бомбардировки:

„27-го іюня получены были донесенія съ постовъ карантиннаго мыса и Евпаторійскаго маяка о движеніи съ запада не-пріятельскихъ судовъ. Суда эти трехъ-мачтовые, изъ коихъ одинъ съ бѣлою трубою, и два меньшія двухъ-мачтовые, поровнявшись съ маякомъ, взяли направленіе на городъ, слѣдуя медленнымъ ходомъ на встрѣчу появившемуся съ юго-запада четвертому паровому судну, оказавшемуся легкимъ двухъ-мачтовымъ воинскимъ пароходомъ. Къ 11 часамъ всѣ четыре судна, имѣя Адмиральскій броненосецъ на лѣвомъ и пароходъ на правомъ флангѣ, выстроились противъ Евпаторійскаго рейда, сдѣлавъ четыре выстрѣла, вѣроятно, прицѣливаясь къ разстоянію.

Въ это время купеческая шхуна Св. Николай, стоявшая у Сакской пристани, гдѣ нагружалась солью, подняла паруса и пошла по направленію на Евпаторійскій рейдъ; тогда не-пріятельскій пароходъ и за нимъ четыре шлюпки, спущенныя съ броненосцевъ и прикрываемыя двумя меньшими броненосцами, быстро пошли на шхуну, которая, пустивъ паруса и бросивъ якорь, остановилась на высотѣ кордона въ 8-ми верстахъ отъ города. Шкиперъ съ тремя матросами высадился со шлюпки на берегъ косы, гдѣ и задержанъ стражниками означеннаго кордона и сданъ мѣстной полиціи. Не желая дать приза не-пріятелю, командующій войсками Евпаторійскаго отдѣла отправилъ къ мѣсту расположенія шхуны ближайшую артиллерійскую часть—одинъ взводъ 8-ой батареи 34-ой артиллерійской бригады и въ прикрытіе попавшійся

подъ руку бывшій въ развѣздѣ 1 взводъ 2-го эскадрона 10-го уланскаго Одесскаго полка, а за нимъ 4-й эскадронъ того же полка. Отправленный взводъ, быстро вынесшись по косѣ съ посаженною прислугою и снявшись съ передковъ на седьмой верстѣ косы, не смотря на огонь броненосцевъ и парохода, прикрывавшихъ шлюпки, открылъ стрѣльбу съ 3-хъ-верстной дистанціи по пароходу и шлюпкамъ, перестрѣливаясь съ пароходомъ и двумя броненосцами, отъ 12 часовъ 28 минутъ выпустивъ 28 гранатъ; подъ конецъ этой перестрѣлки посланъ былъ еще одинъ взводъ той же батареи, который выпустилъ 8 гранатъ.

Изъ нашихъ выстрѣловъ шесть снарядовъ, какъ ясно видно было, разорвались надъ палубами пароходовъ, по какой причинѣ вредъ нельзя было опредѣлить, неприятельскіе же снаряды не долетали или перелетали части войскъ.

Большой броненосецъ, оставаясь противъ карантина, стрѣлялъ по войскамъ, расположеннымъ на позиціи, а также и по городу, куда попало нѣсколько не разорвавшихся снарядовъ, и только два снаряда легли за городъ, прочіе ложились на набережной.

Мѣстная команда по тревогѣ заняла опредѣленные заранее мѣста и патрулировала по городу, находясь все время подъ неприятельскимъ огнемъ. Въ 2 часа дня турецкій пароходъ успѣлъ взять купеческую шхуну Св. Николай на буксиръ и сталъ отходить, а затѣмъ и остальные броненосцы отошли въ 2 часа 25 минутъ, пославъ какъ бы прощальные выстрѣлы по войскамъ и городу залпами, сойдясь ближе между собою, простояли нѣкоторое время въ виду города, а затѣмъ медленно пошли къ Севастополю, придерживаясь берега, въ 6 часовъ перемѣнили курсъ и пошли на сѣверо-западъ, въ каковомъ направленіи замѣчены были до наступившей темноты.

Всего, какъ насчитано, было выпущено неприятелемъ 62 снаряда, при чемъ въ отрядѣ не было никакой убиты, а въ городѣ пробило лишь крышу нежилого строенія, и на косѣ неприятельскимъ снарядомъ перебило проволоку телеграфной линіи¹⁾. Во время бомбардировки въ городѣ было покойно и полный порядокъ“.

Отмѣтимъ, между прочимъ, и то, что, по донесенію Евпаторійскаго уѣзднаго воинскаго начальника, команда управленія его, патрулируя подъ огнемъ по городу, поддерживала этотъ порядокъ и спокойствіе, за что прибывшій 6-го іюля въ Евпаторію командиръ 10-го армейскаго корпуса генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ, вытребовавъ къ себѣ команду, благодарилъ ее „въ милостивыхъ словахъ“.

¹⁾ Начальникъ Симферопольской телеграфной станціи увѣдомлялъ 27-го же іюня губернскаго воинскаго начальника: „дѣйствіе съ Евпаторіей возобновлено въ 4 часа по полудни, причина поврежденія отъ перебитой проволоки неприятельскимъ снарядомъ. Надсмотрщикъ былъ сейчасъ же отправленъ на линію для исправленія поврежденій“.

Слѣдующее появленіе непріятельскихъ судовъ относится ко 2-му ноября, когда отъ того же маіора Толпыго была получена телеграмма съ извѣщеніемъ о томъ, что „противъ деревни Айбуръ, въ 25 верстахъ отъ Евпаторіи, показались броненосецъ и нѣскольکو судовъ“. Въ дополнительномъ сообщеніи отъ 4-го ноября воинскій начальникъ сообщалъ слѣдующія подробности:

„2-го числа послѣ 3-хъ часовъ по полудни и 3-го числа утромъ артиллерія наша имѣла перестрѣлку съ непріятельскимъ пароходомъ около Конратскаго озера (въ 10 верстахъ отъ Евпаторіи), гдѣ пароходъ съ однимъ броненосцемъ оставался до вечера 3-го числа, вечеромъ же пароходъ и броненосецъ ушли въ море, а наши войска возвратились въ Евпаторію, въ войскахъ все благополучно.

При этомъ докладываю, что атакованное непріателемъ коммерческое судно, пришедшее за грузомъ соли и послужившее поводомъ къ перестрѣлкѣ, по распоряженію командующаго войсками Евпаторійскаго отдѣла, потоплено и непріятель не успѣлъ взять оное“.

Послѣднее въ ту войну нашествіе турецкаго флота на Крымъ относится къ концу декабря, когда своимъ набѣгомъ турки, по-видимому, думали ослабить тягостное впечатлѣніе отъ занятія Софіи (23-го декабря), взятія Ниша сербами, сдачи Весселя—паши (29-го декабря) и пр. Этотъ набѣгъ совершенъ былъ и на Евпаторію и на Феодосію и былъ заключительнымъ аккордомъ дѣятельности турокъ на морѣ до заключенія мира (въ Санъ-Стефано 3-го марта и на Берлинскомъ конгрессѣ 13-го іюля). О дѣйствіяхъ непріятеля у Евпаторіи маіоръ Толпыго сообщалъ слѣдующее:

„Два непріятельскихъ броненосца появились на Евпаторійскомъ рейдѣ 30-го сего декабря въ 3 часа по полудни, а въ 3 часа 20 минутъ началась бомбардировка, продолжавшаяся ровно три часа. Команда патрулировала по городу, поддерживая въ немъ порядокъ, который поэтому нигдѣ не былъ нарушенъ. Во время бомбардировки команда находилась подъ непріятельскимъ огнемъ. Въ командѣ все благополучно, не смотря на то, что непріятель выпустилъ 135 снарядовъ, изъ коихъ большая часть разорвалась въ городѣ, гдѣ въ настоящее время находятъ массу осколковъ гранатъ и картечныхъ пуль, конми начинены были гранаты, а также находятъ много неразорвавшихся снарядовъ самага большого калибра.

Въ 135-омъ Керчь-Еникальскомъ пѣхотномъ полку ранено 8 человекъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ два человека тяжело, изъ нихъ одинъ смертельно, который во вчерашней телеграммѣ, по ошибкѣ, показанъ убитымъ, въ дѣйствительности же нѣтъ убитыхъ; въ городѣ ранено двѣ женщины и одинъ мужчина и раз-

бито 25 домовъ, получившихъ болѣе, или менѣе значительныя поврежденія“.

Въ дополненіи къ этому донесенію воинскій начальникъ сообщалъ также и о слѣдующемъ несчастномъ случаѣ, имѣвшемъ тамъ мѣсто 31-го декабря:

„Послѣ усиленной бомбардировки г. Евпаторіи 30-го прошлаго декабря двумя турецкими броненосцами въ городѣ и внѣ города оказалось много неразорвавшихся снарядовъ, которые подбирались, какъ жителями, такъ и нижними чинами, вслѣдствіе чего, во избѣжаніе несчастнаго случая вслѣдствіе неумѣнія обращаться съ подобнаго рода снарядами, сдѣлано было общее распоряженіе снести всѣ найденные непріятельскіе снаряды въ одно мѣсто, за паркъ квартирующей въ городѣ 2-й батареи 34-й артиллерійской бригады, и тамъ разрядить ихъ подъ наблюденіемъ артиллерійскаго офицера опытными лаборатористами.

На другой день послѣ бомбардировки, т. е. 31-го декабря, нижними чинами Евпаторійской мѣстной команды найденъ былъ въ городѣ на улицѣ одинъ изъ неразорвавшихся непріятельскихъ снарядовъ и отправленъ съ фельдфебелемъ мѣстной команды Иваномъ Астафьевымъ и рядовыми той же команды Елисеємъ Наумовымъ, Михаиломъ Костенниковымъ, Макаромъ Подпрыгорою и Василиємъ Мельниковымъ въ лабораторію вышеупомянутой батареи, гдѣ старшій фейерверкеръ лаборатористъ Игнатъ Кунцевичъ, не дождавшись назначеннаго командиромъ батареи для разрядки снарядовъ офицера — штабсъ-капитана Троцкаго - Сенютовича, приступилъ лично къ разрядкѣ означеннаго снаряда, который, по неизвѣстной причинѣ, разорвало, при чемъ лаборатористы *Кунцевичъ* и *Акерть* убиты на мѣстѣ, а четыре артиллериста ранены, а также ранены мѣстной команды фельдфебель Астафьевъ и рядовые Наумовъ, Костенниковъ, Подпрыгора и Мельниковъ. Изъ числа помянутыхъ нижнихъ чиновъ мѣстной команды фельдфебель и одинъ рядовой ранены тяжело и чрезъ нѣсколько часовъ умерли, а остальные три ранены легко и есть надежда на выздоровленіе ихъ“.

По этому же поводу по приказу начальника Евпаторійскаго отдѣла генераль-маіора Дедюлина было произведено особое дознаніе маіоромъ 135-го пѣх. Керчь-Еникальскаго полка Горномъ 1-мъ, который въ своемъ рапортѣ на имя Дедюлина сообщилъ подробно объ этомъ печальномъ происшествіи.

Бомбардировка Евпаторіи, какъ сказано было выше, производилась 30-го декабря съ 3 час. 20 мин. до 6 час. вечера, при чемъ съ разсвѣтомъ броненосцы скрылись, уйдя по направленію къ Севастополю. Слѣдъ ихъ отыскался затѣмъ уже въ Ялтѣ, куда, по донесенію Ялтинскаго уѣзднаго воинскаго начальника отъ 2-го января 1878 г. за № 8 на имя Таврическаго губернскаго воинскаго начальника, оба броненосца пришли съ разсвѣтомъ 31-го декабря, а затѣмъ, простоявъ до

вечера безъ всякихъ дѣйствій, удалились уже къ Феодосіи. Оттуда уже 1-го января въ 6 часовъ въ управленіи губернскаго воинскаго начальника получена была телеграмма уѣзднаго воинскаго начальника подполковника Крыжановскаго, пославшаго въ 5 часовъ дня увѣдомленіе о томъ, что „въ одиннадцать часовъ утра два турецкихъ броненосца прибыли и открыли бомбардировку по городу, продолжавшуюся около трехъ часовъ“. „Выстрѣловъ, телеграфируетъ Крыжановскій, „произведено около восьмидесяти. По прекращеніи пальбы стоятъ на якорѣ. Убитыхъ и раненныхъ въ командѣ нѣтъ“.

Самая обстановка событія, по рапортамъ командира 52 Виленскаго полка полковника Горданова на имя командира 2 бригады 13-й пѣхотной дивизіи генераль-маіора Высоцкаго, и другихъ офицеровъ 52-го полка, заключалась въ слѣдующемъ.

Первое извѣстіе о появленіи въ день Новаго Года двухъ трехъ-мачтовыхъ турецкихъ броненосцевъ было получено генераломъ Высоцкимъ около 10^{1/2} часовъ утра, при чемъ суда успѣли уже изъ-за тумана дойти незамѣтно до Двукорной бухты, такъ что сообщеніе пикета съ Султановки (14 вер. отъ города, у Двукорной) получено одновременно съ извѣщеніемъ городского разѣзда. Суда шли довольно быстро, и на ходу еще, не обогнувъ карантиннаго мыса, сдѣлали 6 выстрѣловъ по карантину и прелегающей части города. Затѣмъ броненосцы дали 4 выстрѣла по небольшому коммерческому 2-хъ мачтовому нашему судну, вышедшему, было, въ 10 часовъ утра въ Ялту съ грузомъ масла и муки. Судно это замѣтило непріятельскіе броненосцы еще тогда, когда они показались на виду Двукорной бухты. Быстро повернувъ, судно успѣло пристать къ берегу, вовсе не пострадавъ отъ огня.

Казакъ, прискакавшій съ донесеніемъ о появленіи непріятеля, встрѣтилъ генераль-маіора Высоцкаго по пути въ соборъ, наполненный уже молящимися. Немедленно же войска и артиллерія заняли указанная имъ мѣста, при чемъ 1-я полубатарея подъ командой поручика Сазонова и при командирѣ взвода прапорщикѣ Марковѣ расположена была на Сарыгольской горѣ; другая артиллерійская часть осталась на Симферопольскомъ шоссе внѣ сферы непріятельскаго огня. Несмотря на частый огонь, направлявшійся, главнымъ образомъ, по мѣстамъ передвиженія войскъ, потерь у насъ почти не было. Обозъ былъ вывезенъ съ расположеннаго на открытомъ берегу завода Масляникова (построекъ впереди тогда еще не было). Операція эта была произведена при самыхъ трудныхъ условіяхъ, но по-

тери наши оказались ничтожными. Въ Байбугу и Насыпкой (7 верстъ отъ города) вывезены были больные изъ лазарета Виленскаго полка, войска были выведены въ степь, а въ городѣ остались лишь команды для тушенія пожаровъ.

Главный огонь съ броненосцевъ былъ направленъ на правую часть берега, гдѣ находился обозъ и другія части. Затѣмъ, когда на Симферопольскомъ шоссе скопилось много убѣгавшихъ жителей, главнымъ образомъ женщинъ и дѣтей, выстрѣлы были направлены въ эти толпы, при чемъ у одной цыганки оторвава была снарядомъ нога. Въ пылу сраженія непріятель вошелъ въ сферу дѣйствія нашего огня, ставъ весьма близко къ берегу. Тогда, — было около 11^{1/2} часовъ дня, — поручикъ Сазоновъ открылъ огонь, и изъ выпущенныхъ имъ 10 гранатъ — 3 попали въ бортъ одного изъ броненосцевъ, при чемъ было даже видно, какъ на борту его засуетилась команда, спущена была лѣстница и начался ремонтъ. Поврежденный броненосецъ прекратилъ послѣ этого пальбу, отошелъ изъ сферы огня и больше стрѣльбы не возобновлялъ. Другой корабль продолжалъ пальбу еще въ теченіе часа (до 12^{1/2} час. дня), а въ 4 часа дня на всѣхъ парахъ ушелъ на западъ, и виденъ былъ 3-го января у Ялты, откуда въ 11 часовъ дня, не произведя выстрѣловъ, прошелъ дальше.

Другой броненосецъ, поврежденный нашими снарядами, стоялъ на рейдѣ въ бездѣйствіи до 7 часовъ вечера, когда ушелъ по направленію къ Керчи, а затѣмъ въ теченіе 2-го января держался у Кызъ-Аульскаго маяка (2-ой маякъ отъ Θεодосіи къ Керчи) и скрылся въ морѣ въ 5 часовъ дня.

4-го января оба корабля держались днемъ у Алупки, а затѣмъ ушли безъ выстрѣловъ въ море и болѣе уже не показывались¹⁾.

Всего непріателемъ было выпущено въ Θεодосіи 132 снаряда. Убитъ былъ, между прочимъ, обозный Виленскаго полка, и тяжело ранена упомянутая выше цыганка. Сильно контуженъ былъ командиръ нестроевой роты штабсъ-капитанъ Чернецкій, выводившій обозъ подъ огнемъ. Ранено было также 2 нижнихъ чина, и контужено 3; жителей раненыхъ не было вовсе. Кромѣ того, было убито 3 лошади изъ состава полкового обоза, захваченныя разорвавшейся въ обозѣ бомбой въ мо-

¹⁾ Отмѣтимъ кстати, что броненосецъ „Месудіе“, бомбардировавшій Θεодосію, остававшійся все время старѣйшимъ судномъ турецкаго флота, потопленъ былъ въ 1915 г. въ Дарданеллахъ англійской подводной лодкой.

ментъ вывода изъ сарая завода Масляникова (казармы). Снарядами были вызваны пожары въ 2-хъ домахъ, но они были тотчасъ же потушены. Два дома оказались разрушенными, 10 — поврежденными. Одинъ снарядъ, пробивъ двѣ стѣны, разорвался въ залѣ дома Айвазовскаго, при чемъ разбитъ былъ стоявшій тамъ бюстъ художника. Стоявшій же рядомъ бюстъ А. С. Пушкина уцѣлѣлъ. (См., между прочимъ, „Бомбардированіе Феодосіи“, въ „Военномъ сборникѣ“, 1878 г., № 3; В. Гейманъ. „Бомбардировка Феодосіи въ прошломъ“, въ „Южн. Вѣдом.“, октябрь 1914 г. и др.). Другой снарядъ попалъ въ стѣну „Центральной“ гостиницы. Въ обоихъ зданіяхъ оболочки снарядовъ вдѣланы въ стѣны и видны и нынѣ.

За умѣлыя дѣйствія при отраженіи непріятеля объявлена была благодарность командующему войсками Феодосійскаго отдѣла ген.-м. Высоцкому, командиру Виленскаго полка полковнику Горданову, артиллеріи поручику Сазонову и др.

По словамъ очевидцевъ, артиллерія, стоявшая у дачи Руквишниковой, дѣйствовала отлично. По обыкновенію, среди горожанъ началась паника, и жители при первомъ выстрѣлѣ, забывъ о новогоднихъ заботахъ, бросились въ окрестные сады и деревни (Насыпкой, Байбугу и Камыши), а также и въ Старый Крымъ (23¹/₂ вер.). Даже Отузы и Судакъ (52 вер.) оказались переполненными бѣглецами изъ Феодосіи. Городской голова В. Н. Алтуховъ, полиціймейстеръ П. А. Пасынковъ и начальникъ гарнизона полк. Гордановъ успокаивали населеніе, какъ могли. Однако, въ толпѣ носились слухи о предстоящемъ возвращеніи броненосцевъ, о выходѣ въ море эскадры изъ 10 турецкихъ судовъ и пр. Однако, на утро, послѣ ухода судовъ, въ городъ возвратилась значительная часть населенія.

Въ заключеніе этой краткой замѣтки о дѣйствіяхъ турецкаго флота у береговъ Тавриды отмѣтимъ, что въ Феодосіи въ эту войну былъ открытъ большой лазаретъ Краснаго Креста на 600 душъ, помѣщавшійся въ карантинѣ. Послѣ войны въ карантинъ доставлялись тысячами нижніе чины, болѣвшіе сыпнымъ тифомъ. Жертвы ежедневно насчитывались десятками, и хоронили ихъ въ братскихъ могилахъ. Въ числѣ лицъ, особенно чутко и внимательно ухаживавшихъ за больными, былъ настоятель армяно-католической церкви Феодосіи священникъ Херувимъ Кушнеревъ, просвѣщенный армянскій писатель, переведшій на армянскій языкъ басни Крылова, Лафонтена, Дмитріева, псалмы Давида, „Катерину“ Шевченко и пр. Извѣстны также его переводъ изв. труда свящ. Минаса Медицы „Ар-

мянскія древности Таврическаго полуострова“ („Зап. Од. Об. ист. и древн.“, т. 10, стр. 441), брошюра— „Судакская долина и вновь освященная Генуезская древняя капелла“, Феод., 1885 года и др. Этотъ же Кушнеревъ во время начавшейся 1 января бомбардировки продолжалъ спокойно служеніе въ присутствіи всего одной старушки, а затѣмъ поѣхалъ по городу, не обращая вниманія на пролетавшіе снаряды.

Это посѣщеніе Феодосіи 1 января 1878 году турецкимъ флотомъ было послѣднимъ его визитомъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе 36-ти лѣтъ берега Тавриды оставались спокойными, и лишь визиты 16-го октября 1914 г. къ Новороссійску, Феодосіи, Ялтѣ, Севастополю и Одессѣ нарушили это благоденствіе и заставили снова вспомнить о бывшихъ набѣгахъ непріятельскихъ судовъ.

В. Теймахъ.

Къ исторіи учрежденія Таврическаго Магометанскаго Духовнаго Правленія.

Все мусульманское духовенство, состоявшее къ концу владычества въ Крыму хана Шагинъ-Гирея при духовныхъ учрежденіяхъ, въ силу манифеста 8 апрѣля 1783 года, осталось на своихъ мѣстахъ и послѣ присоединенія Крыма къ Россіи; поставленные во главѣ этого духовенства--муфтій Мусаларъ эфенди и кады-эскеръ Сеитъ Мегметъ эфенди утверждены были 24-го апрѣля 1784 г. въ занимаемыхъ ими должностяхъ высочайшею властью; послѣ смерти въ 1791 году Мусалара эфенди таврической губернаторъ въ представленіи отъ 18 іюня 1792 г., ходатайствуя объ утвержденіи кады-эскера Сеитъ Мегмета эфенди въ должности муфтія, всеподданнѣйше донесъ, между прочимъ, что онъ, губернаторъ, „и, отправляющій должность муфтія согласно положили вмѣсто кады-эскера избрать шесть эфендіевъ, которые, имѣя предсѣдателемъ муфтія, будутъ составлять духовную въ Тавридѣ консисторію“. 23 января 1794 г. послѣдовалъ на имя графа П. А. Зубова указъ, которымъ кады-эскеръ Сеитъ Мегметъ эфенди утвержденъ муфтіемъ и повелѣно въ помощь ему опредѣлить Абдурагима эфенди съ пятью еще эфендіями, избранными изъ числа лицъ, испытанныхъ въ вѣрности, кротости и благомыслии, „которые бы, подъ предсѣдательствомъ муфтія составляя духовное правленіе, имѣли надлежащее надзираніе надъ всѣмъ духовенствомъ магометанскимъ Области Таврической“.

Такимъ образомъ день изданія приведеннаго указа, т. е. 23 января 1894 года, долженъ считаться и днемъ учрежденія Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія. Но такъ какъ въ этомъ высочайшемъ актѣ, кромѣ обязанности надзирать за духовенствомъ, ни правъ новоучрежденнаго правленія, ни круга другихъ его обязанностей указано не было, то оно первое время являлось мертворожденнымъ и никакой дѣятельности проявлять не могло. А между тѣмъ, жизнь само собой настойчиво тре-

бовала разрѣшенія многихъ вопросовъ и особенно въ области примѣненія мусульманскаго права среди присоединеннаго къ русской державѣ мусульманскаго населенія Крыма. Здѣсь, на почвѣ правовыхъ взаимоотношеній, должны были постоянно возникать и возникали сомнѣнія относительно границъ дѣйствія шаріата, за которыми вступалъ въ дѣйствіе уже нашъ русскій законъ гражданскій и уголовный, и происходитъ столкновения при естественныхъ сдвигахъ того или другого права, благодаря отсутствію точнаго отграниченія дѣйствій перваго, т. е. шаріата, отъ дѣйствій втораго—нашего закона. Вѣдь шаріатъ — этотъ данный Богомъ, по ученію ислама, законъ, обнимаетъ собою не только религіозныя, но и всѣ правовыя догмы мусульманъ. Онъ не только учитъ покорности, преданію себя Аллаху въ цѣляхъ предотвращенія страшныхъ грозныхъ каръ въ загробномъ мірѣ, не только является религіозно—обрядовымъ закономъ, но и сводомъ всѣхъ правовыхъ нормъ, предусматривая прежде всего семейное и наслѣдственное право, а затѣмъ и все то, что касается правоотношеній какъ въ средѣ чисто мусульманской, такъ и мусульманъ къ послѣдователямъ другихъ вѣрованій. Регламентирующій и духовную и матеріальную стороны жизни исламитовъ шаріатъ не могъ безъ принужденія уступить своихъ позицій. Да и воспитанное исключительно на шаріатѣ духовенство не могло считаться съ нашимъ закономъ государственнымъ, тѣмъ болѣе, что не было и знакомо съ нимъ.

Все это ставило въ весьма тяжелое положеніе главнымъ образомъ муфтія, какъ толкователя шаріата, съ одной стороны, и какъ лицо отвѣтственное предъ русскими властями за все содѣянное вопреки нашему закону мусульманскимъ духовенствомъ и особенно кадіями (судьями), съ другой. Чтобы выйти изъ такого положенія, муфтіи Сеитъ Мегметъ эфенди неминуемо долженъ былъ обращаться за разъясненіями къ мѣстному правителю области, но и тотъ, за отсутствіемъ прямыхъ указаній въ законѣ, давать какія-либо разъясненія не могъ. Не могъ ихъ дать и правитель края Зубовъ, а потому поступившее отъ депутатовъ дворянства по настоящему предмету прошеніе онъ представилъ на высочайшее воззрѣніе.

17 сентября 1796 года Екатерина II-я манифестомъ, даннымъ на имя Зубова,¹⁾ между прочимъ, повелѣно:

¹⁾ Копія въ дѣлѣ Тавр. губ. арх. по канц. губ. № 275, 1805 г. (св. 55).

„Третье:“¹⁾ Содержание между начальниками ихъ закона мѣста муфтія принадлежить изъ шести улѣмовъ старшему.²⁾ *Шестое*—въ раздѣлѣ наслѣдства по смерти благороднаго или кого либо изъ простаго народа должно предоставить имъ поступать по ихъ обыкновенію посредствомъ своихъ законниковъ, съ тѣмъ, что буде таковой раздѣлъ учиненъ будетъ безъ всякихъ съ какой либо стороны споровъ, оный долженъ быть утвержденъ въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ; буде же при семъ случаѣ встрѣтятся какія споры, или неудовольствія, тогда разбирательство и рассмотрѣніе дѣла произведено быть должно на томъ основаніи, какъ въ общихъ узаконеніяхъ нашихъ о раздѣлѣ имѣній предписано. *Седьмое*: тяжбное или спорное дѣло между частными людьми, буде предоставлено будетъ съ согласія обеихъ сторонъ посредничеству улѣмовъ, должно быть приговоромъ ихъ окончено, какъ то дѣлается въ дѣлахъ, кои отдаются на рѣшеніе третейскаго суда, но по просьбѣ въ случаѣ неудовольствія поступать по общимъ законамъ. *Восьмое*: начальники духовенства, увѣщевая народъ соблюденію предписаній ихъ закона и ученія, обязаны найпаче утверждать оной въ непоколебимой преданности и вѣрности къ Намъ. *Девятое*: правила ученія ихъ отдавать бѣднымъ нѣкоторую часть своихъ доходовъ не можетъ быть возбранено, однако же съ тѣмъ чтобы не было тутъ никакого принужденія, а оставить каждому на произволь данать въ милостыню сколько къ тому доброю волею побужденъ будетъ. *Десятое*: магометанскому духовенству отъ всякихъ податей и налоговъ быть навсегда свободнымъ“. Заканчивается манифестъ такъ: „Все сіе да будетъ залогомъ отличнаго нашего къ вѣрноподданному Намъ таврическому дворянству, духовенству и всему народу благоволенія“ . . .

Этимъ проникнутымъ глубокою терпимостью къ исламу государственнымъ актомъ юрисдикція по дѣламъ наслѣдственнымъ и тяжбнымъ оставлена попрежнему въ рукахъ мусульманскаго духовенства, которое, какъ и раньше, должно рѣшать ихъ только по шаріату, доколѣ заинтересованныя стороны такими рѣшеніями остаются довольны. Весьма характернымъ является п. 9 приведеннаго манифеста. Исламъ, какъ извѣстно, по установленію еще пророка Мухаммеда зиждется на пяти устояхъ, выполненіе которыхъ безусловно обязательно для каждаго истиннаго мусульманина: 1) на произнесеніи символа вѣры—*шахада* („нѣтъ божества кромѣ Аллаха, Мухаммедъ посланникъ Аллаха“); 2) на исполненіи молитвеннаго обряда пять разъ въ день, въ строго опредѣленные сроки—*салашь, намазь*; 3) на уплатѣ налога съ имущества въ пользу бѣдныхъ и др. надобности—*закать* (въ османскомъ произношеніи—*зекать*); 4) на

¹⁾ Первые два пункта этого манифеста касаются: купли и продажи недвижимыхъ татарскихъ имуществъ, земель татарскихъ, лежащихъ впустѣ, и освобожденія татаръ отъ рекрутчины.

²⁾ Въ 4 и 5 п.п. говорится о содержаніи почтъ, запасныхъ магазиновъ и объ освобожденіи татарскихъ домовъ отъ постоя.

совершеніи по крайней мѣрѣ разъ въ жизни полонничества въ Мекку—*хаджъ* и 5) на постѣ въ теченіе мѣсяца Рамадана—*саумъ*. Четыре изъ нихъ—шахада, намазъ, хаджъ и саумъ, не смотря на всю ихъ обязательность, все же должны разсматриваться, какъ акты свободной воли, и за неисполненіе ихъ каждому мусульманину грозитъ лишь тяжкая кара въ загробномъ мірѣ. Совѣмъ инымъ представляется пятый устой—*закатъ*. Преслѣдуя задачи не только челоѡколюбивыя, но и военныя,¹⁾ онъ въ концѣ концовъ принялъ принудительный для мусульманъ характеръ. Вотъ эта-то принудительность манифестомъ 17 сентября 1796 года и отвергнута; отвергнуть также и обязательный размѣръ заката— $\frac{1}{40}$ часть съ имущества, и оставлено „каждому на произволь давать въ милостыню сколько къ тому доброу волею побужденъ будетъ“.

Съ изданіемъ приведеннаго закона вопросъ о кругѣ правъ и обязанностей учрежденнаго магометанскаго духовнаго правленія остался по прежнему совершенно открытымъ. Такимъ онъ оставался во все время царствованія императора Павла I-го.

Въ 1801 г.²⁾ таврической муфтій Сеитъ Мегметъ эфенди, въ бытность свою въ Петроградѣ, поднесъ императору Александру Павловичу записку,³⁾ въ которой всеподданнѣйше просилъ:

1. О подтвержденіи⁴⁾ преимуществъ дарованныхъ крымскимъ обывателямъ и духовенству ихъ, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великою Государынею Императрицею Екатериною второю въ Высочайшемъ манифестѣ 1783 года апрѣля 8-го и рескриптѣ 1796 года сентября 17-го данномъ Господину Зубову. Да особо отъ того въ Высочайшей конфирмаціи восплѣдовавшей на докладѣ Правительствующаго Сената 1794 годовъ октября 19 го числа⁵⁾.

2. Для возстановленія надъ духовенствомъ надлежащаго порядка, повелѣтъ начальству открыть духовное правленіе на основаніи Высочайшаго указа 794 года генваря 23 и сверхъ назначенныхъ во оное симъ указомъ—пяти членовъ, коимъ и нынѣ отпускается жалованье, опредѣлить секретаря, переводчика и канцелярскихъ служителей, на жалованье отъ казны, съ тѣмъ чтобы какъ оныя, такъ и самое правленіе, сръстояли подъ непосредственнымъ распоряженіемъ и управле-

1) Исламъ, И. Гольдцѣра, пер. И. Крачковскаго, стр. 12.

2) Въ письмѣ таврическаго муфтія Сеитъ Мегмеда эфенди отъ 24 сентября 1804 г. къ правителю области Мертваго указанъ 1800 г., но это очевидная ошибка, т. к. императоръ Александръ I-й вступилъ на престолъ 12 марта 1801 г. См. д. Тавр. Губ. Арх. св. 51 № 332, 1804 г.

3) Въ томъ же дѣлѣ въ копіи.

4) Правописаніе всей записки сохранено.

5) Въ П. С. Зак. 1794 г. № 17265 подъ 9 ноября „Объ оставленіи владѣльцевъ Тавр. обл. въ свободномъ распоряженіи ихъ помѣстьями, вотчинами и т. п. дворянскими имѣніями...“

ніемъ у муфтія и чтобы гражданское правительство отъ нюдь не вмѣшивалось, какъ и прежде было, въ магометанскую религію, оказывало правленію сему во всякихъ нужныхъ и отъ него зависящихъ случаевъ законное вспоможеніе. Учрежденіе же сего правленія здѣлать въ городѣ акмечетѣ, которой по состоянію своему въ срединѣ Крыма, и по пребыванію въ немъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, признается къ сему противу другихъ крымскихъ городовъ удобнѣйшимъ; къ помѣщенію сего правленія нужно отвѣсть въ городѣ акмечетѣ домъ; но какъ тутъ казенныхъ домовъ не имѣется, то выдать изъ казны для построенія онаго нужное количество суммы, и сверхъ того на починки сего стренія опредѣлить ежегодный ремонтъ, которой по требованію правленія и отпускать.

3. Записанныхъ во время сочиненія ревизіи изъ духовенства въ число казенныхъ татаръ причислить паки къ духовенству по засвидѣтельствуванію муфтія о достоинствѣ ихъ въ сіе званіе.

4. Находящіяся при состоящихъ въ Крыму храмахъ и училищахъ имянуемыхъ джаміями, мечетями, текіями и медресами движимыя и недвижимыя имѣнія принадлежащія въ акуфу по магометанскому правилу утвердить навсегда при сихъ храмахъ, поелику получаемыя съ оныхъ доходы употребляются не инако, какъ только на содержаніе опредѣленныхъ къ тѣмъ храмамъ служителей и на нужные самыхъ сихъ храмовъ починки; такъ же не дѣлать препятствія и въ томъ же ели бы гдѣ нужно оказалось устроить вновь такыя храмы или училища.

5. Указомъ блаженной памяти Государыни Императрицы состоявшимся 1796 года сентября 17 предоставленъ раздѣлъ имѣній по смерти всякаго магометанина находящагося подъ великославною Ея державою въ Крыму на прежнихъ ихъ правахъ; какъ же по тѣмъ правамъ после умершаго имѣніе описывается чрезъ духовныхъ и ими сохраняется до возраста сиротъ, то позволить имѣющему учредиться духовному правленію опредѣлить для него по городамъ и волостямъ по одному благочинуму¹⁾ для исполненія сей должности яко благоугодной въ разсужденіи сбереженія имѣнія остающихся сиротъ. А совершивъ сіе имѣть правленіе отсылать вѣдомость имѣнію съ увѣдомленіемъ: послѣ кого осталось, и кто суть наслѣдники въ дворянскую опеку того уѣзда; для опредѣленія по общимъ государственнымъ законамъ опекуновъ.

На всѣ пункты этой записки новороссійскимъ военнымъ губернаторомъ Михельсономъ сдѣланы²⁾ слѣдующія замѣчанія:

На 1-й: „Подтвержденіе привиллегій народу, яко³⁾ есть священный даръ благодати монаршей, то отъ благоразсмотрѣнія монаршаго и зависитъ. Но какъ отъ десницы премудрыя Екатерины народъ крымской участвленъ былъ оными, конечно не безъ заслугъ, такъ и нынѣ въ послѣдствіи времени доказанными вѣрностью и усердіемъ и понесенными тягостями для Высочайшей службы, всемилостивѣйшаго подтвержденія оныхъ привиллегій заслуживаютъ“.

¹⁾ Имѣются въ виду, конечно, кады.

²⁾ См. д. Тавр. Губ. Арх., св. 51, № 332, 1804 г.

³⁾ Правописаніе всѣхъ замѣчаній сохранено.

На 2-й: „Духовное правленіе открытъ позволить, яко симъ вящій порядокъ можетъ устроиться. Домъ отъ казны купить или на оной деньги отъпустить“.

На 3-й: „Причислить паки къ духовенству по представленію муфтія о достоинствѣ“.

На 4-й: „Какъ всемилостивѣйше дарованными привиллегіями магометанская религія во всей силѣ и свободѣ оставлена, то въ числѣ правъ религіи слѣдуетъ и имѣнія въ акуфу до сего въ званіи семь состоящія утвердить. Въ прочемъ строить храмы и училища съ утвержденіемъ религіи само собой слѣдуетъ; и въ семь препятствій не было“.

На 5-й: „Затѣмъ подробныя распоряженія по предмѣту сему сами по себѣ отъ муфтія или духовнаго правленія зависятъ“.

Когда сдѣланы были эти замѣчанія и съ ними ли записка муфтія поступила на высочайшее воззрѣніе, или она въ дальнѣйшемъ была передана генералу Михельсону, установить нельзя, такъ какъ даты на нихъ нѣтъ никакой. Извѣстно только, что по указанной запискѣ послѣдовалъ 14 ноября 1802 года на имя сенатора Лопухина указъ императора Александра I-го такого содержанія¹⁾:

„Таврической муфтіи Сеитъ Мегмедъ эфендій въ бытность свою здѣсь принесъ прошеніе о возвращеніи духовенству магометанскому разныхъ привиллегій, объ открытіи въ Симферополѣ (Акмечете) Духовнаго Правленія, объ отводѣ для него дома, и объ исключеніи изъ оклада положенныхъ въ оный по послѣдней ревизіи татаръ изъ духовенства.“

Находя, что прошеніи сіи не могутъ быть со основательностію утверждены безъ соображенія ихъ съ общимъ положеніемъ магометанскаго духовенства въ Таврической губерніи, Я призналъ нужнымъ поручить вамъ между прочими упражненіями вашими рассмотретьъ, нужно ли по настоящему числу сего духовенства, его умноженіе, какія можно назначить ему выгоды, судя по тѣмъ кой оно уже имѣетъ, какимъ образомъ удобнѣе можетъ быть устроено сіе состояніе вообще, и на какихъ правилахъ будетъ сходственнѣе учредить его правленіе.

Къ рассмотрѣнію сему пригласите муфтія нынѣ туда отправляющагося и примите во вниманіе его представленія, поколику могутъ они быть сходны съ пользами того края и справедливостію.

Къ соображенію сему прилагаю при семъ постановленіе въ 1788 г. по сему же предмѣту для Оренбургскаго и Казанскаго магометанскаго духовенства сдѣланное“.

Указъ этотъ контрассигнированъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ.

Сенаторъ Лопухинъ,²⁾ несомнѣнно, сейчасъ же приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, такъ какъ уже

¹⁾ Имѣется въ копіи въ д. Тавр. губ. арх., св. 51, № 332—1804 г.

²⁾ Иванъ Владиміровичъ — извѣстный мистикъ и гуманистъ. Въ 1800 г. онъ ревизовалъ вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ Казанскую,

къ 18 февраля 1803 года въ г. Симферополѣ составилъ всеподданнѣйшій докладъ,¹⁾ свидѣтельствующій какъ о высококомъ умѣ и выдающемся развитіи составителя, такъ равно и крайне добросовѣстномъ его отношеніи къ дѣлу и массѣ труда, положеннаго на изученіе вопроса, къ разрѣшенію котораго, впрочемъ, подготовка у него уже была.²⁾ Въ докладѣ этомъ Лопухинъ, повторивъ всѣ пункты даннаго ему въ указѣ 14 ноября 1802 года порученія, писалъ:

„Благоговѣнно исполняя всеавгустѣйшую волю Вашего Императорскаго Величества, вникалъ я со всякимъ тщаніемъ во всѣ подробности и связи дѣла сего по всѣмъ его отношеніямъ; соображалъ мѣстныя мои свѣдѣнія о Тавридѣ съ мнѣніемъ искуснѣйшихъ въ ней чиновниковъ и всякаго рода жителей, безпристраснѣйшихъ и благообразнѣйшихъ мурзъ, поселянъ и самыхъ духовныхъ ихъ. Наконецъ, соображалъ существо Таврическаго магометанскаго духовенства съ существомъ онаго въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, мѣстно же мнѣ извѣстнаго по извѣстнаго по первому осмотру оныхъ губерній, за который удостоился я получить отличіе высѣкомонаршаго благоволенія. И изъ всего того по лучшему моему разумѣнію сдѣлавъ извлеченіе всеподданнѣйше представляя слѣдующее:

1) Что касается до подтвержденія преимуществъ дарованныхъ кореннымъ крымскимъ обитателямъ и духовенству ихъ, блаженной и вѣчной славы достойнаго памяти Государынею Императрицею Екатериною Великою, то Ваше Императорское Величество въ справедливомъ ихъ содержаніи не только соизволите ихъ утвердить, и конечно уже утвердить соизволили купно съ вождѣннѣйшимъ для Имперіи Всероссийской воспринятіемъ Ея скипетра; но истинное величіе благодати Вашей всегда небесно расположено усугублять всевозможнымъ образомъ щастіе Богомъ вѣрренныхъ Вамъ народовъ вообще и каждого изъ составляющихъ оныя вѣрноподданныхъ особенно, простирая на нихъ руку спасительнаго владычества Вашего, или какъ на сыновъ вѣрныхъ отечества и отеческо-Монаршему Престолу, для ниспосланія имъ съ онаго утѣшенія и награды, или какъ на членовъ общаго сословія государственнаго для проліянія на каждого частно всей мѣры возможнаго благоденствія гражданскаго; или для обращенія каждого лица и состоянія, по роду, свойству и способности на пользу общаго блаженства цѣлаго государства, въ коемъ токмо истинный сынъ отечества долженъ обрѣтать истинное свое блаженство.

2) Къ устроенію надлежащаго порядка надобно открыть магометанское духовное правленіе и учредить оно въ Симферополѣ по пужной близости правленія того къ правительству губернскаму, и по всякой

Вятскую и Оренбургскую губерніи, а въ 1801 г. единолично — Харьковскую губернію, и всюду проявлялъ гуманное отношеніе къ крестьянамъ; въ Харьковской губ. занимался разборомъ дѣлъ о духоборахъ. Императоръ Александръ всегда оставался доволенъ его дѣйствіями и много разъ давалъ ему серьезныя порученія.

¹⁾ Имѣется въ копіи въ д. Тавр. губ. арх., св. 51, № 332, 1804 г.

²⁾ См. Тавр. губ. арх., св. 40, д. канц. губ. № 27, 1803 г.

удобности въ разсужденіи мѣстоположенія сего города. Прилично и нужно дать оному правленію домъ покупкою умѣреннаго, какового больше и ненадобно, или пожалованіемъ на то суммы, которую также опредѣлить изъ казны и на его содержаніе: и все сіе предоставить разсмотрѣнію губернатора.

Духовному правленію Таврическаго магометанскаго духовенства состоятъ изъ казыаскера и четырехъ улемовъ, и казыаскеру въ ономъ предсѣдательствовать. Сему собранію управлять всѣмъ духовнымъ состояніемъ по всѣмъ частямъ его состава. Главную надъ собраніемъ симъ дирекцію имѣтъ муфтію, не имѣя однако власти перемѣнять его рѣшенія и предписывать оныя. Есть ли же найдетъ муфти какое постановленіе несогласнымъ съ закономъ или противнымъ государственнымъ положеніемъ, то представлять губернскому правительству; и для сего муфти долженъ имѣтъ свѣдѣніе какъ директоръ о всемъ, что производится въ собраніи духовнаго правленія.

Губернскому правительству внимать представленіямъ муфтія, поколику могутъ они быть сходны съ справедливостью и съ кореннымъ основаніемъ всего состоянія магометанскаго въ Тавридѣ духовенства вообще; такъ же и по отношенію его къ состоянію земскому. Въ такихъ случаяхъ рѣшенія духовнаго правленія муфтію перерѣшивать силою губернскаго, самому же духовному правленію собственныхъ рѣшеній своихъ и опредѣленій, единожды имъ сдѣланныхъ, не перемѣнять и не перевершивать.

Таковая связь духовнаго магометанскаго правленія въ Тавридѣ съ правительствомъ губернскимъ необходимо нужна и сообразна общему кругу государственныхъ узаконеній. Безпристрастныя и благоразумныя изъ духовенства магометанскаго не должны тѣмъ оскорбляться и мечтать возможность существованія ихъ правленія духовнаго безъ вліянія на него по внѣшности отъ начальства и правительства земскаго: и безъ подчиненности онымъ по обстоятельствамъ и дѣламъ внѣшнимъ, неразрывною связью сопряженнымъ съ земскою полиціею и съ дѣйствіемъ законовъ единою и нераздѣльною властью учреждаемыхъ, хранимыхъ и простираемыхъ на всѣ состоянія государства. Истинному духовному дѣйствію правленія духовнаго свойственно быть свободнымъ отъ подчиненности земскому чиновначалію. Но оное дѣйствіе есть невидимое только на разумъ и на совѣсть ученіемъ, увѣщаніями и вліаніемъ силы и примѣровъ благочестія. Во всякія же внѣшнія распорядженія, рѣшенія, осужденія, наказанія и тому подобное, могутъ вмѣшиваться явныя пристрастія и злоупотребленія властей, а потому и должны они быть безъ изъятія всѣ подчинены наблюденію, обузданію и разсмотрѣнію верховнаго начальства государственнаго и правительства постепенно, и на основаніи общихъ узаконеній; или для возстановленія правды и обиженнаго, или для изобличенія неправды и наказанія преступника.

Правила же и ученіе магометанской религіи во всемъ томъ, что непротивно разуму и существу общаго государственнаго правленія; такъ же обряды и образъ служенія должны ненарушимо пользоваться совершенною неприкосновенностью по мудрой терпимости всероссійскаго скипетра.

Духовному правленію и муфтію ни въ какомъ случаѣ не дѣлать общаго созыва духовенства въ губернскій городъ и ни куда безъ позволенія губернатора или правящаго должность.

Въ духовное магометанское Таврическое правленіе нужно опредѣлить секретаря, переводчика и канцелярскихъ служителей, коихъ опредѣленіе предоставить губернскому правительству. Канцеляріи сего правленія имѣть связь съ губернскимъ прокуроромъ на основаніи общихъ учрежденій и законовъ.

Муфтію, казыаскеру, членамъ правленія и его канцеляріи потребно опредѣлить изъ казны достаточное жалованье по благосоизволенію щедроты монаршей.

3) Муфтія выбирать всему магометанскому обществу Таврическому чрезъ собраніе въ губернскомъ городѣ мурзъ и депутатовъ отъ поселянъ каждой волости, которымъ и выбирать трехъ кандидатовъ, о коихъ съ мнѣніемъ своимъ общему собранію губернскаго правительства представлять на утверженіе Правительствующему Сенату; отъ сего же для большаго и полезнаго уваженія, когда благоугодно будетъ, повелѣть подносить докладъ и Вашему Императорскому Величеству.

4) Муфтію имѣть главное начальство по духовенству и попеченіе о лучшемъ его состояніи вообще, особливо со стороны нравовъ и учености; но никого не судить и безъ суда не наказывать; а ежели кого изъ хатиповъ, имамовъ и прочихъ чиновниковъ духовенства найдетъ онъ виновнымъ, то отрѣшать такого и отдавать къ суду; но прежде осужденія на мѣсто онаго не производить другаго.

Важною должностію муфтія да будетъ, внушая добродѣтели закона, изъяснять магометанскому въ Тавридѣ народу благоденственное подданство его всероссійской Державѣ, которая знаменитою своею силою ограждаетъ предѣлы его извнѣ, а мудрою кротостію правленія внутри творить его причастникомъ общаго спокойствія и щастія, кои неусыпно зиждетъ она во всѣхъ народахъ ей подвластныхъ. Нетрудно убѣждать въ правдѣ сей народъ избавленный отъ всегдашней опасности безъ суда, и по своему смыслу своенравіемъ же перемѣнявшихся властителей не только подвергаться жестокимъ ранамъ, но и самой жизни лишиться, — нетрудно убѣждать въ томъ народъ покорившійся Престолу, съ коего прежде всѣхъ земныхъ правительствъ начертаны божественною благостію запечатлѣнные законы отмѣны смертной казни и всякихъ въ судахъ истязаній; и на которомъ нынѣ истинною царей славою сіяетъ Государь безпримѣрнымъ челоуѣколюбіемъ и милосердіемъ украшающій скипетръ законной власти, необходимо нужной въ управленіи людьми для ихъ же прямой пользы и благоустройства.

5) Муфтію и правленію ихъ духовному быть подъ указами губернскаго правительства.

6) Чинъ казыаскера не только не долженъ всегда открывать путь къ званію муфтія, но полезно чтобъ закономъ опредѣлено было никогда изъ казыаскеровъ и въ правленіи находящихся улемовъ въ муфтіи не выбирать. Таковое учрежденіе можетъ сохранять для общей пользы весьма выгодной перевѣсъ въ интересахъ, съ одной стороны тверже полагая преграду властолюбію, которое свойственно челоуѣчеству, но отъ

когого добродѣтельнаго отвращенія примѣровъ, найпаче духовныя особы, не могутъ являть довольно, и сами конечно должны съ радостию на себя воспринимать всякое отъ того обузданіе; а съ другой положеніе оное удобно въ чинахъ составляющихъ правленіе въ полной мѣрѣ содержать безпристрастіе къ особѣ муфтіевой, на званіе коего, они уже никакой не будутъ имѣть и надежды; а потому и въ его интересахъ искать своихъ собственныхъ не будутъ: такъ же можетъ оно чины правленія отвергнуть отъ лицепріятія ко всему обществу, со стороны корыстныхъ происковъ собственности на случай выборовъ на столь высокое между ими достоинство.

7) Въ казыаскера выбирать такъ же депутатамъ отъ поселянъ и мурзь по три кандидата, о коихъ для утвержденія общему собранію Губернскаго Правительства представлять съ мнѣніемъ своимъ Правительствующему Сенату. Улемовъ засѣдающихъ въ правленіи духовномъ избирать собраніемъ хатиповъ и медерисовъ отъ каждаго города и уѣзда по одному кандидату; и объ оныхъ со свидѣльствами земскихъ или городскихъ полицій представлять Губернскому Правительству, коему выслушавъ объ нихъ мнѣніе муфтія и правленія ихъ достойнѣйшихъ утверждать въ общемъ собраніи.

8) Муфтію не имѣть власти ни за что членовъ правленія своего отрѣшать; но если бы кто изъ нихъ ее заслужилъ, то объ отрѣшеніи и преданіи суду представлять Губернскому Правительству. Судъ въ такихъ случаяхъ наряжать муфтію изъ чиновъ особыхъ, т. е. не засѣдающихъ въ правленіи ихъ, и рѣшенія для разсмотрѣнія представлять губернскому правительству. Суды для сужденія имамовъ и прочихъ духовныхъ чиновниковъ наряжать особыя же муфтію. Симъ судамъ рѣшенія свои представлять на разсмотрѣніе духовному правленію, а сему на утвержденіе муфтію, коего утвержденіемъ рѣшенія оныя должны исполняться безъ перемѣны однако же опредѣленій онаго правленія, сообразно тому что сказано во 2-мъ пунктѣ о отношеніяхъ муфтія къ правительству губернскому вообще. Если же кто изъ осужденныхъ такимъ порядкомъ найдетъ себя невиновнымъ, то не предоставляя ему право апелляціи, можно принять отъ него не болѣе какъ черезъ мѣсяць по рѣшеніи жалобу въ губернское правительство; и тогда предсѣдательствующій губернаторъ войдя въ обстоятельства дѣла можетъ смотря по важности и существу онаго потребовать внесеніе дѣла въ Губернское Правительство для разсмотрѣнія. Все оное разумѣется о дѣлахъ къ содержанію духовнаго правленія относящихся; въ дѣлахъ же обязанностей подданическихъ и земскихъ сила общихъ государственныхъ узаконеній и учрежденій должна имѣть содѣйствіе на всѣ состоянія Таврическаго магометанскаго духовенства безъ изыятія. При семъ для полезнаго уваженія и отличія считаю только нужнымъ, чтобы дѣла уголовныя, въ случаѣ впаденія въ оныя улемовъ правленія составляющихъ, вносились посредствомъ губернатора въ Правительствующій Сенатъ, какъ узаконено о дворянахъ и чиновникахъ.

9) Имамовъ (священниковъ) съ одобренія прихожанъ опредѣлять улемскому т. е. духовному правленію, по испытаніи въ духовныхъ достоинствахъ и утвержденію муфтія. Но какъ со стороны ихъ поведенія и гражданскихъ свойствъ по связи чина ихъ съ состояніемъ земскимъ нужно полицейское свидѣтельство; то не иначе вступать имъ въ от-

правление должности, какъ когда по такому свидѣтельству избраніе ихъ утвердится указомъ губернскаго правительства.

10) Умножать число магометанскаго духовенства ни какой основательной причины быть не можетъ. Вся польза отъ духовенства и во всякомъ исповѣданіи состоитъ единственно во вліяніи благочестивыхъ онаго членовъ своимъ просвѣщеніемъ и нравами на общество; но таковыхъ едва ли гдѣ бываетъ сотнями, а тѣмъ болѣе тысячами, и не въ столь малолюдномъ краѣ какъ Таврида, въ коемъ цѣлая почти десятая часть всего народа составляетъ духовное званіе.

И такъ нужно только чтобы было достаточное число служителей магометанской вѣры для безостановочнаго управленія требъ ея по ея уставамъ, и справедливаго удовлетворенія усердію еѣ исповѣдующихъ: и такъ же потребное число для воспитанія и приготовленія въ чины оныхъ служителей. А для сего полезно учредить подъ наблюденіемъ губернатора особливой временной комитетъ, коему поручить войдя въ подробность разсмотрѣть и опредѣлить: а) сколько необходимо должно быть въ Тавридѣ имамовъ и каждаго званія дѣйствительнаго духовенства безъ малѣйшаго излишества, въ которомъ какъ и выше сказано ни какой нѣтъ пользы и надобности, а умноженіе и неограниченность числа даютъ только поводъ искать состоянія и входить въ него для тунеяднаго житья, въ избѣжаніе отъ повинностей къ тягости общественной. б) Разсмотрѣть всѣ ли настоящіе имамы и муллы способны къ должностямъ своимъ по качествамъ духовенству свойственнымъ; и всѣ ли достойны по своей земской внѣшности сообразно полицейскимъ правиламъ: и сіе разсмотрѣніе полезно для отличенія и одобренія достойнѣйшихъ и для перемѣны недостойныхъ лучшими.

При ономъ разсмотрѣніи можно будетъ мѣста неспособныхъ, есть ли то найдется нужнымъ, наполнять причисленіемъ паки къ духовенству достонѣйшихъ изъ записанныхъ въ окладъ изъ духовенства казенныхъ татаръ, а исключенныхъ изъ онаго по такому разсмотрѣнію вмѣсто ихъ возвратить въ число татаръ оныхъ. Сему Комитету также разсмотрѣть должно ли прибавить или убавить число училищъ духовныхъ; и ему же сдѣлать разсмотрѣніе для положенія къ утвержденію о движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ къ разнаго свойства храмамъ, училищамъ и установленіямъ по магометанскому правилу, или принадлежащихъ какъ называется у нихъ въ акуфу, а равно и о правнѣйшемъ и полезнѣйшемъ употребленіи съ нихъ доходовъ. Тутъ же сдѣлать положеніе о необходимо нужномъ числѣ всѣхъ оныхъ духовныхъ установленій, какъ то: джамій, мечетей, текій, медресе и проч. Тѣмъ паче, что они по уставамъ своимъ имѣютъ притязанія на имѣнія, о коихъ зрѣлый разборъ потребенъ для обращенія возможнаго на пользу общую. Но сверхъ того строить мечети для умноженія способовъ къ собраніямъ молитвеннымъ и заводить училища духовныя для распространенія полезныхъ знаній, безъ дачи имъ права на притязанія къ имѣніямъ, конечно не должно возбранять усердію и благонамѣренному избыточеству.

Такой Комитетъ нужно составить изъ двухъ или трехъ опытныхъ и разсудительныхъ мурзъ, изъ такого же числа ученѣйшихъ и честнѣйшихъ изъ духовенства, и одного російскаго чиновника, который бы ихъ постановленія при самыхъ разсужденіяхъ могъ удобнѣе

соображать съ правилами правительства, съ законами и учреждениями государственными, и управлять бы письмоводствомъ сего Комитета. Для общаго порядка нужно, чтобы при семъ комитетѣ находилось такъ же нѣсколько депутатовъ отъ поселянъ, кои были бы свидѣтелями разсужденій и постановлений Комитета и право бы имѣли дѣлать свои объясненія и возраженія. Постановлениямъ сего Комитета прилично вноситься на разсмотрѣнїе Губернскаго Правительства, которому при семъ разсмотрѣнїи во всемъ принимать для надлежащаго по мѣрѣ справедливости уваженія мнѣнїя муфтія и казыаскера, коимъ во времена испытанія при пересмотрѣ имамовъ и мулловоъ, и для самаго испытанія сего пристойно: первому предсѣдательствовать, а послѣднему засѣдать въ ономъ комитетѣ. О тѣхъ же обстоятельствахъ, кои требовать будутъ положенія на всегдашнее время, представить на утверженіе Правительствующему Сенату, а ему когда благоугодно будетъ и Вашему Императорскому Величеству.

Учрежденіе такого Комитета можетъ совершенно удовлетворить намѣренію во всей подробности разсмотрѣть и со всей точностью опредѣлить состояніе духовенства и такъ же общей вѣрѣ и надежности всего народа Таврическаго.

11) Касательно магометанскаго въ Тавридѣ обычая удѣлять бѣднымъ изъ своего имѣнїя, неможно конечно ничего лучше, какъ сослаться на слова манифеста вѣчнославной памяти Государынею Екатериною Великою даннаго 1796 года сентября 16 дня, въ коемъ сказано: „Правило въ ученїяхъ, отдавать бѣднымъ нѣкоторую часть своихъ доходовъ не можетъ быть возбранено; однако же съ тѣмъ чтобы не было тутъ никакого принужденія, а оставить каждому на произволъ давать еъ милостыню, сколько къ тому доброю волею побужденъ будетъ“. Но какъ у нихъ есть обычай въ правилахъ закона основанный и непремѣнный, духовнымъ описывать имѣнїя послѣ умершихъ и сороковую брать часть, то нужно учредить въ семъ порядкѣ и средства къ отвращенію вкрадывающихся злоупотребленій, а для сего и для благоустройной связи между земскаго и духовнаго состояніями, считаю надобнымъ описать оныхъ и взиманія части не дѣлать безъ того, чтобы при томъ вмѣстѣ съ духовенствомъ находилися въ селенїяхъ между поселянами головы или писари и еще одинъ повѣренный; въ каковое званіе выбирать ежегодно въ волостяхъ по одному или по два, смотря по надобности, о коей соображеніе можетъ быть сдѣлано въ помянутомъ комитетѣ, а въ городахъ и между мурзами, вмѣстѣ съ чиновниками градской и ханской полиціи, съ повѣренными такъ же отъ всякаго состоянїя на то избранными.

Что же касается до имѣнїя малолѣтнихъ и сиротъ, то оному послѣ вышепредставленной описи сохраняться прилично подъ опекою, основанною на общихъ учрежденїяхъ губернскихъ, подъ наблюденіемъ надлежащаго начальства, опекунами изъ каждаго состоянїя по пристойности опредѣляемыми.

12) Въ томъ же манифестѣ блаженной памяти Государыни Императрицы сказано: „Тяжебное или спорное дѣло между частными людьми, буде предоставлено будетъ съ согласія обѣихъ сторонъ посредничеству улемовъ (т. е. духовныхъ чиновъ) должно быть ихъ приговоромъ окончено, какъ то дѣлается въ дѣлахъ, кои отдаются на разрѣшеніе тре-

тейскаго суда; но по просьбѣ въ случаѣ неудовольствія поступать по общимъ законамъ“. Сіе положеніе весьма удобно для сокращенія тяжбныхъ дѣлъ, и симъ въ наилучшую пользу можетъ обратиться довѣріе магометанскаго народа къ своему духовенству. Нужно только такое сдѣлать о сѣмъ учрежденіе, чтобы суды оныя и разбирательства краткимъ самымъ образомъ могли производиться, не только въ каждомъ городѣ, но и въ каждой волости, нарочно для того магометанскимъ обществомъ избранными судьями изъ духовенства, и чтобы рѣшенія и сдѣлки, кои по онымъ учинятся и требовать будутъ записки, были утверждаемы явкою въ земскихъ судахъ и въ градскихъ полиціяхъ. Не нужно должностію сею заниматься улемамъ составляющимъ духовное правленіе, у коихъ должностъ сія могла бы отнимать время на дѣла общаго правленія духовнаго и бесполезно лишнее прибавлять имъ вліяніе на народъ, кромѣ того, что существованіе оныхъ судовъ во многихъ и разныхъ мѣстахъ подаетъ всякую удобностъ къ скорому окончанію на мѣстѣ тяжбъ и распрей всякаго рода, примиреніемъ иногда и безъ письменнаго производства“.

Съ чьимъ мнѣніемъ Лопухинъ „соображалъ мѣстныя свои свѣдѣнія о Тавридѣ“ при составленіи доклада, свѣдѣній не имѣется. Несомнѣнно лишь непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ таврическаго кады-эскера Абдурагима эфенди, которому, какъ это видно изъ препровожденнаго въ копіи Г. П. Мило-радовичу „для вѣдома“ письма отъ 13 февраля 1803 г.¹⁾ Лопухинъ писалъ: „Извѣстно уже вамъ что почтеннѣйшій муфтій таврической за болѣзнію и крайними невозможностями оставшись еще въ Москвѣ прислалъ ко мнѣ съ тѣмъ нарочнымъ, котораго я посылалъ къ нему, всѣ его бумаги, потребныя²⁾ къ дѣлу о магометанскомъ духовенствѣ, Высочайше мнѣ ввѣренному; при чемъ такъ же прислалъ и отношеніе вамъ врученное. И такъ теперь рекомендую только вамъ почтенный г-нь остаться въ Симферополѣ для бесѣдъ со мной, о чемъ найду я за нужное по оному дѣлу. Общаго же созыву духовенства въ здѣшній городъ и никуда, а равно и экзамена общаго настоятельнѣйше подтверждаю вамъ отнюдъ не дѣлать. Въ ономъ никакой нѣтъ нынѣ надобности, есть ли же она послѣдуетъ о томъ въ свое время конечно вы извѣститесь посредствомъ губернскаго начальства, коему по порядку прилично предварительно вѣдать о подобныхъ созывахъ“.

Муфтій Сеидъ Меметъ эфенди, нужно думать, возвратился въ Крымъ уже послѣ составленія Лопухинымъ всеподданнѣйшаго доклада. Къ такому выводу приводятъ помѣтки на двухъ письмахъ³⁾. Первое изъ нихъ министра внутреннихъ

¹⁾ Тавр. губ. арх. б. канц. губ. св. 40, № 27, 1803 г.

²⁾ Правописаніе сохранено.

³⁾ См. д. канц. губ. № 27, 1803 г. въ Тавр. губ. арх., св. № 40.

дѣлъ графа В. П. Кочубея отъ 19 ноября 1802 г. къ „Михайлѣ Павловичу Миклашевскому“¹⁾ такого содержания: „Г. Таврической муфтій, который бывъ удостоенъ отъ Его Величества высочайшей милости, возвращается въ свое отечество, вручить Вашему Превосходительству сіе письмо. Я препровождаю къ вамъ его съ тѣмъ, чтобы вы, Милостивый Государь мой, изволили ему подать зависящія отъ васъ пособія, буде встрѣтится ему какая надобность при разсмотрѣніи и устройствѣ дѣлъ тамошняго духовенства, къ чему онъ по пріѣздѣ въ тотъ край приступитъ“. На немъ рукой Миклашевскаго помѣчено: „П. 23 февраля 1803 г.“. Второе письмо Миклашевскаго отъ того же 23 февраля 1803 г. на имя Гр. Петр. Милорадовича такое: „Доставленное ко мнѣ Г. Таврическимъ муфтіемъ, отъ Его Сіятельства графа Виктора Павловича Кочубея обменъ письмо, препровождаю по принадлежности къ Вашему Превосходительству подленникомъ“. Помѣчено оно 27 марта.

Когда Лопухинимъ представленъ былъ выработанный проектъ государю и какое дано было направленіе этому проекту здѣсь, на мѣстѣ, никакихъ указаній не имѣется. Но такъ какъ время составленія его совпало съ временемъ самыхъ широкихъ преобразованій центральныхъ учреждений и реформъ во всѣхъ почти частяхъ государственнаго устройства, равнымъ образомъ — съ разработкой положенія объ устройствѣ учебныхъ заведеній и мѣръ къ развитію народнаго образованія, а также съ выработкой мѣръ къ улучшенію крестьянскаго быта и съ началомъ пересмотра въ комиссіи Заводовскаго законовъ и составленія уложенія, имѣвшаго „охранить права всѣхъ и каждого“, то здѣсь, видимо, было не до такой мелкой детали въ государственномъ механизмѣ, какъ духовное правленіе два Крымскихъ мусульманъ, и Лопухинскій проектъ застрялъ гдѣ-то въ одной изъ новыхъ министерскихъ канцелярій. Затѣмъ наступили военныя событія, когда краевыя нужды совсѣмъ ужь отошли на задній планъ.

Между тѣмъ, судя по дальнѣйшимъ ходатайствамъ, нужда въ законодательной санкціи правилъ объ управленіи духовными дѣлами татаръ ощущалась здѣсь острая, и замедленіе въ такой санкціи озабочивало и духовенство и татарское населеніе. Такъ, 24 октября 1804 г. муфтій Сеитъ-Мегметъ эфендій въ представленіи къ Мертваго²⁾ на татарскомъ языкѣ, напомнивъ всю исторію вопроса, писалъ: „и какъ г. сенаторъ Лопухинъ

¹⁾ Въ 1801 г. назначенъ былъ намѣстникомъ Новороссійскаго края.

²⁾ Дѣло канц. губ. Тавр. губ. арх. св. 51, № 332, 1804 г.

находится въ Санктъ-Петербургѣ долгое время, магометанскаго закона духовенство и татары настоятельно просятъ меня объ открытіи правленія, я о семъ Вашего Превосходительства все-нижайше прошу Вашего разсмотрѣнія, и въ открытіи духовнаго правленія не оставьте куда слѣдуетъ своимъ представленіемъ“. Какъ отнесся къ этой просьбѣ правитель области, свѣдѣній въ дѣлахъ нѣтъ.

Послѣ того прошелъ почти годъ. и Лопухинскій проектъ здѣсь -- въ Крыму, видимо, стали считать окончательно погребеннымъ въ морѣ подвергшихся такой же участи другихъ проектовъ. По этому ли, или по собственному почину, вызванному какими-либо обстоятельствами на мѣстѣ, а вѣрнѣе по просьбѣ муфтія, бывший въ то время Херсонскимъ губернаторомъ дюкъ-де-Ришелье въ бытность свою въ августѣ мѣсяцѣ 1805 г. въ г. Симферополѣ обратился къ правителю Таврической области Мертваго съ такимъ предложеніемъ отъ 28 числа за № 793¹⁾: „Извѣстно, что о духовномъ магометанскомъ здѣсь правленіи состоялось Высочайшее повелѣніе. Ваше Превосходительство не оставите по содержанію онаго войти въ разсмотрѣніе о лучшемъ духовной магометанской части устроеніи и о мнѣніи вашемъ по сему меня увѣдомить“.

Въ свою очередь и муфтіи Сеитъ-Мегметъ эфендіи письмомъ отъ 29 того же августа просилъ Мертваго войти куда слѣдуетъ съ представленіемъ объ открытіи духоваго правленія, такъ какъ „хотя по Высочайшему указу въ Крыму для наблюденія благочинія пять ефендіевъ опредѣлены, получаютъ изъ нихъ каждый изъ казны жалованье, но таковыя безъ правленія почти состоятъ не у дѣлъ“. При этомъ муфтіи, опасаясь, очевидно, имѣвшагося въ виду Лопухинскимъ проектомъ упраздненія мелкихъ приходоу, счелъ нужнымъ объяснить, что хотя въ Таврической области и есть много селеній всего въ 5--10 дворовъ, но всѣ они когда-то были большими и стали малоллюдными вслѣдствіе выселенія татаръ за границу или другія мѣста, и что въ такихъ малыхъ поселеніяхъ все же имѣются мечети и духовенство, которое, по имѣнію при мечетяхъ земли и за недостаткомъ пропитанія, такъ же намѣревается переселиться туда, гдѣ „многолюдство“. И тогда оставшіеся на мѣстахъ мусульмане будутъ лишены возможности выполнять требованіе религіи—пять разъ въ день посѣщать для молитвы мечеть, такъ какъ посѣтитъ столько разъ мечеть сосѣдняго села они не смогутъ успѣть.

¹⁾ Дѣло канц. губ. въ Тавр. губ. арх., св. 55. № 275, 1805 г.

28 сентября 1805 года, т. е. ровно через мѣсяць, Мертваго уже представилъ дюку-де-Ришелье „штаты духовнаго правленія магометанскаго закона и правила для производства и о обязанностяхъ духовныхъ, такъ-же копии Высочайшихъ указовъ, кои имѣлись основаніемъ при семъ сочиненіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ—если найдены будутъ сіи распоряженія соответствующими пользѣ здѣшняго края и исходатайствовано будетъ Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе“, „предоставить муфтію немедленно приступить къ назначенію приходовъ и избранію духовныхъ сообразно назначаемому числу, утвержденіе коихъ въ ихъ званіи учинить по правиламъ, удостоеннымъ Высочайшей апробаціи“.

Правила эти слѣдующія¹⁾:

Штатъ²⁾ духовнаго правленія магометанскаго закона.

ЗВАНІЯ ЧИНОВНИКОВЪ.	Число людей.	Имъ жалованія въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Председательствуетъ муфтіи . . .	1	2000	—	2000	—
Снимъ заседаютъ:					
Старшій ефендіи	1	500	—	500	—
Младшихъ ефендіевъ	5	200	—	1000	—
Письмоводитель	1	250	—	250	—
На канцелярскихъ служителей и на канцелярскіе расходы . . .	—	—	—	500	—
Итого	8	—	—	4250	—

Порядокъ опредѣленія къ должностямъ. Муфтіи избирается Таврической губерніи магометанскаго закона обывателями всѣхъ сословій, отъ каждаго города и уѣзда представляется по два кандидата начальнику губерніи. Губернаторъ, избравъ изъ нихъ трехъ кандидатовъ, предъявляетъ къ г-ну министру внутреннихъ дѣлъ для доклада Его Императорскому Величеству и Высочайшаго утвержденія кому изъ представляемыхъ кандидатовъ быть муфтіемъ. Старшій и младшіе ефендіи въ духовномъ правленіи засѣдающіе избираются изъ духовныхъ чиновниковъ муфтіемъ. На каждую вакансію избравъ трехъ кандидатовъ, представляетъ начальнику губерніи которой назначаетъ кому быть ефендіемъ.

¹⁾ Тавр. губ. арх. д. канц. губ. № 275, 1805 г., св. 55.

²⁾ Правописаніе сохраниено.

Письмоводитель опредѣляется по избранію Таврическаго гражданскаго губернатора.

Канцелярскіе служители опредѣляются муфтіемъ и ему, яко предсѣдателю, предоставляется право имѣть ихъ по мѣрѣ надобности, назначая жалованье по трудамъ и способности, лишь бы общая сумма на жалованье и канцелярской расходъ опредѣленная не превышали на то налагаемой.

Правила для производства дѣлъ Таврическаго духовнаго правленія магометанскаго закона.

1) Таврическое духовное правленіе магометанскаго закона въ губернскомъ городѣ Симферополѣ учреждаемое есть мѣсто губернскому правительству подчиненное, оно доставляетъ ему свѣдѣнія какіе въ отношеніи дѣлъ потребуются и исполняетъ неотложно по указамъ онаго.

2) Должность духовнаго правленія состоитъ найпаче въ томъ чтобы представляемыхъ для опредѣленія въ духовное званіе людей испытывать въ знаніи правилъ и обрядовъ закономъ предписуемыхъ. Наблюдаетъ за поведеніемъ подвѣдомственныхъ оному духовныхъ и чтобы исполняли онѣ всѣ тѣ обязанности къ которымъ опредѣлены. Благоговѣніе къ священной Его Императорскаго Величества Особѣ, вѣрность къ Высочайшему Его престолу и совершенное во всѣхъ отношеніяхъ наблюденіе и исполненіе вѣрноподданнической присяги суть первѣйшіе обязанности духовныхъ. Онѣ примѣромъ и словами должны о томъ внушать народу для моленія сходящемуся.

3) Муфтіи яко предсѣдатель правленія и первенствующая духовная особа, поступками и поведеніемъ своимъ долженъ показывать примѣръ его подчиненнымъ вѣрности. Кротость и безкорыстіе суть качества санъ его украющіе. Онѣ внушая къ нему почтеніе отъ людей укореняютъ въ нихъ добродѣтели ученіемъ его посѣваемые.

4) Старшіи и младшіе ефендіи въ духовномъ правленіи засѣдающіе суть совѣтники муфтію подчиненные, имъ раздѣляетъ онъ труды надзора и производства дѣлъ до обязанности правленія относящіяся.

5) Избраніе людей въ духовное званіе опредѣляемыхъ, какъ то муллъ и протчихъ при мечетяхъ и школахъ должности отправляющихъ, зависитъ отъ муфтія. Онъ предлагаетъ правленію экзаменовывать ихъ и буде найдутся знающими и способными къ назначаемымъ должностямъ, тогда духовное правленіе предоставляетъ ихъ лично въ губернское правительство, гдѣ чрезъ ефендія въ правленіи засѣдающаго приводится къ присягѣ и дается ему открытый листъ за подписаніемъ губернатора и приложеніемъ печати во свидѣтельство духовнаго его званія.

6) Духовному правленію не дозволяется умножать число духовныхъ людей, сверхъ того какъ по штатному положенію для мечетей и школъ налагается.

7) Если паче чаянія кто бы то ни было изъ людей въ духовное званіе удостоенныхъ окажется не соблюдающимъ обязанности или въ поступкахъ законамъ противныхъ, и коего поведеніе дѣлаетъ поношеніе его званія, то муфтіи долженствуетъ такового отрѣша отъ должности предать суду духовнаго правленія.

8) Если паче всякаго чаянія окажется въ преступленіи ефендіи въ духовномъ правленіи засѣдающій то обязанъ муфтіи представить губер-

натору, и вслѣдствіе письменнаго его о томъ предложенія удаля отъ исправленія должности предать суду духовнаго правленія.

9) Во всѣхъ дѣлахъ сужденію духовнаго правленія принадлежащихъ муфтій не имѣеть болѣе силы и власти какъ въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ предсѣдатели на основаніи законовъ имѣють.

10) Всякіе рѣшенія духовнаго правленія вносятся на разрѣшеніе губернатора и приводятся въ исполненіе по утвержденіи его.

11) Если Губернаторъ съ рѣшеніемъ духовнаго правленія магометанскаго будить несогласіе то имѣеть право предложить оному о притчинахъ его несогласія, предложеніе Губернатора правленіе взявъ въ уваженіе учиняетъ вновь сужденіе и буде останется при прежнемъ мнѣніи и опредѣленія своего перѣменить не согласится тогда Губернаторъ останова исполненіе представляетъ дѣло Правительствующаго Сената въ 1 Департаментъ и ожидаетъ указа.

12) Духовнымъ правленіемъ осужденный и вслѣдствіе утвержденія губернатора духовнаго званія лишенный обращается въ то состояніе обывателей изъ коего поступилъ въ духовное званіе.

13) Дѣла въ духовномъ правленіи производятся на татарскомъ языкѣ представленія же губернскому правительству и губернатору переводятся и подаются на русскомъ языкѣ какъ равно и документы на коихъ основывается рѣшеніе.

14) Духовное правленіе въ началѣ каждаго года собравъ свѣдѣнія отъ подчиненныхъ оному муллѣ о числѣ родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведшихся сочиняетъ генеральную вѣдомость съ раздѣленіями по городамъ и въ уѣздахъ по волостямъ и представляетъ губернскому правительству для повѣрки съ свѣдѣніями отъ городскихъ и земскихъ полицій получаемыми.

15) Духовному правленію и подчиненнымъ его всякаго званія духовнымъ дозволяется на основаніи правилъ магометанскаго закона производить раздѣлъ имѣній послѣ умершихъ, но не иначе какъ по точному о томъ прошенію участвующихъ въ наслѣдствѣ. Приговоръ онаго долженъ быть оконченъ какъ-бы приговоръ третейскаго суда. Для чего и представляется губернскому правительству. Если же наслѣдники не дадутъ узаконенной записи о безпрекословномъ повиновеніи по приговору избранныхъ къ раздѣлу имѣнія и будутъ приговоромъ недовольны то губернское правительство отошлетъ дѣло въ судебное мѣсто вѣдомству коего по роду наслѣдниковъ и раздѣлаемаго имѣнія оно принадлежитъ, предписавъ чтобы приняты были во уваженіе правила магометанскимъ законамъ предписуемые въ тѣхъ только случаяхъ гдѣ не противорѣчатъ онѣ государственнымъ постановленіямъ.

О мечетяхъ и школахъ въ таврической губерніи по штату полагаемыхъ.

1) Каждой мечетѣ полагается приходъ состоящій неменѣе пятидесяти и не болѣе ста дворовъ.

2) При каждой мечетѣ имѣеть быть школа для обученія малолѣтнихъ и домъ для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ коимъ по немѣню родственниковъ пропитанія имѣть негдѣ.

3) При каждой мечетѣ имѣеть быть устроень народная магазинъ для помѣщенія хлѣба каждагодно въ запасъ собираемаго.

4) Устроение мечетей, школъ, домовъ для призрѣнія неимущихъ и запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ возлагается на обывателей приходъ составляющихъ какъ равно и содержаніе ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, для чего какъ и на содержаніе духовныхъ слѣдуя правиламъ магометанскаго закона даютъ онѣ десятую долю отъ урождающагося.

5) На основаніи правилъ магометанскаго закона части отъ раздѣляемаго имѣнія духовенству принадлежащаго причисляются къ мечетному доходу.

6) Муфтію предоставляется входъ въ состояніе каждаго прихода по усмотренію надобностей располагать сими суммами, для чего о всѣхъ приходахъ и расходахъ содержать особую книгу въ духовномъ правленіи, записывая въ ней сколько въ которомъ приходѣ собирается дохода мечетнаго, сколько и на что именно употребляется. И по какимъ притчинамъ отколъ и куда призналъ муфтіи за нужное переслать деньги или собранную провизию.

7) Если мѣстныя обстоятельства воспрепятствуютъ гдѣ составленію прихода изъ назначаемаго числа дворовъ и по причинѣ трудности пути и отдаленности окажется необходимо надобнымъ составить приходъ изъ меншаго числа дворовъ, то съ точнымъ изъясненіемъ обстоятельствъ муфтіи представляетъ губернатору который на сіе дозволяетъ въ томъ случаѣ когда обыватели согласятся и удостовѣрятъ письменно что доставятъ содержаніе мечетѣ и служащимъ при ней равное съ прочими приходами.

О приходахъ магометанскаго закона. при мечетяхъ и школахъ должности отправляющихъ.

1) При каждой мечетѣ гдѣ есть и школа опредѣляется отъ трехъ до пяти челоуѣкъ разнаго наименованія духовныхъ. Назначеніе числа сообразно числу обывательскихъ дворовъ приходъ составляющихъ предоставляется муфтію съ утвержденія губернатора.

2) Всякой духовной магометанскаго закона не можетъ вступить въ отправленіе служенія въ мечетяхъ и преподаваніе ученія въ школахъ доколѣ не избранъ къ тому способный, отъ муфтіи не экзаменованъ въ духовномъ правленіи и вслѣдствіе того не приведенъ въ присутствіи губернскаго правительства къ присягѣ и не снабженъ открытымъ листомъ о званіи его священнослужительскомъ.

3) Духовные магометанскаго закона къ отправленію должностей опредѣленные свободны отъ всякихъ службъ и повинностей на обывателей по законамъ возлагаемыхъ.

4) Духовные получая содержаніе отъ обывателей приходъ составляющихъ, отправляя служеніе Богу, должны служить поученіемъ закона внушать народу добродѣтели гражданскіе, яко то: кротость, воздержаніе отъ страстей и трудолюбіе, поведеніе духовныхъ должно быть основано на той нравственности, которой онѣ поучаютъ.

5) Духовные будучи обязаны закономъ пять разъ въ продолженіи одного дня и одной ночи приходитъ въ мечеть, а преподающіе въ школахъ ученіе находятся неотлучно, слѣдовательно упражняются въ полевыхъ и прочихъ хозяйственныхъ работахъ имъ нельзя, но дабы остающееся отъ занятій ихъ время употреблять не въ праздности на пользу общую тѣхъ людей кои ихъ содержатъ, то возлагается на нихъ присмотрѣ

за неимущими при мечетяхъ отъ обывателей того прихода содержимыми, такожь и запасные народные хлѣбные магазины при мечетяхъ устроиться должествующіе имѣютъ быть въ ихъ вѣдомствѣ.

6) Каждогодно при снятіи съ полей хлѣба каждый обыватель прихода долженъ въ общій магазинъ количество для собственной его предосторожности закономъ опредѣленное. Мулла коему поручено за нимъ наблюдение долженъ записать въ книгу имя обывателя, мѣсяць и число когда положили они, какого именно и сколько хлѣба.

7) Въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ надлежитъ чтобы все число хлѣба въ запасъ опредѣленное было собрано въ магазинъ, въ продолженіи сихъ мѣсяцевъ мулла долженъ собравшимся на молитву объявлять, кто именно сколько положилъ и кто не исполнилъ своей обязанности, побуждая съ кротостію поучительными словами дабы неисправніи устыдятся своей лѣности исполнили должное.

8) Въ концѣ октября мѣсяца мулла коему поручено наблюдение за магазиномъ доставляетъ волостному головѣ регистры о обывателяхъ хлѣбъ въ запасъ неположившихъ для побужденія таковыхъ силою власти.

9) Буде по несчастному приключенію кто либо изъ обывателей окажется дѣйствительно не въ состояніи внести хлѣбъ въ общественной народной магазинъ слѣдующій то мулла долженъ объявить собравшимся для молитвы обывателямъ и приглашать ихъ, дабы учинили пособіе челоуѣку отъ несчастія здѣлававшемуся несостоятельнымъ.

10) Изъ запаснаго народнаго магазина заимообразная выдача хлѣба обывателямъ приходъ составляющимъ зависитъ отъ общаго приговора людей того прихода. Мулла коему поручено надзирание свидѣтельствуя волю обывателей и дѣйствительною въ томъ надобность увѣдомляетъ волостнаго голову, а тотъ надлежащимъ порядкомъ доносить земскому исправнику и ожидаетъ дозволенія.

11) Каждогодно въ декабрѣ мѣсяцѣ мулла, коего вѣдомству порученъ народной магазинъ, доставляетъ къ муфтїю свѣдѣніе о дѣйствительномъ числѣ наличнаго хлѣба, а муфтїй сочиня вѣдомости представляетъ губернатору для повѣрки со свѣдѣніями отъ нижнихъ земскихъ судовъ получаемыми“.

Однако и приведенный сей часъ проектъ Магометанскаго Духовнаго Правленія, составленный Дм. Бор. Мертваго, постигла очевидно та же судьба, что и Лопухинскій, такъ какъ 21 февраля 1809 г. (№ 21)¹⁾ новый уже муфтїй Сеитъ Муртаза эфенди писалъ назначенному новому же гражданскому губернатору генераль-лейтенанту Андр. Мих. Бороздину, что „поянѣ нѣтъ разрѣшенія, открыть же духовное правленіе для здѣшняго магометанскаго народа весьма нужно и полезно, какъ Вашему Превосходительству не безъ извѣстно“. При этомъ муфтїй приложилъ въ копїи штатъ и правила, а также и дополненіе имъ сдѣланное— „какіе должно пункты въ пра-

¹⁾ Дѣло канц. губ. № 275.—1805 г., губ. арх. св. 55.

вилъ перемѣнить“, и просилъ „лично походатайствовать у начальства утверженія“.

Губернаторъ Бороздинъ все это 18 марта 1809 г. (№ 62)¹⁾ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ и поддержалъ ходатайство муфтія. О томъ, какія были сдѣланы Сеить Муртазой эфенди дополненія въ проектъ Мертваго, никакихъ слѣдовъ въ дѣлахъ не осталось.

19 августа 1809 года²⁾ муфтіи совмѣстно съ высшими представителями татарскаго населенія (коллежскій совѣтникъ Меметша Кипчакскій, надворный совѣтникъ Мемедша Аргинскій, Феодосійскій предводитель дворянства Атай Ширинскій, капитанъ Джантемиръ, мурза Улановъ, коллежскій ассесоръ Исмаиль Бей, титулярный совѣтникъ Максютъ мурза Ширинскій, помѣщикъ Садикъ Челебѣевъ, Ислямъ Гирей Ширинскій, маіоръ Азаматъ мурза Аргинскій, ротмистръ Касимъ мурза Аргинскій) письмомъ просилъ Бороздина воспользоваться пребываніемъ въ Симферополѣ дюка-де-Ришелье и возобновить ходатайство объ утвержденіи штата и правилъ. Но прошло еще два года, и такъ какъ такого утвержденія все-же не послѣдовало, то муфтіи, по совѣту губернатора, заново составилъ правила, и губернаторъ ихъ опять 13 іюля 1811 г. представилъ дюку-де-Ришелье съ настойчивой просьбой объ исходатайствованіи утвержденія таковыхъ „по уваженію вновь дошедшей до него просьбы всего Таврическаго благороднаго общества націи татарской“ и потому, что „по нынѣшнимъ обстоятельствамъ сіе духовное правленіе весьма нужно и для края сего было бы полезно“.

Много и за это время, и въ послѣдующіе годы издано было законовъ о Крымѣ и крымскихъ татарахъ. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ касались мусульманскаго духовенства и даже имѣли непосредственное отношеніе къ управленію духовными ихъ дѣлами. Такъ, 2 іюня 1826 г. Высочайше утверждено было мнѣніе госуд. сов.³⁾ о допущеніи раздѣла имѣній, оставшихся послѣ магометанъ, по ихъ закону; 23 ноября того же года въ томъ же порядкѣ утверждено положеніе⁴⁾ Комитета министровъ—о порядкѣ опредѣленія кадѣвъ въ Крыму; 27 марта 1830⁵⁾ г. также утверждено мнѣніе государственнаго

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ П. С. зак. Росс. Имп. 1826 г. № 386.

⁴⁾ Тамъ же № 690.

⁵⁾ Тамъ же за 1830 г. № 3559.

совѣта— о предоставленіи разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ между магометанами о неповиновеніи дѣтей ихъ родителямъ магометанской духовной власти, по обрядамъ и законамъ сего духовенства. А утвержденіе штатовъ и правилъ все чѣмъ-то задерживалось, и только 23 декабря послѣдовалъ именной указъ, данный Правительствующему Сенату, который гласитъ:

„Признавъ необходимымъ дать предназначенному еще въ 1794 году Таврическому магометанскому духовному правленію надлежащее, твердое полное образованіе и опредѣлить съ точностью правила производства духовныхъ дѣлъ магометанъ, обитающихъ въ губерніи Таврической и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западныхъ губерній Имперіи Нашей, главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій соображало представленныя въ резныя времена о семь мѣстными начальствами мнѣнія и предначертанія съ общими узаконеніями о подданныхъ Нашихъ, исповѣдующихъ магометанскую вѣру, и на основаніи сихъ соображеній составило проектъ положенія о Таврическомъ магометанскомъ духовенствѣ и порядкѣ отправленія подлежащихъ вѣдѣнію его дѣлъ.

Находя, что постановленіями сего положенія, разсмотрѣннаго въ государственномъ совѣтѣ, достаточно охраняются съ одной стороны соблюденіе надлежащаго въ теченіи дѣлъ порядка, съ другой же какъ общія въ Государствѣ Нашемъ правила вѣротерпимости, такъ и особенныя, татарскимъ жителямъ Таврической губерніи дарованныя преимущества, и потому утвердивъ оное вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему штатомъ (томъ VI, отд. II) Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія, повелѣваемъ Правительствующему Сенату сдѣлать нужныя распоряженія, для приведенія онаго въ дѣйство“.¹⁾

Изъ сравненія вышеприведенныхъ проектовъ сенатора Лопухина и перваго таврическаго губернатора Мертваго съ изданнымъ 23 декабря 1831 года положеніемъ о Таврическомъ магометанскомъ духовенствѣ видно, между прочимъ, что въ положеніи этомъ шире охваченъ кругъ дѣятельности магометанскаго духовнаго правленія; дѣйствія его распространены на мусульманъ, обитающихъ въ западныхъ губерніяхъ; болѣе подробно регламентированы права и обязанности какъ самого правленія, такъ и каждаго изъ духовныхъ лицъ; указаны гражданскія права этихъ лицъ; возстановлена должность кади-эскера, но съ иными, чѣмъ въ проектѣ Лопухина. функціями; членами правленія, вмѣсто особыхъ „эфендіевъ“ и „улемовъ“, признаны уѣздные кади; предсѣдательство въ засѣданіяхъ правленія возложено на муфтія, а не кади-эскера; муфтію предоставлено издавать фетвы, но по разсмотрѣніи ихъ установленнымъ порядкомъ (въ дальнѣйшемъ въ полномъ присутствіи духовнаго правленія); установлено время засѣданій правленія;

¹⁾ Положеніе см. въ приложеніи къ сему.

предоставлено послѣдному вести переписку на мѣстномъ татарскомъ и русскомъ языкахъ; введена нѣкая связь правленія въ отношеніи мусульманскихъ школъ съ директоромъ народныхъ училищъ и пр. Въ то же время внесенное Лопухинымъ въ его проектъ шаріатское право о зекятѣ (закатѣ), допущенное къ условному примѣненію манифестомъ 16 сентября 1796 г., въ „положеніе“ вовсе не вошло, равнымъ образомъ въ него не введено и проектированное губернаторомъ Мертваго возложеніе на муллъ обязанностей по завѣдыванію въ мусульманскихъ приходахъ запасными хлѣбными магазинами.

Вообще съ введеніемъ въ дѣйствіе положенія 23 декабря 1831 года исключена была возможность болѣе или менѣе рѣзкихъ сдвиговъ правовыхъ шаріатскихъ постановленій въ сторону нашего гражданскаго и уголовного права и наоборотъ. А такіе сдвиги встрѣчались въ первые годы неоднократно и иногда доходили даже до Сената. Такъ, напр., въ 1832 году въ П. С. Зак. Росс. Имп., подъ № 550, помѣщенъ сенатскій указъ „о порядкѣ производства и разсмотрѣнія дѣлъ о наказаніи магометанъ за прелюбодѣяніе по силѣ личныхъ рѣшеній муфтія“. Самое же дѣло, по которому послѣдовалъ этотъ указъ, началось много ранѣе и никакъ не позже 1830 года, т. е. до изданія положенія о Таврическомъ магометанскомъ духовенствѣ. Возникло оно по слѣдующему поводу. Бухарецъ Аджи Кемаль, послѣ сожительства въ теченіе нѣкотораго времени съ женою татарина дер. Актачи-Кіятъ, Симферопольскаго уѣзда. Хакредита, Аипъ Сефою, увезъ ее въ отсутствіе мужа съ помощью татарина Мурадасила. Аджи Кемаль сознался въ этомъ, а остальные хотя и запирались въ своей винѣ, но были уличены въ ней. Таврической муфтіей Сейтъ Джемиль эфенди, извѣщенный объ указанныхъ обстоятельствахъ симферопольскимъ нижнимъ земскимъ судомъ, основываясь на мусульманскихъ законахъ и „предоставленной (?) ему въ дѣлахъ сего рода власти“, приговорилъ:

Бухарскаго Аджи Кемала, какъ онъ есть холостъ и, будучи тамъ гостемъ, покусился разстраивать семейство и въ содѣянномъ сознался, наказать при Симферопольской городской полиціи палками, давъ ему ударовъ девяносто девять, и потомъ, дабы подобныхъ и непотребныхъ дѣлъ и смущеній между супружествами магометанскаго народа не производилъ, выслать на мѣсто его родины за карауломъ. Жену татарина Хакредита, за умертвіемъ въ недавнемъ времени мужа во вдовствіи нынѣ находящуюся Аипъ Сефа, какъ оставившую домъ безъ бытности мужа и посягнувшую на прелюбодѣйство, къ воздержанію ея впредь отъ таковыхъ поступковъ, въ страхъ другихъ и для сохраненія вѣрности

въ супружествѣ, наказать въ деревнѣ Сарчи-Кіятъ при собраніи общества розгами и отдать потомъ приходскому имаму для усовѣщеванія и принесенія молитвъ въ испрошеніи въ содѣянномъ преступленіи прощенья, и поколь поведеніемъ исправится. Татарина Мурадасиля, участвовавшего совмѣстно съ Аджи Кемаломъ въ непотребствахъ, не соотвѣтствующихъ не только вѣрѣ магометанской, но и совѣсти cadaго благомыслящаго магометанина, по уваженію молодыхъ его лѣтъ и въ надеждѣ, что онъ отъ подобныхъ поступковъ воздержится, наказать при Симферопольской городской полиціи палками, давъ ему ударовъ тридцать девять, и потомъ оставить на мѣстѣ жительства подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства, дабы оно за поведеніемъ его имѣло надзоръ“.

Приговоръ этотъ муфтій представилъ въ Таврическое губернское правительство для исполненія, но послѣднее, не находя закона, по которому личныя его рѣшенія должны бы быть исполняемы, подобно судебнымъ приговорамъ, и принявъ въ соображеніе, что приговоръ къ тѣлесному наказанію не можетъ быть основанъ на духовныхъ постановленіяхъ, просило указанія у Таврическаго гражданскаго губернатора. Губернаторъ дѣло представилъ Новороссійскому и Бессарабскому генераль-губернатору съ своимъ мнѣніемъ, что тѣлесное наказаніе, лишшающее честнаго имени, должно быть налагаемо гражданскимъ судомъ и что муфтій въ подобныхъ настоящему случаяхъ обязанъ передавать дѣло гражданской власти безъ его участія въ немъ. Генераль-губернаторъ, также находя, что муфтій долженъ ограничиваться только такими приговорами, которые могутъ быть исполняемы духовною мусульманскою властью, и о поступкахъ, влекущихъ за собою гражданское наказаніе, сообщать судебнымъ мѣстамъ для рѣшенія,—представилъ объ этомъ Правительствующему Сенату. Въ дальнѣйшемъ, вслѣдствіе требованія Сената, по приведенному дѣлу даны были заключенія главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министромъ внутреннихъ дѣлъ, при чемъ этотъ послѣдній въ основу своего отрицательнаго въ отношеніи приговора муфтія заключенія уже ввелъ положеніе о мусульманскомъ духовенствѣ 23 декабря 1831 года. Съ его заключеніемъ согласился и Сенатъ.

Вообще съ изданіемъ положенія 23 декабря 1891 года примѣненіе шаріатскихъ правовыхъ нормъ въ средѣ таврическихъ и западныхъ мусульманъ введено въ опредѣленныя рамки, и управленіе духовными ихъ дѣлами получило стройную организацію. Законъ этотъ, кодифицированный со всѣми послѣдующими измѣненіями, вошелъ въ сводъ законовъ Россійской Имперіи, т. XI, ч. I, изд. 1857 г., гдѣ онъ выдѣленъ въ „книгу пятую“.

Въ дальнѣйшемъ многія статьи означеннаго закона подвергались также измѣненіямъ, но о нихъ, какъ равно объ измѣненіяхъ до 1857 г. и о дѣятельности Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія со времени его учрежденія авторъ предполагаетъ сдѣлать особое сообщеніе. Въ заключеніе настоящаго очерка, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь, на основаніи архивнаго матеріала, одну изъ косвенныхъ, нужно думать, причинъ, побуждавшихъ муфтіевъ первыхъ десятилѣтій къ проявленію особенной настойчивости для достиженія скорѣйшаго изданія закона о Таврическомъ магометанскомъ духовномъ правленіи.

Насколько извѣстно, большинство муфтіевъ, и особенно изъ числа первыхъ,—проживали на своихъ земляхъ внѣ города Симферополя, въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ него, и въ Симферополь наѣзжали лишь временно для разрѣшенія подлежащихъ ихъ вѣдѣнію дѣлъ. Для такого временнаго пребыванія въ губернскомъ городѣ пріючь для себя лично они находили, но имъ, помимо этого, нужно было имѣть еще помѣщеніе подъ канцелярію, на наемъ котораго денегъ они не получали, а между тѣмъ платить за него должны были. Поэтому-то сенаторъ Лопухинъ, указывая въ своемъ проектѣ на необходимость открытія магометанскаго духовнаго правленія въ Симферополѣ „по нужной близости правленія того къ правительству губернскому“, признавалъ, что „прилично и нужно дать оному правленію домъ покупкою умѣреннаго, какового больше и не надобно, или пожалованіемъ на то суммы, которую такъ же опредѣлить изъ казны и на его содержаніе“. А черезъ годъ приблизительно послѣ представленія Лопухинскаго проекта явилось и предложеніе продажи дома въ казну.

Вдовая экономія директора Таврической области, статскаго совѣтника Матвѣя Никитича Смирнова — Екатерина Петровна Смирнова¹⁾ въ 1804 г. обратилась къ императору Александру I съ просьбой о пріобрѣтеніи въ казну доставшагося ей послѣ смерти мужа дома въ г. Симферополѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. П. Кочубей просьбу эту сообщилъ Херсонскому военному губернатору Андр. Гр. Розенбергу и потребовалъ, чтобы домъ Смирновой былъ оцѣненъ, сдѣлана была опись строенія и указано, „можетъ ли онъ быть способенъ и нуженъ для казеннаго употребленія“. Розенбергъ все это письмомъ отъ 8 декабря 1804 г., за № 2999, сооб-

¹⁾ Тавр. губ. арх. дѣло св. 51, № 332, 1804 г.

шилъ для исполненія гражданскому губернатору Мертваго, а послѣдній поручилъ производство оцѣнки дома, совмѣстно съ магистратскими членами и присяжными оцѣнщиками, и составленіе описи строенія губернскому землемѣру Неклину и правящему въ Симферополѣ городническую должность тит. сов. Мартынову.

30 января 1805 года было исполнено требуемое, а 6 февраля того же года губернаторъ Мертваго представилъ планъ дома и оцѣнку его ген. Розенбергу и при этомъ донесъ, что „если благоугодно будетъ купить сей домъ въ казну, то прилично бы было опредѣлить его для помѣщенія магометанскаго духовнаго правленія, гдѣ съ малою прибавкою строенія и поправленіемъ удобно можетъ помѣститься и муфтій, долженствующій имѣть въ Симферополѣ пребываніе. Кромѣ того, Мертваго счелъ нужнымъ сообщить, что о правѣ владѣнія указаннымъ домомъ „имѣется сумнѣніе“, т. к. въ губернское правительство изъ учрежденной въ Крыму для разбора земельныхъ споровъ комиссіи поступило прошеніе вдовы татарки Хатидже, жалующейся, что тѣмъ домомъ, ей принадлежащимъ, умершій статскій совѣтникъ Смирновъ въ бытность его экономіи директоромъ завладѣлъ неправильно.

Затѣмъ 22 февраля 1805 г. отъ военнаго губернатора получился новый запросъ о томъ, въ какомъ домѣ помѣщаются магометанское духовное правленіе и муфтій, имѣютъ ли они какое-либо право на назначеніе помѣщенія отъ казны и не обязаны ли они имѣть таковое отъ своего общества. На это Мертваго 26 февраля сообщилъ, между прочимъ, что, какъ ему извѣстно, сенаторъ Лопухинъ въ докладѣ Государю выразилъ мысль о необходимости открытія магометанскаго духовнаго правленія въ Симферополѣ и отвода для него пріобрѣтеннаго покупкою дома, и что хотя Высочайшей конфирмаціи по этому дѣлу еще не послѣдовало, но домъ пріобрѣсти слѣдовало бы.

На этомъ, кажется, вопросъ о покупкѣ дома наслѣдниковъ Смирнова къ казну и закончился, такъ какъ изъ имѣющихся въ томъ же дѣлѣ¹⁾ свѣдѣній видно, что въ 1806 г. онъ еще принадлежалъ тѣмъ же наслѣдникамъ и отдавался въ наемъ: въ немъ помѣщалась тогда комиссія, учрежденная для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей на Крымскомъ полуостровѣ. Магометанское же духовное пра-

¹⁾ Тавр. губ. арх. дѣло 51 св. № 332, 1804 г.

вленіе такъ казеннаго дома и не получило и не имѣло его до учрежденія Вакуфной Коммиссіи, которая только въ 1897 г. на вакуфныя средства приобрѣла домъ для себя и для духовнаго правленія.

Здѣсь же находимъ умѣстнымъ привести имѣющіяся въ дѣлѣ губ. арх., св. 55, № 275, 1805 г. вѣдомости: 1) представленную муфтіемъ Сеитъ Мегметомъ эфендіемъ, о числѣ волостей, деревень, мечетей и о количествѣ мусульманскаго духовенства въ Крыму и 2) „о казенныхъ поселянахъ на волости раздѣленныхъ въ Таврической губерніи по уѣздамъ“.

Ив. Александровъ.

Приложеніе 1-е.

ПОЛОЖЕНІЕ

I. О Таврическомъ магометанскомъ духовенствѣ и правахъ онаго.

§ 1. Таврическое магометанское духовенство разсматриваетъ и рѣшитъ по своему закону всякія собственно духовнаго рода дѣла магометанъ, обитающихъ въ Таврической и въ западныхъ, возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ.

§ 2. Жалобы на рѣшенія Таврическаго магометанскаго духовенства въ дѣлахъ сего рода принимаются чрезъ начальника губерніи, для разсмотрѣнія въ главномъ управленіи духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

§ 3. Если приносимыя по порядку жалобы на рѣшенія магометанскаго духовенства окажутся, по разсмотрѣніи оныхъ, заслуживающими уваженіе; то объ нихъ дѣлается представленіе Правительствующему Сенату, или Его Императорскому Величеству.

§ 4. Таврическое магометанское духовенство имѣетъ право также разсматривать и рѣшитъ по своему закону дѣла о частной собственности, возникающія по завѣщаніямъ, или при раздѣлѣ имѣній между наследниками, но тогда только, когда участвующіе въ сихъ дѣлахъ магометане просятъ о семъ, и примутъ безпрекословно объявленное имъ рѣшеніе. Раздѣлы, въ семъ случаѣ совершаемые, утверждаются въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ.

§ 5. Если частные магометане объявятъ неудовольствіе на рѣшеніе духовенства въ дѣлахъ, касающихся до ихъ собственности, и обратятся съ просьбою къ гражданскому начальству; то разсмотрѣніе силъ дѣлъ предоставляется обыкновеннымъ судебнымъ мѣстамъ по установленному общими узаконеніями порядку.

§ 6. Таврическое магометанское духовенство, на основаніи дарованныхъ ему правъ, остается навсегда свободно отъ всякихъ податей и налоговъ.

§ 7. Право принадлежать къ Таврическому магометанскому духовенству основывается на происхожденіи отъ онаго и доказывается ревизскими сказками.

§ 8. Таврическіе магометанскіе духовные, принадлежа къ состоянію свободному, имѣютъ всѣ права сего состоянія, какъ личныя, такъ и относящіяся къ собственности; если же имѣютъ, сверхъ того, права дворянства, на наджалещихъ доказательствахъ основанныя, то сохраняютъ ихъ и пользуются оными.

§ 9. Таврическимъ магометанскимъ духовнымъ не воспрещается вступать въ купеческое и мѣщанское званіе, съ исключеніемъ изъ духовнаго состоян:я.

§ 10. Таврическіе магометанскіе духовные въ дѣлахъ, относящихся къ обязанностямъ ихъ званія, подлежатъ суду своего начальства.

§ 11. Таврическіе магометанскіе духовные не иначе могутъ быть лишаемы своего званія за поступки, противныя ихъ духовнымъ обязанностямъ, какъ по слѣдствію, ясно доказывающему ихъ вину, и по рѣшенію власти, отъ которой зависѣло ихъ утверженіе

§ 12. Пользуясь сими Высочайше дарованными имъ правами въ дѣлахъ, касающихся до ихъ вѣроисповѣданія, или до преимуществъ ихъ званій, и въ тѣхъ, кои сообразно съ §§ 1 и 4 сего положенія, могутъ поступать на ихъ разсмотрѣніе, Таврическіе магометанскіе духовные, во всѣхъ иныхъ случаяхъ и дѣлахъ гражданскихъ, полицейскихъ и уголовныхъ, подлежатъ общимъ закономъ государства.

II. О разныхъ званіяхъ и степеняхъ Таврическаго магометанскаго духовенства.

§ 13. Таврическое магометанское духовенство раздѣляется на высшее и приходское.

§ 14. Высшее духовенство состоитъ изъ муфтія, кади-эскера и уѣздныхъ кадіевъ: Симферопольскаго, Феодосійскаго, Перекопскаго, Евпаторійскаго и Ногайскаго.

§ 14. Таврическій муфтія есть глава магометанъ, обитающихъ въ Таврической и въ западныхъ, отъ Польши возвращенныхъ, губерніяхъ. Онъ одинъ имѣетъ право давать фетивы о дѣлахъ сихъ магометанъ, по разсмотрѣніи оныхъ установленнымъ для того порядкомъ.

§ 16. Кади-эскеръ есть помощникъ муфтія, завѣдывающій дѣлами по его распоряженію и вступающій его мѣсто во время болѣзни, отсутствія и послѣ его увольненія или смерти, до избранія новаго.

§ 17. Уѣздные кадіи разсматриваютъ и рѣшатъ всѣ возникающія въ порученныхъ имъ уѣздахъ или округахъ дѣла по опредѣленному въ семъ положеніи порядку, на основаніи духовныхъ магометанскихъ законовъ.

§ 18. Приходское магометанское духовенство состоитъ изъ приходскихъ хатыповъ, имамовъ, муллъ, маязиновъ и служителей при мечетяхъ.

§ 19. Хатыпи, имамы и муллы совершаютъ богослуженіе въ мечетяхъ, исправляютъ духовныя по магометанскому закону требы во ввѣренныхъ имъ приходсахъ, и разсматриваютъ встрѣчающіяся между ихъ прихожанами дѣла, предоставленныя власти магометанскаго духовенства.

§ 20. Міодариссы и гочи, доколѣ состоятъ въ семъ знаніи, также причисляются къ духовенству приходскому; но если они происходятъ не изъ духовнаго состоянія, то потомство ихъ не почитается принадлежащимъ къ духовному состоянію.

Примѣчаніе. Первые (міодариссы) имѣють равныя личныя преимущества съ муллами, но принимаютъ на себя разсмотрѣніе духовныхъ дѣлъ только тогда, когда состоятъ въ званіи такъ же собственно духовномъ, то есть: въ званіи муллы, хатыпа или имама. Послѣдніе (гочи), равняющіеся съ маязинами, преподають ученіе въ низшихъ магометанскихъ училищахъ.

§ 21. Къ магометанскому духовенству принадлежатъ также начальники текій, шейхи и служители при оныхъ, ферраши. Они пользуются всѣми преимуществами, Таврическому магометанскому духовенству даннымыи, если происходятъ изъ духовнаго состоянія.

III. Объ избраніи и утвержденіи Таврическихъ магометанскихъ духовныхъ въ ихъ званіяхъ.

§ 22. Въ случаѣ увольненія или смерти Таврическаго муфтія или кади-эскера, о избраніи на ихъ мѣста объявляется Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе чрезъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій губернскому начальству.

§ 23. Губернское начальство дѣлаетъ надлежащія распоряженія для созыва въ Симферополь къ назначенному времени всѣхъ имѣющихъ право участвовать въ семъ избраніи магометанъ.

§ 24. Въ избраніи муфтія и кади-эскера имѣють право участвовать:

а) Высшее магометанское духовенство и старшіе изъ приходскихъ чиновъ, то есть хатыпы, имамы или муллы губернскаго и уѣздныхъ городовъ.

б) Губернскій предводитель дворянства и мурзы всей губерніи.

в) Головы волостей магометанскаго исповѣданія или, вмѣсто ихъ, депутаты сихъ волостей, по одному отъ каждой волости.

§ 25. Если кто либо изъ имѣющихъ право участвовать въ избраніи муфтія и кади-эскера не явится въ назначенное время, избраніе по сей причинѣ не останавливается.

§ 26. Собраніе участвующихъ въ выборѣ открывается Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ въ присутствіи одного члена губернскаго правительства и губернскаго прокурора.

§ 27. Дѣйствія собранія начинаются составленіемъ избирательнаго списка кандидатовъ.

§ 28. Въ числѣ кандидатовъ могутъ быть не только магометане духовные, но и другіе достойные изъ магометанскихъ дворянъ и мурзъ, хотя бы они дотолѣ не имѣли духовнаго званія.

§ 29. По составленіи и утвержденіи списка кандидатовъ, избраніе по оному производится посредствомъ баллотированія, обыкновеннымъ для выборовъ установленнымъ порядкомъ.

§ 30. За порядкомъ при баллотированіи, впрочемъ безъ всякаго участія въ ономъ, наблюдаетъ членъ губернскаго правительства и губернской прокуратуры.

§ 31. По окончаніи баллотированія, губернское начальство представляет главноуправляющему духовными дѣлами иностранных исповѣданій избирательный списокъ съ мнѣніемъ своимъ о трехъ кандидатахъ, получившихъ большее число голосовъ, и съ описаніемъ прежней ихъ службы, духовной или гражданской, если находились въ оной.

§ 32. Главноуправляющій духовными дѣлами иностранных исповѣданій доноситъ о избраніи кандидатотвъ и о мнѣніи губернскаго начальства Его Императорскому Величеству.

§ 33. Изъ сихъ кандидатотвъ муфтій утверждается въ своемъ званіи Высочайшемъ именнымъ указомъ, а кади-эскеръ Высочайшимъ, объявленнымъ Правительствующему Сенату повелѣніемъ.

§ 34. Кандидаты на званіе уѣздныхъ кадіевъ назначаются муфтїемъ, вмѣстѣ съ кади-эскеромъ и находящимися въ Симферополѣ кадіями, изъ достойнѣйшихъ приходскихъ чиновъ, хатыповъ, имамовъ или муллъ, и списокъ объ нихъ представляется таврическому гражданскому губернатору.

§ 35. Гражданскій губернаторъ дѣлаетъ распоряженіе о созывѣ къ назначенному времени въ городъ того уѣзда, въ который предполагается опредѣлить кадія, во 1-хъ, магометанскаго духовенства и мурзъ того уѣзда съ уѣзднымъ предводителемъ; во 2-хъ, волостныхъ головъ, или вмѣсто ихъ, по одному депутату отъ поселянъ каждой того уѣзда магометанской волости.

§ 36. Если кто либо изъ имѣющихъ право участвовать въ избраніи уѣзднаго кадія не явится къ назначенному времени, то избраніе по сей причинѣ не останавливается.

§ 37. Для наблюденія за порядкомъ въ дѣлахъ сего собранія, въ ономъ присутствуютъ одинъ изъ членовъ губернскаго правительства и уѣздный стряпчій.

§ 38. Членъ губернскаго правительства объявляетъ собранію о предназначенныхъ на мѣсто кадія кандидататахъ, и потомъ баллотированіе открывается обыкновеннымъ порядкомъ.

§ 39. Таврическій гражданскій губернаторъ представляет главноуправляющему духовными дѣлами иностранных исповѣданій списокъ баллотированныхъ со своимъ объ нихъ мнѣніемъ.

§ 40. Главноуправляющій духовными дѣлами иностранных исповѣданій, разсмотрѣвъ списокъ баллотированныхъ кандидатотвъ и мнѣніе губернскаго начальника, представляетъ одного изъ нихъ Правительствующему Сенату на утвержденіе.

§ 41. Въ званіи таврическихъ хатыповъ, имамовъ и муллъ избираются только принадлежащіе къ таврическому духовенству, по происхожденію изъ сего состоянія.

§ 42. Для полученія званія хатыпа, имама, муллы и мюдарисса необходимы:

- 1) Согласіе приходскаго общества, изъявленное надлежащимъ порядкомъ въ общественномъ приговорѣ.
- 2) Удостоеніе высшаго магометанскаго духовнаго начальства по правиламъ, на сей случай постановленнымъ.
- 3) Утвержденіе таврическаго губернскаго правительства.

§ 43. Для опредѣленія въ низшія духовныя званія требуется только согласіе приходского общества, изъявленное надлежащимъ порядкомъ въ общественномъ приговорѣ, и удостоеніе приходскихъ хатыповъ, имамовъ или муллъ, утвержденное высшимъ магометанскимъ духовнымъ начальствомъ. Къ приходамъ таврической губерніи въ маязины и прочіе служители мечетей опредѣляются токмо люди, принадлежащіе къ таврическому магометанскому духовенству, по происхожденію изъ сего состоянія.

§ 44. Высшіе магометанскіе духовные чины: муфтій, кади-эскеръ и уѣздные кадіи, а равно и приходскіе: хатыпы, имамы и муллы, при вступленіи въ должность по изъ званіямъ, приводятся къ присягѣ по предписанной формѣ.

§ 45. Муфтій, кади-эскеръ и уѣздные кадіи приводятся къ присягѣ въ таврическомъ губернскомъ правительствѣ, въ присутствіи гражданскаго губернатора и губернскаго прокурора; а хатыпы, имамы и муллы въ уѣздныхъ судахъ въ присутствіи уѣзднаго стряпчаго.

§ 46. Присяжный листъ подписывается давшимъ присягу и свидѣтелями, и хранится при дѣлахъ по общему порядку.

Примѣчаніе. Присяжные листы должны быть печатные на російскомъ языкѣ съ переводомъ на мѣстный татарскій, по данной формѣ.

IV. О правахъ, присвоенныхъ разнымъ степенямъ Таврическаго магометанскаго духовенства.

§ 47. Въ случаяхъ, когда магометанскіе духовные чины подвергаются суду гражданской власти: муфтій и кади-эскеръ судятся въ Правительствующемъ Сенатѣ, и рѣшеніе объ нихъ получаетъ надлежащее исполненіе не иначе, какъ по утвержденіи приговора Его Императорскимъ Величествомъ. Судъ надъ уѣздными кадіями принадлежитъ уголовной палатѣ, и приговоръ ея исполняется по утвержденіи онаго Правительствующимъ Сенатомъ. Судъ надъ приходскими чинами магометанскаго духовенства и духовными служителями начинается въ уѣздномъ судѣ и, переходя въ уголовную палату, получаетъ окончаніе свое на общемъ основаніи.

§ 48. Чины высшаго магометанскаго духовенства ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ тѣлесному наказанію.

§ 49. Если главные чины приходского магометанскаго духовенства, то есть: хатыпы, имамы, муллы и мюдариссы присуждаются къ тѣлесному наказанію; то, прежде исполненія судебного приговора, дѣлаются духовнымъ и гражданскимъ начальствами распоряженія для объявленія въ ихъ приходѣ, что они лишены своего званія, и отъ тѣхъ, кои утверждены были въ ономъ указами губернскаго правительства, отбираютъ сіи указы.

Примѣчаніе. Если уголовное дѣло касается духовнаго лица изъ дворянъ, то при сужденіи и въ наказаніи соблюдается особый съ дарованными дворянству правами порядокъ.

V. О управленіи духовными дѣлами магометанскаго вѣро-исповѣданія.

§ 50. Духовными дѣлами магометанъ, обитающихъ въ Таврической и западныхъ, возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, завѣдываетъ учрежденное въ городѣ Симферополѣ особое начальство, съ наименованіемъ Таврическаго Магометанскаго Духовнаго Правленія.

§ 51. Таврическое Магометанское Духовное Правленіе, имѣя принадлежащія ему, какъ вообще присутственному мѣсту, права, состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Таврическаго Губернскаго Правительства и подъ высшимъ начальствомъ Главнаго Управленія Духовныхъ дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій.

§ 52. Таврическое магометанское духовное правленіе на основаніи общихъ узаконеній не приступаетъ къ рѣшенію подлежащихъ вѣдѣнію его дѣлъ, если въ ономъ не присутствуютъ по крайней мѣрѣ два члена, кромѣ предсѣдательствующаго.

§ 53. Таврической муфтій есть предсѣдатель, а кади-эскеръ и уѣздные кадіи суть члены магометанскаго духовнаго правленія; они имѣютъ права и на нихъ возлагаются обязанности, по общимъ законамъ съ сими званіями соединенныя.

§ 54. Муфтій, кади-эскеръ и кадіи симферопольскій присутствуютъ въ магометанскомъ духовномъ правленіи постоянно, въ теченіи всего года; а прочіе уѣздные кадіи въ продолженіе общаго собранія, на которое они созываются симферопольскимъ муфтіемъ, ежегодно въ Январѣ, или въ Февралѣ мѣсяцѣ, смотря по удобности.

§ 55. Въ назначенное для сихъ общихъ собраній время, муфтій, кади-эскеръ и уѣздные кадіи присутствуютъ ежедневно въ таврическомъ магометанскомъ духовномъ правленіи, для разсмотрѣнія и рѣшенія единогласно, или по большинству голосовъ, всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ коихъ одинъ изъ постоянныхъ членовъ былъ устраненъ, по законнымъ причинамъ, или кои не рѣшены за возникшимъ между постоянными членами разногласіемъ, т. е. когда мнѣніе предсѣдательствующаго муфтія противно мнѣнію кади-эскера и уѣзднаго симферопольскаго кадія.

§ 56. Во время отсутствія или болѣзни муфтія, мѣсто его въ правленіи занимаетъ кади-эскеръ.

§ 57. Если одинъ изъ трехъ постоянныхъ членовъ правленія, по тяжкой долговременной болѣзни, или за продолжительнымъ отсутствіемъ, не можетъ присутствовать въ ономъ; то на мѣсто его вызывается кадіи изъ ближайшаго мѣста.

§ 58. Пока уѣздные кадіи присутствуютъ въ Таврическомъ магометанскомъ духовномъ правленіи, ихъ должность въ уѣздѣ поручается, съ разрѣшенія губернскаго начальства, кандидату, имѣвшему при послѣднемъ выборѣ наибольшее число голосовъ.

VI. О дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію магометанскаго духовнаго правленія.

§ 59. Магометанское духовное правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи: а) мечети съ учрежденными при нихъ училищами и текіе. б) Принадлежащія къ мечетямъ и училищамъ вакуфы. в) Все Таврическое и

въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи находящееся магометанское духовенство и поступающія изъ приходовъ чрезъ уѣздныхъ кадїевъ дѣла, на основаніи § 1 и 4, предоставленныя разсмотрѣнію сего духовенства.

§ 60. Таврическое магометанское духовное правленіе имѣетъ книгу, въ которой записываются всѣ мечети, всѣ находящіяся при оныхъ училища, текїи и принадлежащїе къ нимъ чины. Въ сей книгѣ означаются всѣ почему либо заслуживающія вниманіе обстоятельства, касающіяся до мечетей, училищъ и вообще магометанскихъ духовныхъ.

Примѣчаніе. Къ числу такихъ обстоятельствъ принадлежитъ и записка по алфавитному порядку лицъ, по какимъ либо случаямъ лишенныхъ духовнаго званія.

§ 61. Таврическое магометанское духовное правленіе печется о соблюденіи надлежащаго въ богослуженіи порядка и о приличномъ содержаніи мечетей.

§ 62. Имѣя также попеченіе о содержаніи училищъ при мечетяхъ, оно наблюдаетъ какъ за ученіемъ, такъ и за нравственнымъ поведеніемъ учителей и учениковъ.

§ 63. Строеніе новыхъ мечетей допускается не иначе, какъ по представленіямъ отъ приходовъ и приходскихъ чиновъ магометанскому духовному правленію и съ утвержденія губернскаго правительства, послѣ надлежащаго удостовѣренія въ необходимости построенія сихъ новыхъ мечетей, а равно и въ достаточности средствъ для приличнаго оныхъ содержанія.

§ 64. Присемъ наблюдаются слѣдующія правила: а) Чтобы при всякой мечети прихожанъ было не менѣ трехъ сотъ, или по крайней мѣрѣ двѣсти ревизскихъ душъ мужскаго пола. б) Чтобы общество, должнствующее составить новый приходъ, изъявило надлежащимъ образомъ въ общественномъ приговорѣ согласіе свое на доставленіе средствъ для обезпеченія содержанія мечети и нужнаго при оной духовенства.

§ 65. Новыя мечети, по разсмотрѣнію магометанскаго духовнаго правленія и Таврическаго губернскаго правительства, признанныя необходимыми и обезпеченныя въ содержаніи, строятся по утвержденнымъ достаточнымъ планамъ и фасадамъ.

§ 66. Медресы и другія училища могутъ по распоряженію Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія быть учреждаемы въ каждомъ селеніи, не смотря на то, какое въ нихъ число ревизскихъ душъ; для открытія училища нужно только согласіе общества и назначеніе достаточныхъ для содержанія средствъ.

§ 67. Таврическое магометанское духовное правленіе доставляетъ директору училищъ свѣдѣнія о каждомъ вновь заводимомъ училищѣ и ежегодныя вѣдомости о числѣ учителей и учащихся.

§ 68. Главнѣйшими изъ средствъ для содержанія мечетей, училищъ и опредѣленнаго при мечетяхъ духовенства, суть именуемыя вакуфами недвижимыя имущества и денежныя капиталы.

§ 69. Таврическое магометанское духовенство имѣетъ особую книгу, въ коей записывается каждый вакуфъ съ означеніемъ, къ какой мечети или училищу оный принадлежитъ, какіе приносятъ доходы и на какое употребленіе сіи доходы предназначены.

Примѣчаніе. Духовное правленіе печется о сохраненіи вакуфовъ въ цѣлости по особымъ для сего установленнымъ правиламъ.

§ 70. Назначеніе приходскихъ магометанскихъ духовныхъ чиновъ къ разнымъ должностямъ, рассмотрѣніе жалобъ на нихъ и зависяція по онымъ отъ духовной власти рѣшенія и распоряженія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей магометанскаго духовнаго правленія.

§ 71. При назначеніи духовныхъ чиновъ къ должностямъ приходскимъ, магометанское духовное правленіе наблюдаетъ: а) чтобы въ оныхъ была дѣйствительная надобность; б) чтобы они имѣли нужныя въ ихъ должностяхъ свѣдѣнія и были хорошей надежной нравственности.

§ 72. Послѣ надлежащаго рассмотрѣнія, Таврическое магометанское духовное правленіе представляетъ объ утвержденіи хатыповъ, имамовъ, муллъ и мюдариссовъ губернскому правительству.

§ 73. Если будетъ нѣсколько кандидатовъ, имѣющихъ по способностямъ и нравственнымъ достоинствамъ равное право на полученіе открывшагося мѣста; то духовное правленіе даетъ преимущество тому изъ нихъ, который знаетъ русскій языкъ.

§ 74. Маязины, ферраши и другіе низшіе чины при мечетяхъ, училищахъ и текіяхъ, опредѣляются самимъ духовнымъ правленіемъ по представленію мѣстныхъ хатыповъ, имамовъ или муллъ и свидѣтельству мѣстнаго городского или земскаго начальства о ихъ благонадежности.

§ 75. Въ концѣ года Таврическое магометанское духовное правленіе представляетъ общій списокъ опредѣленныхъ имъ низшихъ чиновъ губернскому правительству для свѣдѣнія.

76. Таврическое магометанское духовное правленіе ведетъ счетъ и имѣетъ особенные, исправные списки всѣхъ духовныхъ, находящихся при должностяхъ.

§ 77. Къ рассмотрѣнію Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія принадлежатъ возникающія въ приходахъ дѣла о порядкѣ богослуженія, о обрядахъ и исправленіи духовныхъ требъ, также о заключеніи и расторженіи браковъ, о неповиновеніи дѣтей родителей, о спорахъ по завѣщаніямъ или при раздѣлѣ наслѣдства по магометанскимъ законамъ и другихъ сего рода, на основаніи правъ, таврическимъ магометанамъ дарованныхъ; а равно о назначеніи депутатовъ къ межеванію вакуфныхъ земель.

Примѣчаніе. Если споряція по завѣщаніямъ или при раздѣлѣ наслѣдства стороны, или же хотя одна изъ нихъ объявить, что желаетъ разобратъ въ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстахъ на основаніи російскихъ законовъ: то производство дѣла у кадѣвъ или въ Таврическомъ магометанскомъ духовномъ правленіи немедленно прекращается, и принадлежащіе къ оному документы препровождаются въ надлежащій судъ безъ всякаго заключенія.

§ 78. Изъ всѣхъ такихъ дѣлъ Таврическое магометанское духовное правленіе приступаетъ къ рассмотрѣнію лишь тѣхъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію гражданскихъ начальствъ, и не иначе, какъ по представленію мѣстныхъ хатыповъ, имамовъ или муллъ, или же по просьбамъ и жалобамъ отъ обществъ, предварительно рассмотрѣннымъ уѣздными кадїями.

§ 79. Просьбы частныхъ лицъ, поступающія въ духовное правленіе прямо, отсылаются къ хатыпамъ, имамамъ или мулламъ для предварительнаго разсмотрѣнія.

§ 80. Когда случаются дѣла, касающіяся и до духовной и до гражданской части; то магометанское духовное правленіе разсматриваетъ оныя лишь въ первомъ отношеніи, а разсмотрѣніе о прочемъ представляетъ губернскому начальству.

§ 81. Таврическое магометанское духовное правленіе собираетъ чрезъ мѣстныхъ хатыповъ, имамовъ или муллъ точныя свѣдѣнія о числѣ обоюгаго пола прихожанъ каждой мечети, о числѣ родившихся и умершихъ и о числѣ заключенныхъ и расторгнутыхъ браковъ. Оно ежегодно представляетъ сіи свѣдѣнія главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

VII. О порядкѣ засѣданій Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія.

§ 82. Таврическое магометанское духовное правленіе имѣетъ постоянное, въ теченіи всего года, присутствіе одинъ разъ въ недѣлю, или чаще, если по числу или свойству дѣлъ сіе будетъ признано нужнымъ. Во время общаго всѣхъ уѣздныхъ кадіевъ собранія, оно присутствуетъ ежедневно, кромѣ однако магометанскихъ праздниковъ и общихъ праздничныхъ дней, когда всѣ присутственныя мѣста свободны отъ занятій.

VIII. О порядкѣ письменоводства Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія.

§ 83. Таврическое магометанское духовное правленіе соображается въ теченіи дѣлъ своихъ съ общимъ порядкомъ, для присутственныхъ мѣстъ законами предписаннымъ.

§ 84. Определенія Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія пишутся на мѣстномъ татарскомъ и на русскомъ языкахъ.

§ 85. Въ опредѣленіяхъ означаются, смотря по роду дѣлъ, служившіе основаніемъ рѣшенія законы, какъ російскіе такъ и магометанскіе.

§ 86. Въ дѣлахъ, по коимъ нужна фетива муфтія, онъ выдаетъ ее не прежде, какъ по разсмотрѣніи и рѣшеніи оныхъ, на основаніи предписываемаго симъ положеніемъ порядка.

§ 87. Въ случаяхъ, когда рѣшеніе превышаетъ данную Таврическому магометанскому духовному правленію власть, правленіе представляетъ сіе дѣло съ мнѣніемъ своимъ чрезъ начальника губерніи главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, или Правительствующему Сенату, по принадлежности.

§ 88. Таврическое магометанское духовное правленіе имѣетъ свою печать съ государственнымъ гербомъ и съ слѣдующею вокругъ онаго на русскомъ и татарскомъ языкѣ надписью: печать Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія.

§ 89. Канцелярія Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія находится подъ непосредственнымъ начальствомъ муфтія, который назначаетъ и слѣдующія къ слушанію дѣла.

§ 90. Число и званіе чиновъ и служителей канцеляріи Таврическаго магометанскаго духовнаго цравленія, а равно и опредѣляемое имъ отъ казны жалованье, означаются въ особомъ прилагаемомъ къ сему положенію штатѣ.

§ 91. Секретарь Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія, избираемый губернскимъ правительствомъ, по представленію Таврическаго гражданскаго губернатора, утверждается главнымъ управленіемъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; прочіе чиновники и служители канцеляріи, въ штатѣ положенные, опредѣляются и увольняются губернскимъ правительствомъ, по представленію магометанскаго духовнаго правленія.

§ 92. Секретарь Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія наблюдаетъ за порядкомъ въ теченіи дѣлъ, и о опредѣленіяхъ, которыя онъ признаетъ несогласными съ общими узаконеніями или правилами сего положенія, немедленно доводитъ до свѣдѣнія главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

§ 93. Таврическое магометанское духовное правленіе имѣетъ отъ казны особенный домъ или нужное число комнатъ для своего присутствія и для помѣщенія канцеляріи.

§ 94. Присмотръ за домомъ или частію дома, гдѣ помѣщается Таврическое магометанское духовное правленіе, поручается одному изъ благонадежнѣйшихъ чиновъ канцеляріи, по назначенію правленія.

IX. О обязанностяхъ губернскаго начальства по дѣламъ Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія.

§ 95. Губернское правительство имѣетъ наблюденіе за скорымъ и правильнымъ ходомъ дѣлъ магометанскаго духовнаго правленія, и въ слѣдствіе сего по вошедшимъ жалобамъ на медленность чинить надлежащее побужденіе.

§ 96. Губернское правительство по всѣмъ входящимъ отъ Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія дѣламъ, обращая на представленія онаго надлежащее вниманіе, и соображаясь съ Высочайше дарованными Таврическому татарскому народу особыми правами, даетъ съ своей стороны слѣдующее симъ дѣламъ по свойству оныхъ движеніе или предписывая о исполненіи, кому слѣдуетъ, или же сообщая объ оныхъ равнымъ мѣстамъ, или препровождая ихъ на разсмотрѣніе высшаго начальства.

§ 97. Губернское правительство въ зависящемъ отъ него позволеніи строить мечети, наблюдаетъ, чтобы при семъ были сохраняемы общія о публичныхъ зданіяхъ правила, и когда въ томъ же мѣстѣ находятся христіанскія церкви, то предварительно сносится о семъ съ епархіальнымъ архіереемъ.

§ 98. При разсмотрѣніи представлений о удостоиваемыхъ Таврическимъ магометанскимъ духовнымъ правленіемъ въ духовныя званія, губернское правительство собираетъ вѣрныя о сихъ кандидатахъ свѣдѣнія, утверждая и представляя съ своей стороны лишь тѣхъ, кои по происхожденію своему, нравственнымъ своимъ качествамъ, поведенію и несомнѣнной преданности къ престолу и закону будутъ признаны совершенно благонадежными.

ВЪДОМОСТЬ

о казенныхъ поселянахъ на волости раздѣленныхъ въ Таврической губерніи по уѣздамъ.

	ЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ.	Число душъ мужскаго пола.	Русскіе или татаре.
Симферопольскаго уѣзда.			
1	Актачинской	2361	Татаре.
2	Чоргунской	2805	
3	Махалдурской	2126	
4	Алуштинской	2190	
5	Оргинской	2462	
6	Кадыкойской	2361	
7	Эскиординской	2528	
8	Тобулдинской	1808	
	Въ російскихъ шести селеніяхъ . .	941	Русскіе.
	Итого	19582	
Феодосійскаго уѣзда.			
9	Азаматской	810	Татаре.
10	Урускоджинской	1640	
11	Кокташской	2072	
12	Байрачской	2469	
13	Порпачской	2359	
14	Кадыкеличинской	2279	
15	Аккозской	2381	Русскіе.
	Въ двухъ російскихъ селеніяхъ . .	244	
	Итого	14254	
Евпаторійскаго уѣзда.			
16	Ишпецкой	1838	Татаре.
17	Кудаигульской	2038	
18	Коротокіятской	1960	

	ЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ.	Число душъ мужска пола.	Русскіе или татаре.
19	Урчуцкой	2122	} Татаре.
20	Тулатской	1366	
21	Джлаирской	2141	
	Итого	11465	
	Перекопскаго уѣзда.		
22	Бустерчинской	3096	} Татарь 3092. Русскихъ 4.
23	Джананской	2356	
24	Бозкозской	2369	} Татаре.
25	Біокъ тазанчинской	2333	
26	Кучукъ-Кабацкой	2547	} Татарь 2540. Русскихъ 7.
27	Кокчорокіятской	2537	
28	Тогонашминской	2439	} Татаре.
	Итого	17677	
	Днѣпровскаго уѣзда.		
20	Знаменской	3230	} Русскіе. Татаре, ногайцы и кирчисцы.
30	Алешковской	4534	
31	Аирчинской	3474	
	Итого	11238	
	Мелитопольскаго уѣзда.		
	Безъ раздѣленія по волостямъ съ прежде бывшаго при раздѣленіи уѣздовъ Токмацкой волости поселянъ	8346	Русскіе.
	На Молочныхъ водахъ ногайцевъ тоже безъ раздѣленія по волостямъ	8426	Нагайцы.
	Итого	16772	
	ВСЕГО	90998	

Изъ вѣдомости этой видно, что ко времени составленія ея татарь, нагайцевъ и киргизовъ на территоріи Таврической губ. было 73681 и русскихъ 17307.

Въ какомъ уѣздѣ.	№	Волостей.	Деревень.	Соборная мечетл.	Мечети.	А Ч Н Ъ.				Не опредѣлены.	Текіи и медресы.
						Хатиповъ.	Имамовъ.	Музтаповъ.			
Евпаторійскій.	1	Башъ-бекъ	43	28	36	21	58	15	18		Т е к і и и м е д р е с с ы .
	2	Курата-кыятъ . . .	52	16	51	13	52	8	11		
	3	Джилаиръ	41	15	40	12	46	5	4		
	4	Кудай-гуль	53	17	39	15	41	6	5		
	5	Урчикъ	45	9	40	9	44	8	7		
	6	Тулатъ	32	12	24	12	25	7	1		
		Всего	271	97	230	82	266	49	46		
Симферопольскій.	7	Актаци	40	12	39	12	42	10	3		
	8	Чоргуна	32	15	30	15	29	13	—		
	9	Махулдиръ	32	18	30	18	33	9	2		
	10	Эски-орда	38	10	36	10	41	7	2		
	11	Кады-кой	41	12	44	12	50	10	9		
	12	Алушта	22	13	25	13	24	5	2		
	13	Аргинъ	30	8	27	8	30	4	3		
		Всего	235	88	231	88	249	58	31		
Феодосійскій.	14	Азаматъ	52	16	42	12	33	15	4		
	15	Кіюкъ-ташь	43	24	29	22	35	14	3		
	16	Урусъ-хуче	48	20	46	18	46	11	5		
	17	Кара-бай	43	23	29	19	30	12	4		
	18	Пулпачъ	56	25	36	21	39	22	3		
	19	Кады-келечи	46	18	47	10	47	13	11		
	20	Акъ-кіатъ	44	21	39	16	35	13	2		
		Всего	832	147	268	123	265	100	32		

В О Д Ъ.

Въ какомъ уѣздѣ.	№	Волостей.	Деревень.	Соборныя мечети.	Мечети.	И Ч И Н Ъ.				Текин и медрессы.	
						Хатиповъ.	Имамовъ.	Муезинновъ.	Не опредѣлены.		
Перекопскій.	21	Бустержи	42	21	31	19	44	14	4	Текин и медрессы.	
	22	Джинай	47	16	35	14	47	9	2		
	23	Баръ-кіазъ	44	14	43	12	49	6	9		
	24	Тузакчи	49	17	34	15	49	13	6		
	25	Кыбачъ	6	13	43	13	53	6	5		
	26	Кіокчора-кіятъ	53	22	41	21	56	12	3		
	27	Туганашъ	59	29	46	24	58	22	3		
	27										
			Всего	354	132	277	118	349	82		32
			Въ городѣ.								
		1	Въ Карасубазарѣ	—	8	14	8	12	19		5
		2	„ Акмечетъ	—	2	2	2	1	4		—
	3	„ Бахчисараѣ	—	8	28	8	27	28	4		
	4	„ Козловѣ	—	6	11.	6	13	13	8		
	5	„ Перекопѣ	—	1	6	1	7	2	2		
	5										
		Всего	—	25	61	25	60	67	19	61	
		Всего	1192		Мечети.	Д у ш ъ.					
					1556	5139				61	
		А семействъ 2131									

Перевель *Зимаиловъ.*

Текіе „Ени-джами“ дервишей-молчальниковъ въ Симферополѣ.

Текіе „Ени-джами“, въ которомъ молились молчаливые дервиши, такъ называемые мушиды, было обнаружено совершенно случайно. О существованіи его никто не подозрѣвалъ. Мусульманская комиссія симферопольскаго санитарнаго попечительства нуждалась въ помѣщеніи для народной аудиторіи и бібліотеки для татаръ. Предсѣдатель этой комиссіи д-ръ И. К. Кондорскій остановился на старомъ, съ прогнившей крышей, зданіи текіе, находящемся во дворѣ мечети „Ени-джами“, на углу Мечетной, Фонтанной и Малофонтанной улицъ.

При детальномъ осмотрѣ текіе д-ръ П. К. Кондорскій обратилъ вниманіе на особое деревянное сооруженіе внутри помѣщенія, противъ михраба, состоящее изъ двухъ этажей и заключающее въ себѣ отдѣльныя камеры, или кельи съ маленькими окошечками, обращенными на михрабъ.

Мулла (имамъ) мечети „Ени-джами“ Сеить-Меметь-эфенди на вопросъ, что это за сооруженіе, пояснилъ, что осматриваемое текіе служило молельней для молчаливыхъ дервишей, мушидовъ, которые около 40—50 лѣтъ тому назадъ перестали собираться въ Симферополѣ, и съ тѣхъ поръ зданіе пустоеть. 15 лѣтъ тому назадъ оно было приспособлено подъ мектебъ, при чемъ тогда деревянная стѣна камеръ была покрашена, а окна ихъ забиты. Наконецъ около 4 лѣтъ тому назадъ крыша зданія пришла въ такую ветхость, что заниматься тамъ дальше не было возможности, и мектебъ перешелъ въ другое мѣсто. Тогда Сеить-Меметь эфенди возбудилъ ходатайство передъ вакуфной комиссіей объ ассигнованіи средствъ на ремонтъ разрушающагося зданія, но отвѣта отъ нея не послѣдовало.

Д-ръ П. К. Кондорскій сообщилъ о своемъ открытіи нѣкоторымъ членамъ комиссіи по охранѣ памятниковъ старины и природы при Крымскомъ Обществѣ Естественспытателей и

Любителей Природы. Члены этой комиссії въ составѣ д-ра И. К. Кондорскаго, В. В. Соколова, А. И. Казаса и автора этого сообщенія детально осмотрѣли текіе, произвели фотографическіе снимки и измѣренія камеръ деревяннаго сооруженія, гдѣ молились дервиши.

Между тѣмъ текіе „Ени-джами“ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ памятникъ если и не глубокой старины, то во всякомъ случаѣ такого явленія, которое уже отошло, по крайней мѣрѣ въ Симферополѣ, въ область прошлаго и врядъ ли снова повторится.

Мушиды молились здѣсь около 40—50 лѣтъ, число ихъ постепенно сокращалось, пока послѣдніе не перешли въ Бахчисарай, гдѣ и сейчасъ имѣется ихъ текіе подъ именемъ Нахшибенди.

О существованіи въ Крыму мушидовъ мало кто знаетъ. Въ то время, какъ дервиши, выражающіе свои молитвенныя чувства громко, пользуются большой популярностью и извѣстностью, молчальники почти никому не извѣстны. Среди мусульманъ послѣдніе, впрочемъ, извѣстны, и къ нимъ относятся съ гораздо большимъ почтеніемъ и уваженіемъ, чѣмъ къ кричащимъ дервишамъ, но въ виду своей скромности, отсутствія показной стороны при выраженіи молитвы, они не бросаются въ глаза, незамѣтны. Уваженіе, съ которымъ относятся мусульмане къ мушидамъ, основывается, несомнѣнно, на глубокомъ значеніи и смыслѣ уединенной, молчаливой, скрытой отъ постороннихъ глазъ молитвы.

Дервиши—молчальники имѣютъ своего особаго шейха, живущаго при текіе, куда отъ поры до времени въ разное время года и на разные сроки приходятъ мушиды, оставляя свои семьи и житейскія дѣла, чтобы отдаться молитвѣ и самоуглубленію. Въ текіе они поселяются, не имѣя общенія съ внѣшнимъ міромъ. Тутъ же они готовятъ себѣ незатѣйливую пищу въ особой пристройкѣ.

Удалившіеся отъ земной суеты дервиши цѣлый день проводятъ въ молитвѣ, но самое моленіе происходитъ не совмѣстно, какъ у кричащихъ дервишей, а каждый запирается въ отдѣльной кельѣ особаго сооруженія противъ михраба; въ которой имѣется узенькое маленькое оконце, обращенное на алтарь. Кельи между собою не сообщаются. Здѣсь, въ этой кельѣ, никого не видя и не чувствуя близости даже своего сосѣда, дервишъ—молчальникъ углубляется въ молитву.

Устройство помѣщеній для молитвы въ симферопольскомъ теке таково. Наружная дверь со двора ведетъ въ сѣни, гдѣ обычно оставляется молящимися обувь. Съ правой стороны находится полуразрушенная лѣсенка, ведущая какъ бы на хоры черезъ люкъ. Сѣни отдѣляются отъ внутренняго помѣщенія молельни широкимъ деревяннымъ сооруженіемъ, которое можно сравнить со шкафомъ, идущимъ до самого потолка. Посрединѣ этого сооруженія сдѣланъ проходъ въ молельню. Если войти въ послѣднюю и стать спиною противъ михраба, то глазамъ представится деревянная стѣна до самаго потолка, при чемъ по обѣ стороны прохода этого сооруженія видны по четыре двери и по столько же оконцецъ; верхняя половина стѣны (второй этажъ) имѣетъ только шесть оконцецъ. Нѣкоторыя оконца забиты. Часть деревянной стѣны внизу по ту и другую сторону прохода разобрана, благодаря чему разрушено нѣсколько келій, въ которыя втиснуты сложенные одна на другую классныя парты.

Если подняться по лѣсенкѣ черезъ люкъ въ полу второго этажа на верхъ, то во второмъ этажѣ окажется два ряда келій, между которыми устроены проходъ въ видѣ корридора длиною въ 3 саж. $2\frac{1}{2}$ арш. и шириною 1 арш. 6 верш. Высота второго этажа отъ пола до потолка—2 арш. 7 верш. По правую руку, считая отъ входного люка, расположено 6 келій, по лѣвую 4: входъ въ кельи изъ корридора. Первые 6 келій расположены непосредственно надъ 8 нижними и имѣютъ такія же оконца, какъ и внизу, обращенныя на михрабъ. Изъ четырехъ же келій второго этажа только двѣ послѣднія имѣютъ оконца, первая двѣ освѣщаются небольшимъ сводчатымъ, въ видѣ ниши окномъ, сдѣланнымъ въ наружной стѣнѣ зданія. При помощи такихъ же двухъ оконъ, расположенныхъ по концамъ корридора, освѣщается весь второй этажъ. Размѣры этихъ наружныхъ оконъ таковы: высота—0,29 саж. (около 1 арш.), ширина—0,25 саж. ($\frac{3}{4}$ арш.).

Верхнія кельи невелики: высота—2 арш. 7 верш., ширина—1 арш. 14 верш., глубина—2 арш. 2 верш.; нижнія кельи просторнѣе, а именно: высота—1 саж. 5 верш., ширина—1 арш. 9 верш., глубина—1 саж.

Оконца въ кельяхъ очень малы и имѣютъ въ высоту— $6\frac{1}{2}$ верш., въ ширину—около 4 верш.

Описанныя кельи въ теке „Ени-джами“ представляютъ особенный интересъ. Михрабъ, наружныя окна зданія съ желѣзными рѣшетками—обычны. Въ архитектурномъ отношеніи зданіе не представляетъ никакого интереса. Самая постройка

не древняя, ей 75—80 лѣтъ. Но тѣмъ не менѣе было бы весьма желательно сохранить въ неприкосновенности кельи, въ которыхъ молились дервиши—мушиды. Мусульманская комиссія, о которой упоминалось въ началѣ сообщенія, стремясь расширить помѣщеніе, предполагала уничтожить деревянное сооруженіе съ кельями, но казалось бы, что, приведя зданіе въ надлежащій видъ, можно было бы, не разрушая келій, устроить въ нихъ бібліотеку, если мысль объ устройствѣ аудиторіи для народныхъ чтеній еще не отпала. Во всякомъ случаѣ, что бы въ описанномъ текіе ни помѣщалось, слѣдуетъ сохранить въ немъ кельи, возстановивъ ихъ прежній видъ, такъ какъ эти кельи являются уже историческимъ памятникомъ если и не сѣдой древности, то постепенно исчезающей старины.

Мв. Волошиховъ.

Находки орудій каменнаго вѣка въ Крыму.

Первыя находки орудій каменнаго вѣка въ Крыму были сдѣланы К. С. Мережковскимъ въ 1880 году: имъ описаны¹⁾ нѣсколько пещеръ по р.р. Бельбеку, Качѣ и на Яйлѣ и открыта обширная „фабрика“ орудій на сѣверныхъ отрогахъ Долгоруковской Яйлы, близъ пещеры Кизиль-коба. Въ послѣднемъ мѣстѣ К. С. Мережковскій нашелъ около 1000 разныхъ орудій и свыше 5000 осколковъ кремня. Къ сожалѣнію, эта громадная коллекція и до сихъ поръ не обработана и частью только описана въ предварительномъ отчетѣ автора. Съ тѣхъ поръ въ спеціальной литературѣ было очень мало указаній на новыя находки каменныхъ орудій, каковы: указанія въ Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммисіи о подобныхъ находкахъ въ Симферополѣ и его окрестностяхъ и статья проф. В. Е. Данилевича: „Остатки неолитической культуры на территоріи Херсонеса (Сб. Харьк. Ист.-Филол. Общ., т. XIX).

Лѣтомъ 1913 года партія Крымскихъ водныхъ изысканій предприняла изслѣдованія почвъ и флоры Яйлы; почвенныя работы производились Н. И. Дубровскимъ и мной. Въ самомъ началѣ работъ въ почвенныхъ выемкахъ намъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ попались отдѣльныя орудія или осколки кремня. Немного позднѣе я нашелъ уже значительныя скопленія какъ орудій каменнаго вѣка, такъ и осколковъ, а въ одномъ мѣстѣ прекрасно выраженный нуклеусъ и два куска кремня.

Послѣдняя находка была сдѣлана къ западу отъ небольшого озера Сарыголь, на Бабуганѣ. Къ сожалѣнію, мѣстность эта уже значительно размыта многочисленными потоками, и очевидно, что много кремней унесено по склону водой. Кромѣ того, сборъ орудій былъ затруднителенъ потому, что размывы дошли до известняковъ и кремневые орудія лежали среди большого количества такихъ же бѣлыхъ кусочковъ юрскаго известняка.

¹⁾ Изв. Геогр. Общ. т. XIV, вып. 2, СПБ. 1881 г.

Двѣ друдія находки сдѣланы мной надъ ущельемъ Учъ-Кошъ и на Гурзуфскомъ сѣдлѣ; въ обоихъ этихъ мѣстахъ орудія залегаютъ въ темномъ почвенномъ слоѣ и замѣтны гораздо лучше. Думается, что въ послѣднемъ мѣстѣ орудія каменнаго вѣка должны найтись въ значительномъ количествѣ, такъ какъ здѣсь и сейчасъ сохранились хорошіе луга, близокъ лѣсъ, есть озерко, и въ прошломъ здѣсь могло быть хорошее мѣсто для охоты. Всѣ орудія (преобладаютъ ножички и скребки) небольшого размѣра, бѣлаго или свѣтло-желтаго цвѣта.

Весной 1914 года мной было внесено въ Коммиссію по охранѣ природы и старины Крымскаго Общества Естествоиспыт. и Любит. Природы предложеніе организовать болѣе систематическій сборъ орудій каменнаго вѣка въ Крыму вообще и, въ частности, на Яйлѣ, гдѣ можно было предполагать, судя по нашимъ находкамъ, хорошіе сборы. Экскурсіи были назначены на июль, но начавшаяся война задержала всѣ намѣченныя работы.

Къ счастью, продолжалъ почвенныя работы на Ай-Петринской Яйлѣ Н. И. Дубровскій, которому удалось найти въ 4—5 верстахъ къ востоку отъ Ай-Петри, близъ горы Беденкирь, въ небольшой котловинѣ, значительное скопленіе орудій каменнаго вѣка. Очевидно, что здѣсь была стоянка; Н. И. Дубровскимъ собрана коллекція изъ 1201 предметовъ; изъ нихъ было 425 осколковъ кремня, а все остальное — ножи, пилки, скребочки, стрѣлки, молотки и нуклеусы.

Коллекція эта пожертвована Крымскому Обществу Естествоиспытателей.

Лѣтомъ 1916 г. небольшое количество кремневыхъ орудій найдено въ 1-ой верстѣ къ востоку отъ Ай-Петринской метеорологической станціи Э. С. Клепининой и мной, а К. Ф. Левандовскимъ указывалось, что въ этой мѣстности находки дѣлались имъ довольно часто. Тогда же Э. С. Клепинина нашла хорошо оббитый ножичекъ на обрывистомъ берегу моря въ имѣніи Кара-Денись, близъ Севастополя.

Публикую предварительныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ находкахъ съ цѣлью обратить вниманіе на все расширяющееся поле для поисковъ орудій каменнаго вѣка; думаю, что мѣстныя научныя общества должны организовать сборы этихъ орудій для своихъ музеевъ.

Ж. Клепихинъ.

Находки каменнаго вѣка въ Крыму.

(Краткій очеркъ произведенныхъ раскопокъ въ Крыму по каменному вѣку).

Крымъ — богатѣйшій музей, въ нѣдрахъ котораго хранятся остатки культуръ разныхъ эпохъ; между прочимъ, онъ хранитъ и остатки культуры первобытнаго человѣка—неолитической эпохи, а, быть можегъ, и еще болѣе ранней—палеолитической.

Впервые вопросомъ о каменномъ вѣкѣ въ Крыму занялся К. С. Мережковскій, который въ 1879 и 80 г.г. произвелъ рядъ развѣдочныхъ раскопокъ въ пещерахъ и на открытыхъ мѣстахъ горной части Крыма. Имъ произведены раскопки въ пещерахъ Чатырдага (Бинъ-Башъ хоба, Суукъ хоба) и Кизиль-хоба, при деревнѣ Кабазы, по берегамъ рѣкъ Качи и Бельбека, у деревни Пычки, Сюрень и въ другихъ мѣстах¹⁾. Почти во всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстахъ была найдена однородная культура, характеризовавшаяся присутствіемъ очаговъ, костей животныхъ, массой кремневыхъ орудій, костяныхъ подѣлокъ и черепковъ глиняной посуды. Найденныя здѣсь кремневыя орудія представляютъ изъ себя: ножи, пилы въ видѣ призматическихъ пластинъ, скребки, стрѣлки, ядра и т. п. Всѣ орудія, незначительной величины, отличаются грубостью работы, произведенной посредствомъ откалыванія отъ ядеръ. Среди массы кремневыхъ орудій не найдено Мережковскимъ ни одного орудія въ видѣ тѣхъ изящныхъ листовидныхъ, трехгранныхъ копій, серповидныхъ пилъ, ножей, которыми такъ богаты пещеры Франціи и Бельгіи, что заставляеть автора отнести ихъ къ ранней порѣ неолита. Отсутствіе полированныхъ орудій заставляеть Мережковского думать, что не отсутствовала ли вообще въ Крыму пора полированныхъ орудій.

¹⁾ К. С. Мережковскій. Отчетъ о предварительномъ изслѣдованіи каменнаго вѣка въ Крыму. (Извѣстія И. Р. Географ. Общ. 1880 года № 2).

Его-же. Отчетъ объ антропологической поѣздкѣ въ Крымъ въ 1880 году. (Изд. И. Р. Географ. Общ. 1881 г. II).

Сравнивая часть крымских кремневых орудій съ орудіями, найденными въ Египтѣ и Сиріи, онъ находитъ поразительное между ними сходство, особенно съ орудіями изъ Кизиль-хоба; благодаря чему онъ предполагаетъ, что каменная культура Крыма и Египта были общеою, что одна произошла отъ другой, и задаетъ вопросъ,¹⁾ „не пришла ли Крымская культура съ юга, изъ Египта, пройдя Сирію и малую Азію, и распространилась даже на сѣверъ, на что указываетъ сходство стрѣлокъ изъ дюнныхъ стоянокъ Днѣпра и Вислы, и изъ торфяниковъ Даніи и Франціи...“.

Къ сожалѣнію, этой предварительной работой Мережковскаго и исчерпываются всѣ свѣдѣнія по этому вопросу, а дальнѣйшихъ изслѣдованій до сего дня никѣмъ не производилось.

Послѣднія находки кремневыхъ орудій въ Крыму были сдѣланы членами Крымскаго общества естествоиспытателей Н. Н. Клепининымъ и Н. И. Дубровскимъ²⁾ лѣтомъ 1913 г. на Бабуганѣ, Гурзуфскомъ сѣдлѣ, Учкошемъ и Ай-Петри и въ томъ же году нами въ пещерѣ Кизиль-хоба... .

Послѣднія находки кремневыхъ орудій и дали намъ поводъ заняться этимъ вопросомъ, для чего нами были произведены раскопки въ пещерахъ и на открытыхъ мѣстахъ, давшія значительный матеріалъ, который даетъ возможность ясно представить картину жизни доисторическаго человѣка Крыма въ неолитическую эпоху.

Въ настоящей работѣ мы не беремся рѣшать общіе вопросы и давать какіе либо выводы,—это дѣло болѣе компетентныхъ лицъ, чѣмъ мы; мы только сдѣлаемъ описаніе того, что нами найдено, полагая, что собранный матеріалъ послужитъ фундаментомъ для дальнѣйшаго изслѣдованія этого вопроса.

1. Раскопки въ пещерѣ Кизиль-хоба.

Первыя раскопки были произведены нами лѣтомъ 1914 года въ пещерѣ Кизиль-хоба, находящейся въ 22-хъ верстахъ отъ Симферополя, при деревнѣ того же имени. Раскопки производились въ правой части нижней пещеры, какъ болѣе возвышенной и потому сухой и недоступной для залива ея водой рѣчки, которая въ пору таянія снѣговъ и проливныхъ дождей,

¹⁾ К. С. Мережковскій. Каменный вѣкъ въ Египтѣ и Сиріи (Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. т. XVII).

²⁾ Путеводитель „Крымъ“, изданіе Крымскаго Общества Естествоиспытателей и Люб. природы, въ статьѣ „Доисторическій періодъ“.

переполняясь, выходитъ изъ своего русла, заливаешь боковой входъ и выходитъ наружу черезъ главный выходъ нижней пещеры¹⁾. Здѣсь подъ слоемъ овечьяго гуана и буровато-красной глины, толщиною въ 8--10 вершковъ, встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ глиняные черепки амфоръ римской эпохи.

Въ слѣдующемъ, черноземномъ слоѣ, толщиною въ 6—7 вершковъ, обнаружена прослойка золы (очагъ), въ немъ же встрѣчаются обожженные кости животныхъ, масса глиняныхъ черепковъ посуды чернаго цвѣта, горшечки бомбообразной формы, глиняныя прясла или пуговицы скиѣско-сарматскаго времени.

Въ слѣдующихъ слояхъ, также въ массѣ, попадаютъ: кости животныхъ, черепки глиняной посуды болѣе грубой работы, куски кремня, гальки, песчанья плиты съ ясными слѣдами шлифовки, костяные наконечники стрѣлъ и, наконецъ, въ послѣднемъ слоѣ тоще-каштановой глины, на глубинѣ 1¹/₂—2 арш., найдены кремневья орудія, въ видѣ круглыхъ отбойниковъ, серповидныхъ пилъ, треугольныхъ и листовидныхъ наконечниковъ копій, скребковъ, куски кремня, костяныя заколки или шилья, раковины съ просверленными дырками, масса костей животныхъ, частью обожженныхъ, черепки глиняной посуды (грубой работы).

Всѣхъ кремневыхъ орудій найдено до 20 штукъ, не считая желваковъ и мелкихъ осколковъ кремня:

Отбойники. Отбойниковъ найдено три, изъ коихъ: 1) одинъ яйцевидной формы, длиною въ 10 сант., шириною 7¹/₂ сант., толщиною 5 сант.; низъ и верхъ его не оббитъ и состоитъ изъ естественной корки кремневаго желвака, края же его оббиты; носъ отбойника покрытъ характерными звѣздочками, образовавшимися отъ частыхъ ударовъ или нажимовъ при обработкѣ кремневыхъ орудій, отчего онъ и имѣетъ видъ изгрызеннаго; форма его очень удобна для обхвата рукой. 2) Второй отбойникъ имѣетъ ромбическую форму, длиною 8 сант., шириною 7 сант. и толщиною 3 сант. По отбивкѣ тождественъ съ первымъ и также удобенъ для обхвата рукою. 3) Третій отбойникъ имѣетъ форму почти правильнаго полушарія, діаметромъ 6 сант. Вся выпуклая сторона его покрыта характерными звѣздочками, полученными отъ ударовъ. Отбойники безусловно служили какъ молоткомъ, такъ и нажимникомъ для нанесенія ретуши и для отдѣленія кремневыхъ пластинъ отъ ядеръ.

¹⁾ „Землевѣдѣніе“ 1911 г. 1—2 кн. П. Петрова.—„Крымскія пещеры, Іэль-хоба и Харанлы-хоба.

Пилы. 1) Одна серповидная пила длиною 11 сент., шириною 4 сент., толщиною въ среднемъ 1 сент., хорошей, тонкой ретуши, вогнутыя части зазубрены. 2) Вторая пила по обработкѣ, величинѣ и формѣ тождественна съ первой. 3) Третья пила имѣеть трехугольную форму,—длинною $9\frac{1}{2}$ сент., шириною 6 сент., толщиною 1 сент. Въ среднемъ она также покрыта тонкою ретушью.

Наконечники. Кремневый наконечникъ копья въ формѣ лавроваго листа, длиною $9\frac{1}{2}$ сент., шириною $3\frac{1}{2}$ сент. Имѣеть въ поперечномъ разрѣзѣ чечевидно-удлиненную форму, съ почти плоскимъ основаніемъ; очень тонкой работы.

Кромѣ этихъ изящныхъ кремневыхъ орудій, еще найдены обломки такихъ же пилъ и наконечниковъ копій. Найдень ножъ или скребокъ, трехгранной формы, длиною 7 сент., конецъ котораго сколотъ такъ, что имѣеть форму долота.

Изъ полированныхъ орудій найдень только молоточекъ, сдѣланный изъ песчаника, длиною 11 сент., шириною 2 сент. толщиною 1 сент., съ дыркою посрединѣ, діаметромъ $\frac{1}{4}$ сент. Тамъ же найдены песчанья плиты толщиною въ $1\frac{1}{2}$ —2 вер., величиною въ $\frac{1}{2}$ листа писчей бумаги; одна сторона плиты отполирована; плиты, видимо, служили для полировки ножей и костяныхъ подѣлокъ. Кромѣ плитъ, тутъ же собрано нѣсколько черныхъ морскихъ галекъ, одна сторона которыхъ отшлифована.

Костяныхъ подѣлокъ найдено здѣсь всего четыре: три заковки или шила и одна рукоятка костяного ножа. Одно шило круглое, длиною 9 сент., съ широкой и плоской головкой съ просверленной дыркой въ головкѣ. Другое шило или заковка болѣе грубой работы, сдѣланное изъ трубчатой кости, длиною въ $6\frac{1}{2}$ сент., также съ небольшимъ отверстіемъ въ головкѣ. Третье шило длиною въ 4 сент., съ круглымъ стержнемъ, имѣеть двойную, рѣзную головку.—Рукоятка отъ костяного ножа, овальной формы, длиною 12 сент., вырѣзанная изъ рога какаго-то животнаго.

Кромѣ этихъ костяныхъ подѣлокъ, было собрано нѣсколько штукъ каменистыхъ костей барановъ. Каждая изъ этихъ косточекъ сточена съ одной стороны, благодаря чему они при бросаніи становятся стоймя; отсюда можно заключить, что они употреблялись для игры въ кости. Въ наши дни такими же точно костями играютъ мѣстные дѣти въ игру въ „ашики“, а взрослые въ деньги.

Изъ украшеній найдено нѣсколько морскихъ раковинъ (типа морскихъ блюдечекъ) съ просверленной дырой въ вершинѣ.

Изъ керамики найдено три небольшихъ глиняныхъ кувшинчика, безъ ручекъ, грубой, ручной работы, съ плоскимъ дномъ, по формѣ напоминающихъ, горшечки скиѣско-сарматскаго времени, а также нѣсколько обломковъ отъ такихъ же глиняныхъ кувшинчиковъ, но съ четырехъ-гранными дырками, сдѣланными граненой палочкой, что видно по грубости ихъ исполненія. Кромѣ того, собрано нѣсколько черепковъ съ простыми линейнымъ орнаментомъ; нѣкоторые изъ черепковъ имѣли выпуклыя ушки, служившія, какъ видно, для подвѣшивания. Глиняные кувшинчики, а также черепки глиняной посуды, лежали вмѣстѣ съ кремневыми орудіями; отсюда можно заключить, что вся найденная керамика относится къ эпохѣ кремневыхъ орудій.

Среди этого культурнаго слоя находился очагъ; около него собрана масса костей животныхъ, при чемъ часть костей была обожжена. Изъ собранныхъ костей преобладали коренные зубы лошади, овцы, а также кости свиней, оленей и другихъ животныхъ. Заканчивая описаніе найденныхъ предметовъ каменнаго вѣка при раскопкахъ въ пещерѣ Кизиль-хоба, мы должны констатировать фактъ, что всѣ найденныя здѣсь кремневыя и костяныя подѣлки относятся къ концу неолита. Къ нашему удивленію, при этой: раскопкѣ нами ничего не встрѣчено отъ времени палеолита. Смѣемъ думать, что, продолжая раскопки глубже въ слоѣ брехчій, мы могли бы встрѣтить предметы болѣе глубокой старины, до палеолита включительно.

II. Раскопки на берегу рѣки Алмы.

Въ 1915 году, работая на постройкѣ Бешуйскаго шоссе, намъ удалось въ откосѣ строящейся дороги обнаружить торчащіе глиняные черепки и среди нихъ нѣсколько кремневыхъ скребковъ и наконечникъ кремневаго копья. Къ сожалѣнію, намъ не удалось присутствовать при выемкѣ земли, вслѣдствіе чего нельзя было прослѣдить, какъ и въ какомъ порядкѣ находились предметы, а только собрать въ развезенной землѣ сотни осколковъ кремня и десятки скребковъ, черепки глиняной посуды, кости животныхъ и нѣсколько частей челоуѣческаго черепа.

Откосъ дороги, въ которомъ обнаружены кремневыя орудія, находится въ четырехъ верстахъ отъ дер. Саблы, на правомъ

берегу рѣки Алмы. Здѣсь находится поляна, окруженная съ сѣвера и востока холмами; конусы поляны ограждены выходящими діоритовыми породами, спускающимися отрогами къ рѣкѣ. Поляна находится саженъ на 8 выше уровня рѣки. Разрѣзъ поляны, сдѣланный выемкой дороги, состоитъ изъ двухъ-аршиннаго слоя дѣвственной, красноватой глины; лѣвая часть поляны, глядя со стороны рѣки, занесена рѣчнымъ гравіемъ, который образуетъ здѣсь бугоръ длиною въ 5—6 саж., сходящій на нѣтъ къ мѣсту обнаруженной стоянки. Здѣсь въ откосѣ, на глубинѣ аршина, мы обнаружили зольный слой, толщиною 8—10 верш., въ которомъ при раскопкѣ были найдены: отбойники, пилы, наконечники, нѣсколько скребковъ, кремневыхъ желваковъ.

Кремневая и костяная подѣлки находились между черепками глиняной посуды. Убѣдившись, что здѣсь находится стоянка доисторическаго человѣка, мы произвели небольшую раскопку, позади откоса, отступя на аршинъ назадъ. Тутъ, на глубинѣ 1-го аршина, стали попадаться черепки глиняной посуды, кремневые скребки, куски неотбитаго кремня и кости животныхъ. На глубинѣ же $1\frac{3}{4}$ аршина стали попадаться глиняные черепки посуды, куски кремня, а ниже, на глубинѣ 2 арш., встрѣтился зольный прослой, въ которомъ попадались куски древеснаго угля, кремневая орудія, въ видѣ кремневыхъ пластинъ, круглой и продолговатой формы, грубой отбивки, а также и цѣлые куски кремня.

Отбойники: найдено два, оба овальной формы, бока которыхъ тщательно отбиты. Особенно хорошъ одинъ отбойникъ, правильно-яйцевидной формы, длиною въ 11 сант., шириною 8 сант., толщиною въ верхней части его $6\frac{1}{2}$ сант., въ нижней $4\frac{1}{2}$ сант., покрытый тщательно ретушью съ боковъ. Другой, полусферической формы, въ діаметрѣ 7 сант., высотой 5 сант.

Пилы: найдена одна, треугольной формы, длиною 9 сант., основаніемъ $6\frac{1}{4}$ сант.; края ея искусственно зазубрены, верхъ покрытъ крупной ретушью.

Наконечники: найдено два. Одинъ имѣетъ копьевидную форму, длиною 8 сант., толщиною 3 сант. Другой наконечникъ имѣетъ треугольную форму, стороны котораго равны 6 сант., вышиною въ 5 сант., и одинъ край котораго отбитъ остро съ двухъ сторонъ, въ разрѣзѣ имѣетъ видъ выпукло-вогнутого стекла. Оба покрыты крупной ретушью.

Кромѣ того, найденъ ножъ длиною 7 сант., шириною 2¹/₂ сант., а также собрана масса скребковъ различной формы. Изъ костяныхъ подѣлокъ найдено массивное костяное шило или затычка, сдѣланное изъ рога, хорошо заостренное, длиною въ 11¹/₂ сант.

Изъ керамики собраны глиняные черепки круглодонной и плоскодонной посуды значительныхъ размѣровъ; нѣкоторые черепки покрыты линейнымъ орнаментомъ, а на нѣкоторыхъ черепкахъ видны слѣды ручекъ и ушковъ.

Изъ костей животныхъ собраны коренные зубы лошади, кости овцы и друг. животныхъ, а также отдѣльныя части человѣческаго черепа.

Сравнивая найденныя здѣсь какъ кремневыя орудія, такъ костяныя и глиняныя подѣлки и даже кости животныхъ съ предметами, найденными при раскопкѣ въ Кизиль-хоба, мы находимъ полное сходство между ними. Зато кремневыя орудія, найденныя здѣсь на глубинѣ двухъ аршинъ, какъ по формѣ, такъ и по обработкѣ совершенно не похожи какъ на своихъ верхнихъ сосѣдей, такъ и на Кизиль-хобинскихъ товарищей.

Такъ, здѣсь собрано до 20 штукъ кремневыхъ орудій, состоящихъ исключительно изъ овальныхъ и продолговатыхъ пластинъ, размѣръ которыхъ колеблется отъ 11 до 5 сант. длины и отъ 3—4 сант. ширины, толщиною не болѣе ¹/₄ сант. Всѣ эти кремневыя орудія покрыты очень крупной ретушью, а нѣкоторыя сдѣланы 2—3-мя ударами.

Сравнивая эти кремневыя орудія съ орудіями, найденными въ Кизиль-хоба и найденными Мережковскимъ въ разныхъ частяхъ горнаго Крыма, приходится отнести ихъ къ новой группѣ—или къ ранней порѣ неолита или къ концу палеолита.

Продолжая искать мѣста стоянокъ доисторическаго человека, намъ удалось обнаружить еще одну стоянку, отстоящую въ 1¹/₂ версты отъ первой найденной стоянки, также на правомъ берегу Алмы, внизъ по теченію, у устья рѣки Саблынки. Здѣсь, на вспаханномъ полѣ поляны, нами собрана тысяча трехгранныхъ продолговатыхъ скребковъ, стрѣлокъ, осколковъ кремня, масса кремневыхъ ядеръ, съ ясными слѣдами отбивки трехгранныхъ пластинъ, а также масса кремневыхъ чешуекъ, отколотыхъ при обработкѣ кремня. Здѣсь собраны десятки великолѣпныхъ скребковъ, самой разнообразной формы, миниатюрные наконечники стрѣлокъ съ хорошей мелкой ретушью. Всѣ здѣсь собранныя кремневыя орудія тождественны съ ору-

діями, найденними Мережковскимъ на полянахъ Кизиль-хоба и въ другихъ мѣстахъ горнаго Крыма.

По массѣ найденныхъ здѣсь кремневыхъ орудій, ядеръ и осколковъ навѣрное можно сказать, что здѣсь находилась стоянка доисторическаго человѣка, занимавшагося выработкой кремневыхъ орудій; и это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ 3-хъ верстахъ отсюда находится мѣсто рожденія кремня.

Кромѣ вышеуказанныхъ мѣстъ нахождения кремневыхъ орудій, мы находили, правда въ ограниченномъ количествѣ, кремневые орудія близъ деревни Ягмурча, въ урочищѣ Холодная балка, а также у второй желѣзнодорожной будки отъ Симферополя къ югу и на Мангупъ-кале. Всѣ кремневые орудія, попадавшіяся здѣсь, тождественны съ кремневыми орудіями, найденными въ другихъ частяхъ горнаго Крыма.

С. Заблукъ.

СПИСОКЪ

болѣ рѣдкихъ растений, акклиматизированныхъ на дачѣ
А. Л. Бертье-Делагарда въ гор. Ялтѣ.

„Если бы чѣмъ нибудь мановеніемъ вернули край въ растительномъ смыслѣ къ положенію, бывшему до русскихъ временъ,— можно съ увѣренностью сказать, что половина и даже болѣе осѣвшихъ въ немъ и пріѣзжихъ покинули бы его немедленно же“.¹⁾

Чарующая прелесть Южнаго берега, его притягательная сила, его обаяніе обуславливаются въ громадной степени тѣмъ богатымъ и разнообразнымъ растительнымъ покровомъ, состоящимъ преимущественно изъ южныхъ формъ, которыя привлекаютъ и поражаютъ вниманіе и воображеніе, въ особенности сѣверянъ.

Въ теченіе столѣтія десятки и сотни растительныхъ формъ были ввезены въ Крымъ, преимущественно изъ средиземноморской области, а также изъ болѣе влажныхъ мѣстъ субтропическихъ странъ (Южная Японія), акклиматизировались и образовали тотъ красивый вѣчно зеленый оазисъ, который такъ ласкаетъ нашъ взоръ, въ особенности въ зимнее время. Среди частныхъ лицъ, сдѣлавшихъ много для акклиматизаціи интересныхъ растений на Южномъ берегу, видное мѣсто должно занять имя Александра Львовича Бертье-Делагарда. Около 20-ти лѣтъ тому назадъ, пріобрѣтя въ Ялтѣ, по Аутской улицѣ, небольшой участокъ земли со склономъ къ югу и съ красивымъ видомъ на гряду горъ, обступающихъ Ялту, Александръ Львовичъ построилъ себѣ домъ и насадилъ цѣлый рядъ далеко не обычныхъ для нашего побережья растений. Отчасти онъ самъ описалъ нѣкоторыя изъ нихъ,¹⁾ болѣе полного списка однако не имѣется. Мы приводимъ здѣсь перечень этихъ растений съ указаніемъ ихъ родины и краткими замѣчаніями относительно ихъ роста. Несмотря на то, что Крымъ ежегодно посѣщается

¹⁾ См. А. Б. Д. Вѣчнозеленныя растенія въ садахъ южнаго берега Крыма. Одесса, Записки Крым. Горн. Клуба, №№ 7-й и 8-й, 1902 г.

десятками тысячъ туристовъ, описаній и даже перечней растений, разводимыхъ на Южномъ берегу, имѣется очень мало. Если назвать описаніе и путеводитель по Никитскому парку да книжку проф. В. И. Таліева „Растительность Южнаго берега Крыма“, то все же они не исчерпываютъ числа видовъ, разводимыхъ въ Крыму. И въ этой области знанія сказался оригинальный, творческій талантъ Александра Львовича, его любовь къ природѣ вообще, въ частности же къ растительному міру, его наблюдательность и удивительное умѣніе, соединенное съ чувствомъ красоты, съ какимъ онъ создавалъ свой маленькій акклиматизаціонный садъ.¹⁾

СПИСОКЪ

болѣе рѣдкихъ на Южномъ берегу растений, разведенныхъ въ саду
А. Л. Бертье-Делагарда въ гор. Ялтѣ.

- Alles grandis Lindl.** Родина Вост. часть С.-Америки отъ Британской Колумбіи до сѣверной Калифорніи. Растетъ тупо; мороза не боится.
- Abelia floribunda.** Мексиканскій красиво растущій кустъ; съ розовокарминнымъ цвѣтомъ, свыше-10° слегка примерзаетъ. Сем. Жимолистныхъ (Caprifoliaceae).
- Araucaria imbricata Pav.** Родина Чили. Величественное дерево, достигающее на родинѣ до 1000 м. У насъ растетъ тупо, но въ Массандрѣ и др. мѣстахъ достигаетъ большихъ размѣровъ.
- Akebia quinata.** Сильно, красиво и высоко вѣтается. Японское растеніе съ оригинальными фіолетово-коричневыми цвѣтами и плотной ягодой.
- Aucuba japonica** въ разныхъ варіаціяхъ. Сажать въ тѣни; въ концѣ зимы усыпана большими красными плодами; очень красива; при-10° слегка страдаютъ листья; сажать между женскими и мужскіе экземпляры для плодовъ. Японскій кустарникъ.
- Aralia Sieboldi.** Сажать въ тѣни; мороза не боится. Родина Канада.
- Asimina triloba L.** Влажное мѣсто и поливка; большіе вкусные плоды. Канада.

¹⁾ Во время совѣтской власти и социализаціи дачъ этотъ прелестный уголокъ могъ бы погибнуть. Комитетъ объединенныхъ научныхъ обществъ и учреждений Таврической губерніи, а также Союзъ садовниковъ въ Симферополѣ вынесли единогласное постановленіе принять всѣ возможные старанія къ его охранѣ отъ гибели.

- Arbutus andrachne.** Прекрасный ростъ; морозовъ не боится.
- Arbutus unedo.** Въ теплыя зимы красивые плоды; нѣсколько страдаетъ отъ мороза при—10°.
- Andromeda japonica.** Сажать въ тѣни; влажное мѣсто, лѣсная земля.
- Aspidistra elatior.** Сажаютъ въ густую тѣнь; слегка страдаетъ отъ большихъ морозовъ. Японское растеніе изъ сем. лилейныхъ.
- Acacia dealbata.** Растетъ сильно, но при морозѣ выше—6° горитъ до корня, отбивая сильную поросль; въ мягкую зиму хорошо и обильно цвѣтеть въ мартѣ мѣсяцѣ.
- Bambusa mitis**
” **nigra**
” **violascens**
” **aurea**
” **stricta.** Эти сорта бамбуковъ не боятся морозовъ; сильно и хорошо растутъ въ глубокой почвѣ и при обильной поливкѣ, но выносятся и за-суху. Лучшій изъ нихъ *B. violascens* достигаетъ 9 арш. роста.
- Biota orientalis phylliformis.** Это вѣчно зеленое хвойное изъ сѣв. Китая хорошо растетъ и ничего не боится.
- Benthamia fragifera.** Земляничное дерево изъ Неаполя, съ вкусными плодами. При морозѣ болѣе—6° страдаетъ.
- Bignonia capreolata**
” **grandiflora**
” **radicans**
(разн. сорта). Всѣ очень хорошо, сильно растутъ и ничего не боятся. Въмѣсто обычной *B. radicans* надо сажать ея садовыя разновидности съ болѣе яркими и обильными цвѣтами. Лианоподобное растеніе родомъ изъ Бразиліи.
- Berberis darwinii**
” **stenophylla.** Маленькіе, вѣчно зеленые кустики; ничего не боятся. Послѣдній сортъ бербериса есть помѣсь *B. darwinii* съ *empetrifolia*.
- Cedrus atlantica**
” **v. glauca arg.**
” **Deodora**
” **Libanii.** Всѣ превосходно и сильно растутъ, особенно *C. deodora*; въ 20 лѣтъ до 8 саж. высоты и вершковъ 12 въ поперечникѣ. *C. atlantica glauca arg.* растетъ медленно, но рѣдкой красоты съ серебристо-сизой хвоей.
- Chamaerops excelsa**
” **humilis**
” **hystrix.** Эта пальма растетъ сильно и хорошо, но при 10° нѣкоторые экземпляры совсѣмъ погибаютъ.
При—6°—7° страдаютъ листья: на зиму связывать и закрывать рогожей.
Ничего не боится; низкая, многостебельная кустовая пальма съ большими иглами. Очень рѣдка.

- Citrus trifoliata.** Дикій японскій вѣчно зеленый цитронъ. Сильно и превосходно растеть. Ничего не боится. Служить подвоемъ для лимоновъ, цитроновъ и мандариновъ.
- „ **japonica.** При—5° и болѣе очень страдаетъ; подъ мандарины сажать шпалерой къ стѣнѣ и прикрывать зимой, даже стекломъ.
- Cryptomeria japonica** Хорошо растутъ, но *C. elegans* прихотлива; „ **elegans.** свыше —7° обмерзаетъ и вовсе пропадаетъ.
- Cocos australis.** Рѣдкая пальма большой красоты; въ 8 лѣтъ достигла 4 арш. роста съ 30 листьями 2½—3 арш. длиною;—7 выдерживала безъ поврежденій.
- Camellia japonica.** Камелія отъ мороза почти не страдаетъ, но растеть хорошо только въ первые годы и при обильной поливкѣ, а иначе гибнетъ отъ сухости.
- Ceanothus azureus** Красивый кустъ изъ сем. крушиновыхъ „ и разновидности. (*Rhamnaceae*); обильно цвѣтеть.
- Choisya ternata.** Мексиканскій очень красивый вѣчно зеленый кустъ; обильно цвѣтеть зиму и весну; сильно пахнетъ.
- Crataegus pyracantha** Туземный, сильно растущій, осенью обильно „ **v. lalandi.** покрывающійся красивыми красными плодами.
- Cotoneaster micro-** Красивый ползучій кустъ, но растеть слабо „ **phylla.** въ сухихъ мѣстахъ.
- Coronilla glauca.** Сѣв. африканскій и южно европейскій кустарникъ изъ сем. бобовыхъ. При—10° довольно сильно страдаетъ; красивый кустъ; сильно цвѣтеть рано весной.
- Cunninghamia sinensis.** Растеть тупо и медленно; боится сухости и морозовъ, не стоитъ разведенія.
- Daphne genkwa** Маленькій южноевропейскій кустъ съ розовыми цвѣтами; стоитъ разведенія.
- Daphne indica.** Сажать въ тѣни и влажное мѣсто; хорошо растеть, мороза не боится; обильно и превосходно цвѣтеть въ концѣ зимы и весну; сильно душистые цвѣты.
- Diospyros kaki** (разп. Японская хурма. Обильно и хорошо плодоносить; лучшіе сорта—менѣе крупные: ранѣе сортовъ). созрѣваютъ и вкуснѣе.
- Elaeagnus pungens** Лохъ или ложная маслина. Превосходные, „ **et var.** вѣчно зеленые ползучіе кусты; обильныя ягоды весной; сильно растутъ и ничего не боятся.

- Eriobotrya japonica.** Японская мушмула. Листья мороза не боятся, но цветы, появляющиеся зимой уцѣлѣваютъ только въ мягкія зимы.
- Escallonia floribunda**
" **macrantha.** Мелкіе кустарники изъ Андовъ. Растутъ сильно и хорошо. *E. macrantha* свѣше—6° страдаетъ.
- Exochorda albertii**
Regel. Кустарникъ изъ Бухары. Хорошо растеть и обильно цвѣтетъ бѣлыми цвѣтами.
- Evonymus fimriatus.** Свѣше—7° страдаетъ. Обычный на южномъ берегу бересклетъ японскій; *Evonymus japonica*, сильно страдаетъ отъ щитовой тли.
- Fuchsia gracilis.** Въ морозы болѣе—2 сгораетъ до корня, но отбиваетъ сильную поросль и съ половины лѣта усыпана цвѣтами. Прелестный кустъ.
- Genista andreaana**
" **alba.** Эти красивые виды дрока ничего не боятся и хорошо растутъ.
- Gingko biloba.** Японская сосна.
- Hypericum moserian**
André (Помѣсь *H. Calycinum* ср *H. patulum*). Вѣчно зеленый низкій полукустарникъ.
- Holbelia latifolia.** Превосходное сильно и высоко вьющеся растеніе; усыпано душистыми цвѣтами рано весной. При—7° нѣсколько страдаетъ. Къ сожалѣнію весьма мало распространено.
- Hydrangea hortensis**
Sm. Эта гортензія любитъ тѣнь и свѣжую глубокую почву; поливку; тогда цвѣтетъ и растеть хорошо.
- Indigofera dosua hort.** Кустарникъ изъ Непала. Хорошо идетъ.
- Jasminum officinale**
" **nudiflorum.** Кустарники родомъ изъ С. Китая; хорошо растутъ и покрыты душистыми бѣлыми цвѣтами.
- Ilex japonica.** Превосходный, сильно растущій съ большими листьями подубъ; ничего не боится.
- Lagerstroemia indica L.** Родина этого красиво цвѣтущаго деревца Китай и Японія. Онъ прекрасно растеть, развивается; нуждается въ сильной обрѣзкѣ и очисткѣ весной отъ мелкихъ вѣточекъ; любитъ рыхлую почву и поливку лѣтомъ, и тогда пышно развивается; имѣется нѣсколько разновидностей; надо подбирать наиболѣе темнорозовую. Цвѣты мѣняютъ свою окраску; утромъ блѣдно, а вечеромъ интенсивно пурпуровые.

- Ligustrum lucidum** Эта бирючина (сем. масличныхъ) пре-
красно растеть въ южнобережскихъ садахъ.
- Libocedrus decurrens.** Калифорнійская туйя, растеть очень хорошо,
но на глубокомъ мѣстѣ и при обильной по-
ливкѣ.
- Magnolia grandiflora** Всѣ виды магноліи требуютъ глубокую почву
и обильной поливки.
" **soulangiana**
" **purpurea.**
- Musa japonica.** Бананъ любитъ глубокую почву, сильную
поливку, большое удобрение. Выдерживаетъ
зиму клубнями, но при -1° теряетъ листья, а
болѣе -5° даже стволъ.
- Myrtus communis.** Миртъ превосходно растеть и цвѣтеть.
Свыше -7° страдаетъ; сильная подрѣзка въ
нѣсколько лѣтъ разъ; иначе кусты ломаются.
- Nandina domestica.** Хорошій кустикъ; ничего не боится.
- Nerium oleander.** Олеандры растутъ и цвѣтутъ превосходно;
одинокое стоящее страдаютъ сильно при -10 ,
но скоро оправляются; махровые гораздо чув-
ствительнѣе и ихъ не слѣдуетъ держать въ
грунтѣ.
- Olea fragrans** Вѣчно-зеленые кустарники душистой ма-
слины, происходящей изъ Китая и Японіи. Ра-
стутъ сильно, ничего не боятся. Въ мягкую
зиму усыпаны душистымъ цвѣтами. *O. sinensis*
" **sinensis** растеть превосходно; густой вѣчно зеленый
Osmanthus ilicifolia кустъ, до пяти аршинъ ростомъ, но ни разу
" **rotundifolia.** растеть превосходно; не цвѣтшій.
- Orhiopogon japonicum.** Японскій ландышъ. Очень хорошъ для бор-
дюровъ; густо и сильно растеть; ничего не
боится; выдерживаетъ стрижку.
- Picea pungens ardentea** Прекрасная серебристая ель, происходитъ
изъ Скалистыхъ горъ. Растеть очень хорошо,
ничего не боится.
- Pinus halepensis** Иерусалимская сосна, растеть очень сильно,
особенно въ молодости.
" **insignis** При морозѣ -10 нѣсколько страдаетъ.
" **pinea** Величавая итальянская сосна или пинія.
Ничего не боится; растеть очень хорошо.
- Phyllyria angustifolia** Хорошо растеть, ничего не боится. Къ со-
жалѣнію, мало распространенъ.
" **latifolia.**
- Pittosporum tobira.** Прекрасный вѣчно-зеленый кустарникъ ро-
домъ изъ Китая и Японіи. При -10 страдаетъ,

- но вообще растеть очень сильно и цвѣтеть превосходно.
- „ *mayi.* Красивый кустъ, ничего не боится, но цвѣтеть мало замѣтнымъ цвѣтомъ, слабо и мало.
- Podocarpus macrophylla.* Хвойное родомъ изъ Новой Голландіи; тупо и медленно растеть.
- Prunus triloba.* Китайская дикая слива, очень хорошо растеть и цвѣтеть.
- Quercus ilex*
„ *suber.* Вѣчнозеленый или каменный дубъ. Превосходное вѣчно зеленое дерево; отлично стрижется. Растеть сильно.
Пробковый дубъ; растеть довольно туго.
- Passiflora coerulea.* Нѣжное полукустарное растеніе родомъ изъ тропической Африки. Пропадаетъ почти каждую зиму, но сильно отбиваетъ отъ корня и цвѣтеть хорошо. Требуется покрывки на зиму.
- Rhynchospermum jasminoides.* Китайскій жасминъ, превосходное высоко вьющее и ползучее растеніе. Обильно цвѣтеть весной и въ началѣ лѣта душистыми цвѣтами, напоминающими запахъ жасмина. Очень хорошій кустъ, ничего не боится.
- Rhuscus racemosa.* Индійскій вѣчно зеленый баярышникъ, обильно цвѣтеть, при—7 нѣсколько страдаетъ.
Маленькій кустикъ, цвѣтеть и душистъ, но растеть туго.
- Raphiolepis indica.*
„
Sterculia platanifolia. Превосходное большое дерево; къ сожалѣнію, листь распускаетъ очень поздно, въ половинѣ мая.
- Sabal palmetto*
„ *havanensis.* Виды С. Американской пальмы, выдерживаютъ—7 безъ порчи.
- Skimmia japonica.* Вѣчно зеленый японскій кустарникъ изъ сем. Rutaceae. Слабо растеть, не страдаетъ, цвѣтеть, но плодовъ не завязываетъ.
- Taxus baccata dovasonia*
„ *fastigiata*
„ *aurea.* Всѣ эти виды тисса ничего не боятся и хорошо растутъ.
- Welingtonia gigantea.* Величественное дерево изъ Калифорніи, очень хорошо и сильно растеть, но требуетъ поливки и совершенно свободного вокругъ мѣста, иначе оголяется.
- Uiburnum odoratissimum.* Пахучая калина, родомъ изъ Японіи. Свыше—5 очень страдаетъ, много лѣтъ не цвѣтеть.

- Uiburnum japonica** Эти виды вѣчно зеленой калины даже при
 „ **tinus juspensa.** —10° страдаютъ.
Uitis weitschi. Вьющійся виноградъ, очень сильно растетъ,
 ничего не боится, ползетъ по стѣнамъ, при-
 липая къ нимъ, осенью ярко красная листва.
Jucca aloeti tricolor. Ничего не боится; иногда завязываетъ плоды.
Veronica hybrida. Хорошо растетъ и цвѣтетъ ранней весной,
 но страдаетъ уже при морозѣ въ 5°.

Почти всѣ здѣсь показанныя вѣчно зеленыя растенія не сбрасываютъ листьевъ и у насъ зимою. Они испытали зиму 1910—1911 года, когда морозъ даже въ Ялтѣ доходилъ до —10° R.

Водяныя растенія.

- Aponogeton dista-** Луковичное водяное растеніе родомъ изъ
chyus L. Капланда. Прекрасно растетъ, легко размно-
 жается; цвѣтетъ обильными душистыми бѣ-
 лыми цвѣтами зимою или раннею весною. Къ
 удивленію, въ Ялтѣ оно рѣдко встрѣчается.
Nympaea mexiicana Желтая махрова кувшинка.
 „ **Laydekeri** Красная махровая.
 „ **Marliacii rosea** Розовая махровая, сильно растущая.
 „ **Chropiatella** Полевая махровая, сильно растущая.
 „ **alba plena.** Бѣлая махровая кувшинка.
Myriophyllum proser- Великолѣпное растеніе родомъ изъ Чили.
pinacoides. Сильно растетъ и заполняетъ бассейны.
Carex japonica alba Японская осока, сильно растетъ на мелкихъ
manginata. мѣстахъ.

Перечисленные виды водяныхъ растеній отъ морозовъ, какіе наблюдаются въ Ялтѣ, не страдаютъ.

Нами приведено около 117 растительныхъ формъ, собранныхъ А. Л. изъ разныхъ странъ свѣта и принявшихъ на нашей почвѣ подъ солнцемъ южнаго Крыма. Многія изъ перечисленныхъ растеній заслуживаютъ большого вниманія по своей красотѣ и успѣшности роста. Мы здѣсь не останавливаемся на условіяхъ ихъ культуры. Это сдѣлано для части изъ перечисленныхъ растеній самимъ А. Л. Бертье-Делегардомъ въ вышеупомянутой мною статьѣ о вѣчно зеленыхъ растеніяхъ.

Проектъ учрежденія въ Симферополь медико-хирургическаго училища.

Среди культурныхъ мѣропріятій императрицы Екатерины Великой относительно завоеваннаго въ ея царствованіе Россіей Новороссійскаго края не могло быть оставлено безъ вниманія народное образованіе, и главный начальникъ этого края Потемкинъ отнесся къ этому дѣлу со свойственной ему широтой размаха и проницательностію, не остановившись даже передъ мыслью объ учрежденіи въ этомъ краѣ университета. Согласно его представленію, указомъ 4 сентября 1784 года былъ учрежденъ въ новой столицѣ Новороссіи. Екатеринославѣ университетъ. Въ рескриптѣ Потемкину по этому поводу Екатерина Великая говорила, что „къ лучшему достиженію желаемаго успѣха изъ сего учрежденія и для пріуготовленія людей къ удобнѣйшему понятію вышнихъ наукъ необходимо нужно есть умноженіе народныхъ школъ“, и потому соизволяла, чтобы „оныя по городамъ Екатеринославской губерніи и области Таврической по образу принятому для Санктпетербургскихъ народныхъ школъ заведены были для подданныхъ какъ Россійскаго языка, такъ и тѣхъ, кои греческой, татарской или иной языкъ употребляютъ, устроая при томъ въ главныхъ городахъ помянутыхъ губерніи и области по одному главному народному училищу для большихъ классовъ и для обученія школьныхъ учителей“. При этомъ императрица предлагала принять всѣ мѣры къ скорѣйшему и удобнѣйшему учрежденію училищъ. Главнымъ начальникомъ народныхъ училищъ Таврической области былъ назначенъ ученый грекъ Панаіодоръ Никовуль. Въ ордерѣ правителю Екатеринославскаго намѣстничества Синельникову отъ 28 сентября того же года, по поводу учрежденія въ Екатеринославѣ университета, Потемкинъ писалъ, что въ этомъ заведеніи „не только науки, но и художества преподаваемы быть должны, какъ для подданныхъ Россійскихъ, такъ и для сосѣдственныхъ народовъ, наипаче единовѣрныхъ

съ нами“, для чего при университетѣ онъ предполагалъ учредить „Академію Музыкальную и Художествъ“ и намѣтилъ даже для этой академіи двухъ профессоровъ искусствъ.

Но появившаяся въ томъ же 1784 году въ Новороссійскомъ краѣ чума и, главнымъ образомъ, Вторая Турецкая война задержали развитіе школьнаго дѣла, какъ и другихъ культурныхъ мѣропріятій, въ этомъ краѣ вообще и въ частности въ Тавридѣ. „Весь ходъ жизни внутренней Новороссійскаго края, говоритъ его историкъ, казалось остановился съ половины 1787 года по 1791 годъ“, такъ какъ нужно было „довершить великое дѣло“ закрѣпленія за Россіей этого края¹⁾. Главное народное училище для Таврической области было открыто въ Симферополѣ уже послѣ смерти Потемкина, только въ 1793 году²⁾, университетъ въ Екатеринославѣ вовсе не былъ учрежденъ, но въ Елисаветградѣ было учреждено главное медицинское училище или медико-хирургическій институтъ съ цѣлію подготовки врачей для войскъ, расположенныхъ на югѣ Россіи, и для Черноморскаго флота.

Въ арміяхъ, находившихся въ Новороссійскомъ краѣ, и въ Черноморскомъ флотѣ ощущался тогда большой недостатокъ врачей, равно какъ и въ городахъ этого края, изъ которыхъ во многихъ, напримѣръ въ Керчи, довольно долго не было вовсе врачей. Существовавшія въ Россіи въ то время медицинскія заведенія не были въ состояніи снабдить этотъ отдаленный край достаточнымъ количествомъ врачей, равно какъ и притокъ врачей-иностранцевъ былъ не великъ, а Елисаветградскій медико-хирургическій институтъ выпускалъ недостаточное число медиковъ для нуждъ арміи, флота и Новороссійскаго края.

Въ виду этого преемникъ Потемкина по управленію Новороссійскимъ краемъ Зубовъ обратился къ Екатеринѣ 9 іюня 1794 года съ представленіемъ о крайней необходимости для предотвращенія дальнѣйшаго недостатка врачей и для снабженія ввѣреннаго ему края врачами, „не токмо въ своей наукѣ искусными, но знающими свойства наиболѣе въ томъ краѣ

¹⁾ А. Скальковскій. Хронологическое обозрѣніе Новороссійскаго края, ч. 1, стр. 198.

²⁾ Въ 1799 г., съ уничтоженіемъ Таврической области, это училище преобразовано въ малое народное училище и въ томъ же году въ уѣздное, съ учрежденіемъ при немъ особаго отдѣленія для обученія татаръ русскому языку и восточнымъ — татарскому, турецкому и персидскому, въ которомъ, по желанію, могли бы обучаться и дѣти—христиане.

бывающих болѣзней“, учрежденія медико-хирургическаго училища „по близости отъ нахождения арміи и флота“.

„Симферополь, говорилъ Зубовъ въ своемъ докладѣ, представляется мѣстомъ, къ сему заведенію наиудобнѣйшимъ. Воспитанники будутъ изъ грековъ отъ греческаго полку, въ Тавридѣ находящагося, которые, какъ рожденные въ Тавридѣ, пріобыкшіе къ тамошнему знойному климату, удобнѣйшимъ образомъ могутъ пріобрѣтать познанія о свойствахъ тамо существующихъ болѣзней, познанія необходимо нужныя къ содѣланію искуснаго врача“. Зубовъ прилагалъ къ своему ходатайству и штатъ предполагаемаго медико-хирургическаго училища и высказывалъ увѣренность, что если представленіе его удостоится утверждения, „съ достовѣрностью ожидать можно, что въ краткомъ времени снабжены будутъ искусными медицинскими чинами не только полки и флотъ, но и города, а паче тамошнія карантинныя“¹⁾.

Для устройства этого училища Зубовъ предполагалъ воспользоваться каменнымъ зданіемъ, сооруженіе котораго было начато для помѣщенія въ немъ областного правленія, и которое онъ считалъ возможнымъ окончить на сумму, оставшуюся свободной вслѣдствіе неосуществленнаго еще въ то время открытія въ Таврической области трехъ уѣздовъ—Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Фанагорійскаго и составлявшую 20752 р. въ годъ, которую, въ силу рескрипта Екатерины отъ 24 апрѣля 1784 г. даннаго Потемкину, слѣдовало употреблять именно на строенія и необходимыя ихъ исправленія. Остатки отъ этой суммы Зубовъ находилъ достаточными и на содержаніе самаго училища. Завѣдываніе училищемъ, устройство его во всѣхъ частяхъ и наблюденіе за этимъ устройствомъ онъ полагалъ поручить „извѣстному по способностямъ и учености своей“ доктору Колиньону съ жалованьемъ въ 1800 руб. въ годъ.

Къ своему ходатайству Зубовъ присоединилъ и примѣрный штатъ Симферопольскаго Медико-хирургическаго училища съ подробными объясненіями, изъ котораго видно, какой характеръ должно было имѣть это заведеніе. Штатъ этотъ отличается

¹⁾ Дѣло б. канцеляріи Таврическаго губернатора „О учрежденіи въ областномъ городѣ Симферополѣ медико-хирургическаго училища по высочайше подтвержденному штату и о построеніи для онаго дому“. 1794 г. св. 30.—Дѣло того же архива „Объ учрежденіи въ Таврической области медико-хирургическаго училища и опредѣленіи къ оному нѣкоторыхъ чиновъ“. 1794 г. № 36 св. 326. Ордера П. А. Зубова правителю Таврической области. Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм., № 18.

большой простотой и несложностью, какъ по количеству положенныхъ въ училищѣ наукъ, такъ и по числу преподавателей. „Лекціонному доктору“, съ жалованьемъ въ 600 р. въ годъ, поручались физиологія, патеологія, „матерія медика“, терапія и практика; анатомію и хирургию долженъ былъ преподавать „операторъ“, съ такимъ же жалованьемъ, химію и ботанику—фармакопистъ или аптекаръ съ жалованьемъ въ 500 руб. Для изготовленія необходимыхъ препаратовъ къ курсу анатоміи полагалась должность прозектора, съ жалованьемъ въ 300 р. Кроме того, въ Таврическомъ медико-хирургическомъ училищѣ должны были преподаваться и общеобразовательные предметы особыми учителями—однимъ латинскій и еллиногреческій языкъ, другимъ математика и россійскій языкъ, съ жалованьемъ по 300 руб. каждому. Такимъ образомъ, на содержаніе шести преподавателей требовалось всего 2600 р. въ годъ. Независимо отъ этого штата преподавателей, полагались при училищѣ подлекари для операций и аптекарскіе ученики изъ числа положенныхъ по штату на Таврическую область.

Училище должно было состоять изъ трехъ классовъ: теоретическаго, теоритико-практическаго и практическаго, по десяти человѣкъ въ каждомъ. Ученики перваго класса должны были слушать теоретическія лекціи, ученики второго класса должны были, кромѣ этого, и дежурить по очереди при училищѣ; ученики практическаго класса обязаны были слушать практическія науки и посѣщать госпиталь, гдѣ въ случаѣ надобности должны были и нести дежурство. Всѣ эти тридцать человѣкъ учащихся были пансіонерами и сообразно съ классомъ, въ которомъ находились, получали соотвѣтственное содержаніе: ученики перваго класса получали по 60 р. въ годъ (5 руб. въ мѣсяцъ), второго—по 72 р. (6 руб. въ мѣсяцъ), а третьяго по 84 руб. въ годъ (7 руб. въ мѣсяцъ). Воспитанники училища получали квартиру, по три человѣка въ комнатѣ, столъ и прислугу. Кроме тридцати пансіонеровъ, могли проходить положенныя въ училищѣ науки и „волонтеры“, безъ опредѣленія ихъ числа, за плату по 3 руб. въ мѣсяцъ, включая сюда и общій съ пансіонерами столъ.

По штату въ училищѣ полагалось шесть служителей: одинъ привратникъ, два служителя при классахъ и анатомическомъ театрѣ и три служителя на десять пансіонскихъ комнатъ, съ платой по 48 р. въ годъ, три прачки на собственномъ столѣ по 36 въ годъ и экономъ, которому положено было 120 руб. въ годъ, причемъ онъ обязанъ былъ въ счетъ этой суммы имѣть

и повара на своемъ содержаніи. Затѣмъ опредѣлено было по штату: на письменныя принадлежности 100 руб., на отопленіе 120 руб., на освѣщеніе 60 руб., на ремонтъ, поддержку чистоты въ домѣ и починки 240 руб. въ годъ. Всего на содержаніе училища назначено было 5776 р. въ годъ. Экономъ училища обязанъ былъ вести приходо-расходную шнуровую книгу, производя расходы всякій разъ съ вѣдома и разрѣшенія начальника училища, который по окончаніи извѣстнаго расхода долженъ былъ представлять счета губернатору для отсылки въ казенную палату.

Въ училищѣ предположено было преподавать повивальное искусство и производить привитіе оспы. Съ этою цѣлію отводились особыя комнаты въ главномъ зданіи училища для родильницъ и оспопрививанія. Лекціи бабкамъ долженъ былъ преподавать операторъ, какъ это было и въ Петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ.

Зданіе училища, согласно плану его, должно было состоять изъ нѣсколькихъ корпусовъ. Въ главномъ корпусѣ, длиною въ 12 сажень и шириною въ 8 сажень, должны были находиться классныя комнаты, анатомическій театръ, изолированныя комнаты для родильницъ и столовая для всѣхъ пансіонеровъ и волонтеровъ. Къ этому зданію прилегали два флигеля, каждый длиною въ 8 саж. и шириною въ 4 саж., съ комнатами пансіонеровъ и два другихъ, длиною въ 6 саж. и шириною въ 4 саж., для кухни и бани съ ванною и прачешною, квартиръ эконома и служителей и помѣщеній для прачекъ. На содержаніе этихъ зданій, причемъ главное должно было быть насколько возможно прочнымъ и окруженнымъ каменною оградой, было ассигновано по смѣтѣ 9680 руб.

На учебныя пособія отпускалось по смѣтѣ 600 руб. Анатомическіе и хирургическіе приборы предполагалось отпустить изъ главной аптеки. На оборудованіе училища столовой и кухонной посудой, бѣльемъ столовымъ и пр. положено было 120 р., на тридцать постелей, кровати и бѣлье 150 руб., на лошадь съ повозкою и упряжью для доставки воды 40 руб., ремонтъ же повозки и упряжи отнесенъ на расходы по ремонту и починку дома. Всего требовалось въ отпускъ одновременно на сооруженіе и оборудованіе училища 10500 рублей.

Училище должно было находиться въ вѣдѣніи правителя Таврической области, который обязывался часто посѣщать его, оказывать ему всяческое содѣйствіе и входить къ высшей власти съ представленіями относительно необходимыхъ въ немъ

улучшеній. Наблюденіе за училищемъ и учебною частію въ немъ входило въ обязанности директора, а надзоръ за внутреннимъ порядкомъ и поведеніемъ учащихся должны были нести по очереди учителя языковъ.

Это положеніе о медико-хирургическомъ училищѣ въ Симферополѣ было утверждено Екатериной 21 іюня 1794 г. Сообщая объ этомъ ордеромъ отъ 28 іюня правителю Таврической области Жегулину и препровождая ему копію штата медико-хирургическаго училища, Зубовъ предлагалъ ему немедленно представить какъ планы начатаго въ Симферополѣ каменнаго зданія, которое предназначалось для училища, такъ и подробныя смѣты, во что обойдется окончаніе его „сообразно предмету, для котораго оно опредѣлено“, и донести, какимъ способомъ будетъ выгоднѣе построить это зданіе, отъ казны ли или же подрядомъ. Относительно же отчисленія назначеннаго на построеніе училища и содержаніе его суммы изъ той, которую назначено было обратить на необходимыя въ области сооруженія, Зубовъ отнесся къ генераль-прокурору Самойлову, съ просьбой дать соответственное предписаніе Таврической казенной палатѣ. Онъ увѣдомлялъ Жегулина также о назначеніи директоромъ училища доктора Колинъона, который долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Симферополь.

Такого же содержанія ордеръ былъ вскорѣ отправленъ Зубовымъ и въ Таврическую казенную палату съ предложеніемъ отчислять необходимую сумму на содержаніе медико-хирургическаго училища въ Симферополѣ и на жалованье директору его Колинъону изъ суммы, остающейся свободной вслѣдствіе несостоявшагося открытія трехъ уѣздовъ—Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Феодосійскаго. Самойловъ отношеніемъ отъ 21 іюля того же года отвѣтилъ Зубову, что соответственныя распоряженія имъ сдѣланы, но при этомъ увѣдомлялъ, что на 1794-й годъ эта сумма уже распределена на нужды Таврической области.

Жегулинъ, увѣдомляя Зубова (25 іюля) о полученіи копіи указа объ учрежденіи въ Симферополѣ медико-хирургическаго училища и штата его, сообщалъ, что планы и подробныя смѣты зданія этого училища будутъ составлены и представлены въ возможно скоромъ времени, и представлялъ, что хотя было бы выгоднѣе построить это зданіе „отъ казны“, если бы можно было навѣрное считать, что всякаго рода мастеровые, нужные для этого дѣла, были бы даны полками, находившимися въ Таврическомъ полуостровѣ, но какъ очень много ихъ было

занято тогда производившимися казенными работами, то нельзя было надѣяться на полученіе рабочихъ отъ полковъ и по необходимости надо будетъ строить зданіе подрядомъ.

Съ своей стороны Таврическая казенная палата 27 іюля представила Зубову и Жегулину вѣдомость о томъ, на что распредѣлены были суммы, остававшіяся отъ неосуществленнаго еще открытія трехъ уѣздовъ области, на что употреблены и сколько оставалось, причемъ просила указать, что такъ какъ эта сумма по росписанію экспедиціи о государственныхъ доходахъ, составленному на 1794-ый годъ, назначена на постройки и нужный ремонтъ, особливо таможенъ съ ихъ магазинами и амбаровъ для склада необходимо нужныхъ товаровъ и т. п., то повелѣно ли будетъ на эти надобности употреблять деньги, остающіяся отъ незаполненнаго комплекта чиновъ, положеннаго по штату Таврической области, и отъ непроизводства жалованья членамъ совѣстнаго суда и магистратовъ, мѣщанскимъ засѣдателямъ, бургомистрамъ, ратманамъ и публичному нотаріусу, а равно можно ли отлагать остаточныя суммы отъ расходовъ, положенныхъ по штату на содержаніе карантинныхъ, и употреблять на сооруженіе и ремонтъ зданій. Всего за произведенными уже расходами, м. пр. по Бахчисарайскому дворцу, было въ остаткѣ 9,550 р. 78²/₃ к.

Предложеніемъ Таврической казенной палатѣ отъ 16 августа Зубовъ разъяснялъ, что сумму, остающуюся отъ неприведеннаго въ исполненіе открытія трехъ уѣздовъ и остающуюся отъ положеннаго штата о карантинахъ, необходимо употребить на устроеніе въ Симферополѣ и содержаніе медико-хирургическаго училища, а нужныя по Таврической области постройки и исправленія ихъ производить на суммы, остающіяся отъ жалованья разныхъ чиновъ и карантиннаго штата. Объ этомъ онъ сообщилъ и генераль прокурору Самойлову.

Такимъ образомъ, вопросъ о средствахъ на сооруженіе зданій и содержаніе училища болѣе или менѣе опредѣлился, но явилось другое затрудненіе къ скорому осуществленію открытія эгого училища, связанное съ мѣстомъ для его сооруженія.

Въ письмѣ Зубову отъ 25 іюля 1794 г. Жегулинъ докладывалъ, что въ Симферополѣ нѣтъ другого начатаго постройкой каменнаго зданія, которое могло бы быть употреблено для медико-хирургическаго училища, кромѣ основанія зданія, предназначеннаго для казенной областной аптеки, но на этомъ мѣстѣ уже постановлено быть церкви. Предоставляя Зубову рѣшеніе вопроса о томъ, быть ли на этомъ мѣстѣ церкви,

аптекѣ или медико-хирургическому училищу, Жегулинъ указывалъ, что для училища это мѣсто неудобно, такъ какъ, въ виду необходимаго устройства при немъ анатомическаго театра, училищу необходимо быть въ нѣкоторой отдаленности отъ областного дома и присутственныхъ мѣстъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Жегулинъ, ссылаясь на прилагаемый къ его письму составленный имъ планъ новой, незастроенной еще части г. Симферополя, высказывалъ мысль, что удобнѣе всего было бы построить зданіе медико-хирургическаго училища въ Симферополѣ „неподалеку отъ дороги, ведущей изъ Карасубазара къ Бахчисараю; оно надъ рѣкой Салгиромъ, возвышено и вѣтрамъ открыто“.

Къ своему письму Жегулинъ прилагалъ три плана: а) „Планъ основанія предполагаемой при губернскомъ городѣ Симферополѣ аптеки и возвышеніе стѣнъ въ фасадѣ;“ б) „Планъ губернскаго города Симферополя съ означеніемъ полагаемыхъ по проекту кварталовъ строенія“ и в) Планъ медико-хирургическаго училища Судя по первому изъ этихъ плановъ, фундаментъ зданія для аптеки, сооруженіе котораго было начато и затѣмъ остановлено, совсѣмъ не соотвѣтствовалъ размѣрами плану зданій медико-хирургическаго училища и былъ доведенъ всего до цоколя, такъ что необходимо было строить зданіе для училища съ самага основанія. Изъ плана новой части Симферополя вполнѣ выясняется справедливость мнѣнія Жегулина, что мѣсто, предположенное для постройки казенной аптеки и затѣмъ предназначенное для сооруженія собора, было для медико-хирургическаго училища неподходящимъ, какъ небольшое по пространству, слишкомъ центральное и находившееся въ тѣсной связи съ другими областными зданіями.

Вся часть города, предположенная къ застройкѣ, представляла тогда пустырь, съ немногими лишь казенными и частными постройками въ сѣверной его части, примыкавшими къ р. Салгиру. Объ этой мѣстности академикъ Палласъ нѣсколько позже говорилъ слѣдующее:¹⁾ „На площади, предназначенный для построенія Симферополя, стоитъ на разстояніи полуверсты отъ вѣзда въ городъ съ Перекопской дороги прекрасный губернаторскій дворецъ,²⁾ превращенный съ отмѣной здѣсь губернаторства въ казармы и помѣщенія для при-

¹⁾ Bemerkungen auf eine Reise in südlichen Stadthaltschaften des Russischen Reichs. Пер. Караулова и Сосногоровой въ Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Др., т. XII.

²⁾ На томъ приблизительно мѣстѣ, гдѣ теперъ находится зданіе губернскаго правленія.

существенныхъ мѣсть; кромѣ того, на этой площади построено еще нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ и домъ для училища¹⁾. Между губернаторскимъ домомъ и старымъ городомъ, почти въ срединѣ, на берегу Салгира, находится батарея, защищенная рвами, которыя изрыты теперь дождевыми потоками. Батарея эта построена Суворовымъ. Здѣсь долженъ быть построенъ соборъ²⁾.

Судя по плану Жегулина, мѣсто, предназначенное сначала для аптеки, а потомъ для церкви, находилось посрединѣ между зданіемъ губернскаго архива и пріютомъ Фабра. Жегулинъ рекомендовалъ болѣе удаленное и открытое мѣсто, у нынѣшней Θεодосійской улицы и городского бульвара, судя по плану, то, гдѣ въ настоящее время дома г. Огузъ. Это мѣсто представляло тогда пустырь, и здѣсь можно было отдѣлить для училища большой участокъ земли.

Плана Симферопольскаго медико-хирургическаго училища не сохранилось, но имѣется объясненіе къ нему, изъ котораго видно, что комнаты для пансіонеровъ Жегулинъ полагалъ устроить не на 30, а на 100 человекъ, что директоръ и всѣ другіе служащіе имѣли по плану квартиры при училищѣ, и что при училищѣ полагалась и аптека. Для анатомическаго театра онъ предполагалъ по его плану, и вполнѣ основательно, особое зданіе.

Какъ отнесся Зубовъ къ представленіямъ Жегулина, мы не знаемъ. Въ дѣлахъ имѣются только указанія, что директоръ Симферопольскаго медико-хирургическаго училища Колинъонъ получалъ жалованье по этой должнѣсти изъ суммъ Таврической области до конца 1794 года. Для руководства же дѣятельностью медико-хирургическаго училища Жегулину былъ препровожденъ „Планъ Императорскаго медико-хирургическаго училища и другихъ нѣкоторыхъ новоучрежденныхъ больницъ въ Санктпетербургѣ. Сочиненъ г. ст. сов. лейбъ хирургомъ Ея Императорскаго Величества и ордена св. Владимира кавалеромъ Иваномъ Генрихомъ Кельхенымъ. Переводъ съ французскаго языка Василія Джунковскаго. Въ Санктпетербургѣ 1794 года“.

Этимъ данными исчерпывается имѣющійся въ нашемъ распоряженіи архивный матеріалъ, касающійся учрежденія въ Симферополѣ медико-хирургическаго училища. Живая переписка по этому вопросу обрывается въ томъ же 1794 году, въ кото-

¹⁾ Онъ находился на мѣстѣ нынѣшняго дѣтскаго пріюта Фабра.

²⁾ Слѣды батареи еще сохранились. Это мѣсто занято теперь садомъ, архіерейскимъ подворьемъ и зданіями духовной консисторіи.

ромъ была начата, и мы не знаемъ, какія обстоятельства вызвали его перерѣшеніе. Во всякомъ случаѣ это были не матеріальныя причины. Быть можетъ, выяснилось затрудненіе найти при тогдашнихъ обстоятельствахъ на мѣстѣ достаточный контингентъ воспитанниковъ этого заведенія, а безъ этого условія все дѣло, конечно, не могло привести къ осуществленію тѣхъ цѣлей, ради которыхъ оно было задумано. Въ краѣ, въ которомъ только начиналось школьное дѣло, трудно было устроить заведеніе высшаго порядка. Вѣрнѣе однако предположить, что учрежденіе въ Симферополѣ медико-хирургическаго училища было только отложено за полнымъ отсутствіемъ здѣсь подходящаго и готоваго зданія, въ которомъ можно было бы устроить это заведеніе хотя на первое время. Со смертью же Екатерины и закрытіемъ Таврической области культурная жизнь Тавриды совсѣмъ замерла. Изъ словъ Палласа мы видѣли, что даже „прекрасный областной дворець“ въ Симферополѣ былъ отданъ подъ казармы; областныя казенныя зданія въ нѣсколько лѣтъ были приведены въ такое состояніе, что при учрежденіи Таврической губерніи въ царствованіе Александра I го всѣ они были разобраны, такъ какъ пришли въ полную негодность, и для губернскихъ учреждений пришлось строить новыя или нанимать частныя зданія, и губернаторы жили не въ городѣ, а на своихъ дачахъ—Бороздинъ въ Саблахъ, Муромцевъ у нынѣшняго городского пруда и т. д.

На томъ мѣстѣ, гдѣ первоначально было предположено Зубовымъ сооруденіе зданія для медико-хирургическаго училища, и гдѣ находился фундаментъ зданія казенной аптеки, другое зданіе долго не возводилось, и камень этотъ оставался на мѣстѣ до 1808 года, когда губернскою властью было испрошено разрѣшеніе „разобрать камень медико-хирургическаго училища для казеннаго строенія“, именно „на возведеніе зданія губернскаго правленія“⁵⁾. Тогда же былъ измѣненъ и составленный при Жегулинѣ планъ этой части города.

Въ своей маленькой архивной справкѣ мы остановились на неосуществившемся проектѣ открытія въ Симферополѣ высшаго учебнаго заведенія по двумъ причинамъ. Во первыхъ, въ настоящее время мысль объ учрежденіи въ Тавридѣ, въ частности именно въ Симферополѣ, высшаго учебнаго заведенія всгрѣчаетъ прежде всего то же затрудненіе, что и въ концѣ XVIII столѣтія, именно отсутствіе готоваго и подхо-

5) Дѣло архива б. Канц. Таврическаго губ. О разборкѣ зданій медико-хирургическаго училища, св. 72, № 25, 1808 г.

ходящаго для этой цѣли зданія. Во вторыхъ, этотъ хотя и не осуществленный проектъ учрежденія въ Крыму высшаго учебнаго заведенія спустя, всего десять лѣтъ послѣ его присоединенія къ Россіи, самъ по себѣ весьма знаменателенъ и ярко подтверждаетъ прекрасную и вполне вѣрную мысль инициатора учрежденія въ Крыму высшаго учебнаго заведенія въ наше время С. С. Крыма, что „въ научномъ вниманіи къ нашему краю соперничали и ученые и правительство съ первыхъ годовъ присоединенія Таврической области къ Имперіи и вплоть до нашихъ дней“.¹⁾ Дѣйствительно, Россія никогда не забывала Крыма и его культурныхъ и экономическихъ нуждъ. Надо думать, что и Крымъ не будетъ неблагодарнымъ и не забудетъ Россіи.

А. Маркевичъ.

¹⁾ Докладъ гласнаго С. С. Крыма Таврическому Губернскому Земскому Собранію чрезвычайной сессіи 15 августа 1916 года объ открытіи высшаго учебнаго заведенія въ Таврической губерніи и постановленія Собранія по этому вопросу.

О ТМУТАРАКАНИ.

Не такъ давно А. А. Спицынъ посвятилъ „Тмутараканскому камню“ обширную статью, въ которой приходитъ къ выводу, для него самого, повидимому, нѣсколько неожиданному, что „Тмутараканскій камень“ долженъ быть признанъ подлиннымъ. Надо думать, что больше спора объ этой подлинности не будетъ.

Сама по себѣ надпись на камнѣ лишена значенія: что въ 1068 году князь Глѣбъ мѣрилъ по льду разстояніе между Тмутараканью и Керчью и получилъ 14000 сажень—кому это важно? Самъ А. А. Спицынъ указываетъ, что суть надписи заключается для историка, прежде всего, въ томъ, что ея достаточно точно опредѣляется мѣстоположеніе „одного изъ русскихъ княжествъ“. Я бы такъ не выразился: Тмутаракань была не—одно изъ многихъ русскихъ княжествъ, точное географическое опредѣленіе которыхъ интересно развѣ для спеціалистовъ, а была однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ центровъ древнѣйшей Руси, и съ вопросомъ о Тмутаракани связанъ вопросъ и первыхъ порахъ русской культуры вообще и объ ея происхожденіи.

Извѣстно, что кievскій Начальный лѣтописный сводъ составленъ тенденціозно: всѣ тѣ факты, которые нельзя примирить съ доктриною о монархическихъ правахъ кievской династіи Рюриковичей и объ несконной связи русской церкви съ вселенскою константинопольскою церковью, или искажаются, или замалчиваются. Именно въ виду такого положенія дѣла очень знаменательно молчаніе кievской лѣтописи о Тмутаракани и болтливости ея о Херсонисѣ. О Тмутаракани въ лѣтописи упоминается впервые только въ связи съ „сыномъ Владиміра святого и братомъ Ярослава Мудраго“ Мстиславомъ, причемъ Мстиславъ представляется лѣтописцу гораздо болѣе черниговскимъ, чѣмъ тмутараканскимъ княземъ: хотя, правда, самъ же лѣтописецъ приводитъ, и самъ того не замѣчая, данныя, которыя заставляютъ усумниться въ правильности его взгляда.

Лѣтописецъ, ссылаясь на греческій источникъ, сообщаетъ, что въ 6360 г., „приходиша Русь на Царьгородъ“. Какая это Русь, не говорится: такъ какъ она дѣйствуетъ въ 852 г., т. е. до призванія варяговъ, лѣтописецъ ею не интересуется и упоминаетъ о ней вообще лишь потому, что ему показалось неудобнымъ промолчать о событіи, записанномъ „въ лѣтописаньи гречьстѣмъ“. Все вниманіе лѣтописца сосредоточено сначала на Новгородѣ и на Кіевѣ, пока устраивалась варяжская династія, потомъ на Кіевѣ и Константинополѣ, пока устраивалась русская церковь.

Если мы хотимъ возстановить подлинную исторію древнѣйшей Руси, независимо отъ политическихъ вождѣній кіевскихъ официальныхъ круговъ первой половины XI-го вѣка, мы должны обратиться къ инымъ источникамъ, греческимъ и, преимущественно, арабскимъ. Для этихъ источниковъ Русь живетъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, дѣлаетъ грабительскіе набѣги на прибрежныя византійскія области и даже на самый Константинополь, переправляется на Каспійское море, волокомъ перетаскивая свои суда изъ Дона на Волгу, грабитъ прикаспійскія области и торгуетъ всякимъ добромъ даже на рынкѣ Багдада. Городъ Руса, или Русія стоитъ не то у устья Дона, на Азовскомъ морѣ, не то на берегу Чернаго моря. Были у русовъ свои князья, была у нихъ своя цивилизація, уже въ срединѣ IX вѣка они — хоть часть ихъ — принимаютъ христіанство и имѣютъ богослужебныя книги на русскомъ языкѣ.

Экспансивныя стремленія черноморской Руси были, повидимому, очень сильны. Подробно мы, разумѣется, не знаемъ и, вѣроятно, никогда не узнаемъ, были ли у Тмутараканской державы сколько нибудь постоянныя границы, и гдѣ именно эти границы проходили. Для того, чтобы дѣлать далекіе походы и сражаться съ могучими сосѣдями, надо имѣть базу, надо имѣть свою область, гдѣ бы могли жить въ безопасности семьи воиновъ, гдѣ бы пребывало ихъ хозяйство и ихъ имущество. Судя по походамъ, черноморская Русь была богата людьми и должна была занимать обширную страну. Такою страню могли быть только степи Приазовскія и Донскія. На юго-востокѣ по черноморскому побережью жили абхазцы, на востокъ жили ясы и касоги, на сѣверо-востокѣ было хазарское царство, на западѣ въ Крыму находились византійскія владѣнія.

Тмутаракань была своего рода Кронштадтомъ, лежащимъ на далекой окраинѣ старины, защищавшимъ ея выходъ къ открытому морю. Черезъ Тмутаракань должна была идти вся тор-

говля между сѣверомъ и югомъ.—по Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тмутаракань была и военнымъ центромъ, чрезвычайно удобнымъ для всѣхъ тѣхъ экспедицій, которыя предпринимались тмутараканскими князьями.

Такъ было до Мстислава. И онъ еще дѣлаетъ въ 1022 г. походъ на касоговъ, т. е. на сѣверный Кавказъ. Но это былъ, повидимому, послѣдній походъ; онъ покорилъ касоговъ окончательно, и съ тѣхъ поръ они составляютъ его дружину. Съ ними вмѣстѣ и съ хазарами онъ отправляется завоевывать Сѣверскую землю.

Нужно прочесть весь рассказъ лѣтописи о томъ, какъ никому невѣдомый захолаустный князекъ идетъ на Кіевъ, какъ Ярославъ набираетъ варяжскую дружину и терпитъ пораженіе, какъ Мстиславъ забираетъ себѣ всю страну на востокъ отъ Днѣпра, и какъ Ярославъ не смѣлъ (такъ и сказано въ лѣтописи) возвращаться въ Кіевъ,—чтобы понять, что дѣло обстояло не такъ, какъ повѣствуетъ Кіевскій сводъ.

Лѣтопись по поводу битвы у Листвена, въ которой Ярославу было нанесено пораженіе, рассказываетъ такой анекдотъ: Мстиславъ поставилъ противъ варяговъ—(сѣверянъ, т. е. жителей черниговской страны, а „съ дружиною своею“ сталъ „по крилома“; сѣверяне разбили варяговъ; утромъ Мстиславъ „видѣ лежаща исѣчены свои Сѣверъ и Варягы Ярославлѣ, и рече: Къто сему не радъ? се—лежитъ Сѣверянинъ, а се—Варягъ, а *дружина своя цѣла*“. Едва ли такъ сталъ бы говорить князь черниговско-сѣверскій, если бы онъ себя чувствовалъ именно черниговско-сѣверскимъ княземъ, если бы Сѣверъ былъ ему роднымъ, а не былъ завоеваннымъ краемъ.

Въ Черниговѣ Мстиславъ началъ строить Спасскій соборъ. Къ моменту своей смерти, къ 1036 году, онъ не успѣлъ закончить постройки: доканчивать пришлось преемникамъ Мстислава. Но фундаменты и низы стѣнъ возведены между 1026 и 1036 годами. И мы видимъ, что по самому своему плану и замыслу черниговскій Спасъ никоимъ образомъ не можетъ быть связанъ съ Константинопольскимъ зодчествомъ, но имѣетъ ближайшія аналогіи въ Абхазіи и на Кубани. Если имѣть въ виду всѣ только что изложенные факты, это не можетъ, конечно, насъ удивить.

Но вотъ что удивительно: и кіевская св. Софія, заложенная еще въ 1017 году, гораздо раньше появленія Мстислава въ Черниговѣ, тоже не можетъ быть возведена ни къ херсонисскимъ, ни къ константинопольскимъ образцамъ, а только къ тѣмъ же

абхазскимъ и кубанскимъ, и тоже становится вполнѣ понятной только какъ звено въ эволюціи не цареградской архитектуры, а кавказской. Что же это значить?

А это значитъ, что культурное вліяніе Тмутараканской Руси не Мстиславомъ началось, какъ оно имъ не кончилось. Гораздо раньше, чѣмъ Мстиславъ усвоилъ себѣ сѣверную, сѣверскую политическую „оріентацію“, какъ теперь принято выражаться, гораздо раньше чѣмъ онъ подчинилъ своей власти всю „лѣво-бережную Украину“, существовало культурное теченіе изъ приазовскаго края и изъ Придонья на сѣверо-западъ. Оно подготовило христіанизацію Кіева, которая, конечно, не случилась такъ, какъ представляетъ кіевская лѣтопись, по щучьему велѣнію -- по Владимірову хотѣнію, сразу и внезапно, а было подготовлено . . . кѣмъ? не константинопольскими же греками, и не варяжскими же купцами, чуждыми -- и тѣ, и другіе -- кіевлянамъ! Оно это тмутараканское теченіе, принесло въ Кіевъ и тѣ художественныя формы, которыхъ требовалъ новъй культъ.

Я сказалъ только что, что не Мстиславомъ кавказское культурное вліяніе и закончилось. Въ самомъ дѣлѣ, есть одинъ удивительный текстъ, который до сихъ поръ, какъ будто, не оцененъ по достоинству, -- я говорю о рассказѣ Кіево-Печерскаго патерика о созданіи росписи Лаврскаго собора.

Въ Патерикѣ говорится о томъ, что явились въ монастырь „писци иконніи“, чудесно вызванные на работу -- откуда? разумѣется: изъ „богохранимаго Константина града“! Вѣдь было бы совершенно неприлично, если бы столь славная святыня оказалась расписанною не греческими, не столичными цареградскими „писцами церковными“. Только, нѣсколькими строками ниже, художники оказываются уже „греками и обезами“; и въ дальнѣйшемъ говорится о „грекахъ и обезахъ“. Обезы -- абхазцы; это совершенно недвусмысленно устанавливается, между прочимъ, повѣстью о нашествіи татаръ (1224), гдѣ обезы названы вмѣстѣ съ ясами и др. племенами, живущими между Каспійскимъ и Чернымъ морями.

Основаніе Кіево-Печерскаго собора Патерикъ относитъ къ 6581 (1073) году. Итакъ, послѣ 1073 года, въ концѣ XI вѣка, абхазцы -- художники являются въ Кіевъ и привозятъ съ собою мусію, „еюже святыи алтарь устроиша“. Именно XI-й вѣкъ -- вѣкъ процвѣтанія мозаичной живописи на Кавказѣ. . .

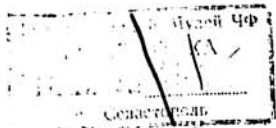
Мнѣ скажутъ: все это не ново! Вѣрно, все это высказывалось уже раньше; въ послѣднее время на крупномъ значеніи Тмутаракани въ начальную пору русской культурной исторіи

особенно настаивалъ Вл. Пархоменко въ своей книжкѣ о началѣ христіанства на Руси; о кавказскихъ образцахъ для древнерусскихъ каменныхъ храмовъ подробно говорилъ я въ послѣднемъ томѣ Византійскаго Временника, въ своихъ замѣткахъ о поздневизантійскихъ храмовыхъ росписяхъ.

Все это не пово. А сдѣлано ли то, что должно быть сдѣлано, если Тмутаракань — первая, древнѣйшая культурная столица Руси? Проведено ли — да что: проведено! начато ли, хотя бы, археологическое изслѣдованіе Тмутараканскаго края, систематическое и научное? Не знаю — не слышалъ. Такъ вѣдь надо же когда нибудь начать! Кому начинать? Ясно: тѣмъ, кто сейчасъ живетъ на старыхъ насиженныхъ мѣстахъ. Въ первую очередь, тому вновь основанному Ростовскому Историко-археологическому Институту, который долженъ стать археологическимъ центромъ Приазовской области. А затѣмъ: я полагаю, что до Тамани и до Кубани ближе изъ Крыма даже, чѣмъ изъ Ростова. Надо мобилизовать всѣ силы: Тмутаракань и Черноморскую русскую культуру надо еще открыть, открыть изъ-подъ земли, и въ этомъ наша очередная, неотложная задача.

Всѣ мы (и тѣ, кто его лично знаетъ, и тѣ, кто его лично никогда не видалъ), всѣ мы, изучающіе памятники древности южной Россіи, — почитатели и, до извѣстной степени, ученики А. Л. Бертье-Делагарда. Почтить старшаго товарища и учителя можно двояко: можно любовно остановиться на прошломъ, на томъ, что имъ сдѣлано, и можно работать дальше и идти впередъ, какъ шелъ впередъ онъ. Первое хорошо, но второе, по моему, лучше. Дружно впередъ, господа: намъ осталось сдѣлать еще очень много.

В. Шмитъ.

8546/2.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДЪ.

КРЫМСКІЙ ЭТЮДЪ.

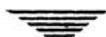
Сочиненіе это представляет обработку народнаго напѣва крымскихъ татаръ, извлеченнаго изъ рукописнаго сборника крымско-татарскихъ напѣвовъ (безъ текстовъ), предоставленнаго автору въ Ялтѣ Диларой Булгаковой.

Ладъ напѣва — золійскій; въ кадансѣ (заключеніи) второго предложенія характерное пониженіе второй ступени.

А. СПЕНДІАРОВЪ.

СЕНТЯБРЬ 1917 Г.

— ≡ —
— Изданіе Таврической Ученой —
Архивной Коммиссіи. —

Adagio melancolico. $\text{♩} = 50.$

PiANO.

mp

First system of a piano score. The right hand features a melodic line with eighth and sixteenth notes, while the left hand provides a steady accompaniment of quarter notes. A dynamic marking of *mp* is present in the right hand.

pp cresc. poco a poco

Second system of the piano score. The right hand continues the melodic development. A dynamic marking of *pp* is shown, followed by the instruction *cresc. poco a poco*.

mp cresc. poco a poco

Third system of the piano score. The right hand features a more active melodic line. A dynamic marking of *mp* is shown, followed by the instruction *cresc. poco a poco*.

riten. assai

a tempo

f

Fourth system of the piano score. The right hand has a more complex melodic texture. A dynamic marking of *f* is present. The instruction *riten. assai* is written above the right hand, and *a tempo* is written above the left hand.

ff

Fifth system of the piano score. The right hand features a dense, rhythmic texture. A dynamic marking of *ff* is present.

mp cresc. poco a poco

Sixth system of the piano score. The right hand features a melodic line with eighth notes. A dynamic marking of *mp* is shown, followed by the instruction *cresc. poco a poco*.

First system of a musical score. The right hand features a complex, rhythmic melody with many beamed notes. The left hand plays a steady eighth-note accompaniment. The dynamic marking *f* *dimin poco a poco* is placed above the right hand.

Second system of the musical score. The right hand continues with its intricate melody. The left hand accompaniment remains consistent. The dynamic marking *riten. assai* is placed above the right hand. A trill (*tr*) is indicated at the end of the right hand's line.

Third system of the musical score. The right hand melody is simpler, consisting of quarter and eighth notes. The left hand accompaniment is a steady eighth-note pattern. The dynamic marking *p* is at the beginning, and the tempo marking *a tempo* is placed above the right hand.

Fourth system of the musical score. The right hand melody is more active with eighth notes. The left hand accompaniment is a steady eighth-note pattern. The dynamic marking *mf espress.* is at the beginning. The tempo marking *Poco più lento.* is placed above the right hand.

Fifth system of the musical score. The right hand melody is simpler, with some rests. The left hand accompaniment is a steady eighth-note pattern. The dynamic marking *p* is at the beginning. The tempo markings *riten.* and *a tempo* are placed above the right hand.

Sixth system of the musical score. The right hand melody is more active with eighth notes. The left hand accompaniment is a steady eighth-note pattern. The dynamic marking *pp* is at the beginning. The tempo marking *riten. poco a poco* is placed above the right hand. A trill (*tr*) is indicated at the end of the right hand's line.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
5	3 сн.	казан	каза—и—
5	2 сн.	Карысы	Карые—и—
18	19 св.	мырзалафъ	мырзаларъ
21	20 сн.	явилихъ	явились
22	9 сн.	здѣтъ	здѣсь
29	2 сн.	Леонардова	Леопардова
30	5 св.	погози	помози
30 Къ выноску 4-ой прибавить: Подобная формула появилась впервые на серебряныхъ монетахъ Михаила VII Дуки (1701—1708), см. Sabatier, Monnaier byz., II, p. 176, № 6; Wroth, Cat. of the imp. Byz. coins. II, p. 532, 533, №№ 21—23.			
63—64 Выноски на 63 и 64 стран. надо переставить.			
66	3 сн.	№ h.	N. H.
69	1 сн.	Тох	Тох (лат.)
70	3 св.	Бориеөөнида	Борисөөнида
71	3 сн.	Greeks	Greeks
72	6 св.	Κόρινθιον	Κόρινθιον
„	10 св.	ἑσπλεῖν	ἑσπλεῖν
„	23 св.	относящаго	относящагося
„	28 св.	fances	fauces
„	8 сн.	эфебинскій	эфебическій
126	6 св.	созваннаго	созданнаго
127	15 сн.	Le	Je
„	9 сн.	Монхан	Montan
128	2 сн.	Nicita	Nikita
130	13 св.	Девлетъ-жаръ	Девлетъ-ханъ
138	17 сн.	респрессалий	репрессалий
143	3 сн.	возрослась	возросла
146	1 и 9 сн.	1) убійства: Бальбо	2) убійства Бальбо:
„	12 св.		
149	1 сн.	37	38
152	21 св.	огражденіи	ограждение
„	10 сн.	цѣрковныхъ	церковныхъ
156	12 сн.	всакомъ	всякомъ
164	18 св.	инцидентъ	инцидентъ
„	8 сн.	влаетей	властей
165	2 сн.	зумужемъ	замужъ
171	5 св.	1714	1474
188	10 сн.	киническій	киническій

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
193	7 сн.	ἀνώρειθ	ἀνώρειθ'
196	3 св.	Мемораб.	Мотогаб.
"	10 сн.	φαρτιχῶν	φορτιχῶν
238	12 сн.	Третеняковъ	Трстенякомъ
240	4 сн.	со	ео
242	4 сн.	Діафанти	Діофанта
243	20 св.	смѣшивала	смѣшивая
244	20 сн.	не	но
245	1 сн.	В. В. Латышева	Е. Э. Иванова
250	7 сн.	aulis	antis
"	2 сн.	развалинами	развалинами,
289	1 и 5 св.	1897	1907
303	6 св.	имѣло	имѣли
305	16 св.	первофланговый	правофланговый
329	13 сн.	два	для
353	12 сн.	кирчисцы	киргизцы
362	7 св.	можетъ	можетъ
375	12 сн.	ardentea	argentea
377	18 св.	Νυμφαα	Νυμφασα
381	20 св.	теоритико	теоретико—

Мелкія опечатки въ разстановкѣ надстрочныхъ знаковъ въ греческихъ словахъ благоволятъ исправить читатель.

